Терри Гудкайнд

Шестое Правило Волшебника

«Новая книга из легендарного цикла «Меч Истины»!»

Терри Гудкайнд

Меч Дракона

Шестое Правило Волшебника

TERRY
GOODKIND

TERRY GOODKIND

«Faith of the Fallen»

Терри Гудкайнд

Шестое Правило Волшебника, или Вера падших

издательство
АСТРЕЛЬ
Москва

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7Сое)-44
Г93

Серия «Век Дракона» основана в 1996 году

Terry Goodkind
FAITH OF THE FALLEN

Перевод с английского О. Ломакиной

Серийное оформление А. Кудрявцева

Художник А. Дубовик

Компьютерный дизайн С. Шумилина

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
Baror International, Inc. и Nova Littera Ltd.

Подписано в печать с готовых диапозитивов заказчика 11.05.2011.
Формат 84x108 1/32. Бумага газетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 40,32. Тираж 3000 экз. Заказ 1359.

Гудкайнд, Т.

Г93 Шестое Правило Волшебника, или Вера падших : [фантаст. роман] / Терри Гудкайнд; пер. с англ. О. Ломакиной. — М.: АСТ: Астрель, 2011. — 765, [3] с. — (Век Дракона).

ISBN 978-5-17-050828-0 (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 978-5-271-36107-4 (ООО «Издательство Астрель»)

Зло в мире можно победить, но — возможно ли убить его? Ведь Тьма, уничтоженная однажды, ждет лишь часа, чтобы вернуться вновь...

Ричард Сайфер победил шимов, подземных духов, и вернул в мир магию. А с магией возвратилось в мир и затаившееся доселе Зло. И на волоске висит теперь не только жизнь возлюбленной Ричарда Кэлен, но и судьба всего мира. Ибо сноходец Джегань, побежденный однажды, жаждет отмщения, и теперь власть его — много выше, чем раньше. Снова отправляется Искатель Истины сражаться с силой Мрака. Отправляется, чтобы победить — или погибнуть.

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7Сое)-44

ISBN 978-985-16-5094-7
(ООО «Харвест»)

© Terry Goodkind, 2000
© Перевод. О. Ломакина, 2002
© Издание на русском языке AST Publishers, 2011

Глава 1

на не помнила, как умерла.

С каким-то странным ощущением покоя она размышляла, не означают ли далекие сердитые голоса, звучащие в ее сознании, что ей вновь предстоит этот трансцендентный переход.

Если и так, она все равно ничего не может поделать.

Она не помнила, как умерла. Только смутно припоминала тихие шепчущие голоса — голоса говорили, что это так, что смерть забрала ее, но он прижался губами к ее губам и вдохнул в нее свое дыхание, свою жизнь — и воскресил. Она не знала, кто ей это сказал и кто такой «он».

В ту ночь, когда она впервые начала различать еле слышные бесплотные голоса, она осознала, что рядом — люди, и эти люди думают, что она вряд ли протянет до утра. Но теперь она знала, что пережила ту ночь. И все последующие ночи. Возможно, благодаря тем отчаянным молитвам и горячим клятвам, что тихо звучали возле нее в ту первую ночь.

Но — хотя она и не помнила, как умерла — предсмертную боль она помнила отлично. Эту боль она не забывала никогда. Помнила, как в одиночку сражалась с мужчинами, скалившимися, словно свора бешеных псов. Помнила град жестоких ударов, повергших ее на землю, помнила пинки, удары тяжелых кованых сапог, треск лома-

ющихся костей. Помнила кровь — столько крови! — на их руках, на сапогах. Помнила охвативший ее дикий ужас, когда от боли не могла ни крикнуть, ни охнуть.

Потом — через несколько часов, а может, и дней, она не знала, — когда она лежала на чистом белье в чужом доме и заглянула в его серые глаза, она поняла, что для некоторых жизнь припасла боль куда худшую, чем досталась ей.

Она не знала, как его зовут. Его исполненный скорби взгляд не оставлял сомнений, что она должна знать его. Должна помнить его имя лучше, чем собственное, — но не помнила. И это удручало ее больше всего.

Стоило ей закрыть глаза, как она встречала этот его взгляд, в котором, кроме страдания, была надежда — такую отчаянную надежду могла дать только искренняя любовь. И даже когда непроницаемая тьма заволакивала ее разум, она не позволяла этой тьме затмить свет его глаз.

Порой она вспоминала его имя, но потом забывала вновь. А иногда, когда боль становилась совершенно невыносимой, забывала и свое собственное.

И всякий раз, слыша его имя, Кэлен вспоминала, кто он. С отчаянной решимостью она цеплялась за это имя — Ричард, за свои воспоминания о нем, о том, что он для нее значит.

Даже позже, когда окружающие еще боялись, что она все еще может умереть, Кэлен знала, что будет жить. Обязана жить. Ради Ричарда, своего мужа. Ради ребенка, которого носит в своем чреве. Его ребенка. Их ребенка.

Грубые мужские голоса, называющие Ричарда по имени, наконец вынудили Кэлен открыть глаза. Она поморщилась от мгновенно ожившей боли, которую сон если не изгонял, то хотя бы притуплял. Помещение, где она лежала, наполнял мягкий янтарный свет. Освещение было неярким, и она пришла к выводу, что либо окна чем-то занавешены, либо близится закат. В своем нынешнем состоянии она не только утратила чувство времени, но и, просыпаясь, не представляла себе, сколько проспала.

Кэлен провела языком по пересохшим губам. Тело казалось налитым свинцом, ее тошнило, как когда-то в детстве, когда она съела три печеных яблочка перед путешествием на корабле в погожий ветреный день. Тогда было тепло, как сейчас. Так бывает летом. Она попыталась приподняться, но ее тут же повело, и разум начал тонуть в туманном море. Желудок взбунтовался — пришлось сосредоточить все силы, чтобы сдержать рвоту. Она

уже слишком хорошо знала, что сейчас нет ничего хуже рвоты. Глаза закрылись, и она начала проваливаться во тьму.

Но тут же усилием воли заставила себя вынырнуть из мрака и снова открыть глаза. Кэлен вспомнила: ей дают травы, которые успокаивают боль и помогают уснуть. Ричард отлично разбирается в травах. Что ж, по крайней мере эти настои погружают ее в отупляющий сон. Но боль, пусть и не столь острая, настигала ее и во сне.

Медленно, осторожно, чтобы не растревожить боль, при малейшем движении кинжалами втыкавшуюся в ребра, Кэлен сделала глубокий вдох. Легкие наполнились ароматом хвои и смолы. Желудок потихоньку начал успокаиваться. Но пахло не как в лесу, где запах деревьев смешивается с ароматами влажной земли, цветов и травы, пахло только что спиленной древесиной. Кэлен усилием воли сконцентрировала взгляд и разглядела за изножьем кровати стену из светлых свежих досок. Похоже, деревья рубили и стругали в спешке, хотя тот, кто это делал, явно обладал солидным опытом лесоруба.

Комнатка оказалась крошечной. Во дворце Исповедниц, где выросла Кэлен, такая каморка могла бы служить разве что бельевым шкафом. Кэлен понравилась маленькая деревянная комнатка. Она догадывалась, что Ричард построил хижину, чтобы защитить ее. Деревянные стены обнимали ее, как надежные руки Ричарда. Мрамор во всем своем великолепии никогда не действовал на нее столь успокаивающе.

Она разглядела на стене резьбу — летящую птичку, не больше ее ладошки, очерченную несколькими уверенными движениями ножа. Это — подарок Ричарда. Иногда, когда они сидели у костра, он вырезал из деревяшек разные фигурки. Птица, летящая прямо на Кэлен, излучала ощущение свободы.

Скосив взгляд вправо, она увидела коричневое шерстяное покрывало, занавешивающее дверной проем. Снаружи доносились обрывки злых, угрожающих фраз.

— Это не наша прихоть, Ричард... Нам нужно думать о собственных семьях... женах и детях...

Кэлен попыталась приподняться на локте. Острая боль пронизала руку и взорвалась в плече.

Охнув, она рухнула на спину. Сотни острых кинжалов мгновенно пронзили ребра. Усилием воли Кэлен заставила себя дышать помедленнее. Когда боль в ребрах и руке чуть стихла, она наконец позволила себе еле слышно застонать.

С расчетливым спокойствием она оглядела левую руку. Сломана. И тут Кэлен вспомнила, что, конечно, рука сломана. И мысленно отругала себя за то, что не вспомнила раньше. Ведь знала же, что травяные настои притупляют разум. Опасаясь сделать еще какое-нибудь неловкое движение, Кэлен сконцентрировала все усилия на том, чтобы восстановить ясность мысли.

Осторожно подняв правую руку, она стерла со лба испарину. Правый плечевой сустав ныл, но рука худо-бедно действовала. Кэлен порадовалась этой маленькой победе. Она коснулась глаз и поняла, почему ей больно смотреть на дверь. Пальцы бережно ощупали распухшие веки. Кэлен мысленно представила, какого все это цвета. Тошнотворно черно-синее. Когда пальцы коснулись ран на щеках, она словно притронулась к обнаженным нервам.

Не нужно зеркала, чтобы понять, насколько жутко она выглядит. Впрочем, она и так это понимала всякий раз, когда заглядывала Ричарду в глаза. И жалела, что не может мгновенно сделаться прекрасной и стереть из его глаз страдание. Знай он ее мысли, наверняка бы сказал: «Со мной все в порядке. Перестань беспокоиться обо мне и думай о том, чтобы поскорее выздороветь».

С горько-сладкой тоской Кэлен вспомнила, как они лежали с Ричардом, сплетаясь телами, в чудесной истоме, а его большая ладонь покоилась на ее животе. Как же это больно — желать снова обнять его и быть не в состоянии это сделать! Кэлен сурово сказала себе, что это всего лишь вопрос времени. Они вместе, остальное не важно. Само его присутствие — лучшее лекарство.

Она услышала голос Ричарда, сдержанно цедившего слова:

— Нам нужно только немного времени...

Какие-то мужчины говорили все разом, горячо и настойчиво:

— Это не потому, что мы хотим... ну, тебе следовало бы понять, Ричард, ты ведь нас знаешь... Но что, если из-за этого тут начнутся неприятности? Мы слышали о войне. Ты сам сказал, что она из Срединных Земель. Мы не можем позволить... Не допустим...

Кэлен прислушалась, ожидая, что вот-вот раздастся звон его меча. Ричард обладал чуть ли не безграничным терпением, но терпимости и у него было не так много. Кара, их телохранитель и друг, тоже наверняка там. А она-то не отличается ни терпением, ни терпимостью.

Однако вместо того чтобы достать меч, Ричард сказал:

— Я ни у кого ничего не прошу. Я лишь хочу, чтобы меня оставили с ней в покое в безопасном месте, где я смогу о ней позаботиться. Я хотел быть поближе к Хартленду только на случай, если ей что-то понадобится. — Он помолчал. — Пожалуйста... До тех пор, пока ей не станет лучше.

Кэлен хотелось закричать: «Нет! Не смей умолять их, Ричард! Они не имеют права заставлять тебя умолять! Не имеют права! Они никогда не поймут, на какие жертвы ты пошел!» Но она лишь с горечью прошептала его имя.

— Не испытывай наше терпение... Мы подпалим эту хибару, если придется! Ты не сумеешь справиться со всеми. Правда на нашей стороне!

Шум шагов, гул, тихие проклятия. Кэлен подумала, что вот сейчас наконец Ричард достанет меч. Но он лишь что-то спокойно ответил. Говорил он тихо, и Кэлен не разобрала слов. Повисло тяжелое молчание.

— Это не потому, что нам так хочется, Ричард, — наконец плаксиво проговорил кто-то. — У нас нет выбора. Мы должны заботиться о собственных семьях... и вообще...

— К тому же ты в этих красивых тряпках и со своим мечом сделался эдаким расфуфыренным, — заговорил другой, пылая праведным гневом, — совсем не таким, как прежде, когда был лесным проводником.

— Во-во! — встрял третий. — То, что ты где-то там побывал и повидал мир, не дает тебе права возвращаться сюда с таким видом, будто ты лучше нас!

— Я перерос то, что вы все считали моим уделом, — ответил Ричард. — Вы это хотели сказать?

— Я вижу, ты отвернулся от общества, отринул свои корни. Ты считаешь, что наши женщины недостаточно хороши для великого Ричарда Сайфера. Нет, куда там! Ему подавай какую-то бабу-чужачку! А потом являешься сюда и выставляешься перед нами!

— Почему? Что я сделал? Женился на женщине, которую люблю? Это, по-вашему, гордыня? Это отнимает у меня право на спокойную жизнь? И лишает ее права на лечение, исцеление и жизнь?

Эти люди знают его только как Ричарда Сайфера, простого лесного проводника, а не того, кем он стал сейчас. Он остался таким же, как был, просто эти люди никогда его не знали по-настоящему.

— Тебе следует на коленях молить Создателя исцелить твою жену, — заговорил четвертый. — Все люди — ничтожные черви. Ты должен молиться и просить Создателя, чтобы он простил все твои недостойные деяния и грехи — именно они навлекли Его гнев на тебя и твою женщину. А ты хочешь свалить свои беды на плечи честных трудовых людей. У тебя нет права навязывать нам свои беды и грехи. Это не то, чего желает Создатель. Тебе следовало бы подумать о нас. Создатель хочет, чтобы ты был покорным и помогал другим, — вот почему Он так с ней обошелся. Чтобы преподать вам обоим урок!

— Это он сам тебе сказал, Альберт? — поинтересовался Ричард. — Создатель пришел к тебе, чтобы сообщить о своих намерениях и высказать свои пожелания?

— Он говорит с каждым, у кого хватает покорности слушать его! — рявкнул Альберт.

— К тому же, — заговорил кто-то, — в этом Имперском Ордене, о котором ты нас предупреждаешь, есть кое-что стоящее. Не будь ты так туп, Ричард, ты бы и сам это понял. Нет ничего дурного в желании, чтобы со всеми обращались достойно. Это верная мысль. И справедливая. Ты должен признать, что такова воля Создателя и того же хочет Имперский Орден. Если ты не можешь хотя бы в этом признать пользу Ордена, тогда тебе лучше убираться отсюда, и побыстрее.

Кэлен затаила дыхание.

— Быть посему, — бесцветным голосом ответил Ричард.

Ричард знал этих людей. Он называл их по именам, напоминал им о прошлом, о том, что объединяло их. Он был терпелив с ними. Сейчас терпению его настал конец.

Послышались лошадиный храп, стук копыт — мужчины начали рассаживаться по коням.

— Утром мы вернемся и сожжем эту хибару. И лучше бы нам не застать здесь ни тебя, ни твоих, иначе сожжем и вас.

Осыпав его напоследок проклятиями, незваные гости ускакали. Топот копыт сотряс землю, и даже эти легкие толчки отдавались Кэлен болью в спине.

Она слабо улыбнулась Ричарду, хотя он и не мог этого видеть, и горько пожалела, что ему пришлось упрашивать этих людей ради нее. Ради себя самого — Кэлен знала твердо — он не стал бы просить ничего.

Занавеска на двери распахнулась, комнату залил солнечный свет. Кэлен поняла, что сейчас около полудня. Рядом с постелью возник Ричард.

Он был в одной черной безрукавке, без рубашки, без великолепной черной с золотом безрукавки, с обнаженными мускулистыми руками. У левого бедра висел магический меч. Солнечные блики играли на рукояти. Ричард был так высок и широкоплеч, что с его появлением комнатушка показалась еще меньше. Чисто выбритое лицо, резко очерченные скулы, жесткая линия рта, мощная стать, темно-русые волосы почти до самых плеч. Да, он был очень хорош собой, но когда-то Кэлен в первую очередь привлек незаурядный ум, светившийся в пронзительных серых глазах.

— Ричард, — еле слышно прошептала Кэлен, — я не хочу, чтобы ты ради меня кого-то упрашивал.

Его губы дернулись в подобии улыбки.

— Если захочу упрашивать, то стану. — Он поправил одеяло, тщательно укрыв Кэлен, несмотря на то что она обливалась потом. — Не знал, что ты проснулась.

— Сколько я проспала?

— Некоторое время.

Кэлен сообразила, что, должно быть, спала долго. Она не помнила ни как они приехали сюда, ни как Ричард строил этот домик.

Она чувствовала себя восьмидесятилетней бабкой, а не молодой женщиной на третьем десятке. Никогда еще ей не наносили ран, во всяком случае серьезных. Ну по крайней мере не столь серьезных, чтобы она очутилась на пороге смерти и столь надолго оказалась совершенно беспомощной. Это раздражало и начисто выводило из себя. Ощущение беспомощности причиняла куда больше страданий, чем боль.

Она была поражена неожиданно обрушившемуся на нее пониманию, насколько в действительности хрупка жизнь. Насколько хрупка она сама, Кэлен, и уязвима. В прошлом ей не раз приходилось рисковать жизнью, но, вспоминая эти эпизоды, она сомневалась, что верила тогда, будто с ней может произойти нечто подобное. И осознание реальности происшедшего сокрушало.

В ту ночь в ней что-то сломалось — какое-то представление о себе самой, уверенность в себе. Она могла погибнуть. Их ребенок мог погибнуть, еще даже не получив шанс на жизнь.

— Ты выздоравливаешь, — произнес Ричард, словно в ответ на ее мысли. — И это не пустые слова. Я вижу, что тебе гораздо лучше.

Кэлен посмотрела ему в глаза, набираясь храбрости, и наконец спросила:

— Откуда они в этой глуши знают об Ордене?

— Здесь проходили беженцы. И адепты Ордена добрались сюда, до моей родины. А ты знаешь, что их слова могут звучать очень заманчиво, если руководствоваться не разумом, а эмоциями. Истина никому не интересна. — Помолчав, он добавил: — Представители Ордена уехали. Эти олухи, что приходили сюда, только повторяли, что слышали, не более.

— Но они принуждают нас уехать. И по-моему, они из тех, кто слов на ветер не бросает.

Ричард кивнул и улыбнулся:

— А знаешь, мы совсем неподалеку от того места, где я встретил тебя впервые, прошлой осенью. Помнишь?

— Как я могу забыть?

— Тогда нам угрожала смертельная опасность, и мы были вынуждены покинуть эти края. Я никогда не сожалел об этом. С тех пор мы вместе. И пока мы вместе, ничто другое не имеет значения.

В комнату проскользнула Кара и встала рядом с Ричардом. Ее тень легла рядом с его тенью на голубое хлопковое одеяло. Затянутая в узкое красное облачение, Кара грацией напоминала хищную птицу: решительную, быструю, смертельно опасную. Длинные светлые волосы были заплетены в косу — символ морд-сит, элитной телохранительницы самого лорда Рала.

Ричард унаследовал морд-сит вместе с Д'Харой, страной, о которой он прежде и знать не знал. Он вовсе не искал власти, власть сама отыскала его. И теперь от Ричарда зависели судьбы очень многих людей. Весь Новый мир — Вестландия, Срединные Земли, Д'Хара.

— Как ты себя чувствуешь? — с искренней заботой спросила Кара.

— Лучше, — только и смогла хрипло прошептать Кэлен.

— Ну, раз тебе лучше, — заявила Кара, — скажи тогда лорду Ралу, что ему следовало позволить мне заняться делом и вколотить этим типам в голову должное уважение. — Грозный взгляд льдисто-голубых глаз на мгновение метнулся в ту сторону, где только что были люди, угрожавшие Ричарду. — Тем, кого я оставлю в живых, во всяком случае.

— Ну подумай сама, Кара, — сказал Ричард. — Мы не можем превратить это место в крепость и держаться начеку все двадцать четыре часа в сутки. Эти люди напуганы. Пусть и напрасно, но они считают, что мы представляем собой угрозу для них и их

семей. А у нас и без того забот хватает — зачем ввязываться в ненужную драку, когда можно ее избежать?

— Но, Ричард, ты построил все это... — Кэлен обвела рукой хижину.

— Только одну комнату. В первую очередь я хотел сделать кров для тебя. На это потребовалось совсем немного времени, надо было только срубить несколько деревьев и распилить. Остальное мы еще не построили. А эта комнатушка не стоит того, чтобы из-за нее проливать кровь.

Если Ричард казался спокойным, то Кара явно была готова грызть ногти.

— Не будешь ли ты столь любезна велеть своему упертому муженьку, чтобы он позволил мне кого-нибудь убить, пока я не спятила? Не могу я стоять и смотреть, как какие-то недоноски угрожают вам обоим! Я морд-сит!

Кара очень серьезно относилась к своим обязанностям защищать Ричарда — магистра Рала, владыку Д'Хары. И Кэлен. Когда дело касалось жизни Ричарда, Кара предпочитала сначала убивать, а потом уже разбираться. И это была одна из немногих вещей, которых Ричард не терпел.

Кэлен лишь улыбнулась в ответ.

— Мать-Исповедница, ты не можешь допустить, чтобы лорд Рал склонился перед волей этих придурков! Скажи ему!

Кэлен могла бы по пальцам пересчитать людей, которые звали ее просто Кэлен, не добавляя хотя бы титула «Исповедница». Свой нынешний титул «Мать-Исповедница» она слышала бессчетное количество раз с самыми разнообразными интонациями, от явно подхалимской до исполненной ужаса. А многие, преклоняя перед ней колени, не могли даже прошептать эти два слова дрожащими губами. Иные же, когда никто не слышал, шептали эти два слова с ненавистью.

Кэлен избрали Матерью-Исповедницей, когда ей едва исполнилось двадцать — самая молодая Исповедница, когда-либо назначавшаяся на этот высочайший пост, дающий огромную власть. Но то было несколько лет назад. Теперь она — единственная Исповедница, оставшаяся в живых.

Кэлен всегда терпеливо несла бремя власти, спокойно встречала преклонение, восторг, страх и ненависть. Но она не просто называлась, она *была* Матерью-Исповедницей — по праву преемственности и отбора, согласно обету и долгу.

Кара всегда звала Кэлен «Мать-Исповедница», только в устах Кары эти слова звучали чуть иначе, чем у других. В них слышался вызов, сдобренный легкой доброжелательной насмешкой. В устах Кары слова «Мать-Исповедница» звучали для Кэлен примерно как «сестра». Кара была родом из далекой Д'Хары, и с ее точки зрения никто и нигде не был выше морд-сит, кроме лорда Рала. Самое большее, что она могла допустить, — это считать Кэлен равной себе в обязательствах перед Ричардом. Впрочем, быть признанной равной Каре — само по себе награда.

Однако, когда Кара обращалась «лорд Рал» к Ричарду, это вовсе не звучало как «брат». Она говорила именно то, что хотела сказать, — господин, повелитель, лорд Рал.

Для тех мужчин, что сейчас приходили сюда с угрозами, понятие «лорд Рал» было чужым и далеким, как сама Д'Хара. Кэлен была родом из Срединных Земель, отделявших Д'Хару от Вестландии. Жители Вестландии ничего не знали ни о Срединных Землях, ни об Исповедницах. Несколько десятилетий три части Нового мира были разделены с помощью магии непроходимыми границами, и то, что лежало за этими границами, оставалось тайной, покрытой мраком. А прошлой осенью эти границы рухнули.

Потом, зимой, общий для всех трех территорий барьер, на протяжении трех тысячелетий ограждавший Новый мир от угрозы со стороны Древнего мира, прорвался, и из Древнего мира обрушился на них Имперский Орден. Вот так вот случилось, что в прошлом году мир перевернулся. Привычный уклад изменился стремительно.

— Я не позволю тебе убивать людей лишь за то, что они отказываются нам помогать, — ответил Ричард Каре. — Это ничего не решит, только навлечет на нас лишние неприятности. На то, что мы намеревались здесь построить, требуется совсем немного времени. Я думал, что тут нам ничего не грозит, но ошибся. Значит, двинемся дальше.

Он повернулся к Кэлен и куда более спокойным тоном продолжил:

— Я надеялся, что тут, на моей родине, ты сможешь оправиться от болезни в мире и спокойствии, но, похоже, родным краям я тоже не нужен. Прости.

— Тебя не хотят тут видеть только эти люди, Ричард. — В Андерите, как раз перед тем, как на Кэлен напали, народ отверг предложение Ричарда войти в состав Д'Харианской Империи,

боровшейся за свободу против Ордена. Андерцы добровольно приняли сторону Имперского Ордена. Теперь, похоже, Ричард, забрав Кэлен, решил уйти от всех и от всего. — А как насчет твоих *настоящих* друзей?

— У меня не было времени... Я хотел для начала построить убежище. И теперь опять нет времени. Может, позже...

Кэлен потянулась к его руке, но он стоял слишком далеко.

— Но, Ричард...

— Послушай, здесь оставаться небезопасно. Так-то вот. Я привез тебя сюда, полагая, что тут ты сможешь спокойно выздороветь и окрепнуть. Я ошибся. Здесь опасно. Мы не можем тут оставаться. Ты понимаешь?

— Да, Ричард.

— Нам надо двигаться.

— Да, Ричард.

Но Кэлен чувствовала, что за этим стремлением двигаться кроется что-то еще, куда более важное. Об этом говорило отстраненное, тревожное выражение, таившееся в глубине его глаз.

— А как же война? Ведь все зависит от нас. От тебя. От меня помощи ждать не приходится, пока я не поправлюсь, но ты всем нужен сейчас. Ты нужен Д'Харианской Империи. Ты ведь магистр Рал. Ты вождь. Что мы тут делаем? Ричард... — Она подождала, пока его взгляд обратится к ней. — Почему мы убегаем, когда все рассчитывают на нас?

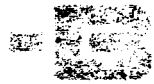
— Я делаю то, что должен.

— Должен? Ты о чем?

Он отвел взгляд, и по его лицу пробежала тень.

— Я... Мне было видение...

Глава 2

 идение? — изумилась Кэлен.

Ричард терпеть не мог все, что так или иначе связано с прорицанием. От пророчеств у него всю жизнь были одни сплошные неприятности.

Пророчества всегда опасны и, как правило, весьма запутанны, даже если на первый взгляд кажутся ясными. Неопытный человек чаще всего обманывается внешней простотой изложения. Буквально следование пророчествам не раз уже приводило к крупным потрясениям — от убийств до великих войн. В результате люди, работавшие с пророчествами, решили держать их в тайне.

На первый взгляд всякое пророчество есть предопределенность. Но Ричард твердо верил, что каждый человек сам творит свою судьбу. Когда-то он сказал Кэлен: «Пророчество может утверждать с точностью лишь то, что завтра снова взойдет солнце. Но оно никоим образом не говорит, как именно ты проживешь завтрашний день. И то, чем ты в этот день занимаешься, вовсе не есть исполнение пророчества, а выполнение твоих собственных дел».

Ведьма Шота предсказала, что если у Кэлен с Ричардом родится сын, он будет чуть ли не чудовищем, но Ричард уже не раз доказал, что пророчества Шоты, возможно, и верны, однако их смысл совсем иной, чем

кажется самой Шоте. Как и Ричард, Кэлен не была согласна с предсказаниями ведьмы.

Уже не раз подтверждалось, что Ричард относится к пророчествам единственно верным образом: он попросту не обращал на них никакого внимания и делал то, что считал нужным. И как раз благодаря его действиям пророчества исполнялись — правда, совсем не так, как их понимали прежде. Пророчества одновременно и подтверждались, и опровергались, ничего не определяя и лишний раз подтверждая, что все это — извечная тайна.

Дедушка Ричарда, Зедд, который помог вырастить внука совсем неподалеку от того места, где они сейчас находились, скрывал от всех не только то, что сам он, Зедд, — волшебник. Чтобы защитить внука, он утаил и то, что настоящий отец Ричарда — Даркен Рал, а не Джордж Сайфер, муж его матери. Даркен Рал, могучий волшебник, был чрезвычайно опасным и жестоким правителем далекой Д'Хары. Ричард унаследовал волшебный дар по обеим линиям. А убив Даркена Рала, он получил в наследство и правление Д'Харой, страной, во многом остававшейся для него такой же загадкой, как и собственный волшебный дар.

Кэлен родилась и выросла в Срединных Землях и почти всю жизнь прожила в окружении волшебников, но возможности Ричарда не имели ничего общего с даром, которым обладали те люди. Ричард владел не каким-то одним магическим даром, а многими, и не одной стороной магии, а обеими — и Приращением, и Ущербом. Он был боевым чародеем. Кое-что из его одежды хранилось прежде в замке Волшебника, и этих вещей до него не носил никто вот уже три тысячи лет — с момента смерти последнего боевого чародея.

Последнее время люди с даром рождались нечасто — Кэлен знала всего с десяток волшебников. Наиболее редко встречались среди волшебников пророки. Кэлен знала о существовании лишь двоих, причем один из них был предком Ричарда — вот откуда способность Ричарда к видениям. И все же Ричард всегда относился к пророчествам примерно так же, как к гадюке под подушкой.

Очень нежно, словно величайшую драгоценность, Ричард взял Кэлен за руку.

— Помнишь, я рассказывал тебе о тех дивных местах высоко в горах, которые знаю только я? Те особые места, которые я всегда мечтал тебе показать? Я отвезу тебя туда, и там нам ничего не будет угрожать.

— Д'харианцы связаны с вами узами, лорд Рал, — напомнила Кара, — с их помощью вас найдут где угодно.

— Ну, по крайней мере мои враги такими узами со мной не связаны. И не будут знать, где мы.

Каре, похоже, эта мысль пришлась по вкусу.

— Если люди в те места не ходят, то и дорог туда, стало быть, нет. Так как же мы доставим туда карету? Мать-Исповедница идти-то не может.

— Я сделаю носилки. И мы с тобой их понесем.

— Это мы можем, — задумчиво кивнула Кара. — По крайней мере если там нет людей, то вы будете в безопасности.

— В большей, чем здесь. Я надеялся, что местные оставят нас в покое, и не предвидел, что идеи Ордена доберутся так далеко. Ну, во всяком случае, не так быстро. Местные вообще-то не такие уж плохие ребята, к сожалению, они сами подогревают в себе такие настроения.

— Эти тру́сы сбежали под юбки своих баб. И не вернутся до утра. Мы можем дать Матери-Исповеднице возможность передохнуть, а потом, до рассвета, тронемся в путь.

Ричард многозначительно посмотрел на Кару:

— У одного из этих мужчин, Альберта, есть сын, Лестер. Както раз Лестер со своим дружком, Томми Ланкастером, попытались угрожать мне заряженными луками за то, что я помешал Томми кое с кем позабавиться. С тех пор у Томми с Лестером не хватает изрядного количества зубов. Альберт наверняка расскажет Лестеру, что мы здесь, и вскорости об этом узнает Томми Ланкастер. Сейчас, когда Имперский Орден одурманил их бреднями о благородной войне за правое дело, эти глупцы вообразят себя героями. Вообще-то обычно они не агрессивны, но сегодня выказали куда меньше благоразумия, чем прежде. Для храбрости они наверняка подогреют себя выпивкой. К этому времени к ним присоединятся Томми с Лестером и станут рассказывать о том, как я их избил. Они будут утверждать, что я опасен для порядочных людей, и еще больше заведут всю компанию. Поскольку они намного превосходят нас числом, очень скоро они придут к выводу, что убить нас — дело благородное, что таким образом они защитят свои семьи, сделают благо для общества и Создателя. Залившись до бровей и возжаждав славы, они не станут дожидаться утра и вернутся ночью. Нам нужно уходить немедленно.

Похоже, Кару это мало обеспокоило.

— Тогда подождем их, а когда они вернутся, покончим с этой угрозой раз и навсегда.

— Кое-кто из них прихватит с собой приятелей. Так что сюда явится целая толпа. В первую очередь мы должны думать о Кэлен. Я не могу подвергать риску никого из нас. К тому же этот бой нам ничего не даст.

Ричард стянул через голову древнюю кожаную перевязь, на которой висел в серебристо-золотых ножнах его меч, и нацепил на торчащий из стенки сучок. Кара сердито скрестила руки на груди. Она предпочла бы не оставлять в живых потенциальных противников. Ричард поднял с пола черную рубашку и надел на себя.

— Видение? — наконец снова спросила Кэлен. Какую бы угрозу ни представляли местные жители, сейчас они волновали ее меньше всего. — Тебе было видение?

— Ясностью образов это походило на видение, но, по-моему, это скорее откровение.

— Откровение? — Жаль, что она может лишь хрипло шептать. — И какую же форму это видение-откровение приняло?

— Понимания.

Кэлен уставилась на мужа.

— Понимания — чего?

Он начал застегивать рубашку.

— Осознав это видение, я начал видеть всю картину целиком. И тогда понял, что должен делать.

— Ага, — буркнула Кара. — И ты послушай, что именно. Давай, скажи ей.

Ричард сурово поглядел на Кару, та ответила ему не менее сердитым взглядом. Тогда он снова повернулся к Кэлен:

— Если я возглавлю эту войну, мы проиграем. И тысячи людей пожертвуют жизнью ни за что, а в результате весь мир окажется под властью Имперского Ордена. Если же я не возглавлю борьбу, Орден все равно захватит мир, но жертв будет гораздо меньше. И только так у нас еще останется шанс.

— После поражения? Ты хочешь сначала проиграть, а потом драться?.. Но мы не имеем права даже помыслить отказаться от борьбы!

— События в Андерите преподали мне хороший урок, — сдержанно, будто сожалея о своих словах, произнес Ричард. — Я не могу навязывать людям эту войну. Чтобы завоевать свобо-

ду, нужны усилия, чтобы сохранить ее, требуется бдительность. Люди не ценят свободу до тех пор, пока не потеряют ее.

— Но многие очень даже ценят, — возразила Кэлен.

— Таких единицы. Большинство даже не понимают, что это такое, им все равно. В этом смысле свобода — как магия. От нее люди тоже шарахаются, даже не пытаясь познать истину. А Орден предлагает им мир без магии и готовые ответы на все. Подчиняться и прислуживать легко. Я думал, что смогу убедить людей в ценности жизни и свободы, но в Андерите мне достойно продемонстрировали, насколько я был глуп и наивен.

— Андерит всего лишь одна страна...

— Дело не только в Андерите. Посмотри, какой везде разброд. Даже здесь, в стране, где я вырос. — Ричард принялся застегивать рубашку. — Неволить людей бороться за свободу — это в некотором роде абсурд. Никакие мои слова не заставят их задуматься. Я уже пробовал. Тем, кому дорога свобода, придется бежать, скрываться, пытаться как-то выжить и перенести все то, что неотвратимо настанет. Я не в состоянии этому помешать. Не в состоянии им помочь. Теперь я знаю точно.

— Но, Ричард, как ты можешь даже помыслить о...

— Я должен делать то, что лучше для всех. Должен быть эгоистичным. Жизнь — слишком ценная штука, чтобы по-глупости терять ее в бесполезной драке. Нет ничего хуже этого. Люди смогут спастись от надвигающихся веков рабства и унижений только в том случае, если сами поймут ценность жизни и свободы и захотят за это сразиться. Нам остается лишь попытаться выжить в надежде, что этот день когда-нибудь настанет.

— Но мы можем предотвратить войну! Мы обязаны!

— Ты действительно полагаешь, что стоит мне повести людей за собой, как мы тут же победим, потому лишь, что такова моя воля? Ну, так мы не победим! Одной моей воли тут мало. Нужна воля тысяч людей, преданных свободе. А этих людей нет. Если мы бросим все наши силы против Ордена, он попросту сметет нас, и все надежды на победу в будущем окажутся утраченными навсегда. — Он привычно взъерошил пятерней волосы. — Мы не должны вести наши войска против имперских полчищ.

Ричард отвернулся и стал надевать черную тунику. Кэлен, встревоженная, попыталась заговорить громче.

— А как же те, кто готов к битве? Как же наши армии? Как же те воины, что собрались выступить против Джеганя — оста-

новить его полчища и отбросить Орден в Древний мир? Кто поведет за собой наших людей?

— Поведет — на что? На смерть? Они не могут победить.

Кэлен пришла в ужас. Она схватила мужа за рукав прежде, чем тот успел наклониться, чтобы взять свой широкий пояс.

— Ричард, ты так говоришь только из-за того, что случилось со мной!

— Нет. Я принял это решение еще до того, как на тебя напали, правда, это случилось в ту самую ночь. Когда я после голосования пошел прогуляться, чтобы спокойно поразмыслить, я все понял и принял решение. А то, что случилось с тобой, лишь подтверждает правильность моих выводов, и мне следовало бы додуматься до этого куда раньше. Тогда бы с тобой ничего не произошло.

— Но если бы на Мать-Исповедницу не напали, то к утру вы бы почувствовали себя лучше и передумали, — спокойно заметила Кара.

Вышитые по подолу туники Ричарда древние золотые символы засверкали в пробивающемся в хижину дневном свете.

— Кара, а что было бы, если бы на меня напали вместе с ней и убили обоих? Как бы вы все тогда поступили?

— Понятия не имею.

— Потому-то я и принял такое решение. Вы просто следуете за мной, вы не участвуете в борьбе за ваше же собственное будущее по собственной воле. А тебе следовало ответить, что вы все стали бы сражаться за себя самих, за вашу свободу. Я в конце концов осознал совершенную мной ошибку и понял, что так мы победить не сможем. Имперский Орден — слишком сильный противник.

Король Вайборн, отец Кэлен, учил ее сражаться с превосходящими силами противника, и у нее имелся кое-какой практический опыт в этом деле.

— Пусть их армии и обладают численным превосходством, это вовсе не означает, что их невозможно победить. Нам нужно лишь перехитрить их. Я помогу тебе, Ричард. У нас опытные офицеры. Мы можем победить. Обязаны.

— Посмотри, как широко разошлись эти, на первый взгляд превосходные, идеи Ордена, — взмахнул рукой Ричард. — Они достигли даже таких глухих мест, как это. Нам-то отлично известна гнусная сущность Ордена, и тем не менее люди повсеместно присоединяются к нему.

— Ричард, — с трудом прошептала Кэлен, — я повела зеленых рекрутов из Галеи против целой армии закаленных имперских ветеранов, неизмеримо превосходивших нас по численности, и мы разбили их наголову.

— Вот именно. Потому что буквально перед этим мальчишки своими глазами увидели, что сотворил Орден с их родным городом. Всех, кто был им дорог, вырезали, все, что было им дорого, уничтожили и разрушили. Эти парни сражались, прекрасно зная, за что они дерутся и почему. Они бы все равно кинулись на врага, приняла бы ты на себя командование или нет. Но в драку бросились только они, и, хотя победили, большинство пало в сражении.

Кэлен ушам своим не верила.

— Значит, ты намерен позволить Ордену сотворить такое же и в других местах, чтобы у людей появился повод сражаться? Собираешься стоять в сторонке и ждать, пока Орден вырежет тысячи и тысячи невинных людей? Ты хочешь самоустраниться потому, что на меня напали. Добрые духи, Ричард, я люблю тебя, но не поступай так со мной! Я — Мать-Исповедница. Я отвечаю за жизнь обитателей Срединных Земель. Не делай этого из-за того, что случилось со мной.

Ричард защелкнул на запястьях серебряные браслеты.

— Я это делаю вовсе не из-за того, что случилось с тобой. Я только помогаю сохранить множество жизней единственным возможным способом. Делаю то, что могу.

— То есть выбираешь самый легкий путь, — откомментировала Кара.

— Кара, — спокойно ответил Ричард, — я выбираю самый трудный путь за всю свою жизнь.

Теперь Кэлен окончательно уверилась в том, что добрые жители Андерита нанесли Ричарду куда более сильный удар, чем ей казалось. Поймав его пальцы, она сочувственно сжала их.

Ричард всю душу вложил в попытку избавить андерцев от порабощения Орденом. Он стремился показать им ценность свободы, позволив свободно выбирать свое будущее. Он вложил в их руки свою веру. И сокрушительное поражение, когда подавляющее большинство отвергло все, что он им предлагал, его веру практически уничтожило.

Кэлен подумала, что, быть может, со временем его боль утихнет, как и ее собственная.

— Ты не должен винить себя в падении Андерита, Ричард. Ты сделал все, что мог. Это не твоя вина.

Подняв с пола роскошный пояс с расшитыми золотом кошелями, Ричард застегнул его поверх безрукавки.

— Если ты вождь, то виноват во всем ты, — спокойно проговорил он.

Кэлен знала, что так оно и есть. И решила попробовать переубедить его иначе.

— И какое же оно было, это видение?

Ричард устремил на нее пронзительный взгляд серых глаз.

— Видение, откровение, осознание, озарение, пророчество — называй как хочешь, поскольку это одно и то же. Оно было предельно ясное. Не могу описать словами... Похоже на то, что я должен был всегда это знать. Может, и знал. Это не столько слова, сколько готовая концепция, вывод, итог, истина, ставшая для меня абсолютно ясной.

Кэлен поняла, что он хочет закончить разговор, но все же продолжила.

— Если оно действительно столь ясное и недвусмысленное, ты должен суметь облечь его в слова.

Ричард перебросил перевязь через голову на правое плечо и поправил меч у бедра, на серебряной рукоятке блеснули вплетенные золотой проволокой буквы слова «ИСТИНА».

Лицо его оставалось спокойным. Кэлен поняла, что наконец-то подвела его к сути. Убежденность Ричарда не позволяла ему уклониться от ответа, а она настаивала. И слова полились с силой пророчества.

— Я стал вождем слишком рано. Не я должен доказывать людям, что достоин их, а они должны доказать мне, что меня достойны. И пока они не докажут, я не должен вести их за собой, иначе придет конец всем надеждам.

Гордый, статный, мужественный и властный, он стоял в черном облачении боевого чародея, словно позируя скульптору, ваяющему монумент тому, кого он воплощал: Искателю Истины, по праву избранному самим Зеддикусом З'ул Зорандером, Волшебником первого ранга — и дедушкой Ричарда. То, что Ричард стал Искателем, чуть не разбило Зедду сердце, потому что Искатели частенько умирают молодыми.

Но пока Искатель жив, он сам по себе закон. С помощью невероятной мощи своего удивительного меча Искатель способен в одиночку разрушать королевства. Именно по этой причине, помимо всего прочего, важно было правильно выбрать Искателя. Зедд заявлял, что Искатель в каком-то смысле сам избира-

ет себя, задача Волшебника первого ранга — на основании своих наблюдений официально назвать имя избранника и вручить ему оружие, которое будет сопутствовать Искателю всю его жизнь.

В этом человеке, которого Кэлен так любила, таилось столько самых разнообразных качеств и способностей, что она порой диву давалась, как ему удается все это совмещать.

— Ричард, ты уверен?

В свое время Кэлен с Зеддом поклялись защищать Ричарда как Искателя Истины ценой собственной жизни. Произошло это вскоре после того, как Кэлен впервые повстречалась с Ричардом. И именно в качестве Искателя Ричард впервые принял все, что ему суждено, и решил жить, согласуясь с тем огромным доверием, что возложено на него.

— Единственный владыка, которому я могу позволить управлять мною, это разум. — В пронзительных серых глазах светилась уверенность. — И первый закон разума гласит: что есть, то есть. Это основа всей жизни. Разум есть выбор. Пожелания и чаяния — не факты и не основание для того, чтобы считать что-то фактом. Разум — наш единственный способ осознания реальности, наше основное орудие выживания. Мы вольны отвергать разум, вольны отказываться думать, но не вольны избегать последствия своей слепоты. Если я откажусь пользоваться разумом в нашей борьбе, откажусь принимать реальность только потому, что она не соответствует моим пожеланиям, мы все погибнем, и погибнем впустую. Мы будем лишь двумя из многих миллионов убитых, а человечество придет в упадок. И в той тьме, что неизбежно настанет тогда, наши тела обратятся в прах. Постепенно, лет через тысячу, а то и больше, заря свободы вновь воссияет над свободными людьми, но в промежутке миллионы и миллионы будут рождаться и умирать в безнадежности и во мраке, и у них не останется иного выбора, кроме как стонать под гнетом Ордена. Пренебрегая доводами разума, мы сделаемся виновниками изломанных судеб, искалеченных жизней.

Кэлен обнаружила, что не в состоянии вымолвить ни слова. Начать спор — значит просить Ричарда пересмотреть свою позицию, а он убежден, что тогда прольется море крови. Но поступить так, как он считает нужным, — это значит отдать народ Кэлен во власть смерти.

На ее глазах выступили слезы, и она отвернулась.

— Кара, пойди запряги лошадей, — обратился Ричард к морд-сит. — А я пойду разведаю окрестности.

— На разведку пойду я, а ты запряжешь лошадей. Я — ваш телохранитель, а не наоборот.

— Но ты не только телохранитель, ты и мой друг. Я лучше знаю эти места. Запрягай коней и хватит болтать.

Кара фыркнула, но отправилась выполнять приказание.

В комнате повисла тишина. Тень Ричарда исчезла с покрывала. Когда Кэлен прошептала, что любит его, он остановился и оглянулся. Казалось, под тем бременем, что он на себя взвалил, у него даже поникли плечи.

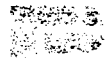
— Мне очень-очень жаль, но я не в состоянии заставить людей ценить и понимать свободу. Прости.

Кэлен нашла в себе силы улыбнуться.

— Может, это совсем не так уж и сложно. — Она указала на вырезанную им птичку. — Просто покажи им вот это, и они поймут, что на самом деле свобода — возможность расправить крылья.

Перед тем как выйти на улицу, Ричард улыбнулся — как показалось Кэлен, благодарно.

Глава 3



оящиеся в голове тревожные мысли не давали Кэлен уснуть. Она старалась не думать о том, каким Ричард увидел будущее. Кэлен была так измучена болью, что не могла как следует размышлять над его словами, к тому же она слабо представляла, что может сейчас предпринять, но твердо решила помочь Ричарду пережить потерю Андерита и сосредоточиться на борьбе с Имперским Орденом.

Куда труднее было отбросить мысли о тех людях, что приходили сюда, рядом с которыми Ричард вырос. Их свирепые угрозы вновь и вновь звучали у нее в голове. Кэлен хорошо знала, что самые обычные люди, никогда прежде не проявлявшие агрессивности, способны при определенных обстоятельствах повести себя крайне жестоко. А поскольку эти люди считают человечество грешным, испорченным и порочным, им остается сделать всего лишь шаг, чтобы сотворить зло. Ведь какое бы зло они ни сотворят, они все равно смирились с этим. Они думают, что это предопределено, что зло — свойство природы человеческой.

Крайне неприятно ожидать нападения, когда способна только лежать и ждать, пока тебя убьют. Кэлен отчетливо представила себе, как ухмыляющийся беззубый Томми Ланкастер склоняется над постелью, чтобы перерезать ей глотку, а она лишь беспомощ-

но на него смотрит. В сражениях ей часто бывало страшно, но тогда она хотя бы могла бороться за жизнь, и это помогало совладать со страхом. Совсем другое дело — оказаться беспомощной, не имея возможности сопротивляться. Это страх совсем иного рода.

Если придется, она, конечно, попробует призвать магию Исповедницы, но в ее нынешнем состоянии это весьма сомнительно. Ей еще никогда не приходилось призывать свою силу, будучи в таком состоянии. Кэлен напомнила себе, что к возвращению этих людей они втроем уже давно будут далеко, к тому же Ричард с Карой никогда их к ней не подпустят.

У нее есть куда более важные проблемы. Впрочем, это ненадолго. Вскоре она потеряет сознание. Может быть.

Кэлен постаралась ни о чем не думать и ласково положила руку себе на живот, слушая журчание протекавшего где-то рядом ручья. Звук текущей воды напомнил, насколько ей хочется как следует вымыться. Бинты на ране в боку постоянно мокнут, их нужно часто менять. Простыни влажные от пота. Голова чешется. Солома под простыней жесткая, и от этого ноет спина. Наверное, Ричард на скорую руку соорудил подстилку, чтобы потом привести ее в должный вид.

Как было бы приятно в такой жаркий день окунуться в прохладную воду! Кэлен жаждала выкупаться, стать чистой, ощутить свежесть. Ей безумно хотелось почувствовать себя лучше, самой себя обслуживать, выздороветь наконец. Оставалось надеяться, что со временем Ричард тоже оправится от своих невидимых, но очень тяжелых ран.

Вернулась Кара, бормоча, что лошади нынче больно упрямы. Она оглядела комнату и обнаружила, что, кроме Кэлен, никого нет.

— Пожалуй, схожу-ка я лучше за ним, посмотрю, не случилось ли чего.

— С ним все хорошо. Он знает, что делает. Лучше подожди немного, иначе ему придется идти искать тебя.

Кара нехотя согласилась. Достав прохладную влажную тряпицу, она принялась протирать Кэлен виски и лоб. Кэлен терпеть не могла жаловаться, когда о ней так старательно заботятся, поэтому не стала говорить, насколько болит шея, когда вот так поворачивают голову. Кара ни за что не стала бы жаловаться из-за таких мелочей. Она жалуется только тогда, когда считает, что ее подопечные подвергают себя лишней опасности — и ког-

да Ричард не позволяет ей уничтожить тех, кого она считает опасным.

За стенами хижины запела птичка. Приятно слышать звуки леса. Вдалеке сердито верещала белка — возможно, ругалась, что кто-то вторгся на ее территорию. Казалось, она верещит чуть ли не битый час. Неустанно журчал и булькал ручей.

По мнению Ричарда, все это способствует отдыху и успокаивает.

— Как я все это ненавижу! — пробормотала Кэлен.

— Ты должна радоваться: лежишь себе и ничего не делаешь.

— И готова поспорить, что ты с радостью поменялась бы со мной местами?

— Я морд-сит. А для морд-сит нет ничего хуже, чем умереть в собственной постели. — Голубые глаза обратились на Кэлен. — Старой и беззубой, — поспешно добавила Кара. — Я не имею в виду, что ты...

— Знаю я, что ты имеешь в виду.

Кара явно испытала облегчение.

— В любом случае ты не можешь умереть... Это было бы слишком легко. А ты сроду ничего в простоте не делаешь.

— Я вышла замуж за Ричарда.

— Видишь, о чем я?

Кэлен улыбнулась.

Кара, поднявшись, обмакнула тряпицу в миску и выжала.

— Все не так уж плохо, верно? Просто лежать тут?

— А как бы тебе понравилось, если бы тебе кто-то подсовывал под зад горшок всякий раз, как у тебя переполняется мочевой пузырь?

Кара осторожно провела влажной тряпицей по шее Кэлен.

— Мне несложно это делать для сестры по эйджилу.

Эйджил, оружие, с которым никогда не расставалась морд-сит, выглядел как самый обыкновенный короткий красный стержень, обтянутый кожей, который свисал на цепочке с правого запястья, чтобы в случае необходимости мгновенно оказаться в руке. Его свойства порождались магией волшебных уз, связывавших морд-сит с магистром Ралом.

Кэлен как-то довелось испытать на себе воздействие эйджила. В одно мгновение он мог причинить боль не меньшую, чем та, что не так давно испытала Кэлен, когда ее избила целая банда. Одним прикосновением эйджила морд-сит подвергала человека жесточайшим мучениям, а при желании могла и убить.

Ричард отдал Кэлен эйджил Денны — морд-сит, которая захватила его по приказу Даркена Рала в плен. Ричард оказался единственным, кто смог понять и прочувствовать ту боль, что эйджил причиняет самой морд-сит. Чтобы убежать, он вынужден был убить Денну, но перед этим она подарила ему свой эйджил и попросила помнить ее не как морд-сит, а просто как Денну, женщину, которую понял один только Ричард.

И Кэлен тоже все поняла и приняла эйджил в знак уважения к этим женщинам, чьи жизни были сломаны во имя кошмарного долга, а это было очень важно для всех морд-сит. Именно за понимание и сострадание — но без жалости — Кара и называла Кэлен сестрой по эйджилу.

— К лорду Ралу приезжали гонцы, — сообщила Кара. — Ты спала, и лорд Рал не счел нужным тебя будить, — добавила она в ответ на вопросительный взгляд Кэлен.

Гонцы были д'харианцами и могли отыскать Ричарда где угодно благодаря связывающим их с магистром Ралом волшебным узам. Кэлен подобные возможности д'харианцев всегда несколько тревожили.

— И что они сообщили?

— Да не больно-то много, — пожала плечами Кара. — Пока что армии Джеганя находятся в Андерите, а войска Райбиха стоят на севере, наготове, если вдруг Орден надумает угрожать остальным Срединным Землям. О том, что происходит в оккупированном Орденом Андерите, известно мало. Наши войска стоят выше по течению рек, так что плыли ли там тела, свидетельствующие о массовой резне, они не знают, но кое-кому из андерцев удалось удрать. Они сообщили, что были отравления водой, но не знают, как далеко распространился яд. Генерал Райбих отправил за сведениями лазутчиков.

— И какие же приказы отдал Ричард?

— Никаких.

— Никаких? Он не отдал никаких приказов?

Покачав головой, Кара наклонилась, чтобы снова смочить тряпицу.

— Впрочем, генералу он письмо написал.

Кара откинула покрывало, сняла бинты с ран и, прежде чем бросить на пол, внимательно рассмотрела кровавые пятна. Затем нежно промокнула рану.

Когда Кэлен снова оказалась в состоянии вдохнуть, она спросила:

— Ты видела это письмо?

— Угу. Там написано примерно то же, что он сказал тебе. Дескать, ему было видение, которое привело его к пониманию. Он объяснил генералу, что не может отдавать приказы, опасаясь, что это положит конец нашим надеждам.

— Генерал Райбих прислал ответ?

— Лорду Ралу было видение. Д'харианцы знают, что лорд Рал — могущественный волшебник и имеет дело с магией. Д'харианцы не рассчитывают понять лорда Рала и никогда не станут обсуждать и осуждать его поступки. Так что генерал только отписал, что будет поступать по своему усмотрению.

Наверное, именно поэтому Ричард и сказал им, что это видение, а не его собственные выводы. Кэлен задумалась, прикидывая варианты.

— Значит, нам хоть здесь повезло. Генерал Райбих — хороший человек, отличный офицер и знает, что нужно делать. А вскоре и я снова вернусь к делам. Возможно, к тому времени и Ричард придет в себя.

Кара кинула тряпицу в миску. Раздраженно и озабоченно нахмурившись, она склонилась к Кэлен:

— Мать-Исповедница, лорд Рал сказал, что не поведет нас за собой, пока мы не докажем ему, что достойны.

— Я выздоравливаю. И надеюсь помочь ему пережить то, что произошло... Помочь понять, что он должен сражаться.

— Но здесь замешана магия! — Кара потеребила край голубого покрывала. — Лорд Рал сказал, что ему было видение. Если это магия, то он в ней разбирается и должен поступать, как считает нужным.

— Нам следует проявить понимание к тому, что ему пришлось пережить — те потери, что все мы понесли от Ордена. И не забывай, что Ричард вырос, не имея ни малейшего представления о магии, не говоря уж о командовании армиями.

Кара присела на корточки и прополоскала тряпицу. Выжав ее, она снова принялась промывать Кэлен рану в боку.

— И все же он магистр Рал. Разве он уже не доказал — и не раз, — что великолепно владеет магией?

С этим Кэлен спорить не могла, но все же Ричард не слишком опытен, а опыт в магии значит очень много. Кара не просто боится магии, на нее производит сильное впечатление любое маломальское волшебство. Как и большинство людей, она не в состоянии отличить простейшее заклинание от той магии, что

способна нарушить саму сущность мироздания. Кэлен уже поняла, что это было вовсе не видение, а вывод, к которому пришел Ричард.

Многое из сказанного им имело смысл, но Кэлен считала, что эмоции затмевают его рассудок.

Кара оторвалась от своего занятия.

— Мать-Исповедница, а как люди вообще смогут доказать лорду Ралу, что достойны его? — В ее голосе звучала неуверенность.

— Понятия не имею.

Кара положила тряпицу и заглянула Кэлен в глаза. Повисла долгая мучительная пауза. Наконец Кара решилась заговорить.

— Мать-Исповедница, я думаю, лорд Рал, возможно, сошел с ума.

Интересно, тут же подумала Кэлен, а не пришел ли генерал Райбих к аналогичному выводу?

— Мне казалось, д'харианцы не рассчитывают понять своего лорда Рала и не оспаривают его поступки.

— А еще лорд Рал говорит, что хочет, чтобы я думала сама.

Кэлен накрыла ладонь Кары рукой.

— Сколько раз мы уже в нем сомневались? Помнишь курицу-что-не-курица? Мы тогда обе решили, что он спятил. А он оказался прав.

— Ну теперь-то дело не в каком-то гоняющемся за нами чудище. Тут нечто куда более значительное.

— Кара, ты всегда подчиняешься приказам Ричарда?

— Конечно, нет! Его необходимо защищать, и я не могу допустить, чтобы его безрассудство помешало мне исполнить долг. Я подчиняюсь его приказам, только если они не ставят его под угрозу, или если он приказывает сделать мне то, что я сделала бы и так, или если неподчинение затрагивает его мужскую гордость.

— А приказам Даркена Рала ты всегда подчинялась?

Услышав это имя, Кара напряглась, будто стоит только позвать — и Даркен Рал снова явится сюда из мира мертвых.

— Приказам Даркена Рала подчинялись беспрекословно, какими бы идиотическими они ни казались, иначе тебя замучили бы до смерти.

— Которого из магистров Ралов ты уважаешь?

— Я отдам жизнь за любого магистра Рала. — Поколебавшись, Кара кончиком пальцев коснулась груди. — Но я никогда

не буду испытывать таких чувств ни к кому другому. Я... люблю лорда Рала. Не так, как его любишь ты, не так, как женщина любит мужчину, но — люблю. Иногда мне снится, как я служу ему и защищаю, а иногда снятся кошмары, что я не оправдаю его доверия. — Кара внезапно нахмурилась. — Ты ведь не расскажешь ему, что я его люблю, а? Он не должен знать.

— Кара, — улыбнулась Кэлен, — думаю, он и так это знает, потому что испытывает к тебе такие же чувства, но если ты не хочешь, я ему ничего не скажу.

— Хорошо! — облегченно вздохнула Кара.

— А почему ты начала испытывать к нему такие чувства?

— Ну, по многим причинам... Он хочет, чтобы мы думали самостоятельно. Он разрешает нам служить ему добровольно, по нашему выбору. Ни один лорд Рал никогда не допускал ничего подобного. Я знаю: стоит мне сказать, что я хочу уйти, и он отпустит меня. И не прикажет за это замучить до смерти. Он пожелает мне счастливой жизни.

— Именно это, помимо всего прочего, вы в нем и цените. Он никогда не предъявлял прав на вашу жизнь. Он считает, что таких прав вообще не должно быть ни у кого. Впервые за все то время, с тех пор как тебя поймали и выдрессировали как морд-сит, ты ощутила, что такое свобода. И это то, Кара, чего Ричард хочет для всех.

Морд-сит отмахнулась, будто отметая все сказанное.

— Он был бы дурак, если бы даровал мне свободу, попроси я об этом. Он слишком во мне нуждается.

— Тебе не потребовалось бы просить его отпустить тебя, Кара, и ты это прекрасно знаешь. Ты уже свободна. Именно это и делает его тем вождем, следовать за которым ты считаешь честью. Именно поэтому ты испытываешь к нему такие чувства. Он заслужил твою преданность.

Кара некоторое время переваривала услышанное.

— И все равно я по-прежнему считаю, что он потерял разум.

В прошлом Ричард не раз демонстрировал свою веру в то, что дай людям шанс, и они поступят правильно. Так он поступил и с морд-сит. И с народом Андерита. А теперь...

Кэлен подавила эмоции.

— Не разум, Кара, а, возможно, сердце.

Кара, заметив выражение лица Кэлен, решила перевести все в шутку. Улыбнувшись и дернув плечом, она сказала:

— Ну, тогда мы попросту вернем его на путь истинный... вобьем в него толику здравого смысла. — Она ласково смахнула со щеки Кэлен одинокую слезинку.

— А пока его нет, как насчет того, чтобы дать мне этот дурацкий деревянный горшок?

Кара наклонилась за посудиной. Кэлен заранее содрогнулась, зная, как ей сейчас будет больно. И нет никакой возможности этой боли избежать.

Кара извлекла горшок.

— До появления этих олухов я собиралась разжечь костер и нагреть воды. Хотела вымыть тебя. Ну, знаешь — с помощью мыльной тряпки и ведра горячей воды. Надеюсь, что смогу проделать это там, куда мы едем.

Кэлен мечтательно прикрыла глаза и подумала, что хочет помыться даже больше, чем облегчиться.

— Кара, если ты это сделаешь, то я расцелую тебе ноги, когда выздоровею, и назначу на самый важный пост, какой только смогу придумать.

— Я морд-сит, — смутилась Кара. — Это самый важный пост. Кроме жены лорда Рала. Поскольку жена у него уже есть, а я уже и так морд-сит, то я, пожалуй, удовлетворюсь тем, что мне облобызают ноги.

Кэлен хихикнула, но резкая боль заставила оборвать смех.

Ричард давно должен был бы вернуться. Кара заставила Кэлен выпить две чашки холодного чая, густо заправленного обезболивающими травами. Вскоре Кэлен предстояло впасть в забытье.

Кэлен собралась уже было отпустить Кару на поиски и тут услышала, как Ричард окликает их.

— Видел кого-нибудь из этих типов? — спросила Кара, не успел он войти в хижину.

Ричард пальцем стер струйку пота со лба. Влажные волосы прилипли к шее.

— Нет. Они наверняка еще в Хартленде, напиваются и жалуются друг дружке. Когда они сюда вернутся, мы будем уже далеко.

— И все же я по-прежнему считаю, что нам нужно залечь тут и покончить с угрозой раз и навсегда, — проворчала Кара.

Ричард пропустил ее слова мимо ушей.

— Я срубил несколько крепких веток, чтобы сделать носилки. — Он, словно желая приободрить, провел пальцами Кэлен по подбородку. — Отныне ты у нас будешь жить на носилках, и

тогда мы сможем класть и доставать тебя из кареты, не... — В его глазах стояло то самое выражение, которое ей больно было видеть. Ричард улыбнулся: — Так нам с Карой будет проще.

Кэлен постаралась мужественно встретить новость.

— Значит, мы готовы двигаться?

Он кивнул, опустив глаза.

— Отлично! — жизнерадостно заявила Кэлен. — Я вполне созрела для хорошенькой скачки. С удовольствием полюбуюсь окрестностями.

Ричард снова улыбнулся — на сей раз более убедительно.

— Это удовольствие ты получишь. А в конце пути мы окажемся в дивном месте. Путешествие при той скорости, с которой мы можем двигаться, займет некоторое время, но оно того стоит, вот увидишь.

Кэлен постаралась дышать ровно. Мысленно она твердила его имя, уговаривая себя, что на сей раз его не забудет, что не забудет и свое собственное имя. Она терпеть не могла забывать что бы то ни было. Чувствовала себя полной идиоткой, когда приходилось заново учить то, что она должна помнить, но забыла. На сей раз она будет помнить.

— Ну, так мне что, встать и идти? Или ты проявишь почтительность и отнесешь меня?

Ричард поцеловал ее в лоб — туда, где легкое касание губ не причинит ей боли. Оглянувшись на Кару, он кивком велел ей взять Кэлен за ноги.

— А эти люди будут долго пить? — поинтересовалась Кэлен.

— Еще только середина дня. Не волнуйся, когда они вернутся, мы уже будем далеко.

— Мне очень жаль, Ричард. Я знаю, ты думал, что люди у тебя на родине...

— Они такие же люди, как везде.

Кэлен кивнула, ласково погладив его большую ладонь.

— Кара дала мне твой травяной настой. Я буду спать долго, так что не старайся из-за меня сдерживать лошадей — я все равно ничего не почувствую. Не хочу, чтобы тебе пришлось сражаться.

— Я и не собираюсь ни с кем сражаться. Просто проедусь по родным лесам.

— Вот и хорошо. — Она задышала быстрее, и ребра мгновенно заломило. — Я люблю тебя, ты знаешь. На случай, если я забыла это сказать, — я люблю тебя.

Он улыбнулся — а в глазах по-прежнему стояла боль.

— Я тоже тебя люблю. Постарайся расслабиться, мы с Карой будем осторожны. Будем действовать не спеша. Торопиться некуда. Просто расслабься. Ты быстро выздоравливаешь, скоро все будет не так болезненно.

Кэлен и прежде получала ранения и знала, что всегда лучше двигаться самостоятельно, потому что так проще избежать боли. Теперь она поняла: самое поганое — это когда кто-то тебя передвигает.

Ричард наклонился, и она обвила правой рукой его шею, а он осторожно обнял ее за плечи. Даже такое осторожное перемещение вызвало чудовищную боль. Кэлен старалась не обращать на нее внимания и расслабиться, вновь и вновь мысленно повторяя его имя.

Внезапно она вспомнила нечто важное. Сейчас у нее последняя возможность сказать об этом.

— Ричард, — торопливо зашептала она, пока он не подсунул руку ей под спину. — Пожалуйста... будь осторожен, чтобы не повредить ребенку.

И изумилась, увидев, как исказилось его лицо. Далеко не сразу он посмотрел на нее. И от того, что она прочла в его взгляде, у нее чуть сердце не остановилось.

— Кэлен... ты ведь помнишь, правда?

— Помню?..

Его глаза увлажнились.

— Что ты потеряла ребенка. Когда на тебя напали.

Память вернулась мгновенно. У нее перехватило дыхание.

— Ой...

— Ты в порядке?

— Да. Я на секунду забыла. Просто не подумала. Теперь вспомнила. Да, ты говорил мне об этом.

И она действительно вспомнила. Их дитя, которое только-только начало расти в ней, давно уже погибло. Твари, что напали на нее, отняли у нее и ребенка.

Мир сделался бесцветным и мертвым.

— Мне очень жаль, Кэлен, — прошептал Ричард.

— Не надо, Ричард. — Она погладила его по волосам. — Мне следовало помнить. Извини, что забыла. Я не хотела...

Он кивнул.

Кэлен почувствовала, как слеза, скатившись по щеке, скользнула на шею, к цепочке. Эту цепочку с кулоном в виде маленько-

го темного камешка подарила ей на свадьбу ведьма Шота — в знак перемирия. Шота сказала, что это позволит им с Ричардом любить друг друга, как они всегда хотели, но не даст Кэлен забеременеть. Ричард с Кэлен решили тогда принять подарок Шоты, согласиться на перемирие. У них и так забот было больше чем достаточно. Но на какое-то время, когда шимы вырвались на волю и магия начала исчезать — а Ричард с Кэлен об этом еще не подозревали, — свойства кулона исчезли. И это позволило им зачать дитя.

Теперь крошечная жизнь угасла.

— Пожалуйста, Ричард, поспеши. Пора в путь.

Он снова кивнул.

— Добрые духи, — прошептал он так тихо, что Кэлен едва уловила, — простите меня за то, что я сейчас сделаю.

Она покрепче ухватила его за шею. Теперь Кэлен с нетерпением ждала забытья.

Ричард очень осторожно поднял ее. Ощущение было такое, будто стадо взбесившихся жеребцов пронеслось галопом по всему телу. Боль пронзила Кэлен острым ножом, ее глаза расширились, дыхание остановилось. А потом она закричала, и черная пустота поглотила ее.

Глава 4

Кэлен проснулась, как от удара. Ее разбудил какой-то звук. Лежа на спине, неподвижно, как мертвая, Кэлен прислушивалась, широко распахнув глаза. Звук — не очень громкий, но что-то в нем тревожно знакомое. Что-то опасное.

Все тело разламывалось от боли, но Кэлен ощущала себя куда более бодро, чем последнее время. Время... Сколько же она провела без сознания? Неделю? Две?.. Она понимала, что не сможет даже приподняться. Единственное, что не болело, — правая рука.

Гнедой в упряжке, нервно фыркнув, стукнул копытом. Карета качнулась, толчок мгновенно отозвался болью в переломанных ребрах.

Воздух был влажный: вот-вот польет дождь, но еще чувствуется запах пыли. Над головой шелестела листва, поскрипывали ветви. По небу безмолвно проплывали лиловые облака. Высоко над головой, за деревьями и облаками, сияла одинокая звезда. Кэлен не могла точно определить, рассвет сейчас или закат, но скорее все-таки закат.

Не имея сил убрать с лица слипшиеся пряди, Кэлен усиленно прислушивалась, все еще надеясь, что разбудивший ее звук не означает никакой угрозы. Но звук не повторялся — и это раздражало.

Она хотела услышать голоса Кары и Ричарда, но тщетно. Впрочем, это ничего не

значит. Наверняка они где-то рядом. Они ни за что ее не бросят, пока живы. Нет! Ее передернуло от одной мысли, что они могли погибнуть. Ей очень хотелось окликнуть Ричарда, но интуиция велела молчать. А двигаться она не могла и так.

Издалека донесся металлический звон, затем — крик. Может, это какое-нибудь животное? Вороны, например, иногда издают ужасающие звуки. Причем настолько удачно имитируют человеческие голоса, что это просто пугает. Но, насколько ей известно, металлических звуков вороны не издают.

Внезапно карета наклонилась вправо. У Кэлен перехватило дыхание, боль пронзила ребра. Кто-то влез на ступеньку. По небрежности, с которой это было проделано, Кэлен поняла, что это не Ричард и не Кара. Но если не Ричард, то кто? По спине побежали мурашки. И если это не Ричард, то где же он?

Толстые пальцы отдернули занавеску. Обломанные ногти были черными от грязи. Кэлен затаила дыхание, надеясь, что чужак не заметит ее.

В окне появилась физиономия. Маленькие поросячьи глазки уставились на нее. В ухмылявшемся рту отсутствовали четыре передних зуба, и клыки походили на звериные.

— Так-так! Уж не женушка ли это покойного Ричарда Сайфера?

Кэлен застыла. Все — в точности, как в ее снах. На какое-то мгновение она даже усомнилась, что это явь.

Рубашка мужчины была такой грязной, будто он отродясь ее не снимал. Редкие волосенки на щеках и подбородке походили на колоски. Физиономия подпорчена оспой. Верхняя губа — влажная от соплей, непрерывно текших из носа. Нижние передние зубы отсутствуют. В дырке виднеется кончик языка.

Мужик повертел перед ней нож. Он вертел его так и эдак, словно показывал какую-то ценность своей девушке. Глазки бегали туда-сюда — то на Кэлен, то на нож. Похоже, свой тесак он точил о кусок гранита, а не оселком, как положено. На паршивой стали виднелись царапины и пятна ржавчины, но зазубренное лезвие выглядело не менее грозно, чем любое другое. Гнусная беззубая ухмылка сделалась еще шире, когда Кэлен невольно начала отслеживать взглядом движения клинка.

Кэлен заставила себя смотреть прямо в глубоко посаженные поросячьи глазки.

— Где Ричард? — требовательно спросила она.

— Танцует с духами в подземном мире. — Мужик склонил голову. — А где белобрысая сучка? Ну та, которую видали мои дружки? У нее длинный язык. Не мешало бы его малость укоротить, перед тем как я вспорю ей брюхо.

Кэлен в ярости поглядела на него, всем своим видом показывая, что не намерена отвечать. Лезвие ножа приблизилось, до Кэлен донесся исходящий от мужика мерзкий запах.

— Надо думать, ты Томми Ланкастер.

Нож замер.

— Ты откуда знаешь?

Внутри нее клокотало бешенство.

— Ричард рассказывал.

Поросячьи глазки угрожающе сверкнули, ухмылка стала еще шире.

— Да ну? И что же он тебе понарассказал?

— Что ты гнусный беззубый боров, который всякий раз делает в штаны, стоит ему лишь улыбнуться. И судя по вони, он прав.

Мерзкая ухмылка мгновенно превратилась в не менее мерзкую гримасу. Мужик поднялся повыше и наклонился к Кэлен. Именно этого она и добивалась — чтобы он приблизился и она смогла бы до него дотронуться.

С умением, отточенным годами, она мысленно блокировала гнев и обрела полнейшее спокойствие, без которого невозможно призвать магию Исповедницы. Время потекло по-другому.

Оставалось только коснуться этого мерзавца.

Могущество Исповедницы отчасти зависело от ее физических сил. Кэлен не знала, сможет ли она в нынешнем состоянии призвать магию, а если сможет, то не убьет ли это ее, но она понимала: выбора нет. Один из них скоро умрет. А возможно, и оба.

Просунув руку в окно, мужик потянулся ножом к ее незащищенной шее. Кэлен, вместо того чтобы смотреть на нож, изучала взглядом крошечные шрамы, оплетавшие, как паутина, костяшки его пальцев. Когда рука с ножом приблизилась, она рванулась, чтобы схватить его за запястье.

И внезапно обнаружила, что спелената по рукам и ногам покрывалом. Она не сообразила, что Ричард положил ее в носилки, и теперь она лежит, завернутая в покрывало, тщательно подсунутое под боковины, чтобы понадежней зафиксировать тело на время движения. Руки тоже оказались зажаты тем, что вот-вот грозило стать ее саваном.

Охваченная паникой, она судорожно пыталась выпростать правую руку, отчаянно стараясь опередить приближающийся клинок. Не обращая внимания на боль в ребрах, Кэлен сражалась с покрывалом. Даже на то, чтобы заорать или выругаться, времени не оставалось. Пальцы захватили кусок ткани. Кэлен потянула, стараясь хоть немного выдернуть покрывало из-под носилок и высвободить руку.

Ей только и нужно было коснуться врага, но она не могла. Остается лишь надеяться, что он коснется ее костяшками пальцев или наклонится еще сильнее, и она сможет прижать подбородок к его руке. Тогда она выплеснет свою магию. Если, конечно, будет к этому времени еще жива. Если он не перережет ей глотку мгновенно.

Казалось, она извивается под одеялом уже целую вечность. Целую вечность ждет хоть малейшей возможности защититься. Целую вечность борется за жизнь. Она отчетливо осознавала, что осталось лишь мгновение до того, как грубое лезвие вспорет ей горло.

И тут все изменилось.

Томми Ланкастер с пронзительным воплем отшатнулся. Мир взорвался звуками и движением. Позади Ланкастера Кэлен увидела Кару. Облаченная в красный кожаный наряд, морд-сит казалась драгоценным рубином на фоне дерьма.

К спине Томми Ланкастера был прижат эйджил. Томми извивался в судорогах и истошно вопил.

Потом он рухнул на колени. Кара провела эйджилом по его ребрам, и каждое ребро, которого касался эйджил, ломалось с громким треском. По пальцам Томми заструилась кровь — алая, как кожаный костюм Кары. Нож со звоном упал на землю. На рубашке проступили кровавые пятна, еще мгновение — и кровь потекла ручьем.

Кара возвышалась над Томми, как суровый палач. Неудавшийся убийца молил о милосердии, но Кара прижала эйджил к его горлу. Томми рухнул на землю, глаза его вылезли из орбит, он стал задыхаться.

Началось долгое и мучительное странствие к смерти. Томми Ланкастер бился в судорогах и буквально тонул в собственной крови. Кара могла бы прикончить его быстро и безболезненно, но это явно не входило в ее планы. Этот человек хотел лишить жизни Кэлен, и Кара была намерена заставить его дорого за это заплатить.

— Кара! — Кэлен сама изумилась, что смогла закричать. Морд-сит оглянулась. Томми Ланкастер судорожно рвал пальцами горло, ловя воздух ртом. — Кара, прекрати! Где Ричард? Возможно, ему нужна твоя помощь!

Кара прижала к груди Томми Ланкастера эйджил и повернула. Левая нога Томми дернулась, руки безвольно упали, и он замер.

Не успели Кэлен с Карой перемолвиться словом, как возле кареты появился Ричард. Лицо его превратилось в маску холодной ярости. В руке он держал меч. Клинок был темным и влажным.

Едва увидев меч, Кэлен поняла, что именно разбудило ее. Звук, каким Меч Истины возвестил о своем появлении. Во сне она узнала ни на что не похожий звон Меча Истины, извлекаемого из ножен, и инстинктивно почувствовала угрозу.

Даже не глянув на безжизненное тело у ног Кары, Ричард быстро подошел к Кэлен.

— Ты в порядке?

Кэлен кивнула:

— Вполне.

Довольно-таки запоздало, но от этого не менее довольная, она высвободила наконец руку из-под покрывала.

— Еще кто-нибудь на дорогу выбрался? — спросил Ричард, поворачиваясь к Каре.

— Нет. Только этот. — Она указала эйджилом на валявшийся на земле нож. — Он хотел перерезать Матери-Исповеднице горло.

Не будь Томми Ланкастер уже покойником, взгляд Ричарда наверняка бы его прикончил.

— Надеюсь, ты обошлась с ним соответственно.

— Безусловно, лорд Рал. Он крепко пожалел о своем мерзком деянии. Я позаботилась.

— Стой здесь, — Ричард обвел мечом окрестности, — и держись настороже. Уверен, что мы прикончили всех, но все же пойду удостоверюсь, что никто не спрятался и не попытается напасть с другой стороны.

— Никто не подойдет к Матери-Исповеднице, лорд Рал.

Ричард потрепал коня в упряжке.

— Я скоро вернусь. Надо убираться отсюда. Лунного света нам вполне хватит. На несколько часов — по крайней мере. Я знаю одно безопасное местечко часах в четырех отсюда. Там мы будем далеко от всего этого безобразия. Оттащи тело вон туда, за кусты, — указал он мечом, — и сбрось в овраг. Желательно, что-

бы их не обнаружили, пока мы не уберемся подальше. Скорее всего тут их только звери и обнаружат, но рисковать я не хочу.

Кара схватила покойника за волосы.

— С удовольствием.

Весил Томми немало, но морд-сит отволокла его без особого труда.

Ричард бесшумно растворился во мраке.

Кара, швырнув труп в овраг, вернулась к карете.

— С тобой все в порядке? — Она небрежно стянула перчатки.

Кэлен моргнула.

— Кара, он едва не добрался до меня.

Отбросив длинную косу за спину, Кара внимательно оглядела окрестности.

— Ничего подобного. Я все время стояла у него за спиной. Чуть ли не в затылок ему дышала. И глаз не спускала с его ножа. У него не было ни малейшего шанса до тебя дотронуться. — Она посмотрела Кэлен в глаза. — Да ты наверняка меня все время видела.

— Нет, не видела.

— Ой! Я думала, ты меня видишь! — Кара виновато затолкала перчатки за пояс. — Наверное, ты слишком низко лежала, поэтому и не видела. А я все внимание сосредоточила на нем. Я вовсе не хотела, чтобы он тебя напугал.

— Если ты все время была тут, то почему едва не позволила ему убить меня?

— Ничего подобного! — Кара мрачно улыбнулась. — Просто я хотела, чтобы он так считал. Если даешь им возможность считать, что они победили, тем сильнее шок и больше ужас. Когда вот так захватываешь мужчину врасплох, он мгновенно ломается.

У Кэлен в мыслях царил полный хаос, и она решила не продолжать тему.

— Что произошло? Сколько я спала?

— Мы ехали два дня. Ты то засыпала, то просыпалась, но пребывала в полубессознательном состоянии, даже когда не спала. Лорд Рал очень беспокоился, чтобы тебе не было больно во время движения, и переживал, что сказал тебе... то, о чем ты забыла.

Кэлен поняла, что имеет в виду Кара: ее погибшего ребенка.

— А эти люди?

— Они преследовали нас. Однако на сей раз лорд Рал не стал вступать с ними в разговоры. — Похоже, этим фактом морд-сит была особенно довольна. — Он заранее узнал, что они идут по следу, им не удалось застать нас врасплох. Когда они все налете-

ли — с луками, мечами и топорами, — он крикнул им один раз, давая возможность передумать.

— Он пытался договориться с ними? Даже тогда?

— Ну, не совсем... Он предложил им убираться с миром, иначе они все умрут.

— А потом?

— Потом они все заржали. Похоже, это их только подстегнуло. Они накинулись на нас, осыпая градом стрел и размахивая мечами и топорами. Тогда лорд Рал побежал в лес.

— Что-что он сделал?

— Перед тем как они появились, он сказал мне, что заставит всех погнаться за ним. Когда лорд Рал побежал, тот, что хотел перерезать тебе глотку, заорал другим: «Ловите Ричарда и прикончите его наконец!» Лорд Рал рассчитывал, что они все за ним погонятся, но когда один остался и направился к тебе, лорд Рал поглядел на меня, и я поняла, чего он хочет.

Заложив руки за спину, Кара внимательно озирала окрестности, на случай, если кто-нибудь вознамерится застать их врасплох. Мысли Кэлен вернулись к Ричарду. Она пыталась представить себе, что он чувствовал, когда вся эта свора гналась за ним.

— Сколько их было?

— Не считала, — пожала плечами Кара. — Может, пара десятков.

— И ты оставила Ричарда одного отбиваться от двадцати вооруженных идиотов, вознамерившихся его убить?

Кара изумленно поглядела на Кэлен:

— Помочь ему — и оставить тебя без защиты? Когда я знала, что эта беззубая скотина хочет до тебя добраться? Да лорд Рал с меня бы заживо содрал шкуру!

Кэлен невольно улыбнулась и тут же почувствовала боль в едва поджывших губах.

— Мне просто обидно, что я все это время не подозревала о твоем присутствии. А теперь твоими стараниями мне не понадобится горшок.

Кара не засмеялась.

— Мать-Исповедница, тебе следовало бы знать: я ни за что не допущу, чтобы с кем-нибудь из вас что-то случилось.

Ричард возник из темноты так же внезапно, как исчез. Он снова успокаивающе погладил лошадей и быстро проверил упряжь.

— Что-нибудь случилось? — спросил он Кару.

— Нет, лорд Рал. Все тихо и спокойно.

Прислонившись к карете, он улыбнулся:

— Что ж, раз уж ты не спишь, как насчет романтической поездки под луной?

Кэлен положила ладонь ему на руку.

— Ты в порядке?

— В полном. Ни царапинки.

— Я о другом.

Улыбка мгновенно исчезла.

— Они пытались убить нас. Вестландия только что понесла первые потери из-за Имперского Ордена.

— Но ты ведь их знал.

— Это не дает им право отдавать свою верность тем, кому не следует. Сколько тысяч убитых я уже видел с тех пор, как покинул эти места? Я не смог донести истину даже до людей, с которыми вырос. Не смог их заставить выслушать меня без предубеждения. И все эти смерти и страдания, безусловно, произошли по вине таких вот людей — людей, не желающих видеть истину. Их добровольное невежество и слепота не дают им права на мою кровь и жизнь. Они сами выбрали свою судьбу и расплатились сполна.

Он говорил совсем не как человек, закончивший бой. Ричард по-прежнему сжимал рукоять, и в нем еще бушевала ярость меча. Кэлен погладила его по руке, показывая, что все понимает. Ей было совершенно ясно: он искренне сожалеет о том, что пришлось сделать. А эти люди, сумей они убить Ричарда, ни о чем бы не сожалели и ни в чем не раскаивались. Они праздновали бы его смерть как великую победу.

— И все же опасно было заставлять их всех гнаться за тобой.

— Вовсе нет. Они удалились с открытой местности в чащу, а там им пришлось спешиться. Почва здесь каменистая, идти трудно, обрушиться на меня всем скопом они никак не могли. К тому же темнело. Они-то считали, что в этом их преимущество, — и ошиблись. Среди деревьев было еще темней, а я одет в черное. Сейчас тепло, золотой плащ я оставил в карете. А та позолота, что есть на одежде, лишь скрадывает фигуру в полутьме. Вот поэтому им весьма непросто было меня обнаружить. Как только я убил Альберта, они потеряли рассудок и впали в бешенство. А потом увидели кровь и смерть. Эти люди привыкли к дракам, а не к битвам. Они надеялись быстро нас прикончить и не были готовы сразиться за собственную жизнь. Едва поняв, что происходит на самом деле, они побежали. Те,

кто уцелел. Но это мой лес. В панике они растерялись и плутали. Я попросту перебил их и все.

— Всех? — поинтересовалась Кара, беспокоясь, не удрал ли кто и не приведет ли подмогу.

— Да. Большинство из них я знал, к тому же помнил, сколько их всего было, и вел счет. Но на всякий случай потом пересчитал тела.

— И сколько же их было? — уточнила Кара.

Ричард повернулся, чтобы взять поводья.

— Явно недостаточно.

Щелкнув языком, он дернул поводья, и лошади тронулись с места.

Глава 5

Ричард поднялся и извлек меч. На сей раз, когда ясный звук разнесся в ночи, Кэлен бодрствовала. Первым ее желанием было сесть, но Ричард тут же склонился к ней и ласково удержал. Она лишь чуть приподняла голову и увидела Кару, которая вывела к костру какого-то человека. Разглядев, кого привела Кара, Ричард убрал меч. Прибыл капитан Мейфферт, д'харианский офицер, сражавшийся с ними в Эйдиндриле.

Офицер опустился на колени и склонился до земли, коснувшись лбом усыпанной хвоей почвы.

— Магистр Рал ведет нас. Магистр Рал наставляет нас. — В голосе капитана Мейфферта звучало искреннее уважение. — Магистр Рал защищает нас. В сиянии славы твоей наша сила. В милосердии твоем наше спасение. В мудрости твоей наше смирение. Вся наша жизнь — служение тебе. Вся наша жизнь принадлежит тебе.

Когда он опустился на колени, чтобы произнести «посвящение» (так называлась эта литания), Кара рефлекторно преклонила колени вслед за ним, настолько захватывающим был ритуал, который исполняли каждый день все д'харианцы. В полевых условиях они обычно произносили слова посвящения один раз, а иногда, в особых случаях, трижды. В Народном Дворце Д'Хары было принято исполнять ритуал дважды в день.

Будучи пленником Даркена Рала, Ричард, измученный морд-сит, сам вынужден был часами простаивать на коленях, вновь и вновь повторяя слова посвящения. А теперь морд-сит, как и прочие д'харианцы, свидетельствовали так свое почтение Ричарду. Если морд-сит и считали в глубине души такой поворот событий невозможным или даже ироничным, то никак этого не показывали. А что они действительно считали совершенно невероятным, так это то, что Ричард, сделавшись магистром Ралом, не приказал их всех казнить.

Однако именно Ричард обнаружил, что посвящение магистру Ралу — не что иное, как сохранившийся на протяжении тысячелетий отголосок волшебных уз, древней магии, сотворенной одним из его предков, чтобы защитить народ Д'Хары от сноходцев.

Долгое время считалось, что сноходцы, созданные волшебниками как оружие во время великой, а ныне почти забытой войны, исчезли с лица земли. Каким-то образом искорка этих злых чар три тысячи лет передавалась из поколения в поколение и в конце концов разгорелась ярким пламенем в императоре Джегане.

Кэлен кое-что знала о целенаправленных волшебных трансформациях. Исповедницы, как и сноходцы, были порождением именно такой магии. В Джегане Кэлен видела сотворенное чарами чудовище. И знала, что многие точно так же воспринимают ее. Подобно тому, как некоторые рождаются светловолосыми или кареглазыми, Кэлен родилась, чтобы вырасти высокой, стройной женщиной, с мягкими каштановыми волосами и зелеными глазами. И с даром Исповедницы. Она любила и смеялась и жаждала жить как те, кто родился кареглазым блондином без какого-либо магического дара.

Кэлен использовала свое могущество во имя добра. Джеган, вне всякого сомнения, думал о себе точно так же, а даже если и нет, то большинство его сторонников — наверняка.

И Ричард тоже родился с даром. Древняя магия защитных уз передавалась из поколения в поколение каждому из рода Ралов, кто был рожден с даром. Без защиты волшебных уз с Ричардом — магистром Ралом — люди были беспомощны перед сноходцем.

Магия Исповедниц сохранялась несколько тысячелетий, пока всех, кроме Кэлен, не уничтожили по приказу Даркена Рала. Но теперь на свете не осталось великих волшебников, и никто не сможет вновь сотворить Исповедницу. Магия Исповедниц не умрет, только если у Кэлен будут дети.

У Исповедниц, как правило, рождались девочки — но не всегда. Магия Исповедниц изначально задумывалась как чисто женская магия. И здесь, как и во всех прочих волшебных мутациях, последствия оказались непредвиденными: мальчики тоже наследовали эту специфическую магию. С тех пор как выяснилось, насколько коварной может оказаться эта магия у мужчин, всех мальчиков, рожденных Исповедницами, непременно убивали.

Ведьма Шота опасалась, что у Кэлен родится мальчик. Шота прекрасно знала, что Ричард никогда не позволит убить их сына за какие-то древние грехи Исповедников. Да и Кэлен никогда не позволила бы убить сына Ричарда. Одной из причин, по которым Исповедницы никогда не выходили замуж по любви, было то, что так легче вынести детоубийство. Ричард, обнаружив способ, позволявший им с Кэлен быть вместе, поломал заодно и эту традицию.

Но Шота боялась не только того, что Кэлен родит Исповедника. Она боялась, что Исповедник будет наделен волшебным даром Ричарда. Ведьма предсказала, что Ричард с Кэлен зачнут сына — злобное чудовище, на редкость опасное, и поклялась убить их дитя. Чтобы избежать этого, она подарила Кэлен кулон, предохраняющий от беременности. Кэлен с Ричардом нехотя приняли дар, но иначе им пришлось бы вступить в битву с ведьмой. Вот почему Ричард так люто ненавидел пророчества.

Кэлен слушала, как капитан Мейфферт и Кара в третий раз повторяют посвящение. Тихая литания навевала сон.

Для Кэлен было роскошью находиться вместе с Ричардом и Карой возле костра, а не лежать в карете, особенно в такую сырую и прохладную ночь. Теперь, когда появились носилки, передвигать Кэлен стало гораздо проще, да и ей так было почти не больно. Ричард соорудил бы носилки раньше, но он не предполагал, что им придется опять трогаться в путь.

Они были далеко от узкой извилистой дороги, на крошечной полянке, приютившейся у скалы и закрытой со всей сторон елями и соснами. Небольшой лужок поблизости служил пастбищем для лошадей. Ричард с Карой убрали карету с дороги и замаскировали еловыми и сосновыми лапами. Никто, кроме связанных с магистром Ралом д'харианцев, не смог бы отыскать их в этом лесу.

На полянке обнаружилась обложенная камнями ямка под костер — Ричард соорудил ее почти год назад, когда был тут в последний раз. С тех пор тут никто больше костра не разжигал. Благодаря скальному выступу можно было не опасаться, что кто-

то заметит отблеск огня. К тому же восьмифутовый выступ отлично укрывал от начавшегося дождя. Кэлен еще никогда не видела более безопасного и защищенного бивака. Ричард тогда сказал истинную правду.

Они добрались сюда часов за шесть. Ричард, оберегая Кэлен, двигался очень медленно. Было уже поздно, все устали после долгого пути. Ричард сказал, что, судя по всему, дождь будет моросить день или два и они отдохнут тут, пока не наладится погода. Им торопиться некуда.

Закончив третье посвящение, капитан Мейфферт легко вскочил на ноги и прижал кулак к сердцу, салютуя. Ричард улыбнулся, они обменялись рукопожатием.

— Как поживаете, капитан? — Ричард взял офицера под локоть. — Что стряслось? Вы упали с лошади или что?

Капитан покосился на стоявшую рядом Кару.

— Э-э... Ну... Я в порядке, магистр Рал. Правда.

— По-моему, вам больно.

— Просто ваша морд-сит мне... пощекотала ребра, вот и все.

— Подумаешь! Даже не переломала! — фыркнула Кара.

— Мне действительно очень жаль, капитан. Просто у нас сегодня уже были некоторые сложности. Кара наверняка заботилась о нашей безопасности. — Взгляд Ричарда обратился на Кару. — Но все же ей следовало быть поаккуратней. Уверен, что Кара сожалеет и хочет принести извинения.

Кара состроила кислую мину.

— Было темно. И я не намерена рисковать жизнью нашего магистра Рала ради...

— Надеюсь, что нет, — произнес капитан Мейфферт, прежде чем Ричард успел устроить ей выволочку. Он улыбнулся Каре: — Меня как-то раз лягнула лошадь. Вы сбили меня с ног куда лучше, госпожа Кара. Я счастлив обнаружить, что жизнь магистра Рала в надежных руках. И если платой за это будут ноющие ребра, я охотно заплачу такую цену.

Дипломатичное поведение капитана сгладило неловкость.

— Что ж, если ребра будут беспокоить, дайте знать, — сухо произнесла Кара. — Я поцелую, и все пройдет. — В повисшем молчании под сердитым взглядом Ричарда она почесала ухо и наконец все же добавила: — Ладно, извините. Но я не хотела рисковать.

— Я уже сказал, что охотно заплачу такую цену. Благодарю за бдительность.

— Что вы здесь делаете, капитан? — поинтересовался Ричард. — Генерал Райбих послал вас выяснить, не спятил ли магистр Рал?

Хотя в тусклом свете костра все казалось неверным, Кэлен все же заметила, что капитан покраснел.

— Нет, конечно же, нет, магистр! Просто генерал пожелал дать вам полный отчет.

— Понято. — Ричард поглядел на котелок с ужином. — Когда вы в последний раз ели, капитан? Помимо того, что у вас ноют ребра, вы кажетесь несколько иссохшим.

— Ну, э-э, я скакал быстро, магистр Рал. По-моему, вчера я что-то, кажется, ел. Однако я в полном порядке. Я могу съесть что-нибудь после...

— Тогда садитесь, — велел Ричард. — Позвольте предложить вам горячее. Вам это пойдет на пользу.

Пока офицер нехотя усаживался на мшистую землю рядом с Кэлен и Карой, Ричард положил в миску рис с бобами и отрезал большой кусок овсяной лепешки. Капитан Мейфферт не смел ему воспрепятствовать и в ужасе смотрел, как его обслуживает сам магистр Рал.

Ричарду пришлось дважды протягивать миску, прежде чем офицер осмелился ее взять.

— Это всего лишь рис с бобами, капитан. Я же не руку Кары вам предлагаю.

— Морд-сит замуж не выходят! — хихикнула Кара. — Они просто берут мужчину в сожители — если хотят. А его мнения никто не спрашивает.

Ричард посмотрел на нее — и не засмеялся: он слишком хорошо знал, что морд-сит говорит правду. То, что происходило у морд-сит с мужчинами, не имело ничего общего с любовью. Скорее — наоборот. Повисло неловкое молчание. До Кары дошло, что она брякнула лишнее, и она отправилась наломать веток для костра.

Кэлен знала, что Денна — та самая морд-сит, что захватила Ричарда — взяла его в сожители. И Кара тоже это знала. Когда Ричард иногда резко просыпался и цеплялся за нее, Кэлен всякий раз задумывалась, были ли его кошмары плодом воображения или воспоминаниями о том, что происходило в действительности. Когда она ласково целовала его в потный лоб и спрашивала, что ему приснилось, он ничего не мог вспомнить. И Кэлен была благодарна хотя бы за это.

Ричард взял длинную ветку, положенную поперек костра, снял с нее несколько кусочков бекона, положил капитану в миску и накрыл куском лепешки. У них было с собой много припасов, которые Ричард добыл во время долгого путешествия на север. Еды им должно хватить надолго.

— Благодарю! — рявкнул капитан Мейфферт и пригладил копну светлых волос. — Выглядит очень аппетитно.

— Так и есть, — кивнул Ричард. — Вам повезло. Сегодня готовил ужин я, а не Кара.

Кара, гордившаяся тем, что повар из нее отвратительный, улыбнулась, будто ее одарили комплиментом.

Кэлен была уверена, что эту историю станут теперь пересказывать и слушать с вытаращенными глазами и изумленным недоверием: сам магистр Рал подает еду одному из своих подданных. По тому, как капитан ел, можно было догадаться, что с последней трапезы прошло куда больше суток. Такому крупному мужчине требуется много еды.

Он проглотил кусок и поднял глаза.

— Мой конь. — Капитан начал подниматься. — Когда госпожа Кара... Я забыл о коне. Мне нужно...

— Ешьте. — Ричард встал и хлопнул капитана Мейфферта по плечу, вынуждая оставаться на месте. — Я в любом случае собирался пойти посмотреть, как там наши лошади. Заодно погляжу и вашу. Думаю, она тоже не откажется от воды и овса.

— Но, магистр Рал, я не могу допустить, чтобы вы...

— Ешьте. Это сэкономит время. Когда я вернусь, вы уже покончите с ужином и отрапортуете мне, как положено. — Ричард растворился во тьме, и оттуда донесся его голос: — Но боюсь, у меня по-прежнему не будет никаких распоряжений генералу Райбиху.

Теперь тишину нарушал лишь стрекот сверчков. Вдалеке закричала ночная птица. За ближайшими деревьями заржали кони — наверное, обрадовались появлению Ричарда. Под скалистый навес изредка заползал клочок тумана, обдавая щеки Кэлен влагой. Ей очень хотелось повернуться набок и закрыть глаза. Ричард дал ей немного травяного настоя, и лекарство уже начинало оказывать свое убаюкивающее действие. По крайней мере боль оно тоже несколько успокаивало.

— Как вы себя чувствуете, Мать-Исповедница? — спросил капитан Мейфферт. — Все за вас очень беспокоятся.

Исповеднице редко приходилось встречаться с такой теплой и искренней заботой. У Кэлен едва слезы на глаза не навернулись.

— Постепенно выздоравливаю, капитан. Сообщите всем, что я уже скоро окончательно приду в себя. Мы едем в одно тихое местечко, где я смогу наслаждаться свежим воздухом и немного отдохнуть. Уверена, что окончательно поправлюсь еще до осени. И надеюсь, что к тому времени Ричард будет... меньше беспокоиться за меня и сможет обратить свои мысли к насущным военным делам.

Капитан улыбнулся:

— Все будут счастливы узнать, что вы выздоравливаете. Даже сосчитать не могу, сколько людей говорили мне перед отъездом, что хотят узнать о вашем самочувствии.

— Передайте им, что со мной все будет в порядке, и я прошу их не волноваться за меня, а побольше заботиться о себе.

Капитан зачерпнул еще ложку. По его глазам Кэлен видела, что воина тревожит еще что-то. Но высказал он свою тревогу не сразу, а через некоторое время.

— Нас также беспокоит, что вы с магистром Ралом нуждаетесь в защите.

Кара, и без того сидевшая прямо, умудрилась выпрямиться еще больше, придав своей позе несколько угрожающий характер.

— Магистр Рал и Мать-Исповедница не остались без защиты, капитан. У них есть я. Когда есть морд-сит, нет нужды в красивых бронзовых пуговицах.

На сей раз офицер не отступил. В его голосе явственно зазвучали властные нотки.

— Речь не идет о проявлении неуважения или недооценке, госпожа Кара. Как и вы, я поклялся охранять их, это моя обязанность. Эти бронзовые пуговицы и прежде встречались с врагом, защищая магистра Рала, и мне не верится, что морд-сит захочет отстранить меня из одной лишь гордыни.

— Мы едем в дальнее уединенное место, — поспешно вмешалась Кэлен. — Мне кажется, что уединенность и присутствие Кары будут достаточной защитой. Если Ричард думает иначе, он это скажет сам.

Капитан нехотя кивнул.

Отправившись вместе с Кэлен на север, Ричард не стал брать с собой охрану. Кэлен знала, что он сделал это вполне сознательно. Вообще-то Ричард ничего не имел против вооруженной охраны и раньше не возражал, когда их сопровождал вооруженный отряд. Кара тоже настаивала на войсковом сопровождении, однако вряд ли она призналась бы в этом капитану Мейфферту.

Они довольно долго пробыли в Андерите с капитаном и его элитной гвардией. Кэлен знала, что он превосходный командир. На вид ему было лет двадцать пять. Наверное, он служил уже лет десять и был ветераном многих кампаний. В резких чертах его лица еще только начала проступать зрелость взрослого мужчины.

На протяжении столетий благодаря войнам, миграции и оккупации другие культуры смешивались с д'харианской, разбавляя кровь и выводя новые типажи. Высокий широкоплечий капитан Мейфферт был чистокровным д'харианцем, синеглазым и светловолосым. Как и Кара. Волшебные узы были сильнее всего у чистокровных д'харианцев.

Прикончив примерно половину риса, капитан оглянулся и посмотрел во тьму, где исчез Ричард. А потом взгляд его ясных голубых глаз устремился на Кэлен и Кару.

— Не хочу никого обидеть или оскорбить и надеюсь, что мои слова не прозвучат неуместно, но могу ли я задать вам обеим... щепетильный вопрос?

— Можете, капитан, — сказала Кэлен. — Только не обещаю, что мы ответим.

Капитан задумался, но все же продолжил:

— Генерал Райбих и некоторые офицеры... Ну, были кое-какие разговоры насчет магистра Рала. Конечно, мы ему всецело доверяем, — поспешно добавил капитан. — Правда, доверяем. Просто дело в том...

— Так что же вас тогда беспокоит, капитан? — нахмурилась Кара. — Если вы так ему доверяете.

Мейфферт повозил ложкой по миске.

— Я был в Андерите и видел все, что там произошло. Я знаю, как много он сделал... И вы тоже, Мать-Исповедница. Ни один магистр Рал до него не интересовался мнением народа. Раньше единственное, что имело значение, — это желание магистра Рала. А потом, после всех трудов, народ отверг его предложение. Отверг его самого. Он отослал нас к основным силам и попросту бросил, чтобы отправиться сюда, в неведомую глушь. В изгнание или куда там еще. — Он помолчал, подыскивая слова. — Мы не очень... все это понимаем. — Капитан снова замолчал, глядя на огонь. Потом поднял глаза и продолжил: — Мы опасаемся, что магистр Рал потерял волю к борьбе. Что ему все стало безразлично. Или, может быть... он боится сражаться?

Кэлен поняла, что офицер опасается, что его покарают за эти слова, но он должен услышать ответ и готов идти на риск. На-

верное, именно поэтому он сам приехал с докладом, вместо того чтобы отправить гонца.

— Часов за шесть до того, как приготовить вот этот славный горшочек риса с бобами, — светски сообщила Кара, — магистр Рал убил двадцать человек. Сам. В одиночку. Порубил на куски. Такая жестокость поразила даже меня. Мне он оставил только одного. Нечестно с его стороны, на мой взгляд.

Капитан Мейфферт облегченно вздохнул, отвел взгляд от лица Кары и снова уставился в миску, помешивая варево.

— Эту новость воспримут с большим энтузиазмом. Спасибо, что рассказали, госпожа Кара.

— Он не может отдавать приказы, — произнесла Кэлен, — он уверен в том, что если сейчас он бросит войска против Имперского Ордена, то обречет нас на поражение. Если он ввяжется в войну слишком рано, у нас вообще не будет никаких шансов на победу, — так он говорит. Он считает, что должен дождаться подходящего момента, вот и все. Ничего больше.

Кэлен чувствовала себя несколько неуютно, оправдывая действия Ричарда, ведь сама она вовсе не была с ним согласна. Она знала, что сейчас в первую очередь необходимо выяснить, насколько далеко продвинулся Орден, и остановить грабежи и убийства.

Капитан некоторое время обдумывал услышанное, медленно пережевывая лепешку. Нахмурившись, он взмахнул рукой.

— В военной теории есть точное определение такой стратегии. Если есть выбор, атаковать надо только тогда, когда это выгодно тебе, а не противнику. — Поразмыслив еще немного, он с воодушевлением продолжил: — Куда лучше наступать в подходящий момент, чем ввязываться в битву раньше времени. Так поступают только плохие командиры.

— Совершенно верно. — Кэлен положила правую руку на лоб. — Может быть, вы объясните вашим офицерам именно так: еще не время отдавать приказы, лорд Рал ждет подходящего момента. Возможно, такая формулировка будет более понятна вам и вашим братьям по оружию.

Капитан доел лепешку, продолжая сосредоточенно размышлять.

— Я, безусловно, доверяю магистру Ралу. И другие тоже, я знаю. Но сдается мне, такое объяснение им придаст еще больше уверенности. Теперь я понимаю, почему он решил покинуть нас: чтобы избежать искушения и не ввязаться в битву до срока.

Кэлен очень хотелось бы быть столь же уверенной. Она вспомнила, как Кара спросила, каким образом люди смогут доказать Ричарду, что достойны его. Она знала, что Ричард вряд ли снова согласится на голосование, но решительно не понимала, каким еще образом люди смогут себя проявить.

— Я не стала бы говорить об этом Ричарду, — заметила Кэлен. — Для него все совсем не просто. Он пытается делать то, что считает правильным, но он избрал трудный путь.

— Я понимаю, Мать-Исповедница. «В мудрости его наше смирение. Вся наша жизнь — служение ему. Вся наша жизнь принадлежит ему».

Кэлен пристально изучала свежее гладкое лицо капитана, освещенное отблесками костра. И в этом лице она прочла то, что пытался объяснить ей Ричард.

— Ричард не считает, что ваша жизнь принадлежит ему, капитан. Он считает, что ваша жизнь принадлежит вам, и она бесценна. Вот за это он и сражается.

— Многие из нас видят, насколько он отличается от предыдущего магистра Рала. — Капитан тщательно подбирал слова. Он не боялся Матери-Исповедницы, поскольку вырос в другой стране, не знавшей могущества и власти Исповедниц, но все же Кэлен была женой магистра Рала. — Не стану утверждать, что мы хорошо его понимаем, но мы знаем: он сражается, чтобы защитить, а не завоевать. Как солдат я прекрасно вижу разницу, потому что... — Мейфферт отвел глаза, взял веточку и принялся постукивать ею по земле. В его голосе вдруг прозвучала боль. — Потому что, когда убиваешь тех, кто не сделал ничего дурного, что-то очень важное умирает в твоей душе.

Он медленно перемешал головешки. В небо взлетел сноп искр.

Кара не отрывала глаз от эйджила, который перекатывала в руке.

— Вы... у вас тоже было это ощущение?

Капитан Мейфферт встретился с ней взглядом.

— Раньше я в этом себе не сознавался. Просто не знал. Теперь благодаря магистру Ралу я горжусь тем, что я д'харианец. Он дал нам возможность стоять за правое дело... Такого еще не было. Я воспринимал все как само собой разумеющееся, потому что так было всегда, и ничего не менялось.

Глядя в пространство, Кара согласно кивнула. Кэлен попробовала себе представить, что за жизнь может быть при таком правлении и что это правление делает с людьми.

— Я рада, что вы понимаете, капитан, — прошептала Кэлен. — Это одна из причин, почему он так беспокоится за всех вас. Он хочет, чтобы вы прожили жизнь, которой могли бы гордиться. Свою собственную жизнь.

Капитан бросил ветку в огонь.

— И он хотел, чтобы жители Андерита сами позаботились о своем будущем. И то голосование на самом деле было не за него, а за них самих. Наверное, поэтому голосование так много для него значило?

— Да, — коротко ответила Кэлен, боясь, что голос ей изменит, если она произнесет еще что-нибудь.

Капитан снова принялся помешивать ложкой ужин. Еда уже давным-давно остыла, но д'харианец был слишком занят своими мыслями.

— Знаете, — произнес он наконец, — там, в Андерите, мне доводилось слышать, как жители говорили, что раз Даркен Рал его отец, то и Ричард Рал тоже злодей. Они говорили, ежели его отец творил зло, то Ричард Рал может иногда *поступать* хорошо, но никогда не сможет *стать* хорошим человеком.

— Я тоже это слышала, — подтвердила Кара. — И не только в Андерите.

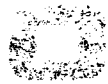
— Это не так, — тихо сказал капитан. — Почему люди думают, что если его отец был жестоким, то за преступления отвечает сын? Он что, должен всю жизнь посвятить покаянию? Меня пугает мысль о том, что если мне посчастливится иметь детей, то они, и их дети, и дети их детей будут вечно страдать за то, что я творил, служа Даркену Ралу. — Капитан поглядел на Кэлен с Карой. — Такого рода предрассудки — глупость.

Кара молча смотрела в огонь.

— Я служил Даркену Ралу, — сказал капитан. — И я знаю разницу между этими двумя людьми. — В его голосе звенела приглушенная ярость. — Люди не правы, возлагая вину за преступления Даркена Рала на его сына.

— Именно, — кивнула Кара. — Эти двое, может, в чем-то и похожи, но каждый, кто хотя бы раз заглянул в глаза и тому, и другому, никогда бы не посчитал, что сын такой же, как отец.

Глава 6



статки риса с бобами капитан Мейфферт доел в молчании. Кара предложила ему свой бурдюк. Капитан улыбнулся и благодарно кивнул. Тогда Кара положила капитану Мейфферту вторую порцию и отрезала еще кусок лепешки. Д'харианец был ошеломлен не меньше, чем когда его обслужил магистр Рал. Кара сочла эту реакцию забавной. Обозвав его «бронзовыми пуговицами», она велела съесть все до крошки. И капитан послушно принялся за еду под звуки потрескивающего огня и падающих с еловых веток капель.

Ричард вернулся, притащив седельные сумки и спальный мешок капитана. Бросив их подле Мейфферта, он стряхнул с себя воду, сел рядом с Кэлен и протянул ей полный бурдюк воды. Кэлен сделала малюсенький глоток.

Ричард зевнул.

— Ну, капитан Мейфферт, вы говорили, генерал желает, чтобы вы сделали мне полный доклад?

— Так точно.

И капитан приступил к длинному и подробному изложению о том, где стоят войска на юге, о дислокации на равнинах, какие перевалы они охраняют в горах, как планируют воспользоваться преимуществами местности на случай, если Имперский Орден внезапно покинет Андёрит и двинется на

север, в Срединные Земли. Он доложил о состоянии здоровья солдат и офицеров, о снабжении и обеспечении. Все отлично. Вторая половина д'харианских войск генерала Райбиха оставалась в Эйдиндриле, охраняя город, и Кэлен обрадовалась, узнав, что там все хорошо.

Капитан Мейфферт передал все сообщения, полученные из Срединных Земель, включая Кельтон и Галею, два крупнейших государства, входящих отныне в состав Д'Харианской империи. Союзные страны обеспечивали снабжение войск и отправляли своих людей вести разведку на территориях, которые они знали лучше, чем д'харианцы.

Сводный брат Кэлен, Гарольд, привез сообщение, что состояние Цириллы, ее сводной сестры, потихоньку улучшается. После того, что довелось пережить Цирилле в плену, она несколько повредилась умом и не могла больше быть королевой. В редкую минуту просветления, тревожась за свой народ, она умолила Кэлен стать королевой вместо нее. Кэлен нехотя согласилась, сказав, что берет на себя эту обязанность только пока Цирилла не поправится. Мало кто полагал, что когда-нибудь к Цирилле вернется разум, но, судя по всему, она все-таки еще может выздороветь.

Чтобы успокоить соседнее с Галеей государство, Кельтон, Ричард провозгласил Кэлен королевой Кельтона. Когда Кэлен впервые узнала о том, что сотворил Ричард, она сочла это полным безумием, однако его решение устроило и Кельтон, и Галею, и не только принесло мир, но и сделало обе страны союзниками в борьбе против Имперского Ордена.

Кара была приятно удивлена, узнав, что во дворец Исповедниц Эйдиндрила прибыли морд-сит, на случай, если они вдруг понадобятся магистру Ралу. Бердина наверняка довольна, что в Эйдиндриле есть теперь ее подруги.

Кэлен тосковала по Эйдиндрилу. Наверное, место, где ты вырос, навсегда остается в твоем сердце. Подумав об этом, она снова опечалилась за Ричарда.

— Должно быть, это Рикка, — улыбнулась Кара, услышав про морд-сит. — Погодите, когда она встретится с новым магистром Ралом!

Мысли Кэлен обратились к людям, которых они оставили Имперскому Ордену. Точнее — людям, которые *предпочли* Имперский Орден.

— Получали ли вы какие-нибудь сообщения из Андерита?

— Да, от многих разведчиков, что мы туда засылали. Боюсь, несколько людей мы там все же потеряли. А те, кто вернулся, сообщили, что от отравления водой погибло меньше врагов, чем мы рассчитывали. Как только Имперский Орден обнаружил, что солдаты умирают или заболевают, власти начали пробовать все на местных жителях. Многие андерцы умерли или заболели, но широкого распространения это не получило. Используя людей как подопытных кроликов, Орден сумел определить отравленную пищу и уничтожить ее. Армия наложила лапу на все запасы. Им требуется много еды. Говорят, что армия Имперского Ордена намного больше, чем можно предположить.

Кэлен знала об этом из многочисленных докладов. Орден превосходил противостоящие ему д'харианские и срединноземные войска в десять, а то и в двадцать раз. В некоторых докладах назывались еще большие цифры. В отдельных сообщениях приводилось отношение сто к одному, но Кэлен сочла это паническими слухами. Она не знала, как долго Имперский Орден будет доить Андерит, прежде чем двинется дальше. Не знала, поступают ли ему припасы из Древнего мира. Наверняка поступают.

— Сколько разведчиков мы потеряли? — спросил Ричард.

Капитан Мейфферт посмотрел на него. Это был первый вопрос, который задал Ричард за все время.

— Некоторые могут еще вернуться, но, похоже, мы потеряли человек пятьдесят—шестьдесят.

Ричард вздохнул:

— И генерал Райбих считает, что полученные сведения того стоили?

Капитан Мейфферт растерялся.

— Мы не знали, что обнаружим, лорд Рал. Именно поэтому мы их и послали. Хотите, чтобы я передал генералу ваше пожелание не отправлять туда больше людей?

Ричард вырезал из деревяшки лицо, время от времени стряхивая стружку в огонь. Он снова вздохнул.

— Нет. Генерал должен действовать так, как сам сочтет нужным. Я же объяснил ему, что не могу отдавать приказы.

Капитан молча швырнул в костер горсть хвои, вспыхнувшей ярким пламенем. Ричард тем временем продолжал вырезать лицо, весьма напоминавшее лицо капитана.

Кэлен уже не раз видела, как Ричард вырезает из дерева фигурки животных или людей. Как-то раз она сказала, что этот талант напрямую связан с волшебным даром. Ричард лишь рассме-

ялся, а потом объяснил, что увлекается резьбой по дереву с детства. Кэлен же напомнила, что это искусство часто используется для заклинаний и что самого Ричарда как-то захватили в плен именно при помощи нарисованного заклинания.

Но Ричард упорно не хотел с ней соглашаться. В бытность свою лесным проводником он частенько коротал время, сидя у костра и вырезая фигурки. Не желая таскать лишний груз, он обычно швырял готовые вещицы в огонь. Он говорил, что ему нравится сам процесс, а фигурку всегда можно вырезать новую. Кэлен очень нравились его фигурки, и она огорчалась всякий раз, когда Ричард их уничтожал.

— Что вы намерены делать, лорд Рал? Если, конечно, я могу спросить? — тихо проговорил капитан.

Ричард аккуратно срезал щепочку, очерчивая контур уха. Он поднял глаза и уставился во тьму.

— Мы едем в одно местечко высоко в горах, куда никто не ходит, там мы будем одни и в безопасности. Мать-Исповедница сможет восстановить там силы. А пока мы будем жить в горах, возможно, мне удастся уговорить Кару начать носить платья.

— Что?! — взвилась Кара. Увидев, что Ричард улыбается, она сообразила, что это шутка, но остыла не сразу.

— На вашем месте я не стал бы сообщать об этом генералу, капитан, — добавил Ричард.

Кара плюхнулась на землю.

— Да уж, пусть лучше не сообщает, если дорожит своими ребрами, — буркнула она.

Кэлен с трудом сдержала смех.

— Сейчас я ничем не могу вам помочь. — Ричард снова заговорил серьезно. — Надеюсь, вы все с этим согласитесь.

— Конечно, лорд Рал. Мы знаем, что, когда придет срок, вы поведете нас в битву.

— Надеюсь, этот день настанет, капитан. Очень надеюсь. Не потому, что мне так уж хочется сражаться, — просто я надеюсь, что будет ради чего вступать в бой. — Ричард уставился в огонь. Вся его фигура выражала отчаяние. — Сейчас — не за что.

— Да, лорд Рал, — нарушил неловкое молчание капитан Мейфферт. — Мы будем действовать по собственному разумению, пока Мать-Исповедница не выздоровеет и вы не сможете присоединиться к нам.

Ричард не стал спорить. Кэлен тоже хотела бы думать, что все произойдет так, как говорит капитан, но Ричард никогда не

утверждал, что вернется к войску так скоро. Вообще-то он ясно дал понять, что, возможно, не вернется никогда.

Ричард положил деревяшку на колено, рассматривая, что получилось. Проведя пальцем по линии только что вырезанного носа, он спросил:

— Вернувшиеся разведчики рассказали... как живется народу Андерита... под Имперским Орденом?

Кэлен знала, что, задавая этот вопрос, он лишь изводит себя. И пожалела, что он его задал. Вряд ли ему понравится ответ.

Капитан Мейфферт откашлялся:

— Ну... да, они доложили об условиях жизни.

— И?

Молодой офицер принялся хладнокровно излагать факты.

— Джегань устроил свою штаб-квартиру в столице, Ферфилде. Поместье министра культуры забрал себе. Его армия настолько огромна, что заполонила не только город, но и все окрестные холмы и поля. Андеритская армия практически не оказала сопротивления. Их переловили и всех перебили. Правительство Андерита перестало существовать в первые же часы. Там теперь нет ни власти, ни законов. Всю первую неделю Орден праздновал победу. Большинство жителей Ферфилда выгнали из домов и лишили всего. Многие бежали. Дороги были запружены теми, кто пытался удрать из города. В результате беженцы стали игрушками для тех солдат Ордена, что не поместились в городе и остались на холмах. Лишь единицы — главным образом старые и больные — смогли уйти. — Тут выдержка изменила капитану. Он ведь тоже немало времени провел в Андерите. — Боюсь, что в общем и целом все для них обернулось очень плохо, лорд Рал. Было огромное число жертв, среди мужчин во всяком случае. Десятки тысяч. А скорее всего куда больше.

— Они получили то, что просили. — Голос Кары был ледяным, как зимняя стужа. — Они сами выбрали свою судьбу.

Кэлен была с ней полностью согласна, но не стала произносить этого вслух. И она знала, что Ричард согласен тоже. Однако радости по этому поводу никто не испытывал.

— А в провинции? — спросил Ричард. — Что-нибудь известно о том, что происходит за пределами столицы? Там дела обстоят не лучше?

— Не лучше, лорд Рал. Имперский Орден методично «умиротворят» страну, как они это называют. Солдат сопровождают

волшебники. Кстати, самый жуткие истории рассказывают о некоей госпоже Смерти.

— О ком? — уточнила Кара.

— Они называют ее госпожа Смерть.

— Ее... Должно быть, одна из сестер, — заметил Ричард.

— И которая из них, по-вашему? — спросила Кара.

Ричард, вырезая на деревянном лице рот, пожал плечами:

— Джеганъ держит у себя в плену и сестер Света, и сестер Тьмы. Он ведь сноходец. Он заставляет выполнять свою волю и тех, и других. Это может быть любая из них. Эта женщина — всего лишь его орудие.

— Не знаю, — сказал капитан Мейфферт. — У нас полно сообщений о сестрах и о том, насколько они опасны. Но их обычно используют, как вы и сказали, для нужд армии, главным образом в качестве оружия. Джеганъ не позволят сестрам думать самостоятельно или чем-то управлять. А та, о которой идет речь, ведет себя совсем иначе. Она действует как эмиссар Джеганя, и, по слухам, сама принимает решения и действует, как ей заблагорассудится. Разведчики утверждают, что ее боятся даже больше, чем самого Джеганя. Жители одного городка, прознав, что к ним направляется госпожа Смерть, собрались все на главной площади. Сначала дали яд детям, потом выпили отраву сами. К прибытию этой женщины все жители города были мертвы. Около пяти тысяч человек.

Ричард прекратил работу. Кэлен знала, что слухи иногда бывают столь чудовищными, что тревога перерастает в жуткую панику, и тогда люди предпочитают умереть, чем встретиться лицом к лицу с объектом своего страха. Страх — могучее оружие войны.

Ричард вернулся к работе. Держа нож возле самого острия, он аккуратно вырезал глаза.

— И никто не знает ее имени? Этой госпожи Смерти?

— Мне очень жаль, лорд Рал, нет. Они сообщают, что все называют ее просто госпожа Смерть.

— Похоже на уродливую ведьму, — заметила Кара.

— Совсем наоборот. Она голубоглазая, с длинными светлыми волосами. Говорят, она чуть ли не самая красивая женщина на свете. По словам разведчиков, она выглядит, как добрый дух во плоти.

Кэлен отметила брошенный капитаном взгляд на Кару — голубоглазую, с длинными светлыми волосами, очень красивую. И смертельно опасную.

Ричард нахмурился.

— Блондинка... голубоглазая... Таких было несколько... Жаль, что они не узнали ее имени.

— Извините, но ее имени у нас нет, лорд Рал, только описание... Ах да! Еще она постоянно одета в черное.

— Добрые духи! — прошептал Ричард, поднимаясь на ноги и сжимая в кулаке деревянную фигурку.

— Судя по тому, что мне рассказывали, лорд Рал, хоть она и выглядит, как добрый дух во плоти, сами добрые духи ее бы испугались.

— И не зря, — произнес Ричард, глядя в пространство, будто разглядел сквозь тьму нечто, доступное лишь ему.

— Значит, вы ее знаете, лорд Рал?

Кэлен вслушивалась в треск огня, ожидая, когда Ричард ответит. Казалось, он пытается совладать с голосом, глядя в вырезанные глаза деревянной фигурки.

— Знаю, — ответил он наконец. — Даже слишком хорошо. Она была одной из моих наставниц во Дворце Пророков. — Ричард швырнул фигурку в огонь. — Молитесь, чтобы вам никогда не довелось заглянуть Никки в глаза, капитан.

Глава 7

— Посмотри мне в глаза, дитя, — произнесла Никки своим нежным, мягким голосом, взяв девочку за подбородок.

Она приподняла худенькое личико ребенка. Широко раскрытые темные глаза моргнули в тупом изумлении. В этих глазах нечего было искать: девочка оказалась простушкой.

Никки выпрямилась, глубоко разочарованная. Как всегда. Иногда она ловила себя на том, что заглядывает людям в глаза, как вот сейчас, а после сама не может понять зачем. Если она и искала что-то, то не знала, что ищет.

Она продолжила неторопливый обход выстроенных шеренгами жителей городка, которых собрали всех до единого на пыльной рыночной площади. Наверняка в базарные дни сюда приезжали жители соседних ферм, кое-кто даже оставался на ночь. Сегодняшний день не был рыночным, но все равно прекрасно отвечал ее целям.

Лишь у некоторых из многочисленных домишек имелся второй этаж, обычно представлявший надстройку над лавкой — там в одной-двух комнатах ютилась семья владельца. Никки видела пекарню, кузню, лавку травника, магазинчики кожевенника, горшечника, сапожную мастерскую. Как всегда. Все городки похожи друг на друга.

Многие местные жители работают на окрестных полях, пасут скотину, выращивают овощи на огородах. Поскольку соломы, навоза и глины здесь было в достатке, строили в основном мазанки. Лишь немногие домишки со вторыми этажами имели балочные конструкции и кирпичную кладку.

За спиной Никки стояли вооруженные до зубов мрачные солдаты. Они устали от долгой скачки и, что гораздо хуже, маялись от скуки. Никки прекрасно знала: еще чуть-чуть — и начнется буйство. Любой городок, даже самый паршивый, где и взять-то особо нечего, все равно развлечение. К тому же солдаты куда больше любили крушить, чем грабить. Насилие — тоже удовольствие. Собранные на площади женщины лишь изредка осмеливались смотреть в наглые глаза солдат.

Шагая мимо испуганных людей, Никки глядела в неотрывно следящие за ней глаза. У большинства — глаза, расширившиеся от ужаса: их, этих людей, пугают не только солдаты, но и она сама — Никки, госпожа Смерть. Да, так они ее зовут. Это прозвище оставляло ее равнодушной. Она просто констатировала факт, беспокоивший ее не больше, чем дырка в чулке.

Кое-кто, она знала, смотрел на золотое кольцо в ее нижней губе. Должно быть, до них уже дошли слухи, что отмеченная таким образом женщина — личная рабыня императора Джеганя, иначе говоря, существо более низшее, чем даже простые крестьяне. Их взгляды на золотое кольцо, их мысли — все это волновало ее еще меньше, чем прозвище госпожа Смерть.

Джеганю принадлежит всего лишь ее тело в этом мире. Владетель получит навечно ее душу в мире ином. Ее телесное существование здесь было пыткой. Существование ее души там, в мире духов, будет не лучше. Существование и страдание — всего лишь две стороны медали, иначе и быть не может.

Дымок, поднимавшийся над очагом за ее левым плечом, темной полоской возносился к голубому небу. Над очагом был установлен большой вертел. На нем можно было одновременно зажаривать пару-тройку овец или свиней. Временные щиты, сложенные рядом, скорее всего служили для того, чтобы по мере надобности превращать очаг в коптильню.

В прежние времена такие очаги на улице, частенько расположенные рядом со скотобойней, использовали для варки мыла, поскольку варили мыло, как правило, вне дома. Никки видела чан с пеплом, где делали щелок, и большой металлический котелок, в котором, должно быть, топят жир. Щелок и жир — основ-

ные составляющие мыла. Некоторые женщины любили придавать мылу аромат, добавляя травы — розмарин, лаванду.

Когда Никки была маленькой, мать заставляла ее каждую осень, когда заканчивался забой скота, помогать варить мыло. Мать говорила, что помощь другим способствует формированию характера. У Никки до сих пор виднелись точечки от ожогов на тыльной стороне ладоней и предплечьях — там, куда когда-то попали капли горячего жира. Мать всегда заставляла Никки надевать красивое платье — не для того чтобы произвести впечатление на других, у кого не было такой хорошей одежды, а чтобы Никки выделялась из толпы и чувствовала себя неловко. Ее розовое платьице вовсе не вызывало восхищения. Когда она стояла, помешивая длинной ложкой щелок в кипящем котле, дети, пытаясь замарать ей платье, забрызгивали его, обжигая при этом и Никки. Мать Никки говорила, что эти ожоги — кара, посланная Создателем.

Никки шла, изучая собравшихся. Звенящую тишину нарушало лишь фырканье лошадей, покашливание и треск огня в очаге. Солдаты уже разжились парочкой свиней, которые теперь поджаривались на вертеле, но аромат жареного мяса быстро растворялся в воздухе, оставались кислый запах пота и вонь человеческого жилья. Армия в походе или мирный городок — не важно, человеческая грязь везде воняет одинаково.

— Вы все знаете, почему я здесь, — провозгласила Никки. — Почему вы вынудили меня предпринять столь дальнее путешествие? — Она обвела взглядом около двух сотен человек, стоявших в четыре-пять шеренг. Солдаты, пригнавшие их сюда из домов и с полей, многократно превосходили их численностью. Она остановилась напротив мужчины, на которого, как она заметила, посматривали многие горожане.

— Ну?

Ветер трепал жидкие седые волосы, открывая лысеющую макушку. Мужчина молча смотрел в землю.

— Нам нечего отдать, госпожа. У нас бедная община. У нас ничего нет.

— Ты лжешь. У вас были две свиньи. Вы собирались устроить грандиозное пиршество, вместо того чтобы помочь нуждающимся.

— Но мы ведь должны есть! — Это был не аргумент, а мольба.

— Как и другие, но им не так повезло, как вам. Им знакома лишь пустота в желудке, когда они каждый вечер ложатся спать голодными. Какая чудовищная трагедия! Каждый день тысячи

детей умирают от голода, миллионы страдают от отсутствия еды, а люди, подобные вам, живущие в богатых странах, не дают им ничего, только приводят эгоистичные оправдания. Их право — получить то, в чем они нуждаются, и это право должны уважать те, у кого есть возможности им помочь. Нашим солдатам тоже надо есть. Или вы считаете, что наша борьба за всеобщее процветание такая легкая? Эти люди ежедневно рискуют жизнью, чтобы вы могли растить ваших детей в совершенном, цивилизованном обществе. Как вы смеете смотреть этим людям в глаза? Как мы сможем хотя бы накормить наши войска, если каждый не будет помогать нашему делу?

Мужчина дрожал, но хранил молчание.

— Что я должна сделать, чтобы растолковать вам, люди, всю серьезность ваших обязательств перед другими? Ваш вклад в пользу нуждающихся есть не что иное, как священный моральный долг. Умение делиться — величайшая добродетель.

Внезапно в глазах у нее потемнело. В ушах зазвенело от боли, а в голове зазвучал голос Джеганя. *Зачем тебе эти игры? Преподай им урок, покажи, что я не из тех, чьими пожеланиями можно пренебрегать!*

Никки пошатнулась. Она ослепла от жгучей боли, расколовшей голову. Желудок скрутило в узел. Даже ржавое зазубренное лезвие в кишках не могло бы причинить боли сильнее. Руки безвольно повисли вдоль тела. Никки ждала, когда гнев Джеганя угаснет. А если нет — она ждала смерти.

Она не знала, сколько это длилось — потеряла чувство времени. Боль была всепоглощающей. Это могло длиться лишь миг, а могло тянуться часами. Казалось, легкие сейчас лопнут. Вот-вот подогнутся колени.

Не вздумай снова ослушаться меня!

Воздух снова хлынул в легкие. Джегань закончил урок. Во рту, как всегда, остался мерзкий кислый привкус, болели нервные окончания за ушами. В голове звенело, зубы стучали. Открыв глаза, Никки удивилась, как удивлялась всегда, что не стоит в луже собственной крови. Она коснулась уголка губ, провела пальцами по уху. Крови нет.

Интересно, отрешенно подумала она, почему Джегань смог сейчас проникнуть в ее разум? Иногда ему этого не удавалось. С другими сестрами так не бывает — к их разуму он всегда имеет доступ.

Когда в глазах просветлело, она увидела, что люди изумленно таращатся на нее. Они не понимали, почему госпожа Смерть

вдруг замолчала. Мужчины исподтишка оглядывали ее фигуру. Они привыкли к женщинам в бесформенных заношенных платьях, чье тело изуродовано тяжелой работой и постоянными беременностями. И никогда еще они не видели женщины, подобной Никки, — стройной, высокой, глядящей прямо в глаза, одетой в красивое черное платье, обтягивающее, словно перчатка, ее изумительную фигуру, ее тело, не знавшее ни тяжкого труда, ни родов. Черная ткань резко контрастировала с белизной кожи, обшитый кружевом корсет поддерживал грудь.

Никки не реагировала на такие взгляды.

Она снова пошла вдоль шеренг, наплевав на приказ Джеганя. Она вообще редко подчинялась приказам. И почти всегда оставалась равнодушной к наказаниям. *Никки, прости. Ты же знаешь, что я не хотел тебя обидеть.*

Никки не обратила внимания на его реплику, внимательно изучая глаза смотревших на нее горожан. Смотрели далеко не все. Ей нравилось смотреть в глаза тех, у кого хватало смелости взглянуть на нее. Впрочем, большинство пребывали в ужасе.

Вскоре они получат подтверждение своим страхам.

Никки, ты должна делать то, что я велю, иначе ты вынудишь меня сотворить с тобой нечто ужасное. Никому из нас это не нужно. В один прекрасный день я сорвусь и сотворю с тобой такое, от чего ты не сможешь оправиться.

Если хочешь, так делай, мысленно ответила она.

Это не прозвучало вызовом. Ей просто было все равно.

Ты знаешь, я не хочу этого, Никки.

Без боли его голос значил для нее не больше, чем раздражающее жужжание мухи. Она снова мысленно отмахнулась от Джеганя и обратилась к толпе.

— Имеете ли вы хоть какое-то представление о том, каких усилий требует борьба за ваше будущее? Или надеетесь воспользоваться плодами, не принимая в ней участия? Многие храбрые воины отдали жизнь в борьбе с угнетателями, сражаясь за наше светлое будущее. Мы сражаемся за то, чтобы все люди в равной степени воспользовались плодами грядущего процветания. И вы должны нам помочь в борьбе за ваше благополучие. В точности, как помощь нуждающимся — моральный долг каждого человека, в этом тоже ваш моральный долг.

Коммандер Кардиф — воплощенное неудовольствие — заступил ей путь. Солнечные лучи, падая на морщинистое лицо, резко очерчивали его черты. Неудовольствие коммандера ни-

сколько не трогало Никки. Кардиф вечно всем недоволен. Ну, поправила она себя, или почти всем.

— Добродетель достигается лишь послушанием и жертвенностью. Твоя обязанность перед Орденом — вбить в них покорность! Мы здесь не для того, чтобы давать уроки граждановедения!

Коммандер Кардиф был уверен в своем превосходстве перед Никки. Он тоже причинял ей боль. Она вынесла все, что творил с ней Кардиф, с той же отрешенностью, как выдерживала Джеганя.

Только при сильнейшей боли в ней просыпались какие-то чувства. Даже боль была предпочтительней, чем ничто.

Скорее всего Кадар Кардиф не знал ни о том наказании, которому только что ее подверг Джегань, ни о его приказах. Император никогда не пользовался разумом коммандера Кардифа. Для Джеганя было унизительно брать под мысленный контроль людей, лишенных магического дара. Конечно, он мог это делать — но зачем? Для этого в его распоряжении имелись волшебники и колдуньи, чей магический дар он использовал для того, чтобы полностью подчинить себе их разум.

Кадар Кардиф грозно уставился сверху вниз на Никки, равнодушно смотревшую ему в глаза. Кардиф был высокий, плотный, кожаная портупея крест-накрест пересекала могучий торс. Он носил кожаные доспехи, кольчугу и целый оружейный арсенал. Никки доводилось видеть, как этот человек своими здоровенными ручищами ломал людям шею. Его тело покрывали шрамы — молчаливые свидетели боевой отваги. Никки видела все эти шрамы.

Мало кто из офицеров занимал более высокий пост, чем Кадар Кардиф, и мало кто пользовался большим доверием. Он состоял в Ордене с юности, постепенно поднимаясь по служебной лестнице. Он всегда был рядом с Джеганем. Вместе они расширяли владения Имперского Ордена за пределы своей родной страны, Алтур-Ранг, постепенно подчиняя себе весь Древний мир. Кадар Кардиф был героем кампании в Малом Ущелье, где он чуть ли не в одиночку повернул ход сражения, прорвавшись сквозь ряды противника и собственноручно зарубив трех великих властителей, объединивших свои армии, чтобы сокрушить Имперский Орден, пока тот не овладел умами миллионов.

Древний мир был пороховой бочкой, ждавшей одной только искры — и идеи Ордена оказались как раз этой самой искрой. Если высшее жречество было душой Ордена, то Джегань — его мускулами. Мало кто понимал гениальность Джеганя. В нем видели лишь сноходца или жестокого воина и заблуждались.

Джеганю потребовались десятилетия, чтобы подчинить себе весь Древний мир и направить Орден на путь славы. Все эти годы, постоянно ведя боевые действия, Джегань непрерывно строил сеть дорог, позволявшую молниеносно перемещать на огромные расстояния армии и обеспечение. Чем больше стран он покорял, чем больше народу захватывал, тем больше рабочих направлял на строительство новых дорог для захвата новых территорий. Так он получил возможность поддерживать связь и реагировать на ситуацию быстрее, чем можно себе вообразить. Изолированные ранее страны вдруг оказались связанными с остальным Древним миром. Джегань объединил их целой сетью дорог. И вдоль этих дорог жители Древнего мира вставали, чтобы последовать за ним, пока он прокладывал путь Ордену.

Кадар Кардиф принимал во всем самое непосредственное участие. Не единожды он был ранен, спасая жизнь Джеганя. Джегань, в свою очередь, как-то раз принял на себя арбалетный болт, предназначенный Кардифу. Если бы у Джеганя был друг, то, пожалуй, им стал бы Кадар Кардиф.

Никки впервые увидела Кардифа, когда тот приехал помолиться во Дворец Пророков в Танимуре. Старый король Грегори, правивший тогда страной, бесследно исчез. Кадар Кардиф был человеком искренне верующим. Перед битвой он просил Создателя о смерти врага, а после молился за души убиенных. Говорили, что в тот день он молился за душу короля Грегори. Неожиданно новым правителем Танимуры стал Имперский Орден. Несколько недель люди праздновали это событие на улицах.

За три тысячи лет сестры из Дворца Пророков не раз видели, как приходят и уходят правительства. Впрочем, сестры во главе с аббатисой считали вопрос о власти пустячным, не стоящим внимания. Они верили в свое призвание и считали, что будут заниматься своими делами во Дворце Пророков еще долго после того, как исчезнут воспоминания об Имперском Ордене. Мятежи и перевороты — дело обычное. Однако на этот раз вышло иначе.

Тогда Кадар Кардиф был на добрых двадцать лет моложе — красавчик-завоеватель, гордо въезжающий в город. Этот человек очаровал тогда многих сестер. Только не Никки. Зато Никки очаровала его.

Конечно, император Джегань не посылал столь ценных людей, как Кадар Кардиф, усмирять покоренные земли. Он возложил на Кардифа куда более важную задачу: охранять его ценнейшую собственность — Никки.

Никки отвела взгляд от Кардифа и снова устремила внимание на толпу.

Она остановила взгляд на том мужчине, что разговаривал с ней.

— Мы не можем позволить кому бы то ни было увиливать от выполнения обязанностей перед другими или от участия в наших новых начинаниях.

— Пожалуйста, госпожа... У нас ничего...

— Не считаться с нашим делом — измена.

Мужчина счел за благо не спорить.

— Похоже, вы не осознаете, что вот эти люди позади меня хотят, чтобы вы осознали, насколько Имперский Орден крепок в своей верности делу — если вы не понимаете, в чем ваш долг. Да, вы слышали разные истории, но эти люди хотят, чтобы вы на собственном опыте узнали суровую реальность. Ваши представления ничего не значат. Действительность — она страшнее.

Никки уставилась на мужчину, ожидая ответа. Тот облизнул потрескавшиеся губы.

— Нам просто нужно чуть больше времени... Зерно созревает. Когда придет время сбора урожая... мы внесем должный вклад в... в...

— Новые начинания.

— Да, госпожа, — пробормотал он, опустив голову. — В новые начинания.

Когда его взгляд снова устремился на грязь у ее ног, Никки двинулась дальше вдоль строя.

Ее цель состояла не в сборе дани, а в усмирении.

Время пришло.

Никки поймала устремленный на нее взгляд девчушки — и резко остановилась, отвлекшись от того, что она намеревалась сделать. В огромных темных глазах сияло невинное удивление. Этой девочке все было внове, все в диковинку, и она жаждала разглядеть все получше. В ее глазах отражалось редкое, хрупкое — а потому очень ценное — качество: невинный взгляд на мир, взгляд ребенка, еще не познавшего ни боли, ни зла, ни утрат.

Никки взяла девочку за подбородок, заглядывая в глубину этих жаждущих глаз.

Одним из самых ранних воспоминаний Никки было, как мать вот так стоит над ней, держа ее за подбородок и глядя сверху вниз. Мать Никки тоже была наделена даром. Она говорила, что волшебный дар — проклятие и испытание. Проклятие, потому что дает способности, которых нет у других. И испытание — не

станет ли она пользоваться этим своим преимуществом во зло. Мать Никки редко пользовалась своим даром. Работу выполняли слуги, а она почти все время проводила в узком кругу друзей, посвящая себя более высоким целям.

— Добрый Создатель, но ведь отец Никки — чудовище, — жаловалась она, ломая руки. Некоторые из ее подруг вполголоса начинали выражать сочувствие. — Ну почему он так меня обременяет! Боюсь, его бессмертной душе не помогут никакие молитвы.

И все цокали языками, выражая суровое согласие.

Глаза матери Никки были уныло-карие, такого цвета, как спинка таракана. И по мнению Никки, эти глаза были слишком близко посаженными. И губы были слишком тонкими. Все черты словно застыли в вечной гримасе недовольства. Впрочем, мать всегда была недовольна. Никки никогда не считала свою мать невзрачной, не считала она ее и красавицей.

Мать Никки говорила, что красота — проклятие для добропорядочной женщины и благословение для шлюхи.

Услышав, что мать недовольна отцом, Никки как-то раз все же спросила, что он такого сделал.

— Никки, — сказала в тот день мать, подняв за подбородок личико девочки, с нетерпением ждавшей ответа. — У тебя чудесные глаза, но ты еще не научилась ими смотреть. Все люди — ничтожные создания, такова человеческая участь. Ты хотя бы имеешь представление, насколько больно тем, кто не так красив, видеть твое красивое личико? Именно это ты несешь другим: нестерпимую боль. Создатель привел тебя в этот мир с одной лишь целью — уменьшить несчастье других, а ты несешь только боль.

Подруги матери, потягивая чай, закивали, шепотом выражая согласие.

Именно в тот день Никки впервые узнала, что несет в себе безымянное, неосознанное, скрытое зло.

Никки смотрела в невинное личико девочки. Сегодня эти невинные темные глаза увидят такое, чего и представить себе не могли. Эти огромные глаза тоже смотрят не видя. Девочка не в состоянии понять, что грядет и почему.

Какая жизнь у нее могла быть?

Так будет лучше.

Время пришло.

Глава 8

Но прежде чем Никки успела приступить к задуманному, она узрела нечто, вызвавшее у нее бурю негодования. Она резко обернулась к ближайшей женщине:

— Где тут у вас корыто?

Удивившись вопросу, женщина дрожащей рукой указала в сторону стоявшего неподалеку двухэтажного дома.

— Там, госпожа. Во дворе за лавкой горшечника стоят корыта, где мы стираем белье.

Никки схватила женщину за горло.

— Найди пару ножниц. И принеси их мне туда. — Женщина пялилась на нее выпученными от страха глазами. Никки встряхнула ее. — Немедленно! Или предпочитаешь умереть на месте?

Никки рывком высвободила одну из кожаных полосок, переплетенных на плече командера Кардифа. Тот даже не попытался помешать ей, но когда она вцепилась в полоску, схватил ее за предплечье могучей рукой.

— Надеюсь, ты надумала утопить эту маленькую дрянь или лучше порезать ее шкуру в клочья, а потом выколоть глаза. — От Кардифа разило луком и чесноком. Он хохотнул. — Вообще-то, начни-ка ты с нее, а пока она будет вопить и умолять, я отберу нескольких юнцов или баб, чтобы послужили примером. Кого ты на сей раз предпочитаешь?

Никки гневно посмотрела на сжимавшие ее плечо пальцы. Кардиф убрал руку, метнув на нее предостерегающий взгляд. Повернувшись к девочке, Никки дважды обернула кожаную полоску вокруг ее шеи наподобие ошейника, закрутив сзади, чтобы удобней было вести девочку перед собой. Девчонка изумленно охнула. Наверное, за всю жизнь с нею ни разу не обращались так грубо. Никки заставила ее идти вперед, к указанному женщиной дому.

Увидев, насколько разъярилась вдруг Никки, никто не посмел последовать за ней. Какая-то женщина — наверняка мать девчонки — закричала было, но мгновенно смолкла, как только люди Кардифа повернулись к ней. К этому времени Никки уже уволокла девчонку за угол.

На заднем дворе на веревках болталось давно выцветшее из-за бесконечных стирок белье. Дым от жаровни возносился над крышей. У корыт их уже поджидала встревоженная женщина с большими ножницами.

Никки подтащила девочку к корыту с водой, заставила опуститься на колени и сунула ее голову в воду. Не обращая внимания на сопротивление, Никки схватила ножницы. Женщина, выполнив поручение, в слезах помчалась прочь, прижимая ко рту фартук, — только бы не видеть, как убивают дитя.

Никки вытащила девочку из воды, и пока та отплевывалась и откашливалась, ловя воздух ртом, принялась обрезать ее темные мокрые волосы под самый корень. Закончив стрижку, Никки снова макнула девчонку в корыто и взяла лежавший рядом на стиральной доске кусок желтого мыла. Рывком подняв девчонке голову, она яростно стала мылить стриженый затылок. Девчонка попискивала, размахивая ручками-спичками и цепляясь за кожаную полоску вокруг шеи, с помощью которой Никки удерживала ее. Никки поняла, что причиняет ей боль, но, охваченная яростью, едва отдавала себе в этом отчет.

— Да что с тобой такое! — встряхнула Никки охнувшую девчонку. — Ты что, не знаешь, что на тебе вши кишмя кишат?!

— Но... но...

Мыло было жестким и грубым, как терка. Никки наклонила девочке голову и принялась намыливать еще усердней. Девушка жалобно пискнула.

— Тебе нравится ходить с полной головой вшей?

— Нет...

— Нет, нравится! Иначе зачем ты их развела?

— Пожалуйста! Я постараюсь быть хорошей! Буду мыться! Обещаю!

Никки вспомнила, как люто она ненавидела вшей, которых иногда приносила из тех мест, куда ее посылала мать. Она помнила, как скребла себя самым жестким мылом, какое только удавалось отыскать, — и все для того, чтобы ее опять отправили в такое место, где она снова подцепит этих пакостных тварей.

Намылив и ополоснув голову девчонки раз десять, Никки наконец оттащила жертву к корыту с чистой водой и наклонила над ним, чтобы промыть. Девчонка сердито моргала, пытаясь избавиться от щиплющей глаза мыльной воды.

Схватив девочку за подбородок, Никки поглядела в покрасневшие глаза.

— Не сомневаюсь, что твои вещи тоже завшивлены и полны гнид. Ты должна стирать свои вещи каждый день — особенно исподнее, — иначе вши тут же появятся снова. — Никки сдавила щеки девочки так, что у той на глаза навернулись слезы. — Ты достойна лучшего, чем ходить такой вот запаршивевшей! Ты что, не знаешь?

Девочка отчаянно попыталась закивать. Огромные темные умные глаза, красные от мыла и огромные от ужаса, все еще хранили то самое неповторимое выражение восторга. Какими бы болезненными и пугающими ни были пережитые ею минуты, ничто не могло уничтожить это выражение.

— Сожги свою постель. Заведи новую. — Судя по тому, как живут тут люди, это было безнадежной затеей. — Вся твоя семья должна сжечь постели. Перестирать все белье и одежду.

Девочка кивнула.

Выполнив задачу, Никки отволокла девочку обратно к толпе. Таща ее впереди на импровизированном ошейнике, Никки внезапно вспомнила...

Вспомнила, как первый раз увидела Ричарда.

Почти все сестры Дворца Пророков собрались в большом зале, чтобы встретить нового мальчика, которого привезла сестра Верна. Никки облокотилась о перила красного дерева, крутя пальцами шнурок корсажа. Внезапно двойные двери из массивного ореха распахнулись. Все разговоры, перемежающиеся взрывами смеха, смолкли. Группа во главе с сестрой Фебой вошла в зал и прошествовала мимо огромных колонн с золотыми капителями.

Мальчики с волшебным даром рождались редко, и когда их находили и — после долгих странствий — доставляли во Дворец, все очень радовались. На этот вечер был запланирован торжественный ужин. Большинство сестер, облачившись в лучшие наряды, стояли внизу, желая приветствовать нового мальчика. Никки осталась на нижнем балконе. Ей было безразлично, увидит она его или нет.

Она была поражена тем, насколько сестра Верна постарела за годы странствий. Такие поездки, как правило, длились самое большее год. Но на сей раз путешествие по ту сторону великого барьера, в Новый мир, заняло почти двадцать лет. Поскольку о том, что происходило по ту сторону барьера, было мало что известно, сестру Верну, судя по всему, отправили в путь сильно загодя.

Жизнь во Дворце Пророков была долгой и текла размеренно. Никто из обитателей Дворца не постарел за жалкие два десятилетия, но без защиты магии Дворца Верна состарилась. Сестра Верна, возраст которой приближался где-то к ста шестидесяти, была лет на двадцать моложе Никки. И вот теперь она выглядела вдвое старше. Конечно, люди за пределами Дворца старели, как положено, но чтобы такое столь быстро случилось с одной из сестер...

В огромном зале раздался гром аплодисментов, многие сестры даже прослезились. Никки зевнула. Сестра Феба подняла руку, дожидаясь тишины.

— Сестры, — голос Фебы дрожал, — пожалуйста, поздравьте сестру Верну с возвращением.

Ей пришлось снова поднять руку, призывая к тишине.

Когда зал смолк, она продолжила:

— И я рада представить нашего нового ученика, новое чадо Создателя, нашего нового подопечного. — Она повернулась и вытянула руку, пошевелив пальцами, приглашая стеснительного, судя по всему, паренька выйти вперед. — Пожалуйста, поприветствуйте Ричарда Сайфера во Дворце Пророков.

Когда он шагнул вперед, сестры попятились. Глаза Никки расширились. Спина выпрямилась. Это был вовсе не маленький мальчик — вполне зрелый мужчина.

Толпа, несмотря на всеобщее изумление, зааплодировала и разразилась приветственными криками. Но Никки ничего не слышала — она не могла оторвать взгляда от этих серых глаз. Ричарда представили кому-то из сестер. Приставленная к новичку послушница, Паша, подошла к нему и попыталась заговорить.

Ричард отстранил ее и вышел один на середину зала. Вся его стать выдавала то, что Никки увидела в его глазах.

— Я хочу кое-что сказать вам.

Повисла изумленная тишина. Ричард обежал взглядом зал. Никки затаила дыхание, когда на мгновение их взгляды встретились — а он, конечно, даже этого не заметил.

Она дрожащими пальцами вцепилась в перила, чтобы не упасть.

В этот момент Никки поклялась сделать все, лишь бы войти в число его наставниц.

Ричард постучал по Рада-Хань, застегнутому у него на шее.

— До тех пор, пока на мне ошейник, вы мои тюремщики, а я ваш пленник.

По залу пролетел шепоток. Рада-Хань надевали мальчику не только для того, чтобы управлять им, но и для того, чтобы его защитить. Детей никогда не приводили как пленников — только как подопечных, нуждающихся в защите, заботе и обучении. Ричард, однако, смотрел на вещи иначе.

— Я не нападал на вас, но мы стали врагами. Мы с вами в состоянии войны.

Некоторые сестры пошатнулись, едва не теряя сознание. Лица доброй половины присутствующих в зале женщин покраснели. Остальные побелели. Никки и представить себе не могла подобного поведения. Но Ричард повел себя так, что она боялась моргнуть — лишь бы не упустить ни малейшей детали. И едва дышала — лишь бы не упустить ни слова. Однако сердцебиение она унять не могла.

— Сестра Верна обещала, что меня будут учить управлять даром, а когда научат, отпустят на свободу. Пока вы будете выполнять обещание, между нами сохранится мир. Но у меня есть некоторые условия.

Ричард поднял над головой красный жезл, висевший у него на шее. Тогда Никки еще не знала, что это оружие морд-сит.

— В прошлом мне уже довелось носить ошейник. Та, что заставила меня надеть его, хотела причинить мне боль, чтобы измучить меня и сломить. Чтобы подчинить своей воле.

Никки знала, что только такой и может быть участь ему подобных.

— В этом и состоит суть всех ошейников. Ошейники надевают на зверей или на врагов. Так же, как и вас, я просил эту женщину меня отпустить. Она меня не отпустила, тогда мне при-

шлось убить ее. Будь она жива, ни одна из вас не стоила бы ее мизинца. Она поступала так потому, что ее саму измучили и сломили, потому что, дойдя до безумия, она решила, что тоже должна мучить и порабощать людей. Вы... — Он обвел хищным взглядом присутствующих. — Вы же поступаете так потому, что считаете это своим правом. Вы лишаете людей свободы во имя вашего Создателя. Я не знаю, кто он такой, ваш Создатель, но точно знаю одно: за пределами Древнего мира так поступает только Владетель. — Толпа ахнула. — По мне, так вы вполне могли бы быть ученицами Владетеля.

Тогда он еще не знал, что в отношении некоторых сестер так оно и было.

— Если вы, подобно той женщине, с помощью ошейника причините мне боль, перемирие закончится. И тогда поводок, за который, как вы надеетесь, вы можете меня держать, обратится в молнию, и молния поразит вас.

Наступила мертвая тишина.

Он гордо стоял один среди сотен колдуний, превосходно владеющих той магией, что была дана им от рождения. Он практически ничего не знал о своем даре, к тому же на шее носил Рада-Хань. Он повел себя как лось, но лось, бросивший вызов прайду львов. Голодных львов.

Ричард закатал левый рукав. Он достал меч — меч! — как вызов тому могуществу, что было вокруг. Чистый звон стали разнесся по залу.

Никки зачарованно слушала, как он излагает свои условия. Он указал мечом на свою недавнюю спутницу.

— Сестра Верна взяла меня в плен. Все время нашего путешествия я сопротивлялся. Но она сделала все возможное, чтобы привести меня сюда, разве что не убила и не перебросила тело через лошадиный круп. Хотя она мне тоже враг, я кое-чем ей обязан. Если кто-нибудь из вас из-за меня тронет ее хоть пальцем, я убью этого человека и перемирие закончится.

Никки и представления не имела о столь странном понятии чести, но каким-то образом понимала: оно соответствует тому, что она увидела в этих серых глазах.

Ричард порезал себе мечом предплечье, приложил обе стороны клинка к ране и держал, пока кровь не закапала с острия. Толпа ахнула. Никки отчетливо видела, что меч един с собственной магией Ричарда. Магия Ричарда дополняла магию меча.

Костяшки его пальцев, стиснувших рукоятку, побелели. Он поднял обагренный кровью меч.

— Я даю вам клятву крови! — вскричал он. — Тот, кто применит насилие против бака-бан-мана, против сестры Верны или против меня, пусть знает: перемирие закончится и между нами начнется война! Если же начнется война, я опустошу Дворец Пророков!

С верхнего балкона донесся насмешливый голос Джедидии:

— Что, в одиночку?

— Не хотите — не верьте. Вам же хуже. Я ваш пленник, и жить мне незачем. Обо мне сказано в пророчестве, я — Несущий смерть.

Повисло изумленное молчание. Скорее всего каждая женщина в этом зале знала о пророчестве, касающемся Несущего смерть, хотя точного его значения не понимал никто. Текст этого пророчества — как и многих других — находился в глубоком хранилище Дворца Пророков. И то, что Ричард знал его и осмелился упомянуть, наводило на мысль о самом жутком из всех толкований. Каждая из присутствующих в зале львиц сочла за благо спрятать когти. На всякий случай. Ричард убрал меч в ножны, как бы подчеркивая угрозу.

Никки поняла: то, что она увидела сегодня в его глазах, в его манере держаться, будет преследовать ее вечно.

И еще поняла, что должна уничтожить его.

Никки пришлось оказывать такие услуги и брать на себя такие обязательства, на которые она никогда не считала себя способной пойти, но она все же стала одной из шести наставниц Ричарда. И все полностью окупились, когда она сидела с ним наедине за маленьким столом в его комнате, легко держа его за руки — если можно сказать, что держишь за руки молнию, — пытаясь научить его касаться Хань, квинтэссенции жизни и души у обладающих волшебным даром. Но как Ричард ни старался, он ничего не чувствовал, что само по себе было весьма необычно. Однако даже отдаленное представление о той силе, что она ощущала в нем, зачастую практически лишало Никки дара речи, и она едва могла два слова связать. Никки как бы между прочим спрашивала об этом у остальных наставниц и поняла, что те ничего подобного не ощущают.

Она страстно желала уничтожить Ричарда — и столь же страстно желала сначала его понять.

Как только она приходила к выводу, что наконец-то постигла его необычный характер и теперь запросто может предсказать, как он себя поведет в той или иной ситуации, как Ричард тут же

выкидывал нечто совершенно неожиданное, а то и попросту невозможное. Снова и снова он обращал в пепел то, что она считала основой понимания его сути. Никки часами сидела в одиночестве, глубоко несчастная, потому что это неуловимое нечто казалось совершенно на виду и все же постоянно от нее ускользало. Она понимала одно: это какой-то очень важный принцип.

Ричард, и так не слишком радовавшийся своему положению, с каждым днем отдалялся все больше. Потеряв всякую надежду, Никки решила, что час настал.

Когда она вошла в его комнату, чтобы дать ему, как она решила, последний урок, Ричард удивил ее, преподнеся редчайшую белую розу. Хуже того, он вручил ей эту розу с улыбкой и ничего не объяснил. Когда он протянул ей цветок, Никки была настолько потрясена, что смогла сказать лишь: «Благодарю, Ричард». Белые розы росли только в одном месте: опасной закрытой зоне, куда ни один ученик не мог проникнуть. То, что он явно смог это сделать и с таким нахальством вручил ей очевидное свидетельство, несказанно ее изумило. Никки осторожно держала розу пальцами, не зная, предупреждает ли он ее, вручая запретную вещь, что он Несущий смерть, и она отмечена, или же это просто проявление, хоть и странное, доброго отношения. Никки предпочла повести себя осмотрительно. И снова его сущность ускользнула от нее.

У прочих сестер Тьмы имелись собственные планы. По мнению Никки, волшебный дар был наименее интересным и наименее важным из того, что было в Ричарде. Однако Лилиана, одна из наставниц Ричарда, женщина неимоверной жадности и ограниченного ума, возжелала заполучить его силу Хань. Это вылилось в смертельную битву, которую Лилиана проиграла. Их шестерка — глава сестер Тьмы Улиция и пять оставшихся наставниц Ричарда — была раскрыта и поспешно бежала, спасая жизнь, — для того лишь, чтобы в конце концов оказаться в лапах Джеганя.

Когда они бежали, Никки понимала выражение его глаз не лучше, чем при первой встрече.

Понимание от нее ускользнуло.

...Никки выпустила импровизированный кожаный ошейник, и девчонка помчалась к матери.

— Ну? — рявкнул, подбоченившись, коммандер Кардиф. — Закончила свои поигрульки? Пора показать этим людишкам, что такое истинная безжалостность.

Никки заглянула в его темные глаза. В них были вызов, злость и решимость — ничего общего с глазами Ричарда.

Она повернулась к солдатам.

— Вы двое! — указала она. — Схватить коммандера!

Солдаты тупо моргнули. Кадар Кардиф побагровел от бешенства.

— Вот оно! Наконец-то ты зашла слишком далеко! — Он развернулся к своим подчиненным — двум сотням солдат. — Взять эту ведьму! — Он ткнул пальцем через плечо, указывая на Никки.

Полдюжины солдат с оружием на изготовку двинулись к ней. Как и все вояки Имперского Ордена, они были здоровенными, сильными и быстрыми. И очень опытными.

Как только ближайший взмахнул кнутом, чтобы ее ударить, Никки выбросила в его сторону кулак. С быстротой мысли Магия Приращения и Магия Ущерба смешались в смертоносный клубок, с руки колдуньи сорвалась молния, столь яркая и раскаленная, что на миг затмила солнце.

В груди солдата мгновенно образовалась дыра размером с хорошую дыню. Несколько секунд Никки видела сквозь зияющую рану солдат за его спиной. Потом из раны хлынула кровь.

В глазах зарябило от вспышки, Никки ощутила кислый запах гари. Ударная волна пронеслась по пшеничному полю.

Не успел первый солдат рухнуть на землю, как Никки поразила магией еще троих: одному оторвала плечо — кровь ударила могучим фонтаном, окровавленный обрубок улетел в толпу, второго разрезала пополам, голова четвертого взорвалась красным облаком мозга и костей.

Ее предостерегающий взгляд встретился со взглядами еще двоих, судорожно сжимавших кинжалы. Почти все тут же отшатнулись.

— А теперь, — ровным спокойным голосом произнесла Никки, — если вы, парни, не выполните мой приказ и не схватите коммандера Кардифа, я возьмусь за него сама. Но, разумеется, только после того, как перебью вас всех до единого.

Единственным ответом был стон ветра между домами.

— Делайте, что я велю, или умрете. Ждать я не намерена.

Здоровенные мужики, отлично зная Никки, мгновенно приняли решение и бросились на своего командира. Тот сумел достать меч. Кадар Кардиф не был новичком в бою. Сражаясь, он выкрикивал приказы. Не один воин пал в этой схватке. Другие вскрикивали, получив ранение. Наконец солдаты исхитрились

со спины блокировать его руку с мечом. На командира набросились всем скопом, разоружили, повалили и обездвижили.

— Ты соображаешь, что творишь? — заорал Кардиф, когда его вздернули на ноги.

Никки подошла ближе. Солдаты скрутили коммандеру руки за спиной. Она поглядела в его бешеные глаза.

— Как, коммандер! Я следую вашему приказу.

— Да что ты несешь?!

Она скорбно улыбнулась — только потому, что знала: это взбесит его еще сильнее.

— Что вы хотите с ним сделать? — спросил какой-то солдат.

— Не бейте его, я хочу, чтобы он был в полном сознании. Разденьте его и привяжите к шесту.

— Шесту? Какому шесту?

— Тому, где висели свиньи, которых вы слопали.

Никки щелкнула пальцами, и солдаты принялись стаскивать со своего командира одежду. Когда Кардифа раздели, она окинула его равнодушным взглядом. Амуницию и оружие мгновенно растащили те самые солдаты, которыми он командовал столько лет. Кряхтя от усилий, они привязали отчаянно сопротивляющегося, голого, волосатого офицера спиной к шесту.

Никки повернулась к остолбеневшим горожанам.

— Коммандер Кардиф желает, чтобы вы узнали, какими жестокими мы можем быть. Я намерена выполнить его приказ и устроить вам демонстрацию. — Она снова повернулась к солдатам. — Подвесьте его над огнем, чтобы поджарился, как свинья.

Солдаты потащили разъяренного, сопротивляющегося Кадара Кардифа, героя кампании у Малого Ущелья, к огню. Они знали, что глазами Никки на них смотрит Джегань, и имели все основания думать, что император остановит ее, будь на то его воля. Он ведь сноходец, они сами неоднократно видели, как он принуждает Никки и других сестер выполнять приказы, не важно, насколько они унизительны.

Откуда им было знать, что по какой-то таинственной причине Джегань именно сейчас не имел доступа к ее разуму?

Деревянные рукоятки вертела с треском вошли в гнезда по бокам очага. Вертел колебался под немалой тяжестью груза. Наконец он застыл, и Кадар Кардиф повис вниз лицом, глядя на горящие угли.

Хотя костер уже почти погас, довольно скоро поднимающийся жар и низкое пламя начали причинять коммандеру неудоб-

ство. Под молчаливыми взглядами толпы он извивался, выкрикивая приказы, требуя, чтобы солдаты отвязали его, угрожая наказанием за промедление. Постепенно обличительные речи стихли, и Кардиф стал глубоко дышать, пытаясь совладать с растущим страхом.

Глядя в глаза горожан, Никки ткнула пальцем через плечо:

— Вот насколько жесток Имперский Орден: эти воины медленно, болезненно поджарят до смерти великого командира, героя войны, только ради того, чтобы доказать вам, жителям жалкого городишки, что, не колеблясь, убьют кого угодно. Наша цель — всеобщее благо, и эта цель неизмеримо важнее, чем любой наш человек. И вот тому доказательство. Ну, и что теперь? Вы по-прежнему полагаете, что мы побоимся убить кого-нибудь из вас, если вы не внесете свой вклад во всеобщее дело?

По толпе пронесся ропот:

— Нет, госпожа.

За ее спиной коммандер Кардиф скрежетал зубами от боли. Он снова закричал, приказывая своим людям немедленно отвязать его и прикончить «эту рехнувшуюся ведьму». Никто не двинулся. Можно было подумать, что его вообще не слышат. Этим солдатам было незнакомо сострадание. Речь шла о жизни и смерти. Они предпочли жизнь — и их выбор предопределил его смерть.

Никки молча смотрела на толпу. Текли минуты. Коммандер висел довольно высоко над огнем, однако горячие угли имелись в избытке. Никки знала, что порой ветерок давал ему временное облегчение от жара, но это лишь продлит мучения. Никки не просила принести еще дров. Торопиться некуда.

Люди начали морщить носы. Все почуяли запах паленых волос на его груди. Никто не осмеливался издать ни звука. Время шло, кожа на груди и животе Кардифа покраснела, почернела. Еще минут пятнадцать — и кожа начала трескаться и расползаться. Кадиф вопил от боли уже непрерывно. От костра шел запах жареного мяса.

Потом коммандер сломался и начал молить о пощаде. Он звал Никки, умоляя положить этому конец — либо освободить его, либо убить. Слушая, как он зовет ее, Никки поглаживала золотое кольцо в губе. Его мольбы трогали ее не больше, чем жужжание мухи.

Тонкий слой жира на могучей мускулатуре начал таять. Кардиф взревел. Подкормленный жиром огонь взвился вверх, опаляя ему лицо.

— Никки! — Кадар понял, что его мольбы оставляют ее равнодушной. — Ты злобная сука! И сполна заслужила все то, что я с тобой делал!

Она вскользь поглядела в его бешеные глаза.

— Да, заслужила. Передай мое почтение Владетелю, Кадар.

— Сама ему скажешь! Когда Джеганъ узнает, он тебя в клочки порвет! Скоро ты окажешься в подземном мире, в руках Владетеля!

Слова Кардифа снова зазвучали для нее отдаленным жужжанием.

Спектакль продолжался. Лица зрителей постепенно покрывались потом. Не требовалось дополнительного приказа, чтобы все поняли: они должны оставаться на месте и смотреть до конца. Лишь мальчишек зрелище завораживало. Они обменивались понимающими взглядами. Такого рода зрелище опасно для юных неокрепших умов. Когда-нибудь они станут отличными солдатами Ордена. Если не повзрослеют.

Никки встретилась взглядом с девочкой. В огромных глазах горела жгучая ненависть. Даже когда она перепугалась во время мытья, ее глаза все еще говорили, что мир — чудесное место, и она оставалась необыкновенным ребенком. Теперь же темные глаза говорили: детской наивности пришел конец.

Все это время Никки гордо стояла, выпрямив спину, расправив плечи, купаясь в ненависти девчушки и для разнообразия испытывая хоть что-то.

Девчонка и представления не имела, что коммандер Кардиф повис на вертеле вместо нее.

Когда коммандер наконец замолчал, Никки отвела взгляд от девочки и обратилась к толпе:

— Прошлого больше нет. Отныне вы — часть Имперского Ордена. Если не будете выполнять свой моральный долг и способствовать процветанию ваших братьев по Ордену, я вернусь.

Они ни на секунду не усомнились в ее словах. Если эти люди чего-то и хотели, так это никогда больше ее не видеть.

Один из солдат, прижимая дрожащие кулаки к бокам, неуверенно подошел к Никки. Его глаза были огромными от боли.

— Я хочу, чтобы ты вернулась, дорогуша, — прорычал он голосом, не соответствующим изумленному выражению глаз. Голос стал угрожающим. — И немедленно.

Это, безусловно, был голос Джеганя.

Ему было трудно контролировать разум обычного человека, но сейчас он держал солдата намертво. Джеганъ никогда не стал

бы использовать солдата, будь он в состоянии сам проникнуть в разум Никки.

Однако Никки не имела ни малейшего представления, почему вдруг Джегань потерял с ней связь. Такое случалось и прежде, и она знала, что в конце концов Джегань эту связь восстановит. Остается только ждать.

— Вы недовольны мной, превосходительство?

— А как ты думаешь?

Она пожала плечами:

— Кадар был лучше тебя в постели. Я думала, ты обрадуешься.

— Немедленно возвращайся! — рявкнул солдат голосом Джеганя. — Поняла?! Мухой!

— Слушаюсь и повинуюсь, превосходительство, — поклонилась Никки.

Выпрямляясь, она выхватила из-за пояса солдата кинжал и вогнала по самую рукоять ему в живот. Скрипнув зубами от усилия, Никки провернула клинок, вспарывая ему внутренности.

Никки сомневалась, что солдат чувствовал хоть что-нибудь, корчась у ее ног, пока она ждала экипаж. Он умер со смешком Джеганя на устах. Поскольку сноходец мог пребывать только в живом мозге, на некоторое время воцарилось спокойствие.

Карета остановилась, какой-то солдат подскочил к Никки и открыл для нее дверь. Она — уже на ступеньке — обернулась, держась за поручень, к толпе. Светлые волосы развевались на теплом ветру.

— Не забывайте этот день, помните, как ваши жизни сохранил Джегань Справедливый! Коммандер убил бы вас. Император — посредством меня — продемонстрировал вам свое сострадание. Разнесите повсюду весть о милосердии и мудрости Джеганя Справедливого, и мне не понадобится возвращаться.

Толпа согласно загомонила.

— Хотите, чтобы мы забрали коммандера с собой? — спросил солдат. Бывший верный заместитель Кадара Кардифа теперь носил его меч. Вся его верность куда-то улетучилась.

— Оставьте его дожариваться в назидание. Остальные возвращаются со мной в Ферфилд.

— Слушаюсь! — Воин поклонился и отдал приказ «по коням».

Никки повернулась к вознице:

— Его превосходительство желает меня видеть. Хотя он этого и не говорил, я полностью убеждена: он хотел бы, чтобы ты поспешил.

Никки, прямая как палка, уселась на жесткое кожаное сиденье, возница свистнул, щелкнул бичом, и экипаж тронулся. Никки держалась за дверцу, пока карета подпрыгивала на булыжниках площади, и отпустила ее, лишь когда они выбрались на грунтовую дорогу. В окно бил солнечный свет, освещая пустое сиденье напротив Никки. Полоска света постепенно перемещалась, а когда карета повернула, добралась до колен Никки и устроилась там, как теплая кошка. Впереди, по бокам и позади кареты скакали всадники. Из-под грохочущих копыт взметались клубы пыли.

Сейчас Никки была свободна от Джеганя. Окруженная двумя тысячами солдат, она тем не менее чувствовала себя совершенно одинокой. Впрочем, вскоре ужасную пустоту заполнит боль.

Она не испытывали ни радости, ни страха. Иногда она сама не понимала, почему не способна желать ничего, кроме боли.

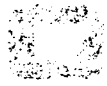
Пока карета несла Никки к Джеганю, ее мысли были заняты совсем другим мужчиной. Она вспоминала все встречи с ним, заново переживая каждое мгновение, проведенное с Ричардом Сайфером, или, как теперь его называли — и под каким именем знал его Джегань, — Ричардом Ралом.

Она думала о его серых глазах.

До того дня, как она впервые увидела его, Никки и не подозревала, что такой человек может существовать.

Когда она размышляла о Ричарде, в ней горело единственное желание: уничтожить его.

Глава 9



громные кричаще-яркие шатры покрывали самый высокий холм возле Ферфилда, но — несмотря на балаганные расцветки, шум, гам, смех, хриплое пение и суету — в город приехал не цирк, а оккупационная армия. Шатры императора и его приближенных напоминали шатры кочевого племени Алтур-Ранга, родины Джеганя, однако были куда роскошнее. Император, намного превосходивший самого великого вождя кочевников, творил собственную культуру.

Вокруг шатров, по всем окрестным долинам и холмам, насколько хватал глаз, стояли маленькие унылые палатки простых солдат — одни из промасленной холстины, другие — из дубленой кожи. Возле некоторых виднелись украденные из города обитые бархатом кресла, едва уступавшие по размерам самим палаткам. Обычно, когда армия двигалась дальше, такие изделия попросту бросали.

Лошади паслись везде и всюду. В немногочисленных крошечных загонах стоял мясной скот. Там, где отыскалось свободное пространство, расположились фургоны — впрочем, кое-где они стояли впритирку. Часть фургонов принадлежала маркитантам, в других перевозили всякую всячину, от необходимой мелочевки до кузнечного оборудования. Осадных орудий имелось со-

всем немного — вместо них Орден использовал обладателей волшебного дара.

В небе висели темные тучи. Влажный воздух был насыщен вонью экскрементов. Зеленые поля превратились в глинистое месиво.

Прибывшие вместе с Никки две тысячи солдат растворились в этом лагере, как капля в море.

Хотя армейский лагерь Имперского Ордена был местом весьма шумным и на первый взгляд хаотичным, нельзя сказать, что все здесь было столь уж неорганизованно: тут существовала своя иерархия, у каждого были соответствующие обязанности, а виновным полагалось наказание. Свободные от дежурства солдаты приводили в порядок экипировку, смазывали оружие и кожаные доспехи, чистили кольчуги, некоторые готовили на кострах еду. Конюхи присматривали за лошадьми, мастеровые занимались всем и вся: чинили оружие, тачали сапоги, даже зубы драли. Мистики всех сортов бродили по лагерю, утешая заблудшие души или изгоняя демонов. Покончившие с делами солдаты собирались в группы и предавались развлечениям — как правило, азартным играм и выпивке. Иногда объектами таких развлечений служили маркитанты или пленники.

Даже среди такой массы народа Никки чувствовала себя одинокой. Отсутствие Джеганя в ее мозгу создавало странное ощущение изолированности — не покинутости, а просто одиночества. Обычно, когда сноходец «присутствовал», ни одно действие, даже самое интимное, ни одна мысль не могли быть частным делом. Его присутствие таилось в уголках разума, откуда он мог видеть и слышать все: каждое сказанное тобой слово, каждую мысль, каждый съеденный тобой кусочек, каждый чих, каждый вздох. Он все видел, даже когда ты ходил по нужде. Ты никогда не оставался наедине с собой. Никогда. Наблюдение было всеобъемлющим и неизбежным.

Именно это и сломило большинство сестер: сознание того, что Джегань постоянно сидит у тебя в голове и наблюдает. Но что хуже всего — ты никогда не знал, когда именно внимание сноходца сосредоточено на тебе. Можно было обругать императора площадной бранью, и этот проступок оставался незамеченным, а в другой раз стоило лишь дурно о нем подумать, как он тут же это узнавал.

Никки, как и многие другие сестры, научилась распознавать эти связи. Научилась она также определять отсутствие сноход-

ца в ее мозгу — как сейчас, например. С другими такого никогда не случалось. У них эти связи были постоянными. Впрочем, всякий раз Джегань возвращался, чтобы снова привязать ее к себе, но сейчас — именно сейчас — Никки была одна и не имела ни малейшего представления почему.

Среди палаток и костров невозможно было проехать в экипаже, и Никки двинулась к холму пешком, тут же сделавшись мишенью для похотливых взглядов солдатни. Она знала, что Джегань, прежде чем покончить с ней, отдаст ее на потеху солдатам. С большинством сестер время от времени такое проделывали — либо в качестве наказания, либо чтобы сестры не забывали: они всего лишь рабыни.

Однако Никки предназначалась лишь для утех самого императора и его приближенных, таких как Кадар Кардиф. Многие сестры завидовали ее положению — и напрасно, роль личной рабыни Джеганя вовсе не привилегия. Других женщин отправляли в солдатские палатки ненадолго, на неделю или две, остальное время они были заняты не столь обременительными обязанностями. Для Никки же временных ограничений не существовало. Как-то раз она безвылазно проторчала в шатре Джеганя пару месяцев. Солдаты от души развлекались с женщинами кто во что горазд, но все же им воспрещалось убивать или наносить рабыням тяжкие увечья. Джегань не ограничивал себя ни в чем.

Иногда — по причине или без причины — Джегань в припадке ярости приказывал Никки отправляться в палатки на месяц. Никки покорно кланялась со словами «как будет угодно вашему превосходительству». Он знал, что Никки не блефует: ссылка в солдатские палатки была бы для нее куда меньшей мукой. Но не успевала она дойти до выхода из шатра, как Джегань успокаивался, приказывал повернуться к нему и сурово отменял свое предыдущее повеление.

С самого начала Никки постепенно — шаг за шагом, дюйм за дюймом — отвоевала себе определенный статус и даже некоторую долю свободы, недоступную остальным сестрам. Не то чтобы она специально к этому стремилась. Просто так случилось — и все. Джегань рассказывал ей о том, что прочитал в мыслях других сестер: между собой они называют ее «рабыня-королева». Никки полагала, что Джегань сказал это, чтобы ее порадовать, но титул рабыня-королева волновал ее не больше, чем госпожа Смерть.

Сейчас она плыла среди солдат, словно яркий цветок лотоса по темному болоту. Остальные сестры старались выглядеть как

можно хуже и неприметнее, чтобы не попадаться на глаза солдатам, но их ухищрения пропадали втуне. Они жили в постоянном ужасе перед Джеганем. Что случилось, то случилось. У них нет ни выбора, ни возможности как-то повлиять на события.

Никки же все было безразлично. Она носила роскошные черные платья и никогда не покрывала свои распущенные светлые волосы. По большей части она делала, что хотела. Что бы Джегань с ней ни творил, ее это не трогало, и сноходец это знал. Как Ричард оставался загадкой для нее, так и она оставалась загадкой для Джеганя.

А еще Джегань был ею очарован. Несмотря на жестокое обращение, в нем порой мелькала искорка заботы. Когда Джегань причинял ей боль, Никки с радостью принимала ее. Она заслужила грубое обращение. Иногда боль хоть немного заполняла темную пустоту. Тогда Джегань прекращал ее мучить. Когда он грозился убить ее, Никки терпеливо ждала смерти. Она знала, что не заслуживает жить. Тогда он отменял смертный приговор.

И всякий раз Никки была полностью искренней — в этом было ее спасение и угроза гибели. Она была оленухой среди волков, укрытой завесой безразличия. Оленухе грозит опасность, только когда она бежит. Никки же не считала, что положение пленницы расходится с ее интересами — у нее попросту не было интересов. Ей неоднократно предоставлялась возможность бежать, но она ни разу этой возможностью не воспользовалась. И пожалуй, именно это больше всего влекло к ней Джеганя.

Иногда он вроде бы благоволил к ней. Никки не знала, что именно его в ней интересует, и не пыталась узнать. Иногда он проявлял нечто вроде заботы и пару раз — даже что-то, похожее на любовь. А иногда, когда Никки отбывала по делам, казался довольным тем, что отделался от нее.

Поведение Джеганя навело ее на мысли, что он, по всей вероятности, считает, что влюблен в нее. Сколь нелепым ни казалось это предположение, Никки было совершенно безразлично, так это или нет. Она сильно сомневалась, что Джегань вообще способен любить, и еще больше сомневалась, что ему известно значение этого слова.

А вот Никки значение этого слова было известно.

Возле шатра Джеганя какой-то солдат заступил ей дорогу. Его издевательская ухмылка означала приглашение. Никки могла охладить его пыл, сообщив, что ее ждет Джегань, могла воспользоваться своим могуществом и уложить его на месте, но она лишь

пристально на него поглядела. На такую реакцию солдат не рассчитывал. Большинство мужчин обрушиваются на жертву, только если она пищит. Поскольку Никки ничего подобного не сделала, солдат скис, пробормотал ругательство и убрался прочь.

Никки продолжила путь. Палатки кочевников Алтур-Ранга были маленькими и практичными сооружениями из невыделанной овечьей кожи. Джегань устроил себе шатер куда большего размера, скорее овальный, чем круглый. Вместо одного шеста крышу поддерживали три. Внешние стены украшали богато расшитые панели. По кругу на стыке крыши и стен свисали толстые разноцветные косички и ленточки — отличительная черта передвижного дворца императора. День выдался безветренный, яркие красные и желтые стяги не развевались над огромным шатром.

Снаружи женщины выбивали небольшие коврики. Никки откинула тяжелый полог, украшенный золотыми щитами и серебряными медальонами с изображением батальных сцен. Внутри рабы чистили дорогие ковры, смахивали пыль с керамики, расставленной на изящной мебели, взбивали сотни разноцветных подушек, разложенных на полу. Отделанные традиционными алтур-рангскими узорами занавеси делили шатер на насколько комнат. Закрытые прозрачной тканью отверстия вверху едва пропускали свет. Благодаря толстым коврам и стенами в шатре императора всегда царила тишина. Неярко горели свечи и светильники.

Никки не удостоила взглядом стоявших у входа стражей и занятых делом рабов. Посреди самой первой комнаты возвышалось увитое красным шелком резное кресло Джеганя — именно здесь он давал аудиенции. Сейчас кресло было пустым. Никки, не колеблясь, двинулась к самой дальней комнате, императорской спальне.

Один из рабов, полуголый паренек лет восемнадцати на вид, стоя на четвереньках, оттирал небольшой щеткой коврик перед входом в спальню. Не поднимая глаз, он сообщил Никки, что его превосходительства в шатре нет. Этот юноша, Ирвинг, обладал волшебным даром. Прежде он жил во Дворце Пророков, где его обучали искусству волшебника. Теперь — чистил ковры и выносил ночные вазы. Мать Никки это бы одобрила.

Джегань мог находиться где угодно. Сидеть в лагере, пить и играть в карты со своими солдатами. Или инспектировать войска и обслуживающих армию мастеровых. Или осматривать новых пленников, чтобы выбрать тех, кого возьмет себе. А мог беседовать с заместителем Кадара Кардифа.

Никки заметила нескольких сестер, притаившихся в углу. Как и она, эти сестры были рабынями. Подойдя поближе, Никки увидела, что вся троица занята шитьем.

— Сестра Никки! — вскочила сестра Георгия. На ее лице читалось облегчение. — Мы не знали, жива ли ты, так давно тебя не было видно. Мы уж было решили, что ты исчезла.

Будучи сестрой Тьмы, которая принесла клятву верности Владетелю, Никки сочла заботу сестер Света несколько ханжеской. Должно быть, считают, что плен объединяет их, и все разногласия отошли на второй план. А еще они знают, что Джеганъ относится к ней иначе, чем к остальным. Хотят поддержать с ней дружеские отношения.

— Я уезжала по делам его превосходительства.

— Конечно, — кивнула сестра Георгия, вытирая руки.

Две другие, сестры Рошель и Обри, отложив мешок костяных пуговиц, выпутались из длинной холстины и встали рядом с сестрой Георгией. Обе чуть наклонили головы, приветствуя Никки. Вся троица побаивалась ее загадочных взаимоотношений с Джеганем.

— Сестра Никки... Его превосходительство очень зол, — проговорила сестра Рошель.

— В ярости, — подтвердила сестра Обри. — Он... он ревел, как медведь, что на сей раз ты зашла слишком далеко.

Никки молча смотрела на них.

Сестра Обри облизнула губы.

— Мы просто подумали, что тебе следует знать. Чтобы ты была поосторожнее.

Никки подумала, что сейчас неподходящее время для осторожности.

— Где Джеганъ? — коротко спросила она.

— Поселился в большом здании, неподалеку от города. Теперь его резиденция там, — объяснила сестра Обри.

— Бывшее поместье министра культуры, — добавила сестра Рошель.

— Зачем? — нахмурилась Никки. — У него ведь есть шатер.

— После твоего отъезда он решил, что императору нужна более подходящая резиденция, — сказала сестра Рошель.

— Подходящая? Подходящая — для чего?

— Чтобы показать миру свою значимость, я полагаю.

Сестра Обри кивнула.

— Он строит дворец. В Алтур-Ранге. Таково его новое видение. — Она очертила широкую дугу, желая показать размеры сооружения. — Он приказал построить великолепный дворец.

— Его превосходительство собирался поселиться во Дворце Пророков, — пояснила сестра Рошель, — но поскольку тот разрушен, император решил построить новый, только лучше. Такой, равного которому еще не было.

Никки хмуро посмотрела на сестер.

— Он хотел заполучить Дворец Пророков из-за наложенного на него заклятия времени, замедляющего старение. Только это его и интересовало.

Все три женщины пожали плечами.

И тут Никки начала понимать, что замыслил Джегань.

— Так что это за место, где он сейчас? Чем он занят? Учится есть чем-то, кроме пальцев? Выясняет, насколько ему понравится роскошная жизнь под крышей?

— Он только сказал нам, что пока будет жить там, — пояснила сестра Георгия. — Большинство женщин... помоложе он взял с собой. А нам приказал оставаться здесь и за всем присматривать на случай, если он пожелает вернуться в шатер.

Похоже, здесь мало что изменилось.

Никки вздохнула. Экипаж она отпустила. Придется идти пешком.

— Ладно. Как туда попасть?

Сестра Обри рассказала дорогу, Никки поблагодарила и повернулась к выходу.

— Сестра Алессандра пропала, — произнесла вдруг сестра Георгия, тщетно пытаясь изобразить беззаботность.

Никки резко остановилась и повернулась к Георгии. Сестра Георгия была женщиной средних лет и с каждым разом, как Никки ее видела, выглядела все хуже и хуже. Ее одежда превратилась в лохмотья, но сестра носила платье с гордостью, как великолепный наряд. В жидких волосах было больше седины. Когда-то они, возможно, и выглядели изысканно, но теперь неделями не знали ни мыла, ни расчески. И скорее всего вши у нее тоже кишмя кишат.

Некоторые люди считают, что старость дает право сделаться неряхой, будто всю жизнь только и мечтали стать непривлекательными распустехами. Казалось, сестра Георгия наслаждается своей неряшливостью.

— Что значит «пропала»?

Никки уловила проблеск удовольствия. Георгия невинно развела руками.

— Мы не знаем, что случилось. Просто выяснилось, что она исчезла.

Никки не шелохнулась.

— Понятно.

Сестра Георгия снова всплеснула руками, изображая простодушие.

— Примерно в то же время, как исчезла аббатиса.

Никки умело скрыла изумление.

— А Верна как тут оказалась?

— Не Верна, — ответила сестра Рошель, наклоняясь поближе. — Энн.

Сестра Георгия бросила сердитый взгляд на Рошель за то, что та испортила сюрприз. А это и вправду был сюрприз. Да еще какой! Старая аббатиса умерла. Во всяком случае, Никки так сказали. Аббатиса скончалась уже после того, как сестра Никки покинула Дворец Пророков, но до нее дошли рассказы о том, что все сестры, послушницы и волшебники всю ночь бдили у погребального костра Энн и пророка Натана. Зная Энн, можно было заподозрить очередной подвох, но даже для нее это несколько чересчур.

Сестры улыбались, как кошки, слопавшие канарейку. Похоже, им не терпелось поиграть в игру «веришь — не веришь».

— Расскажите главное. У меня нет времени выслушивать долгие истории, его превосходительство желает меня видеть. — Никки удостоилась трех ехидных улыбочек. — Поспешите, если не желаете, чтобы он вернулся сюда, злой и жаждущий увидеть меня, — решительно закончила она.

Сестры Рошель и Обри побелели.

Георгия слегка помрачнела и снова начала потирать руки.

— Аббатиса пришла в лагерь — после твоего отъезда — и ее поймали.

— С чего это она заявилась в логово Джеганя?

— Чтобы убедить нас бежать вместе с ней, — выпалила сестра Рошель. И затараторила скорее нервно, чем весело: — Поведала какую-то дурацкую историю о том, что шимы вырвались на свободу и магия умирает. Представь себе! Дикие бредни! И ждала, что мы ей поверим...

— Значит, вот оно что, — пробормотала Никки, задумчиво глядя в пространство. Она мгновенно поняла, что это вовсе не дикие бредни. Частицы головоломки стали складываться в картинку. Никки пользовалась своим даром, тогда как другим это запрещалось, поэтому они не могли знать, исчезала магия или нет.

— Это она так заявила, — фыркнула сестра Георгия.

— Значит, магия исчезла, — начала рассуждать вслух Никки, — и Энн подумала, что это лишит сноходца возможности контролировать ваш разум.

Исчезновением магии вполне могло объясняться то, чего Никки не могла понять: почему Джегань не всегда может проникнуть в ее разум.

— Но если шимы на свободе...

— Были, — сообщила сестра Георгия. — Даже если это и было так, то теперь их изгнали. Рада сообщить, что его превосходительство имеет к нам полный доступ, и все остальное, касающееся магии, вернулось на круги своя.

Никки почти *видела*, как вся троица пытается понять, слушает их сейчас Джегань или нет. Но если магия вернулась, значит, Джегань должен иметь свободный доступ к ее разуму, а это не так. Искорка понимания вспыхнула и погасла.

— Аббатиса допустила какую-то ошибку и Джегань обнаружил ее? — уточнила Никки.

— Ну... Не совсем, — проговорила сестра Рошель. — Сестра Георгия пошла и привела стражников. Мы сдали ее им, это наш долг.

Никки расхохоталась:

— Ее собственные сестры Света? Какая ирония! Энн рискует жизнью; пока шимы пожирают магию, приходит сюда, чтобы вас, никчемных, спасти, а вы, вместо того чтобы с ней бежать, ее предаете. Какая прелесть!

— Мы были вынуждены! — запротестовала сестра Георгия. — Его превосходительство пожелал бы этого. Наша обязанность — служить императору. Знаем мы, чем кончаются попытки бегства. Мы свое место знаем.

Никки внимательно смотрела на лица женщин, поклявшихся служить Свету Создателя и долгие столетия трудившихся во имя Его.

— Да уж, знаете.

— Ты поступила бы точно так же! — выкрикнула сестра Обри. — Нам пришлось это сделать, иначе его превосходительство вытянул бы сведения из других. Это был наш долг ради блага остальных, в том числе, смею добавить, ради твоего блага. Мы не могли думать только о себе или Энн, мы должны были заботиться обо всех.

Никки почувствовала, как ее охватывает тупое безразличие.

— Хорошо, вы предали аббатису. — Последние искорки любопытства догорали. — Но с чего она вдруг решила, что действи-

тельно может сбежать вместе с вами? Наверняка у нее были какие-то планы относительно изгнания шимов. На что она надеялась, зная, что как только шимы исчезнут, Джегань тут же восстановит контроль над вашими мозгами? Да и ее тоже?

— Его превосходительство всегда с нами, — чопорно заявила сестра Обри. — Энн просто пыталась обмануть нас. Но мы не дуры! И все остальное, что она говорила, тоже уловка. Не так мы глупы, чтобы на такое купиться.

— Все остальное? И что же это за остальное? В чем состоял ее план?

Сестра Георгия возмущенно фыркнула:

— Она пыталась внушить нам какую-то ерунду насчет магических уз с Ричардом Ралом.

Никки моргнула и вся обратилась в слух.

— Узы? Что за чушь?

Сестра Георгия твердо выдержала взгляд Никки.

— Она утверждала, что если мы принесем Ричарду клятву верности, это защитит нас. Заявила, что какая-то там его магия не позволит Джеганю проникнуть в наши мозги.

— Каким образом?

Сестра Георгия пожала плечами:

— Она говорила, что эти самые узы защищают людей от сноходцев. Но мы не так наивны, чтобы поверить.

Никки прижала руки к туловищу, чтобы скрыть дрожь.

— Не понимаю. Каким образом это действует?

— Она что-то такое рассказывала... Якобы Ричард унаследовал эту магию от своих предков. Заявила, что мы должны поклясться ему в верности от всего сердца или что-то в этом роде. По правде говоря, это было настолько глупо, что я толком и не слушала. Она утверждала, что именно поэтому Джегань не в состоянии овладеть ее разумом.

Никки пребывала в полном ошеломлении. Ну конечно же...

Она все время размышляла, почему Джегань не захватил остальных сестер. Очень многие до сих пор оставались на свободе. Значит, их защищают узы с Ричардом. Должно быть, так оно и есть. Ее собственная аббатиса, сестра Улиция, и все остальные наставницы Ричарда сбежали тоже. Нет, тут что-то не сходится. Они ведь сестры Тьмы, как они смогли присягнуть Ричарду? Более чем странно.

И все же Джегань частенько бывает не способен проникнуть в ее разум.

— Вы сказали, сестра Алессандра исчезла.

Сестра Георгия потеребила воротник.

— Они с Энн исчезли вместе.

— Ну, Джегань не всегда сообщает вам о своих действиях. Возможно, он попросту приказал убить обеих.

Георгия поглядела на подруг.

— Ну... возможно. Но сестра Алессандра была одной из вас... Сестрой Тьмы. На нее была возложена ответственность за Энн...

— Почему не на вас? Не на тебя и твоих сестер?

Георгия откашлялась:

— Аббатиса выказала такое пренебрежение к нам, что его превосходительство приказал заниматься ею сестре Алессандре.

Никки вполне могла себе представить, какие формы приняло это пренебрежение. Однако Энн можно понять — ведь сестры Света ее предали. Должно быть, Джегань счел аббатису ценным трофеем, если пожелал сохранить ей жизнь.

— Когда мы вошли в город, фургон, где везли клетку Энн, так и не появился, — продолжила сестра Георгия. — Наконец прихромал возница с окровавленной головой и доложил, что последнее, что он видел, прежде чем мир потемнел, была сестра Алессандра. А теперь они обе исчезли.

Никки почувствовала, как ногти впиваются в ладони, и усилием воли заставила себя разжать кулаки.

— Значит, Энн предложила вам всем свободу, а вы предпочли оставаться рабынями?

Все три сестры Света гордо вскинули головы.

— Мы поступили так, как было лучше для всех, — заявила Георгия. — Мы сестры Света и не принадлежим себе. Наш долг — облегчать людям страдания, а не причинять.

— Кроме того, — добавила сестра Обри, — что-то мы не заметили, чтобы ты пыталась удрать. Похоже, время от времени ты свободна от присутствия его превосходительства, но ведь не уходишь.

— Откуда вы знаете? — нахмурилась Никки.

— Ну я... я... — замялась Обри.

Никки схватила ее за глотку:

— Я задала вопрос. Отвечай!

С помощью магии Никки усилила нажим. Лицо сестры Обри налилось кровью, глаза закатились: магия Никки начала высасывать из нее жизнь. Но Джегань контролировал разум сестер, и им было запрещено прибегать к магии без его соизволения.

Георгия тихонько коснулась руки Никки.

— Просто его превосходительство спрашивал нас об этом, вот и все. Отпусти ее, сестра. Пожалуйста.

Никки отпустила Обри и вперила грозный взгляд в сестру Георгию.

— Спрашивал вас? Что именно спрашивал? Что он говорил?

— Он просто хотел выяснить, известно ли нам, почему он временами не может проникнуть в твой разум.

— Он нас мучил, — добавила сестра Рошель. — Мучил, потому что мы не знаем ответа. И не понимаем, как такое вообще может быть.

И тут Никки поняла все.

Сестра Обри потерла шею.

— Да что с тобой, сестра Никки? Почему это его превосходительство так тобой интересуется? Почему ты способна сопротивляться ему?

Никки повернулась к выходу, бросив через плечо:

— Спасибо за помощь, сестры.

— Если ты можешь освободиться от него, почему не уходишь? — крикнула ей вслед сестра Георгия.

Уже в дверях Никки оглянулась:

— Мне нравится смотреть, как Джегань мучает вас, ведьм Света. Не хочу лишать себя возможности любоваться столь дивным зрелищем.

Сестры не реагировали на ее оскорбления — они уже привыкли.

— Сестра Никки, — спросила Рошель поправляя прядь волос, — чем ты так разозлила его превосходительство?

— Что? Ах это... Да ничего особенного. Просто заставила солдат привязать коммандера Кардифа к вертелу и поджарить его на костре.

Дружно ахнув, сестры отшатнулись, сделавшись похожими на трех сов на ветке.

Сестра Георгия мрачно уставилась на Никки.

— Ты заслуживаешь всего, что делает с тобой Джегань, сестра. И того, что с тобой сделает Владетель, тоже.

— Да, заслуживаю, — улыбнулась Никки и нырнула за полог.

Глава 10

городе Ферфилд восстановилось некое подобие порядка. Но это был порядок военной базы, а от самого города мало что осталось. Дома-то стояли, но вот жителей уже практически не было. Кое-где виднелись обгорелые руины, остовы зданий с выбитыми окнами и дверями, все было подчистую разграблено.

Дома стояли, словно призраки былого.

Там и сям сидели у стенок беззубые старики, следя невидящими глазами за толпами вооруженных людей, снующих по улицам. Осиротевшие детишки потерянно бродили по городу, испуганно выглядывали из проулков. Поразительно, насколько быстро исчезают везде остатки цивилизации, подумала Никки.

Шагая по улицам, она вдруг поняла, как чувствовали бы себя дома, если б могли чувствовать, — пустые, безжизненные, лишенные цели существования. Дома призваны к служению живым.

Улицы, заполненные хмурой солдатней, жалкими нищими, изможденными стариками и больными, хнычущими детьми, разруха и грязь — все это Никки уже видела в детстве. Мать частенько отправляла ее на такие вот улицы помогать обездоленным.

— В их несчастьях виноваты такие, как твой отец, — говорила мать. — А он точно такой же, каким был мой отец. Бесчувствен-

ный чурбан, который не заботится ни о ком, кроме себя. Он бессердечный.

Никки стояла, одетая в чистенькое голубое платьице, аккуратно причесанная, держа руки по швам, и слушала лекцию матери о добре и зле, о грехе и искуплении. Никки мало что поняла из ее слов, но эта проповедь повторялась так часто, что в конце концов она запомнила каждое слово, каждую истину, каждую мысль.

Отец Никки был богат. И — что с точки зрения ее матери куда хуже — не испытывал по этому поводу ни малейших угрызений совести. Мать объясняла, что эгоизм и алчность — два глаза чудовищного зла, постоянно рыщущего в поисках еще большего могущества и богатства, чтобы утолить извечный голод.

— Ты должна усвоить, Никки, что моральный долг каждого человека, главная цель жизни — помогать другим, а не себе, — говорила мать. — Деньгами благословение Создателя не купишь.

— Но как мы можем показать Создателю, что мы хорошие? — спрашивала Никки.

— Человечество — мерзкая клоака, ничтожная, отвратительная и глупая. Мы должны бороться со своей испорченной сущностью. Единственный способ доказать, что твоя душа чего-то стоит, — помогать другим. Это единственное доброе дело, которое человек в состоянии сделать.

Отец Никки происходил из знатного рода, но всю свою жизнь работал оружейником. Мать считала, что он и без того от рождения был богат, однако вместо того чтобы удовлетвориться этим, занялся приумножением унаследованного состояния до бессовестно огромных размеров. Она говорила, что единственный способ сколотить состояние — это так или иначе отбирать средства у бедных. Прочие представители знати, как мать и ее приятельницы, были рады, что не вытягивают жилы из бедняков.

Никки чувствовала огромную вину за дурные поступки отца, за его неправедно нажитое богатство. Мать говорила, что прилагает все усилия, чтобы спасти его заблудшую душу. Никки никогда не беспокоилась за душу матери, ведь люди всегда говорили, что ее мать — сердечная и заботливая, но иногда по ночам девочка лежала без сна, тревожась за отца, опасаясь, что Создатель покарает его, прежде чем отец сможет искупить свои грехи.

Когда мать отправлялась к друзьям, нянюшка частенько брала Никки с собой, и по пути на рынок они заходили к отцу в мастерскую, чтобы спросить, что ему приготовить на ужин. Ник-

ки с удовольствием ходила туда и всякий раз узнавала много нового и интересного. Место, где работал отец, казалось ей чудесным. Когда Никки была еще совсем маленькой, она мечтала, когда вырастет, тоже стать оружейником. Дома, сидя на полу, она играла, будто выковывает из тряпочки кольчугу, положив лоскуток на деревяшку вместо наковальни. Те далекие времена были лучшими в ее детстве.

В оружейных мастерских отца работало много народа. Из разных мест в фургонах привозили металлические бруски и прочие необходимые вещи. Другие фургоны под охраной доставляли готовые изделия заказчикам. В мастерских работали литейщики, кузнецы и оружейники, они превращали горячий металл в оружие и доспехи. Некоторые клинки изготовляли из очень дорогой «ядовитой стали», о таком оружии говорили, что его удар смертелен, даже если нанести крошечную ранку. Еще там были рабочие — они затачивали клинки и полировали доспехи, и граверы, наносившие прекрасные узоры на щиты, доспехи и клинки. В мастерских отца работали даже женщины, помогавшие делать кольчуги. Никки смотрела, как они, сидя на лавках за длинными деревянными столами, сплетничая и хихикая, методично вяжут кольчужные звенья. И девочке казалось чудом, что человеческая изобретательность сумела превратить твердый металл в гибкую одежду.

Чтобы купить изделия мастерских ее отца, люди приезжали со всей округи и из самых отдаленных мест. Отец говорил, что он производит лучшее вооружение. Его глаза цвета летнего неба дивно сверкали, когда он рассказывал о своих изделиях. Некоторые вещи были настолько великолепны, что даже короли приезжали издалека, чтобы заказать оружие и доспехи и подогнать по себе. Случалось, что над некоторыми особо изящными доспехами опытные мастера трудились месяцами.

Кузнецы, молотобойцы, литейщики, оружейники, кожевенники, клепальщики, полировщики, граверы, серебряных дел мастера, даже швеи (они шили стеганое белье под доспехи) и, конечно же, подмастерья съезжались из самых разных мест в надежде устроиться на работу к отцу Никки. Некоторые опытные мастера привозили с собой лучшие образцы своей работы, чтобы показать ему. Отец нанимал очень немногих, большинству отказывал.

Отец Никки был внушительным мужчиной, стройным, высоким, широкоплечим и сильным. Никки всегда казалось, что

на работе он видит куда больше, чем другие, будто металл разговаривает с ним, когда он касается его пальцами. Движения его всегда были точны и выверены, ничего лишнего. Для Никки отец являл собой воплощение могущества, силы и целеустремленности.

К нему постоянно приходили военные, чиновники, дворяне, поставщики и рабочие. Бывая у отца в мастерских, Никки всякий раз поражалась, видя, что он постоянно с кем-то разговаривает. Мать говорила, что это потому, что он высокомерный и заставляет несчастных рабочих перед ним унижаться.

Никки любила наблюдать, как люди работают. Рабочие улыбались ей, отвечали на вопросы, иногда даже разрешали стукнуть по металлу молоточком. Девочке казалось, что отцу, наверное, приятно общаться со всеми этими людьми. Дома же говорила в основном мать, отец все больше помалкивал, и его лицо становилось каменным.

Если он дома и говорил, то почти всегда о работе. Никки впитывала каждое слово, ей хотелось узнать как можно больше и об отце, и о его деле. Мать же утверждала, что его мерзкая сущность пожирает изнутри его душу. Слыша такое, Никки всякий раз надеялась исцелить его душу и сделать отца таким же здоровым внутри, каким он выглядел внешне.

Никки отец просто обожал, но, похоже, полагал, что ее воспитание — задача слишком нежная для его грубых рук, а потому предоставил это матери. Даже если он был с чем-то не согласен, то подчинялся желаниям матери, говоря, что в такого рода делах она разбирается лучше.

Работа отнимала у него большую часть времени. Мать говорила, что он слишком много времени посвящает преумножению богатства — ограблению народа, как она частенько это называла, — вместо того чтобы посвятить себя, как велел Создатель, служению людям, и что такое поведение явно свидетельствует об испорченности его души. Частенько, когда отец приходил на ужин, пока слуги сновали туда-сюда, подавая блюда, мать со страдальческим видом говорила, как все в мире плохо. Никки нередко слышала, как люди говорят, что ее мать — благородная женщина, которую глубоко заботят нужды других людей. После ужина отец, ни слова не говоря, возвращался на работу, и этим еще больше злил мать — ведь она желала высказаться по поводу состояния его души, а он был слишком занят, чтобы ее выслушивать.

Никки помнила случаи, когда мать стояла у окна, глядя на темный город, и, без сомнения, размышляла обо всем том, что отравляло ей существование. В эти спокойные вечера отец иногда подходил к матери сзади и ласково касался спины, будто она — редкая драгоценность. В такие моменты он казался довольным и каким-то размягченным. Шепча ей что-то на ухо, он слегка поглаживал ей спину.

Мать Никки с надеждой смотрела на него и просила внести вклад в дело ее сообщества. Отец спрашивал, сколько нужно. Глядя ему в глаза, будто пытаясь отыскать там осколки порядочности, мать называла сумму. Отец вздыхал и соглашался. Затем его руки скользили ей на талию, он говорил, что уже поздно и что им пора удалиться в спальню.

Как-то раз, когда отец спросил, сколько она хочет получить, мать пожала плечами:

— Не знаю. А что тебе подсказывает твоя совесть, Говард? Впрочем, поистине сострадательный человек давал бы куда больше, чем даешь ты, учитывая, что у тебя денег больше чем достаточно, а нужда так велика.

Он вздохнул:

— Ну, и сколько же нужно тебе и твоим друзьям?

— Это нужно не мне и моим друзьям, Говард, а огромным человеческим массам, взывающим о помощи. Наше сообщество всего лишь борется за то, чтобы удовлетворить эти нужды.

— Так сколько? — повторил он.

— Пять тысяч золотых крон. — Мать проговорила это так, будто держала эту цифру, как дубинку, за спиной, а теперь, увидев брешь в обороне противника, внезапно обрушила ему на голову.

Отец ахнул и отшатнулся.

— Да ты хотя бы представляешь себе, сколько нужно трудиться, чтобы заработать такую сумму?

— Ты не работаешь, Говард. Твои рабы делают это за тебя.

— Рабы?! Да это лучшие мастера!

— Не сомневаюсь. Ты крадешь лучших мастеров по всей стране.

— Я плачу самые большие в стране деньги! Они хотят работать у меня!

— Они — несчастные жертвы твоих хитрых происков. Ты их эксплуатируешь. У тебя самые высокие цены. У тебя связи по всей стране, и ты повсюду заключаешь сделки, лишая работы

других оружейников. Ты крадешь еду изо рта трудящихся, чтобы набить собственный карман.

— Я продаю лучший товар! Люди его покупают, потому что хотят получить лучшее. И я устанавливаю на свою продукцию честную цену.

— Ни у кого нет таких высоких цен, как у тебя, и это факт. Тебе вечно нужно больше и больше. Золото — твоя единственная цель.

— Люди охотно покупают у меня, потому что у меня товар высочайшего качества. Вот моя цель! Другие мастерские производят некачественный товар, который себя не оправдывает. Моя сталь лучшей закалки. Моя продукция имеет двойное клеймо качества. Я не стану продавать изделия более низкого качества. Люди мне доверяют. Они знают, что я произвожу лучшие изделия.

— Производят рабочие. Ты просто загребаешь деньги.

— Прибыль идет на налоги и в дело. Я только что вложил целое состояние в новый прокатный стан!

— Дело, дело, дело! Когда я прошу тебя отдать крошечный кусочек обществу, нуждающимся, ты реагируешь так, будто я хочу глаза тебе выцарапать! Неужели ты предпочитаешь видеть, как люди умирают, чем пожертвовать крохи на их спасение? Неужели деньги действительно значат для тебя больше, чем человеческая жизнь, Говард? Неужели ты настолько жестокий и бесчувственный человек?

Отец на мгновение опустил голову, затем спокойно сказал, что пришлет золото. Его тон снова стал ласковым. Он сказал, что не хочет, чтобы люди умирали, и надеется, что деньги помогут. И предложил идти спать.

— Своими спорами ты вывел меня из себя, Говард. Ты не можешь пожертвовать добровольно. Из тебя нужно все вытягивать, да еще и искать подходящий момент. Ты сейчас согласился только из-за своей похоти. Нет, ты действительно думаешь, что у меня нет никаких принципов?

Отец лишь повернулся и пошел прочь. Внезапно он заметил сидящую на полу Никки и остановился. Выражение его лица напугало ее — не потому, что оно было злым или жестоким. Что-то было в его глазах, очень много невысказанного. Он не имел права проявить свои чувства — и это буквально убивало его. Воспитание Никки было делом матери, и отец дал ей слово не вмешиваться.

Отбросив со лба светлые волосы, он подобрал свой плащ и ровным тоном сказал матери, что у него есть кое-какие дела на работе.

Когда отец ушел, мать наконец тоже заметила Никки, играющую на полу в плетение кольчуги. Скрестив руки на груди, она некоторое время стояла над дочерью.

— Знаешь, твой отец пошел к шлюхам. Уверена, что именно за этим он и ушел. К шлюхам. Может, ты еще слишком мала, чтобы понять мои слова, но я хочу, чтобы ты знала и никогда не доверяла ему. Он дурной человек. Я не стану его шлюхой. А теперь оставь свое занятие и пошли со мной. Я иду к моим друзьям. Пора тебе подключаться и начинать интересоваться нуждами других, а не только собственными.

В доме, куда привела ее мать, сидели несколько мужчин и женщин и о чем-то серьезно беседовали. Когда они вежливо спросили об отце, мать Никки резко ответила: «Он ушел на работу или к шлюхам. Уж не знаю, чем именно он занимается, но повлиять не могу ни на то, ни на другое». Несколько женщин успокаивающе коснулись ее руки, говоря, что понимают, насколько тяжела ее ноша.

В другом конце комнаты молча сидел мужчина, глядевший на Никки зловеще, как сама смерть.

Мать быстро забыла об отце, целиком погрузившись в рассуждения о тяжелом положении простых горожан. Люди страдали от голода, травм, болезней, отсутствия ремесла, безработицы. У многих была куча детей, которых нужно прокормить, старики, за которыми нужен уход... Нет одежды, крыши над головой — и прочее, прочее, прочее. Все это так пугало!

Никки всегда беспокоилась, когда мать заявляла, что так больше продолжаться не может и нужно что-то делать. Ей очень хотелось, чтобы кто-нибудь поскорее что-то предпринял.

Девочка слушала, как друзья матери говорят о дурных нетерпимых людях, которые питают ненависть к обездоленным, и боялась стать такой же дурной и ужасной. Никки не хотела, чтобы Создатель наказал ее за то, что у нее холодное сердце.

Мать с друзьями долго повествовали о своих глубоких переживаниях, причем каждый высказавшийся исподволь поглядывал на мрачно восседающего у стены человека, а тот следил за всеми темными настороженными глазами.

— Цены на товары просто удручающие, — сказал мужчина с тяжелыми веками. Он сидел, скорчившись на стуле, как кучка

грязной одежды. — Это нечестно. Не следует позволять торговцам поднимать цену, когда захотят. Герцог должен что-то предпринять. Король ведь к нему прислушивается.

— Герцог... — протянула мать и отпила глоток чая. — Да, я всегда считала герцога человеком, симпатизирующим нашему делу. Полагаю, его можно убедить ввести соответствующие законы.

Мать глянула поверх позолоченной каемки на сидящего у стены мужчину.

Одна женщина сказала, что уговорит мужа поддержать герцога. Другая предложила написать письмо в поддержку этой идеи.

— Люди голодают, — произнесла морщинистая женщина, когда разговор увял. Остальные согласно забормотали. — Я каждый день это вижу. Если бы только мы могли чем-то помочь несчастным!

Еще одна женщина встрепенулась, как клуша, готовая снести яйцо.

— Просто ужасно, что никто не хочет брать их на работу, когда работы кругом полно!

— Знаю, — кивнула мать, цокнув языком. — Я уговаривала Говарда до посинения. Он нанимает только тех, кого хочет, а не тех, кто больше всего нуждается в работе. Это позор!

Остальные ей посочувствовали.

— Это неправильно, что у немногих есть куда больше, чем им нужно, а у большинства — почти ничего, — сказал мужчина с тяжелыми веками. — Это аморально.

— Человек не имеет права жить ради себя самого, — поспешно вставила мать, отщипывая кусочек пирожного и косясь на мрачного мужчину у стенки. — Я постоянно твержу Говарду, что самопожертвование — высочайший моральный долг человека и единственная причина его появления на этом свете. В этой связи, — провозгласила мать, — я решила пожертвовать на наше дело пять тысяч золотых крон.

Присутствующие восхищенно заахали, благодаря мать за ее щедрость. И дружно решили, искоса поглядывая в другой конец комнаты, что Создатель вознаградит ее в следующей жизни. Затем принялись обсуждать, как много они теперь смогут сделать, чтобы помочь обездоленным.

Наконец мать повернулась к Никки, некоторое время смотрела на нее, а потом сказала:

— Полагаю, моя дочь уже достаточно взрослая, чтобы учиться помогать другим.

Никки сидела на краешке стула, счастливая от того, что ей наконец предоставляется возможность тоже принять участие в благородном деле. Будто сам Создатель указал ей путь к спасению.

— Я с удовольствием буду творить добро, матушка.

Мать вопросительно глянула на мужчину у стенки.

— Брат Нарев?

Мужчина растянул губы в странной улыбке. Глубокие складки пролегли вдоль крыльев его носа к краешкам губ. В этой улыбке не было веселья, как и в его темных глазах под густыми пегими бровями. На нем был грязный балахон и скуфья цвета запекшейся крови. Над ушами из-под наполовину прикрывавшей лоб скуфьи торчали вьющиеся волосы.

Потирая пальцем подбородок, он заговорил — и от звучания его голоса задрожали чашки.

— Итак, дитя, ты хочешь стать маленьким солдатом?

— Ну... нет, сударь. — Никки не понимала, какое отношение имеет солдатская служба к тому, чтобы творить добро. Мать всегда говорила, что отец пособник мерзких людей, солдат. Она говорила, что солдаты хотят одного — убивать. — Я хочу помогать нуждающимся.

— Именно это мы и пытаемся делать, дитя. — Жуткая улыбка будто приклеилась к его лицу. — Все мы — солдаты братства. Братства Порядка, или Ордена, как мы называем нашу маленькую группу. Солдаты, сражающиеся во имя справедливости.

Казалось, все стесняются смотреть ему в лицо. Бросят быстрый взгляд — и снова отводят глаза, а потом — снова быстрый взгляд. Будто его лицо — лекарство, которое нельзя принимать сразу, а нужно попивать мелким глотками, как горячую противную микстуру.

Взгляд матери заметался по сторонам. Глазки бегали, как тараканы от веника.

— Ну конечно, брат Нарев. Единственный род солдат, достойный существования, — солдаты милосердия. — Она заставила Никки встать и выпихнула ее вперед. — Никки, брат Нарев — великий человек. Брат Нарев — верховный жрец Братства Ордена, древней секты, творящей волю Создателя на этой земле. Брат Нарев — колдун. — Она улыбнулась жрецу. — Брат Нарев, это моя дочь, Никки.

Мать подтолкнула Никки к «брату», будто вручала ее Создателю. В отличие от всех остальных Никки не могла оторвать взгляда от его глаз. Никогда она не видела таких глаз. В них ничего не было, кроме темной холодной пустоты.

— Рад с тобой познакомиться, Никки. — Он протянул руку.

— Сделай книксен и поцелуй руку, дорогая, — подсказала мать.

Никки присела и поцеловала костяшки пальцев, старясь не коснуться губами паутины синих вен, покрывавших тыльную сторону волосатой ладони. Белые костяшки оказались холодными, но не ледяными, как она боялась.

— Добро пожаловать в наше сообщество, Никки, — произнес он глубоким рокочущим басом. — Я знаю, что под чутким руководством твоей матери ты исполнишь волю Создателя.

Никки подумала, что этот человек, наверное, похож на самого Создателя.

Больше всего из того, чем ее пугала мать, Никки боялась гнева Создателя. Она уже была достаточно взрослой и понимала, что ей пора начинать делать те добрые дела, о которых постоянно твердит мать, чтобы получить шанс на спасение. Все вокруг твердили, что ее мать — очень чуткий, высокоморальный человек. Никки тоже хотела быть хорошим человеком.

Но добрые дела казались тяжелым и суровым занятием — совсем не таким, как работа отца, где люди улыбались, смеялись и жестикулировали.

— Благодарю вас, брат Нарев, — проговорила Никки. — Я приложу все усилия, чтобы творить добро.

— В один прекрасный день с помощью таких хороших людей, как ты, мы изменим мир. Я не заблуждаюсь. В мире слишком много бессердечных людей, и нам потребуется немало времени, чтобы завоевать истинных сторонников, но все мы, сидящие в этой комнате, вместе с нашими единомышленниками по всей стране, являемся опорой надежды.

— Значит, это тайное общество? — шепотом спросила Никки.

Все засмеялись. Брат Нарев смеяться не стал, только его губы снова раздвинулись в улыбке.

— Нет, дитя. Совсем наоборот. Наше первостепенное желание и основной долг — как можно шире разнести правду о низменности людской. Создатель совершен. А мы, смертные, — лишь ничтожные черви. Мы должны сознавать нашу гнусную сущность, если надеемся избежать его справедливого гнева и

заслужить освобождение в мире ином. Самопожертвование во имя всеобщего блага — единственный путь к спасению. Наше братство открыто для всех, кто желает посвятить себя благому делу и жить праведной жизнью. Большинство людей не принимают нас всерьез. Когда-нибудь они станут относиться к нам иначе.

Сверкающие мышиные глазки смотрели, не моргая, а глубокий мощный голос брата Нарева нарастал, как гневный глас Создателя.

— Наступит день, когда жаркое пламя перемен пронесется по этой земле, сжигая все устаревшее, омертвевшее и ложное, дабы новый порядок расцвел на почерневших останках зла. Когда мы очистим мир, не станет никаких властителей, повсюду будет порядок, установленный простыми людьми для простых людей. И лишь тогда не будет ни голодных, ни замерзающих, ни нищих, ни оставленных без помощи. Всеобщее благо — вот что будет превыше всего, превыше эгоистических желаний индивидуума.

Никки хотела творить добро. Действительно хотела. Но голос брата Нарева звучал так, что ей показалось, будто за ней со скрежетом захлопнулась дверь темницы.

Глаза всех присутствующих устремились на нее — настолько ли она хороша, как ее мать?

— Это звучит просто чудесно, брат Нарев.

Он кивнул.

— Так и будет, дитя. И ты поможешь приблизить тот день. И да ведут тебя твои чувства. Ты станешь солдатом, марширующим к новому мировому порядку. Это будет долгий и опасный путь. Но ты должна хранить веру. Все остальные, кто присутствует сейчас в этой комнате, вряд ли доживут до этого дня, но ты, возможно, еще увидишь в один прекрасный день тот дивный новый порядок, который наступит в нашем мире.

Никки сглотнула.

— Я буду молиться об этом, брат Нарев.

Глава 11

На следующий день, нагруженная большой корзиной с хлебом, Никки выскочила из экипажа вместе с несколькими взрослыми дамами из братства, чтобы раздать хлеб нуждающимся. Ради такого случая мать нарядила ее в красное гофрированное платьице и коротенькие белые носочки с красным орнаментом. Гордая, что наконец-то творит добро, Никки шагала по загаженной вонючей улице, неся корзинку хлеба и мечтая о том дне, когда повсюду наступит новый порядок и все воспрянут из бездны отчаяния и нищеты.

Некоторые улыбались и благодарили ее за хлеб. Другие брали хлеб молча, без улыбки. Большинство, впрочем, выражали недовольство тем, что хлеб принесли слишком поздно и буханки слишком маленькие, и вообще не того сорта. Но Никки это нисколько не обескураживало. Она повторяла беднякам слова матери, объясняла, что во всем виноват булочник, который в первую очередь печет хлеб ради собственной прибыли, а поскольку милосердие — не главное его качество, то этот хлеб он выпекает в последнюю очередь. Ей очень жаль, говорила Никки, что плохие люди относятся к беднякам, как к людям второго сорта, но в один прекрасный день Братство Порядка придет в эту страну и позаботится о том, чтобы ко всем относились одинаково.

Так она шла по улице, раздавая хлеб, — и вдруг какой-то мужчина схватил ее за руку и поволок в узкую темную боковую аллею. Никки протянула ему буханку. Мужчина выбил корзинку у нее из рук и заявил, что ему нужно серебро или золото. Никки сказала, что у нее нет денег, и испуганно ахнула, когда он притянул ее к себе. Грязные пальцы жадно шарили по ее телу, даже в самых интимных местах, в поисках кошелька, но не нашли ничего. Он стянул с нее туфельки и, ничего не обнаружив, отшвырнул прочь.

Здоровенный кулак дважды ударил Никки в живот. Девочка рухнула на землю. Грязно выругавшись, мужчина растворился среди отбросов.

Никки приподнялась на трясущихся руках. Ее вырвало в грязный поток, выливавшийся из-под мусорных куч. Проходившие мимо люди все видели, но отводили глаза и спешили дальше по своим делам. Некоторые быстро заскакивали в аллею, наклонялись, выхватывали буханки из раскрытой корзины и убегали. Никки ловила ртом воздух, пытаясь восстановить дыхание. По щекам текли слезы. Коленки кровоточили. Платье было все заляпано.

Когда она в слезах вернулась домой, мать при виде нее улыбнулась.

— У меня тоже часто слезы наворачиваются на глаза, когда я вижу, как они живут.

Никки отчаянно затрясла головой и рассказала матери, что какой-то мужчина схватил ее и ударил, требуя денег. Она с плачем кинулась в объятия матери, крича, что это плохой, плохой, плохой человек.

Мать ударила ее по губам.

— Не смей осуждать людей! Ты всего лишь ребенок. Кто дал тебе право судить других?

Ошеломленная ударом — не столько болезненным, сколько неожиданным, — Никки окаменела. Во рту стоял привкус рвоты.

— Но, мама, он был жесток со мной... Трогал меня повсюду, а потом ударил!

Мать снова шлепнула ее по губам, на этот раз сильнее.

— Я не позволю, чтобы ты бездушными речами унижала меня перед братом Наревом и моими друзьями! Слышишь? Ты не знаешь, что заставило его так поступить! Может, у него дома больные дети, и ему нужны деньги на лекарства. А тут

ему попадается богатенькая избалованная девчонка, и он не выдерживает, зная, что его собственных детей всю жизнь обманывают такие, как ты, чтобы покупать себе красивую одежду и всякие безделушки. Ты не знаешь, какие жизненные тяготы приходится выносить этому человеку. И не смей осуждать людей за их поступки только потому, что ты слишком бесчувственна и эгоистична и не желаешь даже постараться понять их!

— Но я думаю...

Мать ударила ее в третий раз так, что Никки пошатнулась.

— Думаешь? Размышления — кислота, разъедающая веру! Твой долг — верить, а не думать! Разум человека несопоставим с разумом Создателя! Твои мысли — как и мысли всех прочих людей — совершенно бесполезны, как вообще бесполезно все человечество. Ты должна верить, что Создатель вложил свою доброту в эти заблудшие души. Ты должна руководствоваться чувствами, а не разумом. И твой единственный путь — вера, а не мысли.

Никки проглотила слезы.

— И что мне тогда делать?

— Тебе должно быть стыдно, что мир так жесток к этим несчастным, и они вынуждены в растерянности наносить удары. В будущем ты должна найти способ помочь таким людям, ибо у тебя есть все, а у них — ничего. Это твой долг.

В тот вечер, когда отец вернулся домой и на цыпочках зашел к ней в комнату, чтобы посмотреть, насколько сильно она пострадала, Никки взяла его за большие пальцы и крепко прижала их к щеке. Хотя мать и говорила, что он плохой человек, Никки почувствовала себя просто замечательно, когда отец молча опустился на колени возле кровати и начал ласково гладить ее по голове.

Продолжая работать на улицах, Никки в конце концов научилась понимать нужды обитателей трущоб. Их беды казались непоправимы. Что бы она ни делала, это ничего не меняло. Брат Нарев говорил, что это лишь признак того, что Никки не до конца посвящает себя делу. Каждый раз, как у нее что-то не получалось, Никки — по требованию брата Нарева и матери — удваивала усилия.

Однажды, уже проработав в братстве несколько лет, она за ужином сказала:

— Отец, есть один человек, которому я пытаюсь помочь. У него десять детей и нет работы. Ты не мог бы взять его к себе на работу?

Отец поднял голову от тарелки с супом.

— Почему?

— Я же тебе сказала! У него десять детей.

— Но что он умеет делать? Почему я должен его нанять?

— Потому что ему нужна работа.

Отец отложил ложку.

— Никки, солнышко, у меня работают квалифицированные рабочие. От того, что у него десять детей, сталь ведь не станет выковываться, верно? Что этот человек умеет делать? Какая у него профессия?

— Будь у него профессия, отец, он смог бы найти работу. Разве справедливо, что его дети вынуждены голодать только потому, что их отцу не предоставляют шанса?

Отец посмотрел на нее, будто изучал какой-то подозрительный новый металл. Узкие губы матери растянулись в едва заметной улыбке, но она молчала.

— Шанса? На что? У него нет профессии.

— Наверняка в таких больших мастерских, как твои, для него найдется какая-нибудь работа.

Отец, внимательно изучая ее решительное личико, побарабанил пальцами по столу. Затем, откашлявшись, произнес:

— Ну что ж, возможно, я смогу использовать его на погрузке фургонов.

— Он не может грузить фургоны. У него больная спина. Он годами не мог работать именно потому, что у него болит спина.

Отец недоуменно нахмурился:

— Больная спина не помешала ему настрогать десяток детей.

Никки очень хотелось сделать доброе дело, и она ответила отцу решительным взглядом.

— Почему ты такой нетерпимый, отец? У тебя есть рабочие места, а этому человеку нужна работа. У него голодные дети, которых нужно кормить и одевать. Неужели ты отказываешь ему в возможности заработать себе на жизнь лишь потому, что ему не повезло? Или твое богатство застилает тебе глаза, и ты не видишь нужд простых людей?

— Но мне нужны...

— Почему ты всегда исходишь из того, что нужно тебе, а не из того, что нужно другим? Неужели все должно быть только для тебя?

— Это — дело...

— А в чем цель дела? Разве не в том, чтобы предоставлять работу тем, кто в ней нуждается? Разве не лучше, если человек работает, а не унижается, выпрашивая милостыню? Ты этого хочешь? Чтобы он просил милостыню, вместо того чтобы работать? Разве не ты всегда так превозносил труд?

Никки выпускала вопросы, как стрелы, причем так быстро, что отец и слова не успевал вставить. Мать улыбалась, слушая, как дочь выпаливает слова, которые знает уже наизусть.

— Почему ты так жесток к самым обездоленным? Почему не можешь хоть раз подумать о том, что ты в состоянии сделать для них, вместо того чтобы думать о деньгах и только о деньгах? Неужели тебе повредит, если ты наймешь нуждающегося в работе человека? Повредит, отец? Покончит с твоим делом? Разорит тебя?

Ее исполненные благородства вопросы эхом звучали по обеденном залу, а отец смотрел на нее так, словно видел впервые. Казалось, его поразили настоящие стрелы. Его губы шевелились, но он не мог вымолвить ни слова. Похоже, он не мог даже пошевелиться. Лишь молча смотрел на нее.

Мать сияла.

— Ну... — проговорил он наконец. — Полагаю... — Он взял ложку и уставился в тарелку. — Присылай его, я дам ему работу.

Никки ощутила новое чувство гордости. И могущества. Она никогда не думала, что так легко сможет заставить отца отступить. Она поколебала его эгоистичную сущность одной лишь добротой.

Отец встал из-за стола.

— Я... Мне нужно возвращаться в мастерские. — Его взгляд шарил по столу, на Никки и мать он не глядел. — Я только что вспомнил... Нужно присмотреть за одним делом...

Когда он ушел, мать сказала:

— Я рада, что ты избрала правильный путь, Никки, а не последовала его ложной дорогой. Ты никогда не пожалеешь о том, что позволила любви к людям направлять твои чувства. Создатель улыбнется тебе.

Никки знала, что поступила правильно и достойно, и все же не могла не вспоминать тот вечер, когда отец молча гладил ее по голове, а она прижимала его пальцы к щеке.

Тот человек начал работать в мастерских. Отец больше никогда о нем не упоминал. Он все время был занят и пропадал на

работе. У Никки тоже все больше и больше времени занимала ее деятельность. Но ей недоставало того выражения его глаз. И она думала, что, наверное, просто взрослеет.

Следующей весной, когда Никки уже исполнилось тринадцать, она как-то раз вернулась домой после работы в братстве и обнаружила сидящую вместе матерью в гостиной женщину. Что-то в облике этой женщины было такое, от чего волосы Никки встали дыбом. Она положила на стол список нуждающихся, а обе женщины встали.

— Никки, дорогая, это сестра Алессандра. Она приехала сюда из Дворца Пророков в Танимуре.

Женщина была старше матери. Длинная каштановая коса уложена короной вокруг головы и закреплена на затылке красивым гребнем, нос чуть-чуть великоват; полноватая, но не уродливая. Ее глаза сверлили Никки с тревожащей настойчивостью, а не бегали по сторонам, как тараканьи глазки матери.

— Ваше путешествие было долгим, сестра Алессандра? — вежливо спросила Никки, сделав книксен. — Из Танимуры, я хочу сказать?

— Всего три дня, — ответила сестра Алессандра и улыбнулась, подняв узенькое личико Никки за подбородок. — Так-так! Маленькая, а делает взрослую работу. — Она указала на стул. — Не присядешь ли с нами, дорогая?

— Вы сестра из нашего братства? — спросила Никки, не очень хорошо понимая, кто эта женщина.

— Вашего — чего?

— Никки, — ответила мать, — сестра Алессандра — сестра Света.

Никки изумленно опустилась на стул. Сестры Света обладали волшебным даром, как они с матерью. Никки мало что знала о сестрах, кроме того, что они служат Создателю. Но ей от этого лучше не стало. Присутствие такой женщины в их доме вызывало смущение, совсем как тогда, когда Никки стояла перед братом Наревом. Ее охватило необъяснимое ощущение обреченности.

К тому же Никки испытывала нетерпение, ведь ее ждали дела. Нужно еще собрать пожертвования. В некоторые места ее сопровождали взрослые. В другие отправляли ее одну, говоря, что молоденькая девочка там добьется лучших результатов, пристыдив тех, кто имеет больше, чем заслуживает. Эти люди, все владельцы предприятий, отлично знали, кто она такая. И всегда

спрашивали, как поживает отец. Как ее учили, Никки отвечала, что отец будет очень доволен, когда узнает, что они проявляют заботу о нуждающихся. В конце концов большинство вносили пожертвования.

Затем нужно было отнести лекарства женщинам с больными детьми. И одежда детям тоже нужна. Никки старалась кого-то уговорить пожертвовать старую одежду, кого-то — пошить новую. Некоторые люди были бездомными, другие всем скопом ютились в жалких каморках. Никки пыталась уговорить кого-нибудь из богатых пожертвовать дом. А еще на нее была возложена обязанность раздобывать для женщин кувшины, чтобы ходить за водой. Надо нанести визит горшечнику. Нескольких ребятишек постарше поймали на воровстве. Другие дрались, кое-кто избивал в кровь детишек поменьше. Никки заступалась за них, пытаясь объяснить, что они не виноваты, просто жизнь к ним несправедлива, и такое поведение — естественная реакция на жестокие условия. Она надеялась уговорить отца взять на работу хотя бы нескольких обездоленных.

Проблемы разрастались, как снежный ком, и конца им не предвиделось. Создавалось впечатление, что чем большему количеству людей помогало братство, тем больше становилось нуждающихся в помощи. Вначале Никки думала, что решит все мировые проблемы. А теперь начала чувствовать себя безнадежно неспособной. Она знала, что сама виновата. Ей нужно трудиться еще больше.

— Ты умеешь читать и писать? — поинтересовалась сестра.

— Не очень хорошо, сестра. В основном имена. Мне так много нужно делать для тех, кому повезло меньше, чем мне! Их нужды куда важнее моих эгоистических желаний.

Мать, улыбнувшись, кивнула сама себе.

— Просто добрый дух во плоти, — расчувствовалась сестра Алессандра. Глаза ее увлажились. — Наслышана о твоей деятельности.

— Правда? — На мгновение Никки испытала гордость, но тут же вспомнила, что, как бы она ни старалась, лучше все равно не становится, и ощущение того, что она неудачница, вернулось. К тому же мать все время твердила, что гордыня — грех. — Не вижу ничего особенного в том, что я делаю. Эти люди — особенные из-за тех страданий, что они переносят, живя в жутких условиях. Они ободряют меня.

Мать довольно улыбалась. Сестра Алессандра, наклонившись поближе, серьезно спросила:

— Ты училась пользоваться своим даром, дитя?

— Мать учит меня всякой мелочи вроде лечения несложных болячек, но я знаю, что было бы несправедливо демонстрировать мой дар перед теми, кто менее благословен, чем я, и потому всячески стараюсь не пользоваться им.

Сестра сложила руки на коленях.

— Мы с твоей матерью побеседовали, пока тебя ждали. Она хорошо поработала, наставив тебя на путь истинный. Однако мы считаем, что ты способна на большее, если бы служила более высокому призванию.

Никки вздохнула:

— Ну ладно. Может, я смогу вставать чуть раньше. Но у меня уже есть обязанности в отношении нуждающихся, и мне придется как-то совмещать их с новыми. Надеюсь, вы меня понимаете, сестра. Я не пытаюсь вызвать сочувствие, правда-правда, но я надеюсь, что этот долг мне не придется выполнять быстро, потому что я и так уже очень занята.

Сестра Алессандра терпеливо пояснила:

— Ты не понимаешь, Никки. Нам бы хотелось, чтобы ты продолжила свою деятельность с нами, во Дворце Пророков. Конечно, сначала ты будешь послушницей, но в один прекрасный день станешь сестрой Света, и в этом качестве продолжишь делать то, что так хорошо начала сейчас.

Никки охватила паника. Жизнь стольких людей держалась лишь на тех ниточках, что протягивала она. В братстве у нее есть друзья, которых она любит. Ей так много нужно сделать! Ей не хотелось покидать мать и даже отца. Она знала, что отец плохой, но с ней-то он плохим не был. Она знала, что он алчный эгоист, но он по-прежнему иногда относил ее в кровать и ласково гладил по плечу. Никки была уверена, что когда-нибудь снова увидит проблеск в его голубых глазах, требуется только время. Она не хотела уезжать от него. По какой-то причине ей было отчаянно необходимо еще раз увидеть ту яркую искорку в его глазах. Никки знала, что эти ее желания эгоистичны.

Она сморгнула слезы.

— Я забочусь о нуждающихся, сестра Алессандра. У меня перед ними обязательства. Простите, но я не могу их бросить.

В этот момент в дверях появился отец. И застыл в неловкой позе, на полушаге, уставясь на сестру.

— Что тут происходит?

Мать встала:

— Говард, это сестра Алессандра. Она сестра Света и приехала...

— Нет! Я не допущу, слышишь?! Она наша дочь, и сестры не получат ее!

Сестра Алессандра поднялась, искоса глядя на мать.

— Пожалуйста, попросите вашего мужа удалиться. Это его не касается.

— Не касается?! Она моя дочь! Вы не получите ее!

Он рванулся вперед, чтобы схватить Никки за протянутую руку. Сестра подняла палец и, к изумлению Никки, отца отбросило назад яркой вспышкой света. Он с грохотом врезался спиной в стену и сполз на пол, хватаясь за грудь. Заливаясь слезами, Никки бросилась к отцу, но сестра Алессандра схватила ее за руку и дернула назад.

— Говард, — прошипела сквозь зубы мать, — воспитание ребенка — мое дело. Я несу дар Создателя. Когда договаривались о нашем с тобой браке, ты дал слово, что если родится девочка и у нее будет дар, только я буду обладать правом воспитывать ее так, как сочту нужным. Я считаю, что так надо, такова воля Создателя. Во Дворце Пророков у нее будет время научиться читать. Время научиться использовать свой дар во благо людям так, как это умеют только сестры. Ты сдержишь слово. Я об этом позабочусь. Не сомневаюсь, что у тебя есть дела, к которым ты должен немедленно вернуться.

Отец тер ладонью грудь. Потом опустил руки и, понурив голову, вышел. Но прежде чем закрыть за собой дверь, он встретился взглядом с Никки. Сквозь слезы она увидела в глазах отца ту самую искорку, будто он хочет ей что-то сказать, но потом искорка исчезла, и отец закрыл за собой дверь.

Сестра Алессандра сказала, что будет лучше, если они уедут сразу же и Никки сейчас не станет общаться с отцом. Она пообещала, что если Никки будет соблюдать правила, то после того как освоится, научится читать и пользоваться своим даром, она снова увидит отца.

Никки научилась читать, пользоваться своим даром и освоила все, что от нее хотели. Она выполняла все требования, она делала все. Ее жизнь послушницы была бесстрастно самоотверженной. Сестра Алессандра забыла о своем обещании, а если

Никки напоминала ей, тут же выражала недовольство и находила очередную работу.

Через несколько лет после того, как Никки увезли во Дворец, она снова встретила брата Нарева. Никки столкнулась с ним совершенно случайно. Он работал на конюшне Дворца Пророков. Брат Нарев, пристально глядя на Никки, медленно улыбнулся. Он сообщил ей, что пришел во Дворец по ее примеру. Заявил, что хочет прожить долго и увидеть, как в мире наступает новый порядок.

Никки тогда подумала, что работа на конюшне — странное занятие для брата, но брат Нарев сказал, что считает работу на сестер более возвышенной, чем на тех, кто загребает деньги. Заверил Никки, что ему все равно, скажет она во Дворце кому-нибудь о нем и его деятельности в братстве или нет, но попросил не говорить сестрам, что он обладает волшебным даром, потому что тогда ему не разрешат остаться тут и работать на конюшне. А если они раскроют его дар, он откажется им служить, поскольку, как он заявил, желает служить Создателю по-своему.

Никки сохранила его тайну — не столько из верности, сколько потому, что была слишком занята учебой и работой, чтобы думать о брате Нареве и его братстве. Видела она его крайне редко, детские воспоминания покрывались дымкой. Во Дворце имелась работа, которой она должна была посвятить себя, согласно пожеланиям сестер. Только много лет спустя Никки поняла истинные причины пребывания брата Нарева во Дворце Пророков.

Сестра Алессандра позаботилась о том, чтобы Никки была постоянно занята, и отклоняла эгоистичные просьбы о поездке домой. Лишь двадцать семь лет спустя, все еще будучи послушницей, Никки снова увидела отца. На его похоронах.

Мать написала, чтобы Никки приехала повидать отца, потому что он тяжко болен. Никки тут же помчалась домой в сопровождении сестры Алессандры, но к ее приезду отец уже умер.

Мать сказала, что он несколько недель умолял ее послать за дочерью. Вздохнув, она сообщила, что не обращала внимания на его слова, думала, что он поправится. Кроме того, заявила мать, она не хотела отрывать Никки от важных дел по столь ничтожному поводу. Она сказала, что отец хотел только одного: увидеть Никки. Мать посчитала, что это глупо, поскольку ему всегда было наплевать на других. С чего это вдруг ему понадобилось

кого-то видеть? Он умер в одиночестве, пока мать где-то ходила, помогая жертвам бесчувственного мира.

К тому времени Никки уже исполнилось сорок лет, но мать по-прежнему считала ее молоденькой девушкой — ведь благодаря древнему заклятию, наложенному на Дворец Пророков, Никки выглядела лет на пятнадцать-шестнадцать. Мать велела ей надеть яркое платье — в конце концов, похороны не такой уж печальный повод.

Никки долго стола у тела отца. Возможность увидеть его голубые глаза была утрачена навсегда. И впервые за многие годы боль заставила ее ощутить что-то, сокрытое глубоко внутри. Так хорошо снова что-то чувствовать — пусть даже боль!

Пока Никки стояла, глядя на восковое лицо отца, сестра Алессандра говорила, что ей очень жаль, что она увезла Никки из дома, но за всю свою жизнь она, сестра Алессандра, не встречала женщины с таким мощным даром, как у Никки, и что такой дар Создателя не должен пропадать втуне.

Никки ответила, что все понимает. Поскольку у нее есть способности, то вполне справедливо, что она должна использовать их во благо нуждающимся.

Во Дворце Пророков Никки называли самой бескорыстной и чуткой послушницей и ставили в пример тем, что помоложе. Даже аббатиса ее похвалила.

Все эти восхваления были для нее пустым звуком. Быть лучше других — неправильно. Как Никки ни старалась, она не могла избежать унаследованного от отца преимущества. Это преимущество струилось по ее жилам, сочилось из каждой поры, отравляя все, что она делала. Чем бескорыстнее она была, тем сильнее это подчеркивало ее превосходство, а следовательно, ее греховность.

Никки знала: это означает одно — она грешница.

— Постарайся не запоминать его таким, — посоветовала сестра Алессандра после долгого молчания, когда они стояли над телом. — Постарайся помнить своего отца таким, каким он был при жизни.

— Не могу, — ответила Никки. — Я никогда не знала его, когда он был жив.

Мать взяла управление мастерскими на себя. Она писала Никки радостные письма, рассказывая, как много нуждающихся она теперь приняла на работу. Учитывая все накопленные богатства, производство вполне в состоянии это выдержать. Мать

гордилась тем, что наконец-то богатство служит высоконравственным целям. Она писала, что смерть отца — скрытое благословение, ибо это позволило наконец-то помогать тем, кто всегда этого заслуживал. Все это — часть промысла Создателя, писала она.

Матери пришлось повышать цены, чтобы платить деньги всем людям, которым она предоставила работу. Многие старые работники ушли. Мать писала, что рада этому, поскольку у них отсутствует чувство долга перед другими.

Заказов становилось все меньше. Поставщики начали требовать предоплату. Мать больше не ставила клеймо мастерских на оружии — новые работники жаловались, что нечестно требовать от них выдерживать такие высокие стандарты. Они заявляли, что стараются изо всех сил, а остальное не имеет значения. Мать пошла навстречу их требованиям.

Прокатный стан продали. Многие постоянные клиенты перестали заказывать оружие и доспехи. Мать заявила, что обойдется без таких бесчувственных покупателей. Она ждала от герцога новых законов, в соответствии с которыми работа должна распределяться поровну, но законы что-то запаздывали. Немногие оставшиеся покупатели не платили в срок по счетам, но обещали непременно заплатить, а заказанный ими товар тем временем поставлялся, хоть и с запозданием.

Через полгода после смерти отца предприятие разорилось. Огромное состояние, заработанное им за всю жизнь, исчезло.

Высококвалифицированные рабочие, нанятые когда-то отцом, уехали, надеясь найти работу в оружейных мастерских в других местах. А большинство — те, что остались в городе — могли отыскать лишь низкооплачиваемую работу и были рады и этому. Многие новые рабочие требовали от матери сделать что-то. Мать и братство обратились с просьбой к другим владельцам мастерских, чтобы те взяли их к себе. Кое-кто попытался помочь, но большинство не имели возможности нанимать рабочих.

Оружейные мастерские отца были крупнейшими в их краях и обеспечивали работой многие другие мастерские. Теперь люди, чье дело зависело от работы оружейных мастерских — торговцы, мелкие поставщики, перевозчики, — тоже разорились. Многие в городе, от пекарей до мясников, потеряли своих покупателей и были вынуждены сократить число работников.

Мать попросила герцога поговорить с королем. Герцог ответил, что король размышляет над этим вопросом.

После закрытия отцовских мастерских появилось много заброшенных домов, жители которых уехали в поисках работы. По настоянию братства эти дома самовольно заселили. Прежде спокойные кварталы превратились в трущобы, где процветало воровство и насилие. Не имея возможности продать оставшееся на складах оружие, мать раздала его нуждающимся, чтобы те могли защитить себя. Вопреки ее усилиям, преступность лишь возросла.

За ее благотворительную деятельность и верную службу отца короне король назначил матери пенсион, позволявший ей жить в собственном доме и даже содержать штат прислуги, хоть и небольшой. Мать продолжала деятельность в братстве, пытаясь исправить ту несправедливость, которая, по ее мнению, привела к краху предприятия. Она надеялась в один прекрасный день снова открыть мастерские и нанять людей на работу. За самоотверженный труд король наградил ее серебряной медалью. Мать с гордостью писала Никки, что король никогда не видел женщины, столь близкой к тому, чтобы стать добрым духом во плоти. Никки регулярно получала сообщения о наградах, которые мать получала за свой бескорыстный труд.

Восемнадцать лет спустя, когда мать умерла, Никки по-прежнему выглядела как семнадцатилетняя девушка. Она хотела надеть на похороны красивое черное платье. Лучшее из лучших. Однако во Дворце Пророков ей сказали, что послушнице не подобает подавать столь эгоистичное прошение и что это не обсуждается, Никки может получить только скромную простую одежду.

Приехав домой, Никки отправилась к королевскому портному и сказала, что на похороны матери ей нужно самое лучшее черное платье, которое он когда-либо шил. Тот назвал цену. Никки спокойно сказала, что денег у нее нет, но платье ей нужно все равно.

Портной — мужчина с тремя подбородками, с растущей на ушах шерстью, ненормально длинными желтыми ногтями и похотливой ухмылкой — ответил, что ему тоже кое-что нужно. Он придвинулся, нежно держа ее гладкую руку костлявыми пальцами, и прошептал, что если она позаботится о его нуждах, то он позаботится о ее.

На похоронах матери Никки была в великолепном черном платье.

Мать всю свою жизнь посвятила нуждам других людей. Никки нисколько не сожалела, что никогда больше не увидит тараканьи глазки матери, и не чувствовала той боли, что заполнила внутри нее пустоту на похоронах отца. И сознавала, что она отвратительный человек. И впервые поняла, что по какой-то причине ей попросту все безразлично.

С этого дня Никки носила только черные платья.

Сто двадцать три года спустя, стоя у перил на галерее главного зала Дворца Пророков, Никки увидела глаза, поразившие ее своим внутренним светом. Но то, что в глазах ее отца было лишь неуловимым отблеском, в серых глазах Ричарда полыхало ярким пламенем. И она по-прежнему не знала, что это.

Знала только, что именно в этом — различие между жизнью и смертью и что она должна это уничтожить.

И теперь наконец она знала, как это сделать.

Если бы только кто-нибудь проявил много лет назад такое же милосердие к ее отцу...

Глава 12

Сворачивая на дорогу к поместью, где, по словам сестер, Джегань устроил себе резиденцию, Никки изучала взглядом раскинувшийся вокруг огромный лагерь Имперского Ордена. Она искала одну группу палаток и знала, что эти палатки должны стоять где-то здесь, недалеко от Джеганя. Насколько хватал глаз, повсюду виднелись шатры, палатки, фургоны; бродили люди, как темный крап усыпавшие окрестные поля и холмы. Казалось, и небо и земля затянуты хмурой дымкой. На полях, как звезды на небе, сияли огни многочисленных костров.

День становился гнетуще-мрачным, и не только из-за приближения вечера — на небе собирались свинцово-серые тучи. Натянутая ткань палаток хлопала под порывами ветра, искры костров взметались в небо, струйки дыма метались из стороны в сторону. Тяжелый запах испражнений заглушал ароматы готовящейся еды. И чем дольше армия будет стоять на месте, тем гуще будет вонь.

Вверху, над мрачным пейзажем, возвышались элегантные строения поместья. Джегань был там. Имея доступ к разуму сестер Рошели, Георгии и Обри, он уже наверняка знал, что Никки вернулась. И ждал ее.

Ничего, подождет. Для начала ей нужно кое-что сделать. Джегань не может овладеть ее разумом, и она вольна исполнить задуманное.

Никки наконец обнаружила то, что искала. Сойдя с дороги, она пошла по полю. Даже на расстоянии она различала те особые звуки, что доносились из этих палаток. Слышала их за смехом и пением, треском костров, шипением жарившегося мяса, скрежетом точильных камней, ударов молота по металлу и скрипу пил.

Солдаты хватали ее за руки, пытались сорвать платье, но Никки ни на что не обращала внимания. Проталкиваясь сквозь толпу, она просто отпихивала солдат. Когда здоровенный детина схватил ее за запястье, она остановилась лишь для того, чтобы ударом магии испепелить ему сердце прямо в груди. Тело с глухим стуком рухнуло на землю, но никто не понял, что солдат мертв. Впрочем, на Никки больше никто не покушался. Среди солдат позади нее пробежал шепоток: «Госпожа Смерть».

Наконец Никки достигла намеченной цели. Вокруг палаток, где пленники кричали от боли, солдаты играли в кости, ели бобы, храпели в спальных мешках. Двое выволокли из большой палатки труп и зашвырнули в фургон.

Никки щелкнула пальцами, подзывая небритого вояку, который шествовал от другой палатки.

— Покажите мне список, капитан.

Вояка грозно уставился на нее, но тут заметил черное платье, и на лице его мелькнуло узнавание. Он передал Никки засаленную книгу, продавленную посередине, будто на нее кто-то случайно сел. Выпавшие страницы, оборванные и грязные, были небрежно засунуты обратно.

— Докладывать особо нечего, госпожа. Пожалуйста, передайте его превосходительству, что мы призвали на помощь всех колдуний, но она молчит.

Никки раскрыла книгу и стала читать список новых поступлений.

— Она? О ком это вы, капитан? — пробормотала она, не отрываясь от чтения.

— Как о ком? О морд-сит, конечно!

Никки подняла на него взгляд.

— Морд-сит. Конечно. Где она?

Капитан указал на палатку, стоявшую чуть в стороне.

— Я знаю, его превосходительство и не ожидал, что эта черная ведьма поделится с нами сведениями о магистре Рале, но все же надеялся его порадовать. — Сунув пальцы за пояс, капитан раздраженно вздохнул: — Не повезло.

Никки некоторое время смотрела на палатку. Криков не слышно. Она никогда еще не видела ни одной морд-сит, но кое-что о них знала. Например, что обращать против них магию — смертельная ошибка.

Она вернулась к чтению списка. Ничего интересного. Большинство — местные жители, захваченные на всякий случай: вдруг что знают. Вряд ли им известно то, что нужно ей.

Никки постучала по последней строчке списка, гласившей: «гонец».

— А этот где?

Капитан указал на палатку.

— Им занимается один из лучших моих людей. Когда я проверял в последний раз, из него еще ничего не вытянули. Но это было рано утром.

С тех пор прошел уже почти день. Под пыткой день кажется вечностью. Никки сунула книгу офицеру.

— Спасибо. На этом все.

— Значит, вы доложите его превосходительству? — Никки рассеянно кивнула. — Скажете ему, что от этой партии мало проку?

Никто не осмеливался признаться Джеганю лично, что не справился с заданием, Джегань оправдания не принимал. Никки кивнула и молча направилась к палатке, где допрашивали гонца.

— Я скоро увижу его превосходительство. И передам ваш доклад, капитан.

Едва войдя в палатку, Никки поняла, что опоздала. На узком деревянном столе лежали окровавленные останки.

Допрашивавший держал в руках сложенный лист бумаги.

— Что это?

Ухмыльнувшись, он протянул листок Никки.

— Кое-что, чему его превосходительство будет очень рад. Карта.

— Карта чего?

— Где этот малый был. Я нарисовал ее с его слов. — Он рассмеялся своей шутке.

— Неужели? — Улыбка солдата заинтересовала ее. Такой человек улыбается, только если заполучил что-то очень ценное — то, что позволит выслужиться в глазах начальства. — И где же был этот человек?

— Навещал своего властителя. — Он помахал бумажкой так, словно в руках у него была карта, указывающая, где спрятаны

сокровища. Устав от игры, Никки выхватила у солдата обрывок и развернула смятый листок. Это действительно была карта с тщательно нарисованными реками, береговой линией и горами. Даже проходы в горах указаны.

Никки определила, что карта подлинная. Когда она жила во Дворце Пророков, Новый мир был местом далеким и таинственным, которое редко посещали немногие сестры. И каждая отправившаяся туда сестра вела точные записи, а по ним впоследствии подправляли карты, хранившиеся во Дворце. Во время обучения послушницы запоминали эти карты. И хотя в те годы Никки и не думала, что ей когда-либо доведется путешествовать по Новому миру, отображенный на карте кусок местности был ей хорошо знаком. Никки внимательно изучала карту, отмечая все новое, чего она не знала.

Солдат ткнул в единственный на карте кровавый отпечаток пальца.

— Вот тут и скрывается магистр Рал. Помечено точкой в горах.

Никки на миг перестала дышать. Она уставилась на карту, тщательно откладывая в памяти каждый ручей, каждую речку, каждую гору, дорогу, тропинку и перевал, каждый город, каждую деревню.

— Что этот человек еще рассказал перед смертью? — Она подняла глаза на солдата. — Его превосходительство ждет моего доклада. Я как раз направлялась к нему. — Она щелкнула пальцами. — Выкладывай все.

Солдат почесал бороду. Под ногтями у него была засохшая кровь.

— Ты ему расскажешь, да? Скажешь, что сержант Ветцель получил эти сведения от гонца?

— Конечно, — заверила Никки. — Награду получишь ты. Мне она ни к чему. — Она постучала по золотому кольцу в губе. — Император всегда — каждое мгновение — находится в моих мыслях. Наверняка он именно сейчас видит моими глазами, что именно ты добыл эти сведения. Так что же еще поведал тот человек?

Сержант Ветцель снова почесал бороду, явно пытаясь решить, стоит ли доверять Никки или лучше самому сообщить эти сведения Джеганю. В Имперском Ордене никто никому не доверял. Сержант чесал бороду, оставляя в волосах ошметки высохшей крови.

Никки смотрела в его красные глаза. От вояки несло перегаром.

— Если ты не расскажешь мне все, сержант, причем немедленно, то окажешься следующим клиентом на этом столе, и я выслушаю твой доклад, перемежающийся твоими воплями, а когда закончу, тебя зашвырнут в фургон с покойниками.

Он поспешно кивнул, сдаваясь.

— Конечно. Я просто хотел убедиться, что его превосходительство узнает о моем достижении. Мы постоянно отправляем отделения из шести человек на разведку. Группа двигалась по кругу на север, в обход вражеской армии. С ними была одна колдунья, чтобы прикрывать их. Они были где-то к северо-западу от вражеских войск, когда чисто случайно напоролись на этого малого. И приволокли мне его для допроса. Я выяснил, что он — из числа постоянных гонцов, курсирующих туда-сюда с докладами магистру Ралу.

Никки показала на карту.

— Но это вот выглядит как расположение вражеских войск. Ты хочешь сказать, что Ри... магистр Рал не со своей армией?

— Точно. Гонец не знал почему. Его единственная обязанность — доставлять своему повелителю сведения о дислокации и состоянии войск. — Сержант постучал по карте в руке Никки. — Вот тут и скрывается магистр Рал со своей женой.

У Никки отвисла челюсть.

— С женой...

Сержант Ветцель кивнул:

— Этот малый сказал, что магистр Рал женился на какой-то бабе, известной как Мать-Исповедница. Она ранена, и они прячутся там, в горах.

Никки вспомнила, какие чувства питал Ричард к этой женщине, вспомнила ее имя: Кэлен. Женитьба Ричарда все меняет. Это может помешать ее планам. Или...

— Что-нибудь еще, сержант?

— Гонец сказал, что с магистром Ралом и его женой находится еще одна баба, морд-сит. Охраняет их.

— Но почему они там? Почему магистр Рал и Мать-Исповедница не со своим войском? Не в Эйдиндриле? Не в Д'Харе, наконец?

Сержант покачал головой:

— Гонец — простой солдат, он умеет только быстро скакать и читать карту. Это все, что он знал: они там, в горах, и одни.

Никки такой поворот событий озадачил.

— Еще что-нибудь? — Солдат покачал головой. Никки положила ладонь ему на спину, между лопаток. — Спасибо, сержант. Ты оказал куда более существенную помощь, чем полагаешь.

Он расплылся в ухмылке, и Никки нанесла магический удар, мгновенно выжегший ему мозг. Сержант с грохотом рухнул на землю.

Никки еще раз тщательно изучила карту, чтобы запомнить крепко-накрепко, и спалила ее волшебным огнем. Бумага корчилась и чернела, огонь поглощал тщательно нарисованные реки и горы, а потом добрался до кровавого отпечатка и помеченной точки. Пепел черным снегом осыпался на лежащее у ног Никки тело.

Подойдя к палатке, где допрашивали морд-сит, Никки обвела настороженным взглядом окрестности, проверяя, не наблюдает ли кто, но на пыточные палатки никто не обращал внимания. Она скользнула внутрь.

При виде распростертой на деревянном столе женщины Никки вздрогнула и лишь усилием воли заставила себя выдохнуть.

Стоявший подле стола солдат с окровавленными руками сердито глянул на Никки. Не дав ему и слова промолвить, Никки приказала:

— Докладывай.

— Ни слова от нее не добились, — буркнул он.

Никки кивнула и положила руку на широкую спину солдата. Встревожившись, он начал отодвигаться, но опоздал и замертво рухнул на землю, даже не успев сообразить, что произошло. Будь у нее время, он не отделался бы так легко.

Усилием воли Никки заставила себя подойти к столу и заглянуть в голубые глаза. Голова женщины слегка подрагивала.

— Обрати свою магию против меня, ведьма.

Никки улыбнулась.

— Сражаешься до конца, да?

— Примени магию, ведьма.

— Вряд ли. Видишь ли, я кое-что знаю о таких, как ты.

Голубые глаза вызывающе сверкнули.

— Ничего ты не знаешь.

— Да нет, знаю. Ричард мне рассказал. Ты его знаешь как Магистра Рала, но какое-то время он был моим учеником. Мне известно, что такие женщины, как ты, способны захватить чу-

жую магию, если эту магию обратить против вас. И тогда вы обращаете ее против нас же. Так что, как ты понимаешь, я, пожалуй, воздержусь.

Женщина отвела взгляд.

— Тогда пытай меня, если ты пришла за этим. Ничего ты от меня не услышишь.

— Я здесь вовсе не затем, чтобы тебя пытать, — спокойно проговорила Никки.

— Тогда — зачем?

— Позволь представиться, — произнесла Никки. — Я — госпожа Смерть.

Голубые глаза женщины обратились к Никки, в них впервые мелькнул огонек надежды.

— Отлично. Убей меня.

— Мне нужно кое-что у тебя узнать.

— Я... ничего... тебе... не скажу. — Слова давались ей с трудом. — Ничегошеньки. Убей меня.

Никки взяла со стола окровавленный нож и поднесла к голубым глазам.

— Думаю, скажешь.

Женщина улыбнулась:

— Валяй. Это лишь приблизит мою смерть. Я точно знаю, сколько может выдержать человек. Я уже на полпути к миру духов. Но все равно, что бы ты ни делала, я умру молча.

— Ты не поняла. Я не прошу тебя предавать магистра Рала. Разве ты не слышала, как твой палач упал на землю? Если чуть повернешь голову, то, возможно, увидишь, что тот, кто сотворил с тобой все это, мертв. Мне вовсе не нужны от тебя никакие секреты.

Женщина постаралась разглядеть валяющееся на земле тело. Брови ее приподнялись.

— Тогда — что?

Никки отметила про себя, что женщина не просит освободить ее. Морд-сит понимала, что она все равно уже не жилец. Единственное, на что она могла надеяться, это что Никки положит быстрый конец ее мучениям.

— Ричард был моим учеником. Он рассказал мне, как однажды его взяла в плен морд-сит. Это ведь не секрет, верно?

— Не секрет.

— Именно об этом я и хочу узнать подробнее. Как тебя зовут?

Женщина отвернулась.

Никки осторожно повернула ее к себе лицом.

— У меня есть к тебе предложение. Я не стану выспрашивать у тебя никаких секретов, которые ты должна хранить. И не стану просить предать магистра Рала. Я этого вовсе не хочу. Меня все это не интересует. Если ты мне поможешь, — Никки снова поднесла нож к лицу женщины, — я быстро положу конец твоим страданиям, и больше не будет ни пыток, ни боли. Лишь последние объятия смерти.

Губы женщины задрожали.

— Пожалуйста... — прошептала она. В ее глазах снова загорелся огонек надежды. — Пожалуйста... убей меня.

Никки чаще всего оставалась равнодушной при виде страданий, но сейчас это ее задело. Она не отрывала глаз от лица женщины, стараясь не смотреть на ее обнаженное тело и то, что с ним сделали. Никки решительно не понимала, как этой женщине удавалось не издать ни стона, ни крика и как она способна еще говорить.

— Меня зовут Ханна. — Руки и ноги женщины были намертво прикручены к столу, так что шевелить она могла только головой. Она посмотрела Никки в глаза. — Ты убьешь меня? Пожалуйста...

— Да, Ханна. Обещаю. Быстро и безболезненно. Если ты расскажешь мне то, что я хочу узнать.

— Я не могу тебе ничего рассказать. — Ханна обмякла, понимая, что мучения продолжатся. — Не стану.

— Я только хочу узнать о тех временах, когда Ричард был пленником. Ты ведь знаешь, что он когда-то был пленником морд-сит?

— Конечно.

— Я хочу об этом знать.

— Зачем?

— Потому что хочу понять его.

Голова Ханны качалась из стороны в сторону. Она даже смогла улыбнуться.

— Никто из нас не понимает магистра Рала. Его мучили, но он... не стал мстить. Мы не понимаем его.

— Я тоже, но все же надеюсь понять. Меня зовут Никки. Я хочу, чтобы ты это знала. Я Никки, и избавлю тебя от страданий, Ханна. Расскажи мне. Пожалуйста. Мне необходимо знать. Ты знала ту женщину, что захватила Ричарда в плен? Ее имя?

Женщина некоторое время молчала, будто прикидывая, не может ли это как-то повредить магистру Ралу.

— Денна, — прошептала она наконец.

— Денна. Чтобы бежать, Ричард убил ее. Об этом он мне сам рассказал. Ты была знакома с Денной?

— Да.

— Я ведь не выпытываю у тебя военных тайн, верно?

Чуть поколебавшись, Ханна покачала головой.

— Итак, ты знала Денну. И с Ричардом ты была тогда знакома? Когда он был ее пленником? Ты знала, что он ее пленник?

— Мы все знали.

— Это почему?

— Магистр Рал... Прежний магистр Рал...

— Отец Ричарда.

— Да. Он хотел, чтобы именно Денна воспитывала Ричарда, чтобы он не колеблясь отвечал на любые вопросы Даркена Рала. Она была лучшей из нас.

— Хорошо. А теперь расскажи мне подробно. Все, что знаешь.

Ханна прерывисто вздохнула. Заговорила она не сразу.

— Я не предам его. Я привычна к тому, что со мной тут делают. Ты меня не обманешь. Я не предам магистра Рала ради того, чтобы избавиться от мучений. Не для того я столько вынесла, чтобы предать его сейчас.

— Я обещаю ничего не спрашивать о настоящем, о том, что касается войны. Ничего, что могло бы выдать его Джеганю.

— Если я расскажу тебе лишь о том, что было тогда, с Денной, и ничего о том, где он сейчас, не выдам никаких военных тайн, ты обещаешь, что положишь этому конец? Убьешь меня?

— Даю тебе слово, Ханна. Я не прошу тебя предать магистра Рала. Я знаю его и слишком сильно уважаю, чтобы просить тебя об этом. Все, что мне нужно, — это его понять. На то у меня личные причины. Прошлой зимой я была его наставницей, обучала его пользоваться волшебным даром. Мне необходимо его понять. Мне кажется, если я его пойму, то смогу быть ему полезной.

— И тогда ты мне поможешь? — На глаза Ханны навернулись слезы надежды. — Тогда ты убьешь меня?

Этой женщине уже больше не на что было рассчитывать, кроме быстрой смерти. Только это ей и осталось: надежда на быструю смерть как избавление от боли.

— Как только ты закончишь рассказ, я прекращу твои страдания, Ханна.

— Клянешься мне твоей надеждой на вечное пребывание в мире ином в свете Создателя?

Никки ощутила резкую волну боли, поднимавшуюся из самой глубины души. Сто семьдесят лет назад она не желала ничего, только помогать другим, и все же так и не смогла уйти от своей гнусной сути. Она — госпожа Смерть. Падшая женщина.

Она провела пальцем по нежной щеке Ханны. Женщины обменялись долгим понимающим взглядом.

— Обещаю, — прошептала Никки. — Быстро и безболезненно. Положу конец твоим мучениям.

Из глаз Ханны ручьем потекли слезы. Она едва заметно кивнула.

Глава 13

Надо полагать, поместье было величественным. Никки и раньше доводилось видеть подобное великолепие. Точнее — куда большее. Она прожила в роскоши почти сто семьдесят лет — среди монументальных колонн и анфилад роскошных залов, резного камня и инкрустированных панелей, пуховых перин и шелковых простыней, мягких ковров и богатых драпировок, серебряных и золотых орнаментов, разноцветных витражей с изображениями эпических сцен. Там сестры улыбались Никки, сияя глазами, и вели умные разговоры.

Пышность и расточительность значили для нее не больше, чем грязь на улицах, холодные влажные простыни на жесткой земле, убежища из фанеры под открытым небом в заплеванных узких грязных переулках. Обитавшие там люди никогда не улыбались ей, только смотрели ввалившимися глазами, как выпрашивающие корм голуби.

Какая-то часть ее жизни прошла среди роскоши, другая — среди отбросов. Одни люди были обречены жить в одном мире, другие — в другом, она же — в обоих.

Никки взялась за серебряную ручку резной двери, по обе стороны которой стояли два покрытых паршой солдата — видимо, их растили в свинарнике, — и заметила, что на руке у нее кровь. Повернувшись, она

небрежно вытерла руку о грязную заляпанную кровью тунику одного из солдат. Его бицепсы были толщиной с ее талию. Он злобно глянул на Никки, но даже не попытался остановить. В конце концов, не пачкала же она ему чистую одежду.

Ханна выполнила свою часть сделки. Никки редко пользовалась обычным оружием. Как правило, она прибегала к магии. Но в данном случае это было бы грубой ошибкой. Когда она поднесла нож к горлу Ханны, та шепотом поблагодарила Никки. Впервые кто-то благодарил ее за смерть. Ее редко благодарили за помощь. У нее была возможность, у них — нет. Так что ее долг помогать нуждающимся.

Закончив вытирать руки о молчавшего стража, она бесстрастно улыбнулась ему и вошла в приемную залу. Высокие окна были завешаны светло-золотистыми занавесками, сверкающими в свете ламп, будто украшенные золотой нитью. Летний дождик стучал в оконные стекла, темные снаружи, отражавшие все, что происходило внутри. Светлые шерстяные ковры с цветочным орнаментом были покрыты грязью.

Здесь сновали разведчики и гонцы, солдаты докладывали что-то офицерам. Офицеры лаяли приказы. Солдаты, следовавшие за высокими чинами, несли свернутые карты.

Одна из карт лежала на продолговатом столе. Снятый со стола серебряный канделябр стоял рядом на полу. Проходя мимо стола, Никки бросила взгляд на карту и мысленно отметила, что там не хватает многих важных деталей, тщательно прорисованных на той карте, что была составлена со слов д'харианского гонца. На лежавшей на столе карте северо-западная область была помечена лишь темными пятнами пролитого эля. На карте же, отпечатанной в мозгу Никки, были горы, реки, перевалы и водопады. И точка, указывавшая место, где находятся Ричард с Матерью-Исповедницей и морд-сит.

Офицеры переговаривались между собой — некоторые стоя, другие сидя на мраморных столах или развалившись в кожаных креслах, лакомясь деликатесами с подносов, которые держали трясущиеся от страха слуги. Одни потягивали эль из высоких кувшинов, другие пили вино из изящных бокалов. Все вели себя так, будто давно привыкли к такой роскоши, и все казались здесь неуместны, как жабы за чаепитием.

Старушка, сестра Лидмила, явно старавшаяся держаться как можно более незаметно, за шторами, при виде пересекающей зал Никки вздрогнула и вышла из укрытия, на мгновение оста-

новившись, чтобы оправить замызганную юбку. Когда-то сестра Лидмила говорила Никки, что вещи, усвоенные в юности, не забываются никогда, и их иногда куда легче вспомнить, чем вчерашний ужин. Ходили слухи, будто престарелая сестра, владеющая сложными заклинаниями, известными лишь самым могущественным колдуньям, может много чего интересного припомнить из времен своей юности.

Пергаментная кожа так плотно обтягивала ее череп, что сестра Лидмила куда больше походила на эксгумированный труп, чем на живого человека. Но как бы то ни было, двигалась она довольно-таки шустро.

Примерно футах в десяти сестра Лидмила замахала рукой, будто боялась, что Никки ее не заметит.

— Сестра Никки! Сестра Никки, наконец-то! — Она схватила Никки за руку. — Пойдем скорей, дорогая. Пойдем. Его превосходительство ждет тебя. Сюда. Пошли скорее.

Никки высвободилась из хватки сестры.

— Показывай дорогу, сестра Лидмила. Я пойду следом.

Старуха улыбнулась. Ее улыбка не была ни радостной, ни довольной. Так улыбаются, когда испытывают облегчение. Джегань наказывал любого, кто вызывал его недовольство, не важно, виноват ты или нет.

— Что тебя так задержало, сестра Никки? Его превосходительство просто вне себя, да-да, и все из-за тебя! Где ты пропадала?

— У меня... было одно дело, которое необходимо закончить.

Старушке приходилось семенить, чтобы поспевать за Никки.

— Ну да, дело! Будь моя воля, я бы отправила тебя драить горшки за то, что тебя не было в пределах досягаемости, когда ты нужна!

Сестра Лидмила была дряхлой и забывчивой, и временами переставала понимать, что она уже не во Дворце Пророков. Джегань держал ее, чтобы встречать людей или показывать дорогу. Если она забывала путь, сноходец всегда мог в случае необходимости ее поправить. Он развлекался, используя уважаемую сестру Света — колдунью, владеющую самыми сложными и могучими заклинаниями — в качестве девочки на побегушках. Оказавшись вне Дворца Пророков с замедляющим старение заклятием, сестра Лидмила стремительно начала приближаться к могиле. Как и все сестры.

Согбенная старушка, размахивая руками, тянула Никки за собой, ведя по большим залам, вверх по лестницам, вниз по ко-

ридорам. Наконец она остановилась перед украшенной золотом дверью и потеребила кольцо в губе, переводя дыхание. Мрачные солдаты, патрулировавшие коридор, одарили Никки взглядами — черными, как ее платье. Она узнала императорских гвардейцев.

— Здесь. — Сестра Лидмила покосилась на Никки. — Его превосходительство в своих покоях. Поспеши. Иди. Ну иди же! — Она взмахнула руками, будто пыталась взнуздать лошадь. — Ступай.

Прежде чем войти, Никки повернулась к старухе:

— Сестра Лидмила, ты как-то сказала мне, что я лучше всех подхожу для того, чтобы перенять у тебя кое-какие знания.

Лицо сестры Лидмилы озарилось лукавой улыбкой.

— А! Наконец-то тебя заинтересовала более сложная магия, сестра Никки?

Никки еще никогда не проявляла интереса к тому, чему так хотела научить ее сестра Лидмила. Магия — эгоистичный дар. Никки выучила то, что было необходимо, но никогда не пыталась идти дальше.

— Да, честно говоря, мне думается, я наконец созрела.

— Я всегда твердила аббатисе, что ты единственная, кто обладает достаточной силой, чтобы овладеть теми же заклинаниями, что и я. — Старушка наклонилась поближе. — Опасными заклинаниями, смею заметить.

— Их следует передать, пока ты еще в состоянии это сделать.

Сестра Лидмила удовлетворенно кивнула.

— Полагаю, ты уже достаточно взрослая. Я могла бы тебе показать. Когда?

— Я приду к тебе... завтра. — Никки покосилась на дверь. — Сомневаюсь, что сегодня смогу прийти на урок.

— Значит, завтра.

— Если я... приду к тебе завтра, то очень захочу научиться. В особенности мне хотелось бы научиться творить материнское заклятие.

Судя по тому, что знала Никки, заклятие под странным названием «материнское» было именно тем, что ей нужно. У него было еще одно преимущество: однажды наложенное, снятию оно не подлежало.

Сестра Лидмила приосанилась и снова коснулась пальцем нижней губы. На лице появилось озабоченное выражение.

— Так-так. Это, значит? Ну что ж, да, я могу тебя ему обучить. У тебя есть способности. Мало у кого они есть. Я не доверила бы подобное заклятие никому, кроме тебя. Оно требует колоссальной волшебной силы. У тебя сила есть. Если ты понимаешь, на что идешь, и готова добровольно заплатить цену заклятия, я тебя научу.

Никки кивнула.

— Значит, как только смогу, я приду.

Старушка зашаркала по коридору в глубокой задумчивости, уже размышляя о предстоящем уроке. Никки не знала, доживет ли она до этого урока.

Проследив, как старая сестра исчезает за углом, Никки вступила в тихую комнату, освещенную мириадами свечей и ламп. Высокие потолки были расписаны узорами в форме листьев и колосков. На полумягкие ковры, желтые, оранжевые и красные, словно осенний лес; кушетки и кресла обиты коричневым плюшем. Высокие окна плотно завешаны тяжелыми драпировками.

Две сидевшие на кушетке сестры мгновенно вскочили.

— Сестра Никки! — буквально завопила одна.

Другая помчалась к двойным дверям в противоположном конце комнаты и без стука приоткрыла одну, явно выполняя указания. Просунув голову внутрь, она что-то тихо проговорила.

Сестра отскочила, когда из комнаты донесся рев Джеганя:

— Вон! Все вон! Чтоб духу не было!

Две сестры помоложе, личные помощницы императора, пулей вылетели из помещения. Никки пришлось отойти в сторонку, чтобы колдуньи не сбили ее с ног. Не замеченный Никки юноша бросился за ними. Никто даже не глянул на нее. Первый урок, который усваивали рабы Джеганя: если император приказывает что-то сделать, делать это нужно немедленно. Ничто так не выводило его из себя, как медлительность.

Из дверей во внутренние покои вылетела не знакомая Никки женщина — молодая, красивая, темноволосая, темноглазая. Наверняка пленница, захваченная по дороге, очередная игрушка Джеганя. Глаза женщины говорили о том, что ее мир рухнул.

Такова неизбежная цена установления в мире нового порядка. В характере великих вождей всегда есть недостатки, которые сами они, впрочем, считают лишь пустяками. Огромное благо, которое Джегань несет страдающим человеческим массам, намного перевешивает его мелкие пороки, например любовь к наслаждениям и разрушениям. Никки частенько была объектом

его пороков, но это цена, которую приходится платить за грядущую помощь угнетенным и обездоленным.

Наружная дверь захлопнулась, покои опустели. Остались лишь Никки и император. Никки стояла, высоко подняв голову и свободно опустив руки, наслаждаясь тишиной. Великолепие мало что для нее значило, но тишина и спокойствие были роскошью, которую она научилась ценить, пусть даже это и эгоистично. В палатках вечно стоял шум от толпившихся вокруг войск. Здесь же царила тишина. Она оглядела большую, изящно обставленную переднюю, размышляя, не приобрел ли Джегань вкус к такого рода местам. А может, ему тоже хотелось тишины?

Она повернулась к внутренним покоям. Император сидел там, внутри, поджидая ее. Мускулистая масса кипящего гнева, переходящего в ярость.

Никки направилась прямо к нему.

— Вы хотели меня видеть, ваше превосходительство?

Мясистая ладонь наотмашь ударила ее по лицу. От удара Никки повернулась и рухнула на колени. Джегань за волосы вздернул ее на ноги. Во второй раз, перед тем как рухнуть на пол, она впечаталась в стенку. Боль была чудовищной. Очнувшись, Никки поднялась на ноги и опять встала перед ним. В третий раз она увлекла с собой на пол здоровенный канделябр. Свечи покатились по полу. Занавеска, за которую она ухватилась, порвалась, и большой кусок полотна обрушился на нее сверху, когда Никки и перевернутый ею стол грохнулись на пол. Стекло разлетелось вдребезги. Мелкие предметы с металлическим звоном запрыгали по комнате.

В голове шумело, взор затуманился. Глаза, похоже, заплывали, челюсть болела, как будто ее сломали, а шея не слушалась — наверное, мышцы порвались. Никки распласталась на полу, наслаждаясь волнами боли, купаясь в редком для нее состоянии ощущения чего-либо.

Она видела кровавые полосы на ковре и деревянном полу. Слышала, как Джегань что-то кричит, но из-за звона в ушах не могла различать слова. Никки приподнялась, опираясь о пол трясущейся рукой, поднесла руку ко рту — пальцы окрасились кровью. Она блаженствовала в боли. Она так давно ничего не чувствовала, за исключением того краткого мига с морд-сит. А теперь просто купалась в ощущениях.

Жестокость Джеганя могла пробиться в наполнявшую Никки пустоту потому, что она знала: она не обязана это выносить.

И он тоже знал, что Никки тут по своему выбору, а не по его желанию. И это понимание лишь подстегивало ярость императора и усиливало ее ощущения.

Казалось, гнев его смертоносен. Никки лишь мимоходом отметила, что скорее всего не выйдет отсюда живой. И скорее всего не выучит заклинания сестры Лидмилы. Она просто ждала того, что уже уготовила ей судьба.

Наконец стены замедлили вращение, и Никки снова поднялась на ноги. Она заставила себя стоять прямо перед темным массивным силуэтом императора. В его бритом черепе отражался свет ламп. Над губами виднелись узенькие полоски усов, в центре подбородка — борода. Золотое кольцо в левой ноздре и протянувшаяся от него к золотой серьге в левом ухе цепочка мерцали в мягком свете ламп. Сегодня лишь массивные перстни украшали его пальцы, а обычный набор многочисленных королевских цепей, которые он носил на шее, отсутствовал. Перстни были мокрыми от ее крови.

Джегань сидел, обнаженный по пояс, его грудь была покрыта курчавыми волосами. Мышцы бугрились. Шея у него была бычья, а нрав еще хуже.

Никки стояла перед ним, глядя в жуткие глаза, которые давно привыкла видеть в своих кошмарах. Темно-серые, без белков, с пробегающими темными сполохами. Хотя в них не было ярко выраженного зрачка и радужной оболочки — ничего, кроме темных дыр там, где у обычного человека находятся глаза, — Никки всегда точно знала, когда он смотрит на нее.

Это были глаза сноходца. Сноходца, потерявшего доступ к ее разуму. И теперь Никки знала почему.

— Ну?! — прорычал он. — Рыдай! Ори! Вопи! Умоляй! Спорь! Оправдывайся! Только не стой вот так!

Никки, безмятежно глядя в налитые кровью глаза, сглотнула кровь.

— Пожалуйста, уточните, ваше превосходительство, что именно вы предпочитаете, как долго мне продолжать и следует ли остановиться, когда я сама сочту нужным, либо ждать, пока вы меня изобьете до бесчувствия.

С яростным ревом он обрушился на нее, здоровенной ручищей схватил за горло и ударил. Колени Никки подогнулись, но император удерживал ее, пока она не пришла в себя настолько, чтобы держаться на ногах.

Джегань отпустил ее и оттолкнул.

— Я желаю знать, почему ты так обошлась с Кадаром!

Никки лишь улыбнулась окровавленными губами.

Грубо заломив ей руку за спину, Джегань крепко притиснул ее к себе.

— Почему ты это сделала? Почему?

Смертельная пляска с Джеганем началась. Никки снова отстраненно спросила себя, не расстанется ли она на сей раз с жизнью.

Джегань убил немало сестер, не угодивших ему. То, что Никки была подле него в безопасности, объяснялось ее полным безразличием к собственной жизни. Оно очаровывало Джеганя именно потому, что он знал: безразличие это абсолютно искреннее.

— Временами ты просто дурак, — произнесла она с ненаигранным презрением, — слишком самоуверенный, чтобы разглядеть то, что у тебя под самым носом.

Он заламывал ей руку до тех пор, пока Никки не подумала, что сейчас сломается кость. Его тяжелое дыхание согревало саднящую щеку.

— Я убивал людей за куда менее непочтительные слова.

Несмотря на боль, Никки издевательски проговорила:

— Значит, ты собрался утомить меня до смерти? Если хочешь убить, валяй. Возьми за горло и удави или избей так, чтобы я истекла кровью у твоих ног. Только не думай, что сможешь удушить меня своими угрозами! Если хочешь меня бить, так будь мужиком — и бей! Или заткнись.

Большинство людей допускали грубую ошибку, принимая Джеганя за тупого безмозглого костолома. Он таким вовсе не был. Джегань был одним из умнейших людей, каких Никки встречала за всю свою долгую жизнь. Жестокость была его маской. Имея доступ к разуму многих людей, он имел доступ к их знаниям, мудрости, мыслям. И это лишь укрепляло его ум. А еще он знал, чего люди боятся больше всего. Если что в нем и пугало Никки, так это не жестокость, а ум. Она точно знала, что этот ум может быть неисчерпаемым источником жестокости.

— Почему ты убила его, Никки? — снова спросил он, уже слегка остыв.

В ее мозгу, как защитная стена, пробегали мысли о Ричарде. Джегань наверняка видел это по ее глазам. Она знала, что отчасти ярость Джеганя вызвана тем, что он не способен проникнуть

в ее разум, не может владеть ею так же, как многими другими. Ее понимающая ухмылка дразнила, намекая на то, чего он не мог получить.

— Я просто позабавилась, вынудив великого Кадара Кардифа молить о милосердии, а потом отказав ему в этом.

Джегань снова взревел. Звериный рык звучал неуместно в изысканной спальне. Никки увидела, как его рука устремляется к ней. Стены завертелись. Она ждала, что ударится обо что-то и переломает себе все кости. Но вместо этого подлетела и приземлилась на чем-то неожиданно мягком — на кровати, сообразила она. Каким-то образом она избежала столкновения с мраморными и деревянными столбами по углам. Похоже, судьба плутует с ней.

Джегань навалился на нее.

Никки подумала, что теперь он наверняка забьет ее до смерти. Но он лишь пристально глядел ей в глаза. Затем сел, придавив ей бедра. Могучие руки принялись развязывать шнуровку корсажа. Рванув ткань, он обнажил ее грудь. Пальцы сжали нежную плоть и давили до тех пор, пока у Никки не выступили слезы.

Никки не смотрела на него и не сопротивлялась, а просто неподвижно лежала, пока он задирал ей подол. Мысли ее устремились далеко, туда, куда, кроме нее, никто не имел доступа. Джегань обрушился на нее всей тяжестью, выбив воздух из легких.

Держа руки вдоль тела, не моргая, Никки смотрела на шелковый полог кровати. Мысли ее носились далеко. Боль тоже казалась чем-то отдаленным. А дышала она по привычке.

Пока Джегань занимался своим делом, Никки размышляла о том, что предпримет в дальнейшем. Открывшиеся сейчас возможности прежде казались ей совершенно нереальными. Теперь же это очень даже осуществимо. Нужно только решиться.

Джегань шлепнул ее, заставляя вернуться к нему.

— Ты слишком глупа, чтобы хотя бы хныкать!

Никки поняла, что он кончил. И вовсе не рад, что она этого не заметила. Пришлось напрячься, чтобы не потереть челюсть, болевшую от того, что Джеганю казалось легким тычком. Пот с его подбородка капал ей на лицо. Могучее тело блестело от усилий, которых она даже и не заметила.

Нависнув над ней, Джегань смотрел ей в глаза, тяжело дыша. Конечно, доминирующим в этом взгляде был гнев, но Никки по-

казалось, будто там промелькнуло что-то еще: сожаление, а может быть, мука или даже боль.

— Именно этого вы от меня хотите, превосходительство? Чтобы я хныкала?

Он лег на бок рядом с ней.

— Нет. — В его голосе звучала горечь. — Я хочу, чтобы ты реагировала.

— Но я реагирую, — произнесла Никки, глядя на полог. — Просто это не та реакция, которая тебе нужна.

Джегань сел.

— Да что с тобой такое, женщина?

Никки посмотрела на него и отвела взгляд.

— Понятия не имею, — чистосердечно ответила она. — Но думаю, что выясню.

Глава 14

— Раздевайся. Проведешь ночь здесь, — махнул рукой Джегань. — Прошло много времени. — Теперь настал его черед уставиться на стены. — Мне не хватало тебя в постели, Никки.

Никки не ответила. Она не верила, что в постели ему хоть чего-то недостает. И сильно сомневалась, что он вообще понимает, что значит по кому-то скучать. Чего ему точно не хватает, подумала она, так это умения скучать по кому-то.

Никки села, свесив ноги с кровати, и принялась выпутываться из платья. Она повесила платье на спинку стула. Выудив из-под покрывала нижнее белье, аккуратно положила его на стул, затем сняла чулки и сложила туда же. Джегань наблюдал, скользя взглядом по ее телу, смотрел, как она разглаживает смятое платье, следил за таинственным поведением женщины, ведущей себя *как женщина*.

Сложив одежду, Никки повернулась к нему. Она гордо стояла, позволяя ему разглядывать все то, что он мог получить только силой и никогда — как добровольный дар. Она видела промелькнувшее на его лице сожаление. И это была ее единственная победа: чем чаще он брал ее силой, тем лучше понимал, что только так и может ее получить, и тем сильнее это его бесило.

Никки скорее бы умерла, чем добровольно отдалась ему, и он знал эту жестокую истину.

Наконец он подавил свое потаенное горькое желание и посмотрел ей в глаза:

— Почему ты убила Кадара?

Ники села на край постели напротив Джеганя, вне его досягаемости, но так, что он мог достать ее рывком, и пожала обнаженными плечами.

— Ты — не Орден. Орден — не какой-то один человек, а идеал справедливости. И в этом качестве переживет любого человека. Ты в данный момент служишь этому идеалу и Ордену в качестве обычного изувера. В этой роли Орден может использовать любого садиста. Тебя, Кадара или еще кого-нибудь. Я просто убрала того, кто когда-нибудь мог бы стать угрозой для тебя, прежде чем ты перерастешь свое нынешнее амплуа.

Джеганъ усмехнулся:

— И ты ждешь, чтобы я поверил, будто ты оказала мне услугу? Да ты надо мной издеваешься!

— Если тебе нравится так думать, то пожалуйста.

Ее белая кожа резко контрастировала с тяжелым темно-зеленым покрывалом и зелеными простынями. Джеганъ лежал на спине поверх покрывала, откинувшись на кучу смятых подушек, бесстыдно открытый ее взору. Его темные глаза стали еще темнее.

— Что это за разговоры я постоянно слышу насчет «Джеганя Справедливого»?

— Твой новый титул. То, что спасет тебя, поможет одержать победу, принесет куда большую славу, чем что бы то ни было. А ты, за то что я убрала потенциальную угрозу твоему будущему и превратила тебя в народного героя, избил меня в кровь.

Джеганъ заложил руку за голову.

— Иногда я начинаю думать, что о тебе верно толкуют. Ты и вправду чокнутая.

— А если ты всех убьешь?

— Значит, они будут мертвы.

— Я тут недавно проезжала по городам, которые навестили твои солдаты. Похоже, они не убивают жителей. Во всяком случае, не вырезают всех в пределах досягаемости, как делали в начале наступления на Новый мир.

Он рванулся, схватил ее за волосы, рывком опрокинул на спину рядом с собой. Никки перевела дух, а Джеганъ приподнялся на локте и вперил свой жуткий взор в ее глаза.

— Это твоя работа — показывать пример на людях, демонстрировать им, что они обязаны вносить свой вклад в наше дело. Заставить их бояться справедливого гнева Имперского Ордена. Именно эту задачу я на тебя возложил.

— Неужели? Тогда почему солдаты тоже не устраивают показательные экзекуции? Почему не трогают эти города? Почему не участвуют в акциях устрашения? Почему не оставляют за собой выжженные и вырезанные под корень города?

— И кем я тогда буду править, кроме моих солдат? Кто будет работать? Кто будет производить товары? Выращивать хлеб? Платить дань? Кому я принесу порядок Ордена? Кто будет воспевать великого императора Джеганя, если я всех убью? — Он откинулся на спину. — Может, тебя и прозвали госпожа Смерть, но мы не можем действовать по-твоему и убивать всех подряд. В этом мире ты связана с целями Ордена. Если люди будут знать, что прибытие Ордена не несет ничего, кроме смерти, они будут сопротивляться до упора. Они должны знать, что только своим сопротивлением навлекут на себя скорую и неотвратимую гибель. Если же осознают, что мы несем им высоконравственную жизнь, жизнь под дланью Создателя, когда благосостояние человека превыше всего, они с радостью примут нас.

— В этот город ты принес смерть, — подначила она, вынуждая Джеганя невольно подтвердить правильность того, что она сделала. — Хотя эти люди выбрали Орден.

— Я отдал приказ, чтобы оставшимся в живых горожанам было дозволено вернуться в дома. Грабежи закончились. Местные жители не сдержали своих обещаний и тем спровоцировали жестокое обращение. Они увидели, на что мы способны, увидели, что теперь все закончилось и наступил новый порядок. Разделенный государствам пришел конец. Все люди будут подчиняться единому руководству и все вместе войдут в новую эру процветания — под властью Имперского Ордена. Уничтожат только тех, кто будет сопротивляться, но не за то, что сопротивлялись, а потому что они враги всеобщего процветания и должны быть уничтожены. Здесь, в Андерите, произошел поворот в нашей борьбе. Наконец-то Ричарда Рала отверг народ, увидевший ценность того, что предлагаем мы. Отныне Рал больше не может заявлять, что представляет их интересы.

— И все же ты пришел и вырезал...

— Местные руководители не выполнили кое-какие обязательства. И кто знает, сколько еще народу в этом замешано, по-

этому горожанам пришлось заплатить. Но все в целом они заслужили место в Ордене своей храбростью, решительно отвергнув магистра Рала и устаревшие, эгоистичные моральные принципы, что он им предлагал. Течение повернуло в другую сторону. Люди больше не верят магистру Ралу, и он теперь тоже не может верить в них. Ричард Рал — падший вождь.

Никки мысленно грустно улыбнулась. Она — падшая женщина, Ричард — падший мужчина. Их судьбы переплетены.

— Возможно, здесь, в маленьком местечке это и так, — сказала она. — Но он далеко не побежден. Он все еще опасен. В конце концов, именно из-за Ричарда Рала ты не смог получить все, что хотел в Андерите. Он не только лишил тебя чистой победы, уничтожив огромные запасы продовольствия и полностью разрушив всю производственную систему, но еще и проскользнул у тебя между пальцами, когда ты уже считал, что он у тебя в руках.

— Я его схвачу!

— Да ну? Сомневаюсь. — Никки проследила, как сжался и вновь разжался огромный кулак, и продолжила: — Когда ты намерен двинуть наши силы на север, в Срединные Земли?

Джегань потер волосатую грудь.

— Скоро. Для начала я хочу дать им время расслабиться. А когда их самодовольство достигнет пика, ударю на севере. Великий полководец должен понимать суть битвы, чтобы вовремя менять тактику. Теперь мы уже двинем на север как освободители, неся славу Создателя народам Срединных Земель. Мы должны завоевать сердца и умы необращенных.

— Ты решился на такие перемены? Сам? Ты не считаешься с волей Создателя, ведя свою кампанию?

В ответ на такое нахальство Джегань грозно поглядел на Никки, давая понять, что лучше бы ей не задавать подобных вопросов.

— Я император. Мне не нужно советоваться с духовными лидерами, но поскольку и совет всегда приветствуется, я уже переговорил со жрецами. Они одобрительно отозвались о моих планах. Брат Нарев счел это мудрым решением и дал свое благословение. Ты лучше занималась бы своим делом подавления всяких оппозиционных идей. Если не станешь выполнять мои приказы — что ж, никто не станет скучать без одной из сестер. У меня их много.

Никки его угрозы совершенно не трогали, какими бы реальными они ни были. Судя по подозрительному взгляду Джеганя, он тоже начал понимать ее отношение.

— То, что ты говоришь, вполне годится, — произнесла она, — но это нужно поделить на маленькие кусочки, которые народ сможет прожевать. Народ не обладает мудростью Ордена и не видит, что для него лучше. Люди редко это понимают. Даже такой тупица, как ты, должен понимать, что я предвидела твои планы, помогая тем, кого ты не можешь себе позволить убить, понять, что ты избавил их от страданий благодаря твоему чувству справедливости. Слухи о подобных деяниях завоюют сердца людей.

Джегань покосился на нее.

— Я — очистительный огонь Ордена. Это необходимый пожар, но не финал. Это всего лишь средство дойти до конечной цели. На том пепелище, что создаю я, Джегань, прорастет и расцветет новый порядок. Именно эта конечная цель, эта новая эра процветания человечества, оправдывает все. И тут моя обязанность — а вовсе не твоя — устанавливать справедливость, определять, на кого она распространяется, а на кого нет.

Его хвастовство начало раздражать Никки.

— Я просто дала этому имя — Джегань Справедливый — и начала распространять твой новый титул, когда подвернулась подходящая возможность, — колючим тоном проговорила Никки. — Ради этой конечной цели я пожертвовала Кадаром, по тем самым причинам, что ты перечислил. Это нужно было сделать сейчас, чтобы у нас было время и новость распространилась повсеместно, иначе Новый мир вскоре необратимо сплотит свои ряды против Ордена. Я выбрала время и место и, пожертвовав жизнью Кадара — жизнью героя войны, — доказала, что ты ставишь верность Ордену превыше всего. Очко в твою пользу. Пожар может учинить любой изувер. Этот новый титул демонстрирует твои высоконравственные позиции — еще одно проявление.

Глава 15

еддикус З'ул Зорандер сумел уболтать и обаять всех попавшихся ему по дороге солдат, но этих нисколько не тронули его заверения в том, что он дед Ричарда. Пожалуй, лучше было бы прийти сюда днем, чтобы избежать подозрений, но он устал и к тому же никак не предполагал, что проникнуть в лагерь окажется так непросто.

Солдаты проявили должную бдительность, что весьма понравилось Зедду, но он полностью выдохся, и у него сейчас были дела куда поважнее, чем отвечать на вопросы.

— Зачем вы хотите его видеть? — повторил солдат.

— Я же сказал. Я дед Ричарда.

— Вы толковали о Ричарде Сайфере, которого, как вы теперь говорите...

— Да-да, так его звали, когда он был ребенком, и я привык так его называть, но я имел в виду Ричарда Рала, как его зовут теперь. Знаете, магистр Рал, ваш правитель? Мне думается, что, будучи дедом столь знатного господина, как ваш магистр Рал, я достоин некоторого уважения. И не только уважения. Я бы с удовольствием поел чего-нибудь горячего.

— С тем же успехом я могу заявить, что я брат магистра Рала, — возразил солдат, крепко держа лошадь Зедда под уздцы. — Но это не значит, что так оно и есть.

— Очень верно, — вздохнул Зедд.

Как бы ни был раздосадован Зедд, в глубине души он радовался, что эти люди не глупы и не отличаются доверчивостью.

— Но я еще и волшебник, — добавил Зедд, нахмурив брови для пущего воздействия. — Не будь я столь дружелюбен, я попросту испепелил бы вас и пошел дальше.

— А не будь я столь дружелюбен, — заявил солдат, — я подал бы сигнал — а вас уже пропустили довольно далеко, и вы теперь полностью окружены, — и десяток лучников, прячущихся в темноте, выпустили бы стрелы, которые нацелены на вас с того момента, как вы приблизились к лагерю.

— А! — победно воздел палец Зедд. — Все это хорошо и здорово, но...

— И даже если бы я погиб в огне, служа магистру Ралу, эти стрелы все равно бы полетели без моего сигнала.

Зедд хмыкнул, опустив палец, но мысленно улыбнулся. Хорош же он, Волшебник первого ранга! Не будь это свои, его обставил бы в этой игре простой солдат.

А может, и нет.

— Во-первых, сержант, как я вам сказал, я волшебник, и давно знаю об этих лучниках. Я уже отвел угрозу, заколдовав их стрелы, так что теперь они не страшнее помоев. Во-вторых, если я лгу — а именно так вы сейчас думаете, — то вы совершили ошибку, сообщив мне об угрозе и дав таким образом возможность тут же прибегнуть к магии и обезопасить себя.

Лицо сержанта расплылось в улыбке.

— Ух ты, потрясающе! — Он почесал затылок, посмотрел на напарника, потом опять на Зедда. — Вы правы, именно об этом я и думал: что вы можете лгать о том, что знаете о лучниках.

— Вот видите, юноша? Не очень-то вы и сообразительны, как выясняется.

— Вы правы, сударь, не очень. Вот стою я, так увлекшись беседой с вами и так убоявшись вашего могущества и всего такого, что напрочь забыл сказать вам о том, что еще таится в темноте и будет чуток поопасней стрел, смею сказать.

Зедд сердито поглядел на него:

— А теперь смотрите сюда...

— Почему бы вам не спешиться, как я говорю, и не выйти на свет, чтобы я рассмотрел вас получше, и не ответить на некоторые вопросы?

Обреченно вздохнув, Зедд слез с лошади и ободряюще похлопал Паучиху по шее. У Паучихи, гнедой кобылы, по крупу

шли черные, похожие на паучьи лапки, тонкие полосы, благодаря которым она и получила свою кличку. Молодая, сильная, умная и добродушная, лошадка была отличным компаньоном. Они с Зеддом на пару через многое прошли.

Зедд вступил в круг света от костра и зажег огонь в ладонях. Солдаты вытаращили глаза. Зедд сердито поглядел на них.

— У меня есть свой огонь, раз уж вам нужно получше меня рассмотреть. Это улучшает ваше зрение, сержант?

— Э-э... Да, сударь! — рявкнул сержант.

— Да уж, действительно улучшает, — произнесла ступившая в круг света женщина. — Почему вы сразу не призвали Хань и не продемонстрировали ваше искусство? — Она махнула рукой во тьму, будто приказывая остальным расслабиться, после чего вежливо улыбнулась. — Добро пожаловать, волшебник.

Зедд отвесил поясной поклон.

— Зеддикус З'ул Зорандер, Волшебник первого ранга, к вашим услугам...

— Сестра Филиппа, волшебник Зорандер. Я помощница аббатисы.

Повинуясь ее жесту, сержант взял из рук Зедда уздечку и повел лошадь прочь. Зедд хлопнул его по спине, показывая, что не в обиде, затем потрепал Паучиху — мол, все в порядке, она может идти с сержантом.

— Обращайтесь с ней как можно лучше, сержант. Паучиха — мой друг.

Сержант отсалютовал, прижав кулак к сердцу.

— С ней будут обращаться как с другом, сударь.

Когда солдат увел Паучиху, Зедд спросил:

— Аббатисы? Которой именно?

Узколицая сестра сложила на груди руки.

— Аббатисы Верны, разумеется.

— Ах да, конечно. Аббатисы Верны.

Сестры Света не знали, что Энн жива. Во всяком случае, была жива, когда Зедд видел ее в последний раз несколько месяцев назад. Энн с помощью путевого дневника сообщила Верне, что жива, но просила ее пока держать это в тайне. Все это время Зедд надеялся, что Энн провернула то, что задумала в лагере Имперского Ордена, и огорчился, узнав, что ничего у нее не вышло. Хорошего это ей не сулило.

Зедд не слишком любил сестер Света — многолетнюю неприязнь не так-то легко забыть, — но начал уважать Энн как

женщину решительную и собранную. Впрочем, он по-прежнему весьма скептически относился к некоторым ее убеждениям и целям, хотя и знал, что в конечном итоге у них с Энн много общего. Об остальных сестрах Света он этого сказать не мог.

Выглядела сестра Филиппа как женщина средних лет, но у сестер ведь не поймешь. Возможно, она прожила во Дворце Пророков лишь год, а может — века. Темноглазая, с высокими скулами, она обладала весьма экзотичной внешностью. Двигалась сестра Филиппа, как движутся обычно высокомерные женщины — плыла, словно лебедь.

— Чем могу служить, волшебник Зорандер?

— Сойдет и Зедд. Эта ваша аббатиса не спит еще?

— Не спит. Сюда, Зедд, будьте любезны.

Он проследовал за женщиной, двинувшейся к темным силуэтам палаток.

— Тут есть что-нибудь пожевать?

Она обернулась:

— Так поздно?

— Ну, я довольно долго ехал... И не так уж и поздно еще, а?

Сестра смерила его оценивающим взглядом.

— Я верю, что поздно не бывает никогда, согласно учению Создателя. И выглядите вы отощавшим — от долгого путешествия, не сомневаюсь. — Ее улыбка слегка потеплела. — Еда готова всегда. Наши солдаты ведут и ночные действия, они нуждаются в пище. Полагаю, что смогу для вас что-нибудь найти.

— Было бы весьма любезно с вашей стороны, — радостно прочирикал Зедд, буравя ее спину сердитым взглядом. — Но я не тощий. Я жилистый. Многие женщины находят худощавых мужчин привлекательными.

— Правда? Никогда не знала.

Эти сестры Света — высокомерные заразы, уныло подумал Зедд. На протяжении тысячелетий появление в Новом мире означало для них смертный приговор. Зедд всегда был чуть более снисходителен. Но ненамного. В прошлом сестры приезжали в Новый мир с одной лишь целью — похищать мальчиков, наделенных магическим даром. Сестры заявляли, что тем самым спасают их. Но Зедд считал, что волшебников должны учить волшебники. И если сестры приезжали в Новый мир, чтобы увести мальчика за великий барьер во Дворец Пророков, они, по мнению Зедда, совершали тягчайшее преступление. Именно за этим они приехали сюда прошлой зимой и забрали Ричарда. И как раз

сестра Верна захватила Ричарда и увезла в Древний мир. Живя под заклятием Дворца, он запросто мог застрять там на столетия. Пусть уж Ричард устанавливает с сестрами Света дружеские отношения, ну их.

Впрочем, если быть честным, у сестер тоже есть повод косо посматривать на него, Зедда. В конце концов, именно он состряпал то заклинание, с помощью которого Ричард разрушил их Дворец. Но и аббатиса Энн тоже принимала в этом участие — ведь она понимала, что это единственный способ помешать Джеганю захватить Дворец и воспользоваться хранящимися там пророчествами.

Повсюду в лагере бродили часовые. Здоровенные часовые. В кольчугах и кожаных доспехах они являли собой внушительное зрелище. Скользя во тьме, они видели все и вся. В лагере было относительно тихо, учитывая его немалые размеры. Звуки многое могут выдать неприятелю. Не так-то просто заставить такое количество людей соблюдать тишину.

— Я рада, что первый визитер, наделенный даром, оказался другом, — сказала сестра.

— А я рад, что наделенные даром помогают часовым нести службу. Есть разновидности вражеских набегов, которые обычные часовые не в состоянии заметить. — Зедд не знал, действительно ли они готовы отразить такого рода набеги.

— Если будет задействована магия, мы ее распознаем.

— Полагаю, вы все время за мной следили.

— Да, — кивнула сестра Филиппа. — Как только вы миновали линию холмов.

— Да? — Зедд почесал подбородок. — Немалое расстояние.

— Немалое, — довольно усмехнулась сестра Филиппа.

Он оглянулся и посмотрел во тьму.

— Вы обе. Очень хорошо.

Она замерла и повернулась к волшебнику:

— Обе? Вы знали, что нас две?

Зедд невинно улыбнулся:

— Ну конечно! Вы просто следили. А она следовала чуть позади, заготавливая кое-какие мелкие пакости на случай, если я окажусь врагом.

Сестра Филиппа изумленно моргнула.

— Потрясающе. Вы почувствовали, как она касается своего Хань? На таком расстоянии?

Зедд самодовольно кивнул.

— Я стал Волшебником первого ранга не за то, что жилистый.

Наконец улыбка сестры Филиппы сделались искренней.

— Я рада, что вы пришли как друг, а не как враг.

Сестра даже не подозревала, насколько она права. Зедд обладал немалым опытом в малоприятном, грязном деле: применении магии в войне. Подъехав к лагерю, он увидел бреши в обороне и слабые места в способах применения магии. Они не ставили себя на место противника, не умели думать, как он. Будь Зедд врагом, в лагере бы уже давно начался переполох, несмотря на все их приготовления к встрече с волшебниками.

Сестра Филиппа повела его дальше. Шагая по д'харианскому военному лагерю, Зедд чувствовал себя несколько неуютно, хотя и отлично знал, что они воюют на одной стороне. Очень долгое время д'харианцы были для него смертельно опасными врагами. Ричард все изменил. Зедд вздохнул. Иногда он думал, что Ричард вполне способен подружиться с громом и молнией и пригласить их на обед.

Повсюду темнели палатки и фургоны. Копья и пики стояли аккуратными рядами. Некоторые солдаты спали, другие сидели в темноте, тихо переговариваясь и негромко смеясь. Повсюду расхаживали патрули, Зедд чувствовал их дыхание, но в темноте не мог разглядеть лиц.

Часовые охраняли все подходы. Костров в лагере было совсем немного, причем в основном сигнальные, разожженные в стороне от основных сил, а большую часть лагеря покрывала тьма. В некоторых армиях ночами выполняли много работы, ремонтируя или изготавливая необходимые предметы, и солдатам позволялось делать что хотят. Эти же люди вели себя тихо, и лазутчики мало что могли узнать. Д'харианцы были отлично обученные, дисциплинированные, профессиональные солдаты. На расстоянии размеры лагеря определить было трудно. На самом деле он был огромным.

Сестра Филиппа привела Зедда к большой палатке, достаточно высокой, чтобы в ней можно было стоять. Висевшие под потолком лампы освещали палатку изнутри. Женщина нырнула под навес и заглянула внутрь.

— Я привела волшебника, он желает видеть аббатису.

В ответ из палатки донесся изумленный голос, разрешающий войти.

— Заходите, — улыбнулась сестра Филиппа, легонько подтолкнув его в спину. — А я пока поищу вам чего-нибудь поесть.

— Буду не только премного благодарен, но и в долгу перед вами, — ответил Зедд.

Едва он вошел, сидевшие в палатке люди встали, приветствуя его.

— Зедд! Ты, старый дурень! Ты быть живой!

Зедд ухмыльнулся, когда Эди, старая колдунья, известная в Вестландии как костяная женщина, кинулась ему в объятия. Прижав ее голову к груди, Зедд гладил колдунью по черным с проседью волосам, постриженным «каре», чуть ниже ушей.

— Я же обещал, что ты снова меня увидишь, верно?

— Да, обещал, — прошептала Эди, уткнувшись в его балахон.

Она отстранилась и оглядела его с ног до головы, не выпуская его рук. Затем потянулась и пригладила его непослушные волнистые белые волосы.

— Ты, как всегда, прелестна, — сказал Зедд.

Эди посмотрела на него своими белыми глазами. Ее лишили зрения, когда она была еще совсем молодой. Теперь Эди видела с помощью своего волшебства. И в каком-то смысле куда лучше, чем обычным зрением.

— Где твоя шляпа?

— Шляпа?

— Я купила тебе красивую шляпу, а ты ее потерял. И, как вижу, так и не приобрел новой. Ты сказал мне, что купишь. Я думала, это обещание.

Зедд ненавидел ту шляпу с длинным пером, которую Эди купила ему вместе с другой одеждой. Он предпочитал простые балахоны, положенные волшебнику его ранга, но Эди «потеряла» их, когда он купил роскошный темно-бордовый балахон с черными рукавами и подбитыми плечами — тот, что был на нем сейчас. Три ряда серебряной канвы украшали отвороты. Более широкая золотая канва шла от горла вниз по груди. Одеяние стягивал красный атласный пояс с золотой пряжкой. Такую одежду носили только ученики волшебника. А среди тех, кто не наделен магическим даром, так одевались дворяне, но куда чаще богатые купцы. Поэтому, хотя Зедд терпеть не мог этот павлиний наряд, временами все же он служил удачной маскировкой. Кроме того, Эди всегда восхищалась, когда он надевал темно-бордовый балахон. Но шляпа — это чересчур. И Зедд ее «посеял».

Зедд отметил, что Эди ухитрилась сохранить свой простой наряд. Желто-красные узоры вокруг шеи — вышитые древние символы колдуньи — были единственным украшением.

— Я был занят, — отмахнулся он, — иначе купил бы новую.

— Ба! — фыркнула Эди. — Ты быть обманщик.

— Да нет же! Я был...

— Цыц. — Крепко держа его за руку, Эди указала тонким пальцем на какую-то женщину. — Зедд, это быть Верна, аббатиса сестер Света.

На вид женщине было лет тридцать пять — сорок. Зедд знал, что она намного старше. Энн, предшественница Верны, сказала ему, сколько Верне лет, и хотя точно он не помнил, но что-то около ста шестидесяти. Молодая для сестры Света. У нее было простое открытое лицо, слегка вьющиеся каштановые волосы и чуть полноватая, но изящная фигура. Взгляд внимательных карих глаз, казалось, мог высечь искры из гранита. Судя по выражению лица, Верна была женщиной волевой и решительной.

Зедд склонил голову.

— Аббатиса. Первый волшебник Зеддикус З'ул Зорандер, к вашим услугам. — Его тон не оставлял сомнений, что это лишь фигура речи.

Верна — та самая женщина, что увезла Ричарда в Древний мир. Даже если она полагала, что таким образом спасает Ричарду жизнь, Зедд как Первый волшебник считал подобные действия отвратительными. Сестры — все как одна колдуньи — были убеждены, что способны обучить молодых людей пользоваться своим даром. Они ошибались. С этой задачей способен справиться только другой волшебник.

Верна протянула руку с золотым перстнем-печаткой. Зедд поцеловал ей руку, считая, что таков их обычай. Когда он выпрямился, Верна, в свою очередь, взяла его руку и тоже поцеловала.

— Для меня большая честь познакомиться с человеком, вырастившим нашего Ричарда. Должно быть, вы необычный человек, судя по тому, каким был Ричард, когда мы помогали ему начать обучение. — Верна деланно рассмеялась. — Нелегкая это оказалась работенка, учить вашего внучка.

Зедд пересмотрел свое мнение об этой женщине и решил быть с ней крайне осторожным.

— Это потому, что все вы овцы, пытающиеся научить коня скакать. Вам, сестрам, следовало бы заниматься более подходящим делом.

— Да-да, ты быть блестящий человек, Зедд, — фыркнула Эди. — Просто блестящий. Возможно, я в один прекрасный день

даже начну тебе верить. — Она дернула Зедда за рукав, указывая на какого-то юношу. — А это быть Уоррен.

Зедд приветственно кивнул Уоррену, но тот уже упал на колени у его ног, склонив светловолосую голову.

— Волшебник Зорандер! Для меня это большая честь! — Вскочив, он схватил руку Зедда обеими руками и тряс очень долго. Зедд даже испугался, что у него вывернется сейчас плечо. — Я так рад с вами познакомиться! Ричард мне все о вас рассказал. Как же я рад встретить волшебника вашего уровня и таланта! Я был бы счастлив учиться у вас!

Чем счастливее становился Уоррен, тем чернее делался взгляд Верны.

— Ну, я тоже рад с тобой познакомиться, мой мальчик. — Зедд не стал говорить Уоррену, что Ричард никогда о нем не упоминал. Но не по забывчивости или небрежению. У Ричарда просто не было возможности рассказать Зедду о многих очень важных вещах. Зедд ощутил, что этот молодой человек — волшебник необычных способностей.

Вперед выступил похожий на медведя гигант с курчавой ржаво-рыжей бородой, белым шрамом от левого виска до челюсти и тяжелыми бровями. Его серо-зеленые глаза сверлили Зедда напряженным горящим взглядом, но при этом он ухмылялся, как солдат, заприметивший после долгого марша одинокую фляжку с элем.

— Генерал Райбих, командующий д'харианской армией здесь, на юге, — представился он, пожимая Зедду руку, когда Уоррен наконец отошел к Верне. — Дед магистра Рала! Какая удача, сэр! — Рукопожатие генерала было твердым, но не болезненным. — Очень большая удача.

— Да уж, — пробормотал Зедд. — Учитывая неудачные обстоятельства, генерал Райбих.

— Неудачные?..

— Ладно, пока не важно, — отмахнулся Зедд и тут же задал вопрос: — Скажите, генерал, вы уже начали копать братские могилы? Или вы желаете, чтобы немногие уцелевшие попросту оставили тела без погребения?

— Тела?

— Ну да... Тела солдат всей вашей армии, которая погибнет.

Глава 16

Надеюсь, вы любите яичницу, — пропела сестра Филиппа, входя в палатку с дымящейся миской в руках.

— Замечательно! — потер руки Зедд.

Остальные все еще стояли в потрясенном молчании. Сестра Филиппа вроде бы этого не замечала.

— Еще я велела повару дать ветчины и всякого разного, что оказалось у него под рукой. — Она оглядела тощую фигуру Зедда. — Думаю, вам не помешает нарастить немного жирка.

— Чудесно! — ухмыльнулся Зедд, забирая у нее миску с горой яичницы и ветчиной.

— А... — начал генерал, явно не зная, как сформулировать вопрос. — Не будете ли вы любезны объяснить... что вы имеете в виду, волшебник Зорандер?

— Просто Зедд. — Зедд на миг оторвался от созерцания миски. — Умрут. — Он провел вилкой по горлу. — Что тут непонятного? Умрут. Почти все. Умрут. — Он повернулся к сестре Филиппе. — Пахнет просто великолепно. — Он опять вдохнул поднимающийся от миски пар. — Просто великолепно. Вы женщина с добрым сердцем и большого ума, раз заставили повара добавить такой замечательный набор специй. Просто великолепно.

Сестра просияла.

— Волшебник Зорандер, — поднял руку генерал, — могу я...

Эди цыкнула на здоровенного генерала:

— Вы быть плохой соперник еде. Потерпите.

Зедд начал есть, урча от удовольствия. Эди подвела его к лавке у стенки палатки. На столе стояли несколько кружек и лампа.

Несмотря на рекомендацию Эди потерпеть, все заговорили одновременно. Посыпались вопросы и возражения. Зедд ни на что не обращал внимания, с аппетитом поглощая яичницу. Нарезанная толстыми ломтями ветчина оказалась просто объеденением. Зедд помахал особенно сочным кусочком перед растерянными зрителями, демонстрируя свое удовольствие. Специи, лук, перец и теплые куски мягкого сыра тоже таяли во рту. Закатив глаза, Зедд застонал от блаженства.

Лучшая еда за много дней! Его дорожный рацион был простой и уже давным-давно успел ему до смерти надоесть. Зедд частенько ворчал, что Паучиха питается куда лучше, чем он. Паучиха, похоже, лучилась довольством, что тоже выводило его из себя. Нехорошо, когда лошадь смотрит на тебя свысока.

— Филиппа, — прорычала Верна, — с чего ты так радуешься миске с яичницей?

— Ну, этот несчастный крепко оголодал. — Озадаченная сердитым взглядом Верны, она махнула на Зедда рукой. — Ты только посмотри на него! Я просто радуюсь, глядя, как он наслаждается едой, и счастлива, что смогла помочь тому, кто несет дар Создателя.

Растягивая удовольствие, Зедд снизил темп, когда миска почти опустела. Он мог бы запросто съесть еще одну такую же порцию. Генерал Райбих, сидя на лавке напротив, сердито теребил бороду. Увидев, что Зедд закончил, он подался вперед, напряженно глядя на волшебника.

— Волшебник Зорандер, мне необходимо...

— Зедд. Помните?

— Ага, Зедд. Зедд, я отвечаю за жизнь моих солдат. Не могли бы вы объяснить, почему вы так уверены, что им грозит опасность?

— Я уже объяснил, — сообщил Зедд с набитым ртом.

— Но... Что это за опасность?

— Одаренные. Ну, магия, понимаете?

Генерал сурово выпрямился:

— Одаренные?

— Ну да. У противника есть люди, наделенные магическим даром. Я думал, вам это известно.

Генерал поморгал, снова прокручивая в голове услышанное и пытаясь отыскать в простом объяснении Зедда намек на скрытую опасность.

— Ну конечно, известно.

— А! Тогда почему вы еще не выкопали несколько братских могил?

Верна вскочила на ноги.

— Во имя Творения! А кто мы, по-вашему? Служанки? И находимся здесь, чтобы подавать вам ужин? Мы — наделенные даром сестры, находимся здесь, чтобы защищать нашу армию от плененных Джеганем сестер!

Эди едва заметным жестом велела Верне сесть и замолчать.

— Почему бы тебе просто не поведать нам, что ты обнаружил, Зедд? — своим обычным надтреснутым голосом проговорила она. — Я быть уверена, что генерал с аббатисой хотят это узнать, чтобы укрепить нашу оборону.

Зедд тщательно подобрал последние крошки, которых осталось до обидного мало.

— Аббатиса, я вовсе не хотел обвинить вас в недостаточной компетентности.

— Ну, вы наверняка...

— Просто все вы слишком хорошие, вот и все.

— Прошу прощения?

— Слишком хорошие. Вы и ваши сестры всю жизнь пытались помогать людям.

— Ну... Я... Мы... Ну конечно, мы помогаем людям. В этом наше предназначение.

— Но не убивать. Джегань же непременно постарается перебить вас всех.

— Мы это знаем, Зедд. — Генерал почесал бороду, переводя взгляд с Зедда на Верну и обратно. — Аббатиса и ее сестры помогли нам обнаружить многих вражеских лазутчиков. Так же, как сестра Филиппа обнаружила вас, когда вы направлялись к лагерю, они обнаруживают и врагов. Они выполняют свою работу и не жалуются. Каждый солдат в нашем лагере рад, что они с нами.

— Отлично, замечательно, но когда армия Имперского Ордена пойдет в атаку, все будет иначе. Они станут использовать колдунов, чтобы опустошить ваши ряды.

— Попытаются. — Верна старалась говорить убедительно, не повышая голоса, хотя ей явно хотелось заорать. — Но мы готовы предотвратить такого рода атаки.

— Совершенно верно, — закивал Уоррен. — У нас есть люди, находящиеся в постоянной боевой готовности.

— Это хорошо, это хорошо, — протянул Зедд, будто бы изменив свое мнение. — Значит, в таком случае вы готовы разобраться с мелкими неприятностями. Белыми комарами, к примеру, и всем таким прочим.

Кустистые брови генерала Райбиха сошлись на переносице.

— Чем-чем?

Зедд помахал вилкой.

— Тогда скажите-ка мне — просто чтобы удовлетворить мое любопытство, — что вы намерены предпринять, когда противник пойдет в атаку? Ну, скажем, кинет на вас кавалерию.

— Заготовим завесу огня, — не колеблясь ответил Уоррен. — А когда они ринутся в атаку, зажжем ее, прежде чем они успеют хотя бы взять копья наперевес.

— А! Огонь. — Зедд сунул в рот последние остатки яичницы. Все молча смотрели, как он жует. Прожевав, он поднял взгляд. — Большой огонь, надо полагать? Колоссальные языки пламени и все такое?

— Да о каких таких комарах он толкует? — пробормотал генерал Райбих, повернувшись к сидящим рядом с ним на лавке Верне с Уорреном.

— Совершенно верно, — не слушая генерала, ответила сестра Верна. Генерал со вздохом сложил руки на могучей груди. — Качественную завесу огня. Вас что-то в этом не устраивает, Первый волшебник?

— Ну... — пожал плечами Зедд. Он помолчал, потом нахмурился и наклонился к генералу, присматриваясь. Затем ткнул костлявым пальцем в его скрещенные руки.

— А вот и он. Вас собирается укусить комар, генерал.

— Что? О! — Райбих прихлопнул насекомое. — Этим летом их тьма-тьмущая. Впрочем, по-моему, сезон заканчивается. И мы будем несказанно рады от них избавиться, позвольте заметить.

— И они все такие, как этот? — снова ткнул пальцем Зедд.

Генерал Райбих поднял руку и присмотрелся к расплющенному насекомому.

— Ну да, мелкие паршивые кровососы...

И замолчал. Присмотрелся более внимательно. Потом взял крошечное тельце двумя пальцами за крылышко и поднес к глазам.

— Ну, я готов... Эта тварь... — Лицо генерала слегка посерело — Белая... — Серо-зеленые глаза устремились на Зедда. — Что вы там говорили о...

— Белых комарах, — подтвердил Зедд, положив пустую миску на пол. Он указал тощим пальцем на расплющенное насекомое. — Вы никогда не сталкивались с белой лихорадкой, генерал? Вообще кто-нибудь из вас? Жуткая штука, эта белая лихорадка.

— Что за белая лихорадка? — спросил Уоррен. — Никогда о такой не слышал. И в книгах мне ничего о ней не попадалось, я уверен.

— Правда? Должно быть, встречается только в Срединных Землях.

Генерал пристально оглядел крошечное насекомое.

— И что белая лихорадка делает с человеком?

— Ой, ну, ваша кожа становится мерзко белого цвета, — отмахнулся вилкой Зедд. — А вы знаете, — задумчиво нахмурился он, будто припоминая что-то, и поднял глаза к своду палатки, — что однажды мне довелось видеть, как один волшебник установил простую завесу огня перед атакующей кавалерией?

— Ну наконец-то! — воскликнула Верна. — Тогда вам хорошо известно, что это такое. Видели ее в действии.

— Да... — протянул Зедд. — Вся беда в том, что противник был готов к такой простейшей уловке.

— Простейшей?! — Верна вскочила на ноги. — Не понимаю, как вы можете считать...

— На этот случай противник сотворил выпуклые щиты.

— Выпуклые щиты? — Уоррен отбросил со лба прядь светлых волос. — Никогда не слышал о такой штуке. Что это за выпуклые...

— Конечно, установивший огненную завесу волшебник предвидел, что противник установит щиты, и сделал свой огонь устойчивым к этой ожидаемой защите. Однако щиты были предназначены вовсе не для того, чтобы загасить огонь. — Зедд перевел взгляд с расширившихся глаз Уоррена на сердитые глаза Верны. — А чтобы катить его.

— Белая лихорадка? — помахал прибитым комаром генерал. — Не могли бы вы объяснить...

— Катить огонь? — подался вперед Уоррен.

— Да, — кивнул Зедд. — Катить огонь перед атакующей кавалерией. Так что вместо кавалерийской атаки на защитников покатилась стена огня.

— О Создатель... — прошептал Уоррен. — Это гениально... Но щит наверняка затушил огонь.

Зедд, продолжая рассказ, покрутил вилкой, как бы показывая, как катился огонь.

— Созданный волшебником для защиты, огонь был устойчив к щитам, поэтому не гас, а продолжал гореть. И это, естественно, позволило выпуклым щитам покатить огонь назад, не гася его. Ну, и конечно, будучи устойчивым к щитам, этот огонь спокойно порушил все щиты, установленные сотворившим его волшебником.

— Но волшебник ведь мог его просто погасить, и все! — Уоррен начал паниковать, будто воочию видел, как на него накатывается им же сотворенная стена огня.

— Мог? — улыбнулся Зедд. — Он тоже так считал, только вот не учел одно свойство вражеских щитов. Не понимаешь? Они не только катили огонь, но и сами катились вместе с ним, обволакивая его, защищая от магии.

— Ну конечно... — пробормотал Уоррен.

— На щиты было также наложено заклинание, настроенное на поиск источника огня, так что огонь покатился прямо на сотворившего его волшебника. Он погиб от собственного огня. После того, как этот огонь по пути к волшебнику прокатился по сотням его же солдат.

В палатке повисла тишина. Даже генерал, все еще державший комара, окаменел.

— Видите ли, — продолжил наконец Зедд, положив вилку в миску, — применение магии в войне — это не просто использование вашей волшебной силы, но и мозгов. Возьмем, к примеру, вот этого комара, которого держит генерал Райбих. Под покровом тьмы, вот как сейчас, десятки тысяч этих сотворенных противником комаров могут обрушиться на ваш лагерь и заразить солдат лихорадкой, при этом никто даже не сообразит, что вас атаковали. А с утречка противник нападет на лагерь и перережет больных обессиленных солдат, как младенцев.

Примостившаяся рядом с Эди сестра Филиппа тревожно отмахнулась от пищащего комара.

— Но ведь наши маги смогли бы противостоять такого рода атаке? — Это была скорее мольба, чем возражение.

— Неужели? Очень трудно обнаружить такой крошечный кусочек волшебства. Никто из вас не почуял этих крошечных завоевателей, верно?

— Ну, нет, но...

Зедд свирепо глянул на сестру Филиппу.

— Сейчас ночь. А ночью они выглядят как обычные комары, надоедливые, но совершенно неотличимые от других. Да вот генерал их вовсе не заметил. Как и ни один из вас, владеющих магией. И лихорадку, которую они переносят, вы тоже не можете уловить, потому что это тоже лишь мизерный огонек магии. А вы такую мелочь и не ищете, вы ищете что-то большое, могучее и страшное. Большую часть сестер покусают во сне, они и знать ничего не будут, пока не проснутся в темноте с высоченной температурой, лишь для того, чтобы обнаружить самый первый поражающий синдром этой специфической лихорадки: слепоту. Видите ли, это не в ночной тьме они проснутся — уже рассветет, — просто они ослепнут. Потом обнаружат, что ноги не слушаются, а в ушах стоит звон, похожий на непрерывный крик.

Генерал повел глазами, проверяя зрение, затем поскреб пальцем в ухе, будто прочищая.

— К этому времени все покусанные уже слишком слабы, чтобы подняться, — продолжил Зедд. — Тело не слушается, и они беспомощно лежат в собственных экскрементах. До смерти им остается несколько часов... Но эти последние часы покажутся им годами.

— Как мы можем этому противостоять? — Уоррен облизнул губы. — Как это лечить?

— Лечить? Это неизлечимо! А теперь к лагерю начинает подползать туман. На сей раз уцелевшие маги чувствуют, что эта огромная масса надвигающегося мрака насыщена темной, удушающей магией. Они всех предупреждают. Те, кто слишком плох, чтобы передвигаться, в ужасе воют. Видеть они не могут, зато слышат отдаленный боевой клич надвигающегося противника. Испугавшись, что до них доберется смертоносный туман, все, кто способен встать, встают. Кто-то пытается уползти. Прочие удирают со всех ног, спасаясь от наползающего тумана. И это их последняя ошибка, — прошептал Зедд, вытянув руку перед их побелевшими лицами. — Они бегут сломя голову прямо в смертельную западню.

К этому времени все уже сидели, вытаращив глаза и раскрыв рты, невольно сдвинувшись на край лавки.

— Итак, генерал, — бодро проговорил Зедд, откидываясь на лавке, — так как насчет братских могил? Или вы планируете попросту побросать больных умирать, а трупы гнить? Пожалуй, неплохая идея. Забот и так будет достаточно, чтобы еще беспокоиться о раненых и хоронить всех умерших. Особенно если учесть, что соприкасание с их белой кожей грозит неминуемым заражением весьма неожиданной болезнью, а потом...

Верна вскочила.

— Но что мы можем сделать?! — Она живо представляла возможный хаос. — Как можем противостоять столь гнусной магии? — Она всплеснула руками. — Что нам делать?

Зедд пожал плечами:

— Я полагал, вы с сестрами что-то придумали. Мне казалось, вы знаете, что делаете. — Он махнул на юг, в сторону противника. — По-моему, вы сказали, что полностью владеете ситуацией.

— Э-э... Зедд... — Генерал Райбих растерянно сглотнул. Он протянул комара. — Зедд, по-моему, меня начинает знобить. Вы можете что-то сделать?

— С чем?

— С лихорадкой. Мне кажется, у меня в глазах темнеет. Можете что-то предпринять?

— Нет, не могу.

— Не можете?

— Не могу, потому что ничего с вами не случилось. Я просто сотворил пару белых комаров для пущей убедительности. Дело в том, что то, что я увидел, приехав в лагерь, напугало меня до полусмерти. Маги противника все как один умны и хитры, а будучи в руках Джеганя, становятся еще опаснее, и ваша армия очень плохо подготовлена к встрече с ними.

Сестра Филиппа подняла руку, как ученица на уроке.

— Но, учитывая количество магов среди нас, мы наверняка... узнали бы... или...

— Именно это я и пытаюсь до вас донести: судя по тому, как у вас сейчас поставлено дело, ничего вы не узнаете. Это вещи, о которых вы никогда не слышали, которых никогда не видели, не ожидаете и даже представить себе не можете, что на вас обрушится. Конечно, противник будет использовать и стандартную магию, которая сама по себе доставит немало хлопот, но бояться вы в первую очередь должны белых комаров.

— Вы сказали, что сотворили их для пущей убедительности, — произнес Уоррен. — Может быть, враг не так сообразителен, как вы, и не додумается до подобного.

— Орден захватил весь Древний мир не потому, что глуп, а потому что беспощаден. — Зедд нахмурился и поднял палец. — К тому же они уже додумались до такого рода вещей. Прошлой весной одна из сестер Джеганя при помощи магии напустила чуму, которую не мог обнаружить никто из владеющих волшебным даром. Десятки тысяч людей, младенцы и старики, умерли мучительной смертью.

Находившиеся в руках противника сестры представляли собой очень серьезную и насущную угрозу. Энн отправилась туда, чтобы либо освободить их, либо уничтожить. Судя по тому, что Зедду довелось видеть в Андерите, Энн потерпела неудачу. Он не знал, что с ней сталось, но точно знал, что Джегань все еще имеет в своем распоряжении колдуний.

— Но мы же остановили чуму, — заметил Уоррен.

— Ричард ее остановил, и это мог сделать только он. — Зедд поглядел на молодого волшебника. — А знаешь ли ты, что для того, чтобы избавить нас от этой заразы, ему пришлось отправиться в Храм Ветров, укрытый за завесой, отделяющей мир живых, в мире мертвых? Ни ты, ни я даже представить себе не можем, что ему довелось там пережить. Я видел в его глазах тени преследовавших его воспоминаний, когда он говорил об этом. Я даже думать боюсь, насколько мизерным был шанс на успех, когда он отправился в это безнадежное путешествие. Не победи он вопреки всему, мы бы уже умерли от невидимой заразы, принесенной магией, которой мы не можем не только противостоять — мы даже не в силах ее определить.

Спорить ни у кого желания не возникло. Присутствующие либо незаметно кивали, либо отводили взгляды. В палатке повисла гнетущая тишина.

Верна поправила волосы.

— Гордость покойникам ни к чему. Признаю: мы мало что знаем о применении магии в войне. Сражаться мы умеем, даже неплохо, но вынуждена признать, что мы полные профаны в сфере боевой магии. Считайте нас дураками, если хотите, Зедд, но не думайте, что мы против вас. Все мы воюем на одной стороне. — В ее карих глазах не было ничего, кроме искренности. — Мы не только охотно воспользуемся вашей помощью, но будем за нее безмерно благодарны.

— Конечно, он нам поможет! — фыркнула Эди, одарив Зедда хмурым взглядом.

— Ну, начали вы совсем неплохо. Признать, что ничего не знаешь, — первый шаг к знаниям. — Зедд поскреб подбородок. — Каждый день не устаю поражаться, сколько же я еще не знаю.

— Это чудесно! — воскликнул Уоррен. — Если вы станете нам помогать, я хочу сказать. — Он поколебался, но все же продолжил: — Мне бы действительно очень хотелось воспользоваться опытом настоящего волшебника.

Зедд покачал головой.

— Я бы с удовольствием — и не сомневайтесь, что я вам обязательно дам кое-какие советы, — однако я проделал долгий и трудный путь, и боюсь, путешествие мое еще не закончено. Я не могу остаться с вами. Мне вскоре нужно уезжать.

Глава 17

оррен пригладил волосы.

— И что же за путь вы проделали, Зедд?

— Вам не нужен этот прихлопнутый комар, генерал, — указал костлявым пальцем Зедд.

Генерал Райбих сообразил, что до сих пор держит в пальцах комара, и выбросил его. Все ждали, что скажет Зедд. Рассеянно глядя в пол, он разгладил на тощих бедрах темно-бордовый балахон. Потом тяжело вздохнул.

— Я приходил в себя после весьма познавательной встречи с удивительной магией, с которой никогда прежде не сталкивался, а когда окончательно пришел в себя, еще много месяцев был занят поисками. Побывал в Андерите и видел, что там натворил Орден. Тяжелые там сейчас времена. Причем не только из-за солдатских грабежей, но и благодаря усилиям одной из ваших сестер, Верна. Они называют ее госпожа Смерть.

— Вы знаете, которая это? — с горечью спросила Верна.

— Нет. Я видел ее только раз, да и то издалека. Если бы к этому времени я полностью оправился, то смог бы что-нибудь предпринять, но тогда я был еще не совсем здоров и не осмелился с ней связываться. К тому же с ней было несколько тысяч сол-

дат. И люди впадали в панику при виде этих полчищ, ведомых женщиной, о которой они уже были наслышаны и которой боялись. Сестра эта молодая, светловолосая. В черном платье.

— О Создатель, — прошептала Верна. — Она не моя, а Владетеля. Мало на свете женщин, родившихся с такой силой, как у нее. А еще она обладает могуществом, полученным неправедными путями. Никки — сестра Тьмы.

— Мне докладывали, — вмешался генерал Райбих. По его мрачному тону Зедд понял, что в докладах все изложено верно. — Так я слышал, что там вроде все поуспокоилось.

Зедд кивнул:

— Поначалу Орден зверствовал, но теперь Джегань Справедливый, как они его последнее время называют, положил этому конец. В большинстве мест, за исключением Ферфилда, где была самая большая резня, народ поддерживает его как освободителя, пришедшего дать им лучшую жизнь. Они доносят на соседей или приезжих — всякого, в ком заподозрят противника идеалов Ордена. Я проехал по всему Андериту и довольно много времени провел в тылах противника, ведя поиск. Безуспешно. Тогда я направился в степи и на север, миновал множество небольших городков и даже несколько крупных центров, но ничего не нашел. Полагаю, мои способности восстанавливались довольно-таки долго. И лишь совсем недавно я обнаружил вас. Должен вас поздравить генерал, вы отлично замаскировали свои войска. У меня целая вечность ушла на поиск вашей дислокации. — Кулаки Зедда сжались. — Я обязан его найти.

— Ричарда, ты имеешь в виду? — спросила Эди. — Ты быть в поисках своего внука?

— Да. Ричарда и Кэлен. Обоих. — Зедд беспомощно взмахнул рукой. — Однако, вынужден признать, без всякого успеха. Мне не попался никто, кто хотя бы видел их. Я воспользовался всем моим умением, но так ничего и не добился. Если бы я не знал точно, что они живы, то решил бы, что их больше нет на этом свете.

Присутствующие переглянулись. Зедд переводил взгляд с одного удивленного лица на другое.

— Что?! Что такое?! Вам что-то известно?

— Покажите ему, генерал, — указала Верна под лавку.

Генерал Райбих извлек свернутую карту. Раскрыл ее и разложил у своих ног, перевернув так, чтобы Зедд мог ее прочитать. Генерал постучал по горам в западной части Вестландии.

— Вот здесь, Зедд.

— Вот здесь... что?

— Ричард с Кэлен, — пояснила сестра Верна.

Зедд уставился на нее, потом снова на карту. Палец генерала Райбиха указывал на большую горную гряду. Зедд отлично знал эти места. Очень негостеприимные.

— Там? Добрые духи, с чего вдруг Ричарда с Кэлен понесло в эту глушь? Что они там забыли?

— Кэлен быть ранена, — мягко объяснила Эди.

— Ранена?

— Она была на грани перехода в мир духов. Судя по тому, что нам сказали, возможно, она даже успела побывать по ту сторону завесы. Ричард увез ее в те края поправляться, — ткнула на карту Эди.

— Но... зачем это ему понадобилось? — Зедд пригладил волосы на макушке. Мысли бестолково крутились в голове, и он никак не мог привести их в порядок. — Ее можно было вылечить...

— Нет. На нее наложено заклятие. Если попытаться вылечить ее с помощью магии, скрытое заклятие сработает и ее убьет.

И тут до него дошло.

— Добрые духи... Какое счастье, что мальчик вовремя понял... — Прежде чем воспоминания о долгих криках успели обрушиться на него, Зедд мысленно захлопнул перед ними дверь. Он проглотил горькую слюну. — И все же почему он не с вами? Он нужен здесь.

— Конечно, нужен! — прокричала Верна. Судя по тону, это была болезненная тема.

— Он не может сюда приехать, — сказал Уоррен. Зедд уставился на него, и молодой волшебник пояснил: — Мы не совсем понимаем, но полагаем, что Ричард следует своего рода пророчеству.

— Пророчеству! — отмахнулся Зедд. — Ричард терпеть не может пророчества. Он их ненавидит и никогда с ними не считался. Бывали времена, когда мне хотелось, чтобы он относился к этому иначе, но он не пожелал.

— Ну, а с этим он посчитался. — Уоррен сжал губы. — Оно — его собственное.

— Его собственное... что?

Уоррен откашлялся.

— Пророчество.

— ЧТО?! — вскочил Зедд. — Ричард? Чушь!

— Он боевой чародей, — спокойным властным тоном произнесла Верна.

Зедд обвел всех сердитым взглядом, скорчил кислую мину и, взметнув подол балахона, вернулся на лавку к Эди.

— И что там, в этом пророчестве?

Уоррен потеребил край балахона.

— Он в точности не сказал.

— Вот. — Генерал Райбих достал из кармана смятые бумажки. — Он шлет мне письма. Мы все их прочли.

Зедд, вскочив, выхватил письма из здоровенной руки генерала, подошел к столу и аккуратно расправил листки. Склонившись над столом, он принялся внимательно читать. Остальные молча ждали.

Ричард решительно отказался от власти. Он писал, что после долгих размышлений кое-что понял, понимание это пришло вместе с видением, и теперь он совершенно уверен, что его помощь приведет лишь к полному краху.

В последующих письмах он сообщал, что они с Кэлен в безопасности и что она медленно поправляется. С ними была Кара. В ответ на все письма генерала Райбиха Ричард непоколебимо стоял на своем. Он предупреждал, что борьба за свободу будет проиграна навсегда, если он свернет с верного пути. Писал, что какие бы решения ни приняли генерал Райбих и остальные, он не станет ни возражать, ни критиковать их. Он говорил, что сердцем с ними, но они останутся предоставленными сами себе на ближайшее будущее. А возможно, и навсегда.

В этих письмах не было ничего ценного, кроме ссылок на его видение и пришедшее к нему понимание, и еще — твердого разъяснения, что никаких приказов он отдавать не будет. Однако кое-что Зедд все же прочитал между строк.

Волшебник довольно долго смотрел на письма. Огонек лампы медленно колыхался, иногда почти затухая — тогда из лампы вырывался маслянистый дымок. Зедд слышал приглушенные голоса снаружи, когда патрульные тихо обменивались сведениями, но в самой палатке царила тишина.

На лице Верны была написана тревога. Она больше не могла сдерживаться.

— Ты поедешь к нему, Зедд? Убедишь вернуться и возглавить борьбу?

Зедд легонько провел пальцами по письмам.

— Не могу. Это как раз тот случай, когда я ничем не могу ему помочь.

— Но он ведь наш вождь. — Сестра Верна в отчаянии потерла бровь. — Без него...

Зедд не ответил. Он даже представить себе не мог, как отреагировала бы Энн на такое развитие событий. Столетиями она продиралась сквозь пророчества, предвкушая рождение боевого чародея, который поведет их в бой за само существование магии. Ричард и был тем самым чародеем, рожденным для битвы, которую он внезапно оставил.

— В чем, по-твоему, тут было дело? — хрипловатым голосом спросила Эди.

Зедд еще раз посмотрел на письма, поднял глаза и выпрямился. Взгляды всех присутствующих были устремлены на него, будто в надежде, что волшебник каким-то образом избавит их от судьбы, которой они не понимали, но инстинктивно боялись.

— Для Ричарда это время душевных испытаний. — Зедд спрятал руки в рукава. — Своего рода переход. Удар, обрушившийся на него из-за понимания чего-то такого, что видно только ему.

Уоррен кашлянул.

— Что это за испытание, Зедд? Можешь нам сказать?

Зедд слабо махнул рукой. Жуткие воспоминания пронеслись в его мозгу.

— Борьба... Примирение...

— Какого рода примирение? — настаивал Уоррен.

Зедд поглядел в голубые глаза молодого волшебника, сожалея, что тот задает слишком много вопросов.

— В чем цель твоего дара?

— Цель? Ну я... полагаю... Ну, он просто есть. Дар — это просто способность.

— Помогать другим, — категорично отрезала Верна. Она поплотнее укуталась в легкий синий плащ, будто это доспехи, способные защитить ее от того, чем сейчас запустит в нее Зедд.

— А! Тогда что ты тут делаешь?

Вопрос застал ее врасплох.

— Тут?

— Да. — Зедд широким жестом указал куда-то вдаль. — Если дар — для того чтобы помогать другим, то почему ты не там? Там

ведь есть больные, нуждающиеся в исцелении, невежды, нуждающиеся в знаниях, голодные, нуждающиеся в пище. Так что же ты сидишь тут, здоровая, умная и упитанная?

Верна поправила плащ и распрямила плечи, придавая себе решительный вид.

— В битве, если ты оставляешь ворота, чтобы помочь упавшему товарищу, значит, ты подвержен слабости. Ты недостаточно крепок духом, чтобы устоять, остаться на месте и тем самым предотвратить еще худшие последствия. Если я помчусь помогать тем немногим, то оставлю свой пост здесь, в армии, которая пытается удержать полчища, вознамерившиеся штурмовать ворота в Новый мир.

Мнение Зедда об этой женщине немного улучшилось. Она довольно близко подошла к тому, чтобы сформулировать самую суть жизненно важной истины. Он кивнул, одарив сестру Верну уважительной улыбкой, чем изумил ее даже больше, чем своим вопросом.

— Я теперь понимаю, почему сестер Света считают хорошими слугами нуждающихся. — Зедд потер подбородок. — Итак, ты убеждена, что мы, те, у кого есть способности — волшебный дар, — рождены быть рабами всех нуждающихся?

— Ну нет... Но если нужда велика...

— То мы еще крепче привязаны рабскими цепями к тем, чьи нужды еще больше, — закончил за нее Зедд. — Следовательно, каждый нуждающийся по праву становится — как ты считаешь — нашим хозяином? Мы кабальные слуги одному делу или каждому более серьезному делу, что подвернется, но так или иначе рабы. Так?

На сей раз сестра Верна предпочла не вступать в дискуссию, что, впрочем, не помешало ей ожечь волшебника взглядом.

Зедд знал, что на этот вопрос существует лишь один философски верный ответ. Если Верна и знала его, то промолчала.

— Ричард явно подошел к той точке, когда должен критически оценить варианты и избрать верный жизненный курс, — объяснил Зедд. — Возможно, обстоятельства вынудили его задуматься о правильном использовании своих способностей и, с точки зрения его жизненных ценностей, его истинного предназначения.

Верна беспомощно развела руками:

— Не понимаю, какое у него может быть более высокое предназначение, чем находиться здесь и помогать армии высто-

ять против угрозы всему Новому миру? Угрозы жизни всех свободных людей?

Зедд опустился на лавку.

— Ты этого не понимаешь, я этого не понимаю, но Ричард явно понимает.

— Однако это вовсе не означает, что он прав, — заметил Уоррен.

Зедд некоторое время пристально изучал молодого волшебника. Лицо Уоррена было юным и свежим, но выражение глаз свидетельствовало, что он далеко не молод. Зедд размышлял, сколько Уоррену лет.

— Да, не означает. Не исключено, что он совершает героическую ошибку, которая уничтожит все наши шансы выжить.

— Кэлен думает, что он, возможно, ошибается, — вступила в разговор Эди, как бы сожалея, что говорит об этом. — Она прислала мне с гонцом записку — полагаю, без ведома Ричарда, поскольку писала с ее слов Кара. Кэлен высказывает опасение, что Ричард так поступает отчасти из-за того, что случилось с ней. Мать-Исповедница также опасается, что Ричард утратил веру в людей и из-за того, что его отверг народ Андерита, возможно, считает себя неудавшимся вождем.

— Ба! — отмахнулся Зедд. — Вождь не может плестись за народом, поджав хвост, и, прислушиваясь к их сиюминутным капризам и желаниям, выклянчивая возможность идти за ними тем путем или этим, пока они ползут по жизни. Таким людям не вождь нужен, а хозяин, и таковой обязательно появится. Настоящий вождь прокладывает путь в моральных дебрях, чтобы люди смогли увидеть дорогу. Ричард был лесным проводником, потому что именно такова его сущность. Возможно, он заблудился в этом темном лесу. В этом случае он должен сам найти дорогу, причем найти ее четко и верно, если ему предстоит стать настоящим вождем свободных людей.

Слушатели тихо переваривали объяснение. Генерал был солдатом, следовавшим за магистром Ралом, и просто ждал его приказов. Сестры руководствовались собственными соображениями. Зедд с Эди знали, что лежащая перед ними дорога вовсе не такая, как кажется некоторым.

— Именно это Ричард сделал для меня, — тихо проговорил Уоррен, глядя в пространство и вспоминая что-то свое. — Он указал мне путь, заставил меня захотеть последовать за ним наружу, выйти из хранилищ. Я привык жить в подвалах, доволь-

ный обществом книг и моей судьбой, но я был пленником царившего там сумрака, жил битвами и свершениями других. Я так никогда в точности и не понял, как ему удалось вдохновить меня захотеть последовать за ним и выйти наружу. — Подняв голову, Уоррен поглядел Зедду в глаза. — Может быть, он сейчас и сам нуждается примерно в такого же рода помощи? Ты в состоянии помочь ему, Зедд?

— Он сейчас переживает темные времена для любого человека, особенно волшебника. Если я сдуру подтолкну его на другой путь, это может закончиться порабощением мира Имперским Орденом. — Зедд покачал головой. — Нет. Уж одно я знаю точно: Ричарда нужно оставить в покое, пусть делает то, что должен. Если он действительно тот, кому суждено вести нас в битве за будущее магии и человечества, значит — это часть его пути и он должен пройти ее сам.

Почти все нехотя закивали.

Уоррен не кивнул. Он потеребил подол лилового балахона.

— Мы не учли одну вещь. — Все ждали продолжения, а Уоррен уставился голубыми глазами на Зедда. Зедд прочитал в этих глазах необычную мудрость, сказавшую ему, что этот молодой человек способен видеть глубинную суть вещей, тогда как большинство людей видит лишь то, что лежит на поверхности. — Может оказаться, — спокойно, но решительно заговорил Уоррен, — что Ричарда, поскольку он наделен магическим даром и является боевым чародеем, действительно посетило откровение. Боевые чародеи отличны от прочих волшебников. Их способности не узко профилированы, как у большинства из нас, а очень широкого спектра. Прорицание — по крайней мере теоретически — вполне ему доступно. Более того, Ричард владеет Магией Ущерба, как и Приращения. Ни один волшебник, родившийся за последние три тысячи лет, не владел обеими сторонами магии. Наверное, мы в состоянии представить себе его возможности, но мы ничего не знаем о его потенциале, хотя в пророчествах и встречаются кое-какие намеки. Весьма вероятно, что Ричарду было настоящее откровение, смысл которого он отлично понимает. Если так, значит, он делает в точности то, что должно. Возможно даже, что он ясно понимает смысл пророчества, и смысл этот столь ужасен, что он оказывает нам единственную услугу — ничего не говорит.

Верна накрыла его руку ладонью.

— Ты ведь на самом деле так не думаешь, правда, Уоррен?

Зедд отметил, что Верна очень серьезно относится к словам Уоррена. Энн рассказывала Зедду, что Уоррен только начал проявлять свой пророческий дар. Волшебники такого рода — пророки — рождались крайне редко, раз или два в тысячелетие. Потенциальная важность такого волшебника была неизмеримой. Зедд не знал, как далеко продвинулся по этому пути Уоррен. Скорее всего и сам Уоррен этого не знал.

— Пророчество может быть тяжким бременем. — Уоррен разгладил балахон на коленях. — Возможно, Ричард понял из пророчества, что, если он хочет получить шанс на победу, он должен уцелеть, а не погибнуть, как все мы, в битве с полчищами Имперского Ордена.

Генерал Райбих, не вмешиваясь в разговор, слушал и наблюдал очень внимательно. Сестра Филиппа теребила пуговицу на платье. Даже несмотря на ласковую поддержку Верны, Уоррен сейчас выглядел потерянным.

— Уоррен. — Зедд посмотрел ему прямо в глаза. — Все мы иногда предполагаем самый скверный поворот событий просто потому, что это самое страшное, что мы способны вообразить. Не стоит в первую очередь концентрироваться на одной из наименее вероятных причин поступков Ричарда лишь потому, что ты боишься этого больше всего. Я считаю, что Ричард сейчас отчаянно бьется, чтобы понять, где его место в мире. Вспомни, он почти всю свою взрослую жизнь был лесным проводником. Он должен освоиться не только со своими способностями, но и с бременем власти.

— Да, но...

— Как правило, самое верное объяснение — самое простое, — поднял палец Зедд, подчеркивая свои слова.

Угрюмость на лице Уоррена, сменилась наконец ослепительной улыбкой.

— Я начисто позабыл эту старую истину. Спасибо, Зедд.

Генерал Райбих перестал расчесывать пальцами бороду и сжал кулак.

— К тому же д'харианцев не так-то просто победить. Мы можем подтянуть дополнительные войска из самой Д'Хары, и у нас есть союзники тут, в Срединных Землях, они тоже придут нам на подмогу. Все мы слышали сообщения о численности армии Ордена, но они всего лишь люди, а не злые духи. Да, у них есть маги, но и у нас они есть. Им еще предстоит столкнуться лицом к лицу с мощью д'харианских солдат.

Уоррен поднял небольшой камешек и, держа его в руке, заговорил:

— Не хочу показаться невежливым, генерал, и уж совсем не намерен отговаривать вас бороться за правое дело, но Орден был моим хобби. Я изучал его годами. Я ведь тоже из Древнего мира.

— Честное заявление. Так что вы хотите нам сказать?

— Ну, представим, что крышка стола — это Древний мир. Область, откуда Джегань черпает пополнение. Конечно, там есть и малонаселенные районы. Но густозаселенных тоже хватает.

— Как и в Новом мире, — кивнул генерал. — В Д'Харе есть и заселенные, и пустынные места.

Уоррен покачал головой и провел рукой над крышкой стола.

— Скажем, весь стол — это Древний мир. — Он показал генералу камень, затем положил его на край стола. — А это — Новый мир. Вот такого размера, как этот камешек, по сравнению с Древним миром.

— Но... но это не включая Д'Хару. — Генерал чуть не заикался. — Наверняка... С Д'Харой...

— Д'Хара тоже сюда входит.

— Боюсь, Уоррен прав, — сказала Верна.

Сестра Филиппа тоже мрачно кивнула.

— Возможно... — проговорила она, глядя на сложенные на коленях руки, — возможно, Уоррен прав, и Ричарду было видение нашего поражения, и он знает, что должен держаться в стороне, иначе погибнет, как все мы.

— Очень сомневаюсь, — ласково проговорил Зедд. — Я знаю Ричарда. Если бы Ричард считал, что мы проиграем, он бы сказал, чтобы люди имели это в виду, принимая решения.

Генерал откашлялся.

— Ну, вообще-то в этой кипе одного письма недостает. Самого первого, где лорд Рал рассказывает мне о своем видении. И в нем он действительно написал, что у нас нет шансов победить.

Зедд почувствовал, как кровь отхлынула от сердца, но постарался не показывать виду.

— О? И где же оно?

Генерал покосился на Верну.

— Ну вообще-то, — замялась Верна, — когда я его прочла, то разозлилась и...

— Смяла письмо и швырнула в огонь, — закончил за нее Уоррен.

Верна покраснела, но оправдываться не стала. Зедд вполне понимал ее чувства, но все же предпочел бы прочитать письмо сам. Он выдавил улыбку.

— Это его точные слова — что у нас нет шансов победить? — спросил Зедд, стараясь скрыть тревогу. Он чувствовал, как по спине струится пот.

— Нет... — Генерал Райбих поерзал на лавке, подбирая слова. — Нет, лорд Рал писал, что мы ни при каких обстоятельствах не должны напрямую атаковать Имперский Орден, иначе будем уничтожены и все шансы на победу в будущем окажутся потерянными навсегда.

К пальцам Зедда начала возвращаться чувствительность. Он стер пот с виска. Теперь можно вздохнуть относительно спокойно.

— Ну, в этом, безусловно, есть смысл. Если их так много, как говорит Уоррен, то, конечно, прямая атака — чистой воды самоубийство.

Это действительно был разумный совет. Однако Зедд не понимал, зачем Ричарду говорить столь очевидную вещь такому опытному военачальнику, как генерал Райбих. Может быть, Ричард просто осторожничает? В этом нет ничего плохого.

Эди взяла Зедда под руку и сунула кулачок ему в ладонь.

— Если ты считаешь, что нужно оставить Ричарда в покое, ты останешься тут? Научишь их тому, что им нужно знать?

Улыбнувшись, Зедд обнял Эди за плечи.

— Ну конечно, я вас не оставлю.

Все присутствующие тихо вздохнули и расслабились, будто им сняли петлю с шеи.

Зедд обвел собравшихся тяжелым взглядом.

— Война — грязная штука. Задача — убить людей до того, как они убьют тебя. Магия на войне — всего лишь оружие, пусть и страшное. И вы должны отчетливо понимать, что, следовательно, магия используется для того, чтобы убивать.

— Что нам нужно делать? — спросила Верна, явно довольная, что Зедд согласился остаться, но не демонстрирующая этого так откровенно, как генерал Райбих, Уоррен и сестра Филиппа.

Зедд задумался, теребя балахон. Он совсем не стремился давать такие уроки.

— Приступим завтра утром. Вам предстоит многое узнать о том, как противостоять магии на войне. Я научу всех, наделен-

ных даром, как обратить во зло то, что вы всегда надеялись обратить во благо. Уроки довольно-таки неприятные — впрочем, альтернатива еще хуже.

Мысли о теоретических лекциях, а тем более — о практических занятиях, не слишком радовали. Эди, имевшая некоторое представление о чудовищной сути такой войны, сочувственно потерла Зедду спину. Тяжелый балахон лип к телу. Зедду очень хотелось получить назад свои простые балахоны.

— Мы сделаем все возможное, чтобы защитить наших людей от чудовищной магии Имперского Ордена, — сказала Верна. — Слово аббатисы.

— Значит, завтра и приступим, — кивнул Зедд.

— Боюсь даже думать о применении магии в войне, — произнес генерал Райбих, поднимаясь.

Зедд пожал плечами:

— По правде говоря, основная цель магии на войне — противостоять магии противника. Если мы как следует справимся с нашей работой, то получится равновесие. Иными словами, вся магия будет нейтрализована, и солдаты смогут сражаться, не опасаясь сюрпризов. Вы будете биться сталь против стали, пока мы станем сражаться магией против магии.

— То есть прямой магической помощи у нас не будет?

— Мы постараемся любыми способами нанести им максимальный урон, — снова пожал плечами Зедд, — но когда пытаешься использовать магию как оружие, противник, в свою очередь, пытается ее нейтрализовать. А все их попытки использовать магию против нас будем стараться нейтрализовать мы. Результат применения магии на войне — если все проделать четко и грамотно — в том, чтобы казалось, будто магии не существует вовсе. Если мы не справимся с задачей, мощь, которую они на нас обрушат, будет воистину ужасающей. Если же мы их переиграем, тогда вы увидите такой урон во вражеском стане, какой и представить себе не в силах. Но, по моему опыту, магия любит равновесие, и такое случается редко.

— Значит, наша цель — создание тупиковой ситуации? — спросила сестра Филиппа.

Зедд руками изобразил чаши весов.

— Маги с обеих сторон будут работать интенсивнее, чем когда-либо в жизни. Могу сказать, что это крепко выматывает. А в результате, если не считать мелких побед, будет казаться, что мы все ничего не делаем. Зедд опустил руки. — И постоянно бу-

дут наступать мгновения дикого ужаса и полной паники, когда станет казаться, что мир действительно вот-вот развалится на куски в последнем бешеном вихре.

Генерал улыбнулся доброй, неожиданно понимающей улыбкой.

— Позвольте заметить, что война, которую ведешь с саблей в руке, выглядит примерно так же. — Он шутливо поднял руку в обороне. — Но это, пожалуй, лучше, чем отмахиваться саблей от каждого пролетающего комара. Я сражаюсь сталь против стали. У нас есть магистр Рал, чтобы сражаться магией против магии. И я рад, что дед магистра Рала, Первый волшебник, тоже помогает нам. Спасибо, Зедд. Все, что вам нужно, — ваше. Только попросите.

Верна с Уорреном молча кивнули, а генерал шагнул к выходу из палатки. Когда Зедд заговорил, генерал обернулся, держа рукой полог.

— Вы по-прежнему шлете Ричарду гонцов?

Генерал кивнул.

— Капитан Мейфферт тоже там побывал. Он может рассказать вам больше.

— И все гонцы возвратились живыми и здоровыми?

— Большинство. — Генерал почесал бороду. — Пока что мы потеряли двоих. Одного случайно нашли на дне ущелья. Второй так и не объявился, и тела его тоже не обнаружили, но ничего необычного тут нет. Путь туда долгий и трудный. Мало ли что может приключиться? Следует ожидать некоторых потерь.

— Мне бы хотелось, чтобы вы перестали посылать Ричарду гонцов.

— Но магистра Рала нужно держать в курсе событий!

— А если противник захватит гонца и узнает, где скрывается Ричард? Любому человеку можно развязать язык. В данном случае риск неоправдан.

Генерал Райбих потеребил эфес сабли, размышляя над словами Зедда.

— Орден довольно далеко на юге от нас, в Андерите. Мы контролируем всю территорию между лагерем и горами, где находится магистр Рал. — Он покорно кивнул, встретив твердый взгляд Зедда. — Но если вы считаете, что это опасно, больше я гонцов посылать не стану. Однако не будет ли лорд Рал недоумевать, что тут с нами происходит?

— То, что с нами происходит, для него сейчас не слишком важно. Он делает то, что должен делать, и не может допустить, чтобы наше положение повлияло на его решение. Он ведь вам ясно сказал, что не вправе отдавать вам приказы, что он должен стоять в стороне. — Зедд одернул рукава и вздохнул: — Может быть, когда закончится лето, зима еще не войдет в силу, а в горах выпадет снег, я съезжу посмотреть, как они там.

Генерал Райбих улыбнулся:

— Если вы сможете поговорить с лордом Ралом, для нас это будет большим облегчением, Зедд. Вашим словам он поверит. Доброй ночи.

Этот человек только что выдал свои истинные чувства. Никто из находившихся в палатке не верил до конца в то, что сейчас делал Ричард. Разве что Зедд, но и у Зедда тоже были сомнения. Кэлен написала, что, по ее мнению, Ричард считает себя падшим вождем. Эти люди, которые заявляли, что не понимают, как это он может так считать, в то же время сами не доверяли его действиям.

Ричард совсем один, и поддерживает его лишь сила собственной убежденности.

Когда генерал удалился, Уоррен подался к Зедду:

— Зедд, я мог бы поехать с тобой проведать Ричарда. Мы бы уговорили его рассказать нам все, а потом решили бы, действительно ли это пророчество или, как он сам утверждает, просто понимание, к которому он пришел. Если это не подлинное пророчество, мы могли бы убедить его по-иному взглянуть на вещи. Более того, мы могли бы начать учить его — во всяком случае, ты мог бы — пользоваться даром, пользоваться магией. Он должен уметь использовать свои способности.

Зедд принялся вышагивать по палатке, а Верна тихонько фыркнула — она явно скептически отнеслась к предложению Уоррена.

— Я пыталась научить Ричарда касаться Хань. И многие сестры тоже пытались. И ни одна не смогла добиться ровным счетом ничего.

— Но Зедд считает, что это должен делать волшебник. Верно, Зедд?

Зедд перестал кружить по палатке, некоторое время смотрел на обоих, будто прикидывая, как облечь свои мысли в слова.

— Ну, как я уже сказал, обучение волшебника — дело не колдуний, а другого волшебника...

— Сомневаюсь, что с Ричардом тебе повезло бы больше, чем нам, — съехидничала Верна.

— Но Зедд считает... — не уступал Уоррен.

Зедд кашлянул, призывая к тишине.

— Ты прав, мой мальчик. Дело волшебника учить другого волшебника, рожденного с даром. — Верна сердито подняла палец, собираясь возразить, но Зедд продолжил: — Однако, по-моему, в данном случае Верна права.

— Права? — переспросил Уоррен.

— Права? — переспросила Верна.

Зедд жестом успокоил их.

— Да, Верна, я так считаю. Думаю, кое-чему сестры все же научить могут. В конце концов, посмотрите на Уоррена. Сестры ухитрились-таки немного научить его пользоваться даром, пусть это и заняло немало времени. Вы обучили других — пусть это, на мой взгляд, и очень мало, — но не смогли научить Ричарда даже простейшим вещам. Это так?

Верна недовольно скривила губы.

— Ни одной из нас не удалось его научить даже такой простой вещи, как чувствовать собственный Хань. Я часами сидела с ним и пыталась направлять его. — Под пристальным взглядом Зедда сестра Верна сложила руки на груди и отвела глаза. — Это просто-напросто не сработало, как должно было.

Уоррен, нахмурившись, потер пальцем подбородок — будто что-то припоминая.

— Знаете, однажды Натан мне кое-что сказал. Я говорил, что хочу учиться у него, чтобы он научил меня быть пророком. Натан тогда ответил, что пророками не становятся, ими рождаются. И тогда я понял: всему, что я знаю и понимаю в прорицании — действительно понимаю, совершенно по-иному, — я выучился сам, а не у кого-то. Не может ли с Ричардом быть то же самое? Ты к этому клонишь, Зедд?

— Именно. — Зедд снова уселся рядом с Эди на жесткую скамью. — Я бы охотно — не только как дед, но и как Волшебник первого ранга — научил Ричарда тому, что ему нужно знать, но пришел к выводу, что вряд ли это возможно. Ричард отличается от любого другого волшебника не только тем, что владеет и Магией Приращения, и Магией Ущерба.

— И все же, — сказала сестра Филиппа, — вы ведь Первый волшебник. Наверняка вы смогли бы многому его научить.

Зедд подвернул толстый балахон, просунув подол между своим тощим задом и жесткой лавкой.

— Ричард делал такие вещи, которых даже я не понимаю. Без моих уроков он добился такого, чего я и представить себе не мог. Ричард сам добрался до Храма Ветров в подземном мире, сумел остановить чуму и вернуться из-за завесы в мир живых. Кто-нибудь из вас способен хотя бы осознать, что это такое? Особенно для необученного чародея? Он изгнал шимов из мира живых, а каким образом — я представления не имею. Он творил магию, о которой я отродясь не слыхал, не говоря уж о том, чтобы видеть или понимать. Боюсь, мои знания окажутся для него скорее помехой. К тому же часть способностей Ричарда зависит от его видения мира — а у него не только свежий взгляд, но и глаза Искателя Истины. Ричард не знает, что что-то невозможно, и пытается это осуществить. Я боюсь говорить ему, как делать то или другое, как пользоваться его магией, потому что такое обучение покажет ему теоретическую ограниченность его магии и тем самым действительно его ограничит. Чему я могу обучить боевого чародея? Я ничего не знаю о Магии Ущерба.

— Ты хочешь сказать, что за неимением второго боевого чародея для его обучения, возможно, понадобится сестра Тьмы? — уточнил Уоррен.

— Ну, — задумчиво протянул Зедд, — как знать. — Он устало вздохнул и снова сделался серьезным. — Я пришел к выводу, что пытаться научить Ричарда не только бесполезно, но, может, даже опасно. Для мира. Я хотел бы повидать его и предложить поддержку, опыт и сочувствие. Но помощь? — Зедд покачал головой. — Я не смею.

Никто не возразил ему. Верна на собственном опыте убедилась уже в его правоте. Остальные, видимо, тоже знали Ричарда достаточно хорошо.

— Позволь, Зедд, я помогу тебе найти свободную палатку, — сказала наконец Верна. — Похоже, отдых тебе не повредит. А утром, когда выспишься, мы снова над всем этим подумаем и обсудим.

Уоррен, собравшийся было задать очередной вопрос, разочарованно кивнул.

Зедд зевнул, вытянув ноги.

— Это было бы неплохо. — Мысли о предстоящей работе угнетали. Ему очень хотелось увидеть Ричарда, помочь ему. Он так долго его искал! Иногда очень трудно оставлять людей одних,

даже когда им это необходимо. — Это было бы неплохо, — повторил Зедд. — Я устал.

— Лето заканчивается, ночи становятся прохладными, — проговорила Эди, прижимаясь к его боку. Она подняла на него белые глаза, блеснувшие в свете лампы янтарным блеском. — Останься со мной и согрей мои кости, старик.

Улыбнувшись, Зедд обнял ее. С Эди было уютно. Вообще-то, подари она сейчас ему очередную шляпу с пером, он бы ее надел, причем с улыбкой. Однако тревога не оставляла его, и от этого ломило кости, как перед грозой.

— Зедд, — заговорила Эди, будто заметив в его глазах отражения его тяжких дум. — Ричард — боевой чародей, доказавший, как ты сказал, свои удивительные способности. Он очень могущественный человек. К тому же — Искатель Истины, у него есть для защиты Меч Истины. Меч, которым он прекрасно владеет, я сама тому свидетель. Кэлен — Исповедница. Мать-Исповедница. У нее огромный опыт в обращении с магией. И еще с ними морд-сит. А морд-сит случайностей не допускают.

— Знаю, — прошептал Зедд, глядя в пространство сквозь кошмар мыслей. — Но все же я за них страшно боюсь.

— Что так тебя беспокоит? — спросил Уоррен.

— Белые комары.

Глава 18

Кэлен, тяжело дыша, отступала сквозь колючие заросли ежевики, чтобы избежать удара мечом. Острие просвистело буквально в дюйме от ребер. В отчаянной попытке уклониться она не обращала внимания на впивающиеся и цепляющиеся за штаны колючки. Сердце бешено колотилось.

Он неумолимо наступал, вынуждая ее отходить за невысокий выступ и дальше по низине. Опавшие листья под его сапогами взлетали в воздух, словно разноцветные конфетти. Ярко-желтые, оранжевые и зеленые листочки сыпались дождем на каменистые островки между колючими зарослями можжевельника. Это походило на сражение внутри радуги.

Ричард сделал очередной выпад. Кэлен, ахнув, едва успела парировать удар. Он с неумолимой решимостью усилил натиск. Кэлен отступила, высоко поднимая ноги, чтобы не споткнуться о корни высокой лиственницы. Оступиться никак нельзя, стоит упасть — и Ричард мгновенно поразит ее мечом.

Она покосилась влево. Там виднелось довольно приличное каменистое возвышение, покрытое пушистым мхом. Край возвышения упирался прямо в скалу. Если отступить туда, то дальше придется либо забираться вверх, либо прыгать вниз.

Кэлен отразила быстрый выпад, Ричард, в свою очередь, парировал ее удар. В приступе ярости она решительно атаковала, вынудив его отступить шагов на десять. Ричард легко отразил ее удары и тут же жестко атаковал сам. Кэлен быстро потеряла отвоеванную позицию, даже отступила еще дальше. Опять она лишь отчаянно защищалась, сражаясь за каждую пядь земли.

Футах в десяти на сухой ветке тополя сидела рыжая белка и грызла коричневые кожистые семена лишайника. Белка сидела на задних лапках, демонстрируя белое брюшко, пушистый хвост гордо торчал вверх. Сжимая в крошечных лапках плод, она с аппетитом грызла его, как зритель на турнире, который наблюдает за бойцами, поедая печенье.

Ловя ртом воздух, Кэлен шарила взглядом по сторонам, выискивая свободное пространство между стволами деревьев, одновременно пытаясь обнаружить что-нибудь, что могло бы ее спасти. Если каким-то образом удастся обойти Ричарда, она сможет удрать. Конечно, он ее догонит, но это даст ей время. Отбив очередной выпад, Кэлен нырнула за клен в желтовато-бурые заросли папоротника, подсвеченные яркими солнечными лучами.

Ричард, ринувшись вперед в последней атаке, поднял меч, чтобы зарубить ее.

Вот оно! Ее единственный шанс.

Кэлен мгновенно поднырнула под его руку и вонзила меч прямо ему в живот.

Ричард схватился руками за рану. Зашатавшись, он рухнул в папоротники, упал на спину и замер. Листочки деревьев, лежавшие на папоротниках, взметнулись в воздух и в медленном танце стали осыпаться на его тело. Кленовые листья были такими ярко-красными, что кровь по сравнению с ними показалась бы коричневой.

Кэлен постояла над Ричардом, стараясь отдышаться, потом опустилась на колени и улеглась поперек него. Листья папоротников свернулись в крошечные кулачки, будто протестуя, не желая умирать на зиму. От них исходил приятный сладковатый запах. Мало что может сравниться по хрупкой красоте с осенним лесом. По какой-то случайности клен, защищенный скалой, еще не облетел и полыхал оранжевым пламенем, настолько ярким на фоне голубого осеннего неба, что от этого резало глаза.

— Кара! — Опершись левой рукой на грудь Ричарда, Кэлен приподнялась. — Кара! Я убила Ричарда!

Кара, лежавшая неподалеку на животе у края горного выступа, озирала окрестности и не реагировала.

— Я его убила! Ты слышишь? Кара? Ты видела?

— Угу, — пробормотала морд-сит. — Слышу. Ты убила лорда Рала.

— Нет, не убила, — возразил Ричард, все еще тяжело дыша.

Кэлен шлепнула его по плечу ивовым мечом.

— Нет, убила! На сей раз убила. Убила на месте!

— Только слегка задела. — Он прижал кончик своего ивового меча к ее боку. — И попалась в расставленную мной ловушку. И теперь я держу тебя на кончике меча. Сдавайся или умри, женщина.

— Ни за что! — рассмеялась Кэлен. — Я скорее умру, чем сдамся такому, как ты, бандит ты эдакий!

Она несколько раз кольнула его в ребра ивовым мечом, а он, смеясь, перекатывался с боку на бок.

— Кара! Ты видела? На этот раз я убила его. Я его все-таки достала!

— Ага, ладно, — пробурчала Кара, внимательно глядя по сторонам со своего насеста. — Ты убила лорда Рала. Молодец. — Она оглянулась через плечо. — Этот мой, да, лорд Рал? Вы обещали, что этот мой.

— Да, — отдуваясь, кивнул Ричард. — Этот твой, Кара.

— Отлично, — довольно улыбнулась Кара. — Он здоровенный.

Ричард хихикнул, глядя на Кэлен.

— Знаешь, а ведь я сам подставился.

— Ничего подобного! Я победила. Достала тебя. — Она снова шлепнула его ивовым мечом. Потом нахмурилась. — По-моему, ты сказал, что не умер. Сказал, это только царапина. Ха! Ты сам признался, что я тебя достала!

Ричард хохотнул.

— Я дал тебе...

Кэлен закрыла ему рот поцелуем. Кара, отвернувшись, закатила глаза.

Снова заглянув за край выступа, морд-сит быстро вскочила.

— Они только что ушли! Пойдем, пока кто-нибудь до него не добрался!

— Кара, никто до него не доберется, — успокоил ее Ричард. — Куда так спешить?

— Пойдем! Вы обещали, что этот мой! Мне вовсе неохота тащиться туда попусту. Пошли же!

— Ладно, ладно! — пробурчал Ричард, пока Кэлен поднималась на ноги. — Идем.

Он протянул Кэлен руку, чтобы она помогла ему встать, но Кэлен вместо этого ткнула его ивовым мечом в ребра.

— Я снова вас достала, лорд Рал! Теряете бдительность.

Ричард лишь улыбнулся, когда Кэлен все же соизволила протянуть ему руку. Поднявшись, он на мгновение стиснул ее в объятиях и сказал:

— Отлично сработано, Мать-Исповедница. Просто отлично. Ты убила меня на месте. Я тобой горжусь!

Кэлен просияла. Ричард подхватил мешок, забросил за спину и быстро пошел вниз по склону горы. Кэлен накинула на себя волчий тулуп и поспешила за ним, прыгая по камушкам.

— Осторожнее! — крикнул Ричард Каре. — Под листвой не видно ям и провалов.

— Знаю-знаю, — буркнула она. — Сколько раз можно повторять одно и то же!

Обычно маршрут прокладывал Ричард. Он учил их ходить по горной местности, объясняя, чего следует опасаться. С самого начала их путешествия по горам и лесам Кэлен обратила внимание, что Ричард шагает спокойно и плавно, а Кара скачет с камня на камень, как коза. Поскольку большую часть жизни Кара провела в помещении, она понятия не имела, как нужно ходить по горам.

Ричард терпеливо ей втолковывал:

— Смотри, куда ставишь ноги, старайся идти ровно. Не наступай без необходимости в ямки, не ставь ногу на возвышения, а если ставишь, то необязательно переносить всю тяжесть, достаточно согнуть ноги.

Кара жаловалась, что ей трудно постоянно думать о том, куда ставить ногу. Ричард объяснял, что, если не думать, она, Кара, всякий раз будет проделывать двойной путь. А если она станет думать, куда ставит ноги, то вскоре начнет автоматически ходить как следует. Когда Кара обнаружила, что, если следовать советам Ричарда, мышцы ног болят куда меньше, она мгновенно стала прилежной ученицей. Теперь морд-сит уже не спорила, а задавала вопросы.

Кэлен заметила, что Кара, спускаясь по тропинке, пользуется палкой как импровизированным посохом и, как учил Ричард, сначала проверяет подозрительные места и только потом ставит ногу. Вряд ли тут можно было сломать лодыжку, но Ричард ниче-

го не сказал. Он лишь улыбался, когда Кара обнаруживала ямку палкой, а не ногой, как прежде.

Прокладывать новую тропу на склоне горы было делом опасным, такие тропинки нередко заводят в тупик, и тогда приходится возвращаться по своим следам. На менее крутых горных склонах, холмах и в долинах тропы зачастую протаптывали звери. А вот прокладывать новую тропу по каменному обрыву в тысячу футов высотой было делом тяжелым и утомительным. В этом случае, особенно если день близится к концу, нежелание заново повторять тяжелый подъем часто толкает на риск.

Ричард говорил, что очень важно подавлять желание поскорее спуститься и добраться до дома.

— Такое желание ведет к гибели, — часто повторял он. — А если будешь думать, то быстрее окажешься дома.

Кара ткнула палкой в кучу листвы между двух гранитных камней.

— Не наступайте сюда, — бросила она через плечо, прыгая на другой камень. — Тут яма.

— Премного благодарен, Кара, — с преувеличенной любезностью произнес Ричард. Можно подумать, он бы туда наступил!

На склоне, по которому они спускались, было несколько больших выступов, где росли низенькие корявые деревца и кустики. По выступам было удобно идти и было за что держаться.

Ниже склон прорезало глубокое ущелье. На той стороне землю покрывали хвойные деревья и унылые серые скелеты дубов, кленов и берез.

Осенняя листва была прекрасна, пока держалась на ветвях, но теперь усыпавшие землю листочки быстро увядали. Обычно дубы сохраняли листву до начала зимы, а некоторые — даже до весны, но здесь, высоко в горах, ледяной ветер и ранние метели уже сорвали со всех деревьев последние листья.

Кара ступила на край выступа, нависающего над глубоким провалом.

— Вот, — указала она. — Вон там, наверху. Видите?

Ричард, прикрыв глаза козырьком ладони и щурясь против солнца, посмотрел на противоположный склон и издал глухой горловой звук.

— Мерзкое местечко, чтобы умереть.

Кэлен натянула теплый волчий мех на уши, защищаясь от пронизывающего ветра.

— А есть хорошие?

Ричард опустил руку.

— Думаю, нет.

Выше той точки, куда указывала Кара, начинался так называемый кривой лес. А над ним, где деревья расти не могли, торчали голые камни. Еще выше лежал снег, сверкая на солнце. Кривой лес стоял на семи ветрах, и стволы деревьев были изогнуты самым немыслимым образом. Эти кривули служили границей между высокогорьем, где росли одни лишь мхи и лишайники, и густым лесом.

— Не будем терять времени. — Ричард махнул вправо. — Мне бы не хотелось, чтобы нас тут застала тьма.

Кэлен посмотрела туда, где открывался вид на заснеженные пики, долины и бесконечные хвойные леса. Долины укрывал толстый ковер облаков, цеплявшихся за склоны гор и медленно наползавших на лес. Вдалеке виднелись одинокие вершины с шапочками снега. Должно быть, в долинах, ниже облаков, погодка сейчас отвратная.

Ричард с Карой ждали, что скажет Кэлен. Ее нисколько не прельщала перспектива оказаться в кривом лесу, когда туда доберется этот мерзкий ледяной туман.

— Все в порядке. Пошли и покончим с этим. А потом спустимся пониже, отыщем приют-сосну и переночуем в сухости. Я не против посидеть у теплого костерка, потягивая горячий чай.

Кара погрела дыханием замерзшие руки.

— По мне, так звучит совсем неплохо.

В тот день, больше года назад, когда Кэлен впервые встретила Ричарда, он привел ее к приют-сосне. Кэлен и не подозревала о существовании таких деревьев в огромных лесах Вестландии. Приют-сосны по-прежнему казались ей чем-то таинственным, совсем как тогда, когда она увидела первую, возвышавшуюся над всеми окрестными деревьями.

Огромные лапы приют-сосны свисали по кругу до самой земли, образуя своего рода шатер. Хвоя росла в основном на внешних ветках, а внутренние оставались голыми. Под такой зеленой юбкой хорошо скрываться от непогоды. Приют-сосны устойчивы к огню, и, соблюдая некоторую осторожность, там можно развести небольшой костер и сидеть в тепле и сухости, пока снаружи бушует непогода.

Ричард, Кэлен и Кара частенько останавливались под кровом приют-сосны, когда бродили по горам. Эти посиделки под

хвойным шатром сближали их. Они размышляли, беседовали, рассказывали истории — то смешные, то грустные.

Услышав, что Кэлен готова идти, Ричард с Карой двинулись вниз по скале. Кэлен уже оправилась после болезни, но они по-прежнему беспокоились за нее. Сейчас придется сначала одолеть крутой спуск, потом подъем, потом еще один спуск, а потом — если повезет — они найдут пристанище под приют-сосной.

Кэлен выздоравливала долго. Конечно, она понимала, что такие травмы заживают нескоро, но, пока она лежала, мышцы совсем атрофировались. Кроме того, почти все это время она не могла много есть и превратилась почти в скелет. Кэлен стала такой слабой и беспомощной, что впала в глубокую депрессию.

Она даже не представляла себе, какие придется приложить усилия, чтобы снова стать собой. Ричард с Карой старались ее развлечь, но безуспешно. Они просто не понимали, каково ей. Ноги истончились и превратились в обтянутые кожей кости с шишками коленных суставов. Кэлен чувствовала себя не только беспомощной, но и уродливой. Ричард вырезал для нее всяких зверушек: соколов, лисичек, выдр, уток, даже бурундучков. Кэлен не реагировала. В самые тяжелые дни она жалела, что не умерла со своим ребенком.

Жизнь превратилась в бессмысленное существование. День за днем, неделю за неделей Кэлен видела одно и то же: четыре стены своей больничной палаты. Боль изнуряла, однообразие отупляло. Она начала ненавидеть горький отвар тысячелистника, который ее заставляли пить. Когда она стала отказываться от этого отвара, Ричард заменил тысячелистник липой. От головной боли частенько помогала полынь, хотя после нее во рту долго стоял вяжущий привкус. Иногда как обезболивающее ей давали пиретрум. Кэлен уже ненавидела все эти травы и часто говорила, что у нее ничего не болит, лишь бы не пить мерзкое варево.

Ричард не стал прорубать в спальне большое окно, чтобы комната не нагревалась от жаркого летнего солнца, и Кэлен видела лишь клочок неба, верхушки нескольких деревьев да синесерые очертания скалистых гор вдали.

Ричард хотел вынести ее наружу, но Кэлен умоляла не трогать ее, говорила, что так будет еще больнее. Дни шли за днями, ясные и пасмурные, солнечные и дождливые. Время текло. Лежа

в крошечной комнатенке и медленно выздоравливая, Кэлен думала о том, что это лето для нее потеряно.

Как-то раз ей захотелось пить, а Ричард забыл налить чашку и поставить на столик рядом с кроватью. Когда она попросила воды, Ричард вошел с чашкой и бурдюком, поставил все на подоконник, и тут его позвала Кара. Он побежал наружу, на ходу бросив Кэлен, что им с Карой нужно сходить проверить удочки, и они вернутся, как только смогут. Не успела Кэлен попросить его поставить воду ближе, как он уже исчез.

Кэлен лежала, молча кипя от злости, с трудом веря, что Ричард оказался столь невнимателен, и беспомощно смотрела на деревянную чашку на подоконнике.

Готовая расплакаться, она застонала от жалости к себе, стукнув кулаком по кровати, а потом отвернула голову от окна, закрыла глаза и решила вздремнуть, чтобы не думать о мучившей ее жажде. Когда она проснется, Ричард с Карой уже вернутся и подадут ей воды. А Ричард получит выволочку.

По шее стекал пот. За окном пела птичка. Ее повторяющийся клич напоминал голосок маленькой девочки, кричащей «приди». Это «приди» затянулось надолго. Кэлен думала только о воде.

Она не могла заставить себя заснуть. Надоедливая пичуга продолжала настырно кого-то звать. Не раз Кэлен ловила себя на том, что шепотом отвечает «иду-иду». Она вслух обругала Ричарда. Закрыв глаза, Кэлен попыталась забыть о мучившей ее жажде, о птице и уснуть. Но глаза настойчиво раскрывались.

Кэлен приподняла на груди ночную рубашку, чтобы немного охладиться, и поймала себя на том, что глаз не сводит с воды на подоконнике. Чашка стояла вне досягаемости, в другом конце комнаты. Комната была не очень большой, но ходить-то Кэлен не могла, и Ричард отлично это знал. Она подумала, что, если сядет и переползет в изножье кровати, то сможет дотянуться до чашки.

Сердито фыркнув, Кэлен отбросила покрывало с костлявых ног. Она терпеть не могла на них смотреть. Ну почему Ричард так невнимателен? Что с ним случилось? Кэлен твердо вознамерилась высказать ему все, что она о нем думает, когда он вернется.

Она свесила ноги с кровати. Матрас был упругий, набитый сеном, пером и пухом. Очень удобный. Она с усилием села и долго сидела на краю постели, держась за голову и переводя дух. Все тело сводило от боли.

В первый раз за все время она села самостоятельно.

Она уже поняла, что затеял Ричард, но все равно ей очень не нравился способ, каким он заставил ее встать. Это жестоко. Она не готова. У нее еще все болит. Чтобы поправиться, ей нужно лежать. Открытые раны затянулись, но она еще слишком слаба, чтобы вставать.

Громко стеная и охая, Кэлен добралась до конца кровати. Усевшись там и держась рукой за изножье, она попыталась дотянуться до чашки. Слишком далеко. Придется все же вставать.

Она немного посидела, мысленно ругая своего дражайшего супруга на чем свет стоит.

После одного такого случая, много недель назад, когда она долго звала Ричарда, а он не слышал, Ричард положил возле кровати легкую палку, чтобы Кэлен могла постучать в стенку или в дверь. Теперь Кэлен взяла эту палку и поставила вертикально. Опираясь как на костыль, она медленно сползла с кровати. Ноги коснулись холодного земляного пола. Перенеся тяжесть на ноги, Кэлен охнула от боли.

Теперь она полустояла, полулежала на кровати и уже собиралась завопить, когда вдруг поняла, что охает не от боли, а от ожидания боли. Нет, боль, конечно, была, но вполне терпимая. Кэлен даже несколько растерялась от неожиданности.

Она покрепче оперлась на ноги и начала с помощью палки подниматься. Наконец она встала на трясущихся ногах. Она действительно стоит и встала совершенно самостоятельно!

Кэлен никак не могла заставить себя передвигать ноги, но если она хочет добраться до воды, ей придется это сделать. По крайней мере пока не доберется до подоконника. А потом можно спокойно падать на пол, где Ричард ее и обнаружит. Она мысленно представила себе эту сцену и посмаковала ее. Вот тогда-то его план вытащить ее из постели не покажется ему столь уж блестящим.

С помощью палки-костыля Кэлен медленно заковыляла к окну. Она сказала себе, что если свалится, то будет лежать на холодном полу без всякой воды, пока Ричард не обнаружит ее стонущей, с потрескавшимися губами, умирающей от жажды. Он будет чувствовать себя виноватым всю оставшуюся жизнь! Уж она об этом позаботится!

Чуть ли не желая упасть с каждым мучительным шагом, Кэлен доковыляла до окна. Она облокотилась о подоконник и закрыла глаза, прерывисто, тяжело дыша, чтобы не потрево-

жить ребра. Отдышавшись, Кэлен схватила чашку и залпом осушила ее.

Шмякнув чашку обратно на подоконник, Кэлен выглянула наружу.

Прямо за окном на земле сидел Ричард, обхватив руками колени.

— Привет! — улыбнулся он.

Сидевшая рядом с ним Кара смотрела совершенно равнодушно.

— Как вижу, ты встала.

Кэлен хотела устроить скандал, но внезапно обнаружила, что с трудом сдерживает смех. В этот момент она почувствовала себя последней дурой из-за того, что до сих пор не пыталась самостоятельно встать.

Она смотрела на деревья, на величественные горы, огромное небо, по которому плыли белые барашки облаков, и по ее щекам струились слезы. Громады гор, их гигантские склоны самых разных цветов и оттенков представляли собой зрелище, равного которому Кэлен еще не видела. Да как она могла киснуть, не желая вставать?

— Ты, конечно, понимаешь, что совершила большую ошибку? — сказал Ричард.

— То есть? — спросила Кэлен.

— Ну, если бы ты сейчас не встала, мы бы еще позволили тебе полежать. Некоторое время. Но поскольку ты продемонстрировала нам, что вполне в состоянии самостоятельно вставать и передвигаться, мы и дальше продолжим в том же духе. Будем класть вещи вне пределов досягаемости, чтобы ты была вынуждена двигаться и таким образом помогала сама себе.

Хотя Кэлен была ему очень признательна, она вовсе не желала сообщать Ричарду, что он прав, но любила его еще больше: ведь он рискнул вызвать ее гнев, чтобы помочь ей.

— Покажем ей теперь, где она может найти стол? — обратилась к Ричарду Кара.

— Если она проголодается, — пожал плечами Ричард, — ей придется выйти из спальни и самой поискать стол.

Кэлен запустила в него чашкой. Ричард легко поймал снаряд.

— Рад, что руки у тебя тоже работают, — ухмыльнулся он. — Сможешь сама резать себе хлеб.

Когда она начала возражать, он добавил:

— Это будет честно. Кара печет хлеб. Значит, тебе его резать.

Кэлен ошеломленно переспросила:

— Кара печет хлеб?

— Лорд Рал меня научил, — ответила Кара. — Мне хотелось хлеба к жаркому, настоящего хлеба. А он сказал, что раз мне хочется хлеба, значит, придется научиться его печь. Это оказалось действительно легко. Примерно как добраться до окна. Но я в отличие от некоторых не стала ничем в него швыряться.

Кэлен невольно улыбнулась, отлично зная, что Каре месить тесто было куда труднее. И почему-то она сильно сомневалась, что Кара повела себя вполне прилично. Кэлен с удовольствием посмотрела бы, как они мерялись силой воли.

— Верните-ка мне мою чашку. А потом отправляйтесь и наловите рыбы. Я есть хочу. Желаю форель. Большую форель! С хлебом!

— Это можно, — улыбнулся Ричард. — Если ты найдешь стол.

Кэлен нашла стол. И больше никогда не ела в постели.

Сначала боль при ходьбе была невыносимой, и Кэлен спешила вернуться в постель. Тогда приходила Кара и расчесывала ей волосы, просто чтобы Кэлен не оставалась одна. Мышцы совсем одрябли, и Кэлен едва могла передвигаться. Расчесать волосы самой было колоссальным трудом. Путешествие до стола превращалось в целое приключение, и первое время Кэлен хватало только на это. Ричард с Карой относились к ней сочувственно и все время подбадривали ее. Но и понукали тоже.

Кэлен так была рада выбраться из кровати, что это помогало терпеть боль. Мир снова сделался чудесным. А уж как она была счастлива расстаться наконец с ночным горшком! Кэлен была уверена, что Кара тоже этому рада, хотя морд-сит никогда ничего такого не говорила.

Как бы ей ни нравился домик, выбраться из него было все равно что освободиться из темницы. Прежде Ричард частенько предлагал вынести ее наружу, но Кэлен отказывалась, опасаясь боли. Она поняла, что из-за тяжелой болезни ум ее начал притупляться. Теперь наконец разум снова стал ясным.

Кэлен обнаружила, что вид из окна был лишь маленькой частью окружающего пейзажа. Построенный у подножия гор маленький домик окружали высоченные пики со снежными вершинами. Этот домик выстроили Ричард с Карой. Там были две спальни — одна для Кэлен с Ричардом, другая для Кары — и об-

щая комната между ними. Дом стоял на краю зеленого луга, усыпанного цветами. Хотя они приехали сюда довольно поздно, Ричард ухитрился разбить небольшой огород с солнечной стороны, прямо под окном Кары. Там росли зелень и специи. Прямо за домом возвышались огромные сосны, закрывая их от ветра.

Ричард, сидя у постели Кэлен, резал по дереву, рассказывая всякие истории. Когда Кэлен начала ходить, Ричард вместо животных стал вырезать человеческие фигурки.

А потом удивил ее, сделав свое лучшее творение — чтобы отпраздновать, как он сказал, ее возвращение в мир. Изумленная потрясающим реализмом и мощью небольшой статуэтки, Кэлен прошептала, что его рукой наверняка управлял волшебный дар. Ричард счел это глупостью.

— Люди, не имеющие волшебного дара, все время создают прекрасные статуи, — сказал он. — И магия тут ни при чем.

Однако Кэлен знала, что некоторые скульпторы обладали магическим даром и своим произведениями творили волшебство.

Ричард иногда с легкой завистью говорил о произведениях искусства, которые стояли во Дворце Пророков, в Д'Харе, где он когда-то был пленником. Выросший в Хартленде, он никогда прежде не видел мраморных статуй. Эти скульптуры некоторым образом открыли Ричарду глаза на мир и произвели на него неизгладимое впечатление. Ну кто еще, кроме Ричарда, мог с такой любовью вспоминать красоту, которую он видел в месте, где его держали пленником и все время мучили?

Верно, что искусство может существовать независимо от магии, но Ричарда захватили в плен посредством заклинания, сотворенного с помощью искусства. Искусство — универсальный язык, а следовательно, бесценное орудие магии.

Но Ричард не верил, что его руку ведет магический дар. Однако Кэлен чувствовала, что, не имея другого выхода, его дар должен проявляться таким образом. Магия всегда находит способ просочиться наружу, и вырезанные Ричардом фигурки людей казались ей, безусловно, волшебными.

Но женская фигурка, которую Ричард сделал для Кэлен, вызывала у нее целую бурю эмоций. Он назвал эту статуэтку, вырезанную из теплого, приятно пахнущего ореха, «Сильная духом». Женственность ее тела, изящные выпуклости и изгибы, кости и мышцы явственно просматривались сквозь развевающееся платье. Она казалась живой.

Кэлен даже представить не могла, как Ричарду удалось осуществить подобное. «Сильная духом» стояла, гордо подняв голову, в развевающемся платье, прижав к бокам стиснутые кулаки, с гордо выпрямленной спиной. Она словно бросала вызов невидимой силе, старающейся подчинить ее. Она была воплощением сильной независимой души.

Статуэтка явно не задумывалась похожей на Кэлен, и все же она вызывала внутренний отклик, ощущение чего-то очень знакомого. Что-то в этой женщине, какие-то ее качества заставляли Кэлен желать снова стать здоровой, живой, сильной и независимой.

Если это не магия — то что?

Кэлен почти всю жизнь провела в роскошных дворцах, где было полным-полно великих творений прославленных мастеров, но ни одно из них не захватывало дух своим внутренним содержанием, внутренней силой и благородством так, как эта фигурка — гордая, полная жизни женщина в развевающемся платье. Сила ее воздействия была такова, что у Кэлен горло перехватило, и она лишь крепко обняла Ричарда, не в силах выразить чувства словами.

Глава 19

Теперь Кэлен выходила из дома при малейшей возможности. Она поставила «Сильную духом» на подоконник и повернула статуэтку так, чтобы та смотрела наружу. Почему-то Кэлен была уверена, что эта женщина всегда должна смотреть в широкий мир.

Лес вокруг домика был таинственным и притягательным, тропинки звали в тенистую даль. Кэлен очень хотелось исследовать эти звериные тропы, расширенные Ричардом с Карой во время вылазок за ягодами и орехами и на рыбалку. Кэлен, опираясь на клюку, бродила вокруг дома и по лугу — тренировала ноги. Ей хотелось пройтись с Ричардом по этим тропкам, выйти на открытую часть выступа, прогуляться под огромными дубами.

Одним из первых мест, куда Ричард отвел Кэлен, когда она заверила его, что вполне в состоянии совершать короткие прогулки, был просвет в конце одной тропинки. Там струился ручей, укрытый с двух сторон горными склонами, поросшими могучими деревьями. Поток бурлил и пенился, стекая по каменистому руслу, мириады брызг взметались в воздух. Огромные камни в тенистых заводях поросли мягким зеленым мхом, усыпанным хвоей. В воде играли солнечные лучи.

В низу ущелья, возле подножия горы, ручей замедлял бег и расширялся, вытекая

в плодородную долину, окруженную горной грядой. Иногда Кэлен садилась на берег и свешивала ноги в прохладную воду. Она могла часами сидеть на теплой травке, впитывая солнечные лучи и наблюдая за рыбками, играющими в кристально-чистой воде. Ричард был прав, когда говорил, что форель любит красивые места.

Кэлен нравилось смотреть на рыбок, лягушек, рачков и даже на саламандр. Распластавшись на животе и подперев рукой подбородок, она часами наблюдала за снующими в воде рыбками, форелью, выплывающей из-под камней или темных глубин заводей, чтобы схватить какую-нибудь мошку или жучка на поверхности воды. Кэлен ловила сверчков, кузнечиков, прочих насекомых и кормила рыбок. Ричард смеялся, слушая, как она разговаривает с рыбками, упрашивает их вылезти из темных дыр, где они прячутся, и отведать вкусного жучка. Иногда появлялась грациозная серая щука и устраивала охоту на рыб и лягушек.

Кэлен не могла припомнить, была ли она хоть раз в жизни в таком дивном месте. Ричард посмеивался над ней, говоря, что она еще вообще ничего не видела, возбуждая в ней любопытство и желание как можно скорее набраться сил, чтобы исследовать новые красоты. Кэлен ощущала себя маленькой девочкой в волшебной стране, где никого, кроме них, нет. Рожденная Исповедницей, Кэлен в детстве практически не имела возможности наблюдать за животными, смотреть на водопады и облака, любоваться закатами. Она повидала много чудесного, но все это было в городах, и никогда еще она не жила спокойно на природе, наслаждаясь окружающей красотой.

Но подспудно ее не оставляли тревожные мысли. Кэлен знала, что они с Ричардом нужны в другом месте. У них есть обязательства. Однако стоило ей затронуть эту тему, как Ричард тут же небрежно отмахивался. Он объяснил причины своего поведения и был твердо уверен в своей правоте.

К ним уже довольно давно не приезжали гонцы. Это тоже тревожило Кэлен, но Ричард сказал, что не может позволить себе влиять на действия армии, а потому неплохо, что генерал Райбих перестал присылать доклады. К тому же это лишь подвергало гонцов напрасному риску.

Кэлен понимала, что сейчас ей в первую очередь необходимо выздороветь, и жизнь в горах делала ее сильнее день ото дня. Как только они вернутся на войну — как только она убедит Ри-

чарда, что они должны вернуться, — нынешнее мирное существование станет драгоценным воспоминанием.

Однажды, когда лил дождь и Кэлен маялась с тоски, не имея возможности сходить к ручью, Ричард сделал нечто совершенно невероятное. Он начал приносить ей рыбок в банках. Живых рыбок. Чтобы просто на них смотреть.

Отмыв как следует банку из-под масла для ламп и несколько стеклянных банок с широким горлышком, где прежде хранились всякие соленья, травы и мази, он насыпал на дно немного песка и набрал воды из ручья. Потом поймал несколько мелких пескариков и запустил в импровизированные аквариумы. У рыбок были золотистые спинки в черную крапинку, белые брюшки и большие черные плавники. Ричард даже набрал немного ряски, чтобы рыбкам было где прятаться.

Кэлен изумилась, когда Ричард принес первую банку с живыми рыбками. Она поставила банки — в конце концов их набралось пять штук — на подоконник в центральной комнате, рядом с несколькими небольшими резными фигурками. Сидя за маленьким деревянным столом, Кэлен с Ричардом и Карой во время еды могли наблюдать за этим чудом.

— Только не давай им имен, — посоветовал Ричард, — потому что они все равно через некоторое время сдохнут.

То, что Кэлен поначалу сочла нелепой затеей, вскоре совершенно захватило ее. Даже Кара, называвшая рыбок в банке не иначе как бредом, постепенно прониклась к ним. Казалось, каждый день, проведенный с Ричардом в горах, приносил новое чудо, отвлекавшее от боли и тяжких забот.

Когда рыбки привыкли к людям, они принялись жить своей обычной жизнью, будто существование в банке для них вполне естественное. Ричард периодически менял воду, доливая свежей из ручья. Кэлен с Карой кормили рыбок крошками хлеба и насекомыми. Рыбки охотно ели, постоянно что-то выискивали в песке или просто плавали, разглядывая окружающий мир. Довольно быстро они запомнили время обеда, и когда кто-то подходил, радостной стайкой кружились возле стекла.

В центральной комнате был камин, Ричард выложил его из кирпичей, вылепленных из береговой глины, высушенных на солнце и закаленных на огне. Там же стоял сбитый им стол и плетеные стулья. Сиденья и спинки Ричард обил гладкой берестой.

Деревянная дверь в углу комнаты вела в погреб. На стенке висели деревянные полки, рядом стояла большая тумба с при-

пасами: по пути сюда они закупили огромное количество припасов.

У Кары была своя комната напротив их спальни. Как-то раз, забредя туда, Кэлен с изумлением обнаружила коллекцию камней. Кара, услышав слово «коллекция», зафырчала и принялась доказывать, что никакая это не коллекция, а оборонительное оружие на случай, если на них нападут и они окажутся внутри дома в ловушке. Кэлен сочла камни подозрительно красивыми. Кара же продолжала настаивать, что эти камни — смертельное оружие.

Когда Кэлен лежала, прикованная к постели, Ричард спал на тюфяке в центральной комнате, а иногда и снаружи, под открытым небом. В самом начале, когда боль была еще очень сильна, Кэлен часто просыпалась и обнаруживала его спящим сидя на полу возле кровати, готовым в любой момент вскочить, если ей что-то понадобится. Ричард не хотел спать с ней в одной кровати, опасаясь причинить ей боль. Кэлен была почти готова потерпеть, лишь бы ощутить рядом тепло его тела. Однако, когда она начала ходить, Ричард наконец перебрался спать к ней. В ту первую ночь, лежа у него под боком, Кэлен положила его большую ладонь себе на живот и лежала, глядя на освещенный луной силуэт «Сильной духом», слушая крики ночных птиц, стрекот насекомых и волчий вой, пока глаза не закрылись и она не погрузилась в мирный сон.

А на следующий день Ричард впервые убил ее.

Они были у ручья, проверяя удочки. Ричард срезал две прямые ивовые ветки. Бросив одну на землю возле Кэлен, он заявил, что это — ее меч.

Он, казалось, пребывал в игривом настроении и велел ей защищаться. Кэлен приняла вызов, попытавшись неожиданно кольнуть его — просто чтобы поставить на место. Но Ричард уколол ее первым и заявил, что она труп. Кэлен снова напала на него, на сей раз более решительно, и он быстренько убил ее, отрубив голову. Нападая в третий раз, Кэлен уже начала злиться. Она вложила в атаку все свои силы, но Ричард легко нейтрализовал ее нападение и тут же прижал кончик импровизированного меча к ее груди. И в третий раз провозгласил, что она труп. Три раза из трех.

В дальнейшем это превратилось в игру, в которой Кэлен очень хотелось победить. Ричард ни разу не позволил ей этого, он постоянно унижал ее перед Карой. Кэлен понимала, что Ри-

чард делает это ради нее, чтобы она тренировала тело и забыла о боли, чтобы поскорее окрепла. А Кэлен просто хотелось победить его.

Оба они постоянно носили за поясом ивовую ветку, чтобы в любой момент открыть боевые действия. Каждый день велись «сражения». Сначала Кэлен не была для Ричарда серьезным противником, и он ясно давал ей это понять — что, естественно, лишь укрепляло ее решимость. Ричард всячески поощрял ее, но ни разу не сыграл в поддавки. Постепенно Кэлен набиралась сил, и скоро Ричарду уже было не так просто убить ее.

Кэлен научил обращаться с мечом отец, король Вайборн. Во всяком случае, он был королем, пока мать Кэлен не выбрала его в супруги. Для Исповедницы королевский титул ничего не значил. У короля Галеи Вайборна и королевы, его первой супруги, было двое детей, так что у Кэлен имелись единокровные брат и сестра.

Кэлен очень хотелось продемонстрировать, чему научил ее отец, но она пока не могла — и это здорово выводило ее из себя.

Но все же что-то в этих тренировках ее беспокоило: Ричард фехтовал в том стиле, которого Кэлен не знала. Она не могла ни уловить, ни определить разницу, но чувствовала ее и не знала, как этому противостоять.

В начале большая часть сражений происходила на лугу рядом с домом. Кара была постоянным зрителем. С течением времени бои становились все более затяжными, свирепыми, яростными и утомительными.

Пару раз Кэлен так огорчалась безжалостностью Ричарда, что потом часами не разговаривала с ним, чтобы не сказать лишнего.

В этих случаях Ричард обычно говорил:

— Прибереги свой гнев для врагов. Здесь тебе от этого никакого проку, а в бою гнев помогает преодолеть страх. Сейчас лучше используй время для того, чтобы научить меч, что делать, тогда потом он сделает все, не задумываясь.

Кэлен отлично знала, что враги добрыми не бывают. Если Ричард поддастся порыву и потешит ее гордость, он только навредит ей. Какими бы тяжелыми ни были уроки фехтования, невозможно было долго злиться на Ричарда. К тому же Кэлен прекрасно понимала, что злится-то она в действительности на себя.

Кэлен всю жизнь провела среди оружия. Почти все из ее окружения прекрасно умели с этим оружием обращаться. И были

люди, которые учили ее обращаться с мечом. Но никто, даже отец, не фехтовал так, как Ричард. В исполнении Ричарда битва казалась искусством. Он превращал пляску со смертью в дивное зрелище. Однако было в этом еще что-то, чего Кэлен никак не могла ухватить.

Ричард как-то давно сказал ей, что магия тоже может быть разновидностью искусства. Тогда Кэлен ответила, что это чушь. А теперь уже не была так в этом уверена. Из обрывков услышанных ею рассказов Кэлен поняла, что примерно такого рода магию Ричард использовал при изгнании шимов. Он придумал нечто, чего не только никогда не существовало, но и вообразить никто не мог.

Как-то раз во время очередного боя Кэлен уже была твердо уверена, что сейчас его достанет и убьет на месте, но Ричард легко отразил удар и тут же снова убил ее. При этом то, что казалось невозможным, в его исполнении выглядело абсолютно естественным.

В этот миг ей стало понятно все. Она просто оценивала его манеру боя с неверных позиций.

Не в том дело, что Ричард отлично владел мечом, нет, просто он сливался в единое целое с клинком. Клинком любой формы: мечом, кинжалом, резцом или ивовым прутиком. Он был не просто мастером, но — хозяином клинка.

Фехтование — всего лишь способ применения клинка. Меч он использовал для уничтожения, но, поскольку магия всегда стремится к равновесию, он вырезал другим клинком из дерева статуэтки. Кэлен воспринимала его способности по отдельности, Ричард же видел единое целое.

Все в нем — то, как он стреляет из лука, вырезает фигурки, бьется мечом, даже как ходит, плавно и грациозно — было единым целым, а не различными отдельными способностями. Все они — суть одно и то же.

Ричард замер:

— В чем дело? Ты вся бледная.

Кэлен стояла, опустив прут.

— Ты пляшешь со смертью. Вот что ты делаешь со своим мечом.

Ричард заморгал, будто она только что заметила, что дождик мокрый.

— Ну конечно! — Он коснулся висящего на груди амулета, в центре которого в переплетении серебряных и золотых нитей

сверкал каплевидный рубин размером с ноготь ее большого пальца. — Я давно тебе об этом сказал. И ты поверила мне только сейчас?

Она по-прежнему изумленно смотрела на него.

— Ну, похоже, что да.

Кэлен прекрасно помнила те слова, что он произнес, когда она впервые увидела у него этот амулет.

«Рубин символизирует каплю крови. Это символическое изображение основного приказа.

Он означает лишь одно и одновременно все: рази. Если вынужден биться, рази. Все остальное вторично. Рази. Это твой долг, твое предназначение, твое стремление. Нет закона важнее, нет предназначения выше. Рази.

Нити — изображение танца. Рази на уничтожение, а не на испуг. Рази врага быстро и окончательно. Рази наверняка. Рази твердо и решительно. Рази его силу. Проскальзывай в бреши его обороны. Рази его. Рази до конца. Не давай ему продохнуть. Сокруши его. Беспощадно рази до самой глубины его души.

Жизнь — противовес смерти. Это пляска со смертью.

Таков закон, по которому живет боевой чародей, иначе он умрет».

Танец — это искусство. И резьба по дереву — искусство. И то, и другое — искусство, сотворенное с помощью клинка. Для Ричарда это одно и то же. Он не видел разницы — для него ее не существовало.

Луг они делили с рыжей лисой, охотившейся на грызунов, но не возражавшей иногда закусить и сочными мясистыми жуками. Лошади не обращали на лису внимания, зато не слишком радовались забредавшим порой койотам. Кэлен редко видела койотов, но знала, что они где-то рядом, когда лошади начинали храпеть, выражая неудовольствие. По ночам откуда-то с горных склонов до нее долетал лай койотов. Обычно они испускали протяжный вой, за которым следовала череда взлаиваний. Иногда по ночам пели волки. Их долгий протяжный вой эхом разносился по горам. Как-то раз Кэлен увидела черного медведя, бредущего куда-то по своим делам. Косолапый едва глянул на людей и потопал дальше. А однажды вблизи дома промелькнула рысь, и лошади в ужасе разбежались. Ричард тогда чуть ли не весь день потратил на их розыски.

У дверей побирушничали бурундуки, регулярно забредая в гости, — видимо, хотели изучить обстановку внутри дома. Кэлен не раз ловила себя на том, что разговаривает с бурундуками, даже задает вопросы, будто они в состоянии ее понять. Зверушки замирали и вертели головками, и можно было подумать, что они действительно понимают каждое слово. Ранним утром на луг приходило небольшое стадо оленей, иногда оставляя возле дверей свежие следы своего пребывания. Потом у самцов начался гон, и огромные олени с ветвистыми рогами принялись выяснять отношения. Тулуп Кэлен был сделан из шкуры волка, которого разъяренный олень размазал по дубу. Ричард избавил несчастное животное от долгой агонии.

Кэлен и Ричард не только сражались на мечах. Они часто ходили по горам, чтобы Кэлен тренировала мышцы. От этих прогулок ноги у нее гудели так, что она спать не могла. Тогда Ричард растирал ей ноги, массируя окаменевшие мышцы. Обычно это помогало, и Кэлен засыпала.

Кэлен прекрасно помнила ту дождливую ночь, когда они вернулись домой мокрые и продрогшие. Она тогда легла в постель и закрыла глаза, а Ричард начал растирать ей ноги. Он прошептал, что ее ноги стали почти такими же сильными и стройными, как прежде. Открыв глаза, Кэлен прочла желание у него во взгляде. Это было настолько неожиданным, что у нее от счастья навернулись слезы. Она вновь почувствовала себя женщиной. Желанной женщиной.

Ричард поднял ее ногу и нежно поцеловал ступню. Когда его теплые нежные губы добрались до бедра, она уже тяжело дышала от накатившего желания. Ричард расстегнул ей рубашку и начал втирать масло в живот. Большие ладони поползли вверх и погладили груди. Дыша ртом, он катал в пальцах ее соски, пока те не превратились в твердые бусины.

— Так-так, лорд Рал, — выдохнула Кэлен, — у меня стойкое ощущение, что вы несколько увлеклись.

Он замер, будто только что сообразил, что делает, и поспешно убрал руки.

— Я не рассыплюсь, Ричард. — Она перехватила его руку и вернула обратно. — Я в полном порядке. И хочу, чтобы ты продолжил.

Когда он принялся целовать ей груди, плечи, шею, она вцепилась в его волосы. Его горячее дыхание обжигало. Опытные пальцы заставляли содрогаться от желания. Ощущение его тела,

прижимающегося к ней, возбуждало все сильнее и сильнее. Кэлен больше не чувствовала усталости. Наконец он нежно поцеловал ее в губы. Жадно ответив на поцелуй, она дала понять, что вовсе нет необходимости быть таким нежным.

Дождь мягко барабанил по крыше. Молнии освещали статуэтку на окне, в горах грохотал гром. Кэлен, не думая ни о чем, ничего не боясь, крепко прижимала Ричарда к себе, пока они предавались неистовой страсти. Никогда они так не нуждались друг в друге, как в ту ночь. Все ее страхи и тревоги растворились в волне желания. Кэлен плакала от наслаждения.

Когда много позже они с Ричардом лежали, крепко обнявшись, Кэлен почувствовала, как по его щеке скатилась слеза. Она спросила, что с ним. Покачав головой, он сдержанно ответил, что так долго боялся потерять ее, что чуть не сошел с ума. Похоже, теперь Ричард наконец избавился от снедавшего его все эти месяцы ужаса. Боль, которую Кэлен впервые увидела в его глазах, когда не могла вспомнить его имя, исчезла.

Они бродили по горам. Иногда брали заплечные мешки и проводили ночь в лесу, часто под кровом приют-сосны. Перед ними простиралась бесконечная череда пейзажей. В одних местах их окружали голые каменные скалы, в других они стояли на краю обрыва и любовались закатом. Небо сначала становилось оранжевым, потом лиловым, а потом — когда солнце уходило за горы — черным. Над долиной внизу плыли ленивые облака. Ричард с Кэлен видели огромные водопады, в которых мерцали радуги. В горах попадались чистые, прогретые солнцем озера, где они купались. Они ели, сидя на вершинах, возвышающихся над ущельями, которых никто, кроме них, еще не видел. Бродили звериными тропами по огромным массивам искривленных деревьев, по темным лесам, где стволы напоминали гигантские бурые колонны, такие толстые, что двадцать человек, взявшись за руки, не смогли бы обхватить их.

Ричард заставлял Кэлен упражняться с луком, чтобы укреплять мышцы рук. Они охотились на мелкую дичь, которую потом жарили или варили. Кое-что вялили, в том числе — и рыбу. Ричард, как правило, мяса не ел, но иногда позволял себе кусочек-другой. Вегетарианство было следствием его дара, в противовес убийствам, которые он вынужден был совершать. Сейчас необходимость в балансе несколько уменьшилась, ведь он никого не убивал, вел мирную жизнь. Возможно, теперь роль

противовеса выполняла резьба по дереву. С каждым днем Ричард мог есть все больше мяса. В походах, помимо наловленной дичи, они обычно ели рис, бобы, лепешки и ягоды, что собирали по дороге.

Кэлен помогала чистить рыбу, солить ее и копить на зиму. Раньше она никогда этим не занималась. Они собирали ягоды, орехи, дикие яблоки и складывали в погреб к корнеплодам, которые Ричард купил по дороге в горы. Ричард выкапывал все попадавшиеся по пути маленькие яблоньки и сажал их возле дома, чтобы, как он говорил, в один прекрасный день у них были свои яблоки.

Кэлен размышляла, сколько же он намерен продержать их здесь, вдали от тех мест, где они нужны. Этот вопрос, хоть и не высказанный, постоянно висел в воздухе. Кара никогда не говорила об этом с Ричардом, но иногда отпускала кое-какие намеки, когда они с Кэлен оставались наедине. Кара — личный телохранитель магистра Рала — была рада находиться рядом с ним, так что особо не беспокоилась. В конце концов, магистр Рал здесь в безопасности.

Кэлен всегда ощущала бремя возложенных на них с Ричардом обязанностей. И как ни нравился ей выстроенный Ричардом домик на краю луга, как ни любила она исследовать прекрасные скалистые, переменчивые горы — с каждым днем Кэлен все больше чувствовала это бремя ответственности и все сильнее хотела быть там, где они нужны. Она беспокоилась, что происходит в Срединных Землях, пока они тут прохлаждаются. Имперский Орден не будет стоять на месте. Армия такого размера предпочитает движение. Во время долгих стоянок солдаты начинают маяться от безделья, и рано или поздно возникают всякие сложности. Она беспокоилась о людях, которые нуждаются в присутствии Ричарда, в его руководстве. И не только в его. Многие всю жизнь прожили с сознанием, что Мать-Исповедница позаботится о них, защитит, поможет.

В преддверии зимы Ричард сшил для Кэлен волчий тулуп. Еще у нее было две шкурки койотов. Одного Ричард нашел со сломанной лапой и положил конец его мучениям, а второй был одиночкой, преследуемым местной стаей. Он повадился воровать еду из коптильни. Ричард уложил воришку одной стрелой.

Большую часть шкур они сняли с раненых или старых волков. Ричард вместе с Карой и Кэлен часто ходили по волчьему следу, чтобы тренировать ноги. Кэлен в конце концов научилась

читать след и даже с первого взгляда отличала на мягкой глине следы задних лап от передних. Ричард показал ей, что на передних лапах пальцы расходятся чуть больше, а задние более плотные. В горах он нашел несколько волчьих стай, и они втроем нередко следовали за стаей или семейством чтобы проверить, смогут ли сделать это незаметно. Ричард сказал, что так любят играть лесные проводники, чтобы не потерять навыки и поддерживать остроту восприятия.

Когда тулуп Кэлен был готов, они стали набирать шкуры для Кары. Каре, одетой в облачение морд-сит, понравилась мысль, что лорд Рал сошьет ей тулуп. Такой же, как сшил для Кэлен. Кэлен чувствовала, что Кара видит в этом проявление уважения к ней, доказательство, что она не просто телохранитель.

Этот поход они предприняли за очередной шкурой для Кары, и морд-сит относилась к происходящему крайне серьезно. Она даже готовила для них еду.

Теперь, спускаясь с горы, на которой ей наконец удалось победить Ричарда, Кэлен пребывала в отличном расположении духа. Последние два дня они шли по волчьему следу по горам, на запад от дома. Но для Ричарда этот поход был важен в первую очередь из-за Кэлен.

Последние два месяца он чуть ли не каждый день вынуждал ее ходить по самым трудным маршрутам, чтобы заставить работать все мышцы ее тела. Чем лучше чувствовала себя Кэлен, тем длиннее становились маршруты. Вначале они ограничивались окрестностями, теперь же она шагала по горам. Кроме того, он частенько нападал на нее с ивовым прутиком и выставлял на посмешище, если она сражалась не в полную силу.

В какой-то степени одержанная ею только что победа озадачивала. Возможно, Ричард устал, неся самый тяжелый мешок и в одиночку проверяя некоторые опасные тропы, но отнюдь не валился с ног, а Кэлен его все-таки победила. Она ничего не могла с собой поделать и была этому очень рада, хотя и пребывала в некотором недоумении. Краем глаза она замечала, что Ричард улыбается, глядя на нее. Кэлен знала: Ричард гордится тем, что она его обставила. В каком-то смысле это поражение было его победой.

Кэлен вдруг подумала, что после таких тренировок она сейчас стала сильнее, чем прежде. Это было непросто, но оно того стоило — хотя бы затем, чтобы чувствовать себя похожей на статуэтку на подоконнике.

Кэлен положила Ричарду руку на плечо. Они как раз следовали за Карой по изломанным гранитным плитам, чисто случайно расположенным как большие ступени.

— Ричард, как мне удалось победить тебя?

По выражению глаз он понял, что она спрашивает серьезно.

— Ты убила меня, потому что я допустил ошибку.

— Ошибку? То есть стал слишком самоуверен? Может, ты просто устал и думал о чем-то другом?

— Это ведь на самом деле не важно, верно? Как бы там ни было, ошибка стоила мне в этой игре жизни. В настоящем бою я бы погиб. Ты дала мне ценный урок, показала, что я должен укрепить свою решимость всегда выкладываться целиком. А еще — очень вовремя напомнила, что я могу в любой момент допустить ошибку и проиграть.

Кэлен невольно подумала: не совершает ли он ошибку, оставаясь сейчас в стороне от борьбы. Она не могла избавиться от стремления помочь своему народу. Как Мать-Исповедница Кэлен отлично знала, что даже если люди не всегда понимают все решения и действия своего вождя, это еще не повод бросать их.

Надвигалась зима. Кэлен надеялась, что Имперский Орден предпочтет отсидеться в Андерите. Она должна была убедить Ричарда вернуться в Срединные Земли, но не представляла, как это сделать. Ричард твердо держался своего решения, и Кэлен не могла найти ни малейшей бреши в его логике. Эмоции тут не помогут.

Кара вела их вниз по крутому склону, лишь дважды возвращаясь по своим следам. Спуск оказался трудным, Кара была довольна собой, довольна, что Ричард позволил ей прокладывать маршрут. Ведь они шли, чтобы раздобыть волчью шкуру для нее, Кары. Теперь Кара вела их по дну ущелья и дальше — вверх по склону, туда, где деревья цеплялись корнями за камни.

В ущелье дул пронизывающий ветер. Облака сгущались, закрывая солнце. Кэлен, Ричард и Кара поднялись в густой темный хвойный лес. Высоко над головой верхушки деревьев сгибались под ветром, но внизу было тихо. Звук шагов заглушал толстый ковер бурой хвои.

Подъем был крутым, но не отвесным. Выше расстояние между огромными соснами увеличивалось. Кроны стали уже не такими густыми и пропускали чуть больше света. На скалах вверху не росло ничего, даже мох. Местами, чтобы подняться, при-

ходилось хвататься за выступы камней или корни. Кэлен глубоко вдохнула холодный воздух. Как приятно размять мышцы!

Они вышли из леса — туда, где завывал ветер под серым предвечерним небом. Теперь они были в кривом лесу.

Мох, покрывавший камни ниже по склону, здесь не рос, зато виднелся желто-зеленый лишайник. Редкие низенькие кустики торчали тут и там в щелях между камнями. Но самыми странными были деревья, которые, собственно, и дали название этому мрачноватому месту. Из-за того, что ветер почти всегда дул здесь в одну сторону, ветви тоже росли только с одной стороны стволов, и деревья походили на кошмарные, застывшие на бегу скелеты.

Выше кривого леса росли одни лишайники, а еще выше лежал снег.

— Вот мы и пришли, — сказала Кара.

Они обнаружили волка, лежавшего в расщелине у заляпанного высохшей кровью невысокого острого выступа. Повыше этого места стая серых волков пыталась завалить матерого пятнистого оленя. Олень отшвырнул невезучего волка ударом копыта, тот перелетел за выступ, упал вниз и разбился. Кэлен провела пальцами по густой желтовато-серой с черными кончиками шерсти. Шкура в отличном состоянии, у Кары будет на зиму прекрасный тулуп.

Ричард с Карой принялись обдирать шкуру, а Кэлен подошла к краю скалы. Прикрыв уши воротником, она стояла на пронизывающем ветру и наблюдала за приближающимися облаками. И то, что она увидела, несколько удивило ее.

— Ричард, на нас надвигается не дождик, — сказала она. — Это снег.

Он на мгновение оторвался от работы.

— Не видишь в долине какой-нибудь приют-сосны?

Кэлен внимательно оглядела простиравшуюся внизу долину.

— Да, вижу парочку. Тучи еще далеко. Если вы поторопитесь, мы успеем, пока не пошел снег, спуститься и даже набрать дров.

— Мы почти закончили, — ответила Кара.

Ричард поднялся, чтобы посмотреть самому. Окровавленной рукой он машинально слегка выдвинул из ножен свой настоящий меч, затем сунул обратно. Привычка, которую он приобрел, проверяя, легко ли выходит меч из ножен. Беспокоящий жест.

Ричард не доставал меч с того самого дня, когда вынужден был перебить всех людей, которые напали на них в Хартленде.

— Что-то не так?

— Что? — Ричард заметил, куда она смотрит, и перевел взгляд на меч. — О! Нет, все нормально. Просто привычка.

— Вон там есть приют-сосна, — указала Кэлен. — Это ближайшая, да к тому же она и побольше.

Ричард тыльной стороной ладони отбросил волосы с глаз. Пальцы его были в крови.

— Еще дотемна мы будем сидеть под ветками у костра, попивая чай. Я могу натянуть на внутренних ветках полотнище, а снег создаст дополнительную изоляцию. Мы отлично отдохнем в тепле и уюте и поутру двинемся в обратный путь. Чуть ниже снега не будет, только дождь.

Холодный ветер пробрался под воротник, Кэлен поежилась под теплой волчьей шкурой. Подступала зима.

Глава 20

Когда два дня спустя они вернулись домой, оказалось, что рыбки в банках умерли. Для возвращения Ричард выбрал самый легкий путь по перевалу, именно там они несколько месяцев назад ехали сюда с каретой, лошадьми и прочим скарбом. Кэлен, конечно, того путешествия не помнила, она почти все время была без сознания. Казалось, с тех пор прошла жизнь.

Теперь к их дому вела короткая тропинка, протоптанная от перевала. Можно было пойти и другой дорогой, узкой и трудной, но это дало бы небольшой выигрыш во времени.

Какое счастье оказаться наконец дома, в тепле и уюте, и скинуть опостылевшую поклажу!

Пока Ричард ходил за дровами, а Кара — за водой, Кэлен достала тряпицу с собранными днем жучками, собираясь побаловать рыбок, — и тихонько застонала, обнаружив, что они все сдохли.

— В чем дело? — спросила, идя с полным бурдюком, Кара.

— Похоже, они умерли от голода, — ответила Кэлен.

— Такие маленькие рыбки редко живут долго в банке, — пояснил Ричард, складывая в камин березовые поленья.

— Но они прожили довольно долго, — возразила Кэлен, будто желая убедить его в обратном.

— Ты ведь не дала им имен, да? Я говорил тебе, чтобы ты их никак не называла. Предупреждал, что не надо к ним привязываться, что ни к чему хорошему это не приведет.

— Кара одну назвала.

— Вовсе нет, — запротестовала Кара. — Я просто хотела показать тебе, о которой из них говорю, вот и все.

Когда огонь разгорелся, Ричард, улыбаясь, поднял голову.

— Ладно, я принесу тебе новых.

Кэлен зевнула:

— Но эти были самыми лучшими. Они во мне нуждались.

Ричард рассмеялся:

— Ну и воображение у тебя! Они зависели от нас, потому что мы искусственно облегчили им жизнь. И бурундуки тоже перестанут искать корм на зиму, если мы все время станем их подкармливать. Конечно, у рыб не было выбора, мы держали их в банке. А живи они сами по себе, им вовсе не требовалась бы наша помощь. Ладно, их легко поймать сетью. Я наловлю новых, и они тоже станут в тебе нуждаться.

Через два дня, в мрачную пасмурную погоду, после обеда Ричард отправился проверить удочки и наловить еще пескариков. После его ухода Кара собрала ложки и положила в ведро с водой.

— Знаешь, — сказала она, оглядываясь через плечо, — мне тут нравится, правда, нравится, но начинает действовать на нервы.

Кэлен счищала из мисок объедки в деревянный бачок.

— Действовать на нервы? — Она поставила тарелки на тумбу. — Это ты о чем?

— Мать-Исповедница, это место довольно миленькое, но я тут скоро свихнусь! Я морд-сит! И начала давать имена рыбкам в банке! Добрые духи! — Кара повернулась к ведру с водой и принялась мыть ложки. — Тебе не кажется, что пришло время убедить лорда Рала возвращаться?

Кэлен вздохнула. Ей нравился этот домик в горах, нравились тишина и уединенность. Но больше всего она ценила возможность быть с Ричардом наедине. Здесь их никто не трогал. Впрочем, и по суете Эйдиндрила она тоже скучала. По людям, по городским пейзажам, по толпам на улицах. Там, конечно, не так мило, но и в городах тоже есть своя притягательность.

Обладая немалым опытом правления, Кэлен давно привыкла, что люди не всегда хотят ее помощи, не всегда понимают ее

действия, но она должна поступать так, как считает нужным в их интересах. Ричард же подобным опытом не обладал и не умел, столкнувшись с ледяным равнодушием, спокойно продолжать выполнять свой долг.

— Конечно, Кара. — Кэлен поставила бачок с объедками на полку и подумала, не уготована ли ей участь Матери-Исповедницы, всю жизнь прожившей в лесу, вдали от своего народа. Народа, сражающегося за свободу. — Но ты ведь знаешь мнение Ричарда. Он считает, что это было бы ошибкой. Более того, он говорит, что не имеет права поддаться желанию, когда разум велит этого не делать.

Голубые глаза Кары решительно сверкнули.

— Ты — Мать-Исповедница. Разрушь заклятие этого места. Скажи ему, что ты нужна там и что ты возвращаешься. Что он тогда сделает? Привяжет тебя к дереву? А если ты уедешь, он последует за тобой. А значит — вернется.

Кэлен решительно покачала головой.

— Нет, не могу. После того, что он нам сказал... Так не поступают с человеком, которого уважают. Пусть я и не совсем с ним согласна, но понимаю причины, по которым он так действует. Я слишком хорошо его знаю и боюсь, что он прав.

— Но возвращение вовсе не означает, что ему придется возглавить нас. Ты просто вынудишь его следовать за тобой, — ухмыльнулась Кара. — Может, когда он увидит, что там творится, сам возьмется за ум.

— Именно поэтому он и увел нас далеко в горы: он боится, что если вернется, увидит происходящее, то вмешается. Я не вправе играть на его чувствах и загонять в угол. Даже если мы вернемся и он удержится от вмешательства в сражение, такой поступок с моей стороны, такое принуждение возведет между нами непреодолимую преграду. — Кэлен снова покачала головой. — Он слишком верит своему видению. Я не стану принуждать его возвращаться.

— Может, он на самом деле не так уж в это верит, — махнула тряпкой Кара, — в глубине души. Может, он не хочет возвращаться, потому что сомневается в себе — после Андерита — и думает, что стоять в стороне проще.

— По-моему, Ричард в себе не сомневается. Ни на секунду. Ни на йоту. Будь у него хоть малейшие сомнения, он бы вернулся — это действительно самый простой путь. Держаться в стороне куда труднее. Мы с тобой обе это знаем. Но ты можешь

уехать в любой момент. Он не претендует на твою жизнь. Ты, Кара, не обязана оставаться, если не хочешь.

— Я поклялась следовать за ним, чего бы он там ни творил.

— Ты следуешь за ним, потому что веришь ему. Как и я. Поэтому я никогда не уйду, чтобы вынудить его следовать за собой.

Кара поджала губы. Огонь в голубых глазах потух, она отвернулась и швырнула тряпку в ведро с грязной водой.

— Значит, будем торчать здесь, приговоренные жить в раю.

Кэлен улыбнулась, понимая раздражение Кары. Принуждать Ричарда она не станет. Она попытается его уговорить, а это совсем другое дело.

Вытерев чашку, Кэлен поставила ее на тумбу.

— А может, и нет. Знаешь, я ведь тоже думаю, что нам необходимо вернуться.

Кара с подозрением покосилась на нее:

— Так что, по-твоему, мы можем предпринять, чтобы убедить его?

— Ричарда некоторое время не будет. Как насчет того, чтобы искупаться, пока его нет?

— Искупаться?

— Ага, искупаться. Ужасно хочется почувствовать себя чистой и свежей. Мне надоело выглядеть как бродяжка. Мне бы хотелось вымыть голову и надеть белое платье Матери-Исповедницы.

— Белое платье Матери-Исповедницы... — Кара заговорщицки улыбнулась. — А! Значит, предстоит сражение, для которого женщина вооружена куда лучше.

Краем глаза Кэлен видела «Сильную духом», стоявшую на подоконнике и прямо глядевшую на мир. В развевающемся платье, с гордо вскинутой головой, прямой спиной, сжатыми по бокам кулаками, вырезанная в дереве женщина бросала вызов всему, что вознамерится сломить ее.

— Ну, не совсем та битва, о которой ты думаешь, но мне кажется, что я лучше смогу отстаивать свое мнение, если буду одета подобающим образом. И это не военная хитрость. Я подам ему петицию как Мать-Исповедница. Я считаю, что его восприятие несколько затуманено. Трудно, знаешь ли, думать о чем-то другом, когда до смерти беспокоишься о человеке, который тебе дорог.

При мысли о нависшей над Срединными Землями угрозе кулаки Кэлен сжались.

— Он увидит, что все уже в прошлом, что я вполне здорова и пришло время возвращаться к нашим обязанностям.

Кара, ухмыляясь, отбросила со лба светлую прядь.

— Он наверняка увидит это и еще кое-что, если ты облачишься в свое платье.

— Я хочу, чтобы он увидел женщину, достаточно сильную, чтобы победить его в схватке на мечах. Ну и конечно, хочу, чтобы он наконец увидел Мать-Исповедницу в платье.

Кара сдула с лица еще одну прядь.

— По правде говоря, я и сама не возражала бы выкупаться. Знаешь, мне кажется, если я буду рядом с тобой в облачении морд-сит, с чистыми, аккуратно заплетенными в косу волосами, буду держаться, как положено морд-сит, и выскажусь в поддержку твоих слов, это будет еще более убедительно.

Кэлен сунула тарелки в ведро с водой.

— Значит, договорились. Нам вполне хватит времени до его возвращения.

Ричард соорудил для них маленькую деревянную ванну, в которой можно было отлично помыться сидя. Конечно, полежать и понежиться в ней было нельзя, но для горной резиденции это была большая роскошь.

Кара выволокла ванну из угла, оставляя на земляном полу длинные полосы.

— Я поставлю ее в моей комнате. Ты идешь первой. Тогда, если он вернется раньше, ты займешь своего любознательного муженька и будешь держать подальше от моих волос, пока я их мою.

Кэлен с Карой вдвоем натаскали воды из ближайшего родника и нагрели в котелке. Опустившись наконец в горячую воду, Кэлен испустила долгий вздох. Воздух был прохладным, и сидеть в горячей воде оказалось куда как приятно. Очень хотелось понежиться подольше, однако время поджимало.

Она улыбнулась, вспоминая, сколько хлопот было у Ричарда с моющимися женщинами. Хорошо, что его сейчас нет. Позже, когда они все обсудят, нужно будет уговорить его помыться. Ей нравится запах его пота, но когда это пот на чистом теле.

Зная, что ей предстоит беседовать с Ричардом облаченной в белое платье и с чистыми блестящими волосами, Кэлен ощущала больше уверенности в скором возвращении к своим обязанностям. Пока Кара грела воду для себя, Кэлен у огня сушила волосы. Потом Кара отправилась мыться, а Кэлен — облачаться в

белое платье. Большинство людей боялись этого платья, боялись одетую в это платье женщину. Ричарду всегда нравилось, когда она надевала белое платье.

Она бросила полотенце на кровать, и тут ее взгляд упал на статуэтку на окне. Прижав к бокам кулаки, Кэлен, обнаженная, выпрямила спину и вскинула голову, подражая «Сильной духом». Ее принизывала мощь, исходящая от статуэтки, она сама чувствовала себя сильной духом.

На какое-то мгновение Кэлен слилась душой с этой статуэткой.

Сегодня день перемен. Она это чувствовала.

Странно было после стольких месяцев вновь облачиться в платье Матери-Исповедницы, ощутить на коже нежный атлас.

Одевшись, Кэлен почувствовала себя уверенно. В каком-то смысле платье было для нее боевыми доспехами. Это платье тысячелетиями было символом многих великих женщин. Матери-Исповедницы несли тяжкое бремя ответственности, но они были счастливы, что могут помогать людям.

Да, люди зависят от нее. У Кэлен есть свой долг, и ей необходимо убедить Ричарда, что она обязана этот долг исполнять. Ричард тоже нужен людям, но даже если он откажется возглавить войско, он должен вернуться вместе с ней. Люди, сражающиеся за свободу, имеют право знать, что Мать-Исповедница с ними, что она не утратила веры в правое дело. Она обязана заставить Ричарда понять это.

Выйдя в центральную комнату, Кэлен услышала, как Кара плещется в ванне.

— Кара, тебе что-нибудь нужно? — окликнула она.

— Нет, все в порядке, — отозвалась Кара. — Так здорово! По-моему, в этой воде столько грязи, что впору картошку сажать!

Кэлен рассмеялась. Она заметила выглядывающего из-за порога бурундучка.

— Пойду скормлю Чиппи огрызки яблок. Если что-то понадобится, позови.

Они всех бурундуков называли «Чиппи». И все зверьки отзывались на кличку, зная, что за этим последует какая-нибудь подачка.

— Ладно. Но если лорд Рал вернется, поцелуй его или еще как-нибудь займи, пока я не буду готова к разговору. Я хочу быть

с тобой, чтобы переубедить его. Я хочу, чтобы мы были во всеоружии.

— Обещаю, — улыбнулась Кэлен.

Она выудила из висевшей на крючке (чтобы не забрались бурундуки) корзиночки, где они держали лакомства для зверьков, яблочные огрызки. Белки тоже любили огрызки. А вот лошади предпочитали целые яблоки.

— Сюда, Чиппи! — ласково позвала Кэлен с порога. — Чип, Чип, хочешь яблочка?

Кэлен увидела, что бурундучок куда-то топает по траве. Она пошла за ним. Прохладный ветер развевал подол ее платья. Уже холодно, пора надевать тулуп. Голые ветви дубов за домом скрипели и стонали. Упиравшиеся в небо сосны кланялись своими верхушками. Солнце скрылось за серыми облаками, и теперь платье Кэлен казалось еще более ярким.

Подойдя к окну, на котором стояла «Сильная духом», Кэлен снова позвала бурундука. Нежный голос Кэлен обычно зачаровывал зверьков. Услышав ее, пушистый бурундучок встал на задние лапки и замер, проверяя, все ли спокойно, а потом поскакал к ней. Присев на корточки, Кэлен положила огрызок на землю.

— Вот, маленький, — пропела она, — возьми вкусненькое яблочко.

Чиппи понесся к добыче. Кэлен, улыбаясь, наблюдала, как зверек со всех лап мчится к огрызку. Она встала, отряхнув руки, и смотрела, как Чиппи усердно жует лакомство.

Вдруг бурундучок пискнул и замер.

Кэлен подняла взгляд — и уставилась прямо в голубые глаза женщины, стоявшей шагах в десяти в позе хладнокровного наблюдателя.

Вскрик замер у нее в горле. Казалось, эта женщина возникла ниоткуда. У Кэлен по спине пробежали ледяные мурашки.

Длинные светлые волосы незнакомки ниспадали на элегантное черное платье. Она была очень хороша, лицо — само совершенство, но особенно красивы были глаза, в которых светились ясный ум и наблюдательность. Она могла быть лишь существом удивительной чистоты... или немыслимого зла.

Кэлен мгновенно узнала ее.

Глядя на эту женщину, Кэлен чувствовала себя уродливой, как кусок грязи, и беспомощной, как дитя. Больше всего ей хотелось убежать, но она смотрела женщине прямо в глаза. Воз-

можно, лишь пару секунд, но эти секунды показались вечностью. В голубых глазах сквозило глубокое, пугающее раздумье.

Кэлен помнила данное капитаном Мейффертом описание этой женщины. Однако даже ради спасения жизни не могла вспомнить, как ее зовут. Да это и не важно. Важно одно: женщина — сестра Тьмы.

Ни слова не говоря, женщина подняла ладони вверх, будто покорно предлагая что-то. Руки ее были пусты.

Кэлен решила прыжком преодолеть разделяющее их расстояние и высвободить свою магию. И самой этой решимостью уже запустила свое могущество. Теперь ей необходимо было оказаться рядом с этой женщиной.

Но едва она пошевелилась, мир сделался белым от боли.

Глава 21

слышав странный звук — будто огромный молот обрушился на вершину горы, — Ричард застыл на месте. Он почувствовал толчок где-то в груди. Под ногами дрогнула земля. Над верхушками деревьев мгновенно мелькнула вспышка.

До домика было недалеко. Бросив связку форели и банку с пескариками, Ричард помчался вперед.

Выбежав на луг, он замер как вкопанный. Сердце бешено колотилось в груди.

Неподалеку, рядом с домом, Ричард увидел двух женщин. Одна в белом, другая — в черном. Между ними, словно канат, тянулась, извиваясь и потрескивая, молочно-белая полоса. Руки Никки были чуть приподняты и разведены в стороны.

Молочный свет, лившийся из груди Никки, пронзал грудь Кэлен. Колышущаяся полоса между ними сделалась ослепительно яркой и теперь судорожно извивалась, словно старалась убежать.

Кэлен дрожала под яростным напором пришпилившего ее к стене светового копья. Ричард застыл. Замер от страха за нее, хорошо знакомого ужаса, уже пережитого, когда Кэлен была в объятиях смерти. Молния, соединявшая обеих женщин, пронзала и грудь Никки. Ричард не понимал сути этой магии, но инстинктивно чувствовал, что ма-

гия очень опасна, причем не только для Кэлен, но и для самой Никки. И то, что Никки подвергла себя такому риску, пугало еще больше.

Ричард знал, что если он хочет спасти Кэлен, необходимо сохранять спокойствие и ясность мышления. Ему отчаянно хотелось убить Никки, но он был уверен: все не так просто. Одно из любимых высказываний Зедда — «ничто не бывает простым», — мгновенно возникшее в памяти Ричарда, наполнилось новым смыслом.

Отчаянно пытаясь найти решение, Ричард судорожно перебирал все, что ему известно о магии. Что надо делать, он не придумал, зато точно понял, чего делать нельзя. Речь шла о жизни и смерти.

В этот момент из домика вылетела Кара. Голая и мокрая. Впрочем, ее нагота не произвела на Ричарда особого впечатления: ничего нового он не увидел, ведь традиционная кожаная одежда морд-сит и без того обтягивала тело, как перчатка. Гораздо больше Ричарда поразили мокрые распущенные волосы — доселе он видел Кару только с туго заплетенной косой.

Сжимая красный кожаный штырь — эйджил, — Кара пригнулась, готовая к атаке.

— Кара, нет! — завопил Ричард.

Он уже со всех ног бежал через луг, когда Кара прыгнула и обрушила эйджил на шею Никки.

Никки, застонав от боли, рухнула на колени. Кэлен тоже закричала и упала вслед за Никки.

Кара схватила Никки за волосы и рывком запрокинула ей голову.

— Пора подыхать, ведьма!

Никки даже не пыталась сопротивляться, хотя эйджил был буквально в дюйме от ее горла.

Ричард прыгнул на морд-сит, отчаянно надеясь, что не опоздает. Он схватил Кару за талию, опрокинул на спину, на мгновение удивившись шелковистости ее кожи и железным мускулам. От удара у морд-сит на секунду вышибло дух.

Кара была в такой ярости, что обрушила эйджил на Ричарда, даже не понимая, что это он. Сейчас она знала одно — ей помешали защитить Кэлен.

Эйджил вонзился в скулу. Ощущение было такое, словно тебя огрели железным прутом, а потом мгновенно ударила молния. Ричард ослеп от боли. В ушах звенело, дыхание оста-

новилось. На него мгновенно обрушился каскад жутких воспоминаний.

Кара хотела одного — убивать. Ричард очнулся как раз вовремя, чтобы перехватить ее запястья и прижать к земле, пока Кара не успела наброситься на Никки. Безусловно, морд-сит была просто великолепна, но этих женщин учили противостоять магии, а не грубой силе, именно поэтому она старалась вынудить Никки применить магию — только так Кара могла захватить ее в плен.

Ричард не обращал внимания на извивающееся под ним обнаженное тело. Во рту стоял привкус крови. Он внимательно следил за ее рукой с эйджилом. Голова гудела, он из последних сил старался не потерять сознание. Единственное, на что он сейчас был способен, — это прижимать Кару к земле.

Морд-сит представляла собой куда большую угрозу жизни Кэлен, чем Никки. Если бы Никки хотела убить Кэлен, она бы уже давно это сделала. Пусть Ричард и не понимал, что Никки сотворила с Кэлен, но он уже уловил основную суть происходящего.

На обнаженную грудь Кары капала кровь, ярко-алая на белой коже.

— Кара, прекрати! — Челюсть двигалась, хоть и болезненно. Значит, не сломана. — Это я. Перестань! Ты убьешь Кэлен. — Кара замерла, сверля его сердитым растерянным взглядом. — То, что ты делаешь с Никки, происходит и с Кэлен.

— Ты бы лучше его послушала, — раздался позади него бархатный голосок Никки.

Ричард отпустил запястья Кары. Та коснулась уголка его губ.

— Прошу прощения, — прошептала она, сообразив, что натворила. Судя по тону, она говорила совершенно искренне. Ричард кивнул, поднялся, помог встать морд-сит и лишь после этого повернулся к Никки.

Никки стояла прямо, в той же гордой свободной позе. Все ее внимание, вся ее магия были сосредоточены на Кэлен. Спокойная, но яростная сила внутри Ричарда проснулась, ожидая команды, но он не знал, как использовать магию, чтобы остановить Никки, а потому сдерживался, боясь подвергнуть Кэлен еще большей опасности.

Кэлен тоже стояла, вновь пришпиленная к стене дома белым световым лучом. Зеленые глаза расширились от мучительного воздействия магии.

Руки Никки поднялись. Она прижала ладони к сердцу, поверх света. Она стояла спиной к Ричарду, и было видно, что свет проходит сквозь нее, словно пожирающий плоть огонь. Извивающийся луч света то же самое делал и с Кэлен, будто прожигая ее. Однако Ричард видел, что свет не убивает Кэлен. Она все еще дышит, все еще шевелится — человек, в котором прожгли сквозную дыру, так себя не ведет. Ричард отлично знал, что там, где дело касается магии, не стоит верить своим глазам.

Тем временем тело Никки снова начало уплотняться, свет померк и погас.

Кэлен обмякла. Глаза ее закрылись, словно она не могла больше видеть стоящую перед ней женщину.

Ричард кипел от ярости. Магия внутри него свернулась, как готовая ужалить гадюка. Едва ли не больше всего на свете ему хотелось зарубить эту женщину. Единственное, чего ему хотелось больше, — это чтобы Кэлен оставалась жива и здорова.

Никки любезно улыбнулась Кэлен и повернулась к Ричарду.

— Ричард. Давно не виделись. Ты отлично выглядишь.

— Что ты натворила? — сквозь зубы прорычал он.

Она улыбнулась, как улыбается ребенку мать, — ласково, терпеливо. Вздохнув, словно после тяжелой работы, Никки указала на Кэлен.

— Я наложила заклятие на твою жену.

Ричард слышал за плечом тяжелое дыхание Кары. Она стояла так, чтобы не мешать ему выхватить меч.

— Зачем?

— То есть как? Конечно же, чтобы поймать тебя.

— Что с ней произойдет? Какое зло ты ей причинила?

— Зло? Никакого. Любое зло, которое ей причинят, будет от твоей руки.

Ричард нахмурился. Он понял смысл ее слов, но все же очень хотел, чтобы это было не так.

— Иначе говоря, то, что я сделаю с тобой, случится и с Кэлен?

Никки улыбнулась той самой обезоруживающей обаятельной улыбкой, которую он помнил еще с тех пор, как она приходила давать ему уроки. Теперь Ричард с трудом мог поверить, что когда-то она казалась ему добрым духом во плоти.

Он чувствовал, как магия буквально клокочет вокруг этой женщины. С помощью своего дара он давно научился определять, владеет человек магией или нет. Он видел то, чего не могли

видеть другие. Редко ему попадались женщины, от силы которых сам воздух вокруг них трещал. Но — что куда хуже — Никки была сестрой Тьмы.

— Да, и не только. Гораздо больше. Видишь ли, отныне мы с ней связаны материнским заклятием. Странное название для заклинания, ты не находишь? Это название частично происходит из-за его питающего аспекта. Как дающего жизнь — примерно как мать, кормя дитя, поддерживает его жизнь. Свет, что ты видел, — своего рода пуповина. Волшебная пуповина. Она связывает наши жизни независимо от расстояния между нами. В точности, как я — дочь моей матери, и ничто не может этого изменить, так и это заклятие не может снять никто другой.

Никки говорила учительским тоном, как когда-то разговаривала с ним на занятиях во Дворце Пророков. Она всегда говорила коротко и ясно. Когда-то Ричард считал, что это лишь добавляет благородства ее облику. Тогда он не мог представить себе Никки, произносящей грубые слова. Однако то, что она говорила сейчас, было отвратительным.

Она по-прежнему двигалась с медленной грацией. Ее движения всегда казались ему соблазнительными. Теперь же они больше походили на змеиные.

Магия меча ревела в нем, требуя высвобождения, ведь меч был создан специально для борьбы с тем, что его обладатель считал злом. Сейчас Никки настолько отвечала всем требованиям, что магия меча грозила вот-вот подавить волю Ричарда, захватить его, заставить уничтожить угрозу. Голова до сих пор дико болела от удара эйджилом, и Ричарду требовалась масса усилий, чтобы удерживать власть над мечом. Он чувствовал, как врезаются в ладонь выступающие на рукояти золотые буквы слова «ИСТИНА».

Однако именно сейчас он должен был следовать не эмоциям, а разуму. На чаши весов положены жизнь и смерть.

— Ричард, — ровным тоном проговорила Кэлен и подождала, пока он посмотрел ей в глаза. — Убей ее. — Она говорила со спокойной властностью, требующей подчинения. Белое платье Матери-Исповедницы придавало ее словам смысл приказа. — Давай. Не жди. Убей. Не раздумывай. Бей.

Никки спокойно следила за происходящим. Казалось, какое бы решение он ни принял, ей все равно. Так, просто любопытно, и только. Ричарду думать было не над чем.

— Не могу, — ответил он Кэлен. — Иначе ты умрешь тоже.

— Очень хорошо, Ричард, — выгнула бровь Никки. — Очень хорошо.

— Сделай это! — крикнула Кэлен. — Сделай сейчас, пока у тебя еще есть возможность!

— Стой спокойно, — бесстрастно проговорил он. — Давай послушаем.

Никки сложила руки, как любили делать сестры Света. Только вот сестрой Света она не была. В глубине ее синих глаз таилось какое-то чувство, но Ричард не мог понять, какое, и боялся себе представить. Это могло быть все что угодно, от страсти до ненависти. Одно только Ричард знал точно — в ее взгляде светилась железная решимость. То, что она задумала, было для Никки важнее, чем жизнь.

— Дело обстоит следующим образом, Ричард. Ты едешь со мной. Пока жива я, Кэлен жива тоже. Умру я, умрет она. Вот так все просто.

— Что еще? — требовательно спросил он.

— Что еще? — моргнула Никки. — Да ничего.

— А если я решу убить тебя?

— Тогда я умру. Но Кэлен умрет вместе со мной. Наши жизни отныне связаны.

— Я не о том. У тебя должна быть какая-то цель. Что еще произойдет, если я тебя убью?

— Ничего, — пожала плечами Никки. — Тебе решать. Наши жизни в твоих руках. Если захочешь сохранить ей жизнь, пойдешь со мной.

— Что ты намерена с ним сделать? — Кэлен встала рядом с Ричардом. — Вырвать у него пытками признание, чтобы Джегань мог устроить над ним показательный суд перед публичной казнью?

Никки, казалось, изумилась.

— Ничего подобного! Я не желаю ему зла. Пока не желаю. Впрочем, позже я скорее всего вынуждена буду его убить.

— Ну естественно, — ожег ее Ричард яростным взглядом.

Кэлен двинулась вперед, но он перехватил ее руку и удержал. Он понял, что она намеревалась сделать. Ричард не знал, что произойдет, если Кэлен обрушит на Никки силу Исповедницы, и не испытывал ни малейшего желания узнать. Все равно ни к чему хорошему это не приведет. Когда дело касалось его, Кэлен всегда была готова пожертвовать жизнью.

— Погоди, — шепнул он.

— Она, — вытянула руку Кэлен, — только что признала, что собирается убить тебя!

Никки успокаивающе улыбнулась:

— Об этом беспокоиться рано. Если до этого и дойдет, то нескоро.

— А перед тем? Какие у тебя на него планы до того момента, как ты решишь, что его жизнь не имеет значения?

— Не имеет значения?.. — Никки невинно развела руками. — У меня нет никаких планов. Просто я хочу увезти его, вот и все.

Ричарду показалось, что он понимает, в чем тут дело, но он все меньше и меньше верил словам Никки.

— То есть ты хочешь увезти меня, чтобы я не смог сражаться с Имперским Орденом?

Она вскинула брови.

— Если тебе угодно подойти к вопросу так, то я признаю, что твое время в качестве вождя Д'Харианской империи истекло. Но суть не в этом. Суть в том, что отныне вся твоя нынешняя жизнь, — Никки указала на Кэлен, — закончена.

Казалось, от ее слов застыл воздух.

— И что дальше? — Он знал, что есть что-то еще, что-то, что придает всему происходящему некий смысл. — Какие еще у тебя условия, если я хочу сохранить Кэлен жизнь?

— Нас никто не должен преследовать.

— А если будем? — поинтересовалась Кэлен. — Я вполне могу последовать за тобой и убить собственными руками, пусть даже ценой жизни. — В зеленых глазах Кэлен сверкнула ледяная решимость. Она угрожающе смотрела на Никки.

Никки небрежно повела бровью и наклонилась к Кэлен, как мать.

— Тогда всему конец. Если только Ричард тебе не помешает. Это тоже часть того, что ему предстоит решать самому. Но ты крепко ошибаешься, если полагаешь, будто меня волнует такой исход. Видишь ли, мне все безразлично. Все.

— И чего ты от меня хочешь? — спросил Ричард, отвлекая на себя тревожаще спокойный взгляд Никки. — Что, если я поеду с тобой, но не стану делать того, что ты хочешь?

— Ты ошибаешься, Ричард, если думаешь, что у меня есть на тебя какие-то планы. Их нет. Полагаю, ты будешь делать, что хочешь.

— Что хочу?

— Ну, естественно, тебе не будет дозволено вернуться к твоим людям. — Никки тряхнула головой, отбрасывая с глаз длинную прядь светлых волос. Она не отрывала от него взгляда. — Ну, и наверное, если ты станешь так или иначе невыносимо себя вести, это будет само по себе ответом. Обидно, конечно, но тогда ты станешь мне бесполезен, и я тебя убью.

— Стану бесполезен? Ты хочешь сказать, стану бесполезен Джеганю?

— Нет. — Никки опять казалась удивленной. — Я действую не от имени его превосходительства. — Она постучала по нижней губе. — Видишь? Я избавилась от кольца, символа рабства. Я делаю это для себя.

У Ричарда возникла еще более тревожная мысль.

— Почему он не может войти в твой разум? Не может управлять тобой?

— Тебе вовсе не нужен мой ответ, Ричард Рал.

Полная бессмыслица. Узы магистра Рала защищали только тех, кто предан ему. Ричард решительно не понимал, как действия Никки могут сойти за лояльные. Никак. Действие уз не должно на нее распространяться. Может, Джегань сидит в ее мозгу, а она об этом не подозревает? А может, она спятила от того, что Джегань сидит у нее в голове?

— Послушай, — у Ричарда было такое ощущение, что они говорят на разных языках, — не знаю, что ты...

— Хватит разговоров. Мы уезжаем.

Голубые глаза беззлобно смотрели на него. Создавалось впечатление, что для Никки Кэлен с Карой просто не существуют.

— Бессмыслица какая-то. Ты хочешь, чтобы я поехал с тобой, но действуешь не от имени Джеганя. Если это правда, то...

— По-моему, я все объяснила предельно ясно. Если хочешь быть свободным, можешь убить меня в любой момент. Если ты убьешь меня, Кэлен умрет тоже. Перед тобой стоит выбор. Мне кажется, я знаю, как ты поступишь, но я, конечно же, не уверена. Теперь перед тобой два пути. Ты должен выбрать один. Ах да, кое-что еще. На случай, если ты затеешь какую-нибудь хитрость или гадость или откажешься выполнять мои пустячные просьбы, то имей в виду: через соединяющее нас заклятие я в любой момент могу положить конец жизни Кэлен. Достаточно пожелать. Мне это смертью не грозит. Отныне она живет лишь моей милостью, а следовательно, твоей. Я не желаю ей зла, она меня вообще не интересует. По правде говоря, я желаю ей дол-

гой жизни. Она подарила тебе немного счастья, и за это, я надеюсь, ей не придется жертвовать жизнью. Но отныне ее жизнь зависит от твоего поведения.

Никки посмотрела на стоявшую позади Ричарда Кару и ласково вытерла кровь с его губ и с подбородка.

— Твоя морд-сит ранила тебя. Могу вылечить, если хочешь.

— Нет.

— Ладно. — Она вытерла руку о подол черного платья. — Если ты не хочешь, чтобы без твоего ведома другие стали причиной смерти Кэлен, я бы советовала тебе позаботиться, чтобы они ничего не предпринимали без твоего согласия. Морд-сит — женщины могущественные и решительные. Я уважаю их высокое чувство долга. Однако если твоя морд-сит последует за нами — а моя магия мне это подскажет, — то Кэлен умрет.

— А как я узнаю, что с Кэлен все в порядке? Мы можем отъехать отсюда на милю, и ты через эту вашу пуповину ее убьешь. Я и знать не буду.

Брови Никки сошлись на переносице. Она казалась искренне озадаченной.

— Зачем мне это?

— А зачем тебе вообще все это?!

Никки некоторое время молча с любопытством смотрела на него.

— У меня есть на то свои причины. Мне очень жаль, Ричард, что тебе приходится все это терпеть. Я не ставила себе целью причинить тебе страдания. Обещаю, что ничего не сделаю Кэлен, предварительно не поставив тебя в известность.

— И ты думаешь, я поверю твоему слову?

— Я говорю правду. У меня нет причин лгать тебе. Со временем ты начнешь понимать лучше. С Кэлен не произойдет ничего дурного, пока со мной все хорошо и ты при мне.

Ричард обнаружил, что почему-то — он сам не знал почему — верит ей. Никки казалась совершенно искренней и спокойной, будто уже тысячи раз все передумала.

Однако он сомневался, что Никки говорит всю правду. Впрочем, главное он ухватил, и теперь было легче принять решение. Что бы там ни таилось за ее действиями, вряд ли это что-то страшное. Мысль о разлуке с Кэлен причиняла острую боль, но Ричард ради нее был готов на все, и Никки это прекрасно знала.

Осталась еще одна загадка, каким-то образом связанная с происходящим.

— Заклинание, защищающее от сноходца, действует только на тех, кто мне предан. Твои поступки вряд ли приведут Джеганя в восторг. Это ведь измена.

— Джеганя я не боюсь. Не беспокойся за мой разум, Ричард. Я полностью защищена от вторжения его превосходительства. Возможно, со временем ты поймешь, насколько во многом ты ошибался.

— Ты сама себе противоречишь, Никки.

— Ты видишь только часть целого, Ричард. — Она загадочно улыбнулась. — По большому счету, цели Ордена — твои цели. Ты слишком благороден, чтобы было иначе.

— Может, я и умру от твоей руки, но умру, всей душой ненавидя то, за что борешься ты и твой Орден. — Ричард сжал кулаки. — Ты не получишь от меня желаемого, Никки. Что бы это ни было, ты этого не получишь.

Она посмотрела на него с глубоким сочувствием.

— Все к лучшему, Ричард.

Казалось, его слова нисколько ее не трогают, и он никак не мог понять, что у нее на уме. Ярость внутри разгоралась. Магия меча пыталась взять над ним власть, Ричард с трудом сдерживал ее.

— Ты что, серьезно считаешь, что я тебе когда-нибудь поверю?

Голубые глаза Никки, казалось, были устремлены на что-то позади него.

— Может, и нет.

Она снова посмотрела на него, потом сунула два пальца в рот и свистнула. Из лесу донеслось ржание и топот копыт.

— У меня есть конь и для тебя. Ждет по ту сторону перевала.

Ричарда охватил ужас. Пальцы Кэлен крепко сжали ему руку. Кара коснулась его спины. Он вспомнил свое предыдущее пленение, вспомнил все, что пришлось тогда пережить. Кровь забурлила в жилах, дыхание участилось. Он чувствовал, что попал в ловушку. Все ускользало сквозь пальцы, а он, похоже, ничего не мог поделать.

Больше всего не свете Ричарду хотелось сражаться, но он не мог придумать как. Жаль, что нельзя просто взять и зарубить Никки. Ричард напомнил себе, что его единственное спасение — думать, а не следовать желаниям. Он ухватился за центр спокойствия внутри себя и загасил нарастающую панику.

Никки стояла спокойно, расправив плечи и вскинув голову. Как человек, который с вызовом смотрит на палача. Ричард понял, что она и вправду готова ко всему.

— Я предоставила тебе выбор, Ричард. Других вариантов нет. Выбирай.

— Нечего тут выбирать. Я не дам Кэлен умереть.

— Конечно, нет. — Никки едва заметно расслабилась. Она успокаивающе улыбнулась, глаза потеплели. — С ней все будет хорошо.

Появившаяся из лесу лошадь рысцой подбежала к ним. Когда серая в яблоках кобыла остановилась, Никки взяла ее под уздцы. Кобыла, косясь на чужаков, фыркнула и тряхнула головой.

— Но... Но... — чуть не поперхнулся Ричард. — Что мне брать с собой?

Никки вставила ногу в стремя и взлетела в седло. Усевшись поудобней, она выпрямилась, расправила плечи. Светловолосая, в черном платье, она дивно смотрелась на фоне серого неба.

— Бери что хочешь, только не людей. — Прищелкнув языком, Никки развернула лошадь так, чтобы сидеть лицом к нему. — Я бы советовала взять одежду и все необходимое. Если хочешь, бери все, что сможешь унести. — В голосе Никки появилась суровая нотка. — Но меч свой оставь тут. Он тебе не понадобится. — Она подалась вперед, впервые за все время ее лицо сделалось холодным и угрожающим. — Отныне ты больше не Искатель, не магистр Рал, владыка Д'Харианской империи, и, кстати говоря, не муж Матери-Исповедницы. Отныне и впредь ты никто, всего лишь Ричард.

Выступившая вперед Кара рявкнула в бешенстве:

— Я морд-сит! Если ты полагаешь, что я позволю тебе забрать магистра Рала, то ты безумна! Мать-Исповедница уже высказала свое пожелание. И мой наипервейший долг убить тебя!

Никки решительно взяла поводья.

— Выполняй свой долг. Последствия тебе известны.

Ричард ухватил Кару.

— Успокойся, — прошептал он. — Время на нашей стороне. Пока мы живы, всегда остается шанс.

Кара перестала вырываться и нехотя отступила.

— Мне нужно собраться, — сказал Ричард. — Погоди хотя бы, пока я соберу вещи.

Никки отпустила поводья и положила левую руку на луку седла.

— Я уезжаю. Видишь вон тот перевал? — изящным движением руки указала она. — Если догонишь меня, когда я буду на вершине, Кэлен останется жива. Если я миную вершину, а тебя со мной не будет, Кэлен умрет. Даю слово.

Все происходило слишком быстро. Нужно найти способ потянуть время.

— Ну и какой тебе от этого прок?

— Это скажет мне, что для тебя важнее. — Никки выпрямилась в седле. — Если подумаешь, то поймешь, что это важный вопрос. И на него еще нет ответа. Когда я доберусь до вершины перевала, ответ у меня будет.

Никки сжала бока лошади, понуждая идти.

— Не забудь — вершина перевала. До этого времени ты должен успеть попрощаться, собрать все, что тебе нужно, и догнать меня, если хочешь, чтобы Кэлен была жива. Если предпочитаешь остаться, у тебя будет время попрощаться, прежде чем она умрет. Однако помни: какой бы выбор ты ни сделал, он окончательный.

Кэлен рванулась к лошади, но Ричард крепко держал ее за талию.

— Куда ты его увозишь? — требовательно спросила она.

Никки на секунду остановилась и посмотрела на Кэлен с пугающей решительностью.

— Как куда? В забвение.

Глава 22

Глядя, как Никки разворачивает серую кобылу в сторону перевала, к далеким горам, Кэлен пыталась побороть странное головокружение, вызванное заклятием. Неподалеку, возле деревьев, стояли оленуха с подросшим олененком и, насторожив уши, внимательно следили за Никки — не представляет ли она угрозы. Когда Никки повернула в их сторону, перепуганные олени, вздернув хвостики, рванулись к деревьям.

Кэлен отчаянно боролась с головокружением. Не удержи ее Ричард, она набросилась бы на сестру Тьмы. Она просто стремилась выплеснуть волшебную силу. Никки заслуживала наказания.

Если б не это головокружение, Кэлен призвала бы Кон Дар, Кровавую ярость, древнюю магию, которой она обладала. Для Кон Дан не имело значения расстояние. Но перед глазами все плыло, и единственное, на что Кэлен была способна, — это стоять на ногах и сдерживать рвоту.

Бессилие сводило с ума, раздражало, было унизительным, но Никки застала ее врасплох и нанесла мощный магический удар.

Всю жизнь ее учили не позволять застать себя врасплох. Исповедницам постоянно грозила опасность. Кэлен знала это на собственном опыте. Неоднократно в подоб-

ных случаях верх одерживала она. Расслабившись за долгие месяцы спокойной жизни, она утратила бдительность. Кэлен поклялась себе никогда впредь не допускать подобного... Но что теперь толку...

Она по-прежнему ощущала внутри себя живую магию Никки, внутренности бурлили от удара. Задувавший на лугу холодный ветер охлаждал горящее лицо. Ветер принес в долину незнакомый запах. Зловещий запах. Огромные сосны за домом качались и скрипели, ветер разбивался о них, как волны разбиваются о скалы.

Кэлен не знала, что за магию обрушила на нее Никки, но твердо знала одно: Никки не лжет, говоря о последствиях. Она ненавидела эту женщину, но, несмотря ни на что, чувствовала с ней связь, и эту связь могла определить одним только словом — привязанность. Удивительное ощущение. Связь, одновременно и пугающая, и успокаивающая. Неужели в самой глубине души Никки таилось что-то, достойное любви?

Однако разумом Кэлен понимала: если подвернется возможность, она должна, не колеблясь, прикончить Никки на месте.

— Кара, — произнес Ричард, сверля взглядом спину удаляющейся Никки. — Даже не думай пытаться остановить ее.

— Я не допущу...

— Я не шучу. Это приказ, обсуждению не подлежит. Если ты по своей дури причинишь Кэлен хоть малейший вред... Ну, я уверен, ты никогда этого не сделаешь. Кстати, почему бы тебе не пойти одеться?

Кара грубо выругалась себе по нос. Когда она зашагала к дому, Ричард повернулся к Кэлен. Кэлен только что заметила, что Кара голая. Должно быть, выскочила прямо из ванны. Волшебство Никки все же слегка замутило ей разум, затуманило воспоминания о последних событиях.

Впрочем, ощущение от удара эйджилом Кэлен помнила превосходно. Острая пронизывающая боль поразила ее, как копье. Хотя эйджил Кара обрушила на Никки, Кэлен показалось, что морд-сит прижала оружие к ее собственной шее.

Она ласково погладила Ричарда по щеке и взяла за руку. Ричард обнял ее за талию. Кэлен прижалась к нему, уткнулась лбом ему в щеку.

— Этого не может быть, — прошептала она. — Просто не может быть!

— Но это так.

— Я так виновата!

— Виновата?

— Я позволила застать себя врасплох. — Кэлен трясло от злости на себя. — Мне следовало держаться настороже. Если бы я не упустила момент, если б убила ее сразу, ничего бы не случилось.

Ричард ласково погладил ее по затылку.

— Помнишь, как ты убила меня в тот день в бою на мечах? — Она кивнула. — Все мы допускаем ошибки, всех нас рано или поздно можно застать врасплох. Не вини себя. Совершенных людей нет. Вполне возможно, что она сплела какую-нибудь волшебную паутину и притупила твое восприятие, чтобы подобраться к тебе, как... как комар.

Кэлен такая мысль в голову не приходила. Впрочем, она все равно злилась на себя. Если бы только все ее внимание не было поглощено бурундуком! Если бы она секундой раньше подняла взгляд! Если бы мгновенно отреагировала, не тратя времени на оценку угрозы, прикидывая, стоит ли высвобождать силу!

Кэлен с ранних лет учили применять магию лишь тогда, когда она полностью уверена в необходимости. Магия Исповедницы не убивала, но все равно была разрушительной. После ее прикосновения человек полностью покорялся воле Исповедницы, превращался в раба, исполнявшего любое ее желание, и это было необратимо, как смерть.

Кэлен заглянула в серые глаза Ричарда.

— Моя жизнь для меня ценна и священна, — проговорила она. — Как и твоя для тебя. Не жертвуй своей, чтобы стать рабом моей. Я этого не вынесу.

— Ну, до этого пока не дошло. Я что-нибудь придумаю. А пока что — придется ехать с ней.

— Мы поедем следом, но будет держаться на расстоянии. — Он покачал головой. — Но она даже и знать не будет...

— Нет. Возможно, с ней есть еще люди, которые поджидают, не поедете ли вы следом. Я не вынесу мысли, что она в любой момент может вас обнаружить. Если такое случится, ты погибнешь напрасно.

— Но я должна быть рядом, когда ты что-то предпримешь... когда найдешь способ остановить ее.

Ричард ласково взял ее лицо в ладони. В его глазах застыло странное выражение, и это выражение ей очень не понравилось.

— Послушай меня. Я не знаю, что происходит, но ты не должна погибать ради того, чтобы освободить меня.

Глаза Кэлен наполнились слезами отчаяния. Она сморгнула слезы и собрала все силы, чтобы совладать с голосом.

— Не уезжай, Ричард. Мне все равно, что будет со мной, лишь бы ты оставался свободным. Я умру счастливой, если моя смерть избавит тебя от плена. Я не позволю, чтобы тебя захватил Орден. Не допущу, чтобы ты медленно умирал жалкой смертью раба в обмен на мою жизнь. Я не могу позволить им...

Она проглотила слова, которые боялась произнести: она не вынесет, если его будут пытать. Кэлен охватывала дурнота при одной только мысли о том, что Ричарда измучают и искалечат, что он будет страдать, одинокий и покинутый в какой-то далекой темнице, без всякой надежды на помощь. Но Никки заявила, что этого не будет. Кэлен сказала себе, что ради сохранения собственного рассудка придется поверить Никки на слово.

Она вдруг увидела, что Ричард улыбается, будто старается запомнить ее лицо, и в то же время лихорадочно пытается отыскать решение.

— Выбора нет, — прошептал он. — Я должен это сделать.

Она вцепилась ему в рубашку.

— Ты делаешь в точности то, чего добивается Никки. Она отлично знает, что ты захочешь спасти меня. Я не могу позволить тебе пойти на такую жертву!

Ричард быстро обвел взглядом деревья и горы, стараясь запомнить все, как приговоренный к смерти. Наконец его взгляд, очень серьезный, вернулся к ней.

— Разве ты не понимаешь? Это не жертва, а честная сделка. Твое существование — мой вечный источник радости и счастья. Никакой жертвы я не приношу, — повторил он, выделяя каждое слово. — Если мне уготовано стать рабом, я буду рабом, зная, что ты жива. Это лучше, чем жить свободным в мире, где не будет тебя. Первое я как-нибудь переживу. А вот второе — никак. Рабство болезненно, твоя смерть — невыносима.

Кэлен стукнула его кулаком в грудь.

— Но ты ведь будешь рабом, а я этого не вынесу!

— Кэлен, послушай. Я всегда буду в душе свободен, потому что знаю, что такое свобода. А если я знаю свободу, то смогу ее обрести. Я найду способ освободиться. Но вот способа вернуть тебя к жизни я не найду никогда. Духи знают, в прошлом я охотно пожертвовал бы жизнью ради дела, если бы моя жизнь действительно что-то решала. Прежде я сознательно подвергал нас с тобой опасности, готов был пожертвовать и своей, и твоей жиз-

нью, но только не впустую. Как ты не понимаешь! Сейчас это — несусветная глупость. Я на это не пойду.

Кэлен прерывисто дышала, стараясь удержать слезы и справиться с ужасом.

— Ты Искатель. Ты должен найти путь к свободе. И ты обязательно найдешь. Найдешь, я знаю. — Она проглотила комок в горле. — Ты найдешь способ. Знаю, найдешь. Освободишься и вернешься. Как прежде. Ты всегда возвращался. И в этот раз будет так же.

Лицо Ричарда потемнело и осунулось, черты обострились.

— Кэлен, ты должна быть готова жить дальше.

— Что ты хочешь сказать?

— Ты должна радоваться тому, что я тоже жив. Ты должна быть готова жить дальше только с этим знанием, и ничем больше.

— То есть как — и ничем больше?

В его глазах появилось жуткое выражение: печальное, мрачное, трагическое принятие чего-то. Чего? Ей не хотелось смотреть ему в глаза, но, прижавшись к его груди, ощущая тепло его тела, она не могла отвести от него глаз, когда он заговорил.

— Думаю, на этот раз все иначе.

Ветер швырнул волосы ей в лицо, Кэлен откинула их назад.

— Иначе?

— У меня в этот раз какое-то странное, совершенно иное ощущение. В прошлые разы в моем пленении был какой-то смысл, а сейчас получается полная ерунда. Никки затеяла нечто смертельно серьезное. Нечто необычное. Она все продумала и готова была ради этого умереть. Я не стану тебе лгать, чтобы утешить. Что-то подсказывает мне, что на сей раз я, возможно, не найду дороги назад.

— Не говори так! — Кэлен дрожащими пальцами вцепилась в его рубашку. — Пожалуйста, Ричард, не говори так! Ты должен попытаться! Должен найти способ вернуться ко мне!

— Я приложу все усилия, в этом можешь не сомневаться. — Он говорил бесстрастно. — Клянусь тебе, Кэлен, пока дышу, я не отступлюсь. Не сдамся. Я буду все время искать способ. Но мы не вправе отметать этот вариант лишь потому, что он болезненный: я могу не вернуться никогда. Ты должна принять тот факт, что тебе, возможно, придется идти дальше без меня. Но ты будешь знать, что я жив, в точности как я буду хранить тебя в моем сердце. В сердце мы принадлежим друг другу, и всегда будем принадлежать. Именно эту клятву мы дали, когда пожени-

лись, — любить и почитать друг друга вечно. И ничто не может этого изменить. Ни время, ни расстояние.

— Ричард... — Кэлен подавила крик, но не могла сдержать слез, струившихся по щекам. — Я не вынесу сознания, что из-за меня ты будешь рабом. Как ты не понимаешь! Как ты не понимаешь, что это со мной сделает? Я убью себя, если придется! Я должна!

Он покачал головой. Ветер трепал его волосы.

— Тогда у меня не будет причины от нее бежать. Незачем будет бежать.

— Тогда тебе и не потребуется бежать, вот и все. Она не сможет удержать тебя.

— Она сестра Тьмы. — Ричард разжал руки. — Она просто найдет другой способ, и я не буду знать, как с этим бороться. А если тебя не будет в живых, то я и пытаться не стану. Мне будет все равно.

— Но...

— Ну как ты не поймешь? — схватил он ее за плечи. — Кэлен, ты должна жить, чтобы у меня был повод хотя бы попытаться от нее уйти!

— Твоя собственная жизнь — вполне подходящий повод, — возразила она. — Ты должен быть свободным, чтобы помогать людям!

— Да будь они прокляты! — Он сердито махнул рукой. — Даже те, с кем я вырос, отвернулись от нас. Они пытались нас убить. Не забыла? И страны, сдавшиеся Д'Харе ради объединения, скорее всего не сохранят нам верность, когда увидят воочию полчища Имперского Ордена. В конце концов Д'Хара останется одна. Люди не понимают и не ценят свободы. И не станут сражаться за нее. Они это блистательно доказали в Андерите и в Хартленде, где я вырос. Какие еще нужны доказательства? Я не питаю ложных иллюзий. Большая часть Срединных Земель откажется от своей свободы. Когда люди увидят эти полчища, узнают их жестокость к тем, кто оказывает сопротивление, они откажутся от свободы.

Ричард отвел взгляд, сожалея о неуместной сейчас вспышке гнева. Его статная фигура, такая высокая на фоне гор и неба, чуть обмякла. Казалось, он тянется к Кэлен в поисках утешения.

— Единственное, на что я могу надеяться, это вернуться к тебе. — Теперь он почти шептал. — Кэлен, пожалуйста, не лишай меня этой надежды. Это единственное, что у меня осталось.

Кэлен смотрела на бегущую по лугу лисицу. Длинный пушистый хвост развевался, лисица шарила по траве в поисках грызунов. Следя за ней взглядом, Кэлен краем глаза увидела «Сильную духом», гордо стоящую на подоконнике. Ну как она может отпустить мужчину, вырезавшего для нее такое чудо?

Но Кэлен знала, что может — ведь сейчас он просит об этом, и она не способна ему отказать.

— Хорошо, Ричард, — тихо сказала она. — Я не сделаю ничего такого, о чем ты будешь жалеть. Я стану ждать тебя. Я все выдержу. Я тебя знаю. Ты никогда не сдашься. Ты знаешь, что я в тебя верю. Когда ты уедешь — а ты уедешь, — я стану ждать тебя, а потом мы снова будем вместе. А в сердце мы всегда будем вместе. Для нашей любви не имеют значения ни время, ни расстояние.

Ричард прикрыл глаза и нежно поцеловал ее в лоб, потом взял прижатую к его груди руку и перецеловал пальцы. Тут Кэлен поняла, насколько важно для него ее обещание.

Она быстро сняла с шеи кулон, тот самый, что подарила ей на свадьбу Шота. Этот кулон обладал магическими противозачаточными свойствами. Она вложила кулон Ричарду в ладонь. Он недоуменно нахмурился, глядя на маленький темный камешек на золотой цепочке.

— А это зачем?

— Пусть он хранится у тебя. — Кэлен откашлялась, пытаясь совладать с голосом, но смогла лишь прошептать: — Я знаю, чего она от тебя хочет... что она заставит тебя делать.

Он покачал головой:

— Нет, это не то, что... Я не возьму... — Он проговорил это так, словно, отказываясь от кулона, каким-то образом отвергал такую возможность.

Кэлен прижала ладонь к его щеке. Глаза ей застилали слезы.

— Пожалуйста, Ричард. Пожалуйста, возьми. Ради меня. Я не вынесу мысли, что другая женщина будет вынашивать твое дитя. — «Или самой мысли о том, как его будут зачинать». Но этого она вслух не сказала. — Особенно после...

Ричард отвел глаза.

— Кэлен... — Ему не хватало слов.

— Просто сделай это ради меня. Возьми. Пожалуйста, Ричард. Я выполню твою просьбу. Пожалуйста, выполни и ты мою. Я не вынесу мысли, что у этой мерзкой твари будет от тебя ребенок. Ребенок, который должен быть моим. Как ты не понима-

ешь? Как я смогу любить кого-то, кого заранее ненавижу? И как я смогу ненавидеть кого-то, кто будет частью тебя? Пожалуйста, Ричард, не допусти этого.

Холодный ветер трепал волосы Кэлен. Казалось, вся ее жизнь рассыпается в прах. Она не могла поверить, что такое радостное, мирное и красивое место, место, где она вернулась к жизни, — станет местом, где у нее отнимут все.

Ричард быстро протянул ей кулон, будто тот мог его укусить. Темный камень свисал на цепочке с его пальцев, мерцая в сером свете.

— Кэлен, не думаю, что вся затея ради этого. Правда, не думаю. Но даже если так, она может попросту отказаться его надеть и пригрозит убить тебя, если я не...

Кэлен сняла цепочку с его пальца и снова вложила ему в ладонь. Темный камешек блестел под тоненькой цепочкой, свернувшейся змейкой. Кэлен закрыла ему ладонь и сжала обеими руками.

— Ты сам сказал, что мы не должны отвергать какие-то варианты только потому, что мысль о них слишком болезненна.

— Но если она откажется...

— Если наступит время, когда она от тебя этого потребует, ты должен убедить ее надеть кулон. Обязан. Ради меня. Мне и так больно думать, что она может вот так взять мою любовь, моего мужа, но бояться еще и...

Его большая ладонь была такой теплой, родной и успокаивающей. Она давилась слезами. Ей ничего не оставалось — только умолять.

— Пожалуйста, Ричард...

Он плотно сжал губы, кивнул и сунул кулон в карман.

— Сомневаюсь, что это входит в ее намерения, но если до этого дойдет, то даю слово: она кулон наденет.

Кэлен, всхлипнув, прижалась к нему.

Ричард взял ее под руку.

— Пошли. Надо спешить. Мне еще нужно собраться. У меня осталось всего несколько минут, я пойду короткой дорогой и догоню ее на вершине, но времени мало.

Глава 23

элен видела сквозь слезы Кару. Облаченная в красную кожу, морд-сит стояла в дверях их спальни и наблюдала, как Ричард торопливо кидает вещи в мешок. Кэлен кивала, когда Ричард давал Каре короткие указания. Они уже пришли к самому главному соглашению и, похоже, оба боялись сказать что-то еще.

Слабый свет, проникавший сквозь маленькое оконце, практически не рассеивал царивший в спальне полумрак. Комната напоминала темницу. Одетый в темное Ричард походил на тень. Сколько раз Кэлен, прикованная к постели, так и думала об этой комнате — как о своей темнице. Теперь тут царил едва ли не ощутимый дух темницы, только вместо затхлой вони каменных застенков пахло смолой.

Кэлен смотрела, как Ричард укладывает черные штаны, черную рубашку, черную с золотом безрукавку, серебряные браслеты, пояс с кошелями и золотой плащ в мешок. На нем был простой наряд лесного проводника — сейчас переодеваться некогда. Кэлен надеялась, что очень скоро он сможет сбежать и снова наденет облачение боевого чародея, чтобы повести их в бой против Ордена.

По каким-то не вполне понятным причинам Ричард стал ключевой фигурой в их борьбе. Кэлен знала, что его отношение к

происходящему правильное. Люди сами должны захотеть сражаться за себя, за свою свободу, а не просто следовать за вождем.

Засовывая в мешок вещи и всякую мелочь, Ричард говорил Кэлен, что, возможно, ей удастся разыскать Зедда. У старого волшебника могут быть кое-какие соображения. Она кивнула, сказала, что постарается, но сама прекрасно знала: Зедд ничего сделать не сможет. Этот жуткий треугольник не разрушит никто, Никки об этом позаботилась. Ричард просто дарил ей надежду — единственное, что он мог сейчас ей подарить.

Кэлен не знала, куда девать руки. Она стояла, ломая пальцы, а из глаз лились слезы. Нужно что-то сказать, что-то важное, пока еще есть возможность, но ничего не приходило на ум. Она знала: Ричард понимает ее чувства, видит, что у нее на сердце, и никакие слова ничего тут не добавят.

Ощущение рока заполняло комнату. Рок присутствовал здесь, как мрачный стражник, поджидающий, чтобы забрать Ричарда, увести его прочь. Рок ждал — неумолимый, неуязвимый, равнодушный.

Когда Кара отошла от двери, Ричард достал из кожаного мешка горсть золотых и серебряных монет. Торопливо ссыпав половину обратно, он протянул оставшуюся часть ей.

— Возьми. Может пригодиться.

— Я Мать-Исповедница. Мне не нужно золото.

Ричард бросил деньги на кровать, не желая тратить время на споры.

— Заберешь какие-нибудь фигурки? — спросила Кэлен. Дурацкий вопрос, но надо же как-то заполнить гнетущее молчание, а больше ничего не приходит в голову.

— Нет. Они мне не нужны. Когда станешь смотреть на них, думай обо мне и помни, что я тебя люблю. — Он скатал одеяло, завернул в промасленную холстину и привязал кожаным шнуром к мешку. — Если захочу, я всегда смогу вырезать новую.

Кэлен протянула ему кусок мыла.

— Мне не нужны резные фигурки, чтобы помнить о твоей любви. Я и так буду помнить. Вырежи что-нибудь такое, чтобы Никки поняла — ты должен быть свободен.

Ричард посмотрел на нее с мрачной улыбкой.

— Я позабочусь о том, чтобы она твердо усвоила: я никогда не сдамся ни ей, ни Ордену. Резные фигурки не понадобятся. Она считает, что всего добилась, но ей предстоит убедиться, что

я плохой попутчик. — Ричард ткнул кулаком в мешок, утрамбовывая содержимое. — Просто отвратительный.

В комнату влетела Кара с несколькими узелками и быстро положила их на кровать.

— Я собрала для вас кое-какую еду, магистр Рал. То, что пригодится в путешествии: вяленое мясо, вяленую рыбу, немного риса и бобов. А... А сверху я положила буханку хлеба, который сама испекла. Вы уж съешьте сперва его, пока он свежий.

Поблагодарив, Ричард положил узелки в мешок. Хлеб он, прежде чем убрать, поднес к носу и с удовольствием понюхал, благодарно улыбнувшись Каре.

Ричард выпрямился. Он больше не улыбался. С таким выражением, будто собирается совершить последнее, страшное действо, он стянул через голову перевязь. Взял серебряно-золотые ножны в левую руку, правой вытащил из ножен Меч Истины. Костяшки пальцев побелели.

Клинок издал неповторимый металлический звон, возвещая о том, что свободен.

Ричард закатал рукав и полоснул мечом по предплечью. Кэлен вздрогнула. Она не знала, случайно он рассек руку так глубоко или нарочно. И заледенела, вспомнив, как точно работал Ричард любым острым предметом.

Он повернул лезвие и обмакнул в кровь с обеих сторон. Он купал клинок в крови, давая ему отведать чуть-чуть и еще больше, разжигая в нем аппетит. Кэлен не понимала, что он делает и зачем, но это был пугающий ритуал. Она пожалела, что Ричард не извлек меч раньше и не зарубил Никки. Уж ее-то крови Кэлен бы не испугалась.

Ричард взял ножны и убрал Меч Истины на место, провел ладонью по всей длине меча и схватил ножны посредине, а потом склонил голову, не отрывая глаз от золотого и серебряного блеска, и повернулся к Кэлен.

Он поднял голову — в его глазах плескалась смертельная ярость магии. Ричард вызвал чудовищную ярость меча, призвал ее — а потом убрал. Кэлен никогда еще не видела, чтобы он так поступал.

Ричард протянул ей меч. Сухожилия на запястье напряглись. Сквозь кровь виднелись белые костяшки пальцев.

— Возьми его, — проговорил он хриплым голосом, выдающим внутреннюю борьбу.

Кэлен, как зачарованная, взяла меч. На мгновение, пока Ричард не отнял окровавленную руку, она испытала резкий толчок, будто ее притянуло к мечу яростным гневом, подобного которому она никогда не испытывала. Она была почти готова увидеть сноп искр. От холодной стали исходила такая эманация ярости, что Кэлен чуть не рухнула на колени. В этот момент она вполне могла бы выронить меч, будь у нее возможность разжать руки. Только она не могла.

Как только Ричард убрал руку, меч в ножнах тут же утратил свою жгучую ярость и стал неотличим от любого другого.

Ричард предостерегающе поднял палец. Опасная магия все еще плескалась в его взоре. Желваки на скулах напряглись и отчетливо проступили под кожей.

— Не доставай этот меч, — прохрипел он, — пока не дойдет до спасения твоей жизни. Ты знаешь, что это оружие творит с человеком. Не только с тем, кто ощущает на себе силу его клинка, но и с тем, кто носит ножны.

Кэлен, захваченная его пронзительным взглядом, смогла лишь кивнуть. Она отчетливо помнила, как Ричард впервые убил этим мечом человека. В тот первый раз, когда он научился убивать, он сделал это, чтобы защитить ее.

Первое соприкосновение с магией меча едва не убило самого Ричарда. Ему пришлось выдержать страшную битву с собой, чтобы научиться управлять этим волшебным ураганом, именуемым Меч Истины.

Даже без магии меча глаза Ричарда могли излучать неумолимую угрозу. Кэлен могла припомнить несколько случаев, когда его хищный взор сам по себе заставлял замолчать целый зал народа. Мало что могло напугать больше, чем выражение этих глаз. Сейчас эти глаза жаждали сеять смерть.

— Будь в ярости, если придется воспользоваться этим мечом, — прорычал он. — В сильной ярости. В этом — твое единственное спасение.

Кэлен сглотнула.

— Понимаю, — кивнула она. — Я помню.

Праведный гнев был единственной защитой от жгучей боли, которую взимал меч в виде платы за услуги.

— Жизнь или смерть. Больше никаких поводов. Я не знаю, что может произойти, и желательно, чтобы ты как можно дольше пребывала в неведении. Но лучше так, чем оставить тебя во-

обще без защиты. Я дал ему вкусить крови, а потому он появится из ножен оголодавшим, он будет... в кровавой ярости.

— Я понимаю.

Его глаза успокоились.

— Мне очень жаль, что я взваливаю на тебя ответственность за это страшное оружие, но это единственная защита, которую я могу тебе предложить.

— Мне не придется им воспользоваться. — Кэлен ласково коснулась его руки.

— Добрые духи, надеюсь, что нет. — Ричард оглянулся, в последний раз обводя взглядом комнату, затем посмотрел на Кару. — Мне пора идти.

Морд-сит не обратила на его слова внимания.

— Дайте мне сначала вашу руку.

Ричард увидел, что она держит бинты и, не возражая, протянул окровавленную руку. Кара быстро промыла рану влажной тряпицей и забинтовала.

Когда она закончила, Ричард поблагодарил ее. Кара разорвала конец и, обмотав получившиеся хвостики вокруг запястья, завязала в узел.

— Часть пути мы пройдем с вами.

— Нет. Вы остаетесь здесь. — Ричард опустил рукав. — Не хочу рисковать.

— Но...

— Кара, я хочу, чтобы ты защищала Кэлен. Доверяю ее тебе. Знаю, ты меня не подведешь.

В огромных блестящих от слез голубых глазах отражалась такая боль, которую — Кэлен была уверена — Кара никогда не позволила бы увидеть никому.

— Клянусь защищать ее так, как защищала бы вас, магистр Рал, если вы клянетесь уйти и вернуться.

Ричард сверкнул улыбкой.

— Я магистр Рал. Нет нужды напоминать тебе, что я выбирался и из худших переделок. — Он чмокнул ее в щеку. — Кара, клянусь, что никогда не оставлю попыток освободиться. Даю тебе слово.

Кэлен понимала, что на самом деле он вовсе не пообещал Каре того, чего та хотела. Он ни за что не будет давать обещания, которое не в состоянии сдержать.

Наклонившись, он придвинул мешок.

— Пора идти. — Он затянул завязки. — Мне нельзя опаздывать.

Пальцы Кэлен сжались на его руке, Кара положила руку ему на плечо. Обернувшись, Ричард схватил Кэлен за плечи.

— А теперь послушай меня. Я хочу, чтобы вы оставались здесь, в этом домике, в этих горах, где вам ничто не грозит, но сильно сомневаюсь, что вас тут удержит что-нибудь, кроме моего предсмертного желания. По крайней мере пробудьте здесь еще дней пять-шесть, на случай, если я до чего-нибудь додумаюсь и удеру от Никки. Может, она и сестра Тьмы, но и я уже не новичок в магии. Я и прежде удирал от весьма могущественных людей. Я отправил в подземный мир Даркена Рала. Побывал в Храме Ветров по ту сторону завесы, чтобы остановить чуму. Я вылезал и из худших передряг. Кто знает, может, это куда проще, чем кажется на первый взгляд. Если мне удастся от нее сбежать, я вернусь сюда. Подождите хотя бы немного. Если же мне пока не удастся отделаться от Никки, постарайтесь найти Зедда. У него могут быть какие-нибудь соображения по этому поводу. Когда мы его видели в последний раз, с ним была Энн. Она — аббатиса сестер Света и знала Никки много лет. Возможно, она вспомнит что-то, что в сочетании с изобретательностью Зедда сможет помочь.

— Ричард, не беспокойся за меня. Просто позаботься о себе. Я буду ждать тебя, когда бы ты ни вернулся, а ты приложи все усилия, чтобы отделаться от Никки. Мы подождем тебя тут несколько дней. Обещаю.

— Я присмотрю за ней, магистр Рал. Не тревожьтесь за Мать-Исповедницу.

Ричард кивнул и снова повернулся к Кэлен. Нахмурившись, он крепче сжал ее плечи.

— Я знаю тебя, знаю, что ты чувствуешь, но ты должна выслушать меня. Время еще не пришло. Возможно, оно вообще никогда не придет. Ты можешь считать, что я ошибаюсь, но если закроешь глаза на реальность происходящего, если будешь считать, что реальность такова, какой тебе хотелось бы ее видеть, тогда нам нет смысла надеяться на встречу, потому что мы не встретимся никогда. Мы все умрем, и дело борьбы за свободу умрет тоже. — Он наклонился ближе: — В первую очередь запомни вот что: наши войска ни при каких обстоятельствах не должны атаковать основные силы Ордена. Если они... Если ты бросишься на главные силы имперцев, думая, что победишь, это

погубит наши армии. И тогда — конец всему. Всякие надежды на свободу, всякие надежды сокрушить Орден будут потеряны для грядущих поколений. Так же и с Никки мы должны прежде всего думать, пользоваться разумом, а не ввязываться в драку, иначе умрем оба. Ты обещала мне, что не попытаешься покончить с собой. Не изменяй клятве!

Все это казалось сейчас совершенно не важным. Единственное, что было важно, — она теряет его. Кэлен охотно отдала бы весь мир на растерзание волкам, только бы сохранить Ричарда.

— Хорошо, Ричард.

— Обещай мне. — Его пальцы причиняли боль. Он встряхнул ее. — Я не шучу. Ты пустишь все псу под хвост, если не прислушаешься к моим словам. Ты уничтожишь надежду всего человечества на ближайшие пятьдесят поколений. Ты можешь оказаться той, кто уничтожит свободу и обрушит на весь мир темные времена. Обещай мне, что не сделаешь этого.

В голове Кэлен роились мириады мыслей. Она посмотрела ему прямо в глаза и услышала, как произносит:

— Обещаю, Ричард. Пока ты не позволишь, мы не будем напрямую атаковать.

Казалось, с его плеч свалилась огромная тяжесть. Лицо осветилось улыбкой, и он привлек ее к себе. Его пальцы пробежали по ее волосам и погладили по голове, а Кэлен подставила губы для поцелуя. Она обняла его за плечи, прижимаясь изо всех сил. Это длилось лишь мгновение, но в это мгновение они были счастливы.

Слишком скоро и объятия, и поцелуй прервались. Ричард наспех обнял Кару и забросил мешок за спину. В дверях спальни он обернулся:

— Я люблю тебя, Кэлен. Никого не любил до тебя и не полюблю после. Только ты. — Его глаза говорили то же самое.

— Ты для меня — все, Ричард. Ты знаешь.

— Тебя я тоже люблю, Кара, — подмигнул он морд-сит. — Позаботься о ней и о себе до моего возвращения.

— Непременно, магистр Рал. Даю вам слово как морд-сит.

Он криво усмехнулся:

— Я беру твое слово как Кары, — и исчез.

— Я тоже люблю вас, магистр Рал, — прошептала Кара в пустой дверной проем.

Кэлен с Карой выскочили в центральную комнату и встали в дверях, глядя, как он бежит через луг.

Кара сложила ладони рупором.

— Я тоже вас люблю, лорд Рал! — прокричала она.

Ричард обернулся и помахал на бегу, показывая, что услышал.

Они стояли и смотрели, как темная фигура Ричарда плавно мчится по желтой траве, удаляясь прочь. Перед тем как исчезнуть среди деревьев, он остановился и обернулся. Кэлен обменялась с ним последним взглядом. Взглядом, который сказал все. Ричард повернулся и исчез в лесу.

Кэлен, не в силах больше сдерживаться, рухнула на колени, а потом осела на пятки. Уронив лицо на руки, она беспомощно рыдала над тем, что казалось ей концом света.

Кара присела на корточки, обняла ее рукой за плечи. Кэлен было ненавистно, что Кара видит ее рыдающей. Когда Кара молча прижала ее голову к плечу, она ощутила отстраненную признательность.

Кэлен не знала, сколько просидела на пороге, рыдая, в белом платье Матери-Исповедницы. Наконец она совладала с собой. Сердце погрузилось в безнадежную тоску. Каждый миг казался невыносимым. Перед ней стояло мрачное будущее — огромная пустыня страданий.

Наконец она подняла голову и оглянулась. Без Ричарда дом опустел. Теперь это мертвое место.

— Что ты хочешь сделать, Мать-Исповедница?

Становилось темно. Уже закат? Или тучи сгустились? Кэлен не знала. Она вытерла глаза.

— Давай-ка начнем собирать вещи. Мы пробудем тут еще несколько дней, как просил Ричард. А потом все, что не смогут нести лошади и что может испортиться, лучше закопать. Надо будет заколотить окна. Мы закроем дом плотно и надежно.

— На случай, если когда-нибудь вернемся в этот рай?

Кэлен кивнула, оглядываясь по сторонам и отчаянно пытаясь сосредоточиться на предстоящей работе. Она знала, что хуже всего придется ночью, когда она будет лежать в постели одна. Когда его с ней не будет.

Долина казалась теперь потерянным раем. Кэлен никак не могла поверить, что Ричарда действительно здесь нет. Все было так, как будто он просто пошел ловить рыбу или собирать ягоды. Или исследует горы.

— Да, на случай, если вернемся. Тогда здесь снова будет рай. По-моему, когда Ричард вернется, рай будет где угодно.

Кэлен заметила, что Кара не отвечает, глядя в дверной проем.

— Что, Кара?

— Магистра Рала нет.

— Я знаю, это больно, Кара, — ласково сказала Кэлен, коснувшись ее плеча, — но мы должны думать о...

— Нет. — Кара посмотрела на нее. Взгляд ее был странно тревожным. — Нет, я не об этом. Я больше не чувствую его. Не чувствую узы с магистром Ралом. Я знаю, где он — идет по тропинке к перевалу, — но не чувствую его. — Она была близка к панике. — Добрые духи, это все равно что ослепнуть! Я не знаю, как его найти! Я не могу найти магистра Рала!

В первый момент Кэлен испугалась, что он упал и разбился или Никки убила его. Усилием воли она отбросила от себя эти мысли.

— Никки знает об узах. Скорее всего она прибегла к магии, чтобы скрыть их или нарушить.

— Да-да, скрыла. — Кара покатала в пальцах эйджил. — Должно быть, так. Я по-прежнему чувствую эйджил, следовательно, знаю, что лорд Рал жив. Узы целы... Но я не чувствую их, не могу определить, где он.

Кэлен облегченно вздохнула.

— Значит, так оно и есть. Никки не желает, чтобы за ней следовали, вот и затуманила узы магией.

Кэлен сообразила, что теперь для защиты от сноходца людям придется просто верить в Ричарда, не ощущая волшебных уз. Они должны будут сохранять эту веру в сердце, чтобы выжить.

Смогут ли они? Смогут ли верить просто так?

Кара смотрела в дверной проем, за луг, туда, где в лесу исчез Ричард. Лиловое небо над серо-голубыми горами окрасилось оранжевыми полосами. Снежные шапки на вершинах опускались все ниже. Надвигалась зима. Если Ричарду не удастся в течение нескольких дней сбежать и вернуться, Кэлен с Карой должны будут поспешить, чтобы уехать до наступления зимы.

Ее вновь охватило чувство утраты и скорби, на глаза навернулись слезы. Кэлен отправилась в спальню, чтобы снять платье Матери-Исповедницы. Пора готовить дом к зиме, пора собираться.

Едва Кэлен стянула с себя платье, как в дверях возникла Кара.

— И куда мы направимся, Мать-Исповедница? Ты сказала, что мы отсюда уедем, но не сообщила куда.

Кэлен увидела стоящую на окне «Сильную духом» с прижатыми к бокам кулаками и гордо вскинутой головой. Взяв статуэтку, она провела по ней пальцем.

Глядя на статуэтку, касаясь ее, ощущая излучаемую ею силу, Кэлен постепенно обретала решимость. Другой рукой она коснулась Меча Истины и усилием воли обратила обуревающее ее отчаяние в жгучую ярость.

— Мы идем, чтобы уничтожить Орден.

— Уничтожить Орден?

— Эти твари убили мое нерожденное дитя, а теперь отняли Ричарда. Я заставлю их об этом пожалеть тысячи раз. Миллионы раз. Когда-то я дала клятву — никакой пощады Ордену. Время пришло. Если единственный способ вернуть Ричарда — перебить их всех до единого, значит, быть посему.

— Ты поклялась магистру Ралу.

— Ричард не говорил о том, что их нельзя убивать. Он только сказал, как этого делать не надо. Моя клятва не позволит мне вонзить меч им прямо в сердце, но вовсе не возбраняет нанести тысячи порезов, чтобы они истекли кровью. Я не нарушу клятвы, просто перебью их всех до одного.

— Мать-Исповедница, ты не должна этого делать.

— Это почему?

Голубые глаза Кары угрожающе сверкнули.

— Ты должна оставить половину мне.

Глава 24

Ричард только раз обернулся на бегу и посмотрел на Кэлен. Она стояла в дверях, в белом платье Матери-Исповедницы, с длинными распущенными волосами. Стояла — воплощением женственности, прекрасная, как в тот день, когда он впервые увидел ее. На мгновение их взгляды встретились. Ричард был слишком далеко и уже не видел ее зеленые глаза, такие ясные и лучистые, что при взгляде на них сердце у него то замирало, то убыстряло свой бег.

Он знал, что время поджимает. Как бы ни хотелось ему и дальше смотреть на Кэлен, времени не оставалось. Ее жизнь висит на волоске. Выбора нет. Повернувшись, Ричард углубился в лес.

Он довольно часто ходил этой тропой и знал, где можно бежать, а где следует передвигаться осторожно, но теперь было не до осторожности.

Ричард мчался по лесу. Роившиеся в голове мысли лишь бередили раны. Впервые он чувствовал себя в лесу чужим — бессильным, ничтожным, потерявшим надежду. Голые ветви деревьев скрипели на ветру, они стонали и трещали, словно оплакивая его уход. Ричард бежал вперед и старался больше ни о чем не думать.

Он взбирался все выше и выше, и теперь лиственные деревья сменились елями

и пихтами. Дыхание толчками вырывалось из груди. Над верхушками деревьев свистел ветер, будто гнал его из самого счастливого места в мире. Островки мха походили на свадебные торты, сделанные из чего-то ярко-зеленого, сверкали крошечными шоколадными иголочками семян.

Ричард перепрыгнул по валунам через ручей. Ниже по склону ручеек уходил под камни, рокотом возвещая огромным дубам о приближении Ричарда, спешившего навстречу неволе. В тусклом сероватом сумраке он не заметил красноватые корни кедра, споткнулся, рухнул лицом на тропинку. Последнее унижение — после суда и приговора к изгнанию.

Лежа на истлевшей листве, сухих ветках и лесном мусоре, Ричард размышлял, не лучше ли остаться так навсегда. Просто лежать и ждать конца. Холодный ветер заморозит его, пауки, змеи и волки обгрызут с костей плоть, земля и деревья поглотят останки, не оставив никаких следов его пребывания в этом мире.

Посланец, чьих слов никто не захотел услышать.

Вождь, пришедший слишком рано.

Не лучше ли положить всему конец — и пусть смерть заберет их обоих, упокоит с миром и покончит со всем.

Деревья презрительно взирали на него, выжидая, что предпримет ничтожный человек, хватит ли у него смелости подняться на ноги и встретить то, что его ждет. Ричард и сам этого не знал.

В это бесконечное мгновение смерть казалась самым простым исходом, куда менее болезненным.

Даже Кэлен, любимая Кэлен, хочет услышать от него то, что он сказать не может: ложь. Хочет, чтобы он отказался от своих слов, признал, что ошибается. Ради нее он готов на все, но изменить реальность не в его силах. Что ж, по крайней мере она в него верит, она позволит увести ее от тьмы надвигающейся тирании. Пусть она и не верит его словам, но она — единственный человек, готовый следовать за ним по доброй воле.

Он пролежал несколько секунд, приходя в себя и восстанавливая дыхание. Краткий миг, в который он позволили себе проявить слабость в преддверии тех тягот, что ему предстоят.

Слабость — противовес стойкости, которая вскоре ему понадобится. Сомнения — противовес ясности цели. Страх — противовес храбрости, которой ему придется набраться.

Даже размышляя, стоит ли вообще вставать, он знал, что встанет. Приступ жалости к себе миновал. Он сделает все ради Кэлен. Даже это. И тысячу раз, если придется.

Ричард решительно отбросил мрачные мысли. Не так уж все и безнадежно. Бывало и хуже. В конце концов, он встречался с противниками сильнее, чем эта сестра Тьмы. Как-то раз он вырвал Кэлен из лап пяти сестер Тьмы! А тут — всего одна. С ней-то он справится. При мысли о том, что Никки рассчитывает заставить их плясать, как марионеток на веревочке, в нем закипел гнев.

Отчаяние сменилось жгучей яростью.

Потом он снова бежал, цепляясь за деревья, срезая углы. Перепрыгивал через упавшие деревья, скакал с камня на камень.

Сломанное дерево зацепило мешок, сорвало с плеча. Ричард попытался на ходу высвободить его, но не удержал и мешок свалился на землю.

Он взбесился, будто дерево сделало это специально, чтобы задержать его, и с треском обломал злосчастную ветку. Потом опустился на колени, судорожно запихнул в мешок рассыпавшееся содержимое, сгребая вместе с монетами мох и иголки, прилипшие к куску мыла, что дала Кэлен. Разбираться некогда. Теперь он повесил мешок на спину, а не на плечо.

Дорога резко пошла вверх. Ему то и дело приходилось уцепляться обеими руками за камни и корни. Ричард нередко ходил этой дорогой и знал, где и за что лучше всего цепляться. Несмотря на холод, глаза ему заливал пот. Костяшки пальцев он ободрал в кровь.

Ему казалось, что Никки едет слишком быстро, слишком намного его опережает. Он знал, что чудовищно сглупил, задержавшись в расчете на то, что сократит путь, — и сожалел, что у него было так мало времени, чтобы обнять Кэлен.

Ему душу выворачивала мысль, насколько тяжело сейчас Кэлен. Наверное, ей сейчас куда хуже, чем ему. Пусть она свободна, а он — нет, для нее это только хуже. Ведь, даже будучи свободной, она вынуждена сдерживаться, когда больше всего на свете ей хочется последовать за ним. Ричарду проще. Он подневольный, он следует приказам.

Он выскочил из леса на широкую дорогу и оказался на вершине перевала. Никки нигде не было. Затаив дыхание, он посмотрел на восток, опасаясь увидеть ее по ту сторону. Перед ним простирались бесконечные леса и поросшие деревьями горы. Вдали возвышались скалистые вершины, их заснеженные пики и склоны ярко белели на фоне свинцового неба.

Ричард не видел ни лошади, ни всадницы, но это ничего не значило, поскольку чуть ниже тропа сворачивала за деревья. Он

быстро осмотрел почву в поисках следов, надеясь, что Никки не сильно его опережает и он успеет нагнать, пока она не сотворила что-то ужасное. Не обнаружив никаких следов, Ричард слегка успокоился.

Он посмотрел на простиравшуюся внизу долину, через луг на их домик. Слишком далеко, чтобы кого-нибудь разглядеть. Ричард надеялся, что Кэлен все же пробудет тут еще несколько дней. Ему не хотелось, чтобы она возвращалась к армии, чтобы, рискуя жизнью, сразиться в проигранной войне.

Он понимал желание Кэлен быть со своим народом и защищать родину. Кэлен считала, что ее присутствие что-то изменит. Не изменит. Пока — не изменит. А может, и никогда не изменит. Видение Ричарда было лишь принятием реальности. Угрожая небу мечом, все равно не помешаешь солнцу закатиться.

Ричард посмотрел на свинцовые облака. Последние несколько дней он замечал все признаки того, что скоро уже в долине выпадет первый снег. Судя по небу и направлению ветра, похоже, он прав.

Ричард отлично понимал, что ему не удастся так просто отделаться от Никки, он придумал эту сказочку из других соображений. Как только в этих краях менялась погода, снегопад обрушивался мгновенно и очень обильно. Если метель окажется такой, как он предполагает, Кара с Кэлен будут заперты в домике до весны. Еды им хватит с избытком. И двор он успел нарубить больше чем достаточно.

Здесь Кэлен будет в безопасности. А с армией — постоянно под угрозой.

Из-за деревьев показалась серая в яблоках лошадь. Голубые глаза Никки не отрывались от Ричарда с того мгновения, как она увидела его на перевале.

Когда сестры Света увезли его в Древний мир, во Дворец Пророков, Ричард считал, что Кэлен этого хотела. Он ошибался. Тогда он не знал и не понимал, что она прогнала его, чтобы спасти ему жизнь. Он думал, что Кэлен больше вообще не хочет его видеть.

Во Дворце Никки была для него живым соблазном. Он совершенно терялся в ее присутствии и с трудом мог поверить, что такое совершенство существует в действительности, что это не сон.

Сейчас же, глядя, как она легонько покачивается в седле, не сводя с него своих огромных голубых глаз, он вдруг подумал, что Никки воспринимает свою красоту с мрачным смирением. Она

полностью утратила обаяние, и Ричард никак не мог понять, почему когда-то испытывал к ней столь сильное чувство.

С тех пор Ричард познал, что такое настоящая любовь, и Никки стала для него ничем.

Наблюдая за ее приближением, он с удивлением заметил, что Никки выглядит грустной. Казалось, она огорчена тем, что он здесь, но в то же время на ее лице промелькнула тень облегчения.

— Ричард, ты превзошел все мои надежды. — Судя по тону, надежды эти были весьма невелики. — Ты весь взмок. Хочешь передохнуть?

От ее притворной доброты у него кровь вскипела в жилах. Ричард молча отвел разъяренный взгляд от ее ласкового лица и двинулся по дороге перед ее лошадью. Он счел за благо помолчать, пока не совладает с душившим его бешенством.

Чуть дальше по дороге поджидал черный жеребец с белым пятном на морде. Огромный конь был привязан на заросшей травой полянке среди высоченных сосен.

— Твой конь, как я и обещала, — сказала Никки. — Надеюсь, он тебе понравится. Он показался мне достаточно большим и сильным, чтобы тебя везти.

Ричард проверил удила и счел их подходящими. Никаких мартингалов, которыми, он знал, пользовались сестры, чтобы управлять лошадьми. Остальная упряжь тоже в норме. Жеребец выглядел вполне здоровым.

Ричард дал жеребцу время познакомиться с ним. Он напомнил себе, что лошадь ни в чем не виновата, и его отношение к Никки не должно влиять на обращение с этим красивым животным. Ричард не поинтересовался, как зовут коня. Он дал ему обнюхать свою руку, ласково потрепал по шелковистой черной холке и погладил по боку. Могучий жеребец топнул передними копытами. Он явно был не рад знакомству.

Пока что выбирать дорогу не приходилось. Единственный путь уводил его прочь от домика, где осталась Кэлен. Ричард пошел впереди, чтобы не видеть Никки.

Он не хотел сразу же вскакивать на жеребца, не то потом будет куда больше хлопот. Пусть конь сначала к нему немного привыкнет. Решительно взяв коня под уздцы, Ричард зашагал вперед. Работа с лошадью отвлекала его от черных мыслей, грозивших увлечь в пучину отчаяния. Вскоре жеребец немного освоился с новым хозяином, и Ричард вскочил в седло.

Никки не пыталась затеять разговор — наверное, чувствовала его настроение. Он едет с ней, но у нее нет никаких шансов заставить его радоваться этому.

Когда начало темнеть, Ричард спешился возле небольшого ключа, где лошади могли попить, и бросил свои вещи на землю. Никки молча приняла его выбор и, соскочив с лошади, отвязала от седла спальный мешок. Усевшись на спальник с несколько удрученным видом, она принялась жевать колбасу и размоченный в воде сухой бисквит. Откусив кусочек, она протянула колбасу Ричарду и вопросительно посмотрела на него. Он не отреагировал. Никки решила, что он отказывается, и продолжила есть.

Закончив еду и сполоснувшись в ручье, она на некоторое время удалилась за густые кустики. А вернувшись, молча заползла в спальник, отвернулась и уснула.

Ричард сидел на мшистой земле, скрестив руки и опершись спиной о седло. Так он провел всю ночь — без сна. Он наблюдал за спящей Никки, освещенной неверным светом почти полной луны, следил за ее ровным дыханием, смотрел на слегка приоткрытые губы и непрерывно размышлял над тем, как преодолеть то, что она с ним сотворила. Он подумывал, не удавить ли ее, но это была не самая светлая мысль.

Ему и прежде доводилось пользоваться магией. Он не только чувствовал магию, но и с помощью своего дара высвобождал невероятную силу.

Его дар чаще всего просыпался от гнева. И еще — в случае острой необходимости. Сейчас у него в достатке имелось и то, и другое. Он только не знал, как это может помочь. Ричард недостаточно хорошо понимал, что сотворила Никки, а потому не мог придумать, как это нейтрализовать. Пока жизнь Кэлен висела на другом конце волшебной нити, он не решался ничего предпринимать наобум. Но он отыщет способ. Непременно отыщет! Опыт подсказывал, что выход всегда найдется, это лишь вопрос времени. Если он хочет сохранить рассудок, то должен в это верить.

Утром, не говоря Никки ни слова, он оседлал коней. Потягивая воду из бурдюка, она наблюдала, как он затягивает подпруги, проверяя, не перетянул ли. Потом извлекла из седельной сумки хлеб и она спросила Ричарда, не желает ли он кусочек. Ричард не обратил на нее внимания.

Он устал, проведя долгую холодную ночь без сна, но гнев поддерживал его силы. Весь день они ехали шагом по бесконеч-

ным лесам под свинцово-серым небом. В такую погоду приятно чувствовать теплые бока лошади. Постепенно они спускались с высокогорья в низины.

А к вечеру пошел снег.

Сначала в воздухе закружились редкие снежинки. Потом снегопад усилился, запорошил деревья и землю, а вскоре весь мир стал белым. Видимость существенно ухудшилась, снег повалил стеной. Ричарду приходилось постоянно смаргивать снежинки с ресниц.

И тут впервые за последнее время Ричард испытал облегчение.

Там, в высокогорье, Кара и Кэлен проснутся утром в окружении сугробов в несколько футов высотой. И решат, что глупо трогаться в путь, если снег наверняка через несколько дней растает. И крепко просчитаются. Там, высоко в горах, наступит зима. За этим снегом придут метели, скоро их засыплет по самые окна. Конечно, они станут беспокоиться, но скорее всего решат дождаться оттепели. В конце концов, срочности никакой нет.

И вероятнее всего в конце концов окажутся запертыми в домике на всю зиму. В безопасности. Когда он рано или поздно сбежит от Никки, он найдет Кэлен в их домике.

Ричард решил, что не стоит ночевать под открытым небом. Они могут замерзнуть насмерть, а он слишком хорошо помнил, что, если Никки умрет, Кэлен умрет тоже. Заметив большую приют-сосну, он съехал с дороги. С веток посыпался снег, Ричард стряхнул его с плеч и с волос.

Никки растерянно огляделась, но возражать не стала. Спешившись, она смотрела, что он делает. Когда он отвел в сторону большую ветку, освобождая ей проход, Никки хмуро посмотрела на него — и тут же выпрямилась. На ее лице отразилось детское удивление. Ричард не ответил на ее широкую улыбку.

Внутри, под густыми заснеженными лапами, было тихо, холодно и темно. В сумеречном освещении Ричард выкопал небольшую ямку под костер, и вскоре сухие ветки, которые он осторожно положил поверх стружек, разгорелись веселым огоньком.

Теплый огонь осветил мягким светом их убежище. Никки изумленно огляделась. В свете костра ветви над головой отсвечивали оранжевым.

Никки спокойно грела над огнем руки. Она выглядела довольной. Не сияющей от восторга, но все же довольной. Каза-

лось, она прошла тяжелое испытание и теперь может успокоиться. Женщина, которая ничего не ждет, но радуется тому, что имеет.

Ричард не позавтракал с ней, и вчера тоже ничего не ел. Горькая решимость уступила голоду. Он растопил снег и приготовил бобы с рисом. Голодовка не принесет пользы ни ему, ни Кэлен. Он молча протянул Никки половину бобов с рисом, положив отломанную от буханки корку. Она с благодарностью приняла миску и предложила ему вяленого мяса.

Ричард уставился на протягивающие кусочек мяса изящные тонкие пальцы. Так кормят бурундука. Вырвав мясо из ее пальцев, он впился в него зубами. Чтобы не встречаться с ней взглядом, он смотрел в огонь. Тишину нарушали лишь потрескивание костерка да шелест падающего с веток снега. Снегопад часто превращает лес в царство оглушающей тишины.

Ричард доел похлебку и некоторое время сидел возле костерка, ощущая на лице исходящее от него тепло. Наконец усталость сморила его. Он добавил дров, поворошил угли, а потом раскатал спальный мешок по другую сторону костра, подальше от Никки, молча наблюдавшей за ним, и с мыслями о Кэлен погрузился в глубокий сон.

На следующее утро они проснулись рано. Никки молчала, но как только они сели в седла, решительно вывела свою серую в яблоках кобылу вперед и поехала первой. Снегопад сменился холодной изморосью. Снег на земле превратился в серое месиво. Низины еще не были готовы уступить зиме. Выше в горах, где находилась Кэлен, было куда холоднее, там снег ляжет надолго.

Осторожно продвигаясь вперед по узкой тропе на склоне горы, Ричард старался смотреть по сторонам, но все равно невольно поглядывал на ехавшую впереди Никки. Было холодно и сыро, она надела плотный черный плащ. С прямой спиной, гордо поднятой головой, с рассыпавшимся по черному плащу каскадом светлых волос она выглядела изумительно. Ричард был в темной грубой одежде лесного проводника и к тому же небрит.

Кобыла Никки — темно-серая, почти черная, с более светлыми пятнами по всему телу, грива и бабки темно-серые, хвост — молочно-белый, редко когда увидишь лошадь такой красоты. Ричард ненавидел эту кобылу — она принадлежала Никки.

После полудня они пересекли дорогу, ведущую на юг. Никки продолжила путь на восток.

Горы тут негостеприимные. Деревья растут практически на голом камне. В некоторых местах ближе к Хартленду попадаются сочные зеленые луга, где пасутся отары овец и стада коз.

Ричард печально смотрел на края, в которых вырос. Он не знал, когда вернется сюда — и вернется ли вообще. Он не спрашивал, куда они едут, — все равно Никки не ответит.

Медленно покачиваясь в седле, Ричард думал о мече, вспоминал, как передал его Кэлен. Тогда это казалось единственным выходом. Он не видел другого способа хоть как-то защитить ее — и молился, чтобы Кэлен никогда не пришлось воспользоваться мечом. Ну а если придется — что ж, он передал мечу часть своей ярости.

За поясом у Ричарда висел превосходный кинжал, но без меча он чувствовал себя голым. Он ненавидел древний клинок, ненавидел те мгновения, когда меч извлекает из глубины его души что-то темное, и в то же время тосковал по своему оружию. Тогда он вспоминал слова Зедда, что Меч Истины — всего лишь инструмент.

Но не только. Меч — зеркало, хотя и обладающее разрушительной магией. Меч Истины способен уничтожить все, будь то плоть или сталь, если направлен против врага, но не может поразить друга. В этом и заключался парадокс магии: лишь обладатель меча определяет, что есть зло.

Ричард был настоящим Искателем и наследником силы меча, созданного волшебниками во время великой войны. Меч должен быть при нем. Он обязан хранить меч.

Тем временем они свернули с тропы, ведущей на восток, и двинулись в юго-восточном направлении. Ричард знал этот путь. На следующий день тропа пересечет деревню и превратится в узкую дорогу. Очевидно, Никки этот путь тоже был знаком.

Ближе к вечеру они поехали вдоль северного берега довольно большого озера. На воде дрейфовала стайка чаек. Чайки в этих местах попадались не часто, но и особой редкостью тоже не считались. Ричард вспомнил морских птиц, которых видел в Древнем мире. Море очаровало его.

На дальнем берегу Ричард заметил двух рыбаков. На той стороне озера шла широкая тропа, протоптанная многими поколениями жителей деревушки южнее озера, приходивших сюда порыбачить.

Рыбаки, сидевшие на широком каменном выступе, приветливо помахали путникам. В этих местах всадники — явления

редкое. Ричард с Никки были слишком далеко, чтобы рыбаки могли их как следует разглядеть. Скорее всего они посчитали их парой трапперов.

Никки небрежно помахала в ответ, будто говоря: «Удачной рыбалки. Жаль, что не можем присоединиться».

Они свернули и скрылись из поля зрения рыбаков. Ричард отбросил со лба влажные волосы, прислушиваясь к тихому плеску волн. Миновав озеро, они свернули в лес. Тропа шла вверх по покатому склону. Никки надвинула капюшон, чтобы прикрыться от мелкого дождя и сыплющихся с веток деревьев капель. На лес опустилась серая мгла.

Ричард очень боялся по ошибке погубить Кэлен. Пришло наконец время задавать вопросы.

— Что ты хочешь, чтобы я говорил, когда мы встретим кого-нибудь? Вряд ли ты жаждешь, чтобы я сообщал каждому встречному, что ты сестра Тьмы, захватившая жертву. Или ты хочешь, чтобы я изображал немого?

Никки искоса поглядела на него.

— Для всех ты будешь моим мужем, — не колеблясь сообщила она. — И я жду от тебя, чтобы ты держался этой версии при любых обстоятельствах. Отныне и впредь, чтобы ни случилось, ты — мой муж, я — твоя жена.

Ричард стиснул руку на поводьях.

— У меня есть жена. И ты — не она. Я не стану притворяться, что ты моя жена.

Никки, покачиваясь в седле, внешне осталась совершенно равнодушной. Она подняла голову и посмотрела на темнеющее небо.

Здесь, в низинах, было еще слишком тепло для снега. Однако сквозь редкие просветы в облаках Ричард видел горы, затянутые плотной белой пеленой. Кэлен наверняка сейчас в тепле, уюте — и никогда не уедет.

— Как по-твоему, ты сможешь отыскать для нас еще одно такое дерево-укрытие? — спросила Никки. — Где будет сухо, как прошлой ночью? Мне бы очень хотелось посидеть в тепле и сухости.

— Да.

— Отлично. Нам надо поговорить.

Глава 25

Когда Ричард спешился возле ближайшей приют-сосны, Никки взяла поводья его лошади. Привязывая животных к толстым ветвям ольхи, она спиной чувствовала его убийственный взгляд. Проголодавшиеся кони тут же принялись жевать траву. Не говоря ни слова, Ричард принялся собирать хворост.

Никки исподволь, краем глаза наблюдала за ним. Он был в точности таким, как она его помнила. Но теперь, с их последней встречи, возросла излучаемая им властность. Прежде Никки иногда позволяла себе считать его мальчиком. Теперь — нет.

Теперь это могучий дикий жеребец, пойманный в им же самим созданный загон. Никки держалась на расстоянии, позволяя ему лягать стенки этого загона. Она ничего не выиграет, если станет издеваться над этим диким животным. Меньше всего на свете ей хотелось насмехаться над Ричардом или мучить его.

Никки понимала его жгучую ярость. Этого следовало ожидать. Она видела его чувства к Матери-Исповеднице, а ее — к нему, и стенки его загона, как прутья его загородки, сотканы из паутины его чувств. Сочувствуя его боли, Никки прекрасно понимала, что ничем не может ее облегчить. Чтобы боль притупилась, нужно время. Со временем прутья загородки сменятся другими.

В один прекрасный день он смирится с неизбежным. Поймет истинность того, что она собирается ему показать. Поймет необходимость того, что она делает. Все к лучшему.

Никки примостилась у края полянки на гранитный валун.

Она сидела прямо — привычка, привитая еще в детстве матерью — и смотрела, как Ричард идет расседлывать лошадей. Он подвесил лошадям торбы с овсом, а сам принялся собирать камни на поляке. Сначала Никки не поняла зачем, но когда Ричард потащил булыжники вместе с дровами под приют-сосну, сообразила, что он собирается обложить ими костер. Он пропадал внутри довольно долго, и Никки поняла, что он разводит костер из сырого хвороста. Если бы у нее осталось чуть больше силы, Никки бы ему помогла своей магией. Только вот силы у нее почти не осталось.

Впрочем, Ричард, судя по всему, с задачей справился. Вчера вечером Никки видела, как он это делает — сначала поджигает стружки, бересту и тонкие веточки. Из-под кроны приют-сосны донеслось веселое потрескивание — Ричард развел костер. Услышав звон котелка, Никки догадалась, что он поставил кипятиться воду.

Когда он вылез наружу, чтобы позаботиться о лошадях, Никки, спокойно сидя на валуне, плела косичку из травинок. Лошади, наевшись, попили воды из небольшого прудика, образовавшегося во впадине на склоне. Ричард скользнул взглядом по Никки. Предоставив ей и дальше плести травинки, он принялся обихаживать лошадей. Его большие руки работали плавно и уверенно. Никки была уверена, что лошади рады избавиться от налипшей на боках и ногах грязи. Она бы точно радовалась на их месте.

— Ты сказала, нам надо поговорить, — произнес наконец Ричард, проводя щеткой по гриве кобылы. — Надо полагать, ты сообщишь мне условия моего плена. Есть же у вас какие-то правила для пленных?

Судя по ледяному тону, похоже, он решил ее немного спровоцировать, проверить реакцию. Никки отложила травяную косичку. На его вызов она ответила искренним сочувствием.

— Ричард, не стоит предполагать, что только потому, что какое-то событие с тобой уже произошло, это повторится снова. Судьба не рожает каждый раз одно и то же дитя. Сейчас все не так, как было в те два раза.

Похоже, ее ответ застал его врасплох. Он долго смотрел на нее, а потом убрал щетку в седельную сумку и достал штычок.

— Те два раза? — Он все понял, иначе и быть не могло, но бесстрастное лицо ничем не выдавало его мыслей. Ричард поднял правую переднюю ногу жеребца и принялся чистить копыто. — Не понимаю, о чем ты.

Теперь Ричард, судя по всему, хотел выяснить, что ей известно о тех двух предыдущих разах и в чем же, по ее мнению, разница. Он намерен разобраться, как она собирается избежать ошибки, допущенные его предыдущими пленителями. Как и положено хорошему воину.

Он еще не готов принять, насколько все сейчас по-другому.

Ричард продолжал чистить копыта огромного черного жеребца. Когда он закончил, Никки встала. Ричард повернулся, и она ощутила на лице тепло его дыхания. Ричард сверлил ее гневным взглядом, но сейчас это было уже не страшно.

Никки поймала себя на том, что неотрывно смотрит в его пронзительные глаза, восхищаясь тем, что наконец он принадлежит ей. Наконец-то он ее. Для нее это было не менее удивительно, как если бы вдруг удалось поймать в бутылку луну со звездами.

— Ты пленник, — сказала Никки. — Твоя злость и твои чувства вполне поняты. Я и не надеялась, что тебе это понравится, Ричард. Но сейчас все не так, как в те разы. — Она ласково положила руку ему на плечо. Он удивился, но чувствовал, что опасности нет. — Прежде, — спокойно проговорила она, — ошейник был у тебя на шее. Оба раза.

— Ты была во Дворце Пророков, куда меня привезли. Но другой...

Она отвела руку.

— Мне не нужен ошейник, который надели на тебя сестры Света, чтобы управлять тобой. Моя цель совсем иная. — Она рассеянно улыбнулась, поплотнее закутавшись в плащ. — Помнишь, как ты впервые появился во Дворце Пророков? Помнишь, какую речь произнес?

— Не очень... — Ричард отвечал крайне осторожно.

Она по-прежнему смотрела куда-то вдаль, предаваясь воспоминаниям.

— А я помню. Тогда я впервые увидела тебя. Я помню каждое твое слово.

Ричард молчал, но по его глазам она видела, как лихорадочно он соображает.

— Ты был в ярости. Примерно как сейчас. Ты поднял красный кожаный прут, висевший у тебя на шее. Помнишь?

— Возможно. — Его подозрительный взгляд смягчился. — С тех пор многое произошло. Я это забыл.

— Ты сказал, что на тебя и прежде надевали ошейник. Ты сказал, что та, что надела на тебя этот ошейник, мучила тебя, чтобы наказать и вышколить.

Он мгновенно напрягся.

— Ну и что?

Никки снова посмотрела в его серые глаза, внимательно следившие за каждым ее вздохом, движением ресниц, жестом. Она знала, что он впитывает каждое ее слово, где-то внутри проводит тщательный анализ, прикидывая, насколько высока загородка и не сможет ли он через нее перепрыгнуть. Не сможет.

— Я все время об этом думала, — продолжила Никки. — О том, что ты сказал тогда — про ошейник. Несколько месяцев назад мы захватили женщину в красном кожаном одеянии. Морд-сит. — Он слегка побледнел. — Она сказала, что ищет магистра Рала, чтобы защищать его. Я убедила ее рассказать мне все, что она о тебе знает.

— Я не из Д'Хары. — Ричард говорил уверенно, но Никки почувствовала скрывавшийся за этой уверенностью страх. — Морд-сит практически ничего обо мне не знают.

Никки покопалась под плащом в поисках вещицы, что привезла с собой. Маленький красный прут скатился из ее ладони на землю к его ногам. Ричард напрягся.

— Да, но она знала, Ричард. Многое знала. — Никки едва заметно улыбнулась — не радостно или насмешливо, с отстраненной грустью при воспоминаниях об этой храброй женщине. — Она знала Денну. Она была в Народном Дворце в Д'Харе, куда тебя привезли, когда Денна тебя поймала. Она все знала.

Ричард отвел взгляд. Преклонив колено, он почтительно поднял с сырой земли красный прут и вытер о штанину.

— Морд-сит ничего бы тебе не сказала. — Выпрямившись, он посмотрел ей прямо в лицо. — Морд-сит — продукт пыток. Она сказала бы тебе ровно столько, чтобы ты сочла, что она сотрудничает с тобой. Она скормила бы тебе хитрую ложь, чтобы обвести вокруг пальца. Она бы скорее умерла, чем сказала хоть что-то, что может навредить ее магистру Ралу.

Никки изящным движением отвела прядку светлых волос со щеки.

— Ты меня недооцениваешь, Ричард. Эта женщина была очень храброй. Мне ее чудовищно жаль, но мне необходимо

было кое-что выяснить. И она мне все рассказала. Все, что я хотела узнать.

Никки видела, как в нем закипает ярость. Он покраснел. Вовсе не этого она добивалась, не этого хотела. Она сказала ему правду, но он отмел ее, следуя ложным предположениям.

Прошло какое-то мгновение, и правда наконец дошла до него. Ярость ушла, уступая место печали. Он сглотнул, горюя об этой женщине. Никки этого и ждала.

— Судя по всему, — прошептала Никки, — Денна была исключительно талантлива в области пыток...

— Я не нуждаюсь в твоем сочувствии и не хочу его.

— Но я сочувствую, Ричард, потому что эта женщина подвергла тебя мучениям только ради того, чтобы причинить тебе боль. Это самая скверная разновидность боли, верно? Без всякой цели, не с тем, чтобы добиться каких-то признаний... И такая бесцельность лишь усугубляет мучения. Вот что тебе довелось вынести. Эта женщина, — Никки указала на красный прут, — вынесла вовсе не такую разновидность боли. Я хочу, чтобы ты это знал.

Он недоверчиво сжал губы, глядя куда-то во тьму.

— Ты убил ее, эту морд-сит по имени Денна, но лишь после того, как она сотворила с тобой немыслимые вещи.

— Верно. — Лицо Ричарда окаменело. В его ответе звучала скрытая угроза.

— Ты пригрозил сестрам Света потому, что они тоже надели на тебя ошейник. Ты сказал им, что они не стоят мизинца той женщины, Денны, и был прав. Ты сказал сестрам, что они полагают, будто держат тебя на поводке, и пообещал, что они обнаружат — они держат в руке молнию. Даже и не думай, что я не понимаю твоего отношения к этому или твоей решимости. — Никки постучала его по груди. — Но на сей раз, Ричард, ошейник надет на твое сердце, и допусти ты хоть малейшую ошибку, пострадает Кэлен.

Его кулаки сжались.

— Кэлен скорее умрет, что позволит мне оставаться рабом из-за нее. Она умоляла меня пожертвовать ее жизнью ради моей свободы. И, возможно, наступит день, когда мне придется удовлетворить ее просьбу.

Никки было скучно слушать его угрозы. Люди слишком часто начинали ей угрожать.

— Дело твое, Ричард. Но ты ошибаешься, если думаешь, будто меня это хоть сколько-нибудь волнует.

Она и припомнить не могла, как часто Джегань всерьез угрожал убить ее и сколько раз его ручищи сжимались на ее шее, после того как он избивал ее до полусмерти. Кадар Кардиф временами бывал не менее жесток. Она давно счет потеряла, сколько раз была уверена, что сейчас умрет, — еще с детства, с того случая, как тот мужик затащил ее темную аллею.

Но люди были не единственные, кто обещал ей страдания.

— Я передать тебе не могу, какие обещание давал мне во сне Владетель — обещания бесконечных мук. Такова моя судьба. Так что будь добр, Ричард, не пытайся напугать меня своими жалкими угрозами. Мне угрожали смертью люди, куда более жестокие, чем ты. Я давным-давно смирилась со своей судьбой и перестала беспокоиться по этому поводу.

Ее руки тяжело опустились вдоль туловища. Она не испытывала ничего. Мысли о Джегане, о Владетеле напомнили ей, что ее жизнь не имеет смысла. Только то, что она видела в глазах Ричарда, давало ей намек на нечто большее, что ей еще только предстоит открыть и понять.

— Так что тебе надо? — требовательно спросил Ричард.

Никки вернулась к насущным делам.

— Я тебе сказала. Отныне ты мой муж. И останешься таковым, если хочешь, чтобы Кэлен жила. Я сказала тебе чистую правду. Если ты пойдешь со мной и будешь делать то, что я попрошу, к примеру, станешь моим мужем, — Кэлен проживет долгую жизнь. Не могу, конечно, сказать, что счастливую, поскольку знаю — она любит тебя.

— И как долго, по-твоему, ты сможешь меня удерживать, Никки? — Ричард раздраженно провел ладонью по волосам. — Это не сработает, чего бы ты ни добивалась. Как скоро тебе наскучит это абсурдное притворство?

Она сощурилась. Ричард явно ничего не понял.

— Мой милый мальчик, я пришла в этот несчастный мир сто восемьдесят лет назад. Ты знаешь. Неужели ты думаешь, что за все эти годы я не научилась терпению? Пусть внешне мы и выглядим ровесниками, и во многих смыслах я не старше тебя, но я прожила почти в семь раз дольше. И ты искренне считаешь, что ты терпеливее меня? Считаешь меня какой-то сопливой девчонкой, которую сможешь обхитрить или переиграть?

Он немного остыл.

— Никки, я...

— И не думай подружиться со мной или одержать надо мной верх. Я не Денна, не Верна, не Уоррен. И не Паша, если уж на то пошло. Мне друзья не нужны.

Отвернувшись, он погладил жеребца, который, почуяв вьющийся из-под приют-сосны дымок, всхрапнув, ударил копытом.

— Я хочу знать, какие гадости ты проделала с этой несчастной, чтобы выудить у нее сведения о Денне.

— Морд-сит рассказала мне все в обмен на услугу.

Недоверчиво нахмурившись, Ричард снова посмотрел на нее.

— Какую услугу ты могла оказать морд-сит?

— Я перерезала ей горло.

Ричард, прикрыв глаза, опустил голову и прижал эйджил к сердцу. Его голос утратил пыл.

— Вряд ли стоит спрашивать, знаешь ли ты ее имя?

Именно это — его сочувствие к другим, даже тем, кого он не знает — не только делало его таким, какой он есть, но и мешало ему. Его неравнодушие к бедам других будет именно тем, что в конечном итоге приведет его к пониманию добродетельности ее поступка. И тогда он тоже станет добровольно бороться за правое дело Ордена.

— Знаю, — ответила Никки. — Ханна.

— Ханна... — безжизненно повторил он. — Я даже с ней не знаком.

— Ричард. — Никки ласково взяла его за подбородок. — Я хочу, чтобы ты знал: я не мучила ее. Я нашла ее, всю искалеченную пытками. И мне вовсе не понравилось то, что я увидела. Я убила того, кто это сделал. Ханне помочь уже было нельзя. Я предложила ей избавление от боли, быстрый и безболезненный конец, если она расскажет мне о тебе. Я не просила ее предать тебя в том смысле, как это нужно Ордену. Я спрашивала только о твоем прошлом, о твоем первом пленении. Я хотела понять, что ты сказал в тот первый день во Дворце Пророков, вот и все.

Но Ричард вовсе не испытал облегчения.

— Ты оттягивала это «быстрое избавление», как ты изволила выразиться, пока она не сказала тебе то, что ты хотела. И этим тоже приняла участие в пытках.

Никки отвела взгляд, с болью вспоминая это кровавое действо. У нее давно уже ничего не вызывало эмоций.

Так много людей нужно избавить от страданий, так много старых и больных, так много плачущих детей, столько нищих, сирых

и убогих. Та женщина была лишь очередной жертвой этой поганой жизни, нуждающейся в избавлении. Это было к лучшему.

Ради того, чтобы творить дело Создателя, Никки отринула Его и принесла обет Владетелю подземного мира. Пришлось. Только такая грешница, как она, может не испытывать никаких человеческих чувств, никакого сочувствия ко всем страждущим, сирым и убогим. Какая мрачная ирония — без сострадания, без жалости верой и правдой служить сирым и убогим.

— Может, ты это воспринимаешь так, Ричард, — хрипло проговорила Никки, глядя во тьму. — А я нет. Как и Ханна. Перед тем как я перерезала ей горло, она поблагодарила меня за то, что я намеревалась сделать.

В глазах Ричарда не было и намека на милосердие.

— А зачем тебе понадобилось узнавать у нее обо мне? О Денне?

Никки еще плотнее закуталась в плащ.

— Разве не очевидно?

— Ты никак не можешь допустить той же ошибки, что и Денна. Ты совсем не такая, какой была она, Никки.

Она устала. Она знала, что в первую ночь он совсем не спал. Она чувствовала спиной его взгляд. Она знала, как ему больно. Отвернувшись от него, она тихо плакала из-за ненависти в его глазах, из-за того, что оказалась той, кто вынужден взвалить на себя бремя сделать то, что должно, что лучше. Мир — очень мерзкое место.

— Может быть, — тихо проговорила она, — ты когда-нибудь объяснишь мне разницу, Ричард.

Она так устала. Прошлой ночью, когда он, поддавшись усталости, отвернулся от нее и уснул, Никки, в свою очередь, лежала без сна, глядя, как он спит, ощущая волшебную связь с Матерью-Исповедницей. И эта связь вызвала у нее глубокое сочувствие и к Кэлен.

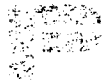
Это все к лучшему.

— А пока что давай укроемся от непогоды, — сказала Никки. — Я устала и проголодалась. А для начала нам не помешает кое-что обсудить.

Она знала, что не может ему лгать. Всего сказать она, конечно, тоже не может, но в тех вещах, которые рассказала, не посмела солгать.

Пляска началась.

Глава 26

 ичард разломал колбасу и положил в котелок с рисом. Он пытался осознать все, что наговорила Никки, и не знал, чему верить. Больше всего Ричард боялся, что все это правда. Кажется, Никки незачем ему лгать. Во всяком случае пока. Она была не столь... враждебна, как должна бы. Просто — грустная. Возможно, она расстроена из-за того, что сделала, хотя непохоже, чтобы истинная сестра Тьмы испытывала угрызения совести. Скорее всего она притворяется, играет.

Ричард помешал содержимое котелка очищенной от коры веточкой.

— Ты сказала, нам надо поговорить. — Он счистил о край котелка налипший на веточку рис. — Думаю, ты хочешь мне дать какие-то распоряжения.

Никки моргнула, будто его слова отвлекли ее от каких-то других мыслей. Здесь, под приют-сосной, она выглядела неуместно — элегантная, изящная, в красивом черном платье. Ричард никогда бы не подумал, что Никки может хоть где-то выглядеть неуместно, и уж совсем не мог вообразить ее сидящей на земле. Ее платье постоянно напоминало ему о Кэлен, и эти мысли вызывали жгучую боль.

— Распоряжения? — Сложив руки на коленях, Никки поглядела ему в глаза. — Ах да, у меня есть кое-какие пожелания, и мне

бы хотелось, чтобы ты их уважил. Во-первых, ты не должен пользоваться своим даром. Совсем. Никак. Это ясно? Поскольку, если мне не изменяет память, ты не в восторге от своего дара, выполнить эту просьбу тебе будет не так уж трудно. Особенно если учесть, что та, кого ты любишь, не переживет такого поступка. Все понятно?

Угроза в холодных голубых глазах была куда весомее, чем слова. Ричард кивнул, соглашаясь на то, чего пока сам толком не понимал.

Он положил в деревянную миску горячий ужин и протянул Никки. Она благодарно улыбнулась. Поставив котелок между ног, Ричард зачерпнул ложку риса и подул, чтобы остудить. Краем глаза он наблюдал за Никки.

Ее лицо было совершенно и на удивление выразительно. Когда она была несчастна или хотела скрыть гнев, досаду и угрозу, ее лицо становилось холодным и бесстрастным. Она никогда не сверкала сердито глазами, наоборот, делалась отстраненной, и это почему-то тревожило куда больше — это была ее непробиваемая броня.

С другой стороны, Никки всегда оживлялась, когда была чем-то довольна или благодарна. Более того, ее радость и признательность казались совершенно искренними. Ричард помнил ее холодно-замкнутой, но сейчас, хотя она по-прежнему держалась надменно, завеса невозмутимости слегка приподнялась, и она с детским восторгом встречала малейшее проявление доброты или элементарной вежливости.

У Ричарда до сих пор сохранился испеченный Карой хлеб. До сих пор ему была ненавистна мысль делиться хлебом с этой мерзкой женщиной, но теперь подобная реакция казалась детской. Отломив кусок, он протянул Никки. Та приняла его с почтением.

— Еще я хочу, чтобы у тебя не было от меня никаких секретов, — продолжила Никки. — Тебе не понравится результат, если я узнаю, что ты обманываешь меня. Между мужем и женой не должно быть никаких секретов.

Может, и так, но они-то не муж и жена, подумал Ричард, однако сказал совсем другое:

— Похоже, тебе хорошо известно, как ведут себя мужья и жены.

Но Никки не среагировала на подначку.

— Все очень вкусно, Ричард, — проговорила она, указывая на хлеб и миску. — Правда, вкусно.

— Что ты хочешь, Никки? Какова цель этого глупого спектакля?

Отблески костра играли на ее алебастровой коже, придавая волосам несвойственный им яркий окрас.

— Я увезла тебя, потому что мне нужен ответ на один вопрос, и мне думается, что этот ответ мне дашь ты.

— Ты сказала, что между мужьями и женами нет секретов. Не следует ли из этого, что и жены тоже должны быть честными?

— Конечно. — Она положила руку на колено. — Я тоже буду честна с тобой, Ричард.

— Тогда что же это за вопрос? Ты говоришь, что увезла меня, потому что тебе нужен ответ, который, по-твоему, я могу тебе дать. Что это за вопрос?

Никки вновь уставилась куда-то в пространство. И опять она выглядела кем угодно, только не суровым тюремщиком. Казалось, ее преследует воспоминания, а может, даже страхи.

— Не знаю, — ответила наконец Никки. — Честно, не знаю, Ричард. Я что-то ищу, но что именно — узнаю, только когда найду. Я прожила сто восемьдесят лет, даже не подозревая, что это существует, и наконец не так давно увидела намек... — Она смотрела сквозь него, в какую-то невидимую точку. И обращалась она, похоже, тоже к этой невидимой точке за его спиной. — Это произошло, когда ты стоял в ошейнике перед сестрами и бросал им вызов. Может быть, я найду ответ, когда пойму, что же я видела в тот день. Это был не ты как таковой, но ты был источником этого... — Ее взгляд снова сфокусировался на нем. — До тех пор ты будешь жить, — продолжила она с ласковой уверенностью. — Я не собираюсь причинять тебе зло. Тебе не стоит опасаться, что я стану тебя мучить. Я не такая, как они — та женщина, Денна, или сестры Света, использовавшие тебя для своих игр.

— Не изображай заботу обо мне. Ты точно так же используешь меня в своей игре, как они.

Никки покачала головой:

— Я хочу, чтобы ты знал, Ричард: я испытываю к тебе глубокое уважение. Вероятно, я уважаю тебя куда больше, чем все прочие. Поэтому-то я тебя и увезла. Ты очень редкий человек, Ричард.

— Я боевой чародей. Тебе просто раньше такие не попадались.

Она отмахнулась.

— Будь добр, не пытайся произвести на меня впечатление своей «силой». У меня нет настроения выслушивать подобные глупости.

Однако Никки вела себя совсем не так, как должна была бы вести себя сестра Тьмы. Ричард решил отложить злость, боль и ненависть до лучших времен, понимая, что ему необходимо принять реальность, а не тешить себя пустыми иллюзиями. Он заговорил с Никки таким же ласковым тоном.

— Я не понимаю, что ты от меня хочешь.

Никки растерянно пожала плечами.

— Я тоже. И пока я не пойму, ты будешь выполнять то, что я прошу, и все будет хорошо. Я не причиню тебе зла.

— Ты действительно рассчитываешь, что я тебе поверю на слово?

— Я говорю правду, Ричард. Если ты вывихнешь ногу, я как хорошая жена подставлю тебе плечо и помогу идти. Отныне и впредь я предана тебе, а ты — мне.

Ричард лишь моргнул, слушая этот бред. У него мелькнула мысль, не спятила ли Никки на самом деле, но нет, это было бы слишком просто, а Зедд всегда говорил, что просто ничего не бывает.

— А если я не стану тебе подчиняться?

Она снова пожала плечами:

— Тогда Кэлен умрет.

— Это я понимаю. Но если она умрет, ты потеряешь сковывающий мое сердце ошейник.

Никки устремила на него ледяной взгляд.

— Это ты к чему клонишь?

— Тогда ты не получишь от меня то, чего хочешь.

— У меня и сейчас этого нет, так что я ничего не потеряю. К тому же если до этого дойдет, то император Джегань будет рад получить в подарок твою голову. И, безусловно, осыплет меня дарами и богатствами.

Ричард сильно сомневался, что Никки так нужны дары и богатства. В конце концов, она сестра Тьмы и вполне может сама себя обеспечить, ежели только пожелает.

Однако Ричард прекрасно знал, что его голова стоит немало, и Никки получит эту цену, если он неверно себя поведет. Богатство ее, возможно, и не интересует, но кое-что она хочет, и хочет сильно. Власти. А если Никки убьет главного врага Имперского Ордена, то власть-то она непременно получит.

Ричард склонился к миске, вернувшись к ужину. Они с Никки просто ходят кругами.

— Ричард, — спокойно проговорила она, вынуждая его поднять глаза, — ты думаешь, я делаю это, чтобы причинить тебе боль или победить тебя, врага Ордена. Это не так. Я назвала тебе истинные причины.

— Значит, когда ты наконец получишь ответ, ты меня отпустишь? — Это был не вопрос, а открытое обвинение.

— Отпущу? — Никки уставилась в миску с рисом и колбасой, потом подняла глаза. — Нет, Ричард, тогда я тебя убью.

— Ясно. — Вряд ли это лучший способ склонить его к сотрудничеству. Но вслух он этого не сказал. — А Кэлен? После того как ты меня убьешь, что будет с Кэлен?

— Даю тебе слово, что в этом случае она будет жить, пока жива я. Я не держу на нее зла.

Ричард старался найти утешение хотя бы в этом. По какой-то непонятной причине он верил Никки. И знание, что с Кэлен в любом случае все будет хорошо, придало ему храбрости. Если с Кэлен ничего не случится, он вынесет что угодно. Такую цену он согласен заплатить.

— Ну, «жена», так куда же мы направляемся? Куда ты меня тащишь?

Никки, не поднимая глаз, кусочком хлеба набрала немного риса.

— С кем ты сражаешься, Ричард? Кто твой враг?

— Джегань. Джегань и Имперский Орден.

Никки покачала головой.

— Нет. Ты ошибаешься. По-моему, тебе тоже нужно найти ответ.

Игры. Она играет с ним в дурацкие игры. Ричард заскрежетал зубами, но сдержался.

— Тогда кто, Никки? С кем или чем я сражаюсь, если не с Джеганем?

— Вот это-то я и надеюсь тебе показать. — Она посмотрела на него странным взглядом. — Я отвезу тебя в Древний мир, в сердце Ордена, и покажу, с чем ты сражаешься. Истинную природу того, что ты считаешь своим врагом.

— Зачем? — нахмурился Ричард.

— Ну, скажем, меня это забавляет, — улыбнулась Никки.

— Значит, мы едем в Танимуру? Туда, где ты все эти годы жила как сестра?

— Нет. Мы едем в самое сердце Древнего мира, в Алтур-Ранг. На родину Джеганя. Это название можно грубо перевести как «Избранные Создателя».

У Ричарда мурашки по спине пробежали.

— Ты хочешь отвезти меня, Ричарда Рала, туда, в сердце вражеской территории? Сильно сомневаюсь, что мы долго проживем как «муж и жена».

— Ты не будешь пользоваться магией и не будешь зваться связанным с магией именем — Рал. Станешь жить под тем именем, с которым вырос: Ричард Сайфер. И тогда никто не узнает, кто ты. Все будут считать, что ты самый обыкновенный мужчина со своей женой. Каковым ты и будешь. Обыкновенным человеком. Оба мы будем обыкновенными.

Ричард вздохнул:

— Ну а если враг обнаружит, что я не обыкновенный, полагаю, сестра Тьмы сможет... воспользоваться своим влиянием.

— Нет, не смогу.

— То есть? — Уставился на нее Ричард.

— Я не могу пользоваться моей силой.

— Что?!

— Вся моя сила уходит на связь с Кэлен, чтобы поддерживать ее жизнь. Так действует материнское заклятие. Чтобы наложить такое сложное заклятие, требуется огромное количество сил. Теперь я должна его поддерживать. Вся моя сила идет на поддержание живой связи. Материнское заклятие не оставляет ничего. Сомневаюсь, что способна даже разжечь огонь. Если у нас возникнут неприятности, разбираться с ними придется тебе. Конечно, я в любой момент могу вернуть себе магические способности, но тогда мне придется забрать силу из волшебной связи с Кэлен. А если в этот момент Кэлен не будет рядом... Она умрет.

Его охватила паника.

— А если ты случайно...

— Нет. Пока ты будешь как следует обо мне заботиться, Кэлен ничто не угрожает. Однако если я свалюсь с лошади и сверну себе шею, ее шея сломается тоже. Пока ты заботишься обо мне, ты заботишься и о ней. Поэтому важно, чтобы мы жили, как муж с женой, — чтобы ты всегда был рядом. Нам обоим будет трудно жить без нашей силы, но это необходимо, иначе я не смогу найти ответ. Ты понял?

— Понял, — кивнул Ричард, хотя на самом деле не понял ничего.

Он в жизни бы не поверил, что эта женщина добровольно откажется от своего могущества ради какого-то неопределенного знания. И от одной только мысли об этом Ричарда пробирала дрожь.

Пока его мысли слепо метались в безумном мире, он машинально проговорил:

— Я уже женат. Я не буду спать с тобой, как муж.

Никки удивленно моргнула и рассмеялась над ним. Ричард покраснел.

— Ты мне нужен совсем не для этого.

— Вот и хорошо.

Лицо Никки сделалось холодным и очень спокойным.

— Но если я решу иначе, Ричард, ты подчинишься.

Она была очень красива, о такой женщине можно было только мечтать, но Ричарда одна мысль об измене Кэлен приводила в ужас.

Голос Никки звучал теперь безжизненно и ровно, словно она зачитывала сейчас страшный приговор.

— Ты будешь вести себя, как мой муж. Будешь зарабатывать нам на жизнь, будешь заботиться обо мне, а я — о тебе. Я буду чинить твои рубашки, готовить еду, стирать твои вещи. А ты, — повторила она, — будешь зарабатывать нам на жизнь. Ты больше никогда не увидишь Кэлен — это ты должен усвоить и понять, — но до тех пор, пока ты будешь подчиняться моим желаниям, будешь знать, что она жива. Просыпаясь каждое утро, она будет знать, что ты поддерживаешь ее жизнь. У тебя нет иного способа доказать ей свою любовь.

Ричарда пронзила страшная боль. Он уставился в пространство, вспоминая...

— А если я предпочту положить этому конец?

— Тогда, возможно, это окажется именно тем знанием, что я ищу. Может быть, я и должна познать бессмысленный конец. — Она сделала движение пальцами, будто обрезая магическую пуповину, связывающую ее с Кэлен. — Последняя судорога, подтверждающая бессмысленность бытия.

И тут Ричард понял: этой женщине невозможно угрожать, она с радостью примет любой ужасный конец.

— Из всего, что есть на этом свете, — с болью прошептал он, — только одно незаменимо: Кэлен. Если ради Кэлен я должен стать рабом, я стану рабом.

Никки молча изучала его лицо. Он быстро посмотрел ей в глаза — и тут же отвел взгляд, не в силах выносить ее жуткое внимание. Перед его умственным взором, как живая, стояла Кэлен.

— Все, что ты разделял с ней, Ричард, — счастье, радость, удовольствие, — все это всегда останется с тобой. — Никки будто читала его мысли. — Береги эти воспоминания. Им придется поддерживать тебя. Ты больше никогда не увидишь Кэлен, и она не увидит тебя. Эта глава твоей жизни закончена. У вас обоих отныне новая жизнь. И лучше тебе свыкнуться с этим, потому что таково истинное положение вещей.

Истинное положение вещей, какое оно есть. Не мир, каким бы он хотел его видеть. Он сам сказал Кэлен, что они должны действовать в соответствии с тем, что есть, а не тратить драгоценную жизнь, желая невозможного.

Ричард потер лоб, стараясь говорить спокойно.

— Надеюсь, ты не рассчитываешь, что я научусь радоваться твоему обществу?

— Это я, Ричард, рассчитываю научиться.

Он вскочил, сжав кулаки.

— Для чего тебе сдались эти знания?! Почему тебе это так важно?

— Это наказание.

— Что?! — Он недоверчиво уставился на нее.

— Я хочу испытывать боль, Ричард, — отстраненно улыбнулась Никки.

Ричард опустился на землю.

— Зачем? — пошептал он.

— Боль, Ричард, — единственное, что может проникнуть в тот холод, который сейчас внутри меня. Такова моя жизнь. Боль — единственное, ради чего я живу.

Ричард тупо смотрел на нее. Он вспомнил свое видение. Он никак не может остановить продвижение Имперского Ордена. И ничего не может придумать, чтобы избавиться от этой женщины.

Если бы не Кэлен, он ринулся бы сейчас в битву с Никки, чтобы решить все раз и навсегда. Он с радостью принял бы смерть, сражаясь с этим жестоким безумием. Но его остановил рассудок.

Он обязан жить, чтобы жила Кэлен. Поэтому — и только поэтому — он должен шаг за шагом ползти в забвение.

Глава 27

элен, зевнув, потерла глаза. Сощурилась, потянулась, выгнула спину. Ужасные воспоминания, роившиеся где-то в дальних уголках сознания, мгновенно выскочили из укрытия, затмив все остальное.

Безысходное горе и слезы остались позади. Теперь ею владела безудержная ярость.

Пальцы нашарили холодный металл ножен. Казалось, будто меч живой и излучает леденящий гнев. Меч, резная фигурка «Сильной духом» и воспоминания — вот и все, что у нее теперь было.

Хвороста почти не осталось, но больше им все равно не понадобится. Кэлен сунула одну ветку в догорающий костер и протянула руки к слабому огню, надеясь отогреть занемевшие пальцы. Ветер слегка усилился. Взметнулся клуб дыма, Кэлен закашлялась. Дымок взвился вверх и заструился наружу.

Кары не было, и Кэлен снова поставила маленький котелок с водой на огонь, чтобы морд-сит, вернувшись, могла попить горячего чая. Должно быть, Кара пошла по нужде. А может, проверяет силки, расставленные вчера вечером на кроликов. Кэлен не очень-то надеялась получить кролика на завтрак. В такую погоду — сомнительно. Ладно, еды у них пока и без того хватает.

В редкие просветы среди облаков пробивался алый отблеск холодной зари, освещая заснеженные, обледенелые деревья, выступ над головой и их маленький бивак. Они с Карой безуспешно пытались отыскать приют-сосну. Они укрылись среди деревьев, срезали кусты и поставили как щит для защиты от ветра. Укрытие получилось вполне приемлемое. Кэлен с Карой крупно подвезло, что они отыскали это местечко в такой снегопад. Снаружи лежал глубокий снег, но в своем укрытии они провели ночь в сухости, хоть и в холоде. Они спали, тесно прижавшись друг к другу под покрывалами и волчьими тулупами.

Кэлен думала о Ричарде. Где он сейчас? Не холодно ли ему? Она надеялась, что нет. Он ведь выехал на несколько дней раньше и скорее всего успел спуститься в низины до снегопада.

Кэлен с Карой, как он и просил, пробыли в домике еще три дня. Снегопад начался на следующий день после его отъезда. Кэлен подумывала подождать перемены погоды и лишь потом ехать, но она получила от сестры Никки горький урок: не жди, действуй. Когда Ричард так и не вернулся, Кэлен с Карой незамедлительно двинулись в путь.

Вначале ехать было трудно. Они шли по сугробам, ведя лошадей в поводу. Видимость была скверной, и направление они определяли только по ветру — восточный ветер бил в правое плечо. Временами они начинали опасаться, что совершили ужасную ошибку, покинув домик в горах.

Вчера, незадолго до темноты, когда они устраивали себе укрытие, в просвет между облаками Кэлен удалось разглядеть холмы внизу. Зеленые и коричневые, никакого снега. Значит, скоро они с Карой окажутся ниже снежного уровня. Кэлен была уверена, что худший участок дороги позади.

Засовывая руку в рукав, Кэлен услышала хруст снега под ногами. Но когда поняла, что идет не один человек, а несколько, мгновенно вскочила.

Кара протолкнулась сквозь заградительные кусты.

— У нас гости, — мрачно сообщила она, сжимая в руке эйджил.

Из кустов, ступая след в след, выплыла полная невысокая женщина. Под слоями плащей, шалей и прочих теплых вещей Кэлен с изумлением узнала Энн, старую аббатису сестер Света.

За Энн шла женщина повыше, отброшенные назад шали позволяли разглядеть каштановые с сединой волосы до плеч. У нее был спокойный, внимательный и расчетливый взгляд, в уголках

глубоко посаженных глаз лучились морщинки. Она походила на женщину, обожающую учить детей с помощью розги.

— Кэлен! — Энн бросилась вперед и схватила Кэлен за руки. — Ох, дорогая, как же я рада тебя видеть! — Кэлен посмотрела на вторую женщину, аббатиса оглянулась. — Это одна из моих сестер, Алессандра. Алессандра, позволь тебе представить Мать-Исповедницу — и жену Ричарда.

Алессандра, улыбнувшись, подошла ближе. Приятная улыбка полностью изменила ее лицо, суровость исчезла, уступив место искренности.

— Рада с вами познакомиться, Мать-Исповедница. Энн очень много о вас рассказывала, говорила, какой вы чудесный человек. — Алессандра быстро оглядела их бивак. — Я так рада за вас с Ричардом.

Энн осмотрелась и заметила меч.

— Где Ричард? Кара не соизволила ничего сказать. — Она поглядела в глаза Кэлен. — Благой Создатель! — прошептала она. — В чем дело? Что стряслось? Где Ричард?

Кэлен наконец смогла разжать стиснутые зубы.

— Его взяла в плен твоя сестра.

Энн отбросила шаль и снова схватила Кэлен за руку. Ростом Энн едва достигала Кэлен до груди, но вширь была как минимум вдвое больше.

— О чем ты говоришь? Что значит взяла в плен сестра? Какая сестра?

— Никки, — процедила Кэлен сквозь зубы.

— Никки... — Энн отшатнулась.

— Сестра Никки? — ахнула Алессандра, прижав руки к груди. — Сестра Никки не из сестер Энн. Никки — сестра Тьмы.

— О да, я это прекрасно знаю, — проговорила Кэлен.

— Мы должны вернуть его! — воскликнула Энн. — Немедленно. С ней ему угрожает опасность.

Порыв ветра взметнул снег, на мгновение закрыв алеющий рассвет. Кэлен смахнула снег с глаз. Кара, в плаще и тулупе поверх алого кожаного облачения, и бровью не повела. Обе сестры стряхнули снег с ресниц толстыми шерстяными варежками.

— Кэлен, все будет хорошо, — успокаивающе проговорила Энн. — Расскажи, что произошло. Расскажи все. Он ранен?

Кэлен сглотнула, подавляя нарастающее бешенство.

— Никки наложила на меня «материнское заклятие», так она это называет.

У Энн отвисла челюсть. Алессандра снова ахнула.

— Ты уверена? — осторожно уточнила Энн. — Ты уверена, что именно материнское заклятие? Откуда ты можешь это знать?

— Она обрушила на меня какую-то магию. Я никогда не слышала о таком заклинании. Но знаю точно, что это могучее волшебство, и она сказала, что это материнское заклятие. Сказала, что заклятие каким-то волшебным образом связывает нас.

— Это вовсе не означает, что она наложила на тебя именно материнское заклятие. — Алессандра шагнула вперед.

— Когда Кара ударила Никки эйджилом, — продолжила Кэлен, — я рухнула на колени, будто Кара ударила меня.

Энн с Алессандрой молча переглянулись.

— Но... Но... Если она... — Энн начала заикаться.

— Если бы она пожелала, то оборвала бы эту волшебную нить, и я умерла, — спокойно договорила за аббатису Кэлен. — Именно так она и захватила Ричарда. Пообещала, что я буду жить, если Ричард пойдет с ней. Ричард обрек себя на рабство, чтобы спасти мне жизнь.

— Это невозможно, — прошептала Энн, теребя пальцами подбородок. — Никки не способна наложить такое сложное заклятие. Она слишком молода. К тому же материнское заклятие требует огромного могущества. Должно быть, она сотворила что-то другое... Нет, Никки не может накладывать материнское заклятие.

— Может, — нехотя возразила сестра Алессандра. — У нее есть и сила, и способности. Ей нужен был только человек, способный обучить ее.

— Лидмила, — прошептала Энн. — Джегань захватил Лидмилу...

Кэлен подозрительно глянула на сестру Алессандру.

— Почему ты знаешь о способностях Никки больше, чем сама аббатиса?

Сестра Алессандра запахнула плащ. Ее лицо вновь стало сердитым, однако на сей раз в уголках губ притаилась горечь.

— Это я привезла Никки во Дворец Пророков, когда она была еще совсем ребенком. Я отвечала за ее воспитание и руководила ее обучением. Я знаю ее лучше, чем кто бы то ни было. И знаю ее темные силы, потому что тоже была сестрой Тьмы. Это я привела ее к Владетелю.

У Кэлен отчаянно забилось сердце.

— Значит, ты тоже сестра Тьмы?

— Была, — быстро сказала Энн.

— Аббатиса пришла в лагерь Джеганя и спасла меня. Не только от Джеганя, но от Владетеля. Я снова служу Свету. — Лицо Алессандры осветилось лучезарной улыбкой. — Энн вернула меня к Создателю.

— Как вы нас нашли? — спросила Кэлен, не желая поддерживать разговор.

Энн не ответила.

— Мы должны спешить. Мы должны забрать Ричарда у Никки, пока она не отдала его Джеганю.

— Она не ведет его к Джеганю, — сказала Кэлен. — Она заявила, что действует не от имени его превосходительства, а от своего собственного. Это ее слова. Она сказала, что сняла кольцо Джеганя с губы и не боится его.

— Но она объяснила, зачем ей Ричард? — настаивала Энн. — Сообщила хотя бы, куда она его тащит?

— Она сказала, что уводит его в забвение.

— Забвение! — охнула Энн.

— Я задала вопрос. — Голос Кэлен сочился яростью. — Как вы нас нашли?

Энн похлопала себя по груди.

— У меня есть путевой журнал. С его помощью я поддерживаю связь с Верной. Верна сейчас с нашей армией. Она сообщила мне о гонцах, которые к вам ездят. Вот так я и узнала, где вас искать. Счастье, что я прибыла так быстро. Мы едва вас не упустили. Передать не могу, как я рада, что ты выздоровела, Кэлен. Мы все так о тебе беспокоились!

Кэлен заметила, что стоящая позади сестер Света Кара по-прежнему сжимает в руке эйджил. Кэлен в эйджиле не нуждалась. Сила Исповедницы буквально кипела в ней, желая вырваться наружу. Больше она не допустит ошибки.

— Путевой дневник. Конечно! Значит, Верна сообщила и о видении Ричарда, и о том, что он не должен вести наши войска против Ордена.

Энн нехотя кивнула.

— Несколько дней назад, когда мы уже почти пришли, Верна сообщила, что д'харианские солдаты в полной растерянности, внезапно они перестали чувствовать Ричарда. Они по-прежнему защищены магий уз от сноходца, но утратили возможность определять, где находится магистр Рал.

— Никки его от нас заслонила, — прорычала Кара.

— Ну, значит, мы должны отыскать его, — ответила Энн. — Мы должны забрать его у Никки. Он — наш единственный шанс. Что бы он там ни думал, все это чушь, и нам нужно наставить его на путь истинный. Но сначала следует его вернуть. Он должен повести наши силы против Ордена. Он — тот, кто назван в пророчестве.

— Так вот почему ты здесь, — пробормотала Кэлен. — Узнала от Верны, что Ричард отказался возглавить армию и отдавать приказы. Ты примчалась сюда в надежде заставить его сражаться!

— Он должен, — настаивала Энн.

— Не должен, — отрезала Кэлен. — Он осознал, что, если поведет нас против Ордена, мы утратим всякую надежду на свободу для грядущих поколений. Он сказал, что люди не понимают еще, что такое свобода, и не будут биться за нее.

— Он просто должен проявить себя. — Энн покраснела. — Должен проявить себя вождем, и тогда люди пойдут за ним.

— Ричард говорит, что не он должен проявить себя, а люди должны доказать, что его достойны.

— Бред какой-то, — изумленно моргнула Энн.

— Разве?

— Ну конечно! Мальчик был назван в пророчестве много веков назад. Я столетиями ждала его рождения, чтобы он повел нас за собой в этой борьбе.

— Неужели? Тогда почему ты противоречишь решению Ричарда, если ты лишь должна следовать за ним? Он принял решение. Если он тот вождь, что тебе нужен, ты должна подчиняться ему, а следовательно, его решениям.

— Но пророчество требует совсем другого!

— Ричард не верит в пророчества. Он считает, что мы сами определяем нашу судьбу. И я с ним согласна: слепое следование пророчествам искусственно выстраивает цепочку событий. Необоснованная вера в пророчества сама по себе — в каком-то мистическом смысле — рушит жизни людей.

Энн сощурилась.

— Ричард — тот, кто назван в пророчестве, он поведет нас против Имперского Ордена. Это борьба за само существование магии в этом мире! Как ты не понимаешь? Ричард рожден для этой битвы. Мы должны вернуть его!

— Это все из-за тебя, — прошипела Кэлен.

— Что? — Энн снисходительно улыбнулась. — Кэлен, что ты говоришь? Ты же меня знаешь, знаешь, что мы сражаемся за сохранение магии. Если Ричард не возглавит нас, у нас нет ни малейшего шанса.

Кэлен резким движением схватила сестру Алессандру за горло.

— Не шевелись, — процедила она сквозь зубы. — Или я выпущу силу Исповедницы.

Энн умоляюще подняла руки.

— Кэлен, ты что, обезумела? Отпусти ее. Успокойся.

— Путевой дневник. Брось его в огонь, — велела Кэлен.

— Что?! Ничего подобного я не сделаю!

— Немедленно. Или сестра Алессандра будет моей. А когда я разберусь с ней, Кара позаботится о том, чтобы ты бросила путевой дневник в огонь. Даже если у тебя будут переломаны все пальцы.

Энн нервно оглянулась на Кару.

— Кэлен, я знаю, ты расстроена, я тебя понимаю, но мы — с тобой. Мы тоже любим Ричарда. И тоже хотим остановить Имперский Орден. Мы...

— Мы? Если бы не ты и твои сестры Света, ничего этого вообще бы не произошло! Все из-за тебя! Не из-за Джеганя, не из-за Имперского Ордена, а из-за тебя!

— Ты из ума...

— Ты одна в ответе за то, что сейчас происходит. Как Джегань продевает кольцо в губу своим рабам, ты продела кольцо в нос своему рабу — Ричарду! Ты одна отвечаешь за всех, кто уже погиб, и за всех, кого еще предстоит потерять в этой кровавой бойне, которую ты обрушила на нашу землю. Ты, а вовсе не Джегань всему виной!

Лоб Энн покрылся испариной.

— Да что, во имя Создателя, ты несешь?! Кэлен, ты же меня знаешь! Я была на вашей свадьбе. Я всегда была на вашей стороне. Я всего лишь следовала пророчествам, чтобы помочь людям.

— Ты создаешь условия, чтобы эти пророчества сбывались! Без тебя они бы остались пустыми словами! Предсказанное свершилось лишь потому, что ты слепо следовала предсказаниям!

Энн слушала ее со стойким спокойствием.

— Кэлен, я могу лишь представить, что ты сейчас чувствуешь, но теперь ты действительно теряешь разум.

— Неужто? Неужто, аббатиса? Почему сестра Никки забрала моего мужа? Отвечай! Почему?

Лицо Энн потемнело.

— Потому что она — зло.

— Нет. — Кэлен еще крепче сдавила горло Алессандры. — Из-за тебя. Во-первых, если бы ты не отправила Верну в Новый мир с приказом доставить Ричарда через барьер в Древний мир...

— Но в пророчестве сказано, что Орден захватит мир и уничтожит магию, если мы не сможем ему помешать! В пророчествах сказано, что Ричард — единственный, кто поведет нас! Что Ричард — единственный, у кого есть шанс на победу!

— И ты воплотила мертвое пророчество в жизнь! Сама. Лично. Потому что слепо верила мертвым словам, вместо того чтобы думать! Ты здесь не для того, чтобы поддержать выбор провозглашенного тобою вождя, не для того, чтобы договориться с ним, а чтобы обрушить на него пророчество! Дернуть за кольцо в носу! Если бы ты не отправила Верну за Ричардом, что бы тогда было, аббатиса?

— Но, но... Орден...

— Орден? Орден по-прежнему сидел бы себе в Древнем мире, за барьером! Верно? Три тысячи лет этот магический барьер выдерживал давление Ордена — или ему подобных, — не давая им обрушиться на Новый мир. Из-за того, что ты велела захватить Ричарда и силой притащить в Древний мир, ради рабского следования мертвым словам, он разрушил барьер и тем самым открыл Ордену путь в Новый мир, в Срединные Земли. Теперь Орден вырезает мой народ, отнял у меня мужа! И все из-за тебя! Не будь тебя, ничего бы этого не произошло! Не было бы ни войны, ни трупов в городах Нового мира, ни тысяч мертвых мужчин, женщин и детей, вырезанных мерзавцами из Имперского Ордена! Ничего бы этого не было! Из-за тебя и твоих драгоценных пророчеств разорвалась завеса и на мир обрушилась чума. Этого никогда бы не произошло, если бы ты не пыталась нас всех «спасти» от пророчества. Я даже вспомнить боюсь о тех детях, что умирали на моих глазах от черного мора. Детей, глядевших мне в глаза и спрашивающих, выздоровеют ли они, а я была вынуждена говорить им «да», когда точно знала, что они не доживут до утра. Никто никогда не узнает, сколько человек умерло. Никого не осталось, чтобы вспомнить о маленьких деревушках, опустошенных чумой. Не будь тебя, эти дети жили бы до сих пор, а их матери улыбались, глядя, как они

играют, их отцы рассказывали бы им, как устроен мир. Мир, жизни в котором ты их лишила из-за твоей веры в пророчества! Ты говоришь, что это битва за само существование магии в мире, а все твои труды, очень может быть, уже обрекли магию на погибель. Без твоего вмешательства шимы никогда не обрушились бы на мир. Да, Ричард сумел их изгнать, но какой непоправимый урон они успели нанести? Может, к нам и вернулась наша сила, но за то время, что шимы пребывали в этом мире, многие волшебные существа, само существование которых зависит от магии, наверняка погибли. Магии для существования нужно равновесие. И это равновесие в нашем мире было нарушено. Возможно, необратимое разрушение магии уже началось. И все это — из-за твоей рабской службы пророчествам. Не будь тебя, аббатиса, Джегань, Имперский Орден и все твои сестры, черные или белые, по-прежнему сидели бы, запертые за барьером, а мы жили бы тут в мире и спокойствии. Ты винишь всех и все, кроме тех, кто действительно виноват. Если свобода, магия, сам мир рухнет, то виновата будешь в этом только ты, аббатиса!

Энн смотрела на Кэлен глазами, полными слез. Снег сверкал в лучах холодного рассвета.

— Все не так, Кэлен. Просто тебе так кажется, потому что ты сейчас страдаешь.

— Все именно так, — отрезала Кэлен.

Губы Энн шевелились, но она не могла вымолвить ни слова.

Кэлен протянула руку ладонью вверх.

— Путевой дневник. Если ты думаешь, что я не сломаю этой женщине жизнь, ты ничего обо мне не знаешь. Она сестра, которая тоже помогает уничтожить мир. Если ты немедленно не отдашь мне дневник, она обречена.

— И чего ты хочешь этим добиться? — в отчаянии прошептала Энн.

— Это будет начало конца твоего назойливого вмешательства в жизнь народов Срединных Земель. В мою жизнь. В жизнь Ричарда. Это единственное, что я могу предпринять для начала. Впрочем, я могу еще убить вас обеих, и я близка к такому решению. А теперь дай сюда дневник.

Энн уставилась на потянутую руку, сморгнула слезы. Наконец она сняла варежку и достала из-за пояса маленькую книжицу. Мгновение она с благоговением смотрела на дневник, потом положила в ладонь Кэлен.

— Благой Создатель, — прошептала Энн. — Прости это несчастное страдающее дитя за то, что она сейчас сотворит.

Кэлен швырнула дневник в огонь.

Энн и сестра Алессандра, побледнев, смотрели на брошенную в костер книжицу.

Кэлен схватила меч Ричарда.

— Пора двигаться, Кара.

— Лошади готовы. Я как раз оседлала их, когда возникли эти две.

Кэлен выплеснула из котелка горячую воду, а Кара торопливо собрала вещи и побросала в седельные сумки.

Ни разу не оглянувшись на Энн с Алессандрой, Кэлен вскочила в седло. Они с Карой повернули лошадей и прорысили прочь, в снежную метель.

Глава 28

Как только Кэлен с Карой, словно два духа мщения, растворились в белой мгле, Энн упала на колени и, сунув руки в огонь, выхватила путевой дневник.

— Аббатиса! — заверещала сестра Алессандра. — Вы обожжетесь!

Морщась от боли, Энн снова сунула руки в костер. Она скорее увидела, чем почувствовала, что драгоценная книжица у нее в руке.

Спасение дневника заняло несколько секунд, но из-за боли они показались вечностью.

Закусив губу, Энн откатилась в сторону. Тут же подбежала Алессандра с горстями снега в руках. Она положила снег на черные кровоточащие пальцы Энн и намертво зажатый в них дневник.

Когда холодный снег коснулся ожогов, Энн застонала. Алессандра взяла ее за запястья, глотая слезы.

— Аббатиса! Ох, аббатиса, не надо было! Ох, Энн! Ну почему ты не воспользовалась магией? Или хотя бы палкой!

Вопрос удивил аббатису. Она слишком боялась, что драгоценный путевой дневник сгорит, и думала лишь о том, чтобы поскорей вытащить его, пока не поздно. Впрочем, она действительно повела себя глупо. Это — из-за обвинений Кэлен.

— Сиди смирно, — велела сквозь слезы Алессандра. — Сиди смирно и дай мне взглянуть, что я смогу сделать. Все будет хорошо. Просто сиди смирно.

Энн сидела на снегу, ошеломленная болью и словами, все еще звеневшими у нее в голове, Алессандра лечила ей руки, но вылечить ей сердце сестра не могла.

— Она не права, — проговорила Алессандра, будто прочитав мысли Энн. — Она не права, аббатиса.

— Разве? — глухо спросила Энн. Режущая боль начала потихоньку стихать, сменившись неприятным покалыванием магии. — Разве, Алессандра?

— Да. Она знает далеко не так много, как думает. Она всего лишь дитя. Вряд ли она разменяла третий десяток. За такой срок люди и нос-то себе вытирать еще не могут научиться. — Энн понимала, что Алессандра просто болтает, говорит глупости из-за тревоги за путевой дневник, из-за боли, причиненной словами Кэлен. — Она всего лишь дитя, она ничего не понимает. Все не так просто. Гораздо сложней. Куда сложней, чем она думает.

Энн не была так в этом уверена. Все казалось ей мертвым. Пятьсот лет работы. Неужели все это — мартышкин труд, следование эгоистичным желаниям и глупой вере? Окажись она на месте Кэлен, не видела бы и она все в таком же свете?

На мысленном суде перед ней лежали бесчисленные горы трупов. Что она может сказать в свою защиту? У нее имелись тысячи ответов на обвинения Матери-Исповедницы, но сейчас все они казались пустыми. Как вообще она может оправдаться перед мертвецами?

— Ты — аббатиса сестер Света, — продолжала Алессандра, на мгновение прервав работу. — Кэлен должна была отдавать себе отчет, с кем разговаривает. Должна была проявить уважение. Она ничего во всем этом не понимает. Тут все гораздо сложней. Неизмеримо сложней. В конце концов, сестры Света выбирают себе аббатису не за красивые глаза.

Как и Исповедницы не за красивые глаза выбирают Мать-Исповедницу.

Прошел час, потом второй. Наконец Алессандра завершила лечение. Все это время Энн беспомощно сидела на снегу и слова Кэлен терзали ей душу.

Когда Алессандра закончила, Энн сжала саднящие пальцы. Еще немного побаливало, и она знала, что это надолго. Но ничего, все в порядке.

Усталая и замерзшая, Энн прилегла рядом с догоравшим костром. Сейчас ей хотелось не вставать никогда. Казалось, прожитые ею годы, вся тысяча, разом обрушились на нее.

Энн вдруг ужасно затосковала по Натану. Уж пророк-то наверняка сказал бы сейчас что-нибудь мудрое. Или глупое. И все равно бы ее утешил. У Натана всегда было что сказать. Энн скучала по его низкому голосу, его добрым, детским и мудрым глазам. Ей не хватало прикосновения его рук.

Тихонько всхлипывая, аббатиса уснула. Но из-за тяжелых снов спала плохо и не отдохнула. Она проснулась поздним утром, почувствовав на плече ладонь Алессандры. Сестра подбросила хвороста в костер, было тепло.

— Тебе лучше, аббатиса?

Энн кивнула — и солгала. Первая мысль была о путевом дневнике. Он благополучно лежал на коленях Алессандры. Энн села и осторожно взяла почерневшую книжицу.

— Аббатиса, я беспокоилась о тебе.

Энн только грустно отмахнулась и ничего не ответила.

— Пока ты спала, я осмотрела книгу.

Энн крякнула:

— Выглядит паршиво.

Алессандра кивнула:

— Я тоже так думаю. Сомневаюсь, что его можно спасти.

Энн легким касанием Хань удерживала страницы — от которых мало что осталось, кроме пепла, — пока листала книжицу.

— Он продержался три тысячи лет. Будь это обычная бумага, он не подлежал бы восстановлению, но эта вещь — магическая, Алессандра, созданная могущественными волшебниками, равных которым не рождалось три тысячи лет... до Ричарда.

— Что мы можем сделать? Ты знаешь, как его восстановить?

Энн, изучая обгоревшие страницы, покачала головой.

— Не знаю, можно ли его восстановить. Я просто говорю, что это волшебная вещь. А там, где есть магия, есть и надежда.

Энн извлекла из-под своих многочисленных одежек носовой платок, осторожно положила дневник на ткань, завернула, связала концы платка и наложила защитное заклятие.

— Придется мне отыскать способ восстановить его. Если смогу. Если его вообще можно восстановить.

Алессандра вытерла руки о подол.

— Значит, сейчас наша связь с армией утрачена.

Энн кивнула:

— Мы не узнаем, решит ли Имперский Орден наконец тронуться с места на юге и двинуться в глубь Срединных Земель. Я не смогу направлять Верну.

— Аббатиса, что, по-твоему, произойдет, если Орден решит атаковать, а Ричарда там не будет? Что они станут делать? В отсутствие магистра Рала...

Энн постаралась на время забыть слова Кэлен и обдумать сложившуюся ситуацию.

— Теперь Верна — аббатиса. Во всяком случае, для тех сестер, что сейчас с армией. Она будет мудро руководить ими. С ними Зедд. Он поможет сестрам подготовиться к битве. Как Волшебник первого ранга он и прежде принимал участие в больших войнах. Придется нам уверовать в то, что Создатель присмотрит за ними. Я не смогу помочь им советом, пока не восстановлю дневник. Я даже не буду знать, что там у них вообще происходит.

— Ты можешь туда поехать, аббатиса.

Энн стряхнула снег с плеча.

— Сестры Света считают, что я умерла. И теперь они возложили свои надежды на Верну как их аббатису. Приехать туда сейчас — значит нанести тяжелый удар и Верне, и остальным сестрам. Конечно, многие будут рады моему приезду, но в других это породит сомнения и растерянность. А война — неподходящее время для сомнений.

— Но ты их всех вдохновишь...

Энн покачала головой:

— Их лидер — Верна. Я могу своим возвращением навсегда подорвать ее авторитет. Я обязана в первую очередь думать о благе сестер Света. Сейчас я обязана делать так, как лучше для них.

— Но, Энн, ведь аббатиса — ты.

— И кому от этого было хорошо?

Алессандра отвела взгляд. Ветер тоскливо завывал среди деревьев, взметая столбы снега. Солнце скрылось за тучами. Энн вытерла нос краем плаща.

Алессандра сочувственно положила руку ей на плечо.

— Ты вернула меня в свет Создателя. Я была в руках Джеганя, я ужасно с тобой обращалась, когда он схватил тебя, но ты никогда не переставала заботиться обо мне. Кого еще это бы волновало? Без тебя моя душа погибла бы навеки. Ты даже не представляешь, насколько я тебе благодарна, аббатиса.

Возможно, Алессандра и вернулась к свету Создателя, но этой женщине уже раз удалось обмануть Энн. Много лет назад Алессандра продалась Владетелю и стала сестрой Тьмы, а Энн и понятия об этом не имела. Как можно снова начать доверять человеку, совершившему предательство?

Энн посмотрела Алессандре в глаза.

— Надеюсь, что так, сестра. И молюсь, чтобы это действительно было правдой.

— Так оно и есть, аббатиса.

Энн указала на скрытое облаками солнце.

— Может быть, когда я отправлюсь к свету Создателя, мне зачтется это доброе деяние и перевесит утраченные из-за меня тысячи жизней?

Алессандра отвела взгляд, отвернулась, положила в костер пару веток.

— Нам нужно поесть что-нибудь горячее, аббатиса. И ты сразу почувствуешь себя лучше. Мы обе почувствуем себя лучше.

Энн спустилась на землю и стала смотреть, как Алессандра готовит суп. Но даже аппетитные запахи не могли улучшить ей настроение.

— Зачем, по-твоему, Никки забрала Ричарда? — спросила Алессандра, кладя в суп сушеные грибы.

— Понятия не имею. Разве что она лгала и тащит его к Джеганю.

Алессандра покрошила сушеное мясо и кинула в котелок.

— Зачем? Если она его заполучила, он вынужден выполнять ее желания, зачем ей лгать? С какой целью?

— Она — сестра, предавшаяся Владетелю. Это достаточный повод, чтобы солгать, верно? Лгать нехорошо. Это грех. По-моему, вполне достаточно.

Алессандра укоризненно покачала головой.

— Аббатиса, я была сестрой Тьмы. Мне лучше знать. Все совсем не так. Разве ты всегда говоришь правду только потому, что предана Создателю? Нет. Можно лгать во имя Владетеля, можно лгать во имя Создателя — если это необходимо. Так зачем Никки лгать сейчас? Она и без того владеет ситуацией, ей незачем лгать.

— Понятия не имею, — повторила Энн. Голова у нее болела от безнадежно мрачных мыслей. Это все из-за нее, а вовсе не из-за Никки.

— Думаю, она сделала это для себя, — сказала Александра.

— То есть? — изумилась Энн.

— Мне кажется, Никки до сих пор что-то ищет.

— Что-то ищет? Ты о чем?

Алессандра аккуратно отмерила специи и ссыпала в котелок.

— Когда я забрала Никки из дома и привезла во Дворец Пророков, она с каждым днем становилась все более... отстраненной, что ли. Она всегда делала все возможное, чтобы помочь людям, — и вызывала у меня ощущение, что я не способна дать ей то, что нужно.

— Например?

Алессандра покачала головой.

— Не знаю. Мне все время казалось, что она что-то ищет. Я думала, ей нужно обрести свет Создателя. Я безжалостно подталкивала ее, надеялась, что она поймет его пути и успокоится. Я не оставляла ей времени думать ни о чем другом, даже не позволяла видеться с семьей. Ее отец был эгоистичным богатеем, любителем денег, а ее мать... Ну, намерения у ее матери были добрыми, но всегда меня несколько тревожили. Я думала, Создатель заполнит ту странную пустоту внутри Никки... — Алессандра поколебалась. — А потом я подумала, что ей нужен Владетель.

— Значит, ты считаешь, она забрала Ричарда, чтобы заполнить некую... внутреннюю пустоту? По-моему, бессмыслица какая-то.

— Не знаю. — Алессандра раздраженно вздохнула, помешала суп, кинула туда щепотку соли. — Аббатиса, мне кажется, что с Никки у меня ничего не вышло.

— В каком смысле?

— Не знаю. Может быть, мне не удалось как следует вовлечь ее в дело помощи другим. Я оставляла ей слишком много времени, чтобы думать о себе. Она всегда казалась преданной интересам других, но, быть может, мне следовало ткнуть ее носом в еще большие беды, показать, что в глазах Создателя истинная добродетель — больше заботиться о нуждах других, чем о собственных желаниях.

— Сестра, мне с трудом верится, что дело в этом. Как-то раз она попросила у меня нарядное черное платье на похороны матери. Конечно, я ей отказала — такой наряд неприемлем для послушницы. Но это был единственный случай, когда Никки попросила что-то для себя. Ты проделала с ней великолепную работу, Алессандра.

Энн вспомнила, что как раз после этого случая Никки начала носить черные платья.

— Я это помню. — Алессандра не поднимала глаз. — Когда умер ее отец, я поехала с ней на похороны. Я всегда сожалела, что оторвала ее от семьи, но я объяснила ей, что она наделена огромным даром и сможем оказывать людям куда более существенную помощь, чем живя дома. Говорила, что она не должна губить свой дар.

— Всегда трудно привозить детей во Дворец. Тяжело отрывать дитя от любящих родителей. Одни приспосабливаются к новой обстановке лучше, другие хуже.

— Никки сказала мне, что все понимает. Она в этом смысле всегда была хорошей. Никогда не возражала, выполняла любое поручение. Возможно, я слишком многого ожидала из-за того, что она всю себя посвящала другим и никогда не жаловалась. На похоронах отца я хотела помочь ей справиться с горем. Хотя она оставалась внешне невозмутимой, как обычно, я знала, что в душе ей больно. Я попыталась утешить ее, сказав, чтобы она не запоминала отца таким, мертвым, а постаралась помнить его таким, каким он был при жизни.

— Очень добрые слова, сестра. Ты дала мудрый совет.

— Но ее это не утешило, аббатиса. Она посмотрела на меня своими голубыми глазами... Ты ведь помнишь ее глаза?

— Помню, — кивнула Энн.

— Ну так вот, она посмотрела на меня своими пронзительными голубыми глазами, будто хотела возненавидеть меня, но даже это чувство оказалось ей недоступно, и проговорила этим своим безжизненным голоском, что не может помнить отца таким, каким он был при жизни, потому что никогда не знала его, пока он был жив. Разве это не странно?

— Очень похоже на Никки, — вздохнула Энн. — Она вечно говорила странные вещи в самый неожиданный момент. Мне следовало бы уделять ей больше внимания. Ей было бы интереснее жить... Но так много всего требовало моего внимания...

— Нет, аббатиса, это была моя работа. И я с ней не справилась. Каким-то образом я упустила Никки.

Энн поплотнее закуталась в плащ, спасаясь от пронизывающего ветра. Она взяла протянутую Алессандрой дымящуюся миску с супом.

— Хуже того, аббатиса, я привела ее в тень Владетеля.

Энн отхлебнула горячий суп, поглядела на нее поверх края миски. Затем аккуратно поставила миску на колени.

— Что сделано, то сделано, Алессандра.

Мысли Энн вернулись к словам Кэлен. Это слова, произнесенные в гневе, следовательно, их нужно простить. Или же следует их честно рассмотреть?

Энн боялась признаться себе, что слова Кэлен — чистая правда. Столетиями аббатиса работала с Натаном и пророчествами, стараясь избежать катастроф, которые видела сама и на которые указывал Натан. Что, если Натан указывал на вещи, которые были лишь мертвыми словами, как сказала Кэлен? Что, если он указывал на них только для того, чтобы создать условия для собственного побега?

В конце концов, все, что сделала Энн, в итоге привело в побегу пророка. Что, если ее обвели вокруг пальца?

Может ли это быть правдой?

Она начала опасаться, что настолько увлеклась своим «знанием», что действовала, исходя из ложных предположений.

Возможно, Кэлен права, и аббатиса сестер Света лично несет ответственность за все.

— Алессандра, — тихо проговорила Энн, покончив с супом, — мы должны во что бы то ни стало отыскать Натана. Опасно пророку в одиночку бродить по свету.

— И где нам его искать?

Энн покачала головой.

— Такой человек, как Натан, просто не может остаться незамеченным. Я обязана верить, что если мы правильно возьмемся за дело, то сможем его отыскать.

Алессандра внимательно посмотрела на Энн.

— Да, опасно оставлять пророка без присмотра.

— Весьма. Мы непременно должны его отыскать.

— Верне потребовалось двадцать лет, чтобы отыскать Ричарда.

— Правильно. Но так было задумано. Я утаила от Верны кое-какие факты. Кстати, Натан тоже наверняка утаил кое-что от нас. Тем не менее на нас лежит ответственность. Верна с сестрами помогают армии. Мы же должны искать Натана.

Алессандра отложила миску.

— Аббатиса, я понимаю, почему ты считаешь, что пророка необходимо найти. Я же обязана разыскать Никки. Я в ответе за то, что привела ее в тень Владетеля. Возможно, только я могу вернуть ее в свет Создателя. Только у меня есть подобный опыт.

Я даже думать боюсь, что произойдет с Ричардом, если я не попытаюсь остановить Никки, и боюсь думать о том, что произойдет с миром, если Ричард погибнет. Кэлен ошибается. Я верю в твой труд. Кэлен все упрощает, потому что у нее разбито сердце, но не сделай ты того, что сделала, она вообще бы никогда не повстречалась с Ричардом.

Энн задумалась над словами Алессандры. Соблазн согласиться был весьма велик.

— Но, Алессандра, мы не имеем ни малейшего понятия, куда они могли направиться. Никки далеко не дура. Если она, как сказала, действует в своих личных интересах, Никки проявит немало хитрости и изворотливости, чтобы ее не нашли. С чего ты вообще думаешь начать поиск? Натан — пророк, который свободно бродит по свету. Ты ведь помнишь, какие сложности он уже создавал. Он сам, в одиночку, может устроить такое, чего мир еще не видел. Когда вокруг люди, Натан обычно распускает хвост. Наверняка он оставляет на своем пути такого рода следы. В поисках Натана у нас хотя бы есть шанс на успех. Что же касается Никки...

Алессандра посмотрела на Энн с мрачной решимостью.

— Аббатиса, если Ричард погибнет, что будет со всеми нами?

Энн отвела взгляд. Что, если Алессандра права? Если Кэлен права? Она должна отыскать Натана. Это единственный способ все выяснить.

— Алессандра...

— Ты ведь мне не до конца доверяешь, аббатиса?

Энн властно посмотрела ей в глаза.

— Нет, Алессандра, должна признаться, что не доверяю. Как я могу? Ты меня обманывала. Лгала мне. Отвернулась от Создателя, предалась Владетелю.

— Но я вернулась к свету Создателя, аббатиса.

— Да? Не станет ли слуга Владетеля лгать в угоду ему, как ты тут сама не так давно заявила?

Глаза Алессандры наполнились слезами.

— Именно поэтому я и должна отыскать Никки, аббатиса. Чтобы доказать тебе — я достойна доверия.

— Или чтобы помочь Никки и Владетелю?

— Я знаю, что не заслуживаю доверия. Знаю. Да, мы должны отыскать Натана. Но и Ричарду мы тоже должны помочь.

— Две задачи первостепенной важности, — хмыкнула Энн. — И нет путевого дневника, чтобы позвать на помощь.

Алессандра утерла слезы.

— Пожалуйста, аббатиса, позволь мне помочь. Я в ответе за то, что Никки предалась Владетелю. Позволь мне попытаться все исправить. Попробовать ее спасти. Я знаю путь к Свету. Я способна ей помочь. Пожалуйста, аббатиса, дозволь мне спасти ее бессмертную душу.

Энн опустила глаза. Кто она такая, чтобы решать за других, что важно, а что нет? Ради чего она прожила жизнь? Не была ли она сама союзником Владетеля?

— Сестра Алессандра, — откашлялась Энн, — слушай меня, и слушай хорошенько. Я аббатиса сестер Света, и твой долг делать так, как я прикажу. — Она погрозила Алессандре пальцем. — Я не желаю ничего слышать, поняла? Никаких возражений. Я должна отыскать пророка, пока он не сотворил какую-нибудь немыслимую глупость. Ричард — чрезвычайно важная фигура в нашей борьбе, и тебе это хорошо известно. Я старею и только помешаю его искать. Я хочу, чтобы ты отправилась за ним. И никаких возражений. Ты должна отыскать Ричарда Рала и вколотить богобоязнь в нашу заблудшую сестру Никки!

Алессандра расплакалась и обняла Энн, рассыпаясь в благодарностях. Аббатиса потрепала ее по спине. Она была несчастна из-за того, что теряет спутницу, и боялась утратить веру вообще во все, что прежде делала.

Алессандра разжала объятия.

— Аббатиса, а ты сможешь путешествовать одна? Ты уверена, что это тебе по силам?

— Ба! Может, я и стара, но далеко не беспомощна. Кто, потвоему, заявился в самое сердце лагеря Джеганя и спас тебя, дитя?

Алессандра улыбнулась сквозь слезы.

— Ты, аббатиса, только ты. Никто, кроме тебя, не смог бы совершить подобное. Надеюсь, что мне удастся спасти Никки, как ты спасла меня... Если я ее разыщу.

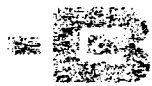
— Разыщешь, сестра. Непременно разыщешь. Да благословит тебя Создатель!

Энн понимала, что им обеим предстоит трудный путь, который может длиться годами.

— Грядут тяжелые времена, — сказала Алессандра. — Но у Создателя две руки, одна для меня, другая для тебя, аббатиса.

Энн невольно улыбнулась, представив себе это въяве.

Глава 29

 ойдите, — буркнул Зедд в ответ на настойчивое покашливание, раздающееся снаружи.

Он налил из кувшина воды в стоящую на круглом полене металлическую миску, служившую ему умывальником. Плеснул воды в лицо, громко крякнул. Удивительно, как такая ледяная вода еще может литься?

— Доброе утро, Зедд.

Все еще охая, Зедд стер холоднющую воду с глаз и, прищурившись, посмотрел на Уоррена.

— Доброе утро, мой мальчик.

Уоррен вспыхнул. Зедд напомнил себе, что, пожалуй, ему не стоит называть «мальчиком» человека, как минимум вдвое старше себя. Уоррен сам виноват! Ну что ему стоит перестать выглядеть таким юным? Вздохнув, Зедд принялся искать полотенце среди груды карт, грязных тарелок, ржавых циркулей, пустых кружек, салфеток, куриных костей, веревок и прочего хлама, скопившегося в углу его маленькой походной палатки. Здесь даже обнаружилось яйцо, которое он потерял несколько недель назад во время урока.

Уоррен крутил край лилового балахона.

— Я только что из палатки Верны.

Зедд прекратил поиски и оглянулся.

— Есть что-нибудь?

Уоррен покачал головой.

— Мне очень жаль, Зедд.

— Ну, это ничего еще не значит, — съехидничал Зедд. — У старухи больше жизней, чем у моей кошки — помнится, сначала ее ударило молнией, а потом она шлепнулась в колодец, и все в один день. Я тебе когда-нибудь о ней рассказывал, мой мальчик?

— Ну, вообще-то да, — улыбнулся Уоррен. — Но если хочешь, я с удовольствием послушаю еще разок.

Зедд отмахнулся и сразу сделался серьезным.

— Уверен, с Энн все в порядке. Верна знает Энн куда лучше, чем я, но я полностью уверен: эта бабка — твердый орешек.

— Верна тоже нечто подобное сказала. — Уоррен улыбнулся. — Энн всегда могла одним взглядом загнать грозу за горизонт.

Зедд, копаясь в залежах хлама, согласно крякнул.

— Она жестче подметки. — Он отбросил через плечо две устаревшие карты.

Уоррен подошел ближе.

— Что ты там ищешь, можно полюбопытствовать?

— Полотенце. Я точно знаю, что...

— Вот оно, — сказал Уоррен.

— Что? — поднял голову Зедд.

— Твое полотенце. Висит на спинке стула.

— А! — Зедд схватил полотенце и вытер давно уже высохшее лицо. — У тебя глаз вора, — фыркнул он на Уоррена и швырнул полотенце в груду хлама.

Уоррен снова заулыбался.

— Считаю это комплиментом.

Зедд склонил голову набок.

— Слышишь?

Уоррен прислушался к доносившимся снаружи звукам и улыбка его исчезла. Стучали копыта лошадей, переговаривались проходившие мимо палатки люди, кто-то выкрикивал приказы, трещали костры, скрипели фургоны, скрежетали инструменты.

— Слышу что?

Зедд неуверенно на него посмотрел.

— Не знаю. Что-то вроде свиста.

— Солдаты то и дело свистят, лошадей подзывают и вообще. Иногда это необходимо.

Зедд постоянно заботился о том, чтобы в лагере не издавали лишнего шума. На открытой местности свист разносится очень далеко. Конечно, д'харианский лагерь огромен, его не заметить

трудно. Время от времени они перебазировались, чтобы противник не мог быть уверен в их дислокации. Но звуки...

Зедд покачал головой.

— Наверное, это оно и было. Кто издал долгий пронзительный свист.

— Но все же, Зедд, — продолжил Уоррен, — уже давно все сроки прошли для следующего сообщения Энн.

— Бывали времена, когда Энн не могла слать сообщения. — Зедд взмахнул рукой. — Да вот, как-то раз я сам не позволил ей воспользоваться этим бестолковым дневником. Меня от него трясет. Не понимаю, почему она не может просто посылать письма, как все нормальные люди. — Зедд знал, что лицо выдает его тревогу. — Бестолковая штуковина. Мечта лентяя. Я — Первый волшебник, мне путевой дневник отродясь нужен не был.

— Она могла его потерять. Во всяком случае, Верна высказала такое предположение.

— Вот именно! Очень даже запросто могла. Он маленький, мог вывалиться на стоянке у нее из-за пояса, а она и не заметила. В таком случае она его никогда не найдет. — Зедд покачал пальцем. — Вот об этом-то я и толкую. Не стоит полагаться на всякие магические штучки, они просто превращают тебя в лентяя.

— Верна тоже так думает. Что дневник мог выпасть из-за пояса, я хотел сказать, — хихикнул Уоррен. — Или его могла слопать кошка.

Зедд уставился на Уоррена из-под лохматых бровей.

— Кошка? Какая такая кошка?

— Любая. — Уоррен откашлялся. — Я просто... А, ладно. Мне никогда не удавались шутки.

Зедд закивал.

— А, понятно! Его могла слопать кошка. Да, да, я понял. — Он ничего не понял, но постарался рассмеяться ради мальчика. — Отлично, Уоррен.

— Как бы то ни было, Энн скорее всего его потеряла. Наверняка все объясняется просто.

— В этом случае, — принялся рассуждать Зедд, — Энн скорее всего в конце концов приедет сюда, чтобы дать нам знать — с ней все в порядке. Или, на худой конец, пришлет письмо или гонца. Или еще что-нибудь. Но вероятнее всего, ей просто нечего нам сообщить и она не видит смысла в пустой болтовне.

Уоррен нахмурился.

— Но мы не получали от нее сообщений уже почти месяц.

— Ну, в последний раз она сообщила, что движется на север, — отмахнулся Зедд, — в горы, где сейчас Кэлен с Ричардом. Если она действительно потеряла путевой дневник и направилась оттуда прямо сюда, то она не появится еще пару недель. А если для начала отправилась повидать Ричарда, так еще дольше. Энн, видишь ли, перемещается отнюдь не быстро.

— Знаю, — кивнул Уоррен. — Она может добираться сюда годами. И это еще одна причина, по которой я так сильно беспокоюсь.

Зедда гораздо больше беспокоило то, что путевой дневник Энн замолчал именно сейчас — когда она должна была вот-вот добраться до Ричарда с Кэлен. Старый волшебник очень надеялся узнать, что с Ричардом и Кэлен все в порядке, что Кэлен здорова, а может, даже — что Ричард готов вернуться. Энн понимала, с каким нетерпением от нее ждут новостей. И наверняка у нее есть какие-то новости. Зедду не нравилось, что дневник замолчал именно сейчас. Крайне не нравилось.

— Слушай, Уоррен, месяц — не такой уж большой срок для нее. Прежде между ее сообщениями проходила не одна неделя. Еще слишком рано беспокоиться. К тому же у нас своих дел хватает.

Зедд не представлял себе, что они могут предпринять, если Энн действительно нарвалась на неприятности. Неизвестно даже, где она и как ее искать.

— Ты прав, Зедд, — виновато улыбнулся Уоррен.

Зедд сдвинул карту и, обнаружив позабытую вчера вечером початую буханку хлеба, откусил большой кусок. Теперь под предлогом еды он может молчать, а то он уже начал бояться, что не сможет дальше скрывать тревогу.

Уоррен был способным волшебником, куда умнее многих. Зедду частенько бывало трудно найти предмет для беседы, о котором Уоррен еще не слышал или в котором не разбирался. Очень освежающее чувство — делиться знаниями с тем, кто понимающе кивает, слушая темные рассуждения об эзотерических проблемах, о которых никто и слыхом не слыхивал. С тем, кто способен заполнить маленькие пробелы в нестандартных заклятиях, кто радуется, когда Зедд объясняет что-то новое... Уоррен знал о пророчествах куда больше, чем, по мнению Зедда, вообще следует знать.

Этот человек представлял собой потрясающую смесь одержимого старца и нахального юнца. Он был тверд в своих убеждениях — и в то же время откровенно, бесконечно, совершенно по-детски любопытен.

Когда они обсуждали «видение» Ричарда — лицо Уоррена оставалось совершенно бесстрастным. Он молча сидел, пока все остальные бурно обсуждали то, что написал им Ричард. Всякий раз, когда Зедд в личной беседе спрашивал Уоррена, что он думает по этому поводу, Уоррен отвечал одно: «Я следую за Ричардом. Он мой друг, и он магистр Рал». Уоррен никогда не оспаривал и не обсуждал приказы Ричарда войскам. Точнее, нежелание Ричарда отдавать приказы. С точки зрения Уоррена, Ричард отдал четкий приказ, и его нужно глотать, а не пережевывать.

Зедд заметил, что Уоррен снова теребит балахон.

— Ты смахиваешь на волшебника, которому в штаны засунули ночную почесуху. Ты хочешь что-то сказать, Уоррен?

— Я настолько прозрачен? — беспомощно улыбнулся Уоррен.

— Нет, Уоррен, — ухмыльнулся Зедд. — Это просто я такой умный.

Уоррен рассмеялся. Зедд указал на сложенный брезентовый стул, «юный» волшебник оглянулся на стул и покачал головой. Надо полагать, речь пойдет о чем-то очень важном, раз Уоррен предпочитает высказаться стоя.

— Зедд, надвигается зима. Как ты считаешь, Орден атакует нас сейчас или подождет до весны?

— Ну вообще-то это вечный повод для беспокойства. От незнания желудок в узел завязывается. Но вы все хорошо потрудились. Все вы обучены и опытны. Ты отлично со всем справишься, Уоррен. И сестры тоже.

Похоже, Уоррена нисколько не интересовало, что говорит Зедд. Он почесывал висок, ожидая свой очереди.

— Ага, спасибо тебе, Зедд. Мы все усиленно трудились. Хм-м... Генерал Лейден утверждает, что зима сейчас — наш лучший союзник. Он со своими кельтонскими офицерами и кое-кто из д'харианцев считают, что Джегань будет круглым идиотом, если начнет кампанию в преддверии зимы. Кельтон не так уж далеко к северу отсюда, так что генерал Лейден знаком с трудностями зимних военных действий на территории, куда мы отступаем. Он убежден, что Орден будет ждать весны.

— Генерал Лейден — хороший человек, и хоть он и заместитель генерала Райбиха, но я с ним не согласен, — ровным тоном проговорил Зедд, глядя в голубые глаза Уоррена.

— О! — Уоррен помрачнел.

Два месяца назад по просьбе генерала Райбиха генерал Лейден привел кельтонскую дивизию на усиление д'харианской армии. Считая Кэлен своей королевой, кельтонские войска по-прежнему выступали под собственными знаменами, хотя теперь их страна и была частью Д'Харианской империи.

Зедд ничего не имел против такого названия. Для всего Нового мира куда лучше быть единой могучей силой, чем сборищем племен. По мнению Зедда, в этом деле интуиция Ричарда не подвела. Не будь Новый мир единым, война такого размаха стала бы неуправляемой. И если все будут считать себя частью могучего кулака Д'Харианской империи, это лишь поможет объединению.

Зедд откашлялся.

— Это всего лишь предположение, Уоррен. Я могу и ошибаться. Генерал Лейден — опытный воин и далеко не дурак. Я могу ошибаться.

— Но и Лейден тоже может ошибаться. Похоже, ваше мнение по этому поводу совпадает с мнением генерала Райбиха. Он уже два месяца непрерывно меряет шагами свою палатку.

Зедд пожал плечами.

— Уоррен, от действий Ордена зависит что-то важное для тебя? Ты ждешь этих действий, чтобы принять какое-то решение?

Уоррен поднял руки, словно отгораживаясь от подобного предположения.

— Нет-нет! Конечно, нет! Просто... Просто сейчас не самое подходящее время думать о таких вещах... Но если они залягут на зиму... — Уоррен потеребил рукав. — Я имею в виду... Если бы ты думал, что они станут ждать весны или что-то в этом роде...

Он замолчал.

— А если залягут, то?..

Уоррен опустил глаза.

— Если ты считаешь, что они могут решить двинуться вперед зимой, то будет неправильно с моей стороны... с нашей стороны... думать о таких вещах.

Зедд решил зайти с другой стороны.

— Ну, скажем, я считаю, что Орден засядет на месте на всю зиму. И что бы ты сделал в этом случае?

Уоррен развел руками.

— Зедд, ты поженишь нас с Верной?

Брови Зедда поползли вверх, он откинул голову.

— Елки-моталки, мальчик, ну и заявочка с утра пораньше!

Уоррен решительно шагнул вперед.

— Поженишь, Зедд? Я хочу сказать, если ты действительно считаешь, что Орден застрянет в Андерите на всю зиму? Если так, тогда, мне кажется, мы могли бы... То есть...

— Ты любишь Верну, Уоррен?

— Конечно, люблю!

— А Верна тебя любит?

— Ну конечно!

— Тогда я вас поженю.

— Правда? Ох, Зедд, это будет просто здорово! — Уоррен повернулся к выходу, протянув руку к Зедду. — Погоди. Погоди тут минутку.

— Вообще-то я собирался взмахнуть руками и улететь на луну, но если ты хочешь, чтобы я подождал...

Уоррен выскочил их палатки. До Зедда донеслись приглушенные голоса. Затем Уоррен вернулся. За ним шла Верна.

Верна сияла.

— Благодарю тебя за то, что предложил поженить нас, Зедд. Спасибо! Мы с Уорреном хотели, чтобы именно ты провел церемонию. Я ему говорила, что ты согласишься! Представить себе не могу ничего более значимого, чем свадебная церемония, проведенная Волшебником первого ранга.

Милейшая дама, подумал Зедд. Правда, временами слегка помешанная на правилах, но добросердечная. Работоспособная. Послушная. И она, безусловно, любит Уоррена и глубоко его уважает.

— Когда? — спросила Верна. — Когда, по-твоему, будет подходящее время?

Зедд скривился:

— Как по-вашему, вы в состоянии потерпеть, пока я съем завтрак?

Оба заулыбались.

— Вообще-то мы думали сыграть свадьбу вечером, — пояснила Верна. — Может быть, удастся устроить торжество с музыкой и танцами.

— Мы хотели сделать приятный перерыв в учениях, — беззаботно взмахнул рукой Уоррен.

— Перерыв? И насколько же, по-вашему, вы сможете забросить дела?

— О нет, Зедд! — Уоррен покраснел. — Мы не имели в виду... то есть мы по-прежнему будем... мы лишь хотели...

— Нам вовсе не нужен отпуск, — отрезала Верна, перебив Уоррена. — Мы просто подумали, что это будет повод устроить всем праздник на один вечер. Мы вовсе не собираемся покидать свой пост.

Зедд обнял Верну за плечи.

— В вашем распоряжении сколько угодно времени. Все всё понимают. Рад за вас обоих.

— Это здорово, Зедд, — вздохнул Уоррен. — Мы действительно...

В палатку без стука ворвался офицер.

— Волшебник Зорандер!

За ним ввалились две сестры.

— Аббатиса! — вскричала сестра Филиппа.

— Они идут! — крикнула сестра Феба.

Феба вся дрожала. Тут Зедд заметил, что волосы сестры Филиппы с одной стороны опалены, и плечо ее платья почернело. Она караулила на дальних подступах вражеских чародеев.

Теперь Зедд понял: то, что он принял за свист, было отдаленными криками.

Рожки на второй заставе пропели тревогу. За стенами палатки раздались новые звуки: шипели загашенные костры, звенела сталь, ржали лошади.

Уоррен схватил Филиппу за руку и начал сыпать приказами:

— Координируй оборону. Не позволяй заметить, держи за третьей грядой. Установи ловушки ближе к нам. Пусть противник наступает уверенно. Кавалерия есть?

Сестра Филиппа кивнула.

— Они идут двумя лавинами, — сообщил офицер. — Но еще не атакуют. Не хотят отрываться от пехоты.

— Зажги первый огонь позади них — как только кавалерия минует точку вспышки. Как мы обговаривали, — сказал Уоррен сестре Филиппе. Задумка состояла в том, чтобы поймать кавалерию в ловушку между двумя стенами мощной магии, но магию требовалось строго сфокусировать и пробить вражеские щиты.

— Аббатиса... — Сестра Феба все никак не могла отдышаться. — Ты не представляешь себе, сколько их! Благой Создатель, такое впечатление, что земля движется и горы пихают солдат в нашем направлении.

Верна положила руку ей на плечо.

— Знаю, Феба, знаю. Но ведь нам хорошо известно, что нужно делать.

Верна вывела обеих сестер наружу, громко призывая остальных своих помощниц. В этот момент подъехавшие офицеры и вернувшиеся разведчики соскочили с лошадей.

Огромный бородатый солдат, у которого по лицу пот тек ручьем, вломился в палатку, ловя воздух ртом.

— Вся их армия! Всё полчище!

— Тяжелая кавалерия! Достаточно, чтобы пробить брешь и продвинуться вперед, — проорал с взмыленной лошади всадник и помчался дальше.

— Лучники? — спросил Зедд у двух солдат, все еще находившихся в его палатке.

— Они слишком далеко, трудно сказать, — покачал головой бородатый офицер. — Но готов поспорить, что лучники идут сразу за рядами копейщиков.

— Наверняка, — кивнул Зедд.

Уоррен схватил бородатого офицера за рукав и поволок за собой из палатки.

— Не волнуйся, как только они покажутся, у нас есть чем их занять.

Второй офицер умчался, возвращаясь к своим обязанностям. Зедд остался один в своей палатке, освещенной утренним зимним солнцем. Холодный рассвет. Впереди — кровавый день.

Снаружи кипела бурная деятельность. У каждого были свои обязанности. Большую часть армии составляли испытанные в бою д'харианские ветераны. Зедд сам убедился, насколько устрашающе выглядят солдаты Имперского Ордена, но д'харианцы не уступали им в свирепости. Веками д'харианцы гордились тем, что они самые жестокие воины в мире. Довольно долго Зедд сам сражался с д'харианцами, доказавшими, что их тщеславие вполне обосновано.

Кто-то кричал «давай, давай, давай!». Похоже, генерал Райбих. Зедд выскочил из палатки и замер перед протекавшим перед ним непрерывным людским потоком.

Генерал Райбих остановился возле волшебника.

— Зедд, мы были правы!

Зедд печально кивнул. Едва ли не в первый раз в жизни ему хотелось бы, чтобы он был не прав.

— Сворачиваем лагерь, — бросил генерал Райбих. — Времени почти не осталось. Я уже отдал приказ авангарду передвинуться севернее и прикрывать фургоны обеспечения.

— Они все на нас идут или так, разведка боем?

— Всей лавиной.

— Добрые духи! — прошептал Зедд. По крайней мере он составил планы на этот случай. Он обучил чародеев, так что они не растеряются. Все происходит в точности так, как предсказывал Зедд. И это должно придать им храбрости и уверенности в себе. Исход дня зависит от волшебников.

Генерал Райбих потер подбородок, глядя на юг, в сторону невидимого еще противника. Солнце окрасило его ржаво-рыжие волосы в красный цвет, шрам, пересекавший его щеку от виска до угла губ, походил на застывшую белую молнию.

— Наши заставы отходят вместе с арьергардом. Нет смысла оставлять их держать оборону против всего имперского полчища.

Зедд кивнул.

— Мы встанем магией против магии, генерал.

В серо-зеленых глазах генерала мелькнул огонек.

— А мы — твоя сталь, Зедд. Дадим этим ублюдкам отведать и того, и другого.

— Только не показывай им слишком много, пока не пришло время, — предупредил Зедд.

— Я не собираюсь менять наши планы, — рявкнул генерал.

— Отлично. — Зедд схватил за руку пробегавшего мимо солдата. — Ты! Мне нужна помощь. Собери мои вещи, ладно, парень? Я должен идти к сестрам.

Генерал Райбих указал молодому солдату на палатку Зедда и тот помчался выполнять приказ.

— Разведчики сообщают, что они все еще стоят по ту сторону Драна, как мы и надеялись.

— Отлично. Значит, не стоит опасаться, что они обойдут нас с флангов, — во всяком случае, на западе. — Зедд посмотрел, как исчезает на глазах лагерь, и перевел взгляд на обветренное лицо генерала. — Только отведи вовремя наших людей в те северные долины, генерал, чтобы нас не окружили. Волшебники заметут следы.

— Не беспокойся, мы прорвемся.

— Река ведь еще не встала, верно?

Райбих покачал головой.

— Крыса, может, и пройдет, но волк провалится.

— Значит, реку они не перейдут. — Зедд, сощурившись, посмотрел на юг. — Я должен идти к Эди и к сестрам. Да пребудут с тобой добрые духи, генерал. Им не понадобится прикрывать твою спину — об этом позаботимся мы.

Генерал Райбих схватил Зедда за руку.

— Их гораздо больше, чем мы думали, Зедд. Как минимум вдвое. А если мои разведчики с перепугу не наврали, то, возможно, и втрое. Думаешь, тебе удастся удержать эту лавину, пока они будут норовить вцепиться мне в задницу?

План состоял в том, чтобы увлечь противника на север, оставаясь вне пределов его досягаемости — достаточно близко, чтобы он исходил слюной, но недостаточно, чтобы мог откусить солидный кусок. Форсировать реку в это время года для армии такого размера сущая глупость. Д'харианские фланги прикрывает с одной стороны река, с другой — горы. Имперскому Ордену будет не так-то просто окружить и раздавить армию Д'Харианской империи.

План был составлен с учетом предупреждения Ричарда: не вступать в прямое столкновение с Имперским Орденом. Зедд не был полностью уверен в правильности его слов, но предпочитал не испытывать судьбу.

Если повезет, как только они выманят противника на пересеченную местность, которую легче оборонять, Орден потеряет преимущество и его удастся остановить. А как только полчища встанут, д'харианцы смогут начать сокращать их численность. Д'харианцев мало волнует численное превосходство противника. Для них это только еще одна возможность проявить себя.

Зедд устремил взор вдаль, представив себе склоны холмов, сплошь покрытые наступающими вражескими солдатами. Он уже знал, какую смертоносную силу на них обрушит.

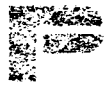
— Не волнуйся, генерал, сегодня Имперский Орден начнет платить цену за свои дела.

Генерал Райбих, ухмыльнувшись, хлопнул Зедда по плечу:

— Молодец! — и зашагал прочь, на ходу созывая ординарцев и требуя коня.

Началось.

Глава 30

 ичард, подбоченившись, стоял внутри огромного скелета.

— Ну? — вопросила Никки с седла.

Прикрыв глаза ладонью от солнца, он посмотрел вперед, на горизонт. Потом оглянулся на Никки. Ее волосы, освещенные солнцем, сделались цвета меда.

— Я бы сказал, что это дракон.

Кобыла загарцевала, норовя убраться подальше. Никки решительно придержала ее.

— Дракон, — бесстрастно повторила она.

На костях повсюду виднелись остатки плоти. Ричард отмахнулся от тучи роившихся мух. Здесь еще чувствовался слабый запах тлена. Выбравшись из гигантской грудной клетки, он указал на лежащую в пожелтевшей траве голову. Расстояние между ребрами было такое, что он спокойно шел, не рискуя ни за что зацепиться.

— Узнаю зубы. У меня когда-то был драконий зуб.

Никки скептически взирала на останки.

— Ну, что бы это ни было, ты уже насмотрелся. Пора двигаться дальше.

Ричард отряхнул руки. Жеребец, фыркнув, попятился — ему не нравился запах смерти, и он не доверял Ричарду, от которого тоже теперь исходил этот запах. Ричард погладил гладкий черный бок.

— Спокойно, Мальчик, — ласково проговорил он. — Спокойно.

Когда Ричард наконец сел в седло, Никки развернула свою серую в яблоках кобылу и двинулась вперед. Освещенные послеполуденным солнцем ребра отбрасывали длинные тени, будто тянулись к Ричарду, призывая в свидетели ужасного конца. Он оглянулся на огромный скелет посреди травянистой равнины, пришпорил жеребца и поехал за Никки. Жеребец не слишком нуждался в понукании, он и сам хотел поскорее убраться от этого мрачного места.

За последний месяц Ричард с конем привыкли друг к другу. Жеребец был покладист, но не особенно дружелюбен, а Ричарду не хотелось ничего большего. Никки не знала, имелись ли у лошадей клички, да это ее и не интересовало, так что Ричард попросту называл черного жеребца «Мальчик», а кобылу Никки — «Девочка». Никки, судя по всему, было все равно, и она последовала его примеру.

— Ты действительно считаешь, что это останки дракона? — спросила Никки, когда он ее догнал.

Жеребец замедлил ход и радостно ткнул кобылу мордой в бок. Девочка в ответ едва шевельнула ухом.

— Насколько я помню, размер вполне подходящий.

Никки тряхнула головой, отбрасывая волосы за спину.

— Ты это серьезно, да?

Ричард озадаченно нахмурился.

— Ты же сама видела. Кто еще это может быть?

Она вздохнула:

— Я думала, это кости какого-то давно вымершего животного.

— С таким-то роем мух? Да на некоторых костях еще сохранились остатки сухожилий! Никакая это не древность. Дракон погиб с полгода назад, а может, и позже.

Никки покосилась на него.

— Значит, в Новом мире и вправду водятся драконы?

— Ну, во всяком случае, в Срединных Землях — точно. Там, где я вырос, их не было. Насколько я понимаю, драконы обладают магией, а в Вестландии магии не было. Когда я приехал сюда, то... видел красного дракона. Вообще-то они встречаются чрезвычайно редко.

А теперь их стало еще на одного меньше.

Никки мало волновали драконьи останки, а Ричард уже давно пришел к выводу, что у него куда больше шансов выпутаться из этой ситуации, если не проявлять враждебность. Озлобленность подрывает силы, мешает думать и искать выход.

Он не мог заставить себя проявлять дружелюбие, но старался не злить Никки, чтобы не навредить Кэлен. Пока что это ему удавалось. К тому же Никки не слишком просто было вывести из себя. Когда ей что-то не нравилось, она погружалась в полное безразличие.

Тем временем они снова выбрались на дорогу, с которой свернули, когда заметили белые пики, оказавшиеся при ближайшем рассмотрении останками дракона.

— На что это похоже — жить в стране без магии?

— Понятия не имею, — пожал плечами Ричард. — Просто жил, и все. Это казалось в порядке вещей.

— Ты был счастлив, живя без магии?

— Да, очень. — Он снова нахмурился. — А что?

— И тем не менее ты сражаешься за магию. Так?

— Да.

— Орден хочет избавить мир от магии, чтобы люди росли счастливыми, без ядовитого тумана волшебства, постоянно подстерегающего их у порога. — Она посмотрела на Ричарда. — Орден хочет, чтобы дети росли такими же счастливыми, как и ты. А ты с ним сражаешься.

Ричард предпочел промолчать. Его нисколько не волновало, чего там хочет Орден. Мысли его были заняты другим.

Они ехали на юго-восток, по пути им время от времени попадались странствующие торговцы. Сегодня они обменялись приветственными кивками с двумя такими. Дорога, петляя между холмами, начала забирать к югу. Когда они въехали на возвышенность, Ричард вдалеке углядел отару овец. Впереди, как им сказали, находился городок, где можно закупить необходимую провизию. Да и лошадям не помешает прикупить овса.

Слева, на северо-западе, заснеженные вершины гор в лучах послеполуденного солнца окрасились розовым. Справа простирались степи. А за городом они скоро пересекут реку Керн. Сейчас они уже совсем недалеко от пустошей, где когда-то стоял великий барьер.

Скоро они свернут на юг, в Древний мир.

Хотя барьера больше не существовало, Ричарду страшно не хотелось покидать Новый мир. Это все равно что покинуть мир

Кэлен, еще больше отдалиться от нее. Казалось, она ускользает от него все дальше и дальше.

Никки повернулась к Ричарду. Ее светлые волосы взметнулись на ветру.

— Говорят, в Древнем мире тоже когда-то были драконы.

Ричард с трудом очнулся от мрачных мыслей.

— А теперь нет? — спросил он. Никки покачала головой. — И как давно это было?

— Очень давно. Никто из ныне живущих их никогда не видел. Даже сестры.

Ричард размышлял, покачиваясь в седле под ритмичный перестук подков. Никки сегодня казалась довольно покладистой, и он спросил:

— А ты знаешь, почему?

— Могу рассказать лишь то, чему меня учили, если хочешь. — Ричард кивнул, и она продолжила: — Во время великой войны, в те времена, когда возвели барьер между Древним и Новым мирами, волшебники Древнего мира трудились над уничтожением магии. Драконы без магии существовать не могли, поэтому постепенно вымерли.

— Но здесь-то они существуют до сих пор.

— По другую сторону барьера. Возможно, подавление магии на той стороне было локальным или даже временным. В конце концов, вся магия существует до сих пор, а значит, волшебники древности с задачей не справились.

Ричард начал испытывать беспокойство.

— Никки, можно задать тебе вопрос? Очень серьезный вопрос насчет магии?

Она посмотрела на него и перевела лошадь на шаг.

— Что ты хочешь узнать?

— Сколько, по-твоему, может дракон прожить без магии?

Никки вздохнула.

— Я знаю только историю с драконами в Древнем мире, как мне ее рассказывали. Как тебе известно, не всем древним записям можно доверять. Возможно, это всего лишь научная гипотеза. Что касается драконов... Могу предположить, что не очень долго. Возможно, несколько дней или дольше — но ненамного. Это упрощенный вариант вопроса, сколько рыба может прожить без воды. А почему ты спросил?

Ричард взъерошил волосы.

— Когда шимы были здесь, в этом мире, они высосали магию. На какое-то время вся магия — ну, или почти вся — исчезла.

Никки устремила взгляд на дорогу.

— По моим прикидкам, исчезновение магии было абсолютным — по крайне мере на какое-то время.

Вот этого-то он и боялся! Ричард сопоставил ее слова с тем, что знал сам, и задумчиво проговорил:

— Не все существа, наделенные магией, зависят от нее. Вот мы, к примеру. Мы в какой-то степени волшебные существа, но и без магии тоже можем жить. Меня интересует, смогли ли уцелеть существа, само существование которых зависит от магии, пока шимы не были изгнаны и не восстановилась магия в мире живых.

— Магия не восстановилась.

— Что?! — Ричард резко осадил коня.

— Не так, как ты думаешь. — Никки повернулась к нему лицом. — Ричард, хоть я и не знаю точно, что произошло, такое событие не могло пройти без последствий.

— Расскажи, что тебе известно.

Она с любопытством прищурилась:

— А почему это тебя так беспокоит?

— Никки, пожалуйста, просто расскажи, что знаешь!

Она положила руки на луку седла.

— Ричард, магия — сложное образование, с ней никогда ничего нельзя сказать с уверенностью. — Никки жестом остановила готовый посыпаться град вопросов. — Но одно известно точно. Магия непостоянна. Она все время меняется. Магия — не только часть этого мира. Это проводник между мирами. Понимаешь?

Ричарду показалось, что он понял.

— Я случайно при помощи магии вызвал дух отца из подземного мира. И изгнал его обратно — с помощью магии же. Племя Тины, например, пользуется магией, чтобы общаться с духами предков через завесу между нашим и подземным мирами. Мне пришлось отправиться в Храм Ветров, в подземный мир, когда Джегань велел одной сестре обрушить на нас чуму, принесенную ею из мира мертвых.

— И что общего между этими событиями?

— Магия используется как мост между мирами.

— Да. Но не только. Миры существуют, но их понимание зависит от мира живых, верно?

— Ты хочешь сказать, что жизнь зарождается в этом мире, а после смерти души забирает Владетель нижнего царства?

— Да, но не только. Ты не видишь связи?

Ричард уже ничего не понимал. Он вырос, не имея ни малейшего представления о магии.

— Мы пойманы между двумя царствами?

— Нет, не совсем так. — Никки сверкнула глазами. Подождав, пока он встретиться с ней взглядом, она подняла палец, подчеркивая важность своих слов. — Магия — проводник между мирами. Когда магия уменьшается, от нас не просто отдаляются другие миры, но и влияние этих миров в нашем мире становится меньше. Понимаешь?

Ричарда пробрала дрожь.

— То есть другие миры начинают влиять меньше, как... как родители на повзрослевшего ребенка?

— Да. — Ее глаза вдруг сделались очень глубокими. — Миры отдаляются друг от друга, примерно как ребенок — он растет, вырастает и покидает дом. Но и это еще не все. — Никки чуть подалась вперед. — Видишь ли, возможно, другие миры способны существовать лишь благодаря их связи с миром живых, с нашим миром. — Сейчас она казалась именно тем, кем и была на самом деле — стовосьмидесятилетней колдуньей. — Считается даже, — прошептала Никки совершенно призрачным тоном, — что без магии, связывающей иные миры с нашим, те миры перестанут существовать.

Ричард сглотнул.

— То есть когда ребенок вырастает и покидает родительский дом, родители уже не так важны для его дальнейшего существования. Даже когда они в конце концов состарятся и умрут. Хотя когда-то они были ему жизненно необходимы и крепко с ним связаны, теперь, когда они перестали существовать, он продолжает жить и без них.

— Совершенно верно, — очень тихо сказала Никки.

— Мир меняется, — кивнул Ричард. — Мир не стоит не месте. Вот чего добивается Джеганъ. Он хочет, чтобы магия и те иные миры перестали существовать, а этот мир остался в его единоличном владении.

— Нет, — негромко возразила Никки. — Он хочет этого не для себя, а для всего человечества. — Ричард начал было возражать, но она оборвала его. — Я знаю Джеганя и говорю тебе то, что считает он. Может, он и наслаждается тем, что творит, но в

глубине души верит, что делает это не для себя, а для всего человечества.

Ричард не видел смысла ссориться. Как бы то ни было, из-за происходящих изменений существа, подобные драконам, вполне могли исчезнуть. Те белые кости, возможно, были останками последнего красного дракона.

— Из-за таких вот событий, как пришествие шимов, мир уже изменится бесповоротно — настолько, что волшебные существа все умерли, — продолжила Никки, глядя в сумеречную даль. — И в том взаимосвязанном мире, что я описала, магия — даже такая, как наша — тоже очень скоро исчезнет. Теперь ты понял? Без этого проводника между мирами, этой связи с другими мирами, которые, возможно, уже больше не существуют, дети волшебников будут рождаться без магического дара.

Во всяком случае, одно ему было ясно точно: когда придет время, он позаботится, чтобы Никки прекратила свое существование. Вымерла.

Они двинулись дальше. Ричард то и дело оглядывался на огромные белеющие кости, пока те не исчезли из виду.

В город они въехали уже затемно. Когда Ричард поинтересовался у прохожего, что это за место, то узнал, что городок называется Риппли. Тихий городок в отдаленном углу Срединных Земель, неподалеку от того места, что прежде было пустошью, откуда никто не возвращался. Жители Риппли растили на продажу пшеницу и разводили овец, а мелкую живность держали для своих нужд.

Сюда шла дорога с северо-запада, из Ренвольда, другие дороги вели на север. Риппли служил торговым перекрестком между Ренвольдом и деревнями на севере и востоке. Теперь, конечно, Ренвольда больше нет. Имперский Орден вырезал весь город и на улицах Ренвольда живут лишь призраки. Обитатели степей, продававшие там свои товары, остались без средств к существованию. И жители окрестных деревень и городов, приезжавшие торговать в Риппли, — тоже. В Риппли настали тяжелые времена.

Ричард с Никки привлекли к себе всеобщее внимание. После гибели Ренвольда приезжие стали тут редкостью. Они оба устали, а в городке имелась таверна, но там собиралась местная пьянь, и Ричарду вовсе не хотелось ввязываться в неприятности. В другом конце города была неплохая конюшня, и владелец раз-

решил им переночевать на сеновале за серебряный пенни с каждого. Ночи стояли холодные, а на сеновале можно было укрыться от ветра, и Ричард, не торгуясь, заплатил по пении за них с Никки и еще три за лошадей. Неразговорчивый хозяин был так рад дополнительной плате, что пообещал Ричарду почистить лошадей, накормить и перековать.

Когда Ричард, поблагодарив, сказал, что они очень устали, хозяин впервые за все время улыбнулся:

— Ну, тогда пойду займусь вашими лошадьми. Надеюсь, вы с женой хорошенько выспитесь. Доброй вам ночи.

Ричард последовал за Никки наверх по грубой лестнице. Сидя на сене, они ели холодный ужин и слушали, как хозяин обихаживает их лошадей. Ричард с Никки едва обменялись перед сном парой слов. Проснувшись вскоре после рассвета, они обнаружили стайку тощих ребятишек и изможденных взрослых, которые пришли посмотреть на «богатых» путешественников. Похоже, их лошади стали источником сплетен и догадок.

Ричард поздоровался с людьми, но в ответ наткнулся на пустые взгляды. Когда они с Никки направились в лавку, расположенную неподалеку, через несколько обшарпанных домишек, эти люди пошли за ними, будто они — король и королева города. Бродившие по улочкам козы и куры разбегались, завидя процессию. Молочная корова, что паслась позади кожевенной лавки, на миг перестала жевать траву и смотрела на происходящее. Сидевший на заборе петух раздраженно захлопал крыльями.

Самый храбрый ребятенок спросил, кто они такие. Никки ответила, что они — простые путешественники, муж с женой, которые едут в поисках работы. Это сообщение встретили скептичным шепотком. Никки в ее роскошном черном платье скорее можно было принять за королеву, ищущую себе королевство. Да и Ричард производил впечатление ненамного хуже.

Мальчик постарше спросил, где они намерены искать работу, ведь в Риппли вряд ли можно что-нибудь найти. Никки пояснила, что они направляются в Древний мир. Кое-кто из взрослых, подхватив детей, заторопился прочь. Оставшиеся следовали за Ричардом с Никки по пятам.

Владелец продуктовой лавки, пожилой мужчина, пропустив Ричарда внутрь, ласково прогнал горожан. Как только Ричард скрылся в дверях лавки, народ на улице расхрабрился и стал теребить Никки, прося денег, лекарства, еды. Никки стояла спокойно, расспрашивая простолюдин об их бедах и нуждах. Она

двинулась сквозь толпу, осматривая детей. На ее лице появилось бесстрастное выражение, крайне не понравившееся Ричарду.

— Чем могу быть полезен? — вежливо поинтересовался лавочник.

— Что это за люди? — вместо ответа спросил Ричард.

Он смотрел сквозь чисто вымытое окно на Никки, окруженную толпой и вещавшую о любви Создателя. Люди слушали ее, будто сам добрый дух явился их утешить.

— Ну, всякие разные, — ответил лавочник. — Большинство пришли из Древнего мира, когда барьер рухнул. Кое-кто — местные бездельники: пьяницы, бродяги; они скорее предпочтут просить милостыню или красть, чем работать. Когда тут появились чужаки из Древнего мира, некоторые местные присоединились к ним, переняв их образ жизни. Приезжающие к нам торговцы на собственном опыте выяснили, что им дешевле поделиться с этой публикой, не то останутся вовсе без товара. Впрочем, некоторые из тех, что здесь, просто оказались в трудном положении: вдовы с детишками, которые не могут найти себе мужей, старики... Кое-кто, возможно, и будет работать на меня, если найдется работа, но большинство не захочет.

Ричард уже собрался дать лавочнику список необходимых товаров, когда в лавку скользнула Никки.

— Ричард, мне нужно немного денег.

Он не стал спорить и передал ей седельную сумку с деньгами. Никки достала полную горсть серебра и золота. У лавочника глаза на лоб полезли, когда он увидел, сколько она взяла. Никки не обратила на него внимания. Ричард ошеломленно смотрел, как Никки, вернувшись к толпе, отдает все имеющиеся у них деньги. К ней потянулся лес рук. Люди заорали. Кое-кто помчался прочь с добычей.

Ричард заглянул в сумку — проверить, сколько у них осталось. Небогато. Он поверить не мог тому, что только что сотворила Никки. Бред какой-то.

— Как насчет риса, бекона, сухих бисквитов, ячменной муки, овсяной муки, чечевицы и соли?

— Овсяной муки нет, а все остальное в наличии. Сколько вам нужно?

Ричард быстро подсчитал в уме. Им предстоит еще долгий путь, а Никки отдала почти все сбережения. Придется теперь экономить на припасах. Он положил на прилавок шесть серебряных пенни.

— Вот на эту сумму.

Ричард сбросил мешок со спины и положил на прилавок рядом с монетами.

Лавочник сгреб деньги, тяжко вздыхая при мысли о тех деньгах, которые мог бы заработать, и принялся снимать заказанное с полок и складывать в мешок. Пока он занимался делом, Ричард вспомнил еще кое-что и добавил одну монетку.

Теперь у него осталось несколько серебряных пенни, две серебряные кроны и никакого золота. Никки раздала денег больше, чем эти люди видели за всю свою жизнь. Озабоченный мыслями о том, на что они в дальнейшем будут покупать себе продовольствие, Ричард забросил на спину тяжелый мешок и поспешил на улицу, чтобы попробовать остановить Никки.

Она вещала о любви Создателя ко всем и каждому и просила простить жестокость бессердечных и безразличных людей, протягивая золотую монету небритому беззубому мужику. Тот, ухмыляясь, поблагодарил и облизнул потрескавшиеся губы. Ричард отлично понял, чем этот тип хочет смочить горло. К Никки тянулось еще множество рук.

Встревоженный Ричард схватил Никки за руку и рванул к себе. Она повернулась:

— Мы должны возвращаться на конюшню.

— Я тоже так думаю, — кивнул Ричард, сдерживая гнев. — Надеюсь, хозяин уже закончил возиться с лошадьми, и мы можем убираться отсюда.

— Нет, — возразила Никки с мрачной решимостью. — Нам нужно продать лошадей.

— Что?! — Ричард сердито моргнул. — Могу я поинтересоваться, чего ради?

— Чтобы поделиться тем, что имеем, с теми, у кого ничего нет.

Ричард потерял дар речи. Он молча уставился на Никки. Как же они поедут дальше? Немного поразмыслив, он решил, что ему совершенно безразлично, как скоро они доберутся туда, куда она его тащит. Но ведь им придется все свои пожитки нести на себе. Он — лесной проводник и привык ходить с тяжелой поклажей, он справится. Медленно выдохнув, Ричард направился к конюшне.

— Нам нужно продать лошадей, — сообщил он хозяину.

Тот, нахмурившись, посмотрел на стоявших в стойлах лошадей, потом — снова на Ричарда. Хозяин конюшни выглядел несколько ошарашенным.

— Это великолепные сильные кони, сударь. У нас тут таких коней нету.

— Теперь есть, — сообщила Никки.

Он неуверенно посмотрел на нее. Большинство испытывали неловкость, глядя на Никки — и из-за ее сногсшибательной красоты и из-за ее бесстрастного, хладнокровного поведения.

— Я не могу дать за них настоящую цену.

— А мы и не просим столько, — скучным тоном пояснила Никки. — Мы просто хотим продать их вам. Нам необходимо их продать. Мы возьмем столько, сколько вы согласны нам дать.

Взгляд хозяина бегал с Ричарда на Никки и обратно. Ричард видел, что тому неловко так их надувать, но он никак не может придумать, как отказаться от такого предложения.

— Я могу дать лишь четыре серебряные марки за обоих.

Ричард отлично знал, что каждая лошадь стоит в десять раз больше.

— И за сбрую, — добавила Никки.

Владелец конюшни почесал щеку.

— Ну, пожалуй, за сбрую могу добавить еще одну монету, но это все, что в моих силах. Извините. Я знаю, что они стоят куда больше, но если вы так уж стремитесь от них избавиться, то это все, что я могу вам предложить.

— А есть в этом городе кто-нибудь, кто может дать больше? — спросил Ричард.

— Сомневаюсь. Но, говоря по правде, сынок, не обижусь, если вы поспрашиваете в окрестностях. Я не люблю обманывать людей и прекрасно знаю, что пять серебряных монет за таких лошадей и упряжь — чистой воды надувательство.

Он не сводил глаз с Никки, явно догадываясь, что это — ее затея. Взгляд ее голубых глаз мог вызвать беспокойство у любого человека.

— Мы принимаем ваше предложение, — немедленно и решительно ответила Никки. — Уверена, оно совершенно честное.

Хозяин с несчастным видом вздохнул.

— У меня нет с собой столько денег. Схожу домой, — он ткнул пальцем через плечо, — и принесу, если вы соизволите немного обождать.

Никки кивнула, и хозяин поспешил прочь, не столько торопясь завершить сделку, как подозревал Ричард, сколько желая поскорее убраться с глаз Никки.

Ричард повернулся к ней, чувствуя, как кровь приливает к щекам.

— Что это за ерунда?

Он видел, что следовавшая за ними толпа все еще не расходится.

Никки не сочла нужным отвечать.

— Собирай свои вещи. Все, что понесешь. Как только вернется хозяин, мы двинемся дальше.

Ричард с трудом оторвал от нее свирепый взгляд. Подойдя к Мальчику, он принялся запихивать все, что можно, в мешок, бурдюки привязал к поясу, седельные сумки взвалил на плечо. Ричард полагал, что, когда они попадут в городок побогаче, он сможет хотя бы эти сумки продать. Пока он занимался делом, Никки складывала в свой мешок то, что могла унести.

Хозяин, вернувшись, протянул деньги Ричарду.

— Деньги возьму я, — заявила Никки.

Хозяин быстро глянул Ричарду в глаза и вручил монеты Никки.

— Я добавил еще те серебряные пенни, что вы мне заплатили вчера вечером. Это все, что у меня есть. Клянусь.

— Спасибо, — кивнула Никки. — Очень щедро с вашей стороны поделиться тем, что у вас есть. Именно такова воля Создателя. — Затем, не говоря ни слова, повернулась и вышла из полутемной конюшни на улицу.

— Это моя воля, — пробормотал себе под нос владелец конюшни. — И Создатель тут совершенно ни при чем.

На улице Никки тут же принялась раздавать деньги, вырученные за лошадей. Люди тянулись за деньгами, а она шла среди толпы, разговаривая, задавая вопросы. Потом Никки скрылась за углом и исчезла из виду.

Ричард потрепал Мальчика по шелковистой шее, взвалил на плечо седельную сумку и повернулся к хозяину, стоявшему с ошеломленным видом в воротах конюшни. Они с Ричардом обменялись беспомощным взглядом.

— Надеюсь, она тебе хорошая жена, — наконец проговорил хозяин.

Ричарду до смерти хотелось сказать, что Никки — сестра Тьмы, а он — ее пленник, но решил, что от этого проку не будет. Никки ясно объяснила, что он — Ричард Сайфер, ее муж, а она — Никки Сайфер, его жена. И велела твердо держаться этой версии. Ради Кэлен.

— Она просто щедрая, — буркнул Ричард. — Поэтому я на ней и женился. Она добра к людям.

Ричард услышал женский крик, затем шум. Он бросился к воротам и выбежал на улицу. Никого. Он помчался за угол, откуда доносился шум какой-то возни.

Шестеро мужиков свалили Никки на землю. Некоторые били кулаками, а она пыталась защититься от них голыми руками. Другие лапали ее, ища кошель с деньгами. Они дрались за незаработанные деньги еще до того, как Никки успела выпустить эти деньги из рук. Толпа женщин, детей и мужчин стояла вокруг. Стервятники, ждущие возможности обглодать кости.

Ричард ворвался в круг, схватил ближайшего мужика за воротник и отшвырнул прочь. Тот, пролетев по воздуху, с треском впечатался в стену конюшни. Все строение заходило ходуном. Второго Ричард пнул в ребра, отшвырнув от Никки и опрокинув в грязь. Третий повернулся и попытался ударить Ричарда в челюсть. Перехватив его руку, Ричард завернул ее так, что кости треснули и мужик заорал. Тут все оставшиеся кинулись врассыпную.

Ричард рванулся было за одним, но Никки внезапно схватила его с криком:

— Ричард, нет!

Разгоряченный схваткой Ричард, желая догнать мерзавца, чуть не врезал ей по лицу, но, осознав, что это Никки, опустил кулаки и обвел свирепым взглядом толпу.

— Пожалуйста, господин! Пожалуйста, госпожа! — Заныла какая-то женщина. — Смилуйтесь нам нами, убогими! Мы — ничтожные твари Создателя. Смилуйтесь над нами!

— Вы — банда воров! — рявкнул Ричард. — Обкрадывающих того, кто пытается вам помочь!

Он хотел было рвануться к ним, но Никки сжала его руку.

— Ричард, нет!

Толпа разбежалась, как мыши от шипящего кота.

Никки отпустила Ричарда. Он увидел, что губы у нее в крови.

— Да что с тобой такое?! Отдаешь деньги людям, которые готовы тебя ограбить, хотя ты и так отдаешь им деньги добровольно! За каким лешим?!

— Хватит! Я не собираюсь терпеливо слушать, как ты оскорбляешь чад Создателя! Кто ты такой, чтобы осуждать их? Кто дал право тебе, сытому, решать, что правильно, а что нет? Ты

понятия не имеешь, через что пришлось пройти этим несчастным, а еще позволяешь себе судить!

Ричард сделал глубокий вздох. Он снова напомнил себе то, о чем не должен никогда забывать. На самом деле он защищает не Никки.

Он достал из мешка рукав рубашки, смочил водой из бурдюка и осторожно вытер ей окровавленный рот и подбородок. Никки поморщилась, но не сопротивлялась.

— Ничего страшного, — сказал Ричард. — Уголок губы треснул. А теперь постой спокойно.

Она спокойно стояла, пока он, одной рукой придерживая ей голову, другой стирал кровь с ее лица.

— Спасибо тебе, Ричард. — Она поколебалась. — Я была уверена, что кто-нибудь из них перережет мне глотку.

— Почему ты не воспользовалась Хань, чтобы защититься?

— Ты забыл? Для этого мне бы пришлось почерпнуть силу из пуповины, поддерживающей жизнь Кэлен.

Он заглянул в ее голубые глаза.

— Похоже, забыл. В таком случае, спасибо, что удержалась от этого.

Никки молчала, пока они шли по улочкам Риппли, неся все свое имущество на спине. Хотя было изрядно холодно, лоб Ричарда довольно скоро покрылся испариной.

Наконец его терпение иссякло.

— Не желаешь ли объяснить, к чему было все это?

— Эти люди испытывают нужду.

Ричард сжал переносицу, стараясь сохранять вежливость.

— И поэтому ты отдала им все наши деньги?

— Ты настолько эгоистичен, что не захотел бы поделиться тем, что имеешь? Ты настолько эгоистичен, что предоставишь голодному голодать, раздетому мерзнуть, а больному умирать? Неужели деньги значат для тебя больше, чем человеческая жизнь?

Ричард закусил изнутри щеку, чтобы сдержаться.

— А лошади? Ты ведь, фигурально выражаясь, выбросила их.

— Это все, что мы могли получить. Эти люди нуждаются. И сейчас это было единственное, что мы могли сделать. Мы действовали из самых благородных побуждений. Это наш долг — не быть эгоистами и с радостью отдать этим людям то, в чем они нуждаются.

Дорога давно уже закончилась, и они шли по тому, что когда-то было пустошью, местом, откуда никто не возвращался.

— Нам самим все это было нужно, — сказал Ричард.

Никки посмотрела ему в глаза.

— Есть вещи, которые тебе необходимо узнать, Ричард.

— Это верно.

— Тебе в жизни повезло. У тебя были возможности, которых никогда не было у простых людей. Я хочу, чтобы ты увидел, как живут простые люди, как они борются за выживание. Когда ты поживешь, как они, то поймешь, почему Орден так необходим и почему Орден — единственная надежда человечества. Когда мы придем туда, куда идем, у нас не будет ничего. Мы станем в точности такими же, как все прочие несчастные люди в этом поганом мире. Практически не имея шанса выбиться из нужды. Ты даже не представляешь, что это такое. Я хочу, чтобы ты понял, как сострадание Ордена помогает простым людям жить с тем достоинством, которое им положено.

Ричард поглядел на простиравшуюся перед ним пустынную равнину. Сестра Тьмы, лишенная возможности пользоваться даром, и чародей, которому даром пользоваться запрещено. Пожалуй, более простых людей не бывает.

— Мне казалось, это ты хочешь что-то узнать.

— Но я еще и твоя наставница. Иногда наставники узнают больше, чем их ученики.

Глава 31

слышав отдаленные звуки горна, Зедд поднял голову. Он пытался прийти в себя. Зедд устал настолько, что пребывал в состояние тупой апатии. Горны сообщали о приближении дружественных войск. Наверное, возвращаются разведчики, а может, еще раненых подвозят.

Зедд вдруг осознал, что лежит на земле, раскинув ноги. И обнаружил, что спал, положив голову на холодную волосатую грудь покойника. Он вспомнил, как отчаянно пытался использовать все свои знания, чтобы исцелить чудовищно израненного солдата. С печальным отвращением он отодвинулся от холодного трупа, сел, протер глаза, в которых было темно от усталости. Впрочем, уже наступила ночь. Зедд больше не чувствовал боли. В воздухе, как густой туман, висел кислый дым. Пахло кровью. Вокруг мерцали огоньки костров. Стоны раненых возносились над залитой кровью землей. Вдалеке кто-то кричал от боли. Проведя рукой по брови, Зедд понял, что его ладони покрыты кровавой коркой от ран тех, кого он пытался исцелить. Бесконечная была работа.

Неподалеку виднелись обломки деревьев, разнесенных в клочья вражескими магами, валялись разорванные, пронзенные огромными щепками деревьев тела. Это на-

творили две колдуньи Джеганя незадолго до наступления темноты, когда д'харианцы уже собрались в долине, считая, что битва закончена. Зедд с Уорреном положили конец этой бойне — спалил сестер волшебным огнем.

По тому, как гудела голова, Зедд сообразил, что проспал пару часов, не больше. Должно быть, сейчас около полуночи. Проходившие мимо солдаты не будили его. А может, сочли его мертвым.

Первый день прошел так, как и ожидалось. В первую ночь завязывались редкие стычки, довольно незначительные, а потом, на рассвете второго дня, Орден обрушил на них все свои силы. И лишь с наступлением темноты бой закончился.

Они добрались до долины и ухитрились увлечь Орден за собой, подальше от других ворот в Срединные Земли. Но какой ценой! Однако у них не было выбора — они не могли позволить противнику спокойно пройти в Срединные Земли. Как бы то ни было, сейчас Орден остановлен. Зедд не знал, как долго это продлится.

К сожалению, пока что солдаты Джеганя показали себя лучшими бойцами.

Зедд осмотрелся. Скорее не лагерь, а место, где все попадали от усталости. Там и сям из земли торчали стрелы и копья. Они сыпались дождем, пока Зедд трудился, пытаясь исцелить раненых солдат. А днем, в бою, он обрушивал на неприятеля всю имеющуюся в его распоряжении магию. То, что началось с расчетливого, умелого и сосредоточенного применения его навыков, закончилось магическим эквивалентом уличной драки.

Зедд с трудом поднялся на ноги, встревоженный доносящимся издалека топотом копыт. Ближайшие к лагерю горны пропели предупреждение, что приближаются дружеские войска. Что-то слишком много лошадей для патруля. Зедд пытался вспомнить, слышал ли он звон магии, подтверждающий, что горны свои. Он так устал, что забыл обратить на это внимание. Вот так и гибнешь — от невнимания к мелочам.

Повсюду сновали солдаты, таская снаряжение, еду, лекарства, воду, перевязочные материалы. Многие бегали с докладами и поручениями. Тут и там Зедд видел сестер, занятых целительством. Солдаты чинили фургоны и снаряжение на случай, если придется быстро сниматься с места. Кое-кто сидел, уставясь на звезды. Некоторые бродили, как потерянные.

В тусклом свете видно было плохо, но Зедд разглядел, что земля покрыта мертвыми, ранеными или просто безумно уста-

лыми людьми. Повсюду валялись кони и люди, неподвижные и безжизненные, с чудовищными зияющими ранами. Зедд с молодости помнил это запах — крови, смерти и дыма. Он помнил, как в прошлых битвах казалось, будто весь мир сошел с ума. И сейчас было такое же чувство.

Топот копыт приближался. Зедд слышал громкий шум, но не мог понять, что это за гвалт такой. Справа он заметил приближающуюся к нему женскую фигурку. По походке он узнал Эди. А догоняющая Эди женщина — скорее всего Верна. Чуть подальше генерал Лейден отчитывал капитана Мейфферта. Оба офицера оглянулись на топот копыт.

Прищурившись, Зедд разглядел вдалеке солдат, столпившихся перед приближающимися многочисленными всадниками. Солдаты приветственно махали руками, кто-то радостно вопил, многие указывали на Зедда, освобождая всадникам путь. Как Первый волшебник он стал для всех ключевой фигурой. В отсутствие Ричарда д'харианцы рассчитывали на Зедда в борьбе магией против магии. Сестры полагались на его опыт в мрачном искусстве применения магии в войне.

В свете пожарищ Зедд следил за безостановочно надвигавшейся колонной всадников. Доспехи, оружие, кольчуги и начищенные сапоги сверкали, когда они проезжали мимо горящих фургонов и баррикад. Грохочущая колонна не останавливалась ни на мгновение, и солдаты расступались, освобождая дорогу. На копьях висели длинные вымпелы. Штандарты и хоругви развевались на ветру. Залитая кровью земля содрогалась под копытами тысяч лошадей. Всадники двигались вперед, как армия призраков, выходящих из могилы.

Дымы пожарищ взвивались в небо по обе стороны колонны, легким галопом движущейся к центру лагеря.

И тут Зедд разглядел, кто ведет эту колонну.

— Добрые духи! — воскликнул он.

Во главе колонны на огромном жеребце ехала женщина в кожаных доспехах. Меховая мантия исполинским вымпелом развевалась у нее за плечами.

Кэлен.

Даже отсюда Зедд видел над ее левым плечом серебряную с золотом рукоять Меча Истины.

Его прошиб холодный пот.

Зедд почувствовал чью-то ладонь на своей руке и, повернувшись, увидел Эди. Она не сводила белых глаз со зрелища, кото-

рое могла видеть лишь посредством своего дара. Верна все еще пробиралась между ранеными. Капитан Мейфферт с генералом Лейденом поспешали следом за ней.

Позади Кэлен колонна всадников тянулась, насколько хватал глаз. Кавалеристы продвигались вперед под приветственные крики д'харианцев. Зедд замахал руками, чтобы Кэлен заметила его, но она, похоже, и так все это время не сводила с него глаз.

Прямо перед ним лошади встали. Они фыркали и били копытами, тряся закованными в броню головами. Из ноздрей валил пар, могучие мышцы ходили под гладкой кожей. Огромные кони стояли настороженно; хвосты мотались из стороны в сторону, хлеща по бокам, как бичи.

Кэлен внимательно огляделась. Со всех сторон к ней бежали люди. Подбежавшие зачарованно взирали на нее. Всадники были галеанцами.

Кэлен временно заняла место своей сестры, Цириллы, королевы Галеи, до тех пор, пока Цирилла не поправится. Если вообще поправится. Единокровный брат Кэлен, принц Гарольд, командовал галеанской армией и не хотел короны, считая, что куда лучше послужит стране на воинском поприще. В Кэлен текла и галеанская кровь, хотя для Исповедницы кровные узы ничего не значат, но для галеанцев это значило очень много.

Кэлен перебросила правую ногу через круп коня и спрыгнула на землю. Ее сапоги загремели, как молот, возвещающий о прибытии Матери-Исповедницы. Кара, в красной коже и меховой мантии, тоже соскочила с коня.

Уставшие после битвы солдаты резко смолкли. Приехала не просто Мать-Исповедница. Приехала жена магистра Рала.

Глядя в ее зеленые глаза, Зедд на какое-то мгновение подумал, что она сейчас бросится ему в объятия и беспомощно разрыдается. И ошибся.

Кэлен стянула перчатки.

— Докладывайте.

На ней были легкие черные доспехи, королевский меч Галеи висел у левого бедра, у правого — длинный кинжал. Густые волосы каскадом ниспадали поверх волчьего тулупа, наброшенного наподобие мантии на черный шерстяной плащ. В Срединных Землях длина волос женщины означала ее ранг и положение в обществе. Ни у одной женщины Срединных Земель не было таких длинных волос, как у Кэлен. Но взгляд Зедда был прикован к рукояти меча, торчащей у нее над плечом.

— Кэлен, — прошептал он, когда она подошла ближе, — где Ричард?

Боль в ее взгляде мгновенно исчезла. Кэлен бросила короткий гневный взгляд на Верну — молодая аббатиса все еще пробиралась к ним между ранеными — и посмотрела на Зедда. Ее глаза походили на два зеленых костра.

— Его захватил враг. Докладывай.

— Враг? Какой враг?

Кэлен снова посмотрела на Верну. Сила этого взгляда заставила сестру Света пошатнуться и замедлить шаг.

Внимание Кэлен опять переключилось на Зедда. Ее взгляд чуть смягчился, в нем мелькнуло сочувствие. Должно быть, она прочла тревогу на его лице.

— Его захватила сестра Тьмы, Зедд.

Тепло в ее голосе и взгляде исчезло, лицо превратилось в холодную маску Исповедницы.

— А теперь я хотела бы услышать доклад.

— Захватила его? Но... С ним все в порядке? Ты хочешь сказать, она захватила его в плен? Они хотят выкуп? С ним все пока хорошо?

Кэлен коснулась уголка губ, и Зедд заметил там подживающую рану.

— Насколько мне известно, с ним все в порядке.

— Да что происходит?! — всплеснул руками Зедд. — В чем дело? Каковы ее намерения?

Верна наконец добралась до них и встала рядом с Зеддом. Подбежавшие капитан Мейфферт с генералом Лейденом остановились чуть позади, ближе к Эди.

— Которая сестра? — спросила Верна, ловя воздух ртом. — Ты сказала, его захватила сестра? Которая?

— Никки.

— Никки... — охнул капитан Мейфферт. — Госпожа Смерть?

Кэлен твердо встретила его взгляд.

— Она самая. Ну, а теперь кто-нибудь намерен мне доложить ситуацию? — Трудно было не услышать в ее голосе приказ и ярость.

Капитан Мейфферт указал на юг:

— Мать-Исповедница, силы Имперского Ордена, все целиком, наконец двинулись из Андерита. По-моему, это произошло вчера утром.

— Мы хотели завлечь их сюда, в долины, — вступил Зедд. — Наш план состоял в том, чтобы увести противника с равнин, где мы никак не можем его сдержать, в горы — там наши шансы куда выше.

— Мы знали, — продолжил капитан Мейфферт, — что было бы смертельной ошибкой дать им смести нас и устремиться в Срединные Земли, где они не встретят сопротивления. Нам нужно было втянуть их в драку, чтобы не дать им обрушить свою мощь на мирных жителей. Нам пришлось навязать бой и остановить их. Единственным способом сделать это было заманить их, вынудив покинуть равнины, где у них колоссальное преимущество, на горные участки, выравнивающие шансы.

Кэлен кивнула, оглядывая жуткий пейзаж.

— Наши потери?

— Предположительно около пятнадцати тысяч, — ответил капитан. — Возможно, больше.

— Они обошли вас с флангов, верно?

— Так точно, Мать-Исповедница.

— Что пошло не так?

Галеанские кавалеристы образовали позади нее мрачную стену кожи, брони, кольчуг и стали. Офицеры с цепкими взглядами смотрели и слушали.

— А что не пошло? — прорычал Зедд.

— Каким-то образом, — принялся объяснять капитан, — они узнали о наших планах. Хотя, по-моему, об этом не так уж трудно было догадаться, поскольку любому понятно, что это наш единственный шанс устоять против их численности. Однако они все равно были полностью уверены, что разгромят нас, поэтому не стали препятствовать нам.

— Я спрашиваю, что пошло не так?

— Что пошло не так! — в сердцах рявкнул генерал Лейден. — Да они десятикратно превосходят нас в численности! Вот что пошло не так!

Кэлен холодно взглянула на офицера. Тот, спохватившись, опустился на одно колено.

— Моя королева, — добавил он в повисшей тишине.

Взгляд Кэлен перешел на капитана Мейфферта и чуть смягчился.

Зедд заметил, что капитан сжал кулаки, продолжая доклад.

— Каким-то образом, Мать-Исповедница, насколько мы понимаем, они исхитрились переправить через реку целую диви-

зию. Мы уверены полностью, что они провернули это не на открытой местности на востоке. Мы к этому подготовились, поскольку опасались, что именно это они и попытаются сделать.

— Значит, — проговорила Кэлен, — они решили, что вы сочтете это невозможным, и переправили через реку дивизию. А скорее всего — куда больше, учитывая возможные потери при переправе. Они прошли на север через горы, незаметно и неожиданно, затем снова переправились на эту сторону. И когда вы прибыли сюда, они уже были здесь, удерживая территорию, на которой вы планировали закрепиться. По пятам за вами следовали основные силы Ордена, так что деваться вам было некуда. Орден рассчитывал раздавить вас между этой дивизией, удерживающей удобный плацдарм, и основными силами, висящими у вас на хвосте.

— Ну, в общем и целом именно так, — подтвердил капитан Мейфферт.

— Что произошло с поджидающей тут дивизией? — спросила Кэлен.

— Мы смели их подчистую, — с холодным бешенством проговорил капитан. — Как только мы сообразили, что происходит, то поняли — это последний шанс.

Кэлен кивнула. Она отлично представляла, что кроется за его словами.

— А пока мы этим занимались, они кромсали нас с тыла в клочья! — Генерал Лейден явно терял самообладание. — У нас не было ни единого шанса!

— Похоже, все же был, — заметила Кэлен. — Долину-то вы захватили.

— И что с того? Мы не можем сражаться с такими полчищами. Было сущим безумием бросать людей в эту мясорубку. И чего ради? Заполучили мы эту долину, но какой ценой? Мы не сможем сдержать такую громадную силу! Они лупили нас в хвост и в гриву, как хотели. Это не мы их остановили, это они утомились рубить нас на куски!

Кое-кто из присутствующих отводил глаза. Другие изучали носки собственных сапог. Тишину холодной ночи нарушали лишь треск огня и стоны раненых.

Кэлен снова огляделась.

— Ну, и что вы тут теперь высиживаете?

Зедд начал закипать.

— Мы дрались двое суток, Кэлен.

— Отлично. Но я не позволю противнику уснуть с победным настроением. Это ясно?

Капитан Мейфферт прижал кулак к сердцу.

— Ясно, Мать-Исповедница.

Он оглянулся. Все д'харианцы повторили его жест.

— Мать-Исповедница, — заговорил генерал Лейден, — люди не отдыхали двое суток.

— Понимаю, — кивнула Кэлен. — Мы скакали без остановки трое суток. Но ни то, ни другое нисколько не влияет на то, что должно быть сделано.

В неверном свете пожарищ морщины на лице генерала Лейдена казались глубокими ранами. Поджав губы, он склонился перед своей королевой, но, когда поднял голову, снова заговорил:

— Моя королева, Мать-Исповедница, вы не можете серьезно полагать, что мы проведем ночную атаку. Луны нет, а звезды скрыты облаками. В такой тьме атака приведет к катастрофе! Это безумие!

Кэлен наконец оторвала ледяной взгляд от кельтонского генерала и оглядела собравшихся.

— Где генерал Райбих?

Зедд сглотнул.

— Боюсь, он здесь.

Кэлен посмотрела туда, куда указывал Зедд. На труп, на груди которого он уснул. Ржаво-рыжая борода была измазана засохшей кровью. Серо-зеленые глаза слепо смотрели в ночное небо, в них уже больше не отражалась боль. Зедд знал, что это была бесполезная попытка, но он не мог не попытаться исцелить то, что исцелить невозможно, отдав генералу Райбиху все оставшиеся у него силы.

— Кто следующий по команде? — спросила Кэлен.

— Я, моя королева, — шагнул вперед генерал Лейден. — Но как старший офицер я не могу позволить моим людям...

— На этом все, лейтенант Лейден, — подняла руку Кэлен.

Тот кашлянул.

— Генерал Лейден, моя королева.

Она вперила в него неумолимый взгляд.

— Противоречить мне один раз — ошибка, лейтенант. Дважды — измена. Изменников мы казним.

Морд-сит схватила эйджил.

— Отойди в сторону, лейтенант.

Даже в оранжево-зеленом свете пожарищ Зедд увидел, как офицер побелел. Он отступил назад и мудро, хоть и запоздало, умолк.

— Кто следующий по команде? — снова спросила Мать-Исповедница.

— Кэлен, — заговорил Зедд, — боюсь, Орден использовал своих магов, чтобы выбить наших офицеров. Несмотря на все наши усилия, по-моему, мы потеряли всех старших командиров. Что ж, во всяком случае, Ордену это дорого обошлось.

— Так кто следующий по команде?

Капитан Мейфферт огляделся и наконец поднял руку.

— Не уверен, Мать-Исповедница, но, кажется, я.

— Очень хорошо, генерал Мейфферт.

Он склонил голову.

— Мать-Исповедница, — уверенно и спокойно проговорил он, — в этом нет необходимости.

— Все так говорят, генерал.

Новоиспеченный генерал прижал кулак к сердцу. Зедд заметил, что Кара мрачной улыбкой выразила одобрение. Солдаты, кажется, испытывали облегчение, что кто-то решительно взял на себя командование. Д'харианцы уважали железный авторитет. Раз уж они не могут получить магистра Рала, так пусть будет его жена, обладающая столь же железной волей. Зедд был уверен: они довольны.

— Как я сказала, я не позволю Ордену отправиться спать победителем. — Кэлен обвела взглядом лица солдат. — Я хочу, чтобы кавалерийский рейд был подготовлен в течение часа.

— И кого вы намерены послать в атаку, моя королева?

Все поняли, что скрывалось за вопросом бывшего генерала Лейдена. Он спрашивал, кого Кэлен обречет на смерть.

— Кавалерия пойдет двумя лавами. Одна незаметно обойдет Орден, чтобы ударить по ним с юга, откуда они меньше всего ожидают нападения, а вторая будет ждать, пока первая не доберется до места, и затем ударит с севера. Я твердо намерена пролить немного их крови перед тем, как лечь спать.

Кэлен посмотрела Лейдену в глаза и ответила на его вопрос:

— Южную лаву поведу я.

Все, кроме новоиспеченного генерала, принялись активно возражать. Лейден — громче всех.

— Моя королева, почему вы хотите повести наших людей в кавалерийский рейд, когда у нас есть вот эти? — Он указал на

всадников позади нее: все галеанцы, традиционные враги Кельтона, родины Лейдена.

— Эти люди помогут привести армию в чувство, сменив на посту тех, кто нуждается в отдыхе, помогут рыть окопы и выполнять все, что от них потребуется. Те, кто пролил сегодня кровь, нуждаются в том, чтобы улечься спать, вкусив сладкий вкус мести. Я не посмею отказать д'харианцам в том, что они заслужили.

Раздались одобрительные крики.

Зедд подумал, что война — это безумие, безумие, только что обретшее хозяйку.

Генерал Мейфферт сделал шаг вперед.

— Мои лучшие люди будут готовы в течение часа, Мать-Исповедница. Все захотят пойти. Мне придется огорчить кучу добровольцев.

Кэлен кивнула, лицо ее чуть смягчилось.

— Тогда отберите ваших людей для атаки с севера, генерал.

— Я поведу северную лаву, Мать-Исповедница.

— Очень хорошо, — улыбнулась Кэлен.

Она распустила галеанцев, приказав приступить к несению службы. Затем, щелкнув пальцами, отпустила всех, кроме внутреннего круга, и подозвала их поближе.

— А как насчет предупреждения Ричарда не атаковать впрямую Орден? — спросила Верна.

— Я помню, что сказал Ричард. И вовсе не собираюсь напрямую атаковать их основные силы.

Зедд полагал, что Кэлен помнит лучше всех. Она ведь была там с Ричардом, а они — нет.

— Основные силы будут в центре, под хорошей защитой. А по краям, куда вы и ударите, защита, конечно, будет, но главным образом там расположены маркитанты и все, кто тащится за Орденом.

— Меня это не интересует, — с холодным бешенством проговорила Кэлен. — Раз они с Орденом — они враги. Никому не будет пощады! — Отдавая приказ, она смотрела на своего нового генерала. — Мне все равно, кого мы перебьем — их шлюх или их генералов. Я хочу, чтобы перебили всех пекарей и стряпух — в точности как всех офицеров и лучников. Каждый убитый нами маркитант будет стоить им доли удобств, к которым они привыкли. Я хочу лишить их всего, включая жизни. Все ясно?

Генерал Мейфферт кивнул.

— Никакой пощады. Мы не станем с вами спорить, Мать-Исповедница. Таков военный кодекс Д'Хары — никакой пощады.

Зедд знал, что во время войны тактика Кэлен, как правило, была единственным способом победить. Противнику не будет никакой пощады. Каждая шлюха и каждый ловчий, решивший принять участие в этой захватнической войне, хотят нажиться на крови и грабежах.

— Мать-Исповедница, — заговорила Верна, — вас с Ричардом поехала проведать Энн. Вот уже месяц мы ничего о ней не слышали. Вы видели ее?

— Да.

Под стальным взглядом Кэлен Верна облизнула губы.

— С ней было все в порядке?

— Когда я видела ее в последний раз, она вполне процветала.

— Ты не знаешь, почему она ничего нам не сообщает?

— Я швырнула ее путевой дневник в огонь.

Верна шагнула, намереваясь схватить Кэлен за плечо. Эйджил Кары с молниеносной скоростью перекрыл ей путь.

— Никто не притронется к Матери-Исповеднице. — Холодные глаза Кары смотрели угрожающе. — Ясно? Никто.

— У вас тут есть одна морд-сит и одна Мать-Исповедница, и обе в весьма скверном настроении, — ровным тоном проговорила Кэлен. — И я бы советовала не выводить нас из себя, иначе мы рискуем не успокоиться до конца вашей жизни.

Зедд нащупал руку Верны и тихонько оттащили ее назад.

— Мы все устали, — проговорил он. — У нас хватает хлопот и с Орденом. — Он сердито посмотрел на Кэлен: — Но независимо от того, насколько мы все устали, не стоит забывать, что все мы на одной стороне.

Взгляд Кэлен сказал ему, что она не согласна с этим утверждением, но она промолчала.

Верна сменила тему.

— Пойду соберу сестер, чтобы сопровождали вас в рейде.

— Благодарю, но никаких магов мы не возьмем.

— Они понадобятся вам хотя бы для того, чтобы в темноте найти дорогу!

— Путь нам укажут вражеские костры.

— Кэлен, — сказал Зедд, надеясь внести толику здравого смысла, — у Ордена есть маги, в том числе — сестры Тьмы. Вам понадобится защита от них.

— Нет. Мне не нужны маги. Орден ждет, что любая наша атака будет поддерживаться магами. Их маги станут отслеживать волшебные щиты. Всадников, движущихся без магической

защиты, они скорее всего не заметят. Без сопровождения магов мы сможем проникнуть глубже в их ряды и перебить больше народу.

Зедд лишь вздохнул на подобную глупость, но спорить не стал. А вот генералу Мейфферту ее план понравился. Зедд понимал: Кэлен права, говоря, что они смогут проникнуть глубже, но вот выбраться будет куда сложней.

— Зедд, мне все же понадобится немного волшебства.

— И что ты хочешь, чтобы я сделал?

— Я хочу, чтобы эта пыль светилась. — Кэлен ткнула в землю. — Я хочу, чтобы она светилась в темноте и была липкой.

Когда Зедд сплел заклинание, заставив пыль светиться зеленым, Кэлен наклонилась и натерла руку. Затем подошла к своему коню и принялась шлепать его по крупу с двух сторон, оставив на боках светящиеся пятна.

— Что ты делаешь? — поинтересовался Зедд.

— Сейчас темно. Я хочу, чтобы они меня видели. Если не увидят, то не смогут погнаться за мной.

Зедд лишь вздохнул, выслушав этот бред.

Генерал Мейфферт, присев на корточки, натер ладони светящейся пылью.

— Мне бы тоже не хотелось, чтобы они проморгали меня в темноте.

— Только не забудьте вымыть руки, прежде чем мы двинемся, — сказала Кэлен.

После того как она изложила свой план новоиспеченному генералу, Кэлен, Кара и генерал Мейфферт отправились по своим делам, но сначала Зедд тихо спросил Кэлен:

— У тебя есть хоть какой-нибудь план, как нам вернуть Ричарда?

Она твердо выдержала его взгляд.

— Да. У меня есть план.

— Не возражаешь поделиться им со мной?

— Он прост. Я планирую убивать каждую имперскую женщину, каждого мужчину, каждого ребенка, пока не перебью всех, а если она и после этого не вернет мне Ричарда, то ее я тоже убью.

Глава 32

Кэлен смотрела сквозь ночную тьму вперед — туда, где горели яркие точки костров. Пригнувшись к шее коня, и без того мчавшегося галопом, она постоянно пришпоривала его, крепко сжимая ногами мощные бока, ощущая каждый удар копыта о землю. В ушах стучала кровь, стоял грохот копыт мчавшихся за нею лошадей. За плечом она ощущала тяжесть Меча Истины — постоянное напоминание о Ричарде.

Кэлен сжала поводья одной рукой, другой подняла вверх королевский меч Галеи. Огни приближались. Еще мгновение — и ближайший оказался прямо перед ней.

Пролетев мимо того, что показалось ей одинокой свечкой, Кэлен наконец достигла цели. С яростным криком она обрушила клинок на темный человеческий силуэт. Меч с такой силой врезался в кости, что рукоять впечаталась ей в ладонь.

Летящие позади нее всадники яростно рубили остатки сторожевого поста. Кэлен знала, что ее гнев еще только разгорается. Вскоре она даст ему полную волю.

Она летела к кострам. Мышцы напряглись в предвкушении. Она сгорала от нетерпения. И вот она уже возле костров. Наконец-то! Кэлен обрушилась на врага со всей своей мощью. Меч рубил и рубил, кромсая тела, сметая всех, кто оказывался в преде-

лах досягаемости. Следующая группа костров приближалась с невероятной быстротой. Кэлен ловила воздух ртом.

Натянув удила, она заставила огромного боевого жеребца крутиться на месте. Конь был не таким быстрым, как ей бы хотелось, но великолепно обученным. Для сегодняшней работы — в самый раз. Жеребец ревел, возбужденный битвой.

Повсюду теснились палатки и фургоны — довольно беспорядочно, надо сказать. Кэлен слышала веселый смех, люди даже не подозревали, что противник уже тут. Она привела с собой небольшой отряд, чтобы не вызвать такого переполоха, как вызвала бы массированная атака, и это сработало. Она видела, как солдаты у костров прихлебывают из бутылок и едят мясо прямо с шампуров. Видела спящих, видела солдата, вышагивавшего в обнимку с женщиной. Видела в палатках мужчин, лежащих на женщинах.

Вблизи оказалась увлеченная друг другом парочка. Когда Кэлен подлетела к ним, мужчина оказался с другой стороны, и она снесла голову женщине. Ошарашенный мужик вцепился в оседающее безголовое тело. Подлетевший следом за Кэлен всадник зарубил его на месте.

Пришпорив коня, Кэлен направила его на неровный ряд палаток. Внутри были люди. Она чувствовала, как огромные копыта крушат кости. Вокруг раздавались вопли.

Какой-то солдат вскочил с копьем в руке. Кэлен походя выхватила у него копье, вонзила в маленькую палатку, провернула, цепляя зазубринами ткань, заставила коня попятиться и стянула палатку с мужчины и женщины. Скачущий за ней кавалерист тут же зарубил обоих, а Кэлен швырнула палатку в огонь. Как только ткань занялась, она ткнула импровизированный факел в полог фургона и метнула горящие остатки в фургон с продовольствием.

Возвратным ударом меча она разрубила голову огромного мужика, который мчался к ней, чтобы сдернуть с лошади. Пришлось приложить усилия, чтобы вытащить меч из рассеченного черепа. Прежде чем другие солдаты успели ее схватить, она пришпорила жеребца и помчалась к следующему костру. Сидящие возле огня люди повскакали на ноги. Нескольких затоптал жеребец, Кэлен зарубила остальных. К этому времени женские вопли вызвали дикий переполох, и мужчины выскакивали из фургонов и палаток с оружием на изготовку. Началось столпотворение.

Кэлен крутилась вместе с конем, рубя всех, кто подворачивался под руку. Далеко не все были солдатами. Подчиняясь приказу, конь разнес ряд больших палаток, где лежали раненые. Кэлен заметила полкового хирурга, зашивавшего раненому ногу. Она подняла жеребца на дыбы и заставила обрушить копыта на хирурга и раненого. Врач выставил руки, пытаясь защититься, — но что такое руки против могучего боевого коня?

Она подозвала своих. Армейские хирурги были ценностью. Д'харианцы перебили всех врачей, попавшихся им на глаза. Кэлен знала, что убить одного хирурга — все равно что прикончить неисчислимое множество вражеских солдат. Отряд вихрем пронесся по палаткам шлюх, сметая фургоны поваров, разя и солдат, и гражданских. Когда им попадались лампы, д'харианцы, свесившись с лошади, хватали их и поджигали все, что возможно. Кэлен зарубила разъяренного повара, кинувшегося на нее с мясницким ножом.

Слева от нее конь Кары снес готового метнуть копье солдата. Кара хладнокровно прикончила его — как и всех прочих в пределах досягаемости. Как правило, поворот эйджила останавливал человеку сердце, а если нет, то Кэлен слышала хруст ломаемых костей. Предсмертные крики и вопли звучали страшно, казалось, они и мертвого заставят покрыться холодным потом, — и вносили должный вклад во всеобщую сумятицу. Для Кэлен эти вопли звучали триумфальным маршем.

Эйджил действовал только благодаря волшебным узам с магистром Ралом. А раз он действовал, значит, Ричард жив. И это придавало Кэлен бодрости, словно Ричард был сейчас здесь, с ней. Его меч за спиной — словно прикосновение его руки, направляющей в битву, приказывающей рубить.

Поголовная резня в лагере маркитантов сеяла растерянность в рядах вражеских солдат и наводила ужас на людей, привыкших считать себя невосприимчивыми к жестокости и кормиться за ее счет. Теперь они сами оказались не стервятниками, а добычей. Жизнь в лагере Имперского Ордена никогда не станет прежней — уж Кэлен об этом позаботится. Никогда больше вражеские солдаты не насладятся удобствами, которыми их обеспечивали эти люди. Отныне они будут знать, что являются точно такой же мишенью, как и военные. Узнают цену своего участия в завоевании — смерть.

Прорубая себе дорогу в бегущей и вопящей толпе, Кэлен поглядывала на большую группу имперских коней, привязанных

неподалеку, наблюдая за седлавшими их солдатами. Она погнала своего жеребца по палаткам и людям, пока не подъехала достаточно близко, чтобы имперские кавалеристы услышали ее.

Поднявшись в стременах, Кэлен вскинула меч. Солдаты уставились на нее.

— Я — Мать-Исповедница! За преступное нападение на Срединные Земли я приговариваю всех вас к смерти! Всех до единого!

Сотня следовавших за ней д'харианцев разразилась радостными криками. А потом все начали скандировать:

— Смерть Ордену! Смерть Ордену! Смерть Ордену!

Кэлен и ее кавалеристы понеслись расширяющимися кругами, затаптывая всех, кто попадался им на пути, рубя всех, до кого могли дотянуться, закалывая всех, кто пытался напасть на них, и поджигая все, что могло гореть. Эти д'харианские воины были лучшими и делали свое дело на редкость эффективно. Обнаружив фургон с маслом, они разбили бочки и швырнули в них горящие поленья, выдернутые пиками из костров. Ночь превратилась в день. Теперь все отчетливо видели Кэлен, которая рубила врага, выкрикивая свой приговор.

Имперские кавалеристы вскочили в седла, похватав копья и выхватив мечи. Кэлен взмахнула мечом и подняла жеребца на дыбы.

— Вы трусы! Вам никогда не догнать и не победить меня! Вы все умрете смертью трусов от руки Матери-Исповедницы!

Когда передние ноги коня опустились на землю, она вонзила шпоры ему в бока. Жеребец рванул в бешеный галоп. Кара неслась слева от нее, д'харианцы летели следом, а за ними мчались несколько тысяч разъяренных имперских кавалеристов.

Поскольку все происходило на краю лагеря, им не потребовалось много времени, чтобы вылететь на открытую местность. По пути Кэлен не упускала ни единой возможности зарубить всех, кто подвернется под руку. Было слишком темно, чтобы разглядеть, мужчины это или женщины — да и какая, собственно, разница? Кэлен хотела перебить всех. Всякий раз, как ее меч опускался на кого-то, разрубая мышцы или кости, она испытывала огромное удовольствие.

На полной скорости они вылетели за последние лагерные костры и нырнули в чернильную тьму ночи. Кэлен, низко пригнувшись к мускулистой шее жеребца, неслась на запад, надеясь, что в земле нет никаких ям. Если они попадут в яму, то все кончится не только для лошади, но и для самой Кэлен.

Она неплохо знала местность, пологие холмы и обрывистые берега впереди. Даже в темноте она представляла, где находится и куда мчится. В кромешной тьме имперцы будут вынуждены следовать за светящимися пятнами на крупе ее коня, полагая, что кто-то из их магов сумел подобраться достаточно близко и пометил жертву. В предвкушении расправы они обезумеют.

Кэлен плашмя шлепнула коня мечом, подгоняя и приводя в бешенство. Теперь они уже были далеко от поля битвы и мчались по полям и долам.

Ее солдаты неслись следом, но, как и было приказано, оставляя свободное пространство, чтобы преследователи отчетливо видели светящиеся пятна. Когда Кэлен посчитала, что они уже достаточно близко к цели, она свистнула — и увидела, как за спиной солдаты, ее защитники, брызнули в разные стороны, растворяясь во тьме. Больше она их не увидит до возвращения в д'харианский лагерь.

В спину ей светили отдаленные пожарища имперского лагеря, и Кэлен отчетливо различала темные силуэты мчащихся во весь опор вражеских кавалеристов. Они наверняка не сводили голодных глаз со светящихся пятен на ее коне — единственного, что они могли видеть в кромешной тьме.

— Далеко еще? — спросила Кара, скакавшая рядом.

— Должно быть...

Кэлен замолчала, увидев на мгновение то, что было прямо перед ней.

— Сейчас, Кара!

Она едва успела убрать ногу, как лошадь Кары подлетела вплотную. Кэлен вцепилась в плечи Кары. Рука Кары плотно обхватила ее за талию и сдернула с седла. Кэлен напоследок еще раз огрела своего коня ребром меча. Захрапев, жеребец сломя голову понесся во тьму.

Кэлен перекинула ногу через круп лошади Кары, вложила меч в ножны и ухватилась покрепче за талию морд-сит, а та резко повернула голову коня влево, понуждая на полном скаку круто повернуть в сторону. Очень вовремя.

На мгновение Кэлен увидела внизу, в темных ледяных водах Драна, тусклое отражение звезд, мелькнувших в просвет между облаками.

На мгновение она испытала острую жалость к своему удивленному, испуганному и растерянному жеребцу, когда тот на полном скаку сорвался с обрыва. Бедное животное пожертвова-

ло жизнью, чтобы увлечь за собой многих. Наверное, конь так и не понял до конца, что произошло.

Как и имперская кавалерия, следовавшая во тьме за светящимися пятнами. Это — ее страна, ее Срединные Земли. Кэлен эти края знала. А они — захватчики, чужаки, и местность им незнакома. Даже если в последнее мгновение они и увидят, несясь во весь опор в кромешной тьме, что их ждет, у них нет ни малейшего шанса избежать своей судьбы.

Впрочем, Кэлен искренне надеялась, что эти люди все же сообразят, что происходит. Буквально перед тем, как рухнут в ледяную темную воду, до того, как безжалостные воды Драна примут их в свои смертельные объятия и увлекут на дно. Она надеялась, что каждый из этих мерзавцев сдохнет жуткой смертью в черных глубинах коварного Драна.

Мысли Кэлен потекли по другому руслу. Теперь д'харианцы могут уснуть спокойно, одержав победу над врагом и вкусив сладость мести. Однако она обнаружила, что ее собственную жгучую ярость эта победа не удовлетворила.

Довольно скоро лошадь Кары перешла на рысь, а потом на шаг. Топота копыт впереди слышно не было, стояла лишь холодная зимняя тишина. После рубки, шума, гама и столпотворения в лагере Имперского Ордена тишина пустой равнины несколько подавляла. Кэлен казалось, что она лишь ничтожная песчинка где-то в пустоте.

Усталая и замерзшая, она натянула получше волчий тулуп. Ноги дрожали. Было ощущение полной опустошенности. Кэлен уткнулась Каре в плечо. Меч Ричарда огромной тяжестью висел на спине.

— Ну, — бросила через плечо Кара, когда они уже довольно много проехали по огромным просторам, — если мы будем делать то же самое каждую ночь еще годик-другой, то, пожалуй, изничтожим их всех.

Впервые за все время Кэлен едва не засмеялась. Едва.

Глава 33

Когда Кэлен с Карой въехали в свой лагерь и медленно продвигались среди раненых, смертельно усталых и спящих д'харианских солдат, до рассвета оставалось лишь несколько часов. Кэлен уже думала, что им, возможно, придется отыскать какое-нибудь безопасное местечко на равнине, чтобы поспать и дождаться дня, но им повезло. Небо слегка просветлело, появившиеся между облаками звезды указали путь. В тусклом мерцании звезд они с Карой разглядели на горизонте темные громады гор. При наличии такого ориентира они могли спокойно углубиться в равнинные земли и обогнуть Имперский Орден, а затем устремиться на север, к своим.

Их ждали. Со всех сторон бежали радостно горланящие солдаты. Кэлен даже смутно почувствовала гордость: она предоставила этим людям то, что им было больше всего сейчас необходимо, — возмездие. Сидя за спиной Кары, Кэлен махала рукой. И улыбалась исключительно ради них.

Возле коновязи их нетерпеливо поджидал генерал Мейфферт. Услышав приветственные крики, он рысцой побежал навстречу. У ворот временного загона солдат принял поводья, а Кэлен с Карой спрыгнули на землю. Кэлен поморщилась от боли. Мышцы стонали после многодневной непрерывной скачки и недавнего боя. Правое

плечо разламывалось от долгой работы мечом. Она мысленно посмеялась, вспомнив, что после шутливых боев с Ричардом ее рука никогда так не болела. Ради присутствующих Кэлен заставила себя идти так, будто только что дня три отдыхала.

Генерал Мейфферт, выглядевший совсем неплохо после ночной битвы, прижал кулак к сердцу.

— Мать-Исповедница, даже передать не могу, как я рад вас видеть!

— А я вас, генерал!

Он наклонился:

— Мать-Исповедница, вы ведь больше не повторите такое безрассудство?

— Это вовсе не безрассудство, генерал, — сказала Кара. — Я все время охраняла ее.

Мейфферт хмуро глянул на Кару, но спорить не стал. Кэлен недоумевала, как можно воевать, не совершая безрассудных поступков. Да война вообще — сплошное безрассудство.

— Каковы наши потери? — спросила она.

Лицо генерала Мейфферта расплылось в широченной улыбке.

— Никого, Мать-Исповедница. Можете поверить? С помощью Создателя вернулись все.

— Что-то я не припоминаю, чтобы Создатель работал вместе с нами мечом, — заметила Кара.

Кэлен была поражена.

— Это лучшая новость, которую я могла услышать, генерал.

— Мать-Исповедница, передать не могу, как это подстегнуло людей! Только, пожалуйста, не выкидывайте больше таких номеров, хорошо?

— Я здесь не для того, чтобы мило улыбаться, помахивая ручкой, и услаждать своей красотой мужские взоры, генерал. Я здесь для того, чтобы помочь вам отправить этих жестоких ублюдков в вечные объятия Владетеля.

Он покорно вздохнул:

— Мы подготовили для вас палатку. Уверен, вы очень устали.

Кэлен кивнула и позволила генералу провести их с Карой по успокоившемуся лагерю. Те солдаты, что не спали, вставали и молча приветствовали их, прижав кулак к сердцу. Кэлен старалась им улыбаться. Она видела по их глазам, как они довольны. Наверное, они думают, что она это сделала ради них. Это так, конечно, но лишь отчасти.

Подойдя к хорошо охраняемой группе из полудюжины палаток, генерал Мейфферт указал на центральную.

— Это палатка генерала Райбиха, Мать-Исповедница. Я приказал сложить ваши вещи туда. Подумал, что у вас должна быть лучшая палатка. Однако, если вам неловко спать в его палатке, я прикажу перенести ваши вещи туда, куда вы пожелаете.

— Сойдет и эта, генерал. — Кэлен заметила промелькнувшую на лице молодого генерала горечь. — Нам всем его недостает.

Его лицо выдавало лишь малую толику той боли, что он наверняка испытывал.

— Я не могу заменить такого человека, как он, Мать-Исповедница. Он был не только великим полководцем, но и великим человеком. Он многому меня научил и оказал мне честь своим доверием. Он был лучшим командиром, с которым мне когда-либо доводилось и доведется служить. Я не хочу, чтобы вы питали иллюзии, будто я стану ему равноценной заменой. Я просто не могу.

— А этого никто от вас и не требует. Все, что от вас требуется, это проявить максимум ваших возможностей, и этого вполне хватит, я уверена.

Он улыбнулся.

— Это-то вы получите, Мать-Исповедница. Клянусь. — Повернувшись к Каре, Мейфферт сменил тему. — Ваши вещи я приказал положить вот в эту палатку, госпожа Кара, — он указал на ближайшую палатку.

Кара внимательно огляделась, отмечая патрули. Когда Кэлен сказала, что прямиком отправляется спать и что Каре тоже не мешало бы отдохнуть, морд-сит кивнула и, пожелав Кэлен и генералу спокойной ночи, исчезла в палатке.

— Благодарю за содействие, генерал. Вам тоже следует пойти поспать.

Он, склонив голову, повернулся, но тут же остановился.

— Знаете, я всегда надеялся когда-нибудь стать генералом. Еще с детства об этом мечтал. Я воображал себе... — Мейфферт отвел глаза. — Ну, я думал, что буду счастлив и горд. — Он сунул большие пальцы в карманы и устремил взгляд на темный лагерь, то ли вспоминая мечты, то ли размышляя о новых обязанностях. — Только вот я совсем не испытываю счастья, — проговорил он наконец.

— Знаю, — с искренним сочувствием ответила Кэлен. — Ни один нормальный человек не может пожелать получить звание

такой ценой, но иногда судьба бросает нам вызов, и мы вынуждены его принимать. — Она тихонько вздохнула, пытаясь представить, что он сейчас чувствует. — В один прекрасный день, генерал, придут и гордость, и удовлетворение. Их принесут успешные действия и понимание, что свой долг вы выполняете хорошо.

Молодой генерал кивнул.

— Знаете, я так обрадовался, когда увидел, что вы благополучно вернулись в лагерь на лошади Кары, Мать-Исповедница. И жду не дождусь дня, когда увижу так же въезжающего в лагерь магистра Рала. — Он уставился куда-то в пространство. — Желаю вам добрых снов. До рассвета еще пара часов. А потом мы узнаем, что нам готовит новый день.

В палатке ее в одиночестве поджидал Зедд. Кэлен мысленно зарычала. Она устала до смерти и вовсе не жаждала подвергаться допросу со стороны старого волшебника. Иногда, особенно когда ты устал, его острые вопросы безумно раздражают. Кэлен понимала, что у старика исключительно благие намерения, но у нее было не то настроение. Она сомневалась, что сможет даже сохранять вежливость, если Зедд примется засыпать ее градом вопросов. Уже так поздно, а она так устала. Оставил бы он ее в покое!

Она молча стояла, глядя, как Зедд поднимается. Его волнистые белые волосы были взъерошены сильнее обычного, балахон чудовищно грязен и заляпан кровавыми пятнами.

Зедд посмотрел на нее долгим взглядом, а потом привлек к себе. А ей просто хотелось спать. Он молча прижал ее голову к груди. Может быть, он думал, что Кэлен вот-вот расплачется, но слезы, похоже, у нее все кончились. Она чувствовала лишь опустошенность. Возможно, это из-за того, что она все время пребывает в состоянии бешенства, но она уже давно не может плакать. Казалось, единственное, что она способна ощущать, это ярость.

Наконец Зедд отстранил Кэлен от себя и сжал ей плечи.

— Я просто хотел дождаться твоего возвращения и убедиться, что ты жива и невредима, прежде чем пойти спать. Хотел на тебя посмотреть. — Он грустно улыбнулся. — Я так рад, что ты жива и здорова! Доброй ночи, Кэлен.

Ее спальник, по-прежнему завязанный кожаными шнурами, лежал на койке с соломенным матрасом. Седельные сумки брошены в углу поверх ее мешка. Напротив кровати — небольшие

складные стол и стул. А за ними корзина со свернутыми картами. На стуле — чистое полотенце.

По армейским меркам палатка была просторной, но все же, прямо скажем, не дворец. Ткань прочная, выдержит любую непогоду. Две лампы, висящие по углам, освещали палатку мягким матовым светом. Кэлен попыталась себе представить, как здоровенный генерал Райбих вышагивает по этому крошечному пространству, теребя ржаво-рыжую бороду и размышляя над проблемами армии, численностью побольше, чем население крупного города.

Зедд выглядел очень усталым. Глубокие морщины избороздили худое лицо. Кэлен напомнила себе, что старый волшебник только что узнал, что его внук, единственный родной человек на всем белом свете, находится в жестоких лапах врага.

К тому же Зедд провел в сражении два дня, а ночами лечил раненых. Прибыв сюда во главе отряда галеанцев, она видела, как он, шатаясь, стоял подле мертвого тела. Как оказалось, генерала Райбиха. Она знала, что раз уж Зедд не смог спасти генерала, значит, огромный д'харианец был совершенно безнадежен.

Кэлен пригладила ладонью волосы и указала на стул.

— Не присядешь на минутку, Зедд? Будь добр.

Он посмотрел на стул, потом на ее спальник.

— Ну, если только на минутку, пока ты разберешь постель. Тебе нужно отдохнуть.

С этим Кэлен спорить не могла. Голова у нее гудела. Азарт битвы заглушает многие вещи — например, головную боль. Соломенный матрас казался ей сейчас пуховой периной. Кэлен сбросила на кровать плащ и волчий тулуп — ими можно накрыться, так будет теплее.

Зедд молча смотрел, как Кэлен отстегивает и снимает со спины Меч Истины. Он сам вручил это оружие Ричарду. Присутствовавшая при этом Кэлен умоляла его не делать этого, но старый волшебник ответил, что у него нет выбора, что Ричард для этого рожден. Зедд был прав. Ричард действительно рожден для этого.

Кэлен почувствовала, как вспыхнуло лицо, когда она, прежде чем положить меч на кровать, поцеловала рукоять там, где так часто лежала рука Ричарда. Зедд, даже если и заметил это, ничего не сказал. Кэлен положила меч рядом с матрасом.

В неловком молчании она сняла галеанский королевский меч и только сейчас заметила на ножнах кровавые потеки. Расстег-

нула и сняла легкие черные кожаные доспехи, положила рядом с вещами. Ставя рядом с доспехами королевский меч, она увидела, что кожаные пластины тоже все в кровавых пятнах.

Еще она заметила, что кожаные поножи усеяны кровавыми отпечатками рук и испещрены длинными царапинами от ногтей. Она вспомнила, как к ней тянулись, пытаясь стащить с седла, но не могла припомнить, чтобы ее лапали. Картинки, всплывшие в памяти, оказались довольно тошнотворными, и она поспешила переключить мысли на другое.

— Мы с Карой пересекли горы Ранг-Шада, севернее Предела Агадена, и спустились через Галею, — нарушила она неуютную тишину.

— Я догадался.

— Я подумала, что мне стоит привести с собой войска.

— Мы найдем им применение.

Кэлен посмотрела в карие глаза Зедда.

— Я привела всех, кого могла забрать немедленно. Мне не хотелось ждать.

— Мудро, — кивнул Зедд.

— Принц Гарольд тоже хотел приехать, но я попросила его собрать еще войско и привести сюда. Если мы будем вынуждены защищать Срединные Земли, нам понадобятся еще войска. Гарольд со мной согласился, он счел, что это разумно.

— Не спорю.

— Принц Гарольд прибудет сюда, как только снимет войска с оборонительных рубежей.

Зедд молча кивнул.

Кэлен откашлялась.

— Жаль, что мы не успели прибыть раньше.

— Ты приехала, как только смогла, — пожал плечами Зедд. — Теперь ты здесь.

Кэлен повернулась к спальнику. Опустившись на колени, она принялась развязывать кожаные шнуры. Почему-то узлы казались ей какими-то скользкими. Наверное, от усталости.

Она быстро оглянулась через плечо и снова принялась развязывать узлы.

— Полагаю, ты хочешь узнать, как сестре Тьмы удалось захватить Ричарда?

Зедд некоторое время молчал. Наконец послышался его голос — тихий и ласковый.

— На это будет время позже, Кэлен. Нет необходимости рассказывать сейчас.

Она дергала упрямый узел. Волосы упали на лицо, и ей пришлось отбросить их назад. Дурацкий кожаный шнур оказался слишком туго затянутым. Ей хотелось наорать на болвана, затянувшего его с такой силой, но поскольку узлы вязала она сама, то и винить некого.

— Она наложила на меня материнское заклятие. Оно нас связывает. Она сказала, что может... Что убьет меня, если Ричард откажется делать то, что она хочет, и не поедет с ней.

Зедд лишь огорченно вздохнул.

— И убить ее Ричард не может, потому что я тогда тоже умру.

Кэлен ждала, когда Зедд заговорит. Наконец раздался его голос.

— Я только читал о таком заклинании, но, насколько я понимаю, она сказала правду.

— У меня губа повреждена. Но меня никто не трогал. Рана появилась позавчера. Надеюсь, это Ричард ей врезал. Ничего не имею против.

— Сомневаюсь, что Ричард.

Кэлен и сама это знала. Но помечтать-то можно?

Одна из маленьких ламп замерцала, отбрасывая колеблющиеся тени. Вторая тихонько шипела. Кэлен вытерла нос рукавом.

— Ричард пожертвовал своей свободой, чтобы сохранить мне жизнь. Как бы мне хотелось умереть, чтобы освободить его! Но он заставил меня пообещать, что я этого не сделаю.

Кэлен почувствовала на плече теплую руку. Зедд молчал. Это было лучшее, что он мог сейчас сделать.

Тихо наслаждаясь успокаивающим воздействием его руки, Кэлен наконец-то ухитрилась развязать упрямый узел. Она принялась раскатывать спальник, а Зедд снова уселся на стул. В спальник для пущей сохранности была завернута «Сильная духом». Высота статуэтки была как раз по ширине спальника. Достав ее, Кэлен на миг прижала статуэтку к сердцу. Потом повернулась и поставила «Сильную духом» на столик.

Зедд медленно поднялся на ноги. Вытаращившись на гордо стоявшую на столике «Сильную духом», он стал похож на заледенелое хилое дерево зимой.

— Где еще ты останавливалась по дороге сюда? — Он бросил на Кэлен подозрительный взгляд. — Воровала сокровища из дворцов?

Кэлен с трудом сообразила, что Зедд шутит. Она провела пальцем по развевающемуся платью «Сильной духом», взглядом

лаская линии гордой деревянной фигурки. Почему-то казалось очень правильным, что голова статуэтки откинута назад, кулаки прижаты к бокам, спина гордо выпрямлена. «Сильная духом» сражалась с невидимой силой, старающейся покорить ее.

— Нет. — Кэлен сглотнул комок в горле. — Ричард вырезал ее для меня.

Зедд удивленно вскинул брови. Некоторое время он смотрел на статуэтку, затем осторожно коснулся, словно это была бесценная древность.

— Добрые духи...

Кэлен изобразила улыбку.

— Почти. Ричард назвал ее «Сильная духом». Он вырезал ее для меня, когда мне казалось, что я никогда не выздоровею. Она мне помогла...

В жуткой тишине Зедд наконец оторвал взгляд от статуэтки и посмотрел Кэлен прямо в глаза. И как-то странно нахмурился.

— Это ты, — пробормотал он себе под нос. — Добрые духи... Мальчик вырезал в дереве твою душу. Я узнаю ее. Это же ясно, как день.

Зедд был не только дедом Ричарда, теперь он был и ее дедушкой. И он был не только Волшебником первого ранга, но и человеком, который помог вырастить Ричарда. Из всей семьи Зедда остался только Ричард.

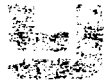
Как и у Кэлен — если не считать единокровных брата с сестрой, которые были ей совершенно чужими. Она, Кэлен, так же одинока в этом мире, как Зедд.

Теперь благодаря Ричарду Зедд — ее семья.

— Мы обязательно вернем его, девонька, — с ласковым сочувствием прошептал Зедд и нежно взял в ладони ее лицо. — Непременно вернем.

Перед глазами все поплыло. Кэлен рухнула в его надежные объятия и разрыдалась в голос.

Глава 34



оррен осторожно отодвинул в сторону заснеженную еловую лапу, и Кэлен выглянула в образовавшийся просвет.

— Вон, — негромко проговорил он. — Видишь?

Кэлен кивнула, глядя вниз, на узкую долину внизу. Пейзаж был морозно-белым: белые деревья, белые камни, белые луга. Вражеские войска, поднимавшиеся вверх по долине, казались темным потоком муравьев, ползущих по сахарному песку.

— Не думаю, что нужно говорить шепотом, Уоррен, — сказала Кара, стоявшая у Кэлен за плечом. — Они тебя не услышат — слишком далеко.

Голубые глаза Уоррена обратились на Кару. Поверх красного кожаного облачения морд-сит надела волчий тулуп, а потому не слишком выделялась на белом фоне. Воротник тулупа Кэлен приятно грел щеки. Иногда, с тех пор как Ричард сшил для нее эту одежду, прикосновение меха напоминало ей ласковое касание руки любимого.

— Но если мы будем говорить слишком громко, Кара, нас могут услышать их маги, — тихо ответила Кэлен. — Даже с такого расстояния.

— Не поняла?

— Не говори так громко, — прошептала Кэлен, давая Каре понять, что неплохо бы проявить осторожность.

При напоминании о магии Кара скорчила гримасу. Переступив с ноги на ногу, она наклонилась, чтобы посмотреть на медленно поднимавшееся по долине войско, и замолчала.

Кэлен увидела все, что ей было надо. Она махнула рукой, и троица двинулась обратно, по колено в снегу. На этой высоте они были как раз на уровне тяжелых свинцовых облаков, и от этого казалось, будто смотришь вниз из другого мира.

Они побрели вверх по склону, поросшему елями и голыми осинами, к лесистой вершине утеса, где черные камни торчали из снега, как кости. Лошади были привязаны внизу, по ту сторону каменистого склона. Еще дальше, на расстоянии, которое Кэлен с Уорреном сочли вполне безопасным, их поджидал д'харианский эскорт, выделенный генералом Мейффертом для охраны.

— Ну, так видела? — еле слышно спросил Уоррен. — Они по-прежнему перемещают войска в этом направлении, стараясь тайно обойти нас.

Мела поземка, и Кэлен подняла повыше воротник. Хорошо хоть снегопада нет.

— Не думаю, Уоррен.

Он вопросительно посмотрел на нее:

— Тогда что это?

— По-моему, они хотят, чтобы мы посчитали, будто они отправляют войска в обход, разделили наши силы и отправили своих людей сюда.

— Провокация?

— Надо полагать. Они достаточно близко, чтобы мы смогли их наверняка обнаружить, но все же на значительном расстоянии и на пересеченной местности. Так что, захоти мы что-то предпринять, нам пришлось бы разделить войско. К тому же разведчики вернулись все до единого.

— А разве это плохо?

— Конечно, нет. Но что, если у них, как ты и предполагаешь, есть маги? Почему тогда ни один наш разведчик не погиб, и все вернулись с сообщениями о массовой передислокации вражеских войск?

Уоррен задумался и хранил молчание все время, пока они добирались на вершины, а потом съезжали на задницах по покатому склону.

— Думаю, они ловят рыбку, — сказала Кара, приземлившись у подножия утеса. — Их маги и не пытаются поймать мелкую рыбешку, надеются подманить рыбу покрупней.

Кэлен стряхнула снег с тулупа.

— Вроде нас.

— Значит, по-вашему, это какая-то хитроумная ловушка на наших командиров или магов? — усомнился Уоррен.

— Ну, не совсем, — ответила Кэлен. — Это может быть всего лишь дополнительным выигрышем. Думаю, основная их цель — вынудить нас разделить армию, чтобы противостоять вымышленной угрозе.

Уоррен почесал затылок и посмотрел туда, откуда все они только что вернулись, словно пытаясь мысленно воспроизвести увиденное.

— Но раз они передислоцируют такую большую силу севернее — пусть даже и для того, чтобы оттянуть часть наших войск, — разве это не должно нас беспокоить?

— Конечно, должно, — согласилась Кэлен. — Будь это правдой.

Уоррен недоуменно смотрел на нее, пока они пробирались по глубокому снегу вверх. У Кэлен ноги гудели от усилий. Уоррен протянул руку, чтобы помочь ей подняться на высокий выступ. Предложил он руку и Каре. Кара жестом показала, что в помощи не нуждается, но гневным взглядом не одарила. Кэлен всегда радовалась, замечая, что Кара начинает понимать: предложение небольшой помощи — всего лишь вежливость, а не обвинение в слабости.

— Тогда я ничего не понимаю, — проговорил Уоррен.

Кэлен остановилась и указала в сторону вражеских войск по ту сторону хребта.

— Да, если бы в обход нас двигалось большое войско в северном направлении, это, безусловно, вызвало бы тревогу. Только я не думаю, что это так.

Уоррен отбросил светлую прядь со лба.

— Ты не думаешь, что эти полчища двигаются на север? Тогда куда?

— Никуда, — ответила Кэлен.

— Такое большое войско?! Ты шутишь!

Она улыбнулась:

— Я считаю, что это уловка, а на самом деле движется совсем небольшая группа войск.

— Но разведчики доносят, что вот уже трое суток огромная масса имперцев передвигается на север!

— Тс-с! — с притворно заговорщицким видом прошипела Кара.

Уоррен, сообразив, что орет, зажал ладонями рот.

Они слегка отдышались, и Кэлен тронулась дальше, ведя их через небольшой подъем вниз, на более ровную местность, возвращаясь по собственным следам.

— Помнишь, что вчера сказали разведчики? — спросила она Уоррена. — Они пытались перебраться через горы на другую сторону, чтобы посмотреть, что происходит там, но не смогли — перевалы усиленно охраняются.

— Помню.

— Кажется, сейчас я догадалась почему. Мы видим одну и ту же относительно небольшую вражескую группировку, которая ходит по большому кругу. Мы можем их наблюдать только в одной точке, в этой узкой долине. Мы видим, как на протяжении нескольких дней движется непрерывный поток, и делаем вывод, что они передислоцируют большую армию, но мне думается, это одни и те же все время ходят кругами.

Уоррен остановился и серьезно посмотрел на нее.

— Значит, если бы им удалось нас убедить, что они передвигают в этом направлении армию, мы в ответ разделили бы свои силы и отправили часть наших войск за этой призрачной армией?

— Они и так уже превосходят нас в численности, — сказала Кара, — но у нас есть преимущество — удобный плацдарм. Однако, если бы им удалось несколько сократить нашу численность, вынудив отправить куда-то значительное количество людей, их основные силы смогли бы наконец опрокинуть оставшихся защитников.

— В этом есть смысл. — Уоррен, задумчиво потирая подбородок, снова посмотрел в сторону горного хребта. — А если ты ошибаешься?

Кэлен тоже оглянулась на хребет.

— Ну, если я ошибаюсь, тогда... — Она нахмурилась, глядя на толстый старый клен футах в десяти от них. Ей показалось, что на дереве шевелится кора. Снег у корней посерел, кора начала исчезать, растворяясь большими кусками, шевелясь, как пена в кипящей воде.

Уоррен рванул Кэлен с Карой за воротники и резко опрокинул на спину. Кэлен ахнула. Она попыталась сесть, но Уоррен рыбкой нырнул между ними и прижал обеих к земле.

Не успела Кэлен понять, в чем, собственно, дело, как сверкнула ослепительная молния. Оглушительный грохот сотряс землю. Обломки дерева пролетели буквально в дюймах над ее лицом, застучали по камням. Сучья, палки, щепки вонзались в засыпанный грязью снег. В воздух взметнулись столбы снега.

Как только осел дым и упали последние обломки древесины, Уоррен прошептал:

— Волшебники.

— Что? — нахмурилась Кэлен.

— Волшебники, — шепотом повторил он. — Они с помощью своей силы доводят до кипения жидкость в промерзших деревьях, и те взрываются. Именно так мы потеряли очень много людей в первую битву, как раз перед вашим приездом. Они застали нас врасплох.

Кэлен кивнула. Она огляделась, но никого не увидела. Потом поискала взглядом морд-сит.

— Где Кара? — напряженным шепотом спросила она.

Уоррен осторожно оглядел пустое пространство. Кэлен чуть приподнялась на локте, но увидела лишь примятый снег там, где лежала Кара.

— Благой Создатель! — прошептал Уоррен. — Ты ведь не думаешь что они ее захватили, а?

Над деревьями понесся душераздирающий вопль.

— Кара? — спросил Уоррен.

— Не думаю.

Кэлен осторожно села, глядя на здоровенную брешь в кронах деревьев. Проникающий сквозь нее тусклый свет впервые за долгие годы упал на затененную почву. Все вокруг было усыпано расщепленными деревяшками, сломанными ветвями, большими кусками ствола и сорванными с других деревьев сучьями. Черные глубокие борозды лучами расходились от провала, где росло взорвавшееся дерево.

Уоррен придержал Кэлен за плечо, не давая встать, а сам перекатился и сел на корточки. Кэлен перевернулась на живот и медленно встала на четвереньки.

И тут же вскочила, указывая пальцем:

— Вон!

Кара возвращалась, ведя перед собой маленького человека, корчившегося от боли. Всякий раз, как он спотыкался и падал, морд-сит пинала его в ребра и ногами катила перед собой. Человечек истошно верещал, но Кэлен с такого расстояния не могла разобрать слов. Впрочем, догадаться было нетрудно.

Кара захватила волшебника. Именно для этих целей маги и создали морд-сит. Для человека, наделенного даром, применение магии против морд-сит — грубейшая ошибка.

Кэлен стряхнула с себя снег. Уоррен поднялся на ноги и встал с ней рядом. Кара волокла одного из волшебников, на чьей совести лежала смерть многих д'харианцев, злобную тварь, исполняющую волю Джеганя. Теперь-то он не выглядел злобной тварью, хныча и умоляя свою безжалостную хозяйку, пинками подгонявшую его перед собой.

Получив могучий пинок, волшебник грудой тряпья покатился к ногам Кэлен с Уорреном и остался лежать лицом вниз, рыдая, как ребенок.

Кара наклонилась, схватила его за волосы и рывком поставила на ноги.

Это и был ребенок.

— Лайл? — недоверчиво сказал Уоррен. — Это был ты?

Из глаз ребенка градом лились слезы. Утирая нос драным рукавом, мальчишка затравленно посмотрел на Уоррена. С виду Лайлу было лет десять—двенадцать, но Кэлен сообразила, что этот паренек, как и Уоррен, из Дворца Пророков. Лайл — молодой волшебник.

Уоррен потянулся, чтобы взять паренька за окровавленный подбородок. Кэлен быстро перехватила его за запястье. Мальчишка рванулся, норовя укусить Уоррена за руку, но Кара оказалась быстрее — схватив Лайла сзади за волосы, она ткнула его эйджилом в спину.

Мальчишка истошно завопил и рухнул на землю.

— Кара, не надо... — умоляюще протянул руки Уоррен.

Ледяные глаза морд-сит вызывающе уставились на него.

— Он пытался убить нас. Он пытался убить Мать-Исповедницу. — Скрипнув зубами, она, не сводя глаз с Уоррена, снова пнула хнычущего паренька.

Уоррен облизнул губы.

— Я знаю... Но...

— Но что?

— Он так молод. Это неправильно.

— Значит, надо было ему позволить убить нас? Так было бы, по-твоему, правильно?

Кэлен знала, что Кара права. Как это ни ужасно, но Кара права. Если бы они погибли, сколько бы детей, женщин и мужчин вырезал Имперский Орден? Ребенок-то он ребенок, но — орудие Джеганя.

Тем не менее Кэлен жестом показала Каре — достаточно. Подчиняясь ее знаку, Кара снова схватила мальчишку за волосы и вздернула на ноги. Прижатый к бедрам Кары, он стоял, пошатываясь, хрипло и коротко дыша. По лицу текла кровь.

Кэлен смотрела в наполненные ужасом, мокрые от слез карие глаза. Лицо ее превратилось в бесстрастную маску. Маску, за которой скрывалось смятение.

— Я знаю, что ты здесь, Джегань, — произнесла она ровным бесстрастным тоном.

Окровавленные губы паренька скривились в чужой улыбке.

— Ты допустил ошибку, Джегань. Скоро мы пошлем армию, которая вас остановит.

Паренек бессмысленно улыбался, но молчал.

— Лайл, — заговорил чуть дрожащим от волнения голосом Уоррен, — ты можешь освободиться от сноходца. Только присягни Ричарду — и ты освободишься. Поверь мне, Лайл. Попробуй. Я знаю, что это такое. Попробуй, Лайл, и я тебе помогу, клянусь.

Кэлен понадеялась, что мальчик рванется к свету, льющемуся из раскрывшейся двери темницы. Но нет, он смотрел на Уоррена с тоской, постепенно превращавшейся в жгучую ненависть. Этот ребенок видел, что борьба за свободу влечет за собой ужас и смерть, а рабское послушание приносит награды и жизнь. Он был еще слишком мал, чтобы понимать: возможны и другие варианты.

Кэлен тихонько отодвинула Уоррена назад. Он нехотя подчинился.

— Это не первый волшебник Джеганя, который попался нам в руки, — небрежно сообщила она Уоррену, но слова ее предназначались вовсе не ему.

Кэлен посмотрела в суровые глаза Кары и отвела взгляд, надеясь, что морд-сит поняла намек.

— Марлин Пикар, — проговорила Кэлен, будто специально для Уоррена. — Он-то был вполне взрослым, но даже под руководством этого надутого лжеимператора Марлин не доставил нам особых неприятностей.

На самом деле Марлин доставил очень даже крупные неприятности. Он едва не прикончил Кэлен с Карой. Кэлен надеялась, что Кара не забыла, насколько опасно для нее держать под контролем волшебника, у которого в голове сидит сноходец.

В лесу повисла гнетущая тишина. Мальчишка злобно смотрел на Кэлен.

— Мы вовремя разгадали твой замысел, Джеган. Ты ошибся, посчитав, что сможешь обойти наших разведчиков. Надеюсь, ты сам идешь с войском, и, когда мы их сметем, мы перережем тебе глотку.

Окровавленная ухмылка сделалась шире.

— Такая женщина, как ты, пропадает втуне, выступая на стороне слабых, — произнес мальчик грозным голосом взрослого мужчины. — Ты бы куда лучше проводила время, выступая на стороне силы и Ордена.

— Боюсь, моего мужа я устраиваю там, где я есть.

— И где же твой муж, дорогуша? Я надеялся поздоровкаться.

— Неподалеку, — ответила Кэлен тем же бесстрастным тоном.

Услышав ее слова, Уоррен дернулся, явственно выдавая удивление.

— Да ну? — Взгляд мальчика, скользнув по Уоррену, вернулся к Кэлен. — И почему это я тебе не верю, а?

Ей хотелось дать пареньку в зубы, чтобы стереть жестокую улыбку. Мысли Кэлен неслись галопом. Она пыталась угадать, что может быть известно Джеганю и что он пытается узнать.

— Ты его скоро увидишь, когда мы отведем этого несчастного ребенка в лагерь. Не сомневаюсь, что Ричард Рал рассмеется в твою трусливую физиономию, когда я расскажу ему, как мы разузнали, что великий император планировал тайно протащить своих уродов на север. Он наверняка захочет лично сообщить тебе, какой ты дурак.

Парнишка попытался шагнуть к ней, но Кара держала крепко. Он был как гепард на поводке, проверяющий крепость цепей. Кровавая улыбка не сходила с лица — но уже не такая самодовольная, как в начале. Кэлен показалось, будто в карих глазах мелькнула неуверенность.

— А, да не верю я тебе, — сказал он, словно потерял всякий интерес. — Мы оба знаем, что его тут нет. Не так ли, дорогуша?

Кэлен решила рискнуть.

— Ты его сам очень скоро увидишь. — Она сделала вид, будто уходит, но тут же снова повернулась к нему.

— Ах, ты, должно быть, имеешь в виду Никки? — Кэлен позволила себе саркастически улыбнуться.

Ухмылка мгновенно сползла с детского лица. Брови нахмурились, но он сумел сдержать в голосе гнев.

— Никки? Не знаю, о чем ты толкуешь, дорогуша.

— Сестра Тьмы. Стройная. Блондинка. Голубоглазая. В черном платье. Ты наверняка помнишь женщину такой потрясающей красоты. Или ты, помимо всего прочего, еще и евнух?

По его пристальному взгляду Кэлен видела, как тщательно он взвешивает каждое ее слово. Она припоминала слова Никки о Джегане.

— Я знаю, кто такая Никки. Интимно знаком с каждым ее дюймом. Когда-нибудь я и тебя познаю так же близко, как Никки.

Скабрезная угроза, исходящая из уст мальчонки, звучала особенно мерзко. Мальчик, подчиняясь приказу хозяина, махнул рукой.

— Одна из моих красоток, к тому же — очень опасная леди. — В низком рыке Джеганя слышался намек на фальшивую браваду и блеф. Будто спохватившись, он добавил: — На самом деле ты ее не видела.

Кэлен различила в этом утверждении тень вопроса, который Джегань не осмеливался задать, и поняла — за всем этим кроется нечто большее. Только вот что?

— Опасная? — Она пожала плечами. — Откуда мне знать.

Мальчишка облизнул окровавленные губы.

— Так я и думал.

— Откуда мне знать? Боюсь, она оказалась вовсе не такой уж опасной. Она не смогла причинить зло никому из нас.

Ухмылка вернулась.

— Врешь, дорогуша. Если бы ты действительно повстречалась с Никки, она наверняка убила бы хоть кого-нибудь, даже если бы не смогла убить всех. С нею так просто не справишься. Для начала она непременно выцарапает кому-нибудь глаза.

— Неужели? Ах, какие мы уверенные!

Мальчик утробно хохотнул.

— Дорогуша, я знаю Никки. И совершенно уверен.

Кэлен презрительно улыбнулась, глядя в карие глаза мальчишки:

— Ты знаешь, что я говорю правду.

— Да ну? — все еще смеясь, спросил он. — Это почему же?

— Ты знаешь, что это правда, потому что Никки — твоя рабыня, а значит, ты должен спокойно входить в ее разум. Однако ты не можешь. Хоть ты далеко не гений, сомневаюсь, что даже тебе трудно будет догадаться почему.

Глаза мальчишки сверкнули дикой яростью.

— Я тебе не верю!

— Как угодно, — пожала плечами Кэлен.

— Если ты ее видела, то где она сейчас?

Поворачиваясь к мальчику спиной, Кэлен выдала ему горькую правду — пусть понимает как хочет.

— Когда я видела ее в последний раз, она была на пути к забвению.

Раздался рев. Кэлен резко повернулась и увидела, как Кара пытается остановить его эйджилом. Послышался треск ломающейся кости. Но мальчишка даже не вздрогнул, в бешенстве ощерившись и выставив руки, как клешни, он кинулся на Кэлен.

Стоя вполоборота, Кэлен подняла руку и приняла на нее парнишку. Рука коснулась тощей груди. Его ноги оторвались от земли. Не то чтобы он повис на руке, а скорее болтался, как перышко на ветру.

Время принадлежало Кэлен.

Ей не нужно было вызывать свой дар, достаточно было перестать его сдерживать. Чувства теперь не важны, важна лишь истина.

Это не маленький мальчик — избитый, одинокий, напуганный.

Это враг.

Кипящая холодная сила выплескивалась из нее. Поднимаясь из темных глубин, она послушно заполняла каждую клеточку ее существа.

Кэлен не испытывала ни ненависти, ни ярости, ни ужаса... ни сожаления. В это бесконечное мгновение ее разум был пустотой, лишенной эмоций. Осталось одно — ощущение остановившегося времени.

У мальчишки нет ни малейшего шанса. Теперь он принадлежит ей.

Кэлен не колебалась.

Она высвободила магию.

И эта мощь из эфирной составляющей сути Кэлен превратилась в реальную силу.

Беззвучный гром, могучий и всепоглощающий, сотряс воздух.

Лицо мальчишки исказила ненависть владевшего им мужчины. Если в этот миг Кэлен была воплощением бесстрастности, то он — воплощением ненависти. Кэлен смотрела в глаза ребенка, зная, что сейчас он видит только ее безжалостные глаза.

Его разум — то, кем он был, его «я» — уже не существовал.

Деревья сотрясались от удара. С веток и сучьев посыпался снег. Кэлен с мальчиком стояли в центре вихря, все расширяющегося и расширяющегося снежного кольца.

Кэлен знала, что Джеганъ умеет проскальзывать и выскальзывать из человеческого разума между мыслями, в момент, когда самого времени не существует. У нее не было выбора, она должна была сделать то, что сделала. Она не могла позволить себе сомнения. Человеком под властью Джеганя не могла управлять даже Кара.

Покидая юный разум, Джеганъ сжег за собой все мосты.

Мальчик упал мертвым к ее ногам.

Глава 35

Кэлен стояла над телом мальчика. Она не ощущала ничего — только опустошенность и усталость, — как и всегда после применения магии Исповедницы. В лесу тишина. И пятна крови на снегу.

Только сейчас Кэлен поняла, что могла убить Кару.

После прикосновения Исповедницы морд-сит долго не живут. Но выбора не было. Она все сделала, чтобы предупредить Кару. Но Кэлен никак не могла допустить, чтобы хоть что-то повлияло на ее решение, помешало сделать то, что должно быть сделано. Малейшее колебание — и все могло обернуться катастрофой.

И только теперь, когда все позади, в ней проснулся страх.

Кэлен огляделась по сторонам: Кара лежала на снегу справа от нее. Если Кара прикасалась к мальчишке, когда Кэлен выпустила свою магию...

Кара застонала. Кэлен подбежала к ней и опустилась на колени. Вцепилась Каре в плечо, перевернула на спину.

— Кара... Ты в порядке?

Кара зажмурилась, превозмогая боль, и брезгливо поморщилась.

— Ну да, я в порядке! Ты что, думаешь, я настолько глупа, чтобы за него цепляться, а?

Кэлен улыбнулась.

— Ну конечно, нет. Ты так сиганула, что я уж подумала, не свернула ли ты себе шею.

Кара сплюнула снег и грязь.

— Почти.

Уоррен помог им обеим подняться. Морщась от боли, он растер плечи, потом локти. Кэлен не раз говорили, что оказаться рядом с Исповедницей, когда она выплескивает свою силу, — штука довольно болезненная, кажется, что все суставы разламываются. К счастью, это не наносило реальных повреждений, а неприятные ощущения довольно быстро проходили.

Уоррен посмотрел на тело мальчика, и Кэлен поняла, что он испытывает и другую боль, которая пройдет далеко не так быстро.

— Благой Создатель, — еле слышно прошептал Уоррен. Он посмотрел на Кэлен и Кару. — Ведь это ребенок. Неужели так уж необходимо...

— Да, — отрезала Кэлен. — Совершенно необходимо. Мы с Карой уже сталкивались с подобной ситуацией. С Марлином.

— Но Марлин был взрослым. А Лайл такой маленький... такой юный. Какая реальная опасность в том...

— Уоррен, не заводи волынку на тему «что было бы, если». Его разум контролировал Джегань — в точности также, как и разум Марлина. Мы это уже проходили. Он смертельно опасен.

— Если уж я не смогла его удержать, — добавила Кара, — то ничто не могло.

Уоррен вздохнул. Он опустился на колени и, поглаживая висок мальчика, зашептал молитву.

Потом поднялся, отряхнул снег.

— Думаю, это вина Джеганя. В конце концов, именно Джегань все это затеял.

Вдалеке Кэлен заметила солдат. Они спешили ей на помощь и уже поднимались по склону холма. Кэлен пошла им навстречу.

— Если тебе хочется так думать.

Кара шла рядом с ней. Уоррен постоял немного в нерешительности, потом догнал Кэлен и схватив за руку, заставив остановиться.

— Ты ведь имеешь в виду Энн, так?

Кэлен сдержала гнев и внимательно посмотрела в голубые глаза Уоррена.

— Уоррен, ты тоже жертва этой женщины. Тебя ведь забрали во Дворец Пророков еще ребенком, верно?

— Ну да, но...

— Никаких но. Они пришли и забрали тебя. Они пришли и забрали это несчастное дитя. — Она оглянулась на мертвого мальчика на снегу. Сжала кулаки, ногти вонзились в ладонь. — Они пришли и забрали Ричарда.

Уоррен ласково коснулся руки Кэлен.

— Я знаю, чем это кажется на первый взгляд. Пророчество зачастую...

— Вот! — Кэлен указала на мертвое тело. — Вот оно, пророчество! Смерть и горе — и все во имя пророчества!

Кэлен была в ярости — Уоррен даже не пытался с ней спорить.

Кэлен усилием воли заговорила спокойней:

— Скольким еще придется бессмысленно погибнуть из-за извращенной верности пророчеству, из-за слепого стремления воплотить его в жизнь? Если бы Энн не послала Верну за Ричардом, ничего бы не произошло!

— Откуда ты знаешь? Кэлен, я понимаю твои чувства, но как ты можешь быть в этом уверена?

— Барьер спокойненько себе стоял три тысячи лет! И разрушить его мог лишь волшебник, обладающий обеими сторонами магии. А таковых не было до рождения Ричарда. Энн послала Верну за ним. Не сделай она этого, барьер и по сей день бы стоял. И Джегань с его Орденом так и торчал бы по ту сторону. Срединные Земли были бы в безопасности. И этот вот паренек гонял бы где-нибудь мячик.

— Кэлен, все не так просто, как тебе кажется. — Уоррен с досадой развел руками. — Я не желаю с тобой спорить, но хочу, чтобы ты поняла, что пророчество осуществляется многими путями. Оно часто само ищет решение. Не пошли Энн Верну за Ричардом, вполне могло оказаться так, что он сам, по совсем иной причине, пришел бы туда и разрушил барьер. Кто знает? Как ты не поймешь! Может быть, этому просто суждено было случиться, а Энн была лишь средством. Не она, так кто-нибудь другой мог оказаться на ее месте.

Кэлен стиснула зубы.

— Сколько еще крови, сколько еще трупов, сколько еще горя потребуется, чтобы ты увидел, какие несчастья обрушили пророчества на мир?

Уоррен грустно улыбнулся.

— Я пророк. И всегда хотел быть пророком, чтобы помогать людям. Если бы я в самом деле полагал, что пророчества — это

зло, то не посвятил бы себя этому. Не забывай, что если бы не пророчество, ты бы никогда не повстречалась с Ричардом. Разве ты не рада, что он вошел в твою жизнь? Я так очень рад знакомству с ним.

Ледяная ярость во взгляде Кэлен стерла теплую улыбку с его лица.

— Лучше одинокая жизнь без любви, чем все эти беды. Я бы предпочла никогда не встречаться с ним — это лучше, чем осознать, что он для меня значит, а потом видеть, как его бросают на скалы этой фанатичной веры в пророчества.

Уоррен спрятал руки в рукава и уставился в землю.

— Я понимаю, ты вправе все так воспринимать... Пожалуйста, Кэлен, поговори с Верной.

— Чего ради? Она выполняла приказы Энн.

— Просто поговори с ней. Я едва не потерял Верну, потому что она испытывала те же чувства, что и ты сейчас.

— Верна?

Уоррен кивнул.

— Она считает, что Энн ее злонамеренно использовала. Двадцать лет она тщетно искала Ричарда, хотя все это время Энн точно знала, где он находится. Можешь себе представить, что испытала Верна, когда об этом узнала? Было и многое другое. Энн хитростью заставила нас всех поверить в ее смерть. Она вынудила Верну стать аббатисой. Она была очень близка к тому, чтобы швырнуть в огонь путевой дневник.

— Жаль, что не швырнула.

Уоррен снова грустно улыбнулся.

— Я просто пытаюсь сказать, что ты, возможно, почувствуешь себя лучше после разговора с ней. Она поймет твои чувства.

— И какой в этом прок?

— Даже если ты и права, что с того? — Уоррен пожал плечами. — Мы ничего не можем изменить. Никки заполучила Ричарда. Имперский Орден пришел в Новый мир. Что бы ни вызвало эти события, они уже произошли, и мы должны исходить из реального положения вещей.

Кэлен поглядела в его сверкающие голубые глаза.

— Ты это понял, изучая пророчества?

Уоррен покачал головой и радостно заулыбался.

— Нет. Этому меня Ричард научил. Да и одна умная красавица недавно сказала, что бы я не затевал волынку на тему «что было бы, если».

Кэлен, как ни старалась сохранить воинственный настрой, все же ощутила, как гнев угасает.

— Не уверена, что она так уж умна.

Уоррен помахал солдатам, мчащимся с мечами на изготовку вверх по холму. Д'харианцы перевели лошадей на шаг, но оружия не убрали.

— Ну, — заметил Уоррен, — она достаточно сообразительна, чтобы разгадать план Джеганя, и сохранить присутствие духа в момент нападения миньона сноходца, и обвести императора вокруг пальца, заставив подумать, что попалась в его ловушку.

— Сколько тебе лет, Уоррен? — недовольно поморщившись, поинтересовалась Кэлен.

Вопрос, казалось, его удивил.

— Не так давно исполнилось сто восемьдесят.

— Ну, тогда все ясно, — хмыкнула Кара. — Перестань все время казаться таким молодым и невинным, Уоррен. Это чертовски раздражает.

Через несколько часов Кэлен, Кара, Уоррен и их эскорт добрались наконец до лагеря. Там приготовления шли полным ходом. Повсюду загружали фургоны, седлали и запрягали лошадей, готовили оружие. Палатки еще не свернули, но солдаты в доспехах толпились, дожевывая ужин, вокруг своих офицеров: поступил приказ немедленно выступить на перехват двигающегося на север противника. Проходя мимо палаток, Кэлен видела офицеров, склонившихся над картами. Аппетитный аромат жаркого пробудил голод и напомнил ей, что хорошо бы сейчас поесть горяченького. Зимой вообще темнело рано, а из-за нависших хмурых туч казалось, что уже вечер. Пасмурная погода уже начинала действовать на нервы. На солнечные деньки вряд ли стоит рассчитывать в ближайшее время.

Кэлен спешилась, и молоденький солдатик увел ее коня. Она больше не ездила на огромном боевом жеребце, предпочитая, как и большинство кавалеристов, передвигаться на более подвижных лошадях поменьше. В кавалерийской атаке огромные боевые кони незаменимы, но поскольку силы противника намного превосходили армию Д'Харианской империи, было решено заменить этих коней более быстрыми и маневренными.

Изменив тактику не только кавалерии, но и армии в целом, Кэлен с генералом Мейффертом уже не одну неделю досаждали Ордену. Они выжидали, когда противник стянет силы для мас-

сированной атаки, а затем удирали прямо из-под носа, изматывая армию Джеганя. Когда Орден, утомившись от массированного наступления, останавливался, генерал Мейфферт начинал покусывать его за пальцы, вынуждая приплясывать. Как только Орден начинал окапываться в ожидании атак, Кэлен тут же отводила армию подальше, сводя на нет все усилия закрепиться.

Если Орден вновь повторял то же самое, д'харианцы продолжали изводить их днем и ночью, кружа вокруг, как разъяренные шершни, но не ввязываясь в большую драку. Если же Имперский Орден не пытался вонзить зубы в противника и разворачивался к густо заселенным районам, Кэлен тут же посылала своих наступать Ордену на хвост и вонзать стрелы в спину, не позволяя освободиться. В итоге Ордену приходилось забыть о грабежах и вновь переключаться на надоедливую угрозу.

Постоянная дразнящая тактика д'харианцев несказанно бесила Имперский Орден. Солдаты Джеганя считали такой вид боя оскорбительным. Они считали, что настоящие мужчины встречаются в бою в рукопашной и обмениваются ударами. Конечно, их честь нисколько при этом не задевал тот факт, что численностью они во много раз превосходят противника. Кэлен понимала, что прямая схватка окончится кровавой резней и выгодна только Ордену. Ей было глубоко наплевать, что они там думают. Главное — они гибнут.

Чем больше злился и досадовал Имперский Орден, тем нахальней себя вел, бросаясь в оголтелую атаку на хорошо обустроенные линии обороны или бессмысленно вынуждая солдат идти на прямой штурм там, где такая тактика определенно не могла сработать. Иногда Кэлен охватывал настоящий ужас при виде того, как многие сотни наступающих солдат падают под градом стрел, а за ними все идут и идут другие, все увеличивая груды тел на поле боя. Это было сущее безумие.

Д'харианцы тоже несли потери: несколько тысяч убитых и тяжело раненных. Однако по прикидкам Кэлен и генерала Мейфферта, потери врага составили убитыми и ранеными порядка пятидесяти тысяч человек. Это все равно что раздавить одного муравья в целом муравейнике. Но Кэлен не могла придумать ничего другого, кроме как продолжать в том же духе. Выбора нет.

Кэлен с Карой пересекли человеческую реку, пробираясь к палаткам командного состава с синими вымпелами. Не зная ежедневно сменявшегося цветового кода, отыскать эти палатки было совершенно невозможно. Остерегаясь шпионов, а также

из опасения, что вражеские маги могут одним ударом уничтожить целую группу старших офицеров, командный состав проводил совещания в неприметных палатках. Разноцветными полосками были помечены многие палатки — так солдаты обозначали свои подразделения, чтобы быстро находить своих в случае необходимости, когда надо срочно сниматься с места и менять дислокацию. Это и навело Кэлен на мысль помечать офицерские палатки. Цвета менялись часто, так что ни один цвет нельзя было приписать именно офицерам.

В тесной палатке генерал Мейфферт склонился над картой, разложенной на столе. Здесь же находились кельтонец лейтенант Лейден и капитан Эбернати, командующий галеанской группировкой — их привела Кэлен несколько недель назад.

В углу тихо сидела Эди, как представитель магов, наблюдая за происходящим совершенно белыми глазами. Эди ослепили, когда она была еще молодой, и она научилась видеть при помощи своей магии. Эди была очень одаренной колдуньей. И весьма успешно использовала свой дар в военных целях. Сейчас Эди сидела здесь, чтобы волшебство сестер Света служило нуждам армии.

— Зедд отправился проверять южные рубежи, — ответила Эди на вопрос Кэлен.

— Уоррен тоже туда отправился, — кивнула Кэлен.

Она подышала на заледеневшие руки и посмотрела на генерала.

— Нам нужно собрать довольно приличное войско, примерно тысяч двадцать.

Генерал Мейфферт с досадой вздохнул.

— Значит, они все же передвигают армию нам в тыл.

— Нет, — ответила Кэлен. — Это уловка.

Трое офицеров, озадаченно нахмурившись, уставились на нее, ожидая объяснений.

— Я напоролась на Джеганя...

— Что?! — вскричал генерал Мейфферт, не на шутку встревожившись.

— Да нет, все не так, как вы думаете, — отмахнулась Кэлен. — Я имею в виду при посредстве одного из его рабов. — Она засунула руки под мышки, пытаясь согреться. — Важно то, что я разыграла Джеганя, дав ему понять, что мы купились на его затею.

Кэлен объяснила, показав на карте, кто и куда на самом деле движется, и растолковала, что настоящая цель этого маневра —

вынудить их отправить на перехват большое войско, оставив на защитных рубежах меньшую часть. Офицеры внимательно слушали объяснения Кэлен.

— Разве мы не пойдем на поводу у Джеганя, если пошлем туда людей? — спросил лейтенант Лейден.

— Верно, — ответила Кэлен, только сделаем мы совсем не это. Я хочу, чтобы эти войска покинули наш лагерь, создавая видимость того, что мы делаем именно то, что он от нас ожидает.

Склонившись над картой, Кэлен угольком обозначила горы, по которым только что пробиралась, и показала низины.

— Моих галеанцев примерно столько, сколько вам нужно для этого обманного маневра, — проговорил капитан Эбернати.

— Именно об этом я и подумал, — заметил генерал Мейфферт.

— Договорились. — Кэлен снова указала на карту. — Кружитесь вокруг этих гор, капитан. Когда Орден нападет, рассчитывая с ходу смести нас, вы нанесете удар вот тут, здесь они этого совсем не ожидают.

Капитан Эбернати — лощеный офицер с густыми седоватыми усами — кивнул, глядя, как Кэлен указывает на карте маршрут:

— Не беспокойтесь, Мать-Исповедница. Орден поверит, что мы убрались восвояси, а мы будем готовы ударить с фланга, когда они нападут на вас.

Кэлен вновь обратилась к генералу:

— Нам также понадобится скрытно вывести из лагеря еще войска, чтобы расположить их на другой стороне долины, напротив капитана Эбернати. Тогда когда Орден пойдет на нас посередине долины, мы ударим одновременно с двух флангов. Они не захотят, чтобы мы отсекли часть их армии, и повернут назад. И тогда наши основные силы смогут нанести им удар с тыла.

Офицеры некоторое время молча размышляли над ее планом. В лагере кипела жизнь. В палатке слышно было ржание лошадей, скрип колес, отрывистые выкрики приказов.

Лейтенант Лейден поднял глаза на Кэлен.

— Мать-Исповедница, мои кельтонцы могут стать этой второй армией. Они все давно служат под моим командованием, заслуженные ветераны. Мы можем немедленно начать потихоньку покидать лагерь и собраться вот тут для атаки. Вы можете отправить с нами сестру, чтобы она подтвердила подлинность сигнала, и тогда я смогу атаковать с моими людьми одновременно с капитаном Эбернати.

Кэлен понимала, что кельтонец хочет оправдаться в ее глазах. А также он хочет обеспечить Кельтону некоторую автономию в рамках Д'Харианской империи.

— Это будет опасное дело, лейтенант. Если что-то пойдет наперекосяк, мы не сможем прийти вам на помощь.

Кельтонец кивнул.

— Но мои люди хорошо знают местность, и мы привычны к зимним переходам по горам. Имперский Орден — из более теплых мест. Так что у нас преимущества — и погодные, и в знании местности. Мы справимся, Мать-Исповедница.

Кэлен тихонько вздохнула, выпрямилась. Она размышляла над предложением Лейдена. Она понимала, что генералу Мейфферту эта идея по душе. И капитану Эбернати тоже. Галея и Кельтон — традиционные соперники, так что эти двое предпочитают сражаться каждый по-своему и отдельно друг от друга.

Ричард объединил все страны, так что теперь всем им придется привыкать, что они — одно целое. Это жизненно важно, если они хотят выжить. Пожалуй, раз у них одна цель в войне, то им так или иначе придется как-то координировать свои действия. И лейтенант Лейден предлагает дело: его солдаты — опытные горные егеря.

— Хорошо, лейтенант.

— Благодарю, Мать-Исповедница.

Кэлен решила кое-что добавить.

— Если вы хорошо справитесь с заданием, лейтенант, то это может способствовать вашему повышению в звании.

Лейтенант Лейден прижал кулак к сердцу.

— Мои люди сделают все, чтобы королева могла ими гордиться.

Кэлен ответила на это заявление коротким кивком Матери-Исповедницы. Затем проговорила, обращаясь ко всем:

— Пора начинать.

Генерал Мейфферт был с этим вполне согласен:

— Отличная возможность уменьшить их численность. Если все пойдет как надо, мы им изрядно пустим кровь. — Он повернулся к офицерам. — Начинаем. Вашим людям нужно выступать немедленно, чтобы вовремя занять позиции. Трудно сказать, сколько вам придется ждать, но если Орден пойдет в наступление на рассвете, я хочу, чтобы вы к этому времени уже были на позициях и готовы атаковать.

— Орден обожает атаковать на рассвете, — заметил капитан Эбернати. — Мы сможем выступить через час. И к рассвету уже будем на месте и готовы к бою.

— Мы тоже, — кивнул лейтенант Лейден.

Оба офицера, поклонившись, направились к выходу.

— Капитан! — окликнула Кэлен.

Галеанец обернулся.

— Да, Мать-Исповедница?

— Вы не знаете, что могло задержать принца Гарольда и остальные ваши войска? Он должен был уже давно быть здесь. Нам очень бы пригодились ваши основные силы.

Капитан Эбернати потеребил костяную пуговицу темного кителя.

— Прошу простить, Мать-Исповедница, но я тоже полагал, что ему давно пора быть на месте. Представления не имею, что могло так задержать принца.

— Он уже должен быть здесь, — тихонько повторила Кэлен. Она снова поглядела на капитана. — Может, погода?

— Может быть, Мать-Исповедница. Если бушуют метели, то это вполне могло задержать их. Скорее всего дело именно в этом, полагаю, он скоро прибудет. Наши люди проходят обучение в горах в таких погодных условиях.

Кэлен вздохнула.

— Что ж, будем надеяться, что он скоро приедет.

Капитан Эбернати твердо встретил ее взгляд.

— Я точно знаю, что принц был серьезно настроен собрать своих людей и прибыть сюда на помощь. Галея закрывает долину Каллисидрина. Принц лично сказал мне, что в наших же интересах остановить Имперский Орден здесь, нельзя позволить ему продвинуться дальше в Срединные Земли, где он обрушится на наши земли и семьи.

Кэлен читала по глазам лейтенанта Лейдена его мысли: если принц Гарольд решил остаться оборонять долину Каллисидрина, чтобы защитить свою родную Галею, то такое препятствие может очень даже запросто вынудить Орден свернуть на северо-восток, вокруг гор и вверх по течению Керна — прямо в Кельтон, родину Лейдена. Хотя лейтенант Лейден и допускал мысль о таком предательстве, у него хватило ума не произносить этого вслух.

— Когда я там была, погода действительно стояла скверная, — сказала Кэлен. — Ну, сейчас ведь зима как-никак. Увере-

на, принц Гарольд вскоре прибудет на помощь своей королеве и народам Д'Харианской империи.

Кэлен улыбнулась, смягчая скрытую угрозу.

— Благодарю вас, господа. Вам пора возвращаться к вашим обязанностям. Добрые духи да хранят вас.

Офицеры, отсалютовав, поспешно отбыли. Эди тоже, кряхтя, поднялась.

— Если я тебе не нужна, то мне необходимо известить о наших планах сестер и Зедда с Уорреном.

Кэлен устало кивнула:

— Спасибо, Эди.

Белоглазая Эди видела с помощью своего волшебного дара. Кэлен ощутила на себе этот волшебный взгляд.

— Ты пользовалась своей магией, — заявила старая колдунья. — Ты должна отдохнуть.

— Знаю, — ответила Кэлен. — Но есть еще дела.

— Их некому будет делать, если ты заболеешь. — Тонкие пальцы Эди стиснули руку Кары. — Позаботься о том, чтобы Мать-Исповедницу на некоторое время оставили в покое, чтобы она могла прикорнуть хотя бы на столе.

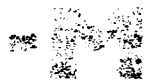
Кара подтащила складной стул к столу и указала на него, сурово глянув на Кэлен.

— Сядь. Я постою на страже.

Кэлен совсем вымоталась. Магия Исповедницы высосала почти все силы. Нужно время, чтобы восстановиться. И долгая обратная скачка ее совсем доконала. Она тяжело опустилась на стул, расстегнув волчий тулуп. Меч Ричарда по-прежнему был у нее за спиной, рукоятка торчала над плечом. Но ей лень было его снимать.

Эди, увидев, что Кэлен безропотно подчинилась, улыбнулась и ушла. Кара заняла место у входа, а Кэлен опустила голову на руки. Отогнав воспоминания о жутком дне, она принялась думать о Ричарде, его обаятельной улыбке, его серых глазах, ласковых руках. Глаза ее закрылись. Она так устала, что казалось, стол со стулом вращаются. И, продолжая думать о Ричарде, она скользнула в сон.

Глава 36



ать-Исповедница?

Кэлен, прищурившись, поглядела на стоявшую над ней темную фигуру. Она потерла глаза, прогоняя остатки сна, и увидела, что это Верна. В золотом перстне аббатисы сестер Света отражалось мерцание лампы. Ткань палатки в сумеречном освещении казалась ржавой.

На Верне была длинное платье из серой шерсти и темно-серый плащ. Горловину платья украшало белое кружево, несколько смягчая строгость одеяния. Каштановые волосы Верны лежали свободной волной, а в карих глазах читалась тревога.

— В чем дело, Верна?

— Если у вас есть время, я бы хотела с вами поговорить.

Ну, ясно — Верна побеседовала с Уорреном. Всякий раз, видя как они обмениваются взглядами или — как бы случайно — касаются друг друга, Кэлен вспоминала свои отношения с Ричардом. И то, что Верна влюблена, смягчало отношение Кэлен к внешне суровой аббатисе — эта женщина явно способна на нежность. К тому же Кэлен понимала, что и на нее, должно быть, смотрели с таким же любопытством, если не изумлением, когда она проявляла нежные чувства.

Кэлен вздохнула, размышляя, не коснется ли этот самый «разговор» Энн и про-

рочеств. Она была совершенно не расположена беседовать на эту тему.

— Кара, сколько я проспала?

— Пару часов. Скоро уже стемнеет.

Кэлен потянулась, разминая затекшие мышцы, и тут увидела на низкой лавке старую колдунью с темным покрывалом на коленях.

— Как ты себя чувствуешь? — спросила Эди.

— Нормально. — Кэлен видела в холодном воздухе парок от собственного дыхания. — Что там с солдатами, которых отправили на задание?

— Обе группы в пути уже больше часа, — ответила Эди. — Первая группа, галеанцы, отбыли все вместе колонной. Кельтонцы ушли небольшими группами, чтобы не привлекать внимание.

— Отлично. — Кэлен зевнула.

Она знала, что нападения Ордена можно ожидать уже ранним утром. Что ж, по крайне мере у обеих групп хватит времени, чтобы добраться до места и подготовиться. От мыслей о предстоящей атаке Ордена становилось не по себе. Кэлен отлично понимала, что и солдаты тоже в напряжении и вряд ли смогут уснуть.

Эди лениво водила пальцем по красно-желтой вышивке на вороте своего скромного платья.

— Я вернулась, как только отбыли галеанцы, чтобы помочь Каре охранять твой сон и держать народ подальше.

Кэлен благодарно кивнула. Судя по всему, Эди сочла, что она отдохнула уже достаточно, либо же посчитала дело, с которым пришла Верна, важным.

— Так в чем дело, Верна?

— Мы... кое-что открыли. То есть не то чтобы открыли, а скорее кое-что придумали.

— Кто это «мы»?

Верна прочистила горло. Пробормотав себе под нос молитву, испрашивающую прощения Создателя, она продолжила.

— Вообще-то это придумала я. Кое-кто из сестер мне помог, но придумала именно я. И вся вина на мне.

Несколько странный способ изложения, подумала Кэлен. Похоже, Верна не больно-то рада, что это придумала, чем бы там оно ни было. Кэлен молча ждала продолжения.

— Ну, понимаешь, нам трудно протаскивать всякие там штучки под носом вражеских магов. У Ордена есть сестры Све-

та, но также и Тьмы, а мы возможностями последних не обладаем. Когда мы пытаемся пересылать вещи...

— Пересылать вещи?..

Верна поджала губы.

— Оружие.

Заметив вопросительный взгляд Кэлен, Верна наклонилась и подняла что-то с пола. Вытянув руку, она показала Кэлен маленькие камешки.

— Зедд научил нас превращать обычные вещи в разрушительное оружие. С помощью магии мы можем швырять их или, дохнув, взрывать небольшие предметы, вроде этих вот камешков. Благодаря магии они летят быстрее стрел, даже быстрей арбалетных болтов. Эти камешки сметают целые ряды наступающих солдат. Камешки летят с такой скоростью и силой, что иногда каждый пронизывает до полудюжины солдат.

— Я помню рапорты, — кивнула Кэлен. — Но это перестало действовать, потому что их маги разобрались, в чем дело, и теперь умеют защищаться.

Кэлен узнала происхождение усталого выражения в карих глазах Верны: бремя ответственности.

— Совершенно верно. Орден научился обнаруживать волшебные штучки, даже те, что мечут с помощью волшебства. Большая часть наших заклинаний подобного рода стали совершенно бесполезными.

— Именно об этом Зедд мне и говорил: во время войны магия, как правило, незаметна, каждая сторона может в лучшем случае нейтрализовать другую.

— Так и есть, — кивнула Верна. — Мы точно так же действуем против них. Мы научились противостоять тому, к чему они прибегали вначале, и можем защищать от этого наших солдат. Наши горны, например. Мы поняли, что должны кодировать их сигналы, добавляя чуть-чуть магии, чтобы знать, что их сигнал настоящий.

Кэлен натянула тулуп. Она продрогла до мозга костей и никак не могла согреться. Просто безумие — вести военные действия в таких условиях. Впрочем, война и в более теплую погоду — безумие не меньшее. Но все же ей до смерти хотелось оказаться в тепле, возле жаркого огня.

— Так что это за штука, что ты придумала?

Будто вспомнив о холоде, Верна укуталась поплотней в плащ.

— Ну, я подумала, раз их маги отфильтровывают, так сказать, все, что связано с магией, значит, нам нужно что-то совсем не волшебное.

— А у нас такое есть, — мрачно улыбнулась Кэлен. — Называется солдаты.

Но Верна не улыбнулась.

— Нет. Я имела в виду что-то, что маги могут сделать, чтобы нейтрализовать вражеских солдат, не подвергая риску наших.

Эди тихо подошла и встала рядом с Кэлен, когда Верна полезла под плащ и достала маленький кожаный кошель. Сложив его на стол, она придвинула к нему лист бумаги.

— Насыпь немножко на бумагу, пожалуйста. — Верна держалась за живот, будто у нее началось несварение. — Но осторожно, не касайся пальцами и проследи, чтобы не попало на кожу. И не вздумай дунуть на него. Даже не дыши.

Эди, наклонившись, смотрела, как Кэлен осторожно насыпала немножко сверкающей пыли на бумагу и аккуратно собрала в кучку краем кошеля. Пыльца переливалась разными цветами, но в основном была серо-зеленой.

— Что это? Какая-то волшебная пыльца?

— Стекло.

Кэлен медленно подняла взгляд.

— Стекло. Ты придумала стекло?

Верна покачала головой:

— Нет, Мать-Исповедница. Я придумала искрошить его. Видишь ли, это самое обычное стекло, растолченное в пыль. Но мы использовали наш Хань, когда толкли его пестиком в ступке. С помощью волшебства мы разбили стекло на крошечные осколки, но особым образом.

Верна склонилась к маленькой серо-зеленой горке. Кара тоже наклонилась поближе, желая разглядеть опасную штуку на листе бумаги.

— Это стекло — каждый осколок — острое и зазубренное, хотя каждая частица совсем крошечная. Каждая частичка едва ли больше пылинки, следовательно, и не весит практически ничего, как и пыль.

— Добрые духи, — прошептала Эди, а затем зашептала молитву на родном языке.

Кэлен кашлянула.

— Я не понимаю.

— Мать-Исповедница, мы не можем пробиться магией через защиту их волшебников. Они готовы к магическим атакам, даже если это обычный камень, брошенный в них с помощью магии. А это стекло, хотя мы и прибегли к магии, когда его крошили, не

обладает волшебными свойствами. Совсем. Это просто инертный материал, такой же, как пыль у них под ногами. Они не смогут обнаружить в нем магии, потому что ее там нет. С помощью своего дара они определят его как обычную пыль или туман, в зависимости от атмосферных условий в данный момент.

— Но мы и прежде насылали на них пылевые облака, заметила Кэлен. — Пыль, чтобы они заболели и все такое. По большей части они сумели защититься.

Мрачно улыбнувшись, Верна подняла палец.

— Но те облака содержали магию, Мать-Исповедница. А это — нет. Не понимаешь? Оно настолько легкое, что долго держится в воздухе. Мы можем с помощью самой простой магии поднять ее в воздух, а затем магию убрать. Или просто пустить ее по ветру, кстати говоря. Но в любом случае нам нужно лишь дать их войску налететь на нее.

— Ладно, — Кэлен потерла лоб. — Но что оно им сделает?

— Оно попадет им в глаза, — произнесла своим хриплым голосом Эди из-за плеча Кэлен.

— Совершенно верно, — кивнула аббатиса. — Оно попадет в глаза, как пыль. Сперва и по ощущениям будет, как пыль, и они постараются ее сморгнуть. Однако поскольку осколки острые и зазубренные, то лишь повредят себе глаза. Оно вонзится в глаз, забьется под веки и нанесет тысячи мелких порезов с каждым морганием. Чем чаще они будут моргать, тем сильней оно будет выгрызать им глаза. — Выпрямившись, Верна запахнула плащ. — Оно ослепит их.

Кэлен тупо села, пораженная безумием всей затеи.

— Ты уверена? — спросила Кара. — Может, оно будет лишь раздражать, как банальная пыль?

— Мы уверены, — ответила Верна. — Мы... Произошел несчастный случай, так что мы точно знаем, как оно действует. И оно может нанести еще больший вред, попадая в горло, легкие и кишки. Этого мы, правда, не проверяли. Но мы точно знаем, что такое особое стекло, если мы крошим его должным образом, будет висеть в воздухе, и проходящие сквозь эту завесу люди ослепнут в рекордный срок. А слепец сражаться не может. Пусть это и не убьет их, но, будучи слепыми, они не смогут убивать нас или оказать сопротивление, когда мы будем убивать их.

Кара, обычно радующаяся любой возможности убить врага, на сей раз особой радости не выказала.

— Нам останется лишь построить их в ряд и перерезать.

Кэлен положила голову на руки, прикрыв глаза.

— Ты хочешь, чтобы я дала добро на использование этого, так ведь? За этим ты и пришла.

Верна молчала. Наконец Кэлен подняла голову.

— Ты этого хочешь?

— Мать-Исповедница, мне нет необходимости говорить, что сестры Света ненавидят саму идею вредить людям. Но идет война, мы сражаемся за свое существование, за существование свободных людей. Мы знаем, что это необходимо сделать. Будь здесь Ричард... Я просто подумала, что ты захочешь об этом узнать и отдашь необходимый приказ.

Кэлен уставилась на женщину, отлично понимая, почему та держится руками за живот.

— А известно ли тебе, аббатиса, — чуть ли не прошептала Кэлен, — что я сегодня убила ребенка? Не случайно, а преднамеренно? И сделал бы это снова, ни секунды не колеблясь. Но спать от этого лучше я не стану.

— Ребенка? Так ли было необходимо... убивать ребенка?

— Его звали Лайл. Думаю, ты его знаешь. Еще одна жертва сестер Света Энн.

Верна, посерев, закрыла глаза.

— Полагаю, раз уж я могу убить ребенка, — неумолимо продолжила Кэлен, — то вполне могу отдать тебе приказ применить это стекло против монстров, использовавших этого ребенка как оружие. Я дала клятву: никакой пощады. И я не шутила.

Эди положила руку на плечо Кэлен.

— Кэлен, — ласково заговорила Верна, — мне понятны твои чувства. Меня Энн тоже использовала, и я не понимала, почему. Я думала, что она использует всех и каждого ради своих целей. Некоторое время я считала ее мерзкой личностью. У тебя есть все основания думать так же.

— Но я не права, так, Верна? Ты это хотела добавить? На твоем месте я не была бы так в этом уверена. Это не тебе пришлось убить сегодня маленького мальчика.

Верна сочувственно кивнула, но спорить не стала.

— Эди, ты можешь чем-нибудь помочь той женщине, что случайно ослепла? — спросила Кэлен. — Может быть, ты сможешь что-нибудь сделать?

— Это быть неплохая мысль, — кивнула Эди. — Верна, отведи меня к ней. Посмотрим, что можно предпринять.

Обе женщины направились к выходу из палатки, но Кэлен, склонив голову набок, спросила:

— Слышите это?

— Горн? — спросила Верна.

— Да. Похоже на тревогу.

Верна сосредоточенно прищурилась. Чуть склонив голову набок, она внимательно прислушалась.

— Да, звучит как сигнал тревоги, — наконец вынесла она вердикт. — Но никаких следов магии в звуке. Противник часто так делает. Пытается заставить нас среагировать на ложную тревогу. В последнее время это случается все чаще и чаще.

Кэлен нахмурилась.

— Да? А почему?

— Почему... что?

Кэлен встала.

— Если мы знаем, что это ложная тревога и это не срабатывает, то почему Орден продолжает это делать, да еще все чаще? Это кажется бессмыслицей.

Верна оглядела палатку, словно тщетно пытаясь найти ответ.

— Ну, не знаю. Представления не имею. Я не специалист в военной тактике.

— Может, это разведчики возвращаются? — Кара собралась выйти.

Кэлен прислушалась. Слышался конский топот, но в этом не было ничего особенного. Возможно, как сказала Кара, это разведчики возвращаются. Но судя по грохоту подков, приближающиеся кони — крупные.

Она услышала вопль. И тут же раздался звон стали и крики боли.

Рванувшись из-за стола, Кэлен на ходу выхватила галеанский королевский меч. Но прежде чем хоть кто-нибудь из них успел выскочить наружу, палатка резко качнулась — что-то влетело в стенку. На миг палатка застыла под каким-то немыслимым углом, затем наконечники копий прорвали ткань. И палатка обрушилась.

Тяжелая ткань придавила Кэлен к земле. Она не могла найти, за что ухватиться — палатка поползла, увлекая ее за собой. Прогрохотали подковы, вколачиваясь в землю рядом с ее головой.

Она чувствовала запах масла из лампы. Масло и ткань палатки вспыхнули. Кэлен закашлялась от дыма. Она слышала треск огня. Но ничего не видела. Она оказалась в ловушке, запутавшись в палатке, которую волочили по земле.

Глава 37

Кэлен, плотно упакованная в жесткий холст, ничего не видела. Она кашляла и отплевывалась, горький дым жег легкие. Она отчаянно дергала и тянула холстину, пытаясь выпутаться, но ничего не получалось. Ее, спеленатую по рукам и ногам, волокло по земле. Жар на лице поверг в панику. Забыв об усталости, она бешено лягалась и извивалась, ловя воздух ртом.

— Где ты?!

Голос Кары. Где-то близко, словно и ее тоже тащит вместе с палаткой, и она тоже отчаянно сражается за жизнь. Кара была не настолько глупа, чтобы звать ее по имени или по титулу, зная, что их окружает враг. Оставалось надеяться, что Верне тоже хватит ума держать язык за зубами.

— Здесь! — заорала Кэлен в ответ.

Меч Кэлен оказался плотно прижат к ноге тканью палатки. Она исхитрилась вывернуть левую руку, добралась до кинжала за поясом и вытащила его. Ей пришлось отвернуть лицо от огня. Вонючая дымная тьма наводила ужас.

С яростной решимостью Кэлен вспорола холст палатки. И в этот момент палатка ударилась обо что-то, и их подбросило в воздух. От жесткого приземления у Кэлен перехватило дыхание. Втянув воздух, она наглоталась удушающего дыма. Палатка

вокруг вспыхнула вся, и Кэлен снова яростно полоснула кинжалом по ткани.

— Я не могу... — снова заорала она Каре.

Палатка ударилась обо что-то твердое. Плечо Кэлен влетело во что-то жесткое, смахивающее на пень, и ее перебросило через это препятствие. Не будь на Кэлен доспехов, она наверняка сломала бы плечо. Рухнув на землю с другой стороны препятствия, Кэлен вывалилась из палатки в снег. Она расставила руки, чтобы не покатиться по снегу.

Она увидела, как генерал Мейфферт, схватив за кольчугу, сдернул с коня вражеского кавалериста, волочившего за собой ее палатку. Глаза имперца сверкнули из-под длинных лоснящихся кудрей. У него не было верхнего зуба. Имперец кинулся на генерала и лишился и головы тоже.

Имперские кавалеристы атаковали д'харианцев, пытавшихся одновременно и отбиться, и вскочить на лошадей. Один из боевых коней полетел на Кэлен. Всадник подался вперед, размахивая молотом. Кэлен убрала и меч, и кинжал. Она схватила копье, которым первый имперец волок ее палатку. Она еле-еле успела вогнать древко копья в промерзшую почву — конь налетел грудью на острие.

Ухмыляющийся имперец с молотом соскочил с зашатавшегося коня и извлек левой рукой меч. Кэлен не стала дожидаться продолжения. Пока он спрыгивал на землю, она, крутанувшись, выхватила свой меч и с размаха рубанула его по левой щеке.

Не задерживаясь, она нырнула под брюхо другого коня, парировав выпад всадника, вынырнула с другой стороны и дважды рубанула его по ноге, затем развернулась как раз вовремя, чтобы вогнать клинок в грудь еще одного коня, пытавшегося впечатать ее в бок первого. Кэлен едва успела выдернуть меч, как огромный жеребец рухнул на землю. Нога всадника оказалась зажатой телом павшей лошади, и имперец не мог защищаться. Кэлен не преминула воспользоваться моментом.

На некоторое время пространство вокруг оказалось свободным, и Кэлен смогла оглянуться на палатку — около нее стоял на коленях генерал Мейфферт, он отчаянно пытался разорвать холстину и веревки. Мимо пролетели очередные имперские кавалеристы, грозя затоптать все еще не выпутавшихся из палатки Верну, Эди и Кару. Что ж, по крайней мере горящий кусок ткани уже оторвался.

Кэлен принялась помогать генералу резать и рвать холст. Наконец им удалось распороть толстую ткань, высвободив Верну с Эди. Обеих женщин замотало вместе, чуть ли не в объятиях друг друга. У Эди голова была в крови, но она оттолкнула заботливую руку Кэлен. Высвобожденная из кокона Верна, пошатываясь, встала на ноги.

Кэлен помогла Эди встать. Ссадина над бровью старой колдуньи вроде бы опасности не представляла. Генерал Мейфферт продолжал отчаянно рвать ткань палатки. Где-то там, внутри, все еще оставалась Кара, но ее больше не было слышно.

Кэлен схватила Верну за руку.

— Я думала, это ложная тревога!

— Так и было! — заявила Верна. — Совершенно очевидно, что они нас обманули!

Вокруг них солдаты отчаянно дрались с кавалеристами Ордена. С яростными воплями д'харианцы кидались в драку. Крики боли мешались с отрывистыми выкриками команд. Всадники выстраивались для атаки.

Имперцы поджигали фургоны, палатки и припасы, топтали палатки с людьми. Они держались по двое, отсекали солдат от группы, рубили и устремлялись к следующей жертве.

Они явно переняли тактику самих д'харианцев. Делали то, чему их обучила Кэлен.

Какой-то имперец с воинственным криком кинулся к ней, размахивая палицей с окровавленными шипами. Кэлен молниеносным ударом смахнула ему руку. Имперец застыл, изумленно вытаращившись на нее. Кэлен мгновенно вогнала клинок ему в живот и провернула. И тут же потеряла к нему интерес. Имперец рухнул в огонь. Его вопли растворились в общем крике.

Кэлен снова опустилась на колени, чтобы помочь Мейфферту высвободить Кару. Он наконец нашел ее к куче холста и веревок. Время от времени один из них отвлекался, чтобы отбить очередное нападение. Кэлен видела торчащие из-под холстины красные сапоги Кары, но ноги ее не шевелились.

Ткань палатки туго спеленала Кару. Совместными усилиями Кэлен с генералом сумели наконец высвободить Кару. Приподняв голову, морд-сит застонала. Она была оглушена и никак не могла очухаться. Кэлен обнаружила у нее на голове шишку, но крови не было.

Кара попыталась сесть. Кэлен заставила ее лечь обратно.

— Не двигайся. Полежи немного.

Кэлен огляделась по сторонам и увидела, как стоящая поблизости Верна убивает имперцев, либо волшебным огнем выбивая из седла, либо сотканными из воздуха лезвиями разрезая пополам. Поскольку противник магов с собой в набег не взял, то защищать их было некому, а броня от магии не защита.

Окликнув Верну, Кэлен позвала ее на помощь. Схватив аббатису за плечо, Кэлен пригнула ее поближе и заговорила на ухо, чтобы ее было слышно за шумом битвы.

— Посмотри, как она. Помоги ей.

Верна, кивнув, занялась Карой, а Кэлен с генералом встали, приготовившись отбить очередную кавалерийскую атаку. Подлетел, размахивая копьем, имперец, Мейфферт уклонился от удара, затем подскочил к лошади, ухватился за луку седла и вогнал меч всаднику в живот. Генерал выдернул меч, сгреб имперца за волосы и выкинул из седла. Умирающий имперец свалился на землю, а генерал вскочил в седло вместо него. Кэлен схватила копье убитого кавалериста.

Здоровенный д'харианский генерал развернул коня, преграждая путь вражеским всадникам и закрывая собой Верну и Кару. Кэлен убрала меч и взяла копье на изготовку. Копье — куда более эффективное оружие против боевых коней. Лошади — даже хорошо обученные боевые кони — не больно-то любят получать копьем в грудь. Многие считают коней всего лишь глупой скотиной, но лошади достаточно сообразительны, чтобы понять, что им вовсе не хочется кидаться на острые копья, и реагируют соответственно.

Кони вставали на дыбы и отступали, когда Кэлен тыкала в них острием копья, всадники зачастую не могли удержаться в седле. Многие калечились при падении, остальных кромсали на куски разъяренные д'харианцы.

Сидя на имперском боевом жеребце генерал Мейфферт приказал занять линию обороны. Расставив солдат по местам, он помчался вперед, выкрикивая на ходу приказы. Он не сказал своим людям, кого им следует защищать, дабы не выдать противнику Кэлен, но те быстро поняли, что от них требуется. Д'харианцы похватали вражеские копья или подбегали со своими собственными пиками, и вскоре выстроилась ощетинившаяся копьями и пиками стена — смертельно опасное препятствие для приближавшейся кавалерии.

Кэлен, выкрикивая приказы солдатам, стоящим с другой стороны, присоединилась к рядам защитников, приказав занять по-

зицию, чтобы блокировать примерно двести имперских кавалеристов, пытавшихся прорваться и уйти. Хоть враг и пытался повторить налеты, предпринятые д'харианской кавалерией на лагерь Имперского Ордена, но Кэлен вовсе не собиралась дать им возможность удачно провернуть это дело. Она твердо вознамерилась сорвать им удовольствие.

Вражеские кони встали на дыбы, напоровшись на линию копий. Возникшие за спиной имперцев солдаты обрушили на них град стрел. Д'харианцы стаскивали загнанных в ловушку всадников с коней и безжалостно рубили.

— Чтобы ни один не ушел из лагеря живым! — заорала Кэлен. — Никакой пощады!

— Никакой пощады! — заревели в ответ д'харианцы.

Противник, столь самоуверенно и нагло налетевший на лагерь, теперь представлял собой жалкую кучку охваченных паникой людей, которых рубили разъяренные д'харианцы.

Теперь, когда оборонительная линия была выстроена и солдаты с копьями и пиками зажали имперцев в тиски, Кэлен оставила их и помчалась назад сквозь огонь и дым к Верне, Каре и Эди. Ей приходилось перепрыгивать через раненых, как своих, так и врагов. Поверженные враги, те, у кого еще оставался боевой запал, хватали ее за лодыжки. Пришлось нескольких зарубить. Внезапно возникавших на пути недобитых имперцев она прикончила не останавливаясь.

Враги знали, кто она такая. Джегань видел ее, и наверняка описал своим людям Мать-Исповедницу. Кэлен нисколько не сомневалась, что за ее голову назначена немалая награда.

Казалось, имперцы снуют по всему лагерю. Она сомневалась, что среди атакующих есть пехотинцы. Скорее всего это потерявшие своих коней кавалеристы. Лошадь зачастую куда более легкая мишень для стрел и пик, чем человек. В надвигающейся темноте было трудно отличить вражеских солдат. Они вполне могли рыскать по лагерю в поисках ценной добычи — вроде офицеров или даже самой Матери-Исповедницы.

Когда тайно снующие имперцы замечали пробиравшуюся среди хаоса Кэлен, они выскакивали из укрытий и сломя голову неслись за ней. На других она налетела сама, застав врасплох. Памятуя не только уроки отца, но и предупреждения Ричарда, Кэлен безжалостно рубила их, не давая ни роздыха, ни шанса.

Полученные от отца уроки оказались отличной базой для эзотерических тактических принципов боя, которым обучил ее

Ричард, когда Кэлен выздоравливала в горах Хартленда. Тогда его способ ведения боя казался ей очень странным, сейчас же — вполне естественным. Как легкая лошадь маневренней тяжелого боевого коня, так и легкий вес стал для Кэлен преимуществом. Ей не нужна была масса, потому что она попросту не рубилась в традиционной манере, как они ожидали. Она, как колибри, порхала вне пределов досягаемости, проскальзывая между их могучими выпадами и убивая врага быстро и наверняка.

Такая манера боя не очень совпадала с тем, чему учил ее отец, но отлично ей подходила. Ричард обучил ее не мечом, а ивовым прутиком, ехидной улыбкой и опасным блеском своих серых глаз. И теперь привязанный за спиной меч Ричарда был вечным напоминанием об этих веселых уроках, которые были не только постоянными, но и смертельно серьезными.

Кэлен наконец добралась до того места, где Верна склонилась над Карой. Генерала поблизости не было. Кэлен схватила Верну за рукав.

— Ну как она?

— Ее вырвало, и вроде бы стало легче. Скорее всего какое-то время у нее будет кружиться голова, но в остальном, по-моему, все в порядке.

— У нее крепкий череп, — заметила Эди. — Он не треснул, но ей надо некоторое время полежать. По крайне мере пока голова не перестанет кружиться.

Руки Кары задвигались, словно она никак не могла нащупать твердую почву. Несмотря на столь плачевное состояние, она отчаянно ругалась, отпихивала аббатису и норовила сесть. Кэлен, присев на корточки, прижала Кару к земле.

— Кара, я здесь. Я в порядке. Полежи спокойно несколько минут.

— Я хочу наподдать им!

— Позже. Не волнуйся, у тебя еще будет шанс. — Кэлен заметила, что со лба Эди стерли кровь. — Эди, как ты? Как твоя голова?

— Ба! — отмахнулась старая колдунья. — Я в порядке. Мой череп крепче, чем у Кары.

Солдаты образовали вокруг них прочную защитную стену. Верна с Эди и Кэлен, сидящая на корточках подле Кары, посматривали по сторонам, но, похоже, бой в непосредственной близо-

сти от них закончился. Хотя кое-где стычки и продолжались, женщины были пока что в относительной безопасности за плотной стеной д'харианцев.

Наконец вернулся генерал Мейфферт. Он проскакал сквозь строй расступившихся солдат, спрыгнул с трофейного боевого коня, который тут же, возмущенно заржав, умчался прочь. Молодой д'харианский генерал присел возле Кары. Тяжело дыша, он заговорил:

— Я проверял передовые позиции. Это рейд, вроде тех, что мы сами предпринимали против них. Углядев Мать-Исповедницу, они направили всех своих на этот участок, так что основной урон именно здесь.

— Почему мы об этом не знали? — спросила Кэлен. — Что не так с сигналами тревоги?

— Точно не скажу, — покачал головой Мейфферт, все еще пытаясь отдышаться. — Зедд считает, что они вычислили наши коды: когда наши затрубили тревогу, имперцы, применив Магию Ущерба, нейтрализовали звук, с помощью которого наши волшебники определяют подлинность сигнала.

Кэлен вздохнула. Наконец-то все встало на свои места.

— Вот почему было так много ложных тревог. Они дурили нам голову, чтобы мы привыкли и перестали реагировать. А когда они действительно пошли в атаку, мы и внимания не обратили, посчитав сигналы очередной ложной тревогой.

— Думаю, вы правы. — Генерал с досадой сжал кулак. Поглядев вниз, он увидел, что Кара грозно смотрит на него. — Кара. Ты в порядке? Я так... То есть мы думали, что ты сильно пострадала.

— Нет, — ответила она, одарив ледяным взглядом Верну с Кэлен, которые прижимали ее плечи к земле. — Я просто подумала, что ты и сам справишься, и решила немного вздремнуть.

Генерал Мейфферт улыбнулся ей, но, сразу помрачнев, повернулся к Кэлен.

— Дело принимает скверный оборот. Эта кавалерийская атака — лишь отвлекающий маневр. Не сомневаюсь, они надеялись, если получится, покончить с вами, но вообще-то их целью было заставить нас подумать, что это всего лишь рейд.

Кэлен похолодела.

— Они идут, верно?

Генерал кивнул.

— Всей силой. Они еще довольно далеко, но вы правы: они идут. А этот набег затеян для того, чтобы посеять неразбериху и отвлечь нас.

Кэлен тупо смотрела на него. Никогда прежде Орден не нападал на закате. От перспективы битвы с сотнями и сотнями тысяч выкатывающихся из темноты имперцев кровь стыла в жилах.

— Они изменили тактику, — прошептала Кэлен. — Он быстро учится. Я думала, что обманула его, но это меня обвели вокруг пальца.

— Что ты там бормочешь? — поинтересовалась Кара, сложив руки на животе.

— Джегань. Он рассчитывал на то, что я не попадусь на удочку с теми ходящими кругами имперцами. Он хотел, чтобы я подумала, будто обхитрила его. Он сделал из меня дуру.

— Что?.. — недоуменно переспросила Кара.

Кэлен стало дурно от сделанного открытия. Она прижала ладонь ко лбу, когда поняла чудовищную правду.

— Джегань хотел, чтобы я считала, что разгадала его замысел, чтобы мы сделали вид, будто купились на это и отослали наши войска. Он скорее всего догадался, что наши войска не последуют за ходящими по кругу имперцами, а займут позиции из расчета его реального плана наступления. Но и на это ему было наплевать. Все это время он планировал сменить тактику. Он лишь дожидался, чтобы часть наших войск ушла из лагеря, чтобы атаковать прежде, чем они доберутся до места, когда наша численность здесь, в лагере, уменьшилась.

— Ты хочешь сказать, что пока ты болтала с ним, прикидываясь, будто поверила в то, что он передвигает войска на север, он знал, что ты придуриваешься? — уточнила Кара.

— Боюсь, что так. Он меня обдурил.

— Может, да, а может, нет, — проговорил генерал Мейфферт. — Пока что он еще успеха не добился. Мы вовсе не должны идти у него на поводу. Мы можем передислоцироваться прежде, чем он до нас доберется.

— А мы не можем вернуть ушедшие части? — спросила Верна. — Они бы нам сейчас пригодились.

— Они уже давно ушли к месту дислокации, — ответил Мейфферт. — И никак не успеют вернуться вовремя нам на помощь.

Кэлен, вместо того чтобы посыпать себе голову пеплом и винить себя, предпочла заняться насущными проблемами.

— Нам нужно поторапливаться.

— Можно вернуться к прежнему плану, — кивнул генерал. — Прорваться группами и уйти в горы. — Он взъерошил пятерней светлые волосы. Этот досадливый жест неожиданно напомнил Кэлен Ричарда. — Но в этом случае нам придется бросить большую часть продовольствия. А зимой без еды многие из наших долго не протянут. А погибнуть в бою или умереть от голода и холода — разница невелика. Так или иначе ты покойник.

— Да, без продовольствия мы станем легкой добычей, — согласилась Кэлен. — Это вариант на самый крайний случай. Может быть, так придется поступить позже, но не сейчас. Сейчас нам нужно держать армию единым ядром, если мы хотим пережить зиму. И если хотим и дальше отвлекать Орден на себя и сдерживать его продвижение в глубь Срединных Земель.

— Мы не можем позволить им свободно войти ни в один город. Иначе это будет не только кровавая баня, но — если они займут какой-нибудь ключевой город — мы столкнемся с практически невыполнимой задачей выбить их оттуда, — покачал головой генерал. — И это может положить конец всем нашим надеждам отбросить их назад в Древний мир.

— А как насчет той долины, о которой мы говорили? — указала через плечо Кэлен. — Ведь перевал там настолько узок, что его запросто могут удержать два человека и собака.

— Именно об этом я и думал, — ответил д'харианец. — Там и армия наша будет единым целым, и Ордену будет занятие — пытаться выкурить нас оттуда, вместо того чтобы двинуться к какому-нибудь из наших городов. Если же они попытаются пройти в обход нас в Срединные Земли, то на севере из долины есть пути попроще, откуда мы сможем нанести им удар. Нам идет подкрепление, а при необходимости мы можем запросить еще. Нам необходимо до их подхода держаться всем вместе и не давать Ордену скучать.

— Тогда чего мы ждем? — воскликнула Верна. — Пора двигаться!

Генерал озабоченно поглядел на нее.

— Трудность в том, что если мы хотим убраться в долину прежде, чем Орден до нас доберется, то там потребуется больше времени, чем у нас есть. Перевал слишком узок для фургонов. Лошади там пройдут, а фургоны — нет. Их придется разбирать. Большая часть нашего транспорта разборная. Те же, что не разбираются, придется бросить. Мы сможем вскоре двинуться, но

нам потребуется время, чтобы протащить людей и все остальное по узкому перевалу. Особенно в темноте.

— Дорогу можно освещать факелами, — сказала Эди. — Цепочке солдат достаточно будет следовать за первым, который с факелом, и даже если освещение будет довольно паршивым, они все равно смогут пройти.

Кэлен вспомнила отпечаток, сделанный светящейся пылью.

— Маги могут проложить светящийся след, по которому пройдут солдаты.

— Было бы неплохо, — согласился генерал. — Но все же остается основная проблема. Пока наши люди будут перетаскивать все наше продовольствие и снаряжение, а потом ждать своей очереди, чтобы пройти по перевалу, Орден уже будет здесь. И мы ввяжемся в ближний бой, когда придется одновременно отбиваться и пытаться уйти. При отходе основная задача — передвигаться быстрее противника или хотя бы держать его на расстоянии. На перевале такой возможности нет.

— Мы и раньше их опережали, — сказала Верна. — Это ведь не первое их наступление.

— Вы правы. Мы можем попытаться отступить вон в ту долину, — он указал налево, — но в темноте, и под натиском Ордена, по-моему, это будет ошибкой. На сей раз темнота нам не союзник. Они будут продолжать наступление. Днем мы могли бы выстроить оборону и удерживать имперцев на расстоянии. Но не ночью.

— У нас тут уже выстроена оборона, — заметила Кара. — Мы можем остаться тут и дать им бой.

Генерал Мейфферт задумался.

— Эта мысль первой пришла мне в голову, Кара, и по-прежнему такой вариант возможен, но меня не устраивают наши шансы при прямом столкновении в таких условиях: под покровом темноты они могут подвести на близкое расстояние большие силы. Мы не сможем как следует разглядеть ни их численность, ни передвижение и не сможем правильно расположить наши войска. И в темноте не можем на полную катушку использовать наших лучников. Дело в численности: у них ресурсы практически неисчерпаемы, наши же ограничены. И магов у нас недостаточно, чтобы прикрыть всех. А на войне всегда бьют тех, кто не прикрыт. Противник сможет пролезть в зазор, зайти в темноте нам в тыл, причем незаметно, и тогда нам конец.

Все замолчали, осознав до конца всю сложность проблемы.

— Согласна, — проговорила наконец Кэлен. — Перевал — единственный способ не проиграть сегодняшнее сражение. И не потерять большую часть наших людей. Рисковать, не имея практически никаких шансов устоять и выиграть бой, попросту глупо.

Генерал пристально посмотрел на нее.

— Вопрос только, как пройти перевал до того, как они разнесут нас в клочья.

Кэлен повернулась к Верне.

— Необходимо, чтобы вы задержали противника, это даст нам время перевести армию через перевал.

— Что ты хочешь, чтобы я сделала?

— Используй твое особое стекло.

— Ее что? — скривился генерал.

— Волшебное оружие, — ответила Кара. — Чтобы ослепить противника.

— Но я не готова! — запаниковала Верна. — У нас его совсем немного. Я не готова!

— Что говорят разведчики? Сколько у нас времени в запасе? — обратилась Кэлен к генералу.

— Орден будет здесь уже через час, максимум — через два. Если мы не сумеем замедлить их продвижение, то никогда не доберемся до той долины со всем войском, снаряжением и продовольствием. Если мы не найдем способа задержать их, нам остается лишь удирать в горы либо оставаться тут и принимать бой. Ни один из двух последних вариантов я бы не выбрал, разве что от полного отчаяния.

— Если мы побежим в горы, — сказала Эди, — то тогда мы все равно что покойники. Единой силой мы и живы, и угроза противнику. Если же разбежимся в разные стороны, Орден воспользуется этой возможностью, чтобы захватить города. Если у нас выбор либо разбежаться, либо принять бой, то выбирать не приходится — остаемся и принимаем бой. Лучше попробовать отбиться, чем помирать по одному в горах.

Кэлен нахмурилась, стараясь собраться с мыслями. Итак: Джеганъ сменил тактику и старается навязать им ночной бой. Прежде он никогда этого не делал, а потому это дорого бы ему обошлось, но, учитывая численность орды, ему, судя по всему, на потери наплевать. Для Джеганя человеческая жизнь ничто.

— Если нам придется вступить здесь и сейчас в открытый бой, твердо сказала Кэлен, — то к рассвету мы, вероятнее всего, проиграем войну.

— Согласен, — ответил генерал. — Насколько я понимаю, выбора у нас нет. Нам нужно действовать быстро и провести через перевал как можно больше людей. Мы, безусловно, потеряем всех, кто не успеет пройти через перевал до подхода Ордена, но все же сумеем сохранить хоть кого-то.

Все четверо некоторое время молчали, размышляя о предстоящем и о тех, кто обречен остаться здесь и погибнуть. А вокруг них все было в движении. Повсюду сновали солдаты; они гасили костры, собирали разбежавшихся с перепугу лошадей, перевязывали раненых и добивали оставшихся налетчиков. Имперцы сильно уступали в численности. Но это ненадолго.

Мысли Кэлен неслись галопом. Она все никак не могла успокоиться, что так легко дала себя обдурить. Тут она вспомнила слова Ричарда: думай о решении, не о проблеме. Сейчас важно одно — найти решение.

Кэлен снова посмотрела на Верну:

— У нас есть час до того, как они на нас обрушатся. Ты должна попробовать, Верна. Как считаешь, успеешь до их подхода наделать еще этого особого стекла, а потом распылить его?

— Сделаю, что смогу. Даю слово. Жаль, что не могу пообещать ничего иного. — Верна вскочила. — Конечно, мне понадобятся сестры, что лечат сейчас раненых. А как насчет тех, что находятся на передовой? Те, что нейтрализуют магию врага? Могу я забрать кого-нибудь из них?

— Забирай всех, — отрезала Кэлен. — Если это не сработает, то все остальное не имеет смысла.

— Ну, тогда я заберу всех. До единой. Это наш единственный шанс.

— Приступай, — сказала Эди. — Отправляйся поближе к передовой, с той стороны долины, что по ветру. Я же начну собирать сестер и отправлять тебе на помощь.

— Нам понадобится стекло, — обратилась Верна к генералу. — Любое. Как минимум несколько полных бочек.

— Первую бочку я пришлю прямо сейчас. Можем ли мы хотя бы помочь вам его крошить?

— Нет. Не важно, если то, что вы набросаете в бочки, побьется, но все остальное должны делать волшебники. Просто

пришлите нам все стекло, что найдется, и это все, что от вас требуется.

Генерал пообещал все сделать. Приподняв подол, Верна понеслась выполнять задание. Эди почти наступала ей на пятки.

— Я прикажу людям выступать, — сказал генерал Кэлен, поднимаясь на ноги. — Разведчики пометят путь и тогда мы сможем в первую очередь отправить самое тяжелое снаряжение.

Если все получится, то они ускользнут из лап Джеганя.

Кэлен отлично понимала: если у Верны ничего не выйдет, то к утру они все могут погибнуть и проиграть окончательно и бесповоротно всю войну. Генерал Мейфферт на мгновение задержался, давая ей последнюю возможность передумать.

— Приступайте, — приказала она ему. — Кара, у нас есть работа.

Глава 38

Кэлен резко остановила коня. Она чувствовала, как кровь прилила к лицу.

— Ты что делаешь? — спросила Кара, когда Кэлен спрыгнула на землю.

Луна освещала плывущие по небу свинцовые облака, и все вокруг обрело некую таинственность. Снег ярко сиял в свете луны.

Кэлен указала на маленькую фигурку, едва различимую в сером сумраке. Тощенькая девчушка, едва ли старше десяти лет, стояла у бочки и толкла металлическим штырем стекло. Не успела Кара спешиться, как Кэлен сунула ей поводья.

Кэлен решительным шагом двинулась к работающим сестрам. Выстроившись в линию спиной к ветру, более сотни женщин трудились вовсю, полностью сосредоточившись на своей работе. Многие прикрывали плащами не только себя, но и бочки.

Неподалеку от этой линии Кэлен наклонилась, схватила аббатису под руку и подняла на ноги. Памятуя о серьезности ведущейся здесь работы, Кэлен постаралась говорить хотя бы тихо, пусть и не очень доброжелательно.

— Верна, что тут делает Холли?

Верна посмотрела поверх голов сестер, стоящих на коленях перед широкой доской. Они крошили стекло пестиками в ступках.

Поскольку пестиков и ступок не хватало, многие пользовались камнями. Несчастный случай с одной из сестер произошел, когда направление ветра изменилось и стеклянная пыль полетела ей в лицо. Такое запросто могло повториться в любой момент, хотя с приходом ночи ветер успокоился.

Холли завернулась в плащ, который был ей явно велик. Она равномерно поднимала и опускала штырь в бочку, поставленную подальше от занимавшихся опасным делом сестер. Кэлен увидела, что штырь слегка светится зеленоватым светом.

— Помогает, Мать-Исповедница.

— Она ребенок!

— Как и Хелен с Валери, — указала Верна во тьму, где Кэлен уже ничего не могла разглядеть.

Сдавив пальцами переносицу, Кэлен медленно вдохнула и выдохнула.

— Какая муха тебя укусила, что ты притащила на передовую детей, чтобы помогать... слепить людей?

Верна глянула на трудившихся поблизости женщин. Взяв Кэлен за локоть, она отвела ее в сторонку. И тут, где их услышать уже не могли, она сложила руки на груди и сурово посмотрела на Мать-Исповедницу.

— Кэлен, возможно, Холли и ребенок, но она — ребенок с волшебным даром. К тому же далеко не дурочка. Это же относится и к Хелен с Валери. За свою жизнь Холли повидала многое, что ребенку видеть не должно. Она знает, что сегодня происходит, об атаке и о готовящемся нападении. Она была в ужасе. Все дети были в ужасе.

— И поэтому ты приволокла ее на передовую? Где опасность еще больше?

— А что ты от меня хочешь? Отправить ее назад под присмотр солдат? Желаешь, чтобы я оставила ее в одиночестве в такое время, чтобы она могла лишь дрожать от страха?

— Но это же...

— Она — колдунья. Как бы ужасно это ни выглядело, так для нее лучше — и для других тоже. Она тут с сестрами, которые понимают ее саму и ее способности — другие люди этого понять не могут. Разве ты не помнишь, как уютно чувствовала себя с другими, старшими Исповедницами, понимавшими твои чувства и ощущения?

Кэлен отлично это помнила, но ничего не сказала.

— Теперь сестры — единственная семья, которая есть у нее и других послушниц. Холли не одинока. Возможно, она все еще

боится, но она помогает нам, и ее страх направлен на что-то, что поможет победить источник ее страха.

Взгляд Кэлен по-прежнему метал молнии.

— Верна, она ребенок.

— А тебе пришлось сегодня убить ребенка. Я все понимаю. Но не позволяй этому страшному событию усложнять жизнь Холли. Да, она помогает делать жуткую вещь, но такова реальная ситуация. Она может сегодня погибнуть, как и все мы. Ты можешь себе представить, что эти твари сперва с ней сотворят? Она хотя бы этого по молодости даже представить себе не может. Впрочем, и то, что доступно ее пониманию, — достаточно устрашающе. Захоти она спрятаться где-нибудь, я бы ей позволила. Но у нее есть право, если она так хочет, внести посильный вклад в собственное спасение. Она колдунья и может использовать свой дар, чтобы делать самое простое из того, что необходимо сделать. Она умоляла меня дать ей возможность помочь.

Кэлен стиснула у горла воротник волчьего тулупа и оглянулась на маленькую девочку, которая тощими ручонками — снова и снова — поднимала и опускала тяжелый стальной штырь, круша стекло на дне бочки. Личико Холли осунулось от усилий, настолько она сосредоточилась на использовании своего волшебного дара, одновременно орудуя тяжелым штырем.

— Добрые духи, — прошептала Кэлен себе под нос. — Это сущее безумие!

Кара нетерпеливо переступила с ноги на ногу. Дело не в безразличии морд-сит к ситуации, просто это вопрос приоритетов. Безумие это или нет, но времени практически не осталось, и, как сказала Верна, все они могут не дожить до рассвета. Как бы ни жестоко это звучало, есть вещи поважней, чем жизнь одного ребенка или трех, раз уж на то пошло.

— Как продвигается дело? Все будет готово вовремя?

— Не знаю. — Верна неуверенно указала на темную долину. — Ветер дует в нужном направлении, но долина очень широкая. Пыльцу-то мы приготовим, но дело в том, что ее должно быть достаточно, чтобы при приближении противника мы смогли распылить ее так, чтобы она перекрыла все поле битвы.

— Но какое-то количество у вас ведь есть. Наверняка ее хватит, чтобы нанести врагам существенный урон.

— Если ее будет недостаточно, они просто обойдут ее или ее концентрация в воздухе окажется недостаточной, чтобы нанести значительный урон и вынудить их остановиться. Из-за не-

большого количества пострадавших они наступления не остановят. — Верна стукнула кулаком по ладони. — Если бы Создатель замедлил их продвижение хотя бы еще всего лишь на час, тогда мы смогли бы успеть сделать нужное количество.

Кэлен провела ладонью по лицу. Верна просила слишком многого, но, учитывая темноту, вполне возможно, что Орден все-таки замедлит продвижение и Верна с сестрами получат нужное время.

— Ты уверена, что мы ничем не можем помочь? Только маги могут тебе помогать?

На лице Верны снова появилось властное выражение.

— Ну, вообще-то есть одна вещь.

— И что же это?

— Оставь меня в покое, чтобы я могла спокойно работать.

Кэлен вздохнула:

— Только пообещай мне кое-что, Верна. Когда начнется атака и придет время использовать твое особое стекло, убери сперва отсюда детей, ладно? Отошли их назад, откуда их заберут и переведут через перевал, в безопасное место.

Верна облегченно улыбнулась.

— Мы мыслим одинаково, Мать-Исповедница.

Верна заторопилась назад к своей работе, а Кэлен с Карой пошли вдоль ряда сестер туда, где Холли подготавливала стекло для этих колдуний. Кэлен все же не удержалась и остановилась, чтобы переговорить с девочкой.

— Как дела, Холли?

Девочка прислонила штырь к бочке. Кара, не испытывающая ни малейшей любви к магии, с подозрением, хмуро посмотрела на слегка мерцающий металл. Когда Холли отняла руку от штыря, зеленоватое мерцание исчезло, словно повернули волшебный выключатель.

— Все хорошо, Мать-Исповедница. Разве что замерзла. Мне жутко надоело все время мерзнуть.

Ласково улыбнувшись, Кэлен погладила девочку по густым волосам.

— Как и всем нам. — Она присела на корточки. — Когда мы переберемся в другую долину, ты сможешь согреться у теплого костра.

— Это было бы здорово! — Холли исподтишка глянула на стальной штырь. — Мне нужно возвращаться к работе, Мать-Исповедница.

Кэлен прижала девочку к себе и поцеловала в замерзшую щечку. Чуть поколебавшись, Холли худенькими ручками отчаянно обвила шею Кэлен.

— Мне так страшно! — прошептала девчушка.

— Мне тоже, — прошептала Кэлен в ответ, крепко обняв малышку. — Мне тоже.

— Правда? — чуть отстранилась Холли. — Вы тоже боитесь, что эти страшные люди убьют нас всех?

Кэлен кивнула.

— Мне страшно, но я знаю, что с нами много хороших людей, которые защитят нас. Как и ты, они трудятся изо всех сил, чтобы в один прекрасный день все мы оказались в безопасности и нам больше никогда не пришлось бояться.

Девочка спрятала руки под плащ, чтобы согреть их и опустила взгляд.

— И по Энн я тоже скучаю. — Она снова подняла глаза. — С Энн все в порядке?

Кэлен искала слова утешения.

— Я видела Энн совсем недавно, и с ней все было хорошо. Не думаю, что тебе стоит за нее беспокоиться.

— Она спасла меня. Я люблю ее и так по ней скучаю! Она скоро к нам присоединится?

— Не знаю, Холли. — Кэлен взяла в ладони личико девочки. — У нее было важное дело. Впрочем, я совершенно уверена, что мы снова ее увидим.

Обрадованная новостями и явно довольная, что не одна она боится, Холли вернулась в работе.

Добравшись до своих коней, Кэлен с Карой услышали стук копыт. Кэлен, еще не успев толком разглядеть всадника, узнала черные полосы на крупе. Заметив, что она машет рукой, Зедд развернул Паучиху к Кэлен. Подскакав, он соскользнул с незаседланной спины кобылы.

— Они идут, — без всякого вступления сообщил старый волшебник.

Подбежала Верна, видевшая, как прискакал Зедд.

— Слишком рано! Они не должны были появиться так рано!

Зедд изумленно вытаращился на нее.

— Елки-моталки, женщина, мне что, пойти сказать им, что очень невежливо с их стороны атаковать прямо сейчас и не будут ли они столь любезны прийти нас убить позже?

— Ты отлично меня понял! — окрысилась она. — У нас еще недостаточно стекла!

— Как скоро они сюда доберутся? — спросила Кэлен.

— Через десять минут.

Лишь этот жалкий клочок времени отделял их от катастрофы. Кэлен показалось, что сердце выпрыгнет из груди, вызывая нежеланные воспоминания о том, как ее забили чуть ли не до смерти. Верна сплюнула, не в силах выразить словами досаду, злость и страх.

— Хоть сколько-нибудь у тебя готово? — поинтересовался Зедд так спокойно, будто спрашивал, что сегодня на ужин.

— Ну конечно! — ответила Верна. — Но раз они припожалуют сюда так быстро, мы никак не успеем сделать нужное количество. Благой Создатель, у нас и близко нет того количества, что нужно, чтобы распылить по всему фронту. А слишком мало — это все равно что ничего.

— Ну, выбора у нас теперь нет. — Зедд устремил взгляд во тьму, возможно, видя то, что лишь волшебник может увидеть. Он заговорил отстраненным тоном человека, уже перешагнувшего порог всяческих эмоций и знающего, что пришел конец его надеждам, а возможно, и вере. — Начинайте распылять то, что есть. Нам остается лишь надеяться на лучшее. Я привел с собой гонцов. Отправлю сообщения о сложившейся ситуации генералу Мейфферту. Он должен знать, что происходит.

Звучащая в тоне Зедда безнадежность высвечивала предстоящую им судьбу в самом пугающем свете. Зедд всегда вселял в них надежду на лучшее, смелость, убежденность и уверенность в себе. Взяв удила в одну руку, он схватился второй за гриву Паучихи.

— Погоди! — воскликнула Кэлен.

Он замер и обернулся к ней. В глазах его была только неизбывная усталость. Кэлен и представить себе не могла все сражения, что ему довелось выдержать за всю его жизнь — или даже только за последние недели. В голове Кэлен проносились мириады мыслей, пока она судорожно пыталась найти хоть какой-то способ избежать страшной участи.

Кэлен не могла подвести Зедда. Он так часто вытаскивал их из беды. А теперь ему нужно чье-то плечо, чтобы помочь нести груз. Одарив его взглядом, исполненным яростной решимости, она повернулась к аббатисе.

— Верна, а что если нам не распылять пыльцу, как мы планировали? Что, если не пускать ее на волю ветра, надеясь, что он отнесет ее туда, куда нужно?

— Ты о чем? — недоуменно развела руками Верна.

— Тебе необходимо больше стекла лишь потому, что распыленной пыльце нужно распространиться по всей долине, и при этом в воздухе должно остаться висеть достаточное количество, так?

— Ну... Да, конечно, но...

— А что, если мы распылим пыльцу прямо вдоль линии фронта? — спросила Кэлен. — Прямо там, где нужно? Тогда ее понадобиться меньше, так ведь?

— Ну, наверное. Но я же сказала, — всплеснула руками Верна, — что мы не можем прибегнуть к магии, потому что они распознают наши заклинания и выставят щиты против стекла с такой же скоростью, как мы его запустим. Это бесполезно. Лучше уж распылить то, что есть, и надеяться на лучшее.

Кэлен посмотрела на пустынную равнину, на лениво плывущие по небу облака, закрывающие луну. В долине смотреть было не на что. Вскоре, впрочем, будет на что. Вскоре нетронутый снег истопчут сапоги миллиона солдат.

Тишину нарушал только звон разбиваемого камнями стекла и стук стальных штырей о дно бочек. Скоро ночную тишину нарушат боевые кличи, от которых кровь стынет в жилах.

Кэлен вновь испытала тот самый леденящий страх — как в тот миг, когда поняла, что те парни в Андерите застигли ее одну. И ту же злость.

— Собери все, что вы приготовили, и дай мне, — приказала она.

Все уставились на нее.

Затем брови Зедда поползли к переносице.

— Что это ты задумала?

Кэлен отбросила с лица волосы, быстро продумывая едва наметившийся план.

— Противник атакует против ветра. Не совсем, но под вполне достаточным для наших целей углом. Я подумала, если поскачу вдоль нашей передовой линии, прямо напротив наступающих вражеских войск, на ходу распыляя пыльцу, то ее понесет за моей спиной ветром в нужном направлении, прямо противнику в лицо. Если ее распылить прямо там, где надо, то ее не потребуется столько, сколько понадобилось бы, начни мы ее распылять отсюда через всю долину. — Она обвела взглядом изумленные лица. — Понимаете, о чем я? Чем ближе к противнику, тем меньше потребуется пыльцы.

— Благой Создатель! Ты хотя бы имеешь представление, насколько это опасно? — запротестовала Верна.

— Да, — с мрачной решимостью отрезала Кэлен. — Куда менее опасно, чем прямое столкновение со всеми их силами. Ну, так сработает эта затея или нет? Понадобится ли пыльцы меньше, если я на скаку распылю ее прямо вдоль линии фронта, чем если распылять ее по воле ветра? Ну? У нас время на исходе.

— Ты права. В данном случае потребуется куда меньше. — Верна задумчиво нахмурилась. — Это куда лучше, чем тот способ, который мы планировали, это уж точно.

— Собери все, что готово, — настойчиво поторопила Кэлен. — Немедленно. Поторопись.

Верна перестала возражать и помчалась собирать готовую стеклянную пыль. Кара уже собралась было разразиться протестующей тирадой, но Зедд поднял руку, словно прося у морд-сит позволения дать высказаться ему.

— Кэлен, твой план вроде бы имеет смысл, но выполнить его может и кто-то другой. Глупо рисковать...

— Мне понадобится отвлекающий маневр, — оборвала она его. — Что-то, что отвлекло бы их внимание. Я поскачу в темноте, так что они скорее всего меня не заметят, но все же будет лучше, если что-то займет их. На всякий случай. Что-то, что вынудит их смотреть в другую сторону. Смотреть в последний раз.

— Как я сказал, кто-нибудь другой может...

— Нет, — твердо возразила Кэлен. — Я не стану никому приказывать это сделать. Это моя идея, мне ее и воплощать. Я никому не позволю занять мое место.

Кэлен считала себя виноватой в том, что все они оказались в таком дерьме. Это она повела себя как последняя дура и попалась на удочку Джеганя. Это она придумала отослать часть войск. Это она предоставила Джеганю возможность провести эту ночную атаку.

Кэлен отлично понимала, какой ужас сейчас испытывают все в ожидании нападения. Она сама его испытывала. Кэлен подумала о Холли, до полусмерти боявшейся этих злобных тварей, подступающих в темноте, чтобы убить ее. И у девчушки имелись все основания бояться.

И это она, Кэлен, проиграет нынче ночью войну, если им не удастся вовремя перевести армию через перевал.

— Я сама это сделаю, — повторила она. — Именно так оно и будет. И не стоит терять время на споры. Его у нас и так уже нет. И мне нужен отвлекающий маневр, причем немедленно.

Зедд сердито выдохнул. В его глазах вновь загорелся огонь.

— Уоррен ждет меня там, — махнул он рукой. — Мы с ним разойдемся в разные стороны и устроим для тебя этот самый отвлекающий маневр.

— Что ты намерен сделать?

Зедд наконец улыбнулся мрачно и зловеще.

— На сей раз никакого выпендрежа. Никаких хитроумных затей, которых они наверняка ждут. На этот раз мы угостим их старым добрым огнем.

Кэлен проверила крепежи своих кожаных доспехов.

— Значит, огонь волшебника, — кивнула она, подтверждая договор.

— Поглядывай направо, в нашу сторону, во время скачки. Мне совершенно не нужно, чтобы ты оказалась на пути того, что я заготовил для наших врагов. И присматривай также за тем, что их маги выдадут мне в ответ.

Кэлен кивнула в ответ, поправляя плащ. Она проверила крепления поножей, памятуя о том, как имперская солдатня хватала ее за ноги, пытаясь стащить с лошади.

Бегом вернулась Верна, неся в каждой руке по большому ведру. За ней спешили несколько сестер.

— Ладно, — выдохнула аббатиса, — двинулись!

— Я возьму... — потянулась к ведрам Кэлен.

Верна отдернула руки.

— Как ты себе мыслишь одновременно править конем и распылять эту штуку? Это перебор. К тому же ты не знаешь свойств пыльцы.

— Верна, я не позволю тебе...

— Прекрати вести себя, как упрямый ребенок. Двинулись.

Кара схватила одно ведро.

— Верна права, Мать-Исповедница. Ты не сможешь править конем, распылять стекло и при это еще держать оба ведра. Возьмешь вот то. А это возьму я.

Изящная сестра Филиппа подскочила к Каре и подняла ведро.

— Госпожа Кара права, аббатиса. Вы с Матерью-Исповедницей не сможете тащить оба ведра. Вы вдвоем возьмете одно, а мы с госпожой Карой — другое.

Спорить с тремя столь решительными особами времени не было. Кэлен знала, что никто не сможет отговорить ее от того, что она должна сделать, и эта троица, похоже, уговорам не поддастся. К тому же они были в общем-то правы.

— Ладно, — согласилась Кэлен, натягивая перчатки.

Она затянула волчий тулуп поверх шерстяного плаща. Не нужно, чтобы хоть что-то развевалось за спиной. Правда, при этом и рукоять меча оказалась закрытой, но вряд ли в данном случае меч понадобится. А если вдруг возникнет такая необходимость, то над плечом торчала рукоятка Меча Истины — вечное напоминание о Ричарде. Кэлен быстро стянула длинные волосы кожаным ремешком.

Верна подбросила в воздух снег, проверяя направление ветра. Он дул в нужном направлении, легкий, но постоянный. Хоть это работает на них.

— Вы двое поедете первыми, — приказала Кэлен Каре. — Мы с Верной подождем минут пять, чтобы то, что распылите вы, полетело в сторону противника, дабы не влететь в стеклянное облако. А затем последуем за вами через долину. Так мы наверняка перекроем возможные пропуски. Нужно гарантированно распылить стекло так, чтобы у Ордена не были ни малейшего шанса миновать его. Необходимо, чтобы паника и разброд в их рядах распространились как можно шире.

Сестра Филиппа, заметив, что делала Кэлен, тоже прочно закрепила плащ.

— Логично, — заметила она.

— Да, двойное распыление будет куда эффективней, — согласилась Верна.

— Полагаю, что спорить насчет этого безумия времени уже нет, — буркнул Зедд, хватая Паучиху за гриву и взгромоздившись ей на спину. Он сперва лег животом поперек крупа, затем перебросил ногу и сел. — Дайте мне пару минут форы, к тому же надо известить Уоррена, а потом мы с ним покажем Имперскому Ордену, что на самом деле умеют волшебники.

Он развернул лошадь и улыбнулся. Было так приятно снова видеть его улыбку.

— А после этих трудов я бы настоятельно рекомендовал подождать меня с хорошим ужином на той стороне перевала.

— Даже если мне придется самой тебе его приготовить! — пообещала Кэлен.

Старый волшебник помахал им рукой и ускакал в ночь.

Глава 39

Кэлен сунула ногу в стремя, ухватилась за луку и вскочила в седло. Холодная кожа заскрипела, когда она наклонилась, чтобы помочь Верне взобраться на коня. Как только аббатиса оказалась у нее за спиной, две сестры осторожно подали Верне тяжелое ведро. Кара с сестрой Филиппой уже сидели на лошади, готовые тронуться. Филиппа держала ведро на бедре.

— Уведите детей через перевал, — приказала Верна.

— Я об этом позабочусь, аббатиса, — склонила седую голову сестра Дульчи.

— Все стекло, которое приготовите к тому времени, как мы с Матерью-Исповедницей поскачем, пустите по воле ветра, затем уходите за наши линии, чтобы помочь солдатам, если вдруг Имперский Орден все же прорвется. Если у нас ничего не выйдет, сестры должны сделать все возможное, чтобы сдержать натиск противника, чтобы как можно больше наших людей спокойно прошли через перевал.

Сестра Дульчи снова пообещала проследить за выполнением приказов аббатисы.

Несколько минут они молча ждали, давая Зедду время передать Уоррену инструкции. Казалось, говорить было больше не о чем. Кэлен сосредоточилась на предстоящем деле, предпочитая не думать о том, что

их ждет в случае неудачи. В глубине души она сознавала, насколько несовершенен их скороспелый план.

Посчитав, что выждали достаточно, Кэлен подняла руку, подавая Каре сигнал трогаться. Они с морд-сит обменялись напоследок взглядом. Кара улыбнулась — дескать, удачи, и помчалась вперед. Сестра Филиппа крепко держалась за талию морд-сит, другой рукой прижимая к бедру ведро со стеклом.

Когда смолк в ночи топот копыт, Кэлен впервые осознала, что слышит вдалеке дружные вопли сотен тысяч глоток солдат Имперского Ордена. Несчетное количество голосов сливалось в непрерывный рев. Этот звук походил на рев ветра в скалистом ущелье. Конь под Кэлен всхрапнул, топнув по промерзшей почве. От жуткого воя имперской орды сердце Кэлен учащенно забилось. Ей хотелось убежать до того, как имперцы приблизятся, но нужно было ждать, чтобы дать время стеклянной пыли улететь по ветру.

— Жаль, что мы не можем воспользоваться магией для защиты, — спокойно проговорила Верна, словно отвечая на мысли Кэлен. — Но мы, безусловно, не можем, иначе они нас вычислят.

Кэлен кивнула, едва слыша слова аббатисы. Верна просто говорила все, что приходит в голову, лишь бы не слушать, как приближается враг.

Давным-давно позабыв о морозе, Кэлен сидела тихо, как мертвая, глядя в ночь, пытаясь прокрутить в уме все детали предстоящей задачи, стараясь сперва представить все это мысленно, чтобы ничто не могло застать ее врасплох и не пришлось в последний момент искать выход. Кровь стучала в висках. Лучше предусмотреть все, что возможно, а потом действовать.

Спокойно сидя на лошади, она заодно и подогревала свой гнев. Гнев куда полезнее в бою, чем страх.

Кэлен питала свою ярость картинками тех чудовищных вещей, что творили имперцы с жителями Срединных Земель. Она вспоминала всех виденных ею мертвецов, словно они пришли к Матери-Исповеднице требовать отмщения. Она вспоминала женщин, сражающихся над телами убитых детей, мужей, сестер, братьев, отцов и матерей. Вспоминала сильных мужчин, беспомощно оплакивающих безжалостно убитых друзей и любимых. Перед ее мысленным взором вставали все мужчины, женщины и дети, пострадавшие от рук людей, которым они не сделали ничего плохого.

Имперский Орден — банда безжалостных убийц. Нет им пощады. Да, только так.

Кэлен подумала о Ричарде. И снова повторила свою клятву убивать имперцев — всех и каждого, если придется, пока не вернет Ричарда.

— Пора, — сквозь зубы проговорила Кэлен. Даже не оглянувшись, она спросила: — Ты готова?

— Готова. Не замедляй хода ни при каких обстоятельствах, иначе мы тоже пострадаем от стекла. Наш единственный шанс — мчаться во всю прыть, чтобы ветер уносил стеклянную пыль подальше от нас. Когда мы доберемся до противоположной стороны, а я распылю все стекло, только тогда мы будем в безопасности. К этому времени Орден уже должен будет находиться в состоянии полной неразберихи, если не массовой паники.

Кэлен кивнула.

— Держись крепче. Поехали!

Конь рванул вперед слишком резко, едва не скинув Верну на землю. Аббатиса крепко ухватилась за талию Кэлен. Они неслись вперед. Пока Верна на ходу усаживалась поудобнее, ведро накренилось, но аббатиса ухитрилась выправить его. К счастью, стеклянная пыльца не просыпалась.

Конь, подчиняясь команде, мчался вперед, но нарастающий галоп ему явно не нравился. А еще ему страшно не нравился непривычный двойной вес на спине: он недовольно косил глазом на седоков и прядал ушами. Но это был хорошо обученный боевой конь и он повидал на своем веку достаточно битв, поэтому горячился; знал, что означают эти воинственные крики. А Кэлен знала, что жеребец силен и быстр. А для того, что им предстоит сделать, скорость означает жизнь.

Сердце Кэлен бешено колотилось, конь скакал во тьме долины. Теперь противник был куда ближе, чем когда тут проскакала Кара. Стук копыт немного заглушал боевые кличи вражеских солдат.

Кэлен невольно вспомнила о крушащих ее ребра кулаках и сапогах. Крики жаждущих крови солдат с жуткой остротой заставили ее ощутить свою уязвимость. Кэлен усилием воли обратила свой страх в ярость против этих наглых мерзавцев, пришедших в ее Срединные Земли и убивающих ее народ. Она хотела, чтобы каждый из этих выродков испытал страдания, чтобы они подохли все до единого.

Кэлен не могла сказать точно, как близко противник, не могла даже толком определить свое местонахождение, поскольку луна светила в спину. Кэлен волновалась, что, возможно, слишком сильно взяла влево и они могут неожиданно налететь на стену кровожадной солдатни. Однако она хотела все же держаться как можно ближе, швырнуть ослепляющий порошок прямо в лицо ненавистным тварям, чтобы он уж наверняка подействовал, — и остановить наступление. Кэлен усилием воли подавила желание повернуть коня вправо, подальше от врага.

Ночь внезапно озарилась резким желтым светом. Облака окрасились слепящим желто-оранжевым цветом. Белый снег засверкал, как на солнце. Жуткий низкий гул пробрал до мозга костей.

В сотне футов от нее и примерно в десяти футах над землей змеистая желто-синяя молния с ревом пронеслась поперек ее пути, разбрасывая в стороны огонь и волоча за собой черный шлейф дыма. Шаровая молния волшебного огня освещала землю. Хотя молния была направлена вовсе не на нее, Кэлен захотелось удрать подальше.

Она достаточно хорошо знала, что такое огонь волшебника, как он сжигает кожу, у нее были все основания бояться этого огня. Как только живой огонь коснется тебя, его невозможно ни стряхнуть, ни загасить. Даже единственная капля этого огня проест плоть до самой кости. Даже храбрецы и полные идиоты боятся огня волшебника. Мало кто выжил после столкновения с этим огнем. А для тех, кто выжил, единственной целью в жизни становилось желание отомстить.

Затем в свете волшебного огня, летевшего через долину, Кэлен увидела надвигавшуюся орду. Имперцы с воинственными воплями размахивали мечами, боевыми топорами, палицами, моргенштернами, секирами, копьями и пиками. Солдаты, грозные, свирепые и решительные, неудержимо неслись вперед, охваченные жаждой битвы.

Впервые Кэлен воочию увидела в свете луны все громадье вражеских полчищ. В докладах об этом сообщалось, но читать — это одно, а видеть своими глазами — совсем другое. Численность орды настолько превышала те армии, с какими ей приходилось доселе сталкиваться, что это с трудом укладывалось в голове. Кэлен, ахнув, вытаращилась на орду.

И тут же с тревогой сообразила, что противник куда ближе, чем она рассчитывала. Факелы которые несли с собой имперцы,

чтобы поджигать все, что горит, казались лунной дорожкой в океане. На горизонте сверкающая в лунном свете сталь вооружения сливалась в одну линию, за которой Кэлен чуть ли не ожидала увидеть паруса.

Колышущиеся первые ряды, сверкая щитами и пиками, уже вот-вот подойдут вплотную. Кэлен вонзила шпору в правый бок коня, ей захотелось забрать немного правее, чтобы увеличить расстояние до надвигавшейся человеческой стены. Затем она пришпорила жеребца, заставляя скакать быстрей.

И тут только осознала — когда мимо пролетели стрелы и пики вонзились в землю едва ли не перед самым носом, — что в свете огня волшебника противник тоже ее видит.

Светящийся шар волшебного огня, высветивший ее противнику, улетел во тьму, оставив Кэлен в темноте и освещая десятки тысяч вражеских солдат. Наконец вдали, позади передовых полчищ, огненный шар обрушился на землю посреди кавалерийских частей. Кавалерию часто держали позади, наготове, чтобы бросить в прорыв, как только пехота сомнет первые ряды д'харианцев. Далекие предсмертные крики вознеслись в ночное небо.

От поножей Кэлен отскочила стрела. Еще несколько просвистели мимо. Одна врезалась в седло прямо у нее под животом, когда она пригнулась к шее мчавшейся галопом лошади. Похоже, этим гадам достаточно даже лунного света, чтобы видеть их с Верной, проносящихся мимо.

— Почему они не ослепли? — крикнула Кэлен через плечо.

Она видела облако, висящее у них с Верной за спиной. Облако практически не отличалось от снега, взлетавшего из-под копыт лошади. Кэлен ведь видела, что Верна распыляет стекло в направлении вражеских солдат более-менее ровной струйкой. Да и Кара тут уже проскакала — а никаких признаков воздействия стекла пока не замечалось.

— Нужно немного времени, чтобы оно подействовало, — проговорила Верна Кэлен в ухо. — Пусть поморгают маленько.

Прямо у них за спиной просвистел огонь. Огненные капельки упали в снег, шипя, как дождь на горячих камнях. Всхрапнув, жеребец в панике рванул вперед. Прижавшись к шее коня, Кэлен ласково его погладила, успокаивая, напоминая, что он не один.

Проносясь мимо вражеских линий, Кэлен поглядывала на надвигавшихся солдат. И заметила, что те практически не мор-

гают. Разгоряченные предвкушением битвы, они шли, широко раскрыв глаза.

Огонь волшебника, так напугавший жеребца, взорвался где-то в рядах противника. Жидкое пламя залило множество солдат, вызвав жуткие вопли. Когда горящие солдаты падали на соседей, огонь переходил и на тех тоже. Вокруг огня образовалась свалка, линии наступавших ломались. Напиравшие сзади имперцы шли по упавшим, в свою очередь спотыкаясь и падая.

Еще один шар волшебного огня взорвался, расплескивая вокруг себя пламя, как воду из прорвавшейся плотины. Взрыв был таким мощным, что огненный вал смел солдат прочь. Река огня уносила их с собой.

Со стороны противника, впереди Кэлен, вырвался огромный сноп огня и понесся к д'харианским рядам. Мгновенно маленький шарик синего пламени вылетел слева от нее и столкнулся в воздухе с огромной огненной желтой сферой. На Кэлен обрушился огненный дождь. Охнув, Кэлен рванула поводья влево, когда здоровенный огнедышащий кусок грохнулся на землю прямо перед ними, разбрасывая во все стороны огонь.

Они еле-еле увернулись от пламени, но теперь оказались в опасной близости от вражеских позиций. Кэлен даже могла прочесть по губам имперцев грязные ругательства. Она рванула перепуганного жеребца вправо. Тот повернулся, но недостаточно, чтобы уклониться от надвигающейся линии имперцев.

На солдат сыпались и огонь, и земля. Конь несся, одурев от ужаса, слишком напуганный, чтобы слушаться команд Кэлен. Запах горелой кожи лишь подхлестывал панику. Опустив взгляд, она увидела, что кусочек огня волшебника горит на кожаном доспехе, защищающем ее бедро. Маленький, но яростный огонек колыхался на ветру. Она побоялась скинуть сверкающую каплю — огонь волшебника мог перейти на руку. Кэлен боялась думать, что произойдет, когда огонь наконец прожжет кожаный доспех. Что ж, когда это произойдет, ей придется перетерпеть боль. Выбора у нее все равно нет.

Верна не знала, что происходит. Она сидела вполоборота, продолжая распылять стекло. Кэлен видела развевающийся за ними шлейф стеклянной пыли. Длинный шлейф извивался, ветерок сносил его в сторону врага, унося за передние ряды, назад, дальше, и исчезал во тьме. Позади факелы имперцев освещали стеклянное облако, смешавшееся со снегом и взметенной с промерзшей земли пылью.

По плечу коня скользнула стрела и исчезла в темноте. Группа имперцев, завидев приближение Кэлен, сломя голову кинулась ей наперерез. Кэлен рванула удила, пытаясь заставить могучего жеребца повернуть направо. Но охваченный паникой конь несся вперед. Кэлен чувствовала полную беспомощность, отчаянно пытаясь повернуть коня. Бесполезно. Они неслись прямо на стену имперских солдат.

— Мы слишком близко! — проорала ей на ухо Верна.

Но Кэлен была слишком занята, чтобы ответить. Ее правая рука дрожала от напряжения, она со всей силы натягивала повод, пытаясь повернуть голову жеребца направо, но конь закусил удила и был куда сильней ее. По шее Кэлен струился пот. Она с силой вонзила правую шпору в бок лошади, чтобы заставить повернуть. Имперцы перед ней взяли мечи и пики на изготовку. Сражаться — это одно, а не владеть ситуацией и просто смотреть, как надвигается рок, — совсем иное.

— Кэлен! Что ты делаешь?!

Вогнав шпору прямо в брюхо возле задней правой ноги, Кэлен по-прежнему пыталась повернуть жеребца. Но этого было мало. Она не могла с ним совладать. Враг казался стремительно надвигающимся ощетинившимся дикобразом.

Буквально в трех шагах от имперцев жеребец опустил голову.

— Хороший мальчик! — заорала Кэлен.

Может, ему удастся миновать копья. Кэлен приподнялась в стременах и наклонилась вперед, выпрямив спину. И отпустила поводья. Продолжая направлять его ногами, она предоставила коню свободу маневра.

Она не знала, получится ли у них, учитывая дополнительный груз на спине коня. Ну почему эти копья не покороче! Кэлен крикнула Верне, чтобы та держалась крепче.

Внезапно перед ними возник низко летящий огонь волшебника. Солдаты, преграждавшие путь Кэлен, бросились плашмя на землю. Залегла вся линия перед ними. Огонь с воем пролетел буквально у них над головами, обрушившись на землю слева от Кэлен. Многотысячный вопль ударил по ушам.

Жеребец буквально стелился по земле. В последний момент он вздернул голову, подобрался и взметнулся вверх, оттолкнувшись могучими задними ногами. И они полетели над передней линией имперских солдат. Верна завизжала, вцепившись, как клещами, в Кэлен. Жеребец приземлился позади тех солдат, что распластались по земле. Спружинив в стременах, Кэлен смягчила

удар. Верна же этого сделать не могла. Под двойным весом конь едва не споткнулся при приземлении, но все же устоял и продолжил бег. Наконец-то на их пути не было имперских солдат.

— Да какая муха тебя укусила?! — завопила Верна. — Не делай так больше, не то я не смогу равномерно распылять стекло!

— Извини! — бросила через плечо Кэлен.

Несмотря на бьющий в лицо ледяной ветер, у нее по лбу тек пот. Имперские солдаты вроде бы остались позади. Кэлен окатила волна облегчения, когда она осознала, что они проскочили большую часть передовых линий Имперского Ордена.

Вдалеке — за ними — огненный шторм осветил ночную мглу. Зедд с Уорреном угощали имперцев старым добрым огнем волшебника, как сказал Зедд. Устрашающая демонстрация, пусть и недостаточная, чтобы остановить столь многочисленного противника, как Имперский Орден. Когда подоспевшие наконец имперские маги выставили щиты, наносимый противнику ущерб стал несколько меньше. Но оба волшебника обеспечили Кэлен необходимое прикрытие.

Подскакав ближе, Кэлен услышала улюлюканье Кары.

Завидев лошадь Кары, покрытый пеной конь быстро сбросил темп. Жеребец очень устал. Как и Кэлен. Когда они спешились возле Кары с Филиппой, Верна бросила пустое ведро на землю. Кэлен порадовалась, что темно и остальные не видят, как у нее дрожат ноги. И с облегчением увидела, что капелька волшебного огня угасла прежде, чем успела прогрызть кожаные латы.

Они вчетвером смотрели, как ночь озаряется пламенем. Большая часть огня разбивалась о щиты, но все же поражала всех, кто оказывался поблизости. Зедд с Уорреном посылали одну смертоносную огненную сферу за другой. Вопли обожженных раздавались по всей линии наступающих имперцев. Маги противника наносили ответные удары, сея смерть в рядах д'харианцев, но сестры Света тоже выставляли щиты.

И все же огромные полчища имперцев продолжали двигаться вперед. Смертоносный огонь разве что чуть замедлил их продвижение, да нарушил стройность рядов.

Постепенно маги с обеих сторон овладели ситуацией и совершенно нейтрализовали действия друг друга. Кэлен знала, что у передовых линий д'харианцев нет никакой надежды выдержать натиск имперской орды. Даже замедлить ее наступление. При свете луны она видела, как д'харианцы оставляют позиции.

— Почему эта штука не действует? — недоуменно прошептала Кэлен. Она наклонилась к Верне. — Ты уверена, что ее сделали как надо?

Наблюдавшая за быстрым натиском противника Верна, казалось, не слышала вопроса. Кэлен проверила меч. Она понимала, насколько безнадежна будет драка. Она чувствовала меч Ричарда на спине и прикидывала, не извлечь ли его, но потом решила, что все же лучше побыстрее отсюда убраться. Она подтолкнула Верну к коню.

Но прежде чем Кэлен вдела ногу в стремя, она заметила, что Орден замедляет движение. Солдаты начали спотыкаться. Одни вытягивали вперед руки. Другие падали.

— Смотри! — закричала Верна.

В ночи раздался бесконечный стон боли и отчаяния. Спотыкающиеся имперцы падали друг на друга. Кто-то рубил невидимого врага, но вместо него наносил удары своим ослепшим соратникам.

Теперь передние ряды имперцев едва ползли. Задние ряды напирали, налетая на практически остановившихся идущих впереди. Лошади, охваченные паникой, сбрасывали всадников. Перепуганные кони топтали всех, кто попадался на пути. Фургоны переворачивались. В рядах врага начался полный кавардак.

Наступление захлебнулось. Имперский Орден встал.

Подскакавшие Зедд с Уорреном спешились. Обоих, несмотря на морозную ночь, заливал пот. Кэлен сжала руку Зедда.

— Под конец вы двое спасли наши шеи.

— Он, не я, — указал Зедд на Уоррена.

— Я видел ваши затруднения, — пожал плечами Уоррен.

Они зачарованно наблюдали, как слепнет вражеская армия.

— У тебя получилось! — воскликнула Кэлен. — Верна, ты со своим стеклом спасла нас!

Они с Верной обнялись, не пытаясь сдержать слезы.

Глава 40

элен прошла через перевал одной из последних. Выбранную ими долину с юга отлично защищали высоченные скалистые горные кручи. Ордену придется предпринять долгое и трудное путешествие в обход этих гор, буде он вознамерится напасть на них здесь. Хотя армии д'харианцев вовсе не намеревались вечно отсиживаться в этой долине, на данный момент это было вполне безопасное место.

На горных склонах росли огромные старые ели, хоть как-то защищавшие от ветра. Вся земля в лесу была заставлена палатками. Приятно видеть костры и чуять запах дыма — признак того, что место тут достаточно безопасное для того, чтобы разводить костры. В ночном воздухе витали также ароматы готовящейся пищи. Перетащить такое количество войск и снаряжения по перевалу — занятие непростое, так что все изрядно проголодались.

Генерал Мейфферт выглядел весьма довольным — как и любой другой генерал на его месте, — ведь армия, которую он боялся потерять, ушла за перевал в целости и сохранности. Он провел Кару с Кэлен к палатке, приготовленной для них. И всю дорогу рассказывал, как прошел переход армии через перевал, и изложил краткий перечень того, что пришлось оставить на прежнем месте.

— Ночка будет холодной, — сообщил генерал, когда они наконец добрались до палатки, установленной в сторонке от остальных между двумя высоченными елями. — У меня есть для вас мешок с подогретыми в костре камнями, Мать-Исповедница. И для вас тоже, госпожа Кара.

Кэлен поблагодарила его, и Мейфферт ушел. Кара отправилась на поиски съестного. Кэлен заявила, что лично она хочет одного — завалиться спать.

В палатке Кэлен обнаружила на маленьком столике «Сильную духом». Лампа под потолком освещала статуэтку. Кэлен на миг остановилась, чтобы провести пальцем по летящему платью фигурки.

У нее зуб на зуб не попадал, и ей до смерти хотелось заползти в кровать в обнимку с мешком теплых камней. Продолжая размышлять над тем, насколько она замерзла, Кэлен, вместо того чтобы лечь спать, выбралась из палатки и двинулась по лагерю на поиски сестер Света. Наконец ей встретилась одна из сестер, и, следуя указанному направлению, Кэлен пошла между палатками и добралась до молодых густых елочек, где обнаружила маленькое укрытие, в котором можно было только лежать.

Присев на корточки, она заглянула внутрь и в тусклом свете ближайших костров еле-еле разглядела кучку покрывал.

— Холли? Ты здесь?

Из-под покрывал высунулась маленькая голова.

— Мать-Исповедница? — Девочку трясло. — Что-то случилось? Я вам нужна?

— Вообще-то да. Пойдем со мной, пожалуйста.

Холли, завернувшись в покрывало, выползла наружу. Взяв ее за руку, Кэлен молча повела девчушку к своей палатке. Глаза Холли округлились, когда Кэлен впихнула ее внутрь. Перед столиком девочка остановились, и зачарованно уставилась на «Сильную духом».

— Нравится? — поинтересовалась Кэлен.

Трясясь от холода, Холли почтительно провела тоненьким пальчиком по руке статуэтки.

— Где вы взяли такую красоту?

— Ричард вырезал ее для меня.

Холли наконец с трудом оторвала глаза от фигурки и посмотрела на Кэлен.

— Я скучаю по Ричарду. — Кэлен видела в холодном воздухе палатки парок от дыхания девочки. — Он был всегда добр ко мне. Многие относились ко мне плохо, а он всегда был добрым.

Кэлен внезапно ощутила острый приступ тоски. Она не ожидала, что речь зайдет о Ричарде.

— Что вам угодно, Мать-Исповедница?

Кэлен отбросила тоскливые мысли и улыбнулась.

— Я горжусь тем, что ты сегодня сделала. Ты отлично нам помогла. Я пообещала, что тебе будет тепло. И нынче ночью так оно и будет.

— Правда? — У девчушки зуб на зуб не попадал.

Кэлен положила Меч Истины в угол кровати и сняла кое-что из одежды. Затем погасила лампу и села на соломенный матрас. Свет ближайших костров мягко освещал стенки палатки.

— Давай, лезь ко мне. Нынче ночью будет очень холодно. Так что ты мне необходима, чтобы согреться.

Холли размышляла буквально доли секунды.

Улегшись на матрас, Кэлен прижала Холли спиной к себе, а с другой стороны положила девчушке мешок теплых камней. Обняв мешок, Холли пискнула от удовольствия. Кэлен умиротворенно улыбнулась.

Она просто радовалась тому, что Холли в тепле и безопасности. Присутствие девочки помогало забыть обо всех ужасах сегодняшнего дня.

Где-то далеко, высоко в горах, одинокий волк выл на луну, изливая ей свою тоску. Вой эхом разносился по горам, постепенно затихая, но вновь и вновь повторялся с тоскливой настойчивостью.

Меч Истины лежал за спиной, и мысли Кэлен вновь вернулись к Ричарду. И вот так, думая о нем, размышляя, где он и что с ним, Кэлен тихо плакала, пока не заснула.

На следующий день пошел снег. Метели бушевали два дня. Во вторую буранную ночь Кэлен разместила в своей палатке Холли, Валери и Хелен. Они сидели под покрывалами, ужинали, пели песни, рассказывали сказки о принцах и принцессах, а потом спали, крепко прижавшись друг к другу для тепла.

Когда метели наконец отбушевали и опять показалось солнце, палатки оказались чуть ли не доверху засыпаны снегом. Сол-

даты выкапывались из палаток, как барсуки, решившие выползти из берлоги, чтобы перекусить.

В последующие недели метели еще не раз налетали на лагерь, наметая все больше снега. В такую погоду сражаться или даже перемещать армию на большое расстояние довольно-таки затруднительно. Разведчики сообщили, что Имперский Орден отошел назад — к югу, примерно на недельный переход.

Для слепых это практически непосильная задача. Обследовав в течение нескольких дней окрестности того места, где распылили стеклянную пыль, д'харианские разведчики доложили, что обнаружены примерно шестьдесят тысяч замерзших тел — это тела ослепших имперцев, они не смогли позаботиться о себе в трудных погодных условиях. Похоже, Имперский Орден просто-напросто бросил их. Несколько десятков слепцов ухитрились перебраться через перевал в поисках помощи и моля о милосердии. Кэлен приказала их уничтожить.

Было трудно точно определить количество пострадавших от особого стекла Верны. Вполне вероятно, что большинство все же отступило вместе с Орденом, чтобы в дальнейшем выполнять несложные задачи. Но скорее всего обнаруженные разведчиками трупы — это большая часть ослепших. Кэлен вполне могла себе представить, что Джеганъ вовсе не жаждал иметь этих слепцов в своем лагере, чтобы они напоминали остальным о горечи отступления. К тому же зачем переводить на них припасы?

Однако она отлично понимала, что для Джеганя это отступление — лишь временная остановка, он вовсе не намерен отказываться от своих целей. У Ордена вполне достаточно людей, чтобы восполнить многотысячные потери. Впрочем, пока что погода не позволяла Джеганю нанести ответный удар.

Кэлен вовсе не собиралась сидеть и дожидаться его. Месяц спустя, когда в их лагерь прибыл представитель Хергеборга, она немедленно с ним встретилась в маленькой избушке лесника, которую обнаружили среди деревьев в западной части долины. Избушка стояла под прикрытием огромных старых сосен, в стороне от палаток. Избушка стала чуть ли не постоянной резиденцией Кэлен, а также часто служила командным центром.

Генерал Мейфферт был явно доволен, когда Кэлен предпочитала оставаться в избушке, а не в своей палатке. Так он мог считать, что армия обеспечила довольно приличные условия

Матери-Исповеднице — жене магистра Рала. Кэлен с Карой очень даже радовались ночевкам в теплой избушке, но Кэлен не хотела, чтобы солдаты думали, будто она не в состоянии выдержать тех условий, в которых жили д'харианцы. Иногда она отправляла спать в избушку девочек с кем-нибудь из сестер Света, а иногда настаивала на том, чтобы там ночевала Верна с Холли, Хелен и Валери. Аббатису не больно-то и требовалось уговаривать.

Кэлен поприветствовала представителя Терио из Хергеборга и пригласила в крошечный домик. Представителя сопровождал небольшой эскорт, оставшийся дожидаться снаружи. Хергеборг — маленькая страна. И их вклад в войну заключался в поставках единственной производимой ими продукции — шерсти. Кэлен же нуждалась в людях.

Представитель Терио, опустившись на колено перед Матерью-Исповедницей, удостоился официального приветствия. Потом он поднялся наконец, откинул капюшон и радостно заулыбался.

— Мать-Исповедница, рад видеть вас в добром здравии!

Кэлен искренне улыбнулась в ответ.

— И вас также, представитель Терио. Давайте-ка ближе к огню, погрейтесь.

Подойдя к каменному очагу, он снял перчатки и протянул руки к огню, покосившись на сверкающую рукоять, выглядывавшую у Кэлен над плечом. А потом углядел стоявшую на каминной доске «Сильную духом». И зачарованно уставился на нее, как и все, кто видел гордую фигурку.

— Мы знаем о пленении магистра Рала, — наконец проговорил он. — Ничего о нем не слышно?

Кэлен покачала головой.

— Нам известно, что вреда ему не причинили, но это все. Я знаю моего мужа. Он могущественный человек. И уверена, что он найдет способ вернуться к нам на помощь.

Хергеборгец кивнул, внимательно слушая ее слова.

Стоявшая возле стола Кара при напоминании о ее магистре Рале мрачно покатала в руке эйджил. По выражению голубых глаз морд-сит и по тому, как она небрежно выпустила эйджил, который снова повис на короткой цепочке у нее на запястье, Кэлен поняла, что этот красный стержень, связанный волшебством с ныне живущим магистром Ралом, все еще обладает сво-

ей силой. А раз он действует, то Ричард жив. И это все, что им известно.

Терио расстегнул толстый плащ.

— Как идут военные действия? Все с тревогой ждут сведений.

— Насколько нам удалось выяснить, мы сумели перебить более ста тысяч имперцев.

Хергеборгец ахнул. Такая цифра казалась просто астрономической для жителя такой крошечной страны, как Хергеборг.

— Ну, значит, они потерпели поражение. Они сбежали назад в Древний мир?

Вместо того чтобы посмотреть ему в глаза, Кэлен изучала горевшие в очаге поленья.

— Боюсь, что эти потери — сущая ерунда для Имперского Ордена. Мы сократили их численность, но и только. Оставшихся в десять раз больше, чем погибших. Они по-прежнему опасны и стоят в недельном переходе отсюда.

Кэлен подняла взгляд: посланец был явно ошарашен, он никак не мог представить себе такое количество людей.

— Добрые духи... — прошептал он. — До нас доходили слухи, но узнать, что все на самом деле так... — Он потряс головой. — Да как вообще возможно победить такого врага?

— Если мне не изменяет память, несколько лет назад вы были в Эйдиндриле, чтобы поговорить с Советом, и у вас после торжественного ужина возникли кое-какие проблемы. Тот здоровенный мужик из Кельтона — забыла, как его звали, — распоясавшись, плохо отозвался о вашей маленькой стране. И вас както обозвал. Припоминаете тот вечер? Как он вас обозвал?

Глаза представителя Терио сверкнули.

— Хиляк, — улыбнулся он.

— Хиляк. Точно. Полагаю, он так сказал, потому что полагал, что раз он вдвое крупнее вас, то и сильней. Помнится, для вас очистили стол и вы вдвоем принялись бороться на руках.

— А, ну тогда я был куда моложе, к тому же выпил несколько бокалов вина...

— Вы победили.

— Не силой, — мягко рассмеялся Терио. — Его сгубило нахальство. Возможно, я был умней и быстрей — только и всего.

— Вы победили, и это главное. И эти сто тысяч имперцев мертвы, невзирая на то что превосходили нас по численности.

улыбка сползла с его лица.

— Намек понят. Думаю, Имперскому Ордену самое время смыться, пока у них еще остались люди. Я помню, как те пять тысяч галеанских новобранцев с вами во главе разбили в пух и прах пятидесятитысячную армию. — Он провел рукой по грубо вытесанной каминной доске. — Но, как бы то ни было, я понял, к чему вы клоните. Когда имеешь дело с более сильным противником, используй свои мозги.

— Мне нужна ваша помощь, — сказала ему Кэлен.

Он отвел взгляд.

— Все, что угодно, Мать-Исповедница. Все, что в моей власти.

Наклонившись, Кэлен сунула в огонь очередное полено.

— Нам нужны шерстяные плащи с капюшонами.

Терио размышлял недолго.

— Просто скажите, сколько нужно, и я об этом позабочусь. Уверен, это вполне осуществимо.

— Понадобится как минимум сто тысяч. Столько у нас сейчас здесь людей. Мы ожидаем подкрепление в любой момент, так что если вы сможете добавить к этой цифре еще половину, то окажете весьма значительное содействие в борьбе с Орденом.

Пока он занимался мысленными расчетами, Кэлен поправила кочергой полено.

— Я понимаю, что моя просьба непростая.

Он почесал затылок.

— Вам совсем не нужно выслушивать сентенции, насколько трудно будет осуществить вашу просьбу, это ведь не поможет вам победить. Так что давайте ограничимся тем, что я просто скажу, что вы их получите.

Слово представителя Терио было надежным, как скала. И дороже золота. Кэлен встала, повернулась к нему лицом.

— И я хочу, чтобы они были сделаны из выбеленной шерсти.

— Выбеленной шерсти? — заметно удивился посланец.

— Нам нужно быть хитрыми, как вы уже поняли. Имперский Орден пришел из дальних южных пределов. Ричард как-то раз бывал там и рассказывал мне, что климат там, в Древнем мире, сильно отличается от нашего. Их зимы — не то что наши. Если я не ошибаюсь, Имперский Орден к суровым зимам не привык, не умеет выживать в таких условиях, не говоря уж о

ведении военных действий. Возможно, ведение зимней кампании — вещь тяжелая, но у нас в этом преимущество. Я хочу безжалостно уничтожить их, — сжала кулак Кэлен. — И хочу воспользоваться холодами, чтобы заставить их страдать. Я хочу вытащить их из норы, заставить сражаться. Сражаться в тех условиях, которые для них непривычны. Мне нужны белые плащи с капюшонами, чтобы замаскировать наших людей. Тогда у нас будет возможность, пользуясь погодными условиями, подобраться к ним поближе — наносить удары и исчезать прямо у них на глазах.

— У них нет магов?

— Есть, но они не поставят колдунью вычислять каждого лучника, нацелившего на них свои стрелы.

— Да, понимаю... — Представитель Терио задумался. Затем, будто закрепляя обещание, хлопнул ладонью по каминной доске. — Я прикажу, чтобы плащи начали ткать незамедлительно. И вашим людям еще понадобятся теплые перчатки.

Кэлен благодарно улыбнулась.

— Они будут вам чрезвычайно признательны. Пусть ваши люди начнут отправку сюда плащей по мере изготовления. Не ждите, пока будет готова вся партия. Мы можем начать проводить рейды с любого количества, а потом увеличивать численность по мере поступления ваших плащей.

Набросив на голову капюшон, представитель Терио стал застегивать толстый шерстяной плащ.

— Зима только начинается. И чем больше у вас будет времени колотить их, используя погодные условия, тем лучше для всех. Пожалуй, я немедленно тронусь в путь.

Кэлен пожала ему руку — весьма несвойственный для Матери-Исповедницы жест, но вполне обычный для того, чтобы выразить искреннюю признательность за помощь.

Стоя на пороге вместе с Карой и наблюдая, как представитель Терио со свитой пробирается по глубокому снегу, Кэлен надеялась, что белые плащи начнут вскоре поступать и окажутся столь полезными, как она рассчитывает.

— Ты действительно считаешь, что мы сможем вести военные действия в зимних условиях? — спросила Кара.

— Должны!

Кэлен уже повернулась к дверям, но заметила приближавшуюся среди деревьев процессию. Когда процессия подошла до-

статочно близко, Кэлен увидела, что впереди идет генерал Мейфферт. Пешком. Рассмотрела она также Эди, Верну и Уоррена с Зеддом, шагающих рядом с четырьмя всадниками. Полуденное солнце осветило рукоять меча первого всадника.

Кэлен ахнула, поняв, кто это.

Не потрудившись заскочить в домик, чтобы прихватить плащ или тулуп, она понеслась по снегу ему навстречу. Кара наступала ей на пятки.

— Гарольд! — закричала Кэлен, подбежав ближе. — Ой, Гарольд! Как же мы тебе рады!

Это из Галеи приехал ее единокровный брат. Тут Кэлен разглядела сопровождавших его всадников и снова ахнула. Прибыли капитан Брэдли Райан, командовавший теми новобранцами, с которыми ей довелось вместе сражаться, и его заместитель, лейтенант Флин Хобсон. Ей показалось, что замыкающим едет сержант Фрост. Радостно смеясь, она бежала к ним по глубокому снегу.

Кэлен хотелось стащить своего брата с лошади и задушить в объятиях. В полевой офицерской форме армии Галеи, куда менее броской, чем парадная, он выглядел просто великолепно. Кэлен только теперь осознала, насколько сильно тревожилась.

С королевским достоинством принц Гарольд склонил голову, приветствуя Кэлен. Улыбка его была куда более сдержанной, чем у нее.

— Мать-Исповедница! Рад видеть вас в добром здравии.

Зато капитан Райан улыбался от уха до уха. У Кэлен сохранились наилучшие воспоминания о Брэдли с Флином, об их мужестве, отваге, и стойкости. Та битва была чудовищной, но этих отличных солдат, прекрасных молодых людей, Кэлен всегда вспоминала с большой теплотой. Они и прежде совершили невозможное, а теперь вот пришли помочь повторить былые подвиги.

Кэлен потянула Гарольда за руку.

— Пошли в избушку. У нас там огонь горит. И вы тоже, — кивнула она капитану, лейтенанту и сержанту. — Мы все там поместимся. Пойдемте внутрь, погреетесь.

Принц Гарольд вынул ногу из стремени.

— Мать-Исповедница, я...

Кэлен не смогла устоять. И крепко обняла брата. Гарольд был крупным мужчиной, очень похожим на их отца, короля Вайборна. — Гарольд, я так рада тебя видеть! Как там Цирилла?

Цирилла, родная сестра Гарольда и единокровная сестра Кэлен, была лет на двенадцать старше Кэлен. Казалось, она болеет уже целую вечность. Когда ее захватил Орден, ее бросили в темницу с кучей насильников и убийц. Гарольд спас ее, но пережитое насилие сделало Цириллу невменяемой, и это было очевидно всем. Она лишь изредка приходила в себя. А когда просыпалась, то частенько лишь кричала и рыдала. В один из редких моментов просветления она умолила Кэлен пообещать стать королевой Галеи и позаботиться о безопасности ее народа.

Гарольд, желая оставаться командующим галеанской армией, отказался короноваться. Кэлен нехотя уступила его просьбе.

Гарольд быстро глянул на остальных.

— Мать-Исповедница, нам надо поговорить.

Глава 41

апитан Райан и двое его офицеров ушли, чтобы проследить за размещением своих солдат и лошадей, остальные же остались в избушке лесника. Зедд с Уорреном устроились на лавке, сделанной из широкой доски, положенной на два кругляша. Верна с Эди расположились на лавке у противоположной стенки. Кара смотрела в крошечное оконце. Генерал Мейфферт стоял рядом с Карой и наблюдал за принцем — тот молча водил пальцем по кромке стола. Кэлен положила руки на стол.

— Ну, — начала она, опасаясь худшего, — как там Цирилла?

Гарольд пригладил плащ на груди.

— Королева... выздоровела.

— Королева?.. — поднялась со стула Кэлен. — Цирилла выздоровела? Это же чудесная новость, Гарольд! И она наконец-то вернула себе корону? Так это замечательно!

Кэлен была счастлива отделаться от роли королевы Галеи. Для Матери-Исповедницы это занятие несколько неподобающее. Но куда больше ее порадовало известие, что сестра наконец-то выздоровела. Хотя сестры и не были никогда особо близки, но относились друг к другу с уважением.

А сейчас важнее всего было то, что Гарольд привел свои войска. Кэлен надеялась,

что ему удалось собрать сто тысяч, как они договаривались. Отличная основа для армии, которую Кэлен необходимо собрать.

Гарольд облизнул потрескавшиеся губы. Кэлен видела, что собрать армию ему было непросто, да и переход из Галеи сюда оказался нелегким. Никогда еще она не видела его таким измученным. Принц казался каким-то опустошенным — он напомнил Кэлен отца.

Она лучезарно улыбнулась, желая продемонстрировать, как высоко ценит приезд брата.

— Сколько людей ты привел с собой? Мы, безусловно, найдем применение всем ста тысячам. Это примерно удвоит численность уже имеющихся в нашем распоряжении войск. Добрые духи знают, насколько нам нужны войска.

Никто не произнес ни слова. Кэлен переводила взгляд с одного на другого, но все избегали смотреть ей в глаза.

Кэлен встревожилась:

— Гарольд, сколько людей ты привел?

Принц взъерошил густые темные волосы.

— Примерно тысячу.

Кэлен тупо уставилась на него, медленно опустившись на стул.

— Тысячу?

Он кивнул, по-прежнему избегая ее взгляда.

— Капитана Брэдли и его людей. Тех, которых ты когда-то повела за собой.

Кэлен не могла поверить услышанному:

— Нам нужны все ваши войска. Гарольд, что происходит?

Наконец он поднял на нее глаза:

— Королева Цирилла не одобрила мой план забрать все наши войска на юг. Вскоре после того, как ты побывала у нас и посетила ее, она очнулась от болезни. Снова стала собой — полна огня и амбиций. Ты ведь знаешь, какой она была: неустанно печется об интересах Галеи. — Гарольд побарабанил по столу. — Но болезнь ее изменила. Она отчаянно боится Имперского Ордена.

— Как и я, — спокойно ответила Кэлен, сдерживая клокочущую ярость. Она остро чувствовала меч Ричарда за спиной. И видела, что Гарольд заметил клинок. — Все жители Срединных Земель боятся Ордена. Поэтому-то нам и нужны войска.

Гарольд согласно кивал.

— Я ей все это говорил. Правда. А она заявила, что она — королева Галеи, и в первую очередь ее интересует благо собственной страны.

— Галея вошла в состав Д'Харианской империи!

Гарольд беспомощно развел руками.

— Когда Цирилла была больна... Она не знала, что сие событие имело место быть. И заявила, что временно уступила тебе корону ради безопасности своего народа, а не для того, чтобы расстаться с суверенитетом. — Он уронил руки. — Она заявляет, что у тебя не было таких полномочий и отказывается соблюдать соглашение.

Кэлен поглядела на всех остальных, молча сидящих на своих местах, как угрюмые судьи.

— Гарольд, мы же с тобой все это уже обсуждали. Срединные Земли под угрозой! Да весь Новый мир под угрозой! Мы должны эту угрозу отразить, а не защищать одну страну за другой или позволить каждому государству защищаться самому. Если мы на это пойдем, то все проиграем, один за другим. Мы должны выступать единым фронтом.

— В принципе я с этим согласен, Мать-Исповедница. Но королева Цирилла — нет.

— Значит, Цирилла не выздоровела, Гарольд. Она все еще больна.

— Вполне возможно, но не мне об этом судить.

Облокотившись на стол, Кэлен потерла пальцами лоб. У нее просто в голове не укладывалось происходящее.

— А как там Джебра? — поинтересовался из своего угла Зедд. Кэлен обрадовалась его голосу — он словно возвращал всему здравый смысл. — Мы оставили провидицу в Галее, чтобы позаботиться о Цирилле и как советника. Наверняка Джебра отговаривала Цириллу от подобных действий.

Гарольд опустил голову.

— Хм... Королева Цирилла приказала бросить Джебру в темницу. Более того, она отдала приказ, что если Джебра произнесет еще хоть раз это богохульство — как королева Цирилла это называет, — отрезать Джебре язык.

Кэлен не сразу обрела дар речи. Причем изумило ее уже вовсе не поведение Цириллы. Слова прозвучали резко и без малейших признаков уважения:

— Гарольд, почему ты подчинился приказам сумасшедшей бабы?

Принц стиснул зубы, видимо, оскорбленный ее тоном.

— Мать-Исповедница, она не только моя сестра, но и моя королева. Я поклялся подчиняться воле моей королевы и защищать народ Галеи. И все те галеанцы, кто сражался в вашей армии, тоже поклялись в первую очередь защищать народ Галеи. Я уже передал им приказ нашей королевы. Мы должны немедленно вернуться в Галею. Мне очень жаль, но все должно быть именно так.

Кэлен вскочила, что есть силы стукнув кулаком по столу.

— Галея расположена в самом начале долины Каллисидрина! Это — врата к самому сердцу Срединных Земель! Неужели ты не видишь, насколько это заманчивый путь для Имперского Ордена? Ты что, не понимаешь, что они наверняка захотят разделить Срединные Земли?

— Конечно, понимаю, Мать-Исповедница.

— Значит, ты просто рассчитываешь, что все эти люди — Кэлен резко ткнула в сторону лагеря — полягут здесь, чтобы защитить тебя от Ордена? Вы с королевой Цириллой бездушно полагаете, что все эти люди гибнут, защищая вас? Пока вы будете отсиживаться в Галее? Надеясь, что они помешают Ордену добраться до вас?

— Конечно, нет, Мать-Исповедница.

— Да что с тобой такое?! Ты что, не понимаешь, что, сражаясь с нами против Ордена, ты будешь защищать и свою родину тоже?

Гарольд облизнул губы.

— Мать-Исповедница, все, что вы говорите, скорее всего верно. Но также и не имеет значения. Я — командующий галеанской армией. Вся моя жизнь — это служение народу Галеи и сюзерену — сперва матери с отцом, затем сестре. С детских лет, еще когда я сидел на коленях отца, меня учили в первую очередь защищать Галею.

Кэлен потребовалось сделать огромное усилие, чтобы говорить спокойно:

— Гарольд, совершенно очевидно, что Цирилла все еще больна. Если ты действительно хочешь защитить свой народ, то должен понять, что то, что вы с Цириллой делаете, — не тот путь.

— Мать-Исповедница, моей королевой на меня возложена обязанность защищать народ Галеи. Я знаю свой долг.

— Долг? — Кэлен провела рукой по лицу. — Гарольд, ты не можешь слепо следовать капризу этой женщины. Дорогу к жизни и свободе можно обрести лишь с помощью разума. Может, она и твоя королева, но руководствоваться ты должен лишь доводами разума. Отказываться воспользоваться разумом, не желать думать — это интеллектуальная анархия.

Он поглядел на нее, как на неразумного ребенка, не понимающего, что такое взрослая ответственность.

— Она моя королева. Королева предана своему народу.

Кэлен побарабанила пальцами по столу.

— То, кем Цирилла на данный момент является, целиком и полностью зависит от тех призраков, что все еще преследуют ее. Она принесет беду вашему народу. А ты поможешь ей привести ваш народ к гибели, потому что ты желаешь, чтобы реальностью было то, что таковой не является. Ты видишь Цириллу такой, какой она была прежде, а не такой, какая она теперь.

— Мать-Исповедница, — пожал плечами принц, — я могу понять, почему вы думаете то, что думаете, но это ничего не меняет. Я обязан выполнить приказ моей королевы.

Облокотившись на стол, Кэлен спрятала лицо в ладони — ее просто трясло от всего этого бреда. Наконец она подняла голову и посмотрела брату в глаза.

— Гарольд, Галея — часть Д'Харианской империи. У Галеи есть королева только милостью империи. Цирилла, будь она хоть трижды королевой, даже если и не признает правление Д'Харианской империи, по-прежнему — как и всегда — подчиняется Матери-Исповеднице Срединных Земель. Как Мать-Исповедница и правительница Д'Харианской империи в отсутствие магистра Рала я официально отменяю эту милость. Отныне Цирилла лишается власти и права решать. С этого момента она больше не королева чего бы то ни было и уж тем более Галеи. Приказываю тебе вернуться в Эбиниссию, арестовать Цириллу ради ее же собственной безопасности, выпустить Джебру и вернуться сюда вместе с провидицей и всеми вооруженными силами Галеи, кроме городской гвардии.

— Мать-Исповедница, мне очень жаль, но моя королева приказала...

— Довольно! — хлопнула Кэлен ладонью по столу.

Принц замолчал, а Кэлен медленно встала. Опершись руками на стол, она наклонилась к нему.

— Как Мать-Исповедница я повелеваю тебе немедленно исполнить мои приказания. Это не обсуждается. Больше ничего я слышать не желаю.

В комнате повисла гнетущая тишина. Все присутствующие невозмутимо ждали, что будет дальше.

Гарольд наконец заговорил тоном, сильно напомнившим Кэлен отца.

— Я сознаю, что для вас, возможно, это полная бессмыслица, Мать-Исповедница, но я вынужден предпочесть мой долг перед моим народом долгу перед вами. Цирилла моя сестра. Король Вайборн всегда учил меня, как следует командовать армией. Офицер обязан подчиняться своей королеве. Моим людям здесь приказано — и это приказ их королевы — немедленно возвращаться, чтобы защищать Галею. Я человек, честью своей обязанный защищать Галею, как мне приказывает моя королева.

— Ты надутый осел! Да как ты смеешь говорить мне о чести?! Вы с сестрицей готовы пожертвовать жизнью невинных людей ради извращенного понятия чести. Честь — это понимание реальной ситуации, а не слепое подчинение тому, что тебе хотелось бы считать реальностью. Нет у тебя чести, Гарольд.

Кэлен опустилась на стул и уставилась на горевший в очаге огонь.

— Я отдала тебе приказ. Ты отказываешься подчиняться?

— Я вынужден отказаться, Мать-Исповедница. Позвольте лишь сказать, что в этом нет злого умысла.

— Гарольд, — ровным тоном проговорила она, не глядя на него, — то, что ты делаешь, — измена.

— Я понимаю, что вы можете воспринимать это так, Мать-Исповедница.

— О, я и воспринимаю. Еще как. Это измена твоему народу, измена Срединным Землям, измена нашему Д'Харианскому союзу против Имперского Ордена, измена Матери-Исповеднице. И что, по-твоему, я должна с этим делать?

— Я бы предположил, раз ваши чувства так сильны, Мать-Исповедница, что вы приказали бы меня казнить.

— Если тебе хватает мозгов понять это, — поглядела она на него, — то какая тебе польза подчиняться приказам сумасшедшей? Это лишь обречет тебя на смерть, и тогда ты не сможешь выполнить приказ твоей королевы. Настаивая на своем, ты лишишь свой народ твоей помощи, той самой, которую ты провозглашаешь своей наипервейшей обязанностью. Почему бы тебе

просто не сделать то, что нужно и правильно, и не помочь нам защитить твой народ? По правде говоря, пока что своим поведением ты лишь продемонстрировал полное отсутствие здравого смысла, не говоря уже о чести.

Он посмотрел на нее горящими от ярости глазами. Костяшки пальцев побелели.

— Теперь вам придется меня услышать, Мать-Исповедница. Если я буду руководствоваться своей честью — пусть это и будет стоить мне жизни, — то этим лишь почту мою семью, мою сестру, мою королеву и мою родину. Родину, созданную и укрепленную моим отцом, королем Вайборном, и моей матерью, королевой Бернардиной. Когда я был ребенком, моего отца, моего государя, отняли у моей матери, моей семьи, моей родины Галеи. Отняли волшебной властью Исповедниц — ради эгоистичного желания заполучить мужа для твоей матери, ради ее эгоистичного желания родить от сильного мужчины ребенка — тебя. А теперь ты, Мать-Исповедница — плод этой кражи любимого нами человека, отнятого у нас, когда я был ребенком, — ты хочешь отнять меня у моей сестры? А ее отнять у нашей страны? Последняя обязанность, возложенная на меня отцом, прежде чем твоя мать отняла его у нас и уничтожила как личность лишь потому, что он был хорошим и она возжелала его, — это что я должен всегда с честью выполнять свой долг в отношении моей сестры и моей родины. И я выполню последний возложенный на меня отцом долг во что бы то ни стало, даже если ты и считаешь это безумием.

Кэлен в полном изумлении взирала на него.

— Мне очень жаль, что ты так это воспринимаешь, Гарольд.

Его лицо постарело и осунулось.

— Я знаю, что ты не в ответе за то, что было еще до твоего рождения, и всегда буду любить в тебе частичку моего отца, но я по-прежнему человек, вынужденный жить с этим грузом. Теперь я должен быть искренен перед самим собой, считаться с собственными чувствами.

— Собственными чувствами, — эхом повторила Кэлен.

— Да, Мать-Исповедница. Таковы мои чувства, я верю в них.

Кэлен сглотнула комок в горле.

— Вера и чувства. Гарольд, ты такой же псих, как твоя сестрица.

Она резко выпрямилась и воздела руки. Произнося приговор, она в последний раз смотрела прямо в глаза своему едино-

кровному брату, человеку, которого никогда не знала, кроме как по имени.

— С рассвета грядущего дня Д'Харианская империя и Галея находятся в состоянии войны. Если завтра после восхода тебя здесь увижу я или кто-то из моих людей, ты будешь казнен за измену. Я не позволю, чтобы мои храбрые воины погибли ради предателей. Имперский Орден, вероятнее всего, свернет на север, к долине Каллисидрина. Вы останетесь одни. Они вырежут вашу арию до единого человека, в точности как вырезали население Эбиниссии. А Джегань отдаст твою сестру на потеху своим солдатам. И это будет на твоей совести, Гарольд, потому что ты отказываешься думать, а вместо этого следуешь своим чувствам и вере в то, чего не существует.

Гарольд, сцепив руки за спиной и вздернув подбородок, не проронил ни слова. Кэлен продолжила:

— Передай Цирилле, что лучше ей надеяться на ту судьбу, что я ей только что предрекла, потому что если Орден не обрушится на Галею, это сделаю я. Я пообещала никакой пощады Ордену. Измена Галеи обрекает ее на ту же участь, что и Орден. Если Орден не доберется до Цириллы, то клянусь, это сделаю я. А когда захвачу ее, то отвезу в Эйдиндрил и собственноручно швырну ее в ту самую яму, откуда ты ее вытащил, и буду отправлять туда к ней каждого попавшегося мне преступного громилу до тех пор, пока она жива.

Гарольд в ужасе отшатнулся:

— Мать-Исповедница... Вы этого не сделаете!

Взгляд Кэлен сказал ему обратное.

— Не забудь сообщить Цирилле, что ее ждет. Джебра скорее всего пыталась ей сообщить, и оказалась за это в темнице. Цирилла отказывается видеть разверзнувшуюся перед ней бездну, и ты идешь туда вместе с ней. Хуже того, вы тащите туда с собой и ваших ни в чем не повинных подданных.

Кэлен достала галеанский королевский клинок, взяла его за оба конца и, сцепив зубы, сломала о колено. Обломки она швырнула к ногам принца.

— Убирайся с глаз моих.

Гарольд повернулся к выходу, но не успел сделать и шага, как Зедд, поднявшись, протянул руку, будто просил его оставаться на месте.

— Мать-Исповедница, — произнес Зедд, тщательно подбирая слова, — по-моему, вы дали волю вашим эмоциям.

Гарольд, обрадовавшись вмешательству Зедда, указал на Кэлен.

— Скажите ей, волшебник Зорандер. Скажите ей!

Кэлен ушам своим не верила. Она застыла, уставившись в ореховые глаза Зедда.

— Тогда не соизволите ли объяснить мне, в чем я не права, Волшебник первого ранга?

Зедд глянул на Гарольда, затем снова на Кэлен.

— Мать-Исповедница, совершенно ясно, что королева Цирилла не в своем уме. Принц Гарольд не только оказывает ей медвежью услугу, но и помогает ей привести их народ к гибели. Руководствуйся он доводами разума, он бы защитил свой народ и почтил прошлое достойное служение своей сестры, когда она еще пребывала в здравом уме. Но вместо этого он изменил своему долгу перед своим народом, принимая желаемое за действительное, вместо того чтобы принять истину, как она есть. Таким образом он выбрал смерть, и в данном случае выбрал смерть и для своего народа. Принц Гарольд был совершенно справедливо признан виновным в измене. Ваши эмоции в отношении него мешают вашему суждению. Совершенно очевидно, что отныне он представляет опасность для нашего дела, для жизни наших людей и жизни его собственного народа. Ему нельзя разрешать уехать.

— Но, Зедд... — ошарашенно начал Гарольд.

В ореховых глазах Зедда тоже можно было прочесть тяжелое обвинение. Он подождал, будто провоцируя галеанца еще больше усугубить свою вину. Губы Гарольда шевелились, но он не мог выдавить ни звука.

— Кто-нибудь со мной не согласен? — спросил Зедд.

Он поглядел на Эди. Та покачала головой. Верна тоже. Уоррен некоторое время смотрел на Гарольда, затем тоже качнул головой.

Гарольд возмутился:

— Я не стану этого терпеть! Мать-Исповедница дала мне срок до рассвета, чтобы уехать. Вы обязаны почитать ее волю.

Он сделал два шага к двери, но затем замер, схватившись за грудь, и начал медленно оседать. Глаза его закатились, ноги подогнулись и он рухнул на пол.

Никто не шевельнулся и не произнес ни слова. Генерал Мейфферт опустился на колено возле тела, проверяя пульс и

дыхание принца Гарольда. Затем поглядел на Кэлен, покачав головой.

Кэлен переводила взгляд с Зедда на Эди, Верну и Уоррена. Все четверо оставались совершенно невозмутимыми.

Поднявшись, Кэлен тихо проговорила:

— Даже знать не хочу, кто из вас это проделал. Я не говорю, что вы не правы... Я просто не хочу ничего знать.

Четверо волшебников кивнули.

В дверях Кэлен на секунду застыла — под ярким дневным солнцем, обдуваемая холодным ветерком — и огляделась по сторонам. И увидела капитана Райана, он стоял, прислонившись к молодому клену. Когда Кэлен направилась к нему, капитан вытянулся по стойке «смирно».

— Брэдли, принц Гарольд сказал тебе, зачем он сюда приехал?

Кэлен обратилась к нему «Брэдли», а «не капитан Райан», и офицер понял, что можно сказать все как есть.

— Да, Мать-Исповедница. Он сказал, что должен вам сообщить: ему приказано вернуться к его королеве, чтобы защищать Галею. Более того, ему приказано привести назад в Галею всех находящихся у вас на службе галеанских солдат.

— Тогда что ты тут делаешь? Почему ты и твои люди не подчинились, раз уж он должен был привести всех назад?

Капитан поглядел на нее ясными голубыми глазами:

— Потому что мы дезертировали, Мать-Исповедница.

— Что?

— Принц Гарольд отдал мне приказ, как я только что сообщил. Я сказал ему, что это неправильно, это только во вред нашему народу. А он ответил, что не мне это решать. Сказал, что мое дело не думать, а выполнять приказ. Я сражался с вами бок о бок, Мать-Исповедница. И мне кажется, знаю вас лучше, чем принц Гарольд. Я знаю, что вы преданно защищаете всех жителей Срединных Земель. Я сказал ему, что Цирилла делает глупость. А он разозлился и рявкнул, что мой долг — выполнять приказ.

И тогда я заявил ему, что в таком случае дезертирую из галеанской армии и остаюсь с вами. Я думал, что он прикажет меня казнить за такие слова, но тогда ему пришлось бы казнить всю тысячу, потому что остальные считают так же, как я. Очень многие вышли вперед и высказали это ему прямо в лицо. Тогда он

скис и позволил нам приехать сюда вместе с ним. Надеюсь, вы на нас не сердитесь, Мать-Исповедница?

В этот момент Кэлен никак не могла заставить себя выступать в роли Матери-Исповедницы. Она крепко обняла молодого офицера.

— Спасибо тебе, Брэдли.

Обхватив его за плечи, она улыбнулась:

— Ты думал головой. Разве можно на это сердиться.

— Когда-то вы сказали нам, что мы — барсуки, пытающиеся проглотить целого лося. И сдается мне, что сейчас вы хотите сделать то же самое. Если и существует барсук, способный заглотить лося целиком, то это вы, Мать-Исповедница. Но мне кажется, мы не позволим вам проделать это без нашей помощи.

Они повернулись и увидели генерала Мейфферта во главе группы солдат. Они выносили из избушки тело принца Гарольда.

— Я так и думал, что это плохо кончится, — заметил молодой капитан. — С тех пор как с Цириллой все это приключилось, принц Гарольд был сам не свой. Я всегда любил этого человека. И мне было больно оставлять его. Но он попросту совсем перестал соображать.

Кэлен ласково держала руку на плече юноши, пока они наблюдали, как уносят тело.

— Мне очень жаль, Брэдли. Как и ты, я всегда была о нем высокого мнения. Мне думается, он так долго видел, как страдает его сестра и королева, что это просто сломило его. Постарайся сохранить о нем хорошие воспоминания.

— Конечно, Мать-Исповедница.

— Мне нужно, чтобы один из ваших людей доставил послание Цирилле, — сменила тему Кэлен. — Я собиралась отослать его с Гарольдом, но теперь нам понадобится гонец.

— Я об этом позабочусь, Мать-Исповедница.

Кэлен только сейчас поняла, что вообще-то очень холодно, а она даже не взяла плаща. Когда капитан отбыл — ему предстояло разместить своих людей и назначить гонца, — Кэлен вернулась в избушку.

Кара подкладывала в огонь поленья. Верна с Эди ушли. Уоррен искал какую-то карту — в углу, в корзине с картами и диаграммами.

Он было направился к выходу, но Кэлен ухватила его за руку. Она заглянула волшебнику в глаза, зная, что эти синие глаза куда

старше, чем кажутся. Ричард неустанно повторял, что Уоррен — один из умнейших людей, что ему доводилось встречать. Помимо этого, говорили, что настоящий талант Уоррена — это прорицания.

— Уоррен, скажи, мы все погибнем в этой безумной войне?

Его лицо осветила застенчивая, но лукавая улыбка.

— А мне казалось, ты не веришь пророчествам, Кэлен.

Она выпустила его руку.

— Пожалуй, нет. Забудь.

Кара вышла следом за Уорреном — она направилась на поиски дров. Кэлен устроилась поближе к огню и уставилась на статуэтку «Сильная духом», стоявшую на каминной доске. Зедд успокаивающе положил руку ей на плечо.

— То, что ты сказал Гарольду о том, что нужно думать головой, пользоваться своим умом, было очень мудро, Кэлен. Ты была права.

Ее пальцы коснулись гладкой, вырезанной из ореха статуэтки.

— Это то, что сказал Ричард, когда рассказывал мне, как наконец пришел к пониманию того, что должен делать. Он сказал, что единственная власть, которой он может подчиняться, это власть разума.

— Ричард это сказал? Именно эти вот слова?

Кэлен кивнула, не отрывая взгляда от статуэтки.

— Он сказал, что первый закон разума гласит: что существует, то существует, что есть, то есть, и что на этом нерушимом железном принципе основывается всякое знание. Он сказал, что это основа, откуда произрастает жизнь. Он сказал, что мышление означает выбор, а желания и чаяния не есть факт и не являются способом познания. По-моему, этот пункт Гарольд блистательно подтвердил. Ричард сказал, что разум — это наш единственный способ понимания реальности, наш основной инструмент выживания. Мы можем и не затруднять себя думаньем, отказаться от данного нам разума, но не в нашей власти избежать падения в ту пропасть, которую мы отказываемся видеть.

Прислушиваясь к потрескиванию огня, Кэлен блуждала взглядом по статуэтке, что Ричард для нее вырезал. Не дождавшись от Зедда комментариев, она оглянулась на него. Старый волшебник смотрел в огонь, по его щеке катилась слеза.

— Зедд, что стряслось?

— Мальчик сам до этого дошел. — В голосе старика звучали одновременно одиночество и гордость. — Он понимает это... и совершенно правильно толкует. Он даже сам сформулировал его и применил.

— Дошел до чего?

— До самого основного правила, Шестого Правила Волшебника. Единственная власть, которой ты можешь подчиняться, это власть разума.

В его ореховых глазах отражался огонь очага.

— Шестое Правило — это ось, вокруг которой вращаются все остальные правила. Это не только самое важное из них, но и самое простое. И тем не менее именно его чаще всего нарушают или игнорируют, и именно оно — наиболее презираемое. Но им необходимо овладеть, невзирая на извечное возмущение бесчисленных глупцов.

Ничтожность, несправедливость и саморазрушение поджидают тех, кто его игнорирует, ибо полуправда гибельна даже для верных учеников, глубоко верующих и бескорыстных последователей.

Вера и чувства — ласковая основа зла. В отличие от разума вера и чувства не устанавливают границ для любого заблуждения, любого чаяния. Это — сильный яд, дающий одурманивающую иллюзию морального права на любое преступление.

Вера и чувства — это тьма в сравнении со светочем разума.

Разум — это квинтэссенция истины. И полностью понять и оценить жизнь можно только с помощью разума, подчиняясь лишь его власти. И отказываясь от власти разума, отторгая самостоятельное мышление, человек обрекает себя на смерть.

К утру следующего дня ушла примерно половина галеанской армии, подчиняясь приказу своей королевы и принца Гарольда. Оставшиеся, как капитан Райан и его молодые солдаты, предпочли сохранить верность Д'Харианской империи.

Лейтенант Лейден — бывший генерал — и все кельтонское войско тоже к утру отбыло в Кельтон. Лейден оставил Кэлен письмо, где написал, что, учитывая решение Галеи порвать с Д'Харианской империей, он вынужден вернуться домой, чтобы защищать Кельтон, поскольку, вне всякого сомнения, эгоистичные действия галеанцев приведут к тому, что Имперский Орден наверняка доберется до долины реки Керн и будет угрожать Кельтону. Он также высказал надежду, что Мать-Испо-

ведница, безусловно, осознает, насколько велика угроза Кельтону, и понимает, что он вовсе не дезертирует и не бросает ее и Д'Харианскую империю, а всего лишь стремится защитить свой народ.

Кэлен знала об уходе войск. Генерал Мейфферт с Уорреном уведомили ее об этом. Так что она ждала этого и наблюдала за отходом армий. Генералу Мейфферту она приказала отпустить всех, кто пожелает. Война в собственном лагере ни к чему хорошему не приведет. А моральный дух тех, кто остался, крепко поддерживало осознание того, что они воюют за правое дело.

В тот же день, когда Кэлен сидела, сочиняя послание генералу Болдуину, командующему всеми кельтонскими войсками, к ней пожаловали генерал Мейфферт с капитаном Райаном. Выслушав их план, она дала капитану Райану разрешение с отборной группой д'харианских спецвойск провести рейды против Ордена. Уоррену и шестерым сестрам поручили сопровождать группу.

Имперский Орден уже продвинулся далеко на юг, и Кэлен срочно нужны были сведения о том, что Орден делает и в каком состоянии его войска. К тому же, учитывая отвратительную погоду — что, впрочем, было только на руку ее армии, — Кэлен хотелось усилить насколько возможно давление на Орден. Капитан Брэдли Райан и его почти тысячная банда были опытными горными егерями и приобрели свой воинский опыт примерно в таких же тяжелых условиях. Кэлен довелось сражаться с капитаном Райаном и его юными галеанскими солдатами, и она сама обучила их сражаться с превосходящими силами противника. Только вот на сей раз численность противника зашкаливала за миллион...

Отборные части генерала Мейфферта — которыми он командовал, пока Кэлен его не повысила — теперь возглавлял капитан Циммер, молодой блондин — д'харианец с бычьей шеей, квадратной челюстью и совершенно неотразимой улыбкой. И эти люди умели все то, что умели солдаты Райана, только были куда опытнее: невозмутимые в любой ситуации, выносливые, абсолютно бесстрашные — и совершенно хладнокровные убийцы. То, от чего большинство солдат бледнело, у этих вояк вызывало лишь ухмылку.

И сражаться они предпочитали именно партизанскими методами, на полную катушку используя свою специальную подготовку. И обожали, когда им предоставляли полную свободу де-

лать то, что они лучше всего умеют. Так что Кэлен, вместо того чтобы контролировать их, полностью развязала им руки.

И все эти д'харианские солдаты коллекционировали уши врагов.

И они были абсолютно преданы Кэлен: она не пыталась командовать ими и не смешивала с остальными войсками, но важнее другое — всякий раз, как они возвращались из рейда, она просила их показать коллекции ушей. Этим ребятам нравилось, что их труд ценят.

Кэлен собиралась позже отправить их за коллекцией галеанских ушей.

Глава 42

Кэлен оглянулась на склонившуюся к корзине с картами аббатису. Уже прошла почти полная лунная фаза с тех пор, как Уоррен отправился в рейд с капитанами Райаном и Циммером. Хотя и довольно трудно предсказать, сколько времени могут длиться такие мероприятия, все равно им пора бы уже и вернуться. И Кэлен отлично знала, какая тревога скрывается за внешней невозмутимостью Верны.

— Верна, — попросила Кэлен, потирая плечи, — не могла бы ты по пути подкинуть дров в огонь?

Кара поднялась со стула:

— Я этим займусь.

Верна достала нужную карту и двинулась к столу, по дороге поблагодарив Кару.

— Вот она, Зедд. Думаю, на ней те места, о которых ты говоришь, изображены лучше.

Зедд развернул карту и положил ее на ту, что уже лежала на столе перед Кэлен. Эта карта была крупномасштабной, более подробно отображая южные регионы Срединных Земель.

— Да, — буркнул Зедд, изучая новую карту. — Видишь вот здесь? — Он постучал по реке Дран. — Видишь, какие узкие тут низины, в южной части? Вот об этом-то я и толкую. Местность гористая, скалистые берега. Поэтому-то я и сомневаюсь, что они двинутся вверх по долине Драна.

— Пожалуй, ты прав, — кивнула Верна.

— Кроме того, — Кэлен провела пальцем на север по первой карте, — в этом направлении главным образом находится лишь Никобарис. А эта страна довольно изолированная, и с этой точки зрения — цель привлекательная, но бедная. Здесь мало чем можно поживиться. У Ордена больше возможностей расширить завоевание, если он останется тут. К тому же видите, как им будет сложно перетащить свою орду через горы Ранг-Шада, если они двинутся вверх по Драну? Со стратегической точки зрения им невыгодно двигаться в этом направлении.

Верна изучала карту, машинально теребя пуговицу своего синего платья.

— Да... Я поняла, что ты имеешь в виду.

— Но твое замечание совершенно справедливо, — сказала Кэлен. — Будет совсем неплохо, если ты отправишь парочку сестер присмотреть за этим регионом. Хоть этот вариант и неверен с логической точки зрения, это вовсе не означает, что Джегань не попытается его осуществить. А нам вовсе не нужен сюрприз в виде Имперского Ордена, ломящегося в задние ворота Эйдиндрила.

В дверь постучали и Кара открыла. Это оказался старший разведчик Хайс. Увидев в открытую дверь капитана Райана, тоже направлявшегося к избушке, Кэлен встала.

Хайс отсалютовал, прижав кулак к сердцу.

— Рада тебя видеть, капрал Хайс, — приветствовала его Кэлен.

— Благодарю, Мать-Исповедница. Приятно снова оказаться дома.

Вид у него был такой, словно он не отказался бы от каких-нибудь харчей. В хижину ввалился капитан Райан. И Кара тут же ее закрыла, чтобы не намело снега. Хайс отошел в сторонку, убравшись с дороги.

Кэлен была рада возвращению молодого офицера.

— Как дела, капитан? Как все остальные?

Райан снял шарф и шерстяную шапку.

— Отлично, — ответил капитан. — Мы неплохо поработали. Сестры залатали нескольких раненых. Некоторых пришлось тащить, пока у сестер не нашлось время ими заняться. Это нас и задержало. Есть незначительные потери, но далеко не такие, как мы боялись. Уоррен нам крепко помог.

— А где сам Уоррен? — поинтересовался Зедд.

И тут, как бы в ответ на призыв, в дверь ввалился запорошенный снегом Уоррен. Кэлен заметила выражение лица Верны и вспомнила, какое испытывала облегчение, когда Ричард возвращался к ней после разлуки. Уоррен небрежно чмокнул Верну в щеку. Кэлен в отличие от всех прочих заметила взгляд, которым они обменялись. Она порадовалась за них, но все же это болезненно напомнило о Ричарде.

— Ты им рассказал? — спросил Уоррен, расстегивая плащ.

— Нет, еще не успел, — покачал головой Райан.

— Рассказал о чем? — нахмурился Зедд.

Уоррен вздохнул.

— Ну, стеклянная пыльца Верны сработала даже лучше, чем мы могли надеяться. Мы захватили нескольких имперцев и допросили с пристрастием. Те покойники, которых мы тогда видели в долине, — лишь первые ласточки.

Верна помогла Уоррену скинуть тяжелый обледеневший плащ и бросила на пол у очага, рядом с коричневым плащом капитана Райана.

— Судя по всему, — продолжил Уоррен, — довольно многие, тысяч шестьдесят—семьдесят, зрения полностью не потеряли, а лишь ослепли на один глаз или стали плохо видеть. Орден не может бросить их, поскольку они все же достаточно здоровы, чтобы оставаться с армией, но, что гораздо важнее, есть надежда, что эти люди могут все же выздороветь и зрение у них полностью восстановится. И, соответственно, снова смогут сражаться.

— Это вряд ли, — хмыкнула Верна.

— Я тоже в этом сомневаюсь, — согласился Уоррен, — но, во всяком случае, имперцы так думают. Еще довольно немалое количество — тысяч двадцать пять, может, тридцать — больны. У них чудовищно воспалены глаза и нос.

— Воздействие стекла, — кивнула Верна.

— Примерно тысяч десять—пятнадцать испытывают трудности с дыханием.

— Значит, — быстро произвела подсчет Кэлен, — с учетом погибших и пострадавших достаточно сильно, чтобы не иметь возможности принимать участие в боевых действиях, потери Ордена от стеклянной пыли составляют примерно сто пятьдесят тысяч человек. Весьма недурственное достижение, Верна.

Верна казалась не менее довольной, чем Кэлен.

— Это стоит той бешеной скачки — я тогда чуть со страху не умерла, — ухмыльнулась она. — Хотя, не сделай мы все именно так, результат был бы менее впечатляющим.

— Мы с капитаном Циммером добились примерно тех результатов, на которые и рассчитывали. По моим прикидкам, мы положили примерно тысяч десять имперцев.

— Неплохая драчка, — присвистнул Зедд.

— Да не очень. Не так, как нас учила это делать Мать-Исповедница, и не так, как работает капитан Циммер. В основном мы старались уничтожить как можно больше врагов, вовсе не вступая в драку. Если перерезать глотку спящему, то успеваешь куда больше, и у тебя куда меньше шансов пострадать самому.

— Я рада, что ты оказался таким хорошим учеником, — улыбнулась Кэлен.

— Уоррен с сестрами нам здорово помогли перемещаться так, чтобы нас не заметили. Белых плащей еще не привезли? Нам бы они очень пригодились. Если бы у нас были эти плащи, мы бы смогли сделать куда больше.

— Первая партия поступила буквально вчера, — сообщила офицеру Кэлен. — Их вполне хватит для твоих людей и для парней капитана Циммера. А через несколько дней привезут еще.

— Капитан Циммер будет весьма рад. — Райан потер руки, стараясь отогреть пальцы.

— Вам удалось выяснить, почему они так далеко отошли на юг? — спросил Зедд.

Уоррен кивнул.

— Мы допросили пленных: у них в лагере вовсю гуляет лихорадка. Это не наших рук дело. Самая обычная лихорадка, частенько вспыхивающая среди большого скопления людей в полевых условиях. Но она унесла десятки тысяч человек. Поэтому они предпочли убраться от нас подальше, чтобы дать себе передышку. Они нисколько не сомневаются, что запросто оттеснят нас назад, как только пожелают.

И это соответствовало истине. Учитывая численность орды, имперцы и впрямь могли быть уверены, что запросто сметут любое сопротивление. И все же Кэлен не понимала, почему Райан с Уорреном выглядят такими пришибленными. Она нутром чувствовала, что, помимо принесенных хороших новостей, они оба что-то недоговаривают.

— Добрые духи! — жизнерадостно воскликнула она, желая их подбодрить. — Да их численность тает буквально как снег в огне! Это куда лучше, чем...

— Я попросил Хайса в первую очередь явиться к вам и доложить обстановку, — поднял руку Уоррен. — Думаю, вам всем стоит сперва его выслушать.

Кэлен жестом велела капралу подойти. Тот бодро подошел к столу и замер навытяжку.

— Послушаем, что вы хотите нам сообщить, капрал Хайс.

Лицо д'харианца было пепельно-серым, и, несмотря на холод, он обливался потом.

— Мать-Исповедница, наша разведгруппа была на юго-востоке, ведя наблюдение за дорогами из степи, на случай если Орден решит обойти нас с флангов. Ну, если коротко, то мы увидели колонну, идущую на запад.

— Армия Ордена очень большая, — заметила Кэлен, — так что они неизбежно должны получать снабжение и обеспечение с родины, в дополнение тому, что они грабят здесь. А колонну фуражиров обязательно сопровождает охранение.

— Я следовал за ними неделю, чтобы подсчитать численность.

— И сколько же их? — спросила Кэлен.

— Больше четверти миллиона, Мать-Исповедница.

Кэлен вздрогнула, будто тысячи ледяных иголок вонзились в кожу.

— Сколько-сколько? — уточнила Верна.

— Как минимум двести тысяч пятьсот солдат, плюс возницы и гражданские с фуражом.

Все, ради чего они трудились, все жертвы, вся борьба за уничтожение Имперского Ордена... Все напрасно! Все их усилия сведены к нулю — численность противника даже увеличилась с начала экспансии.

— Добрые духи, — прошептала Кэлен, — сколько же человек Орден собирается на нас обрушить?

Встретившись взглядом с Уорреном, она поняла, что даже это число его не удивляет.

— Хайс, — Уоррен указал на разведчика, — видел только первую группу. Пленники сообщили нам об ожидающемся подкреплении. Мы не были уверены, что они говорят правду, — а умали, может, они пытаются запугать нас, но потом мы повстре-

чались с группой капрала Хайса, возвращавшейся в лагерь. Тогда мы еще немного там пошныряли и поразнюхивали. Поэтому-то и задержались.

— Еще четверть миллиона... — пробормотала Кэлен. Все вдруг стало казаться таким безнадежным...

Уоррен прокашлялся.

— Это лишь первая колонна свежих сил. За ней идут еще.

Кэлен подошла к очагу и протянула руки к огню, уставившись на язычки пламени. Она стояла возле статуэтки, вырезанной для нее Ричардом. Кэлен пожалела, что не может сейчас испытывать те чувства, что воплощает гордая «Сильная духом». Похоже, она в состоянии лишь думать о смерти.

Новости об идущем на помощь Имперскому Ордену подкреплении и об отбытии галеанских и кельтонских войск вихрем разнеслись по лагерю. Кэлен, Зедд, Уоррен, Верна, Эди и генерал Мейфферт, а также прочие офицеры ничего не скрывали от своих подчиненных. Эти люди ежедневно рисковали жизнью и имели полное право знать истинное положение вещей. Если Кэлен шла по лагерю и кто-то набирался достаточно смелости, чтобы задать ей вопрос, она честно говорила все, что знает. Конечно, она старалась и приободрить солдат, но и правды не скрывала.

Все эти люди были поистине бесстрашны. Но мрачные мысли, казалось, потихоньку гасили в них жизнелюбие. Они вяло исполняли свои ежедневные обязанности, как бы смирившись с судьбой, принимая неизбежное. Новый мир не мог предложить укрытия, здесь нигде не было безопасного места, где можно было бы укрыться от нависшей громады Имперского Ордена.

Кэлен старалась демонстрировать солдатам решительность. У нее не было выбора. Капитан Райан и его люди лучше прочих справлялись с ситуацией. Смерть им не грозила. Они и так уже были мертвы. Как и Кэлен, эти молодые галеанцы дали клятву мертвеца, и к жизни могли вернуться лишь после уничтожения Ордена.

Капитана Циммера и его подчиненных тоже сложившаяся ситуация мало беспокоила. Они знали, что им нужно делать, и просто делали свое дело. У каждого теперь было по несколько связок ушей. После каждой сотни они начинали новую связку. Для них было делом чести нанизывать на нить лишь правое ухо

врага, так что двух ушей, принадлежавших одному человеку, среди их трофеев не имелось.

Представитель Терио из Хергеборга сдержал слово. Белые шерстяные плащи, шапки и варежки доставлялись каждую неделю, и эта маскировка помогала в рейдах против Имперского Ордена. И эти вылазки были на удивление удачными: в лагере Ордена свирепствовала лихорадка и многие плохо видели после поражения глаз стеклянной пылью. Солдат в маскировочном облачении отправляли также на перехват фуражиров, в надежде нейтрализовать идущее на помощь ордену подкрепление еще до того, как эти войска объединятся с основными силами противника.

И все же эти наскоки были для Ордена, как дракону дротик.

Кэлен, побеседовав с только что вернувшейся с задания группой, вернулись в избушку и обнаружила Зедда. Старый волшебник в одиночестве изучал внесенные в карты изменения.

— Нам повезло, — сообщила она Зедду, снимая меховую мантию. — В группе всего несколько раненых. А уничтожен большой отряд патруля. Они перебили их всех, включая одну из колдуний Джеганя.

— Тогда почему у тебя такое унылое лицо?

Кэлен лишь безнадежно развела руками.

— Не надо так уж отчаиваться, — сказал Зедд. — Отчаяние — частая спутница войны. Не помню уж сколько лет назад... когда я был молод, в той войне был момент... Всем нам казалось, что еще чуть-чуть, и нам конец. Но мы все преодолели и в конечном итоге победили.

— Да знаю я, Зедд, знаю. — Кэлен потерла озябшие руки. Ей страшно не хотелось произносить этого, но все же она сказала. — Ричард не пожелал возглавить войска, так как считал, что при нынешнем положении вещей мы не можем победить. Он сказал, что независимо от того, будем мы сражаться с Орденом или нет, мир все равно окажется под властью Ордена, и если мы станем биться, то это лишь повлечет лишние потери. Мы все равно потерпим поражение, Орден все равно станет править миром, а все шансы на победу для нас в будущем будут окончательно потеряны.

Зедд поглядел на нее одним глазом.

— Тогда что ты тут делаешь?

— Ричард сказал, что победить мы не можем, но добрые духи, я не могу позволить себе в это поверить. Я скорее погиб-

ну, сражаясь за свободу, за свободу моего народа, чем соглашусь стать рабыней. И все же я знаю, что иду наперекор желанию Ричарда, его совету и приказам. Я дала ему слово... У меня такое чувство, будто я падаю в зыбучий песок предательства и всех тяну за собой.

Она поглядела Зедду в лицо, желая увидеть хоть малейший признак, что Ричард мог ошибиться.

— Ты сказал, что он самостоятельно вывел Шестое Правило Волшебника — что мы должны использовать свой разум, чтобы видеть реальное положение вещей. У меня была надежда. Я думала, он наверняка ошибается насчет безнадежности этой войны, но теперь...

Зедд улыбнулся, будто увидел нечто забавное в том, что Кэлен считала ужасающим.

— Эта война будет долгой. Так что она вовсе не безнадежна, и ничего еще не решено. И в такой войне сомнения, страхи, ощущение беспомощности — бремя полководцев. Это все чувства и эмоции, а вовсе не обязательно реальное положение вещей. Пока нет. Нам еще многое придется перенести. Ричард выдал свое решение, исходя из ситуации на тот момент, когда он это говорил. Но кто сказал, что люди уже сейчас не готовы доказать ему, что достойны его? Доказать, что готовы отбросить Орден? Возможно, то, что необходимо Ричарду, чтобы возглавить борьбу, уже произошло.

— Но я знаю, он настойчиво предостерегал меня от участия в этой битве. И он был тверд в своем убеждении. И все же... у меня нет его силы, нет сил просто повернуться спиной к происходящему и — будь, что будет... Я отправила послание с просьбой прислать еще войска.

Зедд снова улыбнулся, как бы говоря, что все возможно.

— На то, чтобы превзойти врага по численности, сил потребуется немало. Полагаю, нам еще только предстоит нанести Ордену ощутимый урон, но мы непременно это сделаем. Мы с сестрами Света что-нибудь эдакое непременно изобретем. В таких делах никогда ничего нельзя знать наверняка. Вполне возможно, что мы вдруг сделаем нечто такое, что отшвырнет их назад.

Кэлен, улыбнувшись, потрепала волшебника по плечу.

— Спасибо, Зедд. Я так рада, что ты с нами. — Ее взгляд остановился на статуэтке, гордо стоящей на каминной полке. И она

подошла ближе к очагу, как к алтарю, на котором стоит священная реликвия. — Добрые духи, как же мне его недостает!

В ее словах звучал невысказанный вслух вопрос, надежда, что старый волшебник скажет то, что поможет вернуть Ричарда.

— Я знаю, дорогая. Я тоже по нему скучаю. Он жив, и это самое главное.

Кэлен смогла лишь кивнуть.

Зедд хлопнул в ладоши, будто его осенила какая-то блестящая идея.

— А сейчас нужно нечто такое, что может отвлечь всех от насущных проблем. Что-то, чему все смогут вместе порадоваться.

— Например? — Кэлен нахмурилась. — Ты имеешь в виду игру или что-то в этом роде?

Он задумался.

— Не знаю. Что-то радостное. То, что покажет всем, что Орден не в силах помешать нам жить нашей жизнью. Не может помешать нам радоваться жизни, наслаждаться ею. — Он меланхолично почесал подбородок. — Есть идеи?

— Ну, у меня мысли не в ту сторону...

И тут в избушку вошел Уоррен.

— Только что получил хорошие новости из долины Драна. Счастливый денек для нас — никакого шевеления, как мы и рассчитывали.

И резко остановился, все еще не выпуская ручку двери, переводя взгляд с Кэлен на Зедда и обратно.

— В чем дело? Что происходит? Чего это вы двое на меня так уставились?

Подоспевшая Верна впихнула Уоррена в домик.

— Давай-давай, заходи! И закрой дверь. Да что с тобой! На улице же колотун!

Фыркнув, она сама захлопнула дверь. Повернувшись, она увидела Кэлен с Зеддом и невольно отступила на шаг.

— Верна, Уоррен, — елейным тоном пропел Зедд, — заходите, заходите!

— Что это вы оба ухмыляетесь? Что затеяли? — сердито глянула на них Верна.

— Ну, — прикинулся дурачком Зедд, подмигнув Кэлен, — мы с Матерью-Исповедницей только что обсуждали грандиозное событие.

Взгляд Верны потемнел еще больше и она грозно подалась вперед.

— Какое еще грандиозное событие? Ни о каком грандиозном событии я не слышала!

Даже Уоррен, обычно не склонный к гневу, тоже начал сердиться.

— Вот именно. Что еще за грандиозное событие?

— Ваша свадьба, — сообщил Зедд.

— Правда? — недоверчиво спросил Уоррен и лицо его озарилось счастливой улыбкой.

— Правда? — эхом повторила Верна.

— Ага, правда! — хихикнула Кэлен.

Глава 43

Подготовка к свадьбе Уоррена и Верны заняла больше двух недель. Не то чтобы нельзя было подготовить все гораздо быстрее, просто, как объяснил Зедд Кэлен, «лучше потянуть время». Он хотел, чтобы все прониклись важностью момента и предвкушали веселье. Чтобы было побольше времени на организацию, изготовление украшений, на приготовление особых блюд и вообще чтобы лагерь принял подобающий облик для большого праздника. Дать людям время вдоволь посплетничать и поболтать о свадьбе в предвкушении торжеств.

Поначалу солдаты довольно вяло приняли новость, но вскоре прониклись атмосферой праздника и вся подготовка превратилась в грандиозное всеобщее веселье.

Уоррена любили все. Он относился к тому типу людей, которых все чуть-чуть жалеют и которые вызывают невольное желание их защищать — эдакий застенчивый нескладеха. Большинство не смыслило ни бельмеса в том, что он говорил. И считали его мало привлекательным для женщин. И то, что он сумел-таки завоевать сердце дамы, казалось им ну совершенно удивительным, и давало мужчинам повод гордиться тем, что он один из них. Это давало им надежду, что в один прекрасный день у них тоже будет свадьба, жена, семья, даже

если зачастую все эти храбрые воины внутренне опасались, что и они частенько тоже бывают застенчивыми и неловкими.

Даже за Верну радовались совершенно искренне. Солдаты ее уважали, но никогда не выказывали теплых чувств. Поэтому их веселые и откровенные пожелания всяческих благ приводили Верну в замешательство.

Так что весь лагерь был охвачен предпраздничной суетой куда больше, чем могла надеяться Кэлен. После небольшой заминки в самом начале, уставшие от боев и потерь, давно оторванные от домов и семей солдаты, переварив новость, со вкусом приняли участие в развлечении.

В центре лагеря очистили большой круг — палатки передвинули и возвели на грузовых фургонах помосты, — там-то и должна была проходить свадебная церемония. Помосты нужны были для того, чтобы все присутствующие могли лучше видеть происходящее. Рядышком отвели место под танцы, и все, кто умел играть на музыкальных инструментах и не был на задании, проводили дни и ночи в репетициях. Даже хор организовали, и теперь он репетировал в овраге неподалеку. Куда бы Кэлен ни шла, она постоянно слышала барабаны и флейты, или пронзительные звуки гобоя, или мелодичное звучание струнных инструментов. Музыканты боялись сфальшивить во время праздника куда больше, чем боялись всего Имперского Ордена вместе взятого.

Поскольку в наличии имелось больше сотни сестер Света, было решено устроить после церемонии танцы. Сестры восприняли эту мысль положительно, пока до них не дошло, сколько мужчин приходится на одну женщину и со сколькими им придется танцевать. Но даже несмотря на это, они пришли в восторг от того, сколько внимания им будет уделено во время танцев, и в общем-то идею одобрили. Женщины, возраст которых измерялся столетиями, краснели как девчонки, когда к ним обращались молодые мужчины с просьбой оставить для них танец на грядущей свадьбе.

Ближе к свадьбе солдаты расчистили в лагере своего рода улицы, чтобы после церемонии свадебная процессия могла пройти по всему лагерю. Все хотели иметь возможность лично приветствовать молодоженов и пожелать им счастья.

Кэлен же решила, что после свадьбы Уоррен с Верной поселятся в избушке. Это был ее свадебный подарок, поэтому она пока держала свою задумку в секрете. Так что Кэлен с Карой для

видимости поддержали идею масс поставить в сторонке палатку для молодоженов. Кара перенесла вещи Верны в эту самую палатку, где все усыпала пахучими травами и ягодами. Уловка сработала. Верна поверила, что палатка предназначена им с Уорреном, и запретила ему заходить туда до свадьбы.

День свадьбы выдался погожим и не слишком холодным, так что обморозиться никто не рисковал. Снег быстренько убрали с центральной площадки, так что теперь можно было спокойно веселиться. Кое-кто из сестер пришел проверить состояние импровизированной танцплощадки, опробуя ее и давая мужчинам возможность полюбоваться теми, с кем им, возможно, доведется станцевать. Если повезет. Все это было проделано с весельем и задором.

Поскольку Верна все утро провела в своей палатке, где хихикающие сестры делали ей прическу, накладывали макияж и наводили последний штрих на свадебное платье, Кэлен наконец получила возможность украсить и привести в должный вид избушку. Под стрехой в разных углах она повесила мешочки с пахучим бальзамом и украсила стенки пучками красных ягод, за неимением ничего лучшего.

Одна из сестер дала Кэлен кусок полотна, из которого та сделала занавеску на окно. Она трудилась над ней по ночам, вышивая на ткани узоры, чтобы придать простой ткани нарядный вид. А когда все собирались на совещания, прятала ее под подушкой, чтобы Верна с Уорреном не видели. Кэлен расставила по всей комнате ароматные свечи, подаренные сестрами, и наконец повесила занавеску на окно.

Единственное, что Кэлен решила забрать из избушки с собой в палатку, — это статуэтку.

Кэлен как раз застилала постель свежим бельем, когда в избушку ввалилась Кара с чем-то синим в руках.

Заправляя простыню под матрас, Кэлен взглядом проследила, как Кара захлопывает дверь.

— Что это ты приволокла?

— Не поверишь, — ухмыльнулась Кара. — Широкую синюю шелковую ленту. Сестры принайтовали Верну к стулу, пока кудахчат над ней, Зедд отправил Уоррена куда-то там, так что я подумала, что мы с тобой вполне можем использовать эту ленту, чтобы украсить избушку. Чтобы красивее было. Вот, например, можно обернуть лентой мешочки с бальзамом. Будет красиво.

— Отличная мысль, — удивленно пробормотала Кэлен.

Она не знала, что ее больше удивило — вид Кары с синей шелковой лентой или то, что морд-сит произносит слова «украсить» и «красиво» на одном дыхании. И незаметно улыбнулась, довольная тем, что слышит из уст грозной телохранительницы подобное. Зедд куда больший волшебник, чем он думает.

Кэлен с Карой тщательно укрепили ленту на стенке, обвивая ее вокруг мешочков. Стенка получилась такой красивой, что Кэлен глаз не могла от нее оторвать и все время улыбалась. Затем они принялись за стену напротив двери, не жалея ленты, чтобы произвести максимальное впечатление на Уоррена с Верной, когда они войдут в избушку.

— А где ты вообще раздобыла эту ленту? — прошепелявила Кэлен с полным ртом булавок.

— Бенджамин мне достал, — хихикнула Кара, прикрепляя ленту. — И заставил меня пообещать не спрашивать, где он ее раздобыл. Можешь в это поверить?

Кэлен вынула булавки изо рта.

— Кто?

— Что кто? — Высунув язык, Кара старательно загнала булавку в крепкую древесину.

— Кто, ты сказала, дал тебе ленту?

Кара подняла с пола очередную шелковую полоску.

— Генерал Мейфферт. Понятия не имею, где он...

— Ты сказала «Бенджамин».

Опустив ленту, Кара уставилась на Кэлен.

— Ничего подобного.

— Нет, сказала. Назвала его Бенджамином.

— Я сказала генерал Мейфферт. Ты просто подумала...

— Я понятия не имела, что генерала Мейфферта зовут Бенджамин.

— Ну...

— Бенджамин — имя генерала Мейфферта?

Кара обиженно глянула на Кэлен:

— Ты же знаешь, что да.

Кэлен победоносно ухмыльнулась:

— Теперь знаю.

Кэлен облачилась в белое платье Матери-Исповедницы. И с некоторым изумлением отметила, что платье стало чуть-чуть велико, впрочем, учитывая обстоятельства, стоило ли этому удивляться. Из-за мороза она взяла и сделанную для нее из волчьей

шкуры мантию, но набросила ее, как плащ. Кэлен наблюдала за церемонией и смотрела на десятки тысяч спокойных лиц. Позади нее возвышалась зеленая стена переплетенных еловых лап. Дыхание вырывалось облачками пара в тихом послеполуденном солнечном воздухе.

Поскольку Зедд проводил церемонию, к Кэлен он стоял спиной. И Кэлен зачарованно взирала на его волнистые белые волосы, обычно всклокоченные, но сегодня тщательно расчесанные и аккуратно уложенные. Волшебник был в своем роскошном темно-бордовом балахоне с черными рукавами и капюшоном. Обшлага отделаны серебряной канителью, а ворот и грудь расшиты золотом. На талии одеяние перетягивал красный атласный пояс с золотой пряжкой. Рядом с ним стояла Эди в обычном платье колдуньи с красной и желтой вышивкой по вороту. И почему-то такой контраст не резал глаз.

Верна была в роскошном лиловом, расшитом золотой канителью по квадратному вырезу платье. Великолепная золотая вышивка украшала узкие рукава, убегая под золотую ленту, стягивающую их у локтя. Легкая накидка закрывала грудь и спускалась на широкую юбку, доходившую почти до пола. Волнистые каштановые волосы Верны украшали синие, золотые и алые цветочки, сделанные сестрами из кусочков шелка. Сияя улыбкой, она являла собой красивую невесту-колдунью, стоящую подле симпатичного жениха в лиловом балахоне волшебника.

Церемония подходила к кульминации, и казалось, все присутствующие подались вперед.

— Берешь ли ты, Верна, этого волшебника себе в мужья, — проговорил Зедд ясным голосом, разносящимся над всей толпой, — сознавая его дар и связанные с этим обязанности, и клянешься ли любить и почитать его до самой смерти?

— Да, — мягко проговорила Верна.

— Берешь ли ты, Уоррен, — заговорила Эди, и голос ее по контрасту с голосом Верны казался еще более скрипучим, — эту колдунью себе в жены, сознавая ее дар и связанные с этим обязанности, и клянешься ли любить и почитать ее до самой смерти?

— Да, — решительно ответил Уоррен.

— Тогда, согласно твоей свободной воле, я признаю тебя, колдунья, достойной этого союза и с радостью благословляю его. — Зедд воздел руки. — Я прошу добрых духов улыбкой принять клятву этой женщины.

— Тогда, согласно твоей свободной воле, я признаю тебя, волшебник, достойным этого союза и с радостью благословляю его. — Эди воздела руки. — Я прошу добрых духов с улыбкой принять клятву этого мужчины.

Все четверо взялись за руки и склонили головы. В центре образованного ими круга воздух засветился и яркий луч вознеся к небесам, будто понес их клятву добрым духам.

Затем Зедд с Эди хором произнесли:

— Отныне вы навечно являетесь мужем и женой, связанными клятвой, любовью, а теперь и волшебным даром.

Волшебный свет начал рассасываться снизу вверх, пока не превратился в одинокую звезду, висящую прямо над ними на послеполуденном небосклоне.

В морозной тишине тысячи людей завороженно смотрели, как Верна с Уорреном скрепляют поцелуем союз, заключенный на свадебной церемонии, которую им вряд ли еще когда доведется увидеть: бракосочетание колдуньи и волшебника, отныне связанных не только простыми обетами, но также и магией.

Когда Уоррен с Верной оторвались друг от друга, оба сияя счастливой улыбкой, толпа взревела. В воздух полетели шапки, загремели радостные вопли.

Сияющие Верна с Уорреном, взявшись за руки, повернулись к солдатам и помахали. Солдаты приветствовали их криками, аплодисментами и свистом, будто каждый из них только что пожениł родную сестру и лучшего друга.

И тут грянул хор, взяв такую высокую ноту, что звук эхом отразился от деревьев вокруг. Кэлен аж мороз пробрал. И все в долине почтительно замолчали.

Кара, наклонившись к Кэлен, изумленно прошептала, что хор исполняет древнюю д'харианскую свадебную песнь, родившуюся тысячелетия назад. Поскольку певцы тренировались в уединении, Кэлен впервые услышала эту песню. Мелодия была столь могучей, что смела все эмоции, оставив лишь желание наслаждаться ею. Стоящие на краю платформы Уоррен с Верной тоже попали под власть прекрасного гимна их союзу.

В игру вступили флейты, затем тамбурины. Солдаты, в большинстве своем д'харианцы, улыбались, слушая знакомую музыку. И тут Кэлен вдруг сообразила, что поскольку она чуть ли не всю жизнь считала Д'Хару враждебной державой, то ей никогда и в голову не приходило, что у д'харианцев тоже есть свои традиции и обряды, важные, захватывающие или любимые.

Кэлен покосилась на Кару, которая рассеянно улыбалась, слушая пение. Для Кэлен вся огромная Д'Хара являлась тайной. Она знала лишь д'харианских солдат. И не имела ни малейшего представления о д'харианских женщинах — за исключением морд-сит, а их вряд ли можно посчитать типичными представительницами женского населения Д'Хары, — детях, домах, обычаях. В конечном итоге она начала считать д'харианцев союзниками, но лишь теперь сообразила, что ничего, по сути, не знает об этом народе, о его наследии.

— Это чудесно, — шепнула она Каре.

Кара кивнула, поглощенная чудесной мелодией, так хорошо знакомой ей, и экзотической новинкой для Кэлен.

Когда хор смолк, Верна, чуть шагнув назад, сжала руку Кэлен. Своего рода извинение, знак понимания того, насколько тяжела должна быть для Кэлен эта церемония.

Не желая позволять тоске омрачать торжественное событие, Кэлен ответила на взгляд Верны сияющей улыбкой. И шагнула вперед, встав за спиной Верны и Уоррена, приобняв обоих за плечи. Толпа постепенно смолкла и Кэлен заговорила.

— Отныне эти двое принадлежат друг другу. Возможно, они всегда друг другу принадлежали. Теперь они вместе навсегда. Да пребудут с ними вечно добрые духи.

Вся толпа как один повторила последнюю фразу.

— Я хочу от всего сердца поблагодарить Верна и Уоррена за то, — продолжила Кэлен, обводя взглядом многотысячную толпу, — что они напомнили всем нам, что такое жизнь. Трудно найти более простое и ясное выражение того, ради чего мы действительно сражаемся, чем сегодняшняя свадьба.

Слушатели согласно закивали.

— Ну а теперь кто желает посмотреть, как эта парочка танцует свой первый танец? — воскликнула Кэлен.

Зрители с радостными криками подались назад, освобождая центральную площадку. Музыканты выстроились за скамейками вокруг.

Пока Уоррен с Верной спускались с платформы, чтобы открыть танцы, Кэлен обняла Зедда и чмокнула в щеку.

— Это одна из лучших твоих затей, волшебник.

Он посмотрел на нее своими ореховыми глазами, которые, казалось, проникали в самую душу.

— Ты в порядке, милая? Я понимаю, что все это тяжко.

Кэлен кивнула, упорно продолжая улыбаться:

— В полном. А тебе все это вдвойне тяжелей.

Зедд внезапно улыбнулся.

— Вот теперь узнаю Мать-Исповедницу! В вечной тревоге за других.

Кэлен смотрела, как смеющиеся Уоррен с Верной кружатся в танце в кругу хлопающих солдат.

— Когда они закончат, а ты станцуешь с Эди, не потанцуете ли со мной, сударь? — спросила Кэлен.

— Вместо него?

— Уверена, что ему бы этого хотелось.

Кэлен не могла сейчас заставить себя произнести его имя, иначе волшебство веселой церемонии было бы безвозвратно нарушено.

Зедд игриво вздернул бровь.

— А с чего ты взяла, что я умею танцевать?

— Да потому что нет на свете ничего, что ты не умеешь! — рассмеялась Кэлен.

— Я быть способна выдать целый список того, чего этот тощий старик не умеет, — с улыбкой сообщила возникшая за спиной Зедда Эди.

Когда молодожены закончили первый танец, на площадку стали выходить и другие пары. Зедд с Эди тоже отправились на танцевальный круг, чтобы показать молодежи, как это делается. Кэлен стояла возле круга вместе с Карой. К ним протолкался смеющийся генерал Мейфферт.

— Мать-Исповедница! — Напор толпы подтолкнул его еще ближе. — Мать-Исповедница, какой чудесный день, верно? Видели ли вы когда-нибудь что-либо подобное?

Кэлен невольно улыбнулась совершенно счастливому генералу.

— Нет, генерал Мейфферт, не думаю.

Офицер быстро глянул на Кару. Некоторое время неловко потоптавшись, он затем повернулся к танцующим. Хотя за последнее время люди получше узнали Кэлен, все же она была Исповедницей, женщиной, рядом с которой и стоять-то боялись, не то что прикасаться. Так что вряд ли кто-нибудь отважится пригласить на танец Исповедницу.

Или морд-сит.

— Генерал? — окликнула Кэлен Мейфферта. — Генерал, не могли бы вы оказать мне огромную личную услугу?

— Конечно, Мать-Исповедница! — рявкнул офицер. — Все, что пожелаете! Что я могу для вас сделать?

Кэлен указала на танцевальный круг и толпящихся вокруг солдат и сестер.

— Не могли бы вы потанцевать? Я понимаю, что в принципе мы должны быть начеку во избежание возможных недоразумений, но мне кажется, что люди намного лучше проникнутся праздничным духом этого торжества, если их генерал выйдет в круг и спляшет.

— Сплясать?

— Да.

— Но я... То есть я не знаю, кто...

— Ой, пожалуйста, перестаньте выкручиваться! — Кэлен повернулась, будто ей только что пришла в голову мысль. — Кара. Почему бы тебе не пойти с ним потанцевать, чтобы его люди поняли, что они тоже могут подключиться к танцам?

Голубые глаза Кары заметались между Кэлен и генералом.

— Ну, вообще-то я не понимаю, каким образом...

— Сделай это ради меня. Ну пожалуйста, Кара! — Кэлен повернулась к генералу. — По-моему, мне довелось слышать, как кто-то упоминал, что вас зовут Бенджамин?

Генерал почесал висок.

— Верно, Мать-Исповедница.

Кэлен снова обернулась к Каре.

— Кара, Бенджамину вот нужна партнерша на танец. Как насчет тебя? Пожалуйста. Ради меня!

Кара откашлялась.

— Ну ладно. Только ради вас, Мать-Исповедница.

— И не вздумай переломать ему ребра или еще что-нибудь. Нам нужны его таланты.

Кара бросила на Кэлен сердитый взгляд, пока довольный генерал вел ее в круг.

Скрестив руки на груди, Кэлен с ухмылкой смотрела, как генерал обнял Кару. Денек получился почти что идеальный. Почти что.

Кэлен наблюдала, как Бенджамин изящно кружит Кару в танце, а солдаты вытаскивают вдруг засмущавшихся сестер из рядов зрителей в танцевальный круг. И тут к ней подскочил капитан Райан.

Он вытянулся в струнку.

— Мать-Исповедница... Хм, ну... Мы через многое с вами прошли, и, если не сочтете меня чересчур дерзким, могу ли я пригласить вас... ну, на танец?

Кэлен изумленно заморгала, уставившись на молодого галеанца.

— Ой, ну конечно, Брэдли! Я с удовольствием с тобой потанцую. Но только если ты пообещаешь, что не станешь обращаться со мной, как со стеклянной. Мне совсем не хочется выглядеть глупо.

Ухмыльнувшись, он кивнул.

— Договорились!

Кэлен вложила ладонь ему в руку, а вторую положила на плечо. Капитан обнял ее широкой ладонью за талию под мантией и закружил в танце среди радостно приветствовавших их зрителей. Кэлен стойко выдержала все это, улыбаясь и смеясь. Она думала о статуэтке, напоминая себе, что ей необходимо быть такой же стойкой, что она в состоянии расслабиться и принимать праздник как он есть и не думать о том, чего нет, пока чужой мужчина обнимает ее, пусть и застенчиво.

— Брэдли, ты чудесный танцор.

Его глаза гордо сверкнули. Кэлен почувствовала, как напряжение оставило его, и он плавно заскользил под звуки музыки. Кэлен углядела Кару с Бендажмином, отчаянно старавшихся танцевать, не глядя друг на друга. Когда генерал кружил Кару вокруг себя, он твердо поддерживал ее за талию, длинные светлые волосы Кары развевались шлейфом. Затем Кэлен увидела, как Кара глядит в глаза Мейфферта и улыбается.

Кэлен мысленно облегченно вздохнула, когда танец закончился и капитана Райана сменил Зедд. Прижавшись к старому волшебнику, она задвигалась в медленном ритме.

— Я тобой горжусь, Мать-Исповедница. Ты подарила этим людям прекрасную вещь.

— И что же?

— Свое сердце. — Он склонил голову набок. — Видишь, как они на тебя смотрят? Ты придаешь им мужество. Ты дала им повод верить в то, что они делают.

— Ах ты хитрюга! Ты можешь дурить головы другим, но не мне. Это ты придаешь мне мужество.

Зедд лишь улыбнулся.

— Знаешь, с самой первой Исповедницы ни один мужчина не догадался, как любить такую женщину, чтобы при этом ее

магия не уничтожила его. И я рад, что именно моему внуку удалось совершить этот подвиг благодаря его любви к тебе. Я люблю тебя как родную внучку, Кэлен, и жду не дождусь того дня, когда ты снова будешь вместе с моим внуком.

Кэлен положила голову Зедду на плечо и они продолжили молча танцевать, предаваясь своим воспоминаниям.

Танцы продолжались. Солнце наконец зашло и теперь площадку освещали факелы и огни костров. Сестры после каждого танца меняли партнеров, и все же вереница веселых мужчин, желающих с ними потанцевать, не заканчивалась, причем отбоя не было от партнеров не только у самых молодых и красивых сестер. Помощники поваров расставили на столах простое угощение, обмениваясь шуточками с солдатами, отправлявшимися на службу. Уоррен с Верной между танцами продегустировали самые различные блюда с разных столов.

Кэлен еще разок станцевала с капитаном Райаном и еще раз с Зеддом, но затем заняла себя беседой с солдатами и офицерами, чтобы ей больше не пришлось с кем-либо танцевать, на тот случай, если кто-то еще наберется храбрости пригласить ее на танец. Так ей куда лучше удавалось наслаждаться празднеством.

Она как раз беседовала с юными офицерами, наперебой рассказывающими ей, как им нравится праздник, когда кто-то тихонько тронул за плечо. Обернувшись, она увидела улыбающегося Уоррена.

— Мать-Исповедница, почту за честь пригласить вас на танец.

Кэлен заметила, что Верна танцует с Зеддом. Что ж, этот танец будет совсем иным.

— Я охотно потанцую с таким неотразимым женихом.

Уоррен двигался легко и изящно, а вовсе не скованно, как она ожидала. Он казался совершенно умиротворенным, спокойно воспринимая толчею, солдат, радостно похлопывавших его по спине, и шутливые замечания сестер.

— Мать-Исповедница, я хотел поблагодарить тебя за самый лучший день в моей жизни.

Кэлен улыбнулась, глядя в его молодое лицо с древними глазами.

— Спасибо тебе, Уоррен, что согласился на это большое торжество. Я знаю, что такие вещи не в твоем вкусе...

— О, вовсе нет! Просто, понимаешь, меня частенько называли кротом.

— Да? А почему?

— Потому что я обычно все время торчал в хранилищах, изучая пророчества. Не то чтобы я так уж обожал копаться в книжках... Я просто боялся выходить.

— Но все же вышел.

— Ричард меня вытащил.

— Да? Я не знала.

— В каком-то смысле ты продолжила то, что он начал. — Уоррен рассеянно улыбнулся. — Я просто хотел поблагодарить тебя. Я знаю, как мне его не хватает и как его не хватает Верне. И знаю, что людям не хватает их магистра Рала.

Кэлен смогла лишь кивнуть.

— И знаю, как ты скучаешь по мужу. Именно поэтому я и хотел тебя поблагодарить. За то, что ты подарила нам вот этот праздник, за то, что ты сегодня даришь нам свое обаяние, несмотря на душевную боль. Все здесь разделяют с тобой эту боль. Пожалуйста, помни, что, хоть тебе его и недостает, ты не одинока и находишься среди тех, кто тоже его любит.

Кэлен печально улыбнулась:

— Спасибо.

Они продолжили танец, хихикая над изредка проскальзывающими фальшивыми нотами и неуклюжими па некоторых солдат. Музыка вдруг резко смолкла.

И тогда Кэлен услышала звуки рога.

Встревоженные солдаты мгновенно кинулись за оружием, но тут один из часовых крикнул, что это приближаются свои.

Озадаченная Кэлен вытягивала шею, как и все остальные, пытаясь увидеть, кто же это может быть. Все ее войска были здесь. Она разрешила всем присутствовать на торжестве.

Толпа расступилась перед всадниками. Кэлен не смогла скрыть удивления. Генерал Болдуин, главнокомандующий кельтонских войск, возглавлял колонну, восседая на великолепном гнедом жеребце. Он резко остановил коня. Пригладив пальцем подернутые сединой темные усы, он оглядел толпу вокруг себя. Седеющие темные волосы закрывали уши, на макушке проглядывала лысина. Генерал являл собой величественное зрелище в подбитом зеленым шелком плаще, закрепленном на плече двумя аграфами. Его лазоревый камзол украшал герб, разделенный по диагонали черной линией на желтое и синее поле. Высокие ботфорты были приспущены ниже колен. Длинные черные, оторо-

ченные мехом перчатки он засунул за широкий ремень с резной пряжкой.

Солдаты расступились, давая Кэлен пройти.

— Генерал!

Болдуин в свойственной ему величественной манере поднял руку, расплывшись в улыбке.

— Рад вас видеть, Мать-Исповедница.

Кэлен начала было говорить, но тут, раздвигая толпу, на танцевальный круг вылетели лошади. Они вынеслись в круг, как языки пламени — дюжина морд-сит в красном кожаном облачении. Одна из них ловко соскочила с коня.

— Рикка! — воскликнула Кара.

Женщина цепким взглядом обежала толпу. Наконец углядела Кару, тут же выскользнувшую из объятий генерала Мейфферта.

— Кара, — проговорила вновь прибывшая как своего рода приветствие. Она огляделась по сторонам. — А где Ханна?

— Ханна? — переспросила Кара, подходя ближе. — Ее здесь нет.

Женщина поджала губы.

— Так я и думала. Когда я так и не получила никакого ответного послания, то подумала, что ее больше нет... Но все надеялась...

Кэлен вышла вперед, несколько раздраженная тем, что женщина посмела вылезти вперед генерала Болдуина.

— Рикка, не так ли?

— А! — По лицу Рикки скользнула понимающая улыбка. — Ты, должно быть, не кто иная, как жена магистра Рала, Мать-Исповедница. Узнаю описание. — Она небрежно отсалютовала, прижав кулак к сердцу. — Да, я Рикка.

— Рада видеть здесь тебя и твоих сестер по эйджилу.

— Я примчалась из Эйдиндрила, как только Бердина получила ваше послание. В нем многое объяснялось. Мы с ней его обсудили и решили, что я с несколькими сестрами должна отправиться сюда, чтобы помочь нашему делу. Шесть морд-сит я оставила с Бердиной охранять Эйдиндрил и замок Волшебника. А еще я привела двадцать тысяч солдат. А с этим вот генералом — она ткнула пальцем себе за спину — мы повстречались неделю назад.

— Ваша помощь нам, безусловно, пригодится. Очень мудро со стороны Бердины. Я ведь знаю, как ей хотелось тоже при-

ехать, но она знает город и замок. И рада, что она последовала *моим* указаниям. — Кэлен вперила в Рикку твердый взгляд Матери-Исповедницы. — А ты прервала генерала Болдуина.

Кара рванула Рикку за руку и оттащила в сторону.

— Рикка, нам надо поговорить, прежде чем ты приступишь к служению лорду Ралу и его жене, которая к тому же еще и сестра по эйджилу.

Рикка удивленно вздернула бровь.

— Да ну? И как такое может...

— Позже! — с улыбкой оборвала ее Кара, прежде чем та успела вляпаться в еще более крупные неприятности, и оттеснила Рикку и прочих морд-сит в сторонку. Зедд, Эди, Уоррен и Верна подошли к Кэлен.

Генерал Болдуин, успевший тем временем спешиться, шагнул вперед и опустился на колено, склонив голову.

— Моя королева, Мать-Исповедница.

— Поднимись, дитя мое, — произнесла Кэлен формальный ответ под внимательным взглядом всех обитателей лагеря. Для них все происходящее тоже было немаловажным.

Генерал встал.

— Я приехал, как только получил ваше письмо, Мать-Исповедница.

— Сколько людей вы привели с собой?

Вопрос, казалось, его несказанно удивил.

— То есть как... Всех. Сто семьдесят тысяч. Когда моя королева просит привести ей армию, я ей таковую привожу.

По лагерю пробежал шепоток. Новость передавалась из уст в уста.

Кэлен была ошарашена. Она даже перестала ощущать холод.

— Просто превосходно, генерал. Войска нам очень нужны. Мы ведем настоящую войну, как я уже объясняла в письме. Имперскому Ордену постоянно подходит подкрепление. Нам нужно отрезать эти пути.

— Понял. Кельтонская армия вкупе с теми д'харианцами, что пришли с нами из Эйдиндрила, втрое увеличивает имеющиеся здесь в вашем распоряжении силы.

— И можем вызвать еще дополнительные войска из Д'Хары, — добавил генерал Мейфферт.

Кэлен почувствовала, как искорка веры загорается в ее сердце.

— К весне они нам наверняка понадобятся. — Она повернулась к генералу Болдуину. — А как там лейтенант Лейден?

— Кто? О, вы, должно быть, имеете в виду сержанта Лейдена. Теперь он всего лишь возглавляет разведвзвод. Когда солдат бросает свою королеву, он может считать себя счастливцем, если сохранит голову на плечах, но с учетом того, что он действовал в защиту ее народа... Я просто отправил его охранять отдаленный перевал. Надеюсь, он достаточно тепло одевается.

Кэлен захотелось обнять лихого генерала. Но вместо этого она лишь благодарно коснулась пальцами его руки.

— Благодарю, генерал. Нам, безусловно, нужны войска.

— Ну, они встали лагерем в полусутках пути отсюда. Не мог притащить их всех сюда.

— Все в порядке. — Кэлен жестом подозвала морд-сит. — Вас я тоже рада видеть, Рикка. С помощью морд-сит мы сможем успешней справляться с вражескими колдунами. Возможно, мы даже сможем изменить расклад. Кара уже помогла расправиться с несколькими волшебниками, но, боюсь, лорд Рал возложил на нее другую задачу, приказав охранять меня. Так что она продолжит действовать в этой роли. Ну а вы все вольны отправляться на отлов.

Рикка склонилась в поклоне.

— Охотно. — Выпрямившись, она улыбнулась. — А Бердина ведь предупреждала меня насчет нее, — вполголоса сообщила она Каре.

— Тебе следовало бы прислушаться к Бердине, — хлопнула ее Кара по спине. — Пошли, я помогу тебе найти место...

— Нет, — остановила их Кэлен. — Сегодня праздник. Генерал, Рикка и все сестры тоже приглашены. Вообще-то я просто настаиваю.

— Что ж, — просветлела Рикка, — мы будем рады остаться. Чтобы защищать жену магистра Рала.

Кэлен привлекла Рикку поближе.

— Рикка, у нас тут уйма мужчин и очень мало женщин. Сейчас танцы. Иди и танцуй.

— Что?! Да ты в своем...

Кэлен вытолкнула морд-сит в танцевальный круг. И щелкнула пальцами музыкантам.

— Продолжим!

Она повернулась к генералу Болдуину.

— Генерал, вы прибыли в самое подходящее время. В разгар праздника. Не соблаговолите ли потанцевать со мной?

— Мать-Исповедница?

— Я также и ваша королева. Генералы ведь танцуют с королевами, не так ли?

Улыбнувшись, Болдуин галантно предложил ей руку.

— Конечно, танцуют, моя королева!

Когда уже давным-давно стемнело, свадебная процессия прошествовала по «улицам» лагеря, приветствуя всех обитателей. Солдаты от души поздравляли Уоррена с Верной, давали ехидные советы, дружески похлопывали по спине или просто махали руками.

Кэлен вспомнила те времена, когда Срединные Земли трепетали перед этими людьми. В правление Даркена Рала они были грозными завоевателями, внушавшими ужас. И она удивлялась, насколько человечными и воспитанными оказались д'харианцы, когда им дали возможность проявить себя таковыми. На самом деле эту возможность дал им Ричард. И она знала, что многие из этих людей отлично это понимают и высоко ценят.

Наконец они дошли до конца длинной, продуваемой всеми ветрами дороги, до палатки, которую Уоррен с Верной считали своим новым жильем. Сопровождающие пожелали новобрачным доброй ночи и отправились назад, догуливать свадьбу.

Не давая молодоженам остановиться, Кэлен втиснулась между ними, взяв обоих под руки, и повела по тропинке среди высоких деревьев. Лунный свет, проникая сквозь кроны, мягко освещал снег. Не имея представления о том, что она затеяла, Верна с Уорреном и не подумали протестовать, когда Кэлен потащила их дальше.

Наконец за деревьями показалась избушка. Кэлен остановилась, чтобы дать новобрачным возможность увидеть пробивающийся сквозь занавеску свет. По сравнению с жизнью в военном лагере этот мирный домик казался еще более романтичным.

— Борьба нам предстоит долгая и трудная, — произнесла Кэлен. — И создавать в таких условиях новую семью — дело непростое. Передать не могу, как я рада, что вы двое решились на это в столь трудные времена. Для всех нас это значит очень много. И мы все за вас очень рады.

Когда-нибудь нам предстоит покинуть это место, поскольку Орден, безусловно, по весне двинется вперед. Если не раньше. Но до той поры мне бы хотелось, чтобы эта избушка стала вашим домом. По крайней мере это в моей власти — дать вам возможность нормально пожить вместе.

Верна вдруг неожиданно расплакалась, уткнувшись лицом в плечо Кэлен. Кэлен, посмеиваясь — уж больно несвойственно было Верне столь бурное проявление эмоций, — погладила ее по спине.

— Не самая удачная идея — обливаться слезами, когда твой новоиспеченный супруг как раз собрался уложить тебя в кровать, Верна.

Шутка сработала и Верна тоже рассмеялась. Схватив Кэлен за плечи, она заглянула ей в глаза.

— Даже не знаю, что сказать...

Кэлен поцеловала Верну в щеку.

— Любите друг друга, будьте добры друг к другу и цените каждый проведенный вместе миг — вот чего мне хотелось бы больше всего.

Уоррен обнял ее, тихонько поблагодарив. Кэлен смотрела, как он ведет Верну к избушке. В дверях оба повернулись и помахали ей. Уоррен подхватил Верну на руки и перенес через порог. Ее смех колокольчиком разнесся среди деревьев.

Кэлен в одиночестве побрела к лагерю.

Глава 44

верь чуток приоткрылась. В щели показался налитый кровью глаз.

— У вас не найдется комнаты? Мы с женой ищем комнату. — Прежде чем мужчина успел захлопнуть дверь, Ричард быстро добавил: — Нам сказали, что у вас есть одна свободная.

— И что с того?

Несмотря на то что это было и так очевидно, Ричард вежливо ответил:

— Нам негде остановиться.

— А какого лешего вы приперлись со своими проблемами ко мне?

Ричард слышал, как где-то наверху переругиваются мужчина с женщиной. За несколькими выходившими в коридор дверьми непрерывно орали младенцы. Воняло горелым маслом. Через открытую дверь черного хода виднелся узкий переулок, там ребятня постарше гонялась с воплями под дождем за детишками помладше.

Ричард, ничего не ожидая, проговорил в узкую щелку:

— Нам нужна комната.

Где-то в переулке монотонно брехал пес.

— Многим нужна комната. А у меня только одна. Я не могу отдать ее вам.

Никки отодвинула Ричарда в сторону и приблизила лицо к щели.

— У нас есть деньги, чтобы заплатить за неделю. — Она придержала дверь рукой,

когда мужчина начал ее закрывать. — Это общественные комнаты. Ваш долг — помогать людям получить комнату.

Мужик всем телом навалился на дверь, захлопнув ее прямо у Никки перед носом.

Никки снова постучала, но Ричард уже двинулся прочь.

— Забудь об этом, — сказал он. — Пошли, получим буханку хлеба.

Как правило, Никки следовала за ним без споров, даже без комментариев. Но на сей раз, вместо того чтобы подчиниться, она настойчиво забарабанила в дверь. Под ее ударами посыпались все слои самой разнообразной краски, от синего до желтого.

— Это ваш долг, — крикнула Никки перед закрытой дверью. — Вы не имеете права отказывать нам. — Никакого ответа. — Мы сообщим о вас.

Дверь снова приоткрылась. На сей раз налитый кровью глаз смотрел угрожающе.

— У него есть работа?

— Нет, но...

— Убирайтесь. Оба. Иначе это я сообщу о вас!

— И за что же, позвольте спросить?

— Слушайте, леди, у меня есть комната, но я должен держать ее для людей, стоящих в начале списка.

— А откуда вы знаете, что мы не стоим в начале?

— Потому что если бы было так, то вы бы с этого начали и показали бы ордер с печатью. Люди в начале списка давно уже ждут жилье. Так что вы ничем не лучше воров, раз пытаетесь отнять место у добропорядочных законопослушных граждан. А теперь убирайтесь, не то я сообщу ваши имена околоточному надзирателю.

Дверь снова захлопнулась. Угроза сообщить их имена несколько ослабила боевой настрой Никки. Она вздохнула и они пошли прочь, корявый пол скрипел и стонал под ногами. Что ж, по крайней мере они хоть ненадолго укрылись от дождя.

— Нам нужно продолжить поиски, — сказала Никки. — Однако если бы ты сперва нашел работу, нам бы это помогло. Может быть, завтра ты сможешь заняться поисками работы, а я продолжу искать жилье.

Оказавшись снова под холодным дождем, они пересекли грязную улицу к брусчатому тротуару на противоположной стороне. У них имелись еще адреса, но Ричард сильно сомневался,

что им удастся найти жилье. Он уже и сосчитать не мог, сколько раз у них перед носом захлопывали двери. Но Никки желала получить комнату, так что они продолжали поиски.

Никки сказала, что для этой южной части Древнего мира такая холодная погода — явление необычное. Люди говорили, что холод и дожди скоро кончатся. Несколько дней назад стало тепло и сыро, поэтому у Ричарда не было оснований не доверять их словам. Ему было странно и непривычно видеть зеленые леса и поля в разгар зимы. На некоторых деревьях, правда, ветви обнажились, но большая часть зеленела листвой.

Здесь, так далеко на юге Древнего мира, никогда не бывало таких холодов, чтобы замерзала вода. Люди лишь недоуменно моргали, когда Ричард рассказывал о снеге. А когда Ричард пытался объяснить, что снег — это хлопья застывшей воды, которые падают с неба и покрывают землю белым ковром, некоторые возмущенно отворачивались, считая, что он над ними издевается.

Ричард знал, что дома зима в самом разгаре. Несмотря на царившую вокруг суматоху, Ричард ощущал внутреннее спокойствие, зная, что Кэлен скорее всего находится в тепле и уюте построенного им домика. И поэтому ничто в этой новой жизни не казалось настолько важным, чтобы вывести его из себя. Пищи у Кэлен в достатке, дров тоже хватит, чтобы ей было тепло, и Кара составляет ей компанию. Пока что она в полной безопасности. Конечно, зима не будет длиться вечно, и весной она сможет уехать, но на данный момент она в безопасности. Ричард был в этом совершенно уверен. И это, а также мысли и воспоминания о Кэлен были его единственной отрадой.

Бездомные ютились в переулках, используя любой более или менее пригодный материал, чтобы сделать себе укрытие. Стены делали из рваных покрывал. Он полагал, что они с Никки могли бы дальше жить в таких вот хибарах, но он боялся, что Никки может заболеть от холода и сырости, то есть боялся, что в этом случае и Кэлен заболеет тоже.

Никки посмотрела бумажку, что несла в руке.

— Эти места, список которых они нам дали, доступны и для вновь прибывших, а не только тех, кто в списках. Им нужны рабочие. Им следовало бы получше позаботиться о том, чтобы для них было жилье. Видишь, Ричард? Видишь, как трудно простым людям жить?

Ричард, сунув руки в карманы и нахохлившись от ветра и дождя, спросил:

— Ну, и как попадают в эти самые списки?

— Мы пойдем в жилищную контору и попросим комнату. Они могут поставить нас на лист ожидания.

Звучало это просто, но опыт показывал, что все куда сложней, чем кажется.

— Если жилья не хватает, то каким образом то, что мы попадем в список, поможет найти комнату?

— Люди все время умирают.

— Тут есть работа, и поэтому мы сюда и приехали. Почему сюда все приезжают. Я буду работать, и тогда мы сможем платить больше. У нас еще есть немного денег. Нам нужно лишь найти место, где сдают жилье за умеренную плату. Без всяких этих дурацких списков.

— Нет, Ричард, ты что, и вправду так бесчеловечен? А как те, кому повезло меньше, смогут вообще когда-либо получить жилье? Орден устанавливает цены, чтобы не дать развернуться алчным. И следят, чтобы ни у кого не было никаких привилегий. И так получается по-честному для всех. Нам нужно лишь попасть в список на жилье, и все будет в порядке.

Шагая по скользкой брусчатке, Ричард размышлял, сколько им придется жить под открытым небом, пока их имена поднимутся вверх списка. Сдается, что куче народу нужно поумирать, прежде чем им с Никки дадут жилье, с длинной очередью за ними самими тех, кто, в свою очередь, будет ждать их смерти.

Он пошел сперва по одной стороне тротуара, затем по другой, чтобы не сталкиваться с прущей навстречу толпой и при этом не наступать на грязную мостовую. Он снова прикинул, не остаться ли за городом. Многие именно так и поступали. Но это, судя по всему, главным образом преступники и полностью отчаявшиеся люди, вынужденные жить там, где нет городских гвардейцев. Не воспротивься Никки этой затее, Ричард давно нашел бы местечко подальше и построил какой никакой кров, возможно, в компании с другими, чтобы было легче противостоять всяким нежелательным инцидентам.

Никки идея не понравилась. Никки желала жить в городе. В город в поисках лучше доли приходили тысячи. Там нужно было заносить себя в разные списки и выстаивать длиннющие очереди, чтобы попасть к чиновникам на прием. Никки говорила, что больше шансов это сделать, если есть жилье в городе.

День клонился к вечеру. Очередь в пекарню тянулась от дверей на полквартала.

— Почему все эти люди стоят в очереди? — шепотом спросил Ричард Никки. Каждый день, когда они ходили за хлебом, повторялась одна и та же картина.

— Наверное, не хватает пекарен, — пожала она плечами.

— По-моему, учитывая количество клиентов, многие хотели бы открыть пекарни.

Никки наклонилась поближе, взгляд ее потемнел.

— Мир не так прост, как тебе бы хотелось, Ричард. В Древнем мире так когда-то было. Гнусной человеческой сути позволялось процветать. Люди устанавливали на товары свои собственные цены, их единственной целью была алчность, а не благополучие других людей. Только обеспеченные слои населения могли позволить себе покупать хлеб. А теперь Орден следит за тем, чтобы все получали все необходимое по честной цене. Орден заботится обо всех, не только о тех, кто обладает преимуществами.

Она всегда так горячилась, когда говорила о гнусной человеческой сущности! Ричард не переставал удивляться, с чего это сестре Тьмы так волноваться по этому поводу, но спрашивать не стал.

Очередь двигалась не сказать чтобы быстро. Женщина перед ними, озабоченная их перешептыванием, сердито оглянулась.

Ричард встретил ее сердитый взгляд лучезарной улыбкой.

— Добрый день, мэм. — Ее мрачный взгляд смягчился при виде его сияющей улыбки. — Мы с женой, — он показал на Никки, — недавно в городе. Я ищу работу. И жилье нам тоже нужно. Вы не могли бы подсказать, как молодой паре, приезжим, получить тут жилье?

Женщина, прижимавшая к груди обеими руками холщовую сумку, полуобернулась, опустила руки и прислонилась плечом к стене. В сумке лежал лишь желтый кусок сыра. Улыбка Ричарда и его дружелюбный тон — какими бы искусственными они ни были — явно были настолько необычными, что она не смогла сохранить свой суровый вид.

— Вы должны иметь работу, чтобы получить жилье. Жилья в городе не хватает, поскольку сюда приезжает много работников благодаря щедрости Ордена. Если ты здоров, ты должен иметь работу, и тогда они занесут тебя в список.

Ричард, продолжая улыбаться, почесал затылок. Очередь чуть продвинулась.

— Я хочу работать.

— Легче получить жилье, если не можешь работать, — поведала женщина.

— Но, кажется, вы ведь только что сказали, что необходимо иметь работу, чтобы получить жилье?

— Верно, если ты здоров. А те нуждающиеся, кто не может работать, имеют полное право на привилегии и попадают в начало списка. Как мой бедный муж. У него чахотка.

— Мне очень жаль, — ответил Ричард.

— Таков уж жалкий человеческий удел — страдать, — кивнула она, — и ничего с этим не поделаешь, не стоит и пытаться. Только в другой жизни мы будем вознаграждены. А в этой жизни долг каждого обладающего возможностями человека помогать тем несчастным, кто ими не обладает. Именно так он может заслужить награду в загробном мире.

Ричард не стал вступать в дискуссию. Она погрозила ему пальцем.

— Те, кто может работать, в долгу перед теми, кто по разным причинам не в состоянии трудиться на благо всех.

— Я могу работать, — заверил ее Ричард. — Мы приехали... из небольшого местечка. С фермы. И плохо знаем, как найти работу в городе.

— Орден предоставил людям множество рабочих мест, — произнес стоящий позади Никки мужчина, привлекая внимание Ричарда. Брезентовый плащ незнакомца был плотно застегнут по самую шею. Он медленно моргал огромными карими глазами, как жующая жвачку корова. — Орден рад каждому, кто вносит свой вклад в нашу борьбу, но ты должен твердо помнить о нуждах других людей — как того желает Создатель — и получить работу должным образом.

Ричард, у которого кишки свело от голода, слушал объяснения.

— Во-первых, ты должен принадлежать к какой-нибудь рабочей ячейке. Они защищают права граждан Ордена. Тебе нужно предстать перед ревизионной комиссией, чтобы получить их согласие войти в состав ячейки, и получить характеристику одного из членов ячейки, который внесет твою кандидатуру. Вот что тебе нужно сделать, прежде чем ты получишь работу.

— А почему я не могу просто прийти. Почему они не могут просто нанять меня, если им нужны работники?

— То, что ты из деревни, вовсе не означает, что ты не должен помнить о том, чтобы вносить свой вклад на великие нужды Ордена.

— Ну конечно, — кивнул Ричард. — Я всегда работал на себя, то есть занимался сельским хозяйством, чтобы обеспечить едой других, как и должно. Я не знаю, как нужно действовать в городе, как работают на предприятии.

Огромные коровьи глаза перестали моргать. Мужчина некоторое время подозрительно смотрел на Ричарда, затем снова взгляд его стал осоловелым. Его челюсти снова задвигались, когда он опять принялся жевать слова.

— Первоочередная задача любого предприятия — быть чутким к нуждам людей, способствовать благосостоянию граждан, быть справедливым. Ревизионная комиссия следит за этим. Потому что задачи куда сложней, чем узкие интересы самого предприятия.

— Понятно, — кивнул Ричард. — Что ж, я был бы очень вам признателен, если бы вы объяснили мне, как нужно действовать. — Он коротко взглянул на Никки. — Я хочу быть хорошим гражданином и все делать, как надо.

По тому, с каким энтузиазмом мужчина принялся объяснять, с какой скоростью заморгали его коровьи глаза, Ричард понял, что тот каким-то образом задействован в процессе. Ричард не спросил, как заручиться поддержкой одного из членов рабочей ячейки. Очередь ползла вперед, а мужчина все рассказывал в мельчайших деталях о различных видах деятельности, что нужно в каждом случае и что все это — на благо тех, кто живет под властью Ордена и в милости Создателя.

Пока тот с тайным удовольствием излагал все это, Никки исподволь молча наблюдала за Ричардом. Казалось, она ждет, что он вот-вот превратится из вежливого слушателя в убийцу. Ричард же отлично понимал, что сражаться с этим типом — занятие совершенно бессмысленное, так что оставался вежливым.

Как выяснилось, этот человек, представившийся как Гуджонс, больше всего знал о строительных рабочих. Поскольку Ричард мало что смыслил в строительстве, он развлекался тем, что то и дело задавал вопросы, на которые господин Гуджонс охотно отвечал. И очень пространно.

Хлеб закончился раньше, чем подошла их очередь. Ворчащие люди разошлись по своим делам. Ричард, прежде чем уйти, поблагодарил женщину и господина Гуджонса.

На перекрестке он остановился, пока Никки изучала квартирный список. Вокруг возвышались мрачные громады домов. Красная краска одного из домов настолько поблекла, что нари-

сованный на стене человек казался призраком. А надпись под ним и вовсе не читалась.

Прохожие пялились на промокшую насквозь Никки, не замечая ее лица. Ее светлые волосы прилипли к голове, губы тряслись, руки дрожали, и все же она не жаловалась на холод, как все остальные. Им сказали, что другого списка с новыми адресами они не получат до завтра, поэтому Никки старалась сохранить этот, но под проливным дождем проигрывала сражение за бумажку.

По грязи тащились лошади. Фургоны скрипели и трещали под грузом. Только основные магистрали, вроде той, по которой шли Ричард с Никки, были достаточно широкими, чтобы фургоны могли двигаться в обоих направлениях. По некоторым улочкам возможно было только одностороннее движение, причем зачастую их перегораживали сломавшиеся фургоны. На одной из таких улочек Ричард видел даже павшую лошадь. Гниющий труп, вокруг которого тучами роились мухи, так и оставался запряженным в фургон, будто поджидал, пока кто-то его уберет. Некоторые улочки были настолько узкими, что там могли проехать лишь ручные тележки. А еще более узкие проходы были пригодны только для пешеходов.

Вонь от отбросов на улицах, служивших заодно и открытым канализационным стоком, стояла такая, что в первую неделю Ричарда просто выворачивало наизнанку, пока он не принюхался. Но в переулках, где они с Никки ночевали, было еще хуже. Дождик лишь вымывал из ям и щелей нечистоты, но хотя бы немного смывал грязь.

Все города, увиденные Ричардом с того момента, как они въехали в Древний мир и двигались на юг от Танимуры, были похожи на этот. Везде чудовищная нищета и нечеловеческие условия. Казалось, все тут попало в какую-то вечную ловушку, выгребную яму. Все эти города, где некогда кипела жизнь, были центром устремлений и амбиций, сюда люди стремились в погоне за мечтой. Но каким-то образом мечты превратились в серую мерзость разложения. Казалось, всем на все наплевать. Все походили на сонных мух и попросту маялись, ожидая, что жизнь улучшится, не имея при этом ни малейшего представления, как эта лучшая жизнь должна выглядеть и когда она наступит. Они существовали, опираясь на тупую веру, уверенные лишь в том, что в загробном мире жизнь будет идеальной.

Виденные Ричардом города в точности соответствовали тому, каким Ричард видел уготованное Новому миру будущее под властью Имперского Ордена.

Однако это место представляло собой один огромный город, равного по величине которому Ричард отродясь не видел. Он был в жизни не поверил, что такой мегаполис может существовать, если бы не увидел собственными глазами. Грязные улицы с обшарпанными домами разбегались по всем холмам, занимали всю низину и тянулись на многие мили на пересечении двух рек. Жалкие хибары, построенные кое-как из глины, всяких деревяшек, соломенных кирпичей и прочих подручных средств, в великом множестве окружали город со всех сторон, как грязная пена вокруг гнилого бревна в стоячем пруду.

Таким был город-страна Алтур-Ранг — нынешнее сердце Древнего мира и Имперского Ордена — родной город императора Джеганя.

Когда Ричард с Никки только въехали в Древний мир и продвигались на юг к Алтур-Рангу, они остановились в самом крупном из северных городов Древнего мира, Танимуре, где когда-то стоял Дворец-Пророков. Танимура, одной из последних в Древнем мире попавшая под иго Ордена, была величественным городом, с широкими бульварами, многоэтажными домами с колоннами, аркадами и высокими окнами. Танимура, какой бы большой она ни была, при ближайшем рассмотрении оказалась окраиной Древнего мира, достаточно далеко расположенной от центра, чтобы разложение только сейчас доползло до нее.

Там Ричард чуть больше месяца работал подмастерьем у каменщиков, одним из дюжины, — таскал камни и замешивал раствор на строительстве приземистого неказистого здания. Для подсобных рабочих каменщики держали простые хижины, где те жили с семьями, так что у Никки была крыша над головой. В конечном итоге хозяин доверил Ричарду работать с каменщиками. Когда один из каменотесов заболел, Ричарду предложили вместо него обтесывать гранитные плиты.

Ричард обнаружил, что ему нравится держать в руке молоток и зубило, обтачивать камень так, как ему хочется. В какой-то степени это походило на резьбу по дереву. Только нечто большее.

Время от времени хозяин, подбоченясь, стоял над Ричардом, наблюдая, как он работает. И изредка ворчливо вносил небольшие коррективы в его метод работы. Через какое-то время, ког-

да хозяин понял, что Ричард принцип усвоил и обтесывает камень так, как надо, он перестал за ним присматривать. Вскоре каменщики стали предпочитать обработанные именно Ричардом камни в качестве угловых камней.

Потом прибыли другие каменотесы для выполнения более сложной работы — изготовления украшений. Когда они только прибыли, Ричарду очень хотелось увидеть их работу. Они вырезали на лицевых панелях вокруг входа огромные языки пламени, символизирующие Свет Создателя. А под ним толпу скорченных людей.

Ричард видел множество резьбы по камню в различных местах, где ему довелось побывать, начиная от дворца Исповедниц в Эйдиндриле до Народного Дворца в Д'Харе, но нигде не видел ничего подобного тем фигурам, что вырезали на стене того здания в Танимуре. Эти фигуры не были ни грациозными, ни величественными, ни вдохновляющими — совсем наоборот. Скорченные, исковерканные, съежившиеся под Светом. Один из ремесленников сообщил Ричарду, что только так и должно изображать человечество — как грешную, жалкую и невежественную толпу. Ричард предпочел продолжить обтесывать камни.

Когда труд каменщиков над резиденцией Ордена в Танимуре закончился, не стало и работы. Плотники в помощниках не нуждались. Резчики, зная, что помощь в вырезании горестей человеческих им пригодится, предложили Ричарду работать с ними. Но он отказался, сославшись на то, что не обладает нужными способностями.

К тому же Никки уже давно хотела двигаться дальше. Танимура была лишь местом, где можно было немного подзаработать, чтобы закупить провизии для предстоящего долгого путешествия. Ричард с удовольствием убрался подальше от удручающего зрелища продвигавшихся работ.

По дороге в Алтур-Ранг во всех городах, где они проезжали, Ричард видел много резных изображений на домах. И куда больше стояло на площадях или напротив входов в дома. И все они изображали ужасы: Владетель подземного мира, хлещущий кнутом людей; люди, сами себе выкалывающие глаза; страдающие люди, корчащиеся в агонии, искалеченные и деформированные; люди на четвереньках, как стая собак, преследующие женщин и детей; отчаявшиеся, сами бросающиеся в могилы. Было очень много изображений того, как за жалкими людьми наблюдает Свет Всеблагого Создателя, изображенного в виде пламени.

Древний мир представлял собой сплошное воспевание страданий.

По пути к югу они останавливались в нескольких городах, где Ричард мог найти временную работу без необходимости заносить себя в списки. Они с Никки питались в основном капустным супом, состоящим преимущественно из воды. Иногда ели рис, чечевицу или тюрю, изредка, как роскошь, солонину. Несколько раз Ричарду удавалось наловить рыбы или поймать птицу или кролика. Но жить за городом в Древнем мире было трудно. Идея жить на природе приходила в голову очень многим. Ричард с Никки здорово похудели за время пути. Ричард начал понимать, почему люди на резных изображениях скелетообразны.

Никки указала конечную цель путешествия, но в остальном не вмешивалась, предоставив Ричарду принимать решения, и подчинялась без всяких жалоб. Они шли неделя за неделей, изредка за пару медяков проезжая часть пути на попутном фургоне. Они пересекали реки, на берегах которых стояли города, достаточно крупные, чтобы иметь каменные мосты, и шли дальше по городам и весям. Им попадались огромные поля пшеницы, подсолнухов, проса и кое-каких других злаков. Но большая часть земель пустовала. Видели они и стада коров и отары овец.

Фермеры продавали путешественникам козий сыр и молоко. Хотя волшебный дар и проснулся в нем, Ричард мог есть мясо только тогда, когда не воевал. Он полагал, что это некий противовес, следствие закона равновесия в магии. Когда он кого-то убивал, то не мог есть мяса. Но поскольку сейчас он ни с кем не дрался, то мог спокойно есть мясо без опасения, что его потом вывернет. К сожалению, мясо они могли себе позволить крайне редко. Некогда любимый сыр он едва выносил с тех пор, как проснулся его дар. Увы, выбор частенько был небогатым — либо есть сыр, либо голодать.

Но больше всего его встревожили размеры Древнего мира, в частности — численность населения. Ричард наивно полагал, что Новый мир и Древний примерно одинаковые. Но это было не так. Новый мир — блоха на спине Древнего.

Время от времени им навстречу попадались бесконечные колонны солдат, маршировавших на север, в Срединные Земли. Пару раз колонна тянулась мимо них несколько дней. Видя эти нескончаемые ряды войск, Ричард всякий раз молча радовался, что Кэлен тихо сидит в их горном домике. Ему даже думать не

хотелось о том, что она может сражаться в армии, противостоящей этой неисчислимой орде.

Весной, когда Кэлен сможет наконец выбраться из их домика, а эти имперские орды смогут начать настоящее наступление на Новый мир, все сопротивление, которое сможет им оказать Д'Харианская империя, будет уже сломлено. Ричард надеялся, что генерал Райбих все же решит не выступать против Ордена. Ричарду очень не хотелось, чтобы этих храбрецов смела и раздавила надвигающаяся лавина.

Как-то раз в одном небольшом городке Никки пошла на реку стирать, поскольку Ричард нанялся на день чистить стойла. В город пожаловала большая группа каких-то высоких чинов, и лошадей в конюшне стало слишком много, чтобы владелец справился сам. Ричард оказался в нужном месте в нужное время и получил таким образом работу. А вскоре после того, как чиновники заняли все комнаты на постоялом дворе, вслед за ними притопала большая армейская часть и расквартировалась на окраине города.

К счастью, Никки все это время находилась в другом конце города, занимаясь стиркой. И к несчастью, рота солдат, пришедшая в город развеяться, решила принять добровольцев. Ричард, таская воду лошадям, старался быть тише воды, ниже травы, но сержант все равно его углядел. Так что, оказавшись не в том месте не в то время, Ричард стал «добровольцем» в Имперском Ордене. Новобранцев разместили в самом центре огромного лагеря.

Ночью, когда большинство уже спало, Ричард сам себя списал из армии вчистую. Ему удалось избавить себя от службы в рядах Имперского Ордена часа за три до рассвета. К этому времени Никки уже успела сходить на конюшню и узнать, что с ним случилось. Ричард обнаружил ее возле костра, вышагивающую туда-сюда в темноте. Быстро собрав вещи, они весь остаток ночи шли на юг. Поскольку светила полная луна, они шли полями, а не по дорогам, дабы не нарваться на патрули, на тот случай, если его разыскивают. Но с этого времени, Ричард, едва завидев солдат, старался превратиться в невидимку.

Ричард пришел в ужас, увидев, сколько же народа заселяет Древний мир, потому что из этого очевидным образом следовало, что имперские полчища, уже пришедшие в Новый мир, — капля в море, и это только начало. Он-то полагал, что Орден, возможно, постепенно потеряет интерес к войне, которая ведется так далеко от родных мест, или что народ Древнего мира

устанет от тягот этой войны. Теперь же он понимал, что эти мысли были глупой мечтой.

Не нужно быть чародеем или пророком, чтобы понять, что все войска, которые только может выставить Новый мир, даже по самым оптимистичным оценкам, не имеют ни малейшего шанса выдержать напор миллионов и миллионов солдат, которые на глазах Ричарда шли на север, не говоря уж о тех, которые шли другими маршрутами и которых он не видел. Срединные Земли обречены.

С тех самых пор, как народ Андерита предпочел Орден свободе, он в глубине души знал, что Новый мир падет. Он вовсе не испытывал удовлетворения от того, что оказался прав. Видя собственными глазами громадные полчища, он понял, что свободе пришел конец и всякое сопротивление Ордену — не что иное, как чистой воды самоубийство.

Ход событий казался неотвратимым, мир обречен пасть под властью Ордена. И будущее его и Кэлен казалось столь же безнадежным.

Но одно из самых странных мест, которое они с Никки посетили по пути на юго-восток, место, о котором она никогда прежде не упоминала, находилось менее чем в неделе пути к югу от Танимуры. Ричард тогда все еще пребывал в довольно гадком настроении, размышляя о мерзких резных изображениях — Никки неожиданно свернула на старую и явно редко используемую дорогу, уходящую в сторону от основного тракта. Дорога шла через холмы к небольшому городку на берегу тихой реки.

Большая часть предприятий здесь оказались заброшенными. Ветер гонял пыль по опустевшим складским помещениям с разбитыми окнами. Многие дома превратились в руины, крыши провалились, плющ и мох уютно обжили потрескавшиеся стены. Только окраинные дома были обитаемы — здесь жили те, кто разводил животных и обрабатывал ближайшие поля.

В северной части города лишь одна крошечная лавка продавала всякую всячину окрестным фермерам. Имелись тут еще сапожник, гадалка и одинокий постоялый двор. В центре города торчали остовы домов, давным-давно обчищенные мародерами. Некоторые дома еще стояли, но большинство давно обрушилось. Ричард с Никки шагали по центру города, сопровождаемые одним лишь ветром.

Дойдя до южной окраины, они увидели останки того, что некогда было огромным кирпичным зданием. Не говоря ни слова,

Никки свернула с дороги и побрела к разрушенному дому. Деревянные перекрытия и крышу пожрал огонь. Толстый ковер мусора и веток устилал деревянный пол. Вообще-то от здания остались практически одни стены, да и те уже почти обвалились, лишь небольшой кусок восточной стены был еще достаточно высоким, и там сохранился оконный проем.

Никки смотрела на бренные останки строения. Ветер трепал ее золотистые волосы. Она стояла там, где когда-то ее укрывала бы крыша, руки ее безвольно повисли, а спина стала далеко не такой прямой, как обычно.

И стояла так чуть ли не целый час, заблудившись среди призраков.

Ричард терпеливо ждал, опершись на остатки верстака.

— Ты знаешь это место? — спросил он наконец.

Она моргнула, будто начисто забыла о его присутствии, затем долго глядела на него, словно он тоже — один из призраков. А потом подошла чуть ближе, отведя наконец свои огромные голубые глаза, и провела пальцами по верстаку.

— Я выросла в этом городе, — как-то отстраненно проговорила она.

— А! А это место? — спросил Ричард.

— Тут делали оружие и доспехи, — прошептала Никки.

Он представления не имел, с чего это вдруг она захотела увидеть это место.

— Оружие?

— Самое лучшее во всей стране. Двойной закалки. Сюда за доспехами и оружием приезжали короли и знать.

Ричард оглядел остатки сооружения, недоумевая, к чему все это.

— Ты знала того, кто делал это оружие?

Она покачала головой. Ее глаза снова видели призраков.

— Нет, — прошептала она, — к сожалению, я никогда его не знала.

По ее щеке скатилась одинокая слезинка. В этот момент она очень походила на маленькую девочку, потерянную в этом мире, одинокую и напуганную.

Не знай Ричард, кто она такая на самом деле, он не удержался бы и обнял это заброшенное хрупкое дитя и постарался утешить.

Глава 45

Никки устала, замерзла и потеряла терпение. Она желала найти жилье.

Ее целью было привести Ричарда в Алтур-Ранг, сердце империи, чтобы показать ему воочию справедливость дела Ордена. Она знала, что Ричард — человек высоких моральных принципов, и ей хотелось посмотреть, как он отреагирует, столкнувшись с несомненными благими целями своего врага.

Она хотела, чтобы Ричард узнал, как тяжело живется простым людям, как трудно им в этом мире. Ей было любопытно, как он поведет себя в такой ситуации. Она хотела швырнуть его в огонь и посмотреть, как он реагирует на жар. Она рассчитывала, что к сегодняшнему дню он будет взволнован и растерян. А он оставался хладнокровным и невозмутимым.

Она думала, что он разозлится, когда узнает, что ему придется сделать, чтобы получить работу. Но не дождалась. Он спокойно выслушал объяснения того типа, Гуджонса, с какими практически непреодолимыми трудностями приходится сталкиваться тому, кто хочет найти работу. Никки ждала, что он треснет как следует надутого чинушу, а Ричард вместо этого его жизнерадостно поблагодарил. Будто все то, за что он так наивно сражался, так эгоистично защищал прежде, больше не имеет для него значения.

Когда она была его учителем во Дворце Пророков, всякий раз, когда она думала, что знает, как он отреагирует, он делал нечто такое, чего она даже и предвидеть не могла. И сейчас он поступал точно так же, хоть и иным способом. То, что прежде было стихийным юношеским бунтом, превратилось в опасную бдительность хищника. Лишь оковы на сердце не давали ему вонзить в нее когти.

Когда Никки захватила Ричарда, она на мгновение увидела стоящую на окне его дома статуэтку, изображавшую гордую женщину. Никки было ясно как божий день, что статуэтку вырезал Ричард. В ней явственно проступало уникальное мировосприятие Ричарда, которое Никки мгновенно узнала. Статуэтка являлась зримым воплощением скрытой части его волшебного дара. Она была противовесом его боевого таланта, но при этом Никки четко распознала в ней наличие магии.

Зная, что Ричард ее вырезал, Никки рассчитывала, что он согласится на работу резчика, которую ему предложили в Танимуре. Но он отказался. У него испортилось настроение и он мрачно молчал еще много дней.

Когда они проходили по очередному городу, она видела, что он изучает статуи и резные изображения. Поскольку он тоже занимался резьбой, она думала, что он сочтет эти творения потрясающими. И снова ошиблась. Она не понимала его. Конечно, ни одна из них не была так тщательно сделана, как вырезанная им статуэтка, но все же это были скульптуры и по идее должны были заинтересовать его. И кислое выражение его лица — всякий раз, как он видел резьбу — поражало ее.

Как-то раз она свернула чуть в сторону — только чтобы показать ему знаменитую городскую площадь и гордо выставленные там произведения искусства. Она рассчитывала немного взбодрить его видом столь известного произведения. Но он вовсе не возрадовался. Удивленная его реакцией, она спросила, почему ему так явно не нравится скульптура, называющаяся «Мучительное прозрение».

— Это смерть, — с отвращением ответил он, отвернувшись от знаменитой скульптуры.

Это был сложный скульптурный ансамбль: множество людей вырывали себе глаза, узрев величественный Свет Создателя. А другие люди — в основании статуи — не ослепили себя, и их рвали на части твари подземного мира. А от ослепших людей миньоны Владетеля убегали.

— Да нет же. — Никки развеселило столь неверное восприятие, но она сдержала смех, чтобы ненароком не унизить его. Вместо этого она решила ненавязчиво просветить его и разъяснить, что символизирует знаменитый ансамбль. — Это изображение ничтожной человеческой сущности. Здесь изображены люди, только что узревшие Его сияющий Свет, и в результате они поняли безнадежную сущность низменности человеческой. То, что они вырывают себе глаза, означает, что Создатель настолько совершенен, что они больше не могут выносить вид самих себя.

Эти люди — герои, потому что показывают нам, что мы не должны нагло желать возвыситься над нашей мерзкой сутью, что это грех — сравнивать себя с Создателем. Это показывает, что все мы — лишь безликие незначительные частички всего созданного Им человечества, и, следовательно, каждая отдельно взятая жизнь значения не имеет. Это творение учит нас, что только общество в целом имеет ценность. Те, что изображены внизу, кто не присоединился к остальным людям и не ослепил себя, испытывают вечные муки в лапах Владетеля.

Теперь ты понял? Это произведение изображает человека порочным существом, каковым он и является, чтобы мы видели сами, что каждый из нас должен посвятить себя улучшению человечества, потому что единственная цель нашего существования: творить добро и почитать творение Создателя — нас. Так что, как видишь, это вовсе не смерть, а истинная суть жизни.

Никки учили, что эта скульптура вдохновляет людей, поскольку подтверждает истинность того, что они суть твари ничтожные.

Ни разу за всю жизнь никто не одаривал ее таким уничтожающим взглядом, каким одарил Ричард. И она почему-то почувствовала себя ничтожеством.

Никки в ужасе сглотнула, увидев выражение его глаз — совершенно противоположное тому неуловимому выражению, которое так ее интриговало. Он не произнес ни слова, но прошел не один день, прежде чем она решилась снова поглядеть ему в глаза.

Иногда, когда она ожидала вспышки ярости, Ричард оставался вялым и становился агрессивным, когда она ожидала равнодушия. Никки начала задумываться, не ошиблась ли она, посчитав, что в нем есть нечто особенное.

Как-то раз она даже настолько отчаялась, что решила — нет в нем ничего достойного внимания. Глядя, как он спит, она окончательно пришла к выводу, что пора расстаться с надеждой узнать о смысле жизни что-то еще, помимо того, чему учила ее мать. Никки с грустью решила, что на следующий день, после того как посетит родные места, она положит конец этой глупой затее и вернется к Джеганю.

Но после посещения того, что осталось от предприятия ее отца, она снова увидела в его серых глазах то самое выражение и поняла, что вовсе не ошиблась.

Танец только начинается.

Они шли по грязному коридору общежития. Никки жестом велела Ричарду идти рядом. Никки желала получить тут жилье. Ей хотелось лечь спать в сухом месте. Она решительно постучала в дверь, выглядевшую так, будто развалится на части, если Никки будет неосторожной.

Она заглянула в список, затем сунула его в карман и приняла ждать ответа. В этом общежитии, как и в тех, где они побывали прежде, должны были предоставлять жилье вновь прибывшим. Императору нужны рабочие.

Мысленно она представляла себе, что именно тут они и обосноваются. Она смотрела на пятно на омерзительной зеленой штукатурке. И представляла себе, что будет видеть каждый день всю жизнь это пятно чайного цвета в форме лошадиного крупа со вздернутым хвостом. И представляла, как Ричард каждый день будет проходить мимо него по пути на работу и ка́ждый вечер по пути с работы. Как приходится ходить всем остальным.

Никки снова постучала в дверь, а Ричард тем временем наблюдал за темной лестницей с перекошенными ступеньками. Никки никогда не могла понять, почему он изучает все те вещи, что он изучал, но не возражала, доверяя его инстинктам. Судя по выражению лица, темная лестница ему явно не нравилась. Будучи сестрой Тьмы, Никки не боялась того, чего обычно боятся простые смертные. Она снова постучала.

Голос из-за двери велел им убираться.

— Нам нужна комната, — заявила Никки таким тоном, что никаких сомнений не оставалось, — она твердо намерена получить желаемое. Она постучала сильней. — Мы есть в списке. Нам нужна комната.

— Это ошибка, — раздался приглушенный голос. — Комнат нет.

— Послушайте-ка, — сердито произнесла Никки, — уже становится поздно...

Трое незамеченных ею юнцов, что сидели на лестнице, подошли к перилам. Все трое — без рубашек, демонстрируя мускулы, как это любят делать все молодые люди. И все трое с ножами.

— Так-так, — проговорил с кривой усмешкой один юнец, плотоядно обшаривая Никки взглядом. — Что это у нас тут? Две мокрые крысы?

— Мне нравится клевый хвост блондинистой крыски, — хихикнул второй.

Ричард схватил ее за руку и, не говоря ни слова, выволок на улицу, обратно под дождь. Никки упиралась, всю дорогу шепотом протестуя. Она поверить не могла, что сам магистр Рал, Искатель Истины и Несущий смерть, испугался троих парней. Даже скорее мальчишек.

Пока они спускались по обшарпанным ступенькам, Ричард привлек ее ближе.

— Ты лишена магии, не забыла? Нам вовсе не нужны такого рода проблемы. Не имею ни малейшего желания оказаться зарезанным из-за комнаты. Оно того не стоит. Знать, когда не стоит вступать в драку, не менее важно, чем уметь драться.

Никки хотелось найти жилье, но в конечном итоге она все же пришла к выводу, что Ричард, пожалуй, прав. Трое юнцов стояли в дверях, хохоча и обзывая Ричарда по-всякому. Но им вовсе не хотелось вылезать под дождь. Никки и прежде доводилось видеть подобных сопляков. Эта новая поросль ничем не отличается от остальных — наглые, агрессивные, зачастую опасные. По крайней мере из них получаются хорошие солдаты для армии Джеганя.

Ричард быстро тащил ее по улице. Он несколько раз свернул наугад в узкие переулки, чтобы убедиться, что их не преследуют.

Алтур-Ранг казался бесконечным. В сумерках и под дождем было почти ничего не видно. Они блуждали в запутанном лабиринте улиц и переулков. В последний раз Никки бывала тут много лет назад. Несмотря на все усилия Ордена, здесь все еще царила нищета. Никки даже думать боялась, что бы тут творилось, не помогай Орден.

Оказавшись на улице пошире, они наконец нашли укрытие под выступом крыши вместе с небольшой группкой людей, тоже

пытавшихся укрыться от дождя. Никки обхватила себя руками, спасаясь от холода. Ричард вместе с остальными, жавшимися к стенке, наблюдал за случайным фургоном, пробиравшимся по раскисшей улице. Никки понять не могла, как это Ричарду удается не мерзнуть в такую погоду. Но наслаждалась теплом его тела, когда маленькая толпа прижала ее к нему. Ричард поглядел, как она трясется от холода, но не смог заставить себя обнять ее, чтобы хоть немного согреть. А она не попросила.

Никки вздохнула. В Древнем мире холода стоят недолго. Через пару дней снова станет тепло и влажно.

Когда они посетили жалкие остатки предприятия ее отца, ей на миг показалось, что Ричарду хочется обнять ее и утешить. Как бы он ее ни ненавидел, как бы ни хотел уйти, он проникся сочувствием.

Стоя под дождем, Никки позволила себе предаться воспоминаниям, вызвавшим приятную тоску.

Ричард что-то высматривал. Проследив за его взглядом, она увидела, что фургон как-то странно подпрыгивает. И в этот момент колесо с громким треском отломилось.

И тут же под тяжестью груза сломалась ось и фургон осел набок. Людей на тротуаре обдало фонтаном грязи. На возниц обрушился град ругани. Когда ось сломалась, четверка лошадей остановилась — и ось второго заднего колеса тоже сломалась и весь зад фургона рухнул в грязь.

Из фургона вылезли двое, чтобы оценить ущерб. Тощий возница выругался и пнул в сердцах сломанное колесо. Второй, невысокий крепыш, спокойно проверил уцелевшие части и груз.

Ричард, нахмурившись, подтолкнул Никки вперед, направившись к фургону. Та нехотя пошла, недовольная тем, что пришлось выйти из-под укрытия.

— Придется, — с твердой решимостью произнес коротышка. — Тут недалеко.

Второй снова выругался.

— Это не мое дело, Ицхак, и ты это знаешь. Я не стану этого делать!

Затем Ицхак беспомощно всплеснул руками, когда его упертый напарник направился в голову фургона и, понукая лошадей, исхитрился оттащить фургон в сторону, освобождая путь другим фургонам, уже начавшим скапливаться за ним. Оттащив фургон, он тут же принялся распрягать коней.

Коротышка обернулся и оглядел толпу зрителей.

— Мне нужна помощь, — крикнул Ицхак редкой толпе.

— А что делать-то? — спросил один из близстоящих.

— Нужно оттащить эти железки на склад. — Почесав толстую шею, он ткнул пальцем. — Вон туда, в кирпичный дом с выцветшей красной надписью на стене.

— А сколько дашь? — спросил тот же зевака.

Ицхак начал сердиться. Он оглянулся и увидел, что его напарник уводит лошадей.

— Я не могу сейчас ничего заплатить без разрешения, но завтра, если придешь, то наверняка...

Зрители понимающе с отвращением рассмеялись и двинулись дальше кто куда. Коротышка остался в одиночестве, стоя по щиколотку в грязи. Вздохнув, он повернулся к фургону и откинул бортик. В фургоне лежали железные болванки.

Ричард шагнул на проезжую часть. Никки же хотела посетить еще несколько адресов до наступления темноты. Она схватила его за рукав, но он лишь сердито глянул на нее. Никки злобно фыркнула, но все же пошла за ним по грязи к крепышу, который с натугой вытягивал длинную болванку.

— Ицхак, не так ли? — спросил Ричард.

Мужчина обернулся и кивнул.

— Верно.

— Если я тебе помогу, Ицхак, я действительно получу завтра деньги? Только говори правду.

Ицхак, плотный мужичок в забавной красной шляпе с узкими полями, наконец с сожалением покачал головой.

— Ну а если я тебе помогу перетащить эти железяки на склад, — продолжил Ричард, — ты позволишь нам с женой переночевать там, чтобы мы могли укрыться от дождя?

Мужичок почесал затылок.

— Мне не разрешается пускать туда кого бы то ни было. Вдруг что-нибудь случится? Вдруг пропадет что-нибудь? И я тут же, — он щелкнул пальцами, — окажусь без работы.

— Всего лишь до завтра. Я просто хочу спрятать ее от дождя, пока она не заболела. А железо мне ни к чему. К тому же я не обворовываю людей.

Мужичок снова почесал в затылке, оглянулся на фургон, затем посмотрел на Никки. Ее трясло, и это была вовсе не игра. Он глянул на Ричарда.

— Одна ночь на складе не будет честной платой за разгрузку всего этого добра. На это уйдут часы.

— Если ты согласен, и я согласен, — ответил Ричард, перекрывая шум дождя, — значит, это честная плата. Я не прошу больше и согласен сделать это за указанную цену.

Коротышка уставился на Ричарда, как на сумасшедшего. Сняв шляпу, он поскреб темную шевелюру. Затем отбросил влажные волосы назад и водрузил шляпу на место.

— Вам придется убраться оттуда, как только я приеду завтра утром с новой партией. Мне не нужны неприятности...

— Из-за меня у тебя их не будет. Если меня застукают, скажу, что взломал замок.

Ицхак некоторое время размышлял, явно удивленный последним высказыванием Ричарда. Затем еще раз оглянулся на груз и наконец кивнул.

Он вытащил длинную болванку и водрузил на плечо. Ричард взвалил на свое мускулистое плечо две, придерживая рукой.

— Пошли, — сказал он Никки. — Давай-ка отправим тебя внутрь, чтобы ты обсохла и согрелась.

Она попыталась поднять железную болванку, желая помочь, но это было ей не по силам. Временами ей так недоставало ее могущества! Что ж, по крайней мере она хотя бы чувствует свою магию через связь с Матерью-Исповедницей. Поддержка этой связи на таком расстоянии требовала немалых усилий, но ей это все же удавалось. Она пошла рядом с Ричардом следом за мужчиной к сухому помещению, которое Ричард только что выиграл для нее.

На следующий день распогодилось. С крыш, впрочем, еще капала вода. Ночью, когда Ричард вместе с Ицхаком таскал болванки, Никки натянула между рядами бечевку, которую Ричард носил в мешке, и развесила сырые вещи. К утру большая часть более или менее высохла.

Они спали на деревянных подставках — чтобы не спать в грязи. Все тут воняло железной пылью и было покрыто тонкой черной пленкой. Согреться на складе было нечем. В их распоряжении имелась лишь лампа, оставленная им Ицхаком, у которой Никки могла погреть хотя бы руки. Они спали, не снимая мокрой одежды. Но к утру и она более или менее просохла.

Большую часть ночи Никки не спала, а, грея руки у лампы, наблюдала в ее свете за спящим Ричардом, размышляя о его се-

рых глазах. Она испытала шок, увидев эти глаза на предприятии отца. И они вызвали поток воспоминаний.

На рассвете Ричард приоткрыл дверь склада ровно настолько, чтобы можно было выскользнуть наружу, и вытащил на улицу их вещи. Небо над городом казалось ржавым. Оставив Никки присмотреть за вещами, он вернулся, чтобы запереть дверь изнутри. Она слышала, как он забирается внутри склада к окну. Затем он спрыгнул снаружи на землю.

Когда наконец прибыл Ицхак с очередной партией железок, Ричард с Никки чинно сидели у дверей склада. Когда фургон проехал мимо них во двор и остановился перед двойными дверями, Никки увидела, что лошадьми правит вчерашний возница.

Длинный возница подозрительно посмотрел на них.

— Это еще что? — спросил он Ричарда.

— Простите, что беспокою, — произнес Ричард, — но я просто пришел сюда пораньше, до открытия склада, чтобы узнать, не найдется ли у вас какой-нибудь работы?

Ицхак глянул на Никки и увидел, что она просохла. Он исподволь поглядел на запертую дверь и понял, что Ричард сдержал слово и избавил его от возможных неприятностей.

— Мы не можем нанимать работников, — ответил возница. — Вам нужно пойти в контору и занести себя в списки.

Ричард вздохнул.

— Понял. Что ж, благодарю вас, господа. Пойду попытаю счастья. Доброго вам дня.

Никки уже научилась распознавать по голосу Ричарда, когда он что-то затевает. Он посмотрел в один конец улицы, потом в другой, будто никак не мог сообразить, что ему делать. Он явно что-то задумал. Похоже, он давал Ицхаку возможность расплатиться за помощь более существенно, чем он уже расплатился. Он ведь предоставил вчера вечером Ричарду перетаскать вдвое больше железяк, чем перенес сам. И Ричард ни разу не возразил.

Ицхак откашлялся.

— Погоди-ка. — Он слез с фургона, чтобы открыть двери склада, но приостановился возле Ричарда. — Я старший грузчик. Нам нужен еще человек. У тебя вроде бы крепкая спина. — Носком сапога он нарисовал в грязи план. — Отправляйся в контору вон туда, — ткнул он пальцем через плечо, — вниз по улице, до третьего поворота, затем направо еще шесть улиц. — Он нарисовал в грязи крест. — Там и контора. Занеси себя в списки.

Ричард, улыбаясь, склонил голову.

— Я так и сделаю, сударь.

Никки знала, что Ричард отлично помнит, как Ицхака зовут, но он специально для возницы, которому не доверял после того, как тот прошлой ночью бросил своего напарника, изображал, что незнаком с ним. Чего Ричард не понимал, так этого того, что возница поступил так, как должен был поступить. Запрещается брать на себя работу, которая принадлежит другим. Это воровство. За груз отвечает грузчик, а не возница.

— Пойди сперва запишись в рабочую ячейку грузчиков, — сказал Ицхак Ричарду. — Заплати взнос. Это в том же здании. Затем запишись в список на работу. Я вхожу в городскую рабочую ячейку, которая представляет ревизионной комиссии новых соискателей. Сиди там и жди снаружи. Позже, на собрании, я выскажусь за тебя.

Возница сплюнул.

— На хрена тебе это надо, Ицхак? Ты даже не знаешь этого малого.

Ицхак зыркнул на возницу.

— Ты видел в коридорах хоть одного такого здоровяка, как этот парень? Нам нужен на склад еще один грузчик. Мы только что потеряли одного и нужна замена. Ты что, хочешь, чтобы я повесил себе на шею какого-нибудь тощего дедка, за которого мне самому придется все делать?

— Вряд ли! — заржал возница.

— К тому же глянь на его молодую жену, — указал Ицхак на Никки. — Тебе не кажется, что ей не помешало бы нарастить немного мяса на костях? Вроде бы вполне славная молодая пара.

Возница снова сплюнул.

— Да вроде бы.

Ицхак, двинувшись к дверям, небрежно хлопнул Ричарда по плечу.

— Будь там.

— Буду.

Ицхак приостановился и оглянулся.

— Совсем забыл. Тебя звать-то как?

— Ричард Сайфер.

Кивнув, Ицхак повернулся к дверям.

— Я Ицхак. До вечера, Ричард Сайфер. И не вздумай подвести меня, слышишь? Если окажется, что ты лентяй и подведешь меня, я брошу твою жалкую шкуру в реку с болванкой на шее.

— Я не подведу, Ицхак, — улыбнулся Ричард. — Я хороший пловец, но не настолько.

Шагая по грязной дороге в поисках какой-нибудь еды, прежде чем отправиться в контору и встать в очередь на работу, Ричард спросил:

— Что не так?

Никки с отвращением покачала головой.

— Обычным людям не везет так, как тебе, Ричард. Обычные люди страдают и борются за выживание, а тебе твоя удача преподносит работу на блюдечке.

— Если это удача, — спросил Ричард, — то с чего это у меня спина разламывается после переноски всех этих железок на склад?

Глава 46

акончив разгружать последний фургон болванок, Ричард оперся руками на кучу и опустил голову, тяжело дыша. Мышцы рук и спины гудели. Куда проще разгружать вдвоем, один в фургоне, другой на земле, но мужик, что должен был помогать при разгрузке, уволился несколько дней назад, заявив, что с ним плохо обращаются. Ричард не больно-то по нему скучал. Даже когда этот гад соизволял поднять свою задницу, от него было больше вреда, чем пользы.

За окном начинало темнеть, небо на западе окрасилось в пурпур. По шее тек пот, прокладывая дорожки в черной металлической пыли. Как же хотелось нырнуть в прохладное горное озеро! Даже сама мысль об этом освежала. Продолжая мечтать о купании, Ричард переводил дух.

Из-за угла выплыл Ицхак с лампой в руке.

— Ты слишком усердно трудишься, Ричард.

— Мне казалось, что меня наняли работать.

Ицхак некоторое время взирал на него. В одном глазу отражался желтый свет лампы.

— Прими совет. Ты слишком усердствуешь. Это лишь навлечет на тебя неприятности.

Ричард работал на складе вот уже три недели, загружая и разгружая фургоны. И

успел познакомиться с другими работниками. Поэтому отлично понимал, что имеет в виду Ицхак.

— Но я все еще опасаюсь оказаться в воде с болванкой на шее.

Ицхак сверкнул глазами и гулко расхохотался.

— Тогда я просто выступал специально для Йори.

Йори звали возницу, отказавшегося разгружать сломавшийся фургон.

Ричард зевнул.

— Да знаю, Ицхак.

— Тут тебе не ферма, с которой ты пришел. Жить по правилам Ордена — это совсем другое дело. Ты должен помнить о нуждах других, если надеешься продержаться. Так уж устроен мир.

Ричард уловил предостерегающие нотки в интонации Ицхака и отлично понял смысл ненавязчивого предупреждения.

— Ты прав, Ицхак. Постараюсь об этом не забывать.

Ицхак лампой указал на дверь.

— Сегодня собрание рабочей ячейки. Тебе пора двигаться.

Ричард застонал.

— Ну, не знаю... Уже поздно, и я устал, как собака. Я и вправду скорее...

— Ты же не хочешь, чтобы твое имя начали склонять все вокруг? Не хочешь, чтобы люди начали говорить, что у тебя нет чувства гражданского долга?

— Я думал, эти собрания — дело добровольное, — хмыкнул Ричард.

Ицхак снова расхохотался. Ричард взял свои вещи с полки в углу и помчался на выход, чтобы Ицхак мог запереть дверь.

Снаружи, в наступающей темноте, Ричард едва разглядел соблазнительную фигурку Никки, сидящую на стене у входа на склад. Но у Ричарда изгибы ее тела вызывали лишь одну ассоциацию: со змеей. Жилья у них по-прежнему еще не было, но она часто приходила на склад, проведя день в очередях за хлебом и прочими необходимыми товарами. Они вместе возвращались к своему убежищу в спокойном переулке примерно в миле от склада. Ричард дал немного денег местным пацанам, чтобы те охраняли их приют и не позволяли никому занять его. Пареньки были еще достаточно юными, чтобы быть благодарными за денежку, и достаточно взрослыми, чтобы ответственно относиться к своей работе.

— Хлеба достала? — спросил Ричард, подойдя.

Никки спрыгнула со стенки.

— Сегодня хлеба нет. Закончился. Но я достала нам немного капусты. Так что сварю суп.

У Ричарда урчало в животе. Он рассчитывал на хлеб, чтобы прямо сейчас слопать кусок. А на суп нужно время.

— Где твоя сумка? Если ты купила капусту, то где она?

Улыбнувшись, она достала маленький предмет. И на ходу подняла его так, чтобы в сумерках видны были очертания. Ключ.

— Комната? Мы получили жилье?

— Я сегодня утром наведалась в жилищную контору. Наконец пришла наша очередь. Они выписали нам комнату. Господину и госпоже Сайфер. Сегодня мы уже будем там ночевать. Что очень кстати: похоже, снова пойдет дождь. Я уже отнесла свои вещи в нашу комнату.

Ричард потер ноющие плечи. Его окатило волной отвращения от унижения, которому она подвергла его... подвергла Кэлен. Временами он ощущал некий намек на что-то очень важное в Никки и в том, что она делает, но по большей части его бесил идиотизм всего этого.

— Ну, и где эта комната? — Он надеялся, что не в другом конце города.

— Это одна из тех, где мы уже побывали. Неподалеку отсюда. Там, где пятно на стене, сразу как входишь в дом.

— Никки, тут повсюду пятна на стенках.

— Пятно, которое похоже на лошадиный круп с поднятым хвостом. Скоро увидишь.

Ричард умирал от голода.

— Мне сегодня снова придется переться на собрание рабочей ячейки.

— Ой! Собрания рабочих ячеек — важное дело. Они помогают людям не забывать о том, что правильно, и о долге каждого перед остальными.

Эти собрания были сущей пыткой. Ничего толкового там отродясь не говорилось. Пустая трата времени. Однако были и такие, которые только и ждали эти собрания, чтобы встать и начать распространяться во славу Ордена. Это был их звездный час, когда они чувствовали себя кем-то значительным, важным.

Те, кто не показывался на собраниях, приводили в пример в качестве не очень преданных Ордену людей. Если отсутствующий не приводил достойных причин своего отсутствия, то за-

просто мог оказаться заподозренным в подрывной деятельности. Отсутствие доказательств значения не имело. Выдвигая подобные обвинения, некоторые чувствовали себя более значительными личностями в стране, где высшим идеалом было всеобщее равенство.

Угроза подрывной деятельности, как темное облако, постоянно нависала над Древним миром. Было вполне обычным зрелищем, когда городские гвардейцы по подозрению в подрывной деятельности волокли людей в околоток. Пытки порождали признания, подтверждавшие правдивость обвинителя. Исходя из этой логики, те, кто произносил длинные речи на собраниях, точнехонько указывали на нескольких бунтарей, что подтверждалось дальнейшим признанием этих самых «бунтарей».

Из-за постоянно царившего в Алтур-Ранге подспудного напряжения многих беспокоили подстрекания к бунту — исходящие из Нового мира, согласно официальной версии. Представители Ордена мгновенно подавляли подобные слухи, как только выявляли. Другие граждане настолько боялись, что укажут на них, что велеречивых ораторов на собраниях рабочих дружно заверяли в массовой поддержке их высказываний.

На многих площадях как напоминание о том, что грозит тем, кто свяжется с дурной компанией, висели тела неблагонадежных, причем до тех пор, пока птицы не очищали добела их кости. Самая распространенная шутка, которой удостаивался человек, высказавший что-то не в масть, звучала так: «Ты хочешь быть похороненным на небе?»

Они свернули за угол к залу собраний. Ричард снова зевнул.

— Не помню я пятна, которое похоже на лошадиный круп.

Они шли по краю темной улицы. Под ногами хрустели камешки. Впереди виднелась лампа Ицхака, торопящегося на собрание.

— Ты тогда смотрел в другую сторону. Это тот дом, где живет та троица.

— Какая троица?

На собрание поспешал народ. Некоторых Ричард знал, других — нет.

И тут он вспомнил. И остановился.

— Ты имеешь в виду ту дыру, где живут те три обормота? С ножами?

Он едва различил в темноте ее кивок.

— Именно.

— Класс! — Ричард провел ладонью по лицу. — Ты не спросила, нельзя нам поселиться где-нибудь в другом месте? — спросил он, когда они двинулись дальше.

— Для новичков в городе получить жилье — это чистое везение. А комнату тебе определяют, когда приходит твоя очередь. Если ты отказываешься, то снова оказываешься в конце списка.

— Ты уже отдала управляющему деньги?

— Все, что было, — пожала она плечами.

Ричард на ходу скрипнул зубами.

— Это же все наши деньги до конца недели.

— Я могу растянуть суп.

Ричард ей не верил. Она наверняка каким-то образом постаралась сделать так, чтобы им дали именно эту комнату. Он сильно подозревал, что ей охота посмотреть, как он поведет себя с теми юнцами, поскольку теперь вынужден с ними столкнуться. Она вечно делает мелкие пакости, задает странные вопросы, высказывает всякую дурь, чтобы посмотреть на его реакцию, увидеть, как он справится с ситуацией. Ричард никак не мог понять, что ей вообще от него надо.

Эта троица его обеспокоила. Он отлично помнил, как эйджил Кары причинил Кэлен такую же боль, что и Никки. Если эти трое изнасилуют Никки, то Кэлен тоже придется все это выносить. От одной этой мысли его прошиб холодный пот.

Придя на собрание, Ричард с Никки уселись на задний ряд в прокуренной комнате. Они слушали выступления тех, кто вещал во славу Ордена: как Орден помогает людям жить праведной жизнью. Мысли Ричарда унеслись к их с Кэлен домику в горах, он вспомнил родник за домом. Он вспоминал те летние деньки, когда наблюдал, как Кэлен болтает ногой в воде. Его скручивало от тоски, когда он мысленным взором ласкал изгибы ее ног.

Последовали речи о долге каждого рабочего перед согражданами. Многие речи велись монотонными голосами и повторялись так часто, что было совершенно очевидно, что слова значения не имеют, важен лишь сам факт их оглашения. Ричард вспомнил смех Кэлен, когда он поймал для нее рыбок и посадил в банку.

Следующие ораторы — руководители ячеек, или городские старшины — с жаром и страстью вещали о том, как они высоко ценят политику Ордена. Несколько человек поднялись и заговорили о тех, кого нет на собрании, называя отсутствующих по

именам и обличая их нелояльное поведение, наплевательское отношение к благополучию своих братьев-рабочих. По залу пробежал шепоток.

Когда речи закончились, встали несколько жен рабочих и объяснили, что у них появились дополнительные нужды, потому что только что родился очередной ребенок, муж временно не работает, находящиеся на их попечении родственники серьезно заболели и тому подобное. После высказывания каждой из них объявлялось голосование и вздымался лес рук. Если ты согласен поступить по справедливости и хочешь, чтобы ячейка им помогла, то подними руку.

Тех, кто руки не поднимал, брали на заметку. Ицхак растолковал Ричарду, что ты в принципе можешь не поднимать руку, если не согласен, но если будешь это делать слишком часто, то тебя занесут в список неблагонадежных. Ричард понятия не имел, что это за список такой, но ему было несложно подчиниться. К тому же Ицхак сказал, что вовсе не желает оказаться в списке, и сам он чаще поднимает руку, чем нет.

Ричард поднимал руку каждый раз. Ему было глубоко наплевать на происходящее. Он не желал принимать в этом участие, не желал пытаться улучшить что-то, и ему было все равно, хорошо или плохо живут эти люди. Большинству, похоже, нравилось, что Орден управляет их жизнью, избавляя от бремени думать самим. В точности как в Андерите. Никки казалась удивленной и даже несколько разочарованной тем, что он всякий раз поднимает руку. Но не возражала и не задавала вопросов.

Ричард даже едва отдавал себе отчет, что поднимает руку. Он мысленно улыбался, вспоминая изумление Кэлен, восторг в ее зеленых глазах, когда она впервые увидела «Сильную духом». Ричард охотно вырезал бы для нее гору статуэток, лишь бы снова увидеть ее радость и восторг при виде чего-то, что ей нравится, чего-то для нее ценного и дорогого.

Заговорил очередной оратор, жалуясь на несправедливые условия труда и рассказывая, что он вынужден был уволиться, чтобы не позволять транспортной компании так эксплуатировать его. Это был тот самый тип, что уволился, предоставив Ричарду разгружать фургоны в одиночку. Ричард поднял руку вместе с остальными, разрешая выплатить этому хмырю полный шестимесячный оклад в виде компенсации.

После всех этих многочисленных голосований, перешептываний, записи всех решений здоровым членам ячейки было

объявлено, что они должны внести справедливую лепту в помощь нуждающимся. Ричарду было сказано, что все, кто может, обязаны трудиться с полным усердием, дабы помогать тем, кто работать не в состоянии.

Когда назывались имена, люди поднимались и выслушивали, какую часть из зарплаты на следующей неделе у них забирают. Поскольку Ричард был новичком, его фамилию назвали последней. Он встал, глядя через дымный зал на людей в траченных молью плащах, сидящих за длинным столом, сконструированным из двух старых дверей. В одном конце сидел Ицхак, во всем поддерживая большинство. Сидевшие в президиуме женщины все еще перешептывались. Закончив переговоры, они что-то прошептали председателю. Тот кивнул.

— Ричард Сайфер, принимая во внимание, что ты новенький, тебе еще предстоит восполнить свой долг перед рабочей ячейкой. Твоя зарплата за следующую неделю целиком идет на помощь нуждающимся.

Ричард какое-то мгновение тупо глядел на него.

— Но... что я буду есть? И как платить за жилье?

Сидящие в зале хмуро повернулись к нему. Председатель хлопнул ладонью по столу, призывая к тишине.

— Ты должен благодарить Создателя за отличное здоровье, позволяющее тебе работать, молодой человек. А сейчас тут есть те, кому не так повезло в жизни, как тебе, те, чья нужда куда больше твоей. Помощь страждущим и нуждающимся важней эгоистичного личного обогащения.

Ричард вздохнул. Да какое все это имеет, в сущности, значение? В конце концов, ему ведь везет в жизни.

— Да, сударь. Я понял, что вы имеете в виду. Я с радостью отдаю мою зарплату нуждающимся.

Как же он жалел, что Никки пустила по ветру их деньги!

— Ну, — сказал он, когда они вышли наконец на свежий воздух, — полагаю, мы можем стребовать с управляющего квартплату назад. Мы можем и дальше жить там, где жили, пока я не заработаю и не скоплю немного денег.

— Квартплата возврату не подлежит, — сообщила Никки. — Управляющий поймет нашу проблему и позволит нам жить в долг, пока мы не сможем начать его гасить. На следующем собрании тебе нужно лишь встать и объяснить ревизионной комиссии свои трудности. Если ты все правильно изложишь, они окажут тебе вспомоществование для выплаты квартплаты.

Ричард иссяк. Ему казалось, что все это — какой-то дурацкий сон.

— Вспомоществование? Да это моя зарплата! За работу, что я выполняю!

— Это эгоистичный взгляд на вещи, Ричард. Работа — это милость со стороны рабочей ячейки, компании и Ордена.

Ричард слишком устал, чтобы спорить. К тому же вовсе не ожидал никакой справедливости хоть в чем-то, что делалось во имя Ордена. Ему хотелось лишь добраться до их нового жилья и упасть спать.

Когда они открыли дверь, один из тех трех юнцов рылся в сумке Никки. Держа в одной руке ее нижнее белье, он ухмыльнулся, глядя на вошедших через плечо.

— Так-так, — протянул он, поднимаясь. Рубашки на нем по-прежнему не было. — Похоже, две мокрые крысы нашли-таки нору для жилья.

Его похотливый взгляд скользил по Никки. На лицо ей он даже не смотрел.

Никки сперва выхватила у него сумку, потом свои вещи. И принялась запихивать их в сумку. Юнец наблюдал, продолжая ухмыляться. Ричард испугался, что она наплюет на узы с Кэлен и воспользуется своей силой, но Никки лишь разъяренно поглядела на нахала.

Комнатушка оказалась жалкой и обшарпанной. Низкий потолок просто давил. Когда-то он был побелен, но теперь потемнел от чада свечей и ламп, комната походила на пещеру. Освещала помещение одинокая свечка, горевшая на замызганной полочке у двери. В углу, у засиженной мухами стенки стоял перекосившийся шкаф. Одна дверца шкафа выломана. Единственное, на что можно сесть, кроме замызганного и ободранного соснового пола, — два деревянных стула подле стола у окна. Маленькие квадратики стекла на окне были все заляпаны пятнами краски всех цветов радуги. Через маленький выбитый треугольник Ричард видел серую стену соседнего здания.

— Как ты сюда попал? — рявкнула Никки.

— Универсальный ключ, — помахал он ключом, как королевским жезлом. — Мой папаша — управляющий. Я просто осматривал ваши шмотки на предмет подрывной литературы.

— А ты умеешь читать? — Никки просто сочилась ядом. — В жизни не поверю, пока своими глазами не увижу!

С физиономии юнца не сходила вызывающая ухмылка.

— Нам не нужны тут подрывные элементы. Это может подвергнуть опасности всех остальных. Мой отец обязан сообщать о любой подозрительной деятельности.

Ричард шагнул в сторону, пропуская направившегося к двери парня, но тут же перехватил его за руку, когда тот схватил свечку.

— Это наша свечка, — произнес Ричард.

— Да ну? С чего ты это взял?

Ричард сжал крепче обнаженную мускулистую руку парня. Глядя ему в глаза, он жестом показал:

— На ее основании вырезаны наши инициалы.

Парень машинально перевернул свечку, чтобы посмотреть. Горячий воск брызнул ему на руку. Взвыв, он выронил свечу.

— Ох ты! Беда какая! — спокойно проговорил Ричард. Наклонившись, он поднял свечу. — Надеюсь, с тобой все в порядке? Горячий воск в глаза ведь не попал, а? Жутко больно, когда горячий воск попадает в глаз.

— Да? — Юнец отбросил прямые темные волосы со лба. — А откуда ты знаешь?

— У себя на родине я как-то видел, как это случилось с одним бедолагой.

Ричард высунулся в коридор, где горела на полке еще одна свечка. И ногтем демонстративно нацарапал Р и С на основании свечи.

— Вот видишь? Мои инициалы.

Юнец даже не соизволил поглядеть.

— Угу, — буркнул он и рванулся к дверям.

Ричард вышел с ним вместе и зажег свечу от той, что горела в коридоре. Юнец, притормозив, высокомерно глянул на Ричарда.

— А как тот придурок ухитрился залить себе воском глаза? Он что, такой же тупой здоровенный дуболом вроде тебя?

— Да нет, — небрежно ответил Ричард. — Вовсе нет. Это был озабоченный юнец, по глупости позарившийся на чужую жену. И воск в глаза ему налил муж.

— Да ну? А почему этот тупоголовый козел попросту не закрыл их?

И тут Ричард впервые за все время одарил парня не сулящей ничего хорошего улыбкой.

— Да потому что ему сперва отрезали веки, чтобы он не мог закрыть глаз. Видишь ли, там, откуда я родом, с каждым, кто при-

касается к женщине вопреки ее воле, обращаются не больно-то ласково.

— Да ну?

— Ага. И веки — не единственное, что отрезали тому молодцу.

Юнец снова отбросил волосы со лба.

— Ты что, мне угрожаешь, дуболом?

— Нет. Я не могу сделать тебе ничего хуже того, что ты уже делаешь себе сам.

— Это ты о чем?

— Ты никогда ничего в жизни не добьешься. Ты всегда будешь ничтожеством, грязью, что счищают с сапог. У тебя есть лишь одна жизнь, а ты ее растрачиваешь впустую. И это очень печально. Сомневаюсь, что ты имеешь хотя бы малейшее представление, что означает быть по-настоящему счастливым, совершить что-то действительно стоящее, чтобы можно было гордиться собой. Ты сам все это на себя навлек, и хуже этого ничего быть не может.

— Я не могу изменить свою жизнь.

— Нет, можешь. Ты сам строишь свою жизнь.

— Да ну? И как ты себе это представляешь?

— Посмотри, в каком свинарнике ты живешь, — обвел рукой Ричард. — Твой отец — управляющий. Почему бы тебе не проявить немного гордости и не привести в порядок это место?

— Так он ведь управляющий, а не хозяин. Хозяин был алчным сукиным сыном, сдирающим плату, которая многим была недоступна. Орден забрал этот дом себе. А хозяина за его преступления против народа замучили до смерти. Моему отцу дали работу управляющего. Мы просто присматриваем за этим домом, чтобы помогать таким дуракам вроде тебя, у кого нет жилья. У нас нет денег на ремонт дома.

— Денег? Разве нужны деньги, чтобы убрать весь этот мусор в коридоре? — указал Ричард.

— Не я его набросал.

— А погляди на эти стены. Чтобы их вымыть, деньги вовсе не нужны. А пол в этой комнате? Его не мыли лет десять как минимум.

— Эй, я ведь не уборщица!

— А ступени у подъезда? Кто-нибудь в один прекрасный день свернет себе шею. Может, даже ты сам или твой отец. Почему бы тебе для разнообразия не сделать что-нибудь полезное и починить их?

— Я же сказал, у нас нет денег на ремонт.

— А для этого деньги и не нужны. Ее нужно лишь перебрать и заменить прогнившие ступеньки. А их можно вырезать из валяющихся повсюду деревяшек.

Парень вытер ладони о штаны.

— Раз ты такой умный, так чего ж не починишь ступеньки?

— Отличная мысль. Я так и сделаю.

— Да ну? Я тебе не верю. — К парню снова вернулась наглость.

— Завтра, после работы, я починю ступеньки. Если придешь, то я научу тебя, как это делать.

— Может, и появлюсь, чтобы посмотреть на придурка, который будет чинить что-то, что ему даже не принадлежит, и чинить задаром к тому же.

— Вовсе не задаром. А потому, что я тоже хожу по этой лестнице, и чтобы дом, в котором я живу, выглядел поприличней. И мне не хочется, чтобы моя жена сломала себе ногу. Но если ты захочешь прийти и научиться, как чинить лестницу, то сперва наденешь рубашку из уважения к живущим в твоем доме женщинам.

— А если я приду посмотреть, но не стану напяливать рубашку, как какой-то старый пердун!

— Тогда у меня не найдется достаточно к тебе уважения, чтобы тратить время на то, чтобы учить тебя чинить ступеньки. И ты ничему не научишься.

— А если я не хочу ничему учиться?

— Ну, тогда, наоборот, я узнаю кое-что новое о тебе.

— Да за каким лешим мне вообще нужно учиться чинить какие-то дурацкие ступеньки? — закатил глаза парень.

— Вообще-то особой необходимости учиться чинить ступеньки у тебя нет, но если тебе не наплевать на себя самого, то тебе следовало бы хотеть чему-нибудь научиться. Даже самым простым вещам. Человек начинает гордиться собой, только если делает что-то полезное, пусть это всего лишь только починка нескольких ступенек.

— Да ну? Я и так горжусь собой.

— Ты запугиваешь людей и их страх ошибочно принимаешь за уважение. Никто не может дать тебе самоуважение, даже те, кому ты небезразличен. Самоуважение человек зарабатывает сам. А пока что ты умеешь только пыжиться и выставлять себя дураком.

— Это кого ты обозвал... — скрестил на груди руки парень.

Ричард ткнул парня пальцем в гладкую грудь, вынуждая отступить на шаг.

— У тебя всего одна жизнь. Шляться по улицам, оскорбляя прохожих и пугая людей, с твоей бандой — это все, что ты хочешь от жизни? Это все, на что ты хочешь растратить свою единственную жизнь? Каждый, кто чего-то хочет от жизни, хочет, чтобы его жизнь что-то значила, пожелал бы учиться. Завтра я починю эти ступеньки. И завтра мы узнаем, что ты собой представляешь.

Юнец снова с вызовом скрестил руки на груди.

— Да ну? Ну а может, я предпочту провести время с дружками?

— Именно поэтому-то твоя жизнь и зависит только от тебя, — пожал плечами Ричард. — Не могу сказать, что совершил что-то очень уж значительное в своей жизни, но я всегда сам делаю свой выбор. В данный момент я предпочитаю починить ступеньки и слегка привести в порядок место, где я живу, вместо того чтобы хныкать и ждать в надежде, что кто-то другой это сделает за меня. И горжусь тем, что умею делать это сам.

Починка лестницы не сделает тебя человеком, но придаст тебе немного самоуважения. Если хочешь, приводи с собой друзей, и я научу вас всех, как использовать ваши ножики на что-то более полезное, чем размахивание ими перед носом у прохожих.

— Мы ведь можем прийти тебя оборжать, дуболом.

— Ладно. Но если вы с корешами хотите научиться чему-то полезному, то лучше вам для начала показать мне, что хотите учиться, проявив уважение, и прийти в рубашках. Вот первый стоящий перед тобой выбор. Если сделаешь неправильный выбор, то в дальнейшем возможность выбирать у тебя станет еще более ограниченной. И меня зовут Ричард.

— Как я уже сказал, ты запросто можешь оказаться посмешищем. — Он скорчил рожу. — Ричард.

— Да смейся, если хочешь. Я знаю себе цену и мне нет необходимости доказывать что-либо тому, кто сам себе цену не знает. Если хочешь учиться, то знаешь, что тебе делать. А если еще хоть раз посмеешь угрожать мне ножом или, паче чаяния, моей жене, то тогда совершишь самую последнюю из многочисленных ошибок в своей жизни.

Парень предпочел проигнорировать угрозу и проговорил с еще большей бравадой:

— И кем же я могу стать? Очередным придурком вроде тебя, вкалывающим до седьмого пота на жадюгу Ицхака и его транспортную компанию?

— Как тебя зовут?

— Камиль.

— Что же, Камиль, я работаю за зарплату, чтобы содержать себя и мою жену. У меня есть кое-что ценное: я сам. Кто-то ценит меня достаточно, чтобы платить мне за мое умение и время. В данный момент, став грузчиком, я сделал очередной раз выбор. И я решил починить ступеньки, потому что таким образом улучшу свою жизнь. — Ричард сузил глаза. — И вообще, при чем тут Ицхак?

— Ицхак? Так он же владелец транспортной компании.

— Ицхак всего лишь старший грузчик.

— Ицхак когда-то жил здесь, до того, как Орден забрал дом себе. Мой отец его знал. Вообще-то говоря, ты спишь в его кабинете. И тогда эта транспортная компания принадлежала ему. Но он предпочел алчности путь просветления, когда ему предложили выбор. И согласился, чтобы городская рабочая ячейка помогла ему научиться стать достойным гражданином Ордена. И теперь он знает, что ничуть не лучше остальных. Даже меня.

Ричард оглянулся на стоящую посреди комнаты Никки, внимательно следившую за разговором. Он напрочь о ней забыл. Ему расхотелось дальше вести беседу.

— Завтра вечером я узнаю, придешь ты посмеяться или учиться. Это твоя жизнь, Камиль, и твой выбор.

Глава 47

олнце только что встало. Рассеянный свет проникал на склад через высокие окна. Завидев приближавшегося с очередным списком разгрузки Ицхака, Ричард спрыгнул с подставки, на которой сидел.

Ричард не видел старшего грузчика почти неделю.

— Ицхак? Ты в порядке? Где ты пропадал?

Крепыш торопливо подошел.

— И тебе привет.

— Ой, извини. Привет. Я беспокоился. Ты куда запропастился?

— Собрания, — скривился тот. — Вечные собрания. Сидел то в одной конторе, то в другой. Никакой работы, одни собрания по тому поводу или этому. Пришлось нанести визит разной публике, чтобы договориться об отгрузках необходимых людям товаров. Иногда мне кажется, что на самом деле никому не нужно, чтобы в город вообще поставляли какие-то товары. Для них было бы куда проще, если бы все получали деньги, но при этом не работали. Тогда им не придется подписывать бумажки и беспокоиться, что в один прекрасный день их могут призвать отчитаться за то, что они это сделали.

— Ицхак, это правда, что эта транспортная компания когда-то принадлежала тебе?

Тот аж задохнулся.

— Кто тебе это сказал?

— Так как? Эта компания действительно принадлежала тебе?

— Полагаю, до сих пор принадлежит, — пожал плечами Ицхак.

— Что произошло?

— Что произошло? Да ничего, кроме того, что я оказался сообразительным и догадался, что она требовала куда больше забот, чем мне нужно.

— Чем они тебе пригрозили?

Ицхак некоторое время пристально смотрел на Ричарда.

— Откуда ты? Что-то я не видал таких деревенских пареньков.

— Ты мне не ответил, — улыбнулся Ричард.

— Да зачем тебе это? — раздраженно отмахнулся крепыш. — Что было, то было. Человек должен реально смотреть на вещи и выбирать лучшее из того, что ему преподносит жизнь. Передо мной стоял выбор, и я его сделал. Реальность такова, какова она есть. А сожаления не накормят моих детей.

Ричарду вдруг показалось, что он ведет себя жестоко. И решил оставить тему.

— Я все понимаю, Ицхак. Правда, понимаю. Прости.

Крепыш снова дернул плечами.

— Теперь я тут работаю, как и все остальные. Это куда легче. Я должен подчиняться общим правилам, иначе потеряю работу, как и любой другой. Нынче все равны.

— Хвала Ордену. — Ицхак улыбнулся ерничанью Ричарда. Ричард протянул руку. — Давай список.

Старший грузчик протянул бумажку. Там было указано всего два адреса, а также количество, цена и качество.

— Что это? — поинтересовался Ричард.

— Нам нужно, чтобы с фургоном поехал грузчик, чтобы забрать железо и проследить за доставкой.

— Так что, я теперь работаю на фургонах, что ли? Почему? Мне казалось, я нужен тебе на складе.

Ицхак снял свою красную шляпу и почесал темные редеющие волосы.

— Нам поступили кое-какие... жалобы.

— На меня? Что я такого сделал? Ты же знаешь, что я хорошо работаю.

— Слишком хорошо. — Ицхак водрузил шляпу на место. — Мужики на складе говорят, что ты мелочный и загребущий. Их слова, не мои. Они говорят, что ты вынуждаешь их чувствовать себя ущербными, демонстрируя, какой ты молодой и сильный. Говорят, что ты смеешься над ними у них за спиной.

Многие из этих мужчин были помоложе Ричарда и достаточно сильными.

— Ицхак, да я никогда...

— Да знаю, знаю. Но им так кажется. Не усложняй себе жизнь. Важно то, что они думают, а не то, что есть на самом деле.

Ричард с досадой вздохнул.

— Но рабочая ячейка мне заявила, что я способен работать, тогда как многие не могут, и что я вроде как должен приложить все усилия на то, чтобы облегчить бремя этих несчастных, тех, у кого нет моих возможностей. Они сказали, что я потеряю эту работу, если не буду выкладываться полностью.

— Это узкая дорожка.

— И я переступил черту.

— Они хотят, чтобы тебя убрали.

— Значит, я уволен? — вздохнул Ричард.

— И да, и нет, — помахал рукой Ицхак. — Ты уволен со склада за некорректное поведение. Я уговорил комиссию дать тебе еще один шанс и перевести на фургоны. Там работы немного, потому что ты имеешь право только загружать их и разгружать по прибытии на место. Куда меньше шансов нарваться на неприятности.

— Спасибо, Ицхак, — кивнул Ричард.

Взгляд Ицхака забегал по сторонам, словно пытаясь спрятаться среди болванок, бочонков с древесным углем и груд железной руды, ожидавших отправки. Он почесал висок.

— Там меньше платят.

Ричард стряхнул со штанов и с рук металлическую и угольную пыль.

— А какая разница? Они все равно все у меня забирают и отдают другим. На самом деле вовсе не я теряю в зарплате, а другие недополучат моих денег.

Ицхак, хихикнув, хлопнул Ричарда по плечу.

— Ты тут единственный, на кого я могу положиться, Ричард! Ты отличаешься от других. Я чувствую, что все, что я тебе говорю, никогда не уйдет дальше тебя.

— Я никогда бы так с тобой не поступил.

— Знаю. Поэтому и говорю тебе то, что никогда не сказал бы никому другому. Предполагается, что я должен быть как все и работать, как и все остальные, но также я должен обеспечивать работой. Они забрали мое предприятие, но хотят, чтобы я по-прежнему управлял им для них. Безумный мир.

— Ты и половины не знаешь, Ицхак. Так что там с этой погрузкой-разгрузкой фургонов? Что нужно сделать?

— Я задолжал поставку одному кузнецу за городом.

— Почему?

— Ему заказали инструменты, а у него нет металла. Многие ждут поставок. Большую часть этого барахла, — махнул он на болванки, — заказали еще прошлой осенью. Прошлой осенью! Уже весна на носу, а они только поступили! И все обещаны тем, кто заказал раньше.

— А почему такая задержка?

— Похоже, ты все же действительно невежественный деревенщина! — хлопнул себя по лбу Ицхак. — Где ты был все это время? Под камнем прятался? Нельзя получить что-то лишь потому, что тебе это нужно. Ты должен ждать своей очереди. Твой заказ должен быть одобрен ревизионной комиссией.

— Почему?

— Почему, почему, почему! Ты только это слово и знаешь?

Вздохнув, Ицхак пробормотал под нос что-то насчет того, что Создатель испытывает его терпение. И принялся объяснять Ричарду, шлепая пальцами одной руки по ладони другой.

— Потому что ты должен думать о других, вот почему. Должен принимать во внимание нужды других. Если я заберу на себя всю поставку металла, то какой шанс остается тем, кто хочет делать то же самое? Если я монополизирую весь бизнес, это несправедливо. Это лишит людей работы. Все, что есть, должно быть разделено. Наблюдательный комитет должен следить, чтобы все было поделено поровну на всех. Некоторые не могут выполнять заказы так быстро, как я, у них могут быть какие-то проблемы, недостаточно рабочих или у их рабочих какие-то проблемы, поэтому я должен ждать, пока они не справятся со своими сложностями.

— Но это ведь твое предприятие, почему ты не можешь...

— Почему, почему, почему! На-ка, возьми накладную. Мне вовсе не нужно, чтобы этот кузнец приперся сюда и снова на

меня орал. У него неприятности из-за невыполненного заказа и ему нужен металл.

— А почему у него неприятности? Я думал, что все должны ждать своей очереди.

Ицхак поднял бровь и понизил голос.

— Его заказчик — Убежище.

— Убежище? Это еще что такое?

— Убежище. — Ицхак развел руки, показывая что-то большое. — Так называется то, что строят для императора.

Название было Ричарду незнакомо. Именно на строительство нового императорского дворца и приезжали в Алтур-Ранг многочисленные рабочие. Он подозревал, что как раз поэтому Никки так стремилась приехать в этот город. Ей было зачем-то нужно, чтобы он тоже принял участие в осуществлении этого грандиозного проекта. Надо полагать, таково ее искаженное представление об иронии.

— Этот новый дворец будет огромным. — Ицхак снова взмахнул руками. — Много работы для многих людей. На строительство Убежища уйдут годы.

— Значит, если товар предназначен для Ордена, то лучше поскорее доставить необходимое. Я берусь.

Ицхак, улыбнувшись, отвесил глубокий поклон.

— Ну наконец-то ты начал понимать, господин Ричард-Почемучка! Кузнец работает напрямую на строителей дворца, которые подчиняются властям предержащим. И строителям нужны инструменты и всякая всячина. Они не желают слушать оправданий от какого-то ничтожного кузнеца. Кузнец тоже не желает выслушивать моих оправданий, только в отличие от него — подчиняющегося только дворцу — я вынужден подчиняться решениям ревизионной комиссии. Так что я между молотом и наковальней.

Ицхак замолчал, потому что пришел другой грузчик с какой-то бумажкой. Пока Ицхак читал ее, грузчик косился на Ричарда. Вздохнув, Ицхак отдал грузчику короткие распоряжения. Когда тот удалился, Ицхак снова обратился к Ричарду:

— Я могу доставлять только то, что мне разрешает ревизионная комиссия. В той бумажке, что я только что получил, приказ от комиссии придержать груз леса, предназначенного на шахты, потому что этот груз заказчику доставит другая компания, которой необходима работа. Понял? Я не могу вышвыривать из бизнеса других, поступая несправедливо и поставляя товара боль-

ше, чем они, иначе вляпаюсь в неприятности и меня заменят кем-то другим, кто не будет столь бесчестным в отношении конкурентов. Эх, это совсем не как в старые добрые денечки, когда я был еще молодым и глупым.

Ричард скрестил руки.

— Ты хочешь сказать, что если ты хорошо работаешь, то навлекаешь на себя неприятности? Как я?

— Хорошая работа! Да кто тут знает, что такое хорошая работа? Все работают вместе ради всеобщего блага. Вот что такое хорошая работа. Если ты помогаешь своим согражданам.

Ричард наблюдал, как во дворе двое загружают фургон углем.

— Ты ведь на самом деле не веришь во всю эту чушь, верно, Ицхак?

Ицхак испустил долгий мучительный вздох.

— Ричард, пожалуйста, загрузи фургон, когда приедешь на плавильню, затем поезжай с фургоном к Убежищу и разгрузи его у кузнеца. Пожалуйста. И не заболей в процессе, не сорви спину и пусть у тебя дети тоже не заболеют, ладно? Я не хочу снова видеть тут этого кузнеца, иначе сам отправлюсь купаться с болванкой на шее.

— Спина у меня в порядке, — расхохотался Ричард.

— Вот и хорошо. Я пришлю возницу. — Ицхак погрозил пальцем. — И не проси возницу помочь при загрузке или разгрузке. Нам вовсе ни к чему такого рода жалобы на следующем собрании. Мне пришлось упрашивать Йори не выдвигать жалобы после того, как имел глупость попросить его помочь разгрузить тогда сломавшийся фургон, в тот день, когда шел дождь. Когда ты помог мне перетаскать груз на склад. Помнишь?

— Помню.

— Пожалуйста, не связывайся с Йори. Не прикасайся к поводьям — это его работа. Будь хорошим парнем, ладно? Доставь кузнецу эти железяки, чтобы он больше меня не доставал.

— Ну конечно, Ицхак. Я не доставлю тебе неприятностей. Можешь быть уверен.

— Вот и молодец! — Ицхак пошел прочь, но тут же остановился. — И не забудь поклониться, если увидишь кого-нибудь из этих святош. Слышишь?

— Святош? Каких святош? И как я их узнаю?

— Коричневые балахоны с капюшоном. Ох, да узнаешь сразу! Не ошибешься. Если встретишь, то будь сама вежливость.

Если тебя заподозрят в неподобающем отношении к Создателю или что-то в этом роде, то могут приказать пытать. Они — ученики брата Нарева.

— Брата Нарева?

— Верховного жреца Братства Ордена. — Ицхак нетерпеливо всплеснул рукой. — Я должен найти Йори. Пожалуйста, Ричард, сделай, как я прошу. Кузнец засунет меня в свою печь, если я сегодня не доставлю ему металл. Пожалуйста, Ричард, доставь ему груз! Пожалуйста!

Ричард улыбнулся, чтобы успокоить Ицхака.

— Даю слово, Ицхак. Кузнец получит свой металл.

Тяжело вздохнув, Ицхак умчался на поиски возницы.

Глава 48

Тишь далеко за полдень они добрались до площадки, где строили Убежище. Ричард, сидевший рядом с Йори на козлах, при виде этого зрелища аж рот раскрыл от изумления. Сказать, что стройка была гигантской, — значило не сказать ничего. Он даже вообразить не мог, сколько же квадратных миль расчистили под эту стройку. Многотысячные бригады рабочих лопатами и кирками выравнивали землю, они казались с высоты холма полчищами снующих муравьев.

Йори сооружение совершенно не интересовало, и он, поплевывая, отвечал «наверное» на все вопросы Ричарда.

Работы пока еще велись в глубине котлована, и Ричард с высоты дороги видел контуры будущего строения. Было трудно представить, каким огромным оно будет. Видя возившихся там мошек, трудно было помнить, что это люди.

По размеру этот дворец не шел ни в какое сравнение со всем, что доводилось Ричарду видеть. Мили и мили земли и садов уходили вдаль. Вдоль подъездной дороги уже начали возводить фонтаны и прочие высокие сооружения. Из разнообразных кустов выстраивали лабиринты. Склоны холмов были усажены деревьями в точности по плану.

Убежище возводили фасадом к озеру, расположенному посреди будущего вели-

колепного парка. Короткая сторона основного строения тянулась на добрую четверть мили вдоль реки. К берегу вели каменные ступени с аркадами, которые только-только начали возводить. Судя по всему, часть дворца будет возводиться на озере, и там построят причалы для прогулочных судов императора.

За рекой простиралась большая часть города. Впрочем, город продолжался и на том берегу, где строился дворец, но далеко от Убежища. Ричард представить не мог, сколько же снесли домов и переселили людей ради этой стройки. Этот дворец не задумывался как отдаленная императорская резиденция, а, наоборот, находился в самом центре Алтур-Ранга. Дороги мостили миллионами булыжников, чтобы многочисленные граждане Ордена могли прийти и полюбоваться величественным сооружением. Там уже за веревочными заграждениями толпились массы людей, наблюдавших за строительством.

Несмотря на нищету Древнего мира, все говорило о том, что этот величественный дворец будет непревзойденным по великолепию — настоящая жемчужина короны.

Огромными штабелями лежали камни самых разных сортов. Ричард видел, как их обтесывают до нужных размеров и форм. Тяжелый послеполуденный воздух звенел от отдаленного стука сотен молотков и резцов. Здесь имелся гранит и мрамор самых разных цветов и огромное количество известняка. Специальные строительные фургоны ждали своей очереди на разгрузку. Под тяжелые бревна, из которых были сделаны передние и задние оси, были брошены длинные каменные блоки. Для каменщиков выстроили хижины и большие открытые навесы, чтобы они могли работать, независимо от погоды. Древесина сложена штабелями под специально сделанными навесами, а то, что не поместилось, укрыли брезентом. По периметру стройки везде были накиданы небольшие горки материалов для раствора, похожие на муравьиные кучи. Это впечатление подчеркивалось еще и крошечными фигурками людей, снующих вокруг.

Кузница находилась в стороне от стройки, у дороги, в маленьком городке строителей. Строительный городок был довольно-таки большим, Ричард таких никогда не видел. Но, конечно, Ричард никогда прежде не видел и столь грандиозного строительства. Он видел великолепные дворцы, которые уже давно построены. И видеть самое начало такой стройки было откровением. От грандиозности всего этого голова шла кругом.

Йори опытной рукой заставил лошадей попятиться и поставил фургон прямо перед открытыми двойными дверями.

— Вот ты и на месте, — сообщил он. Довольно длинная речь для тощего возницы. Он достал ломоть хлеба и бурдюк с пивом, слез с фургона и пошел искать местечко дальше по холму, где смог бы сесть и наблюдать за стройкой, пока Ричард станет разгружать металл.

В кузнице было темно и жарко, даже в переднем складском помещении. Как и во всех кузницах, стены рабочего помещения были покрыты сажей. Окон мало, и почти все чуть ли не под самой крыше и закрыты ставнями, поскольку в темноте легче определить состояние горячего металла.

Хотя кузница была построена недавно специально для работы на строительство дворца, выглядела она так, будто ей лет сто. Повсюду валялись в полном беспорядке всяческие инструменты. Кучи инструментов. Щипцы, плавильные тигли, циркули, угольники и всякие штуковины висели на стропилах, как некие огромные насекомые. Похоже, эти штуки использовали, чтобы скреплять части между собой. На низеньких стендах, словно сколоченных второпях, висели самые разные штампы с длинными ручками. На некоторых стендах висели шлифовальные круги. В гнездах по кромке некоторых столиков торчали сотни напильников и рашпилей. На других в полном беспорядке лежали молотки, причем самые разнообразные. Ричард и представления не имел, что их так много. Молотки все лежали рукоятками вверх — крышки были похожи на подушечки для булавок.

На полу ногу было некуда поставить. Тут стояли ящики, переполненные деталями, брусками, заклепками, клиньями, обрезками металла, крючьями, битыми тиглями, деревянными зажимами, ломами, кусочками олова, обрывками цепей, шкивами и тому подобным. И самые разные приспособления для наковален. Все это покрывал слой сажи, пыли и металлической пыльцы.

Возле наковален стояли большие широкие бадьи с водой. Кузнецы били молотами по раскаленному металлу, расплющивая его, выравнивая, склепывая и выковывая. Раскаленный металл шипел и дымился, когда его окунали в воду. Другие переворачивали щипцами заготовки, казавшиеся пойманными кусочками солнца. Кузнецы держали эти завораживающие кусочки и с помощью молота превращали в изделия.

В таком шуме Ричард едва мог собраться с мыслями.

Один работник раздувал огромные кузнечные мехи, налегая на них всем своим весом. Под давлением воздуха огонь ревел. Повсюду, где только можно, стояли переполненные углем корзины. Какие-то странные металлические изделия и трубы были установлены в гнезда. К лавкам и подпоркам прислонены металлические обручи. Некоторые обручи предназначались для бочек, а те, что побольше, — для фургонных колес. Там и сям по всему помещению валялись тигли и молоты, где их в спешке побросали в борьбе с раскаленным металлом.

Короче, тут был полный кавардак.

В дверях стоял мужчина в кожаном переднике. Он держал в руках грифельную доску, исчерченную лабиринтом линий, и изучал здоровенную штуковину из металлических брусков, находившуюся в соседнем помещении. Ричард ждал, не желая ему мешать. Тот задумчиво постучал мелком по губе, затем стер линию на доске и нарисовал ее снова, чуть сдвинув места пересечения.

Ричард нахмурился, изучая чертеж. Почему-то изображенное на нем казалось смутно знакомым, хотя он никак не мог сообразить, что же это.

— Не вы ли старший кузнец? — спросил Ричард, когда мужчина оглянулся.

Брови его, казалось, застыли в вечно сердитом выражении. Волосы он стриг коротко — очень мудрое решение, когда работаешь вблизи огня и раскаленного добела металла, — что добавляло угрожающей суровости его облику. Среднего роста и жилистый, благодаря манере поведения он казался крупнее, чем на самом деле, и производил впечатление человека, вполне способного справиться с любыми возникающими проблемами. Судя по тому, как остальные работники поглядывали на него, они явно опасались этого человека.

Следуя внезапному импульсу, Ричард указал на только что проведенную мужчиной линию.

— Это неверно. То, что вы только что нарисовали, — неверно. Верх расположен правильно, но вот низ должен быть вот тут, а не там, где его обозначили вы.

Тот и бровью не повел.

— А ты знаешь, что это за штуковина?

— Ну, не совсем, но я...

— Так какого лешего ты смеешь указывать мне, где расположить эту опору?

Казалось, он готов сунуть Ричарда в печь и расплавить там.

— Ну, навскидку, я точно не скажу. Но что-то подсказывает мне, что...

— Лучше тебе оказаться тем парнем, что привез металл.

— Это я и есть, — ответил Ричард, радуясь возможности сменить тему, и сожалея, что не удержал язык за зубами. Но он ведь просто пытался помочь. — Куда...

— Где тебя носило весь день? Мне было сказано, что металл доставят прямо с самого утра. Чем ты занимался? Дрых до полудня?

— Нет, сударь. Мы сразу же отправились на литейный завод. Ицхак отправил меня туда еще на рассвете. Но там возникли проблемы, потому что...

— Меня это не интересует. Ты сказал, что привез металл. Уже и так достаточно поздно. Разгружай его.

Ричард огляделся по сторонам. Ни одного свободного клочка.

— И куда мне его разгружать?

Старший кузнец сердито оглядел заваленное помещение, будто ждал, что какие-нибудь кучи сами собой передвинутся в другое место. Но напрасно.

— Если бы ты приехал тогда, когда должен был, то разгрузил бы здесь, сразу за дверью склада. А теперь они приволокли эти здоровенные салазки, которые нужно сварить, так что придется тебе оттащить болванки в заднее помещение. В следующий раз вылезай из койки пораньше.

Ричард старался быть вежливым, но уже начинал терять терпение. Была охота получать выволочку из-за того, что у кузнеца день не задался!

— Ицхак ясно дал понять, что металл должен быть доставлен вам сегодня, и отправил меня проследить за этим. Я привез ваш металл. И что-то не вижу никого, кто еще смог бы доставить вам его так быстро.

Рука с грифельной доской опустилась. Впервые за все время кузнец внимательно посмотрел на Ричарда. Рабочие, кто слышал слова Ричарда, быстренько поспешили убраться подальше.

— Сколько металла ты привез?

— Пятьдесят болванок, восемьдесят фунтов.

Кузнец сердито вздохнул.

— Я заказывал сто. За каким лешим они послали с фургоном идиота, когда...

— Вы хотите послушать, как обстоят дела, или желаете поорать на кого-нибудь? Если желаете понапрасну сотрясать воздух, то валяйте, брань на вороту не виснет, но когда все же захотите узнать, как все обстоит в действительности, дайте знать, и я вам расскажу.

Кузнец некоторое время молча таращился на него, как бык на пчелу.

— Как тебя зовут?

— Ричард Сайфер.

— Ну, так как же все обстоит в действительности, Ричард Сайфер?

— Завод хотел выполнить заказ. У них склады завалены под завязку. Они не могут отгрузить металл. Они хотели выдать мне весь заказ, но приписанный к ним транспортный инспектор не позволил нам забрать все сто болванок, потому что другая транспортная компания должна получить свою равную долю груза, но у нее сломались фургоны.

— Значит, фургонам Ицхака не разрешено брать больше, чем положенная им честная доля, которая в данном случае равна пятидесяти болванкам, и не больше.

— Совершенно верно, — подтвердил Ричард. — По крайней мере до тех пор, пока другие транспортные компании не смогут тоже доставлять свою часть груза.

Кузнец кивнул.

— Завод спит и видит продать нужный мне металл, но я не могу заполучить его сюда. Мне не разрешено самому перевозить его, дабы не лишать транспортных рабочих вроде тебя работы.

— Что касается меня, — сказал Ричард, — то я смог бы привезти сегодня еще одну партию, но они сказали, что не могут выдать мне груз до следующей недели. Я бы посоветовал вам задействовать все транспортные компании, какие можно, на поставку вам груза. Таким образом у вас куда больше шансов получить необходимое.

Кузнец впервые улыбнулся. Его явно развеселила глупость подобного предложения.

— Думаешь, я сам до этого не додумался? Я сделал заказ во все компании, что есть. Но Ицхак — единственный дее-

способный в данный момент. А у остальных проблемы с фургонами, лошадьми или рабочими.

— Что ж, я привез вам хотя бы пятьдесят болванок.

— Мне этого хватит от силы до конца дня и на завтрашнее утро. Сюда. — Кузнец повернулся. — Я покажу, куда сложить.

Он провел Ричарда по загруженной кузне, мимо рабочих и сваленных материалов. Они прошли по короткой галерее, оставив шум позади, и попали в тихое соседнее здание, соединенное с кузней галереей, но стоящее отдельно. Кузнец отвязал веревку и открыл ставень, прикрывающий окно на крыше.

В центр большого помещения полился свет, осветив большую глыбу мрамора. Ричард замер, уставившись на величественный камень.

Мрамор казался тут совершенно не к месту. В дальнем конце помещения находились высокие двери, через которые и втащили сюда на салазках этот монолит. Кроме мраморной глыбы, тут больше ничего не было. На покрытых черной сажей стенах висели разнообразные резцы и молоточки.

— Можешь сложить болванки тут, в сторонке. Только будь осторожен, когда станешь втаскивать их сюда.

Ричард моргнул. Он почти забыл о кузнеце. Ричард не сводил глаз с великолепного камня.

— Я буду осторожен, — ответил он, не глядя на кузнеца. — Камень я не повредю.

Когда кузнец направился к выходу, Ричард спросил:

— Я вам представился. А как зовут вас?

— Касселла.

— И все?

— Нет. Господин. Не забывай об этом.

Ричард, улыбаясь, последовал за ним.

— Да, сударь, господин Касселла. Э-э... Можно спросить, что это?

Кузнец остановился и развернулся кругом. Он оглядел стоящий на свету кусок мрамора, как любимую женщину.

— Не твое дело, вот что это.

Ричард кивнул.

— Я поинтересовался лишь потому, что этот камень просто чудесный. Раньше я видел лишь мраморные статуи или другие изделия из него.

Господин Касселла посмотрел, как Ричард взирает на камень.

— Тут, на стройке, мрамор повсюду. Тысячи тонн мрамора. А это лишь небольшой кусок. А теперь разгрузи мой ополовиненный заказ.

К тому времени, когда Ричард закончил разгрузку, он взмок так, что хоть выжимай, и вывозился не только в металлической пыли от болванок, но и покрылся копотью кузницы. Он спросил, нельзя ли сполоснуться в бочке с дождевой водой, где мылись кузнецы перед уходом домой, и получил добро.

Закончив мыться, Ричард обнаружил господина Касселлу наедине с грифельной доской в опустевшей мастерской. Кузнец вносил в чертеж исправления и писал сбоку цифры.

— Я закончил, господин Касселла. Сложил болванки в стороне, подальше от мрамора.

— Спасибо, — пробормотал тот.

— Позвольте спросить, сколько вам придется заплатить за эти пятьдесят болванок?

Взгляд кузнеца снова стал сердитым.

— А тебе что за дело?

— Судя по тому, что я слышал на литейном, мужик там надеялся выполнить весь заказ, чтобы получить 3,5 золотой марки. Следовательно, поскольку вы получили лишь половину заказа, вам придется заплатить 1,75 золотой марки за пятьдесят металлических болванок. Я прав?

Взгляд кузнеца посмурнел еще больше.

— Я же сказал, тебе какое дело?

Ричард сунул руки в задние карманы штанов.

— Ну, я просто думал, не захотите ли вы купить еще пятьдесят болванок за 1,5 золотой марки.

— Значит, ты к тому же еще и вор.

— Нет, господин Касселла, я не вор.

— Тогда как ты собираешься продать мне болванки на четвертак дешевле, чем завод? Потихоньку льешь металл дома по ночам, господин Ричард Сайфер?

— Вы хотите меня выслушать или нет?

Кузнец раздраженно скривил рот.

— Говори.

— Литейщик был в ярости из-за того, что ему не позволили отгрузить вам весь заказ. У него больше металла, чем он в состоянии продать, потому что ему не позволяют транспортировать его, а во всех транспортных компаниях такой бардак, что они не

показываются. Он сказал, что охотно продаст мне металл за меньшую цену.

— Почему?

— Ему нужны деньги. Он показал мне остывшие печи. Он задолжал заплату рабочим, ему нужны уголь, руда и ртуть, помимо всего прочего, но не хватает денег на закупку. Единственное, чего у него в избытке, — это готовый металл. Его дело зады-хается, потому что он не может сбыть продукцию. Я спросил, по какой цене он согласился бы уступить мне металл, если ему не придется транспортировать его. Если я сам его заберу. Он ответил, если я приду затемно, он продаст мне пятьдесят болванок за 1,25 золотой марки. Если вы пожелаете купить их у меня за 1,5, то к утру я доставлю вам еще пятьдесят болванок, когда, как вы сказали, они вам понадобятся.

Кузнец вытаращился на Ричарда, как на вдруг ожившую у него на глазах и заговорившую металлическую болванку.

— Ты же знаешь, что я собираюсь платить 1,75, почему же предлагаешь за 1,5?

— Я хочу продать металл за меньшую стоимость, чем вам пришлось бы платить при посредничестве транспортной компании, — объяснил Ричард, — чтобы вы вместо этого купили металл у меня, и потому что мне нужно, чтобы вы сперва дали мне взаймы 1,25 марки, чтобы я мог купить болванки и доставить их вам. Завод продаст их мне только в том случае, если я сразу оплачу.

— А что помешает тебе попросту испариться с моими деньгами?

— Мое слово.

— Твое слово? — хохотнул кузнец. — Да я тебя знать не знаю!

— Я же сказал, мне зовут Ричард Сайфер. Ицхак до смерти вас боится, и он доверил мне привезти вам металл, чтобы вы не свернули ему шею.

Господин Касселла снова улыбнулся.

— Я вовсе не собирался свернуть Ицхаку шею. Этот мужик мне симпатичен. Он зажат в тиски. Но не вздумай ему передать мои слова. Мне нравится держать его в напряжении.

— Раз вы этого не хотите, — пожал плечами Ричард, — то я не скажу ему, что вы умеете улыбаться. Однако мне известно, что ваше положение еще хуже, чем у Ицхака. Вы должны

поставлять продукцию Ордену, но при этом зависите от их методов.

Кузнец опять улыбнулся.

— Итак, Ричард Сайфер, так когда же ты будешь здесь со своим фургоном?

— У меня нет фургона. Но если вы согласитесь, я доставлю вам пятьдесят болванок прямо сюда, — Ричард ткнул на место во дворе, где Йори поставил фургон, — и сложу штабелем к рассвету.

Господин Касселла нахмурился.

— Раз у тебя нет фургона, то как ты собираешься доставить сюда болванки? Пешком?

— Совершенно верно.

— Ты в своем уме?

— У меня нет фургона, и я хочу заработать. Тут не так уж далеко. По моим прикидкам, я могу переносить по пять штук за ходку. Получается всего лишь десять ходок. К рассвету справлюсь. Я привык ходить пешком.

— Ну-ка, давай поподробней. Зачем тебе это надо? Только правду!

— Моя жена недоедает. Рабочая ячейка забирает почти всю мою зарплату, поскольку я могу работать, и отдает ее тем, кто не работает. Из-за того, что я трудоспособен, я стал рабом тех, кто работать не может или не хочет. Такой подход поощряет людей находить всяческие предлоги предоставлять другим заботиться о них. Мне очень не нравится быть рабом. И я прикинул, что смогу заключить с вами сделку, предложив более выгодную цену. Мы оба при этом выигрываем. Ценность за ценность.

— А если я соглашусь, то на что ты намерен потратить эти деньги? Поразвлечься малость? Пропить их?

— Мне нужны деньги, чтобы купить фургон и лошадей.

Кузнец нахмурился сильней.

— А для чего тебе фургон?

— Мне нужен фургон, чтобы доставлять вам металл, который вы станете у меня покупать, потому что я могу продавать вам его по более низкой цене и доставлять тогда, когда надо.

— Хочешь быть похороненным на небесах?

Ричард улыбнулся.

— Нет. Мне просто неожиданно пришло в голову, что император желает, чтобы дворец был построен. Насколько мне известно, у них на строительстве достаточно рабов — людей, кото-

рых они захватили. Но рабов недостаточно, чтобы делать все. Им нужны люди вроде вас и литейщиков.

Если власти Ордена хотят, чтобы работы продвигались, а не объяснять императору Джеганю, почему дело стоит, то предпочтут смотреть в другую сторону. И в этой вынужденной ситуации открывается ряд возможностей. Полагаю, мне придется подкупить кое-кого из чиновников, чтобы они занимались делами где-нибудь еще, когда я приезжаю за грузом, но я уже заложил это в цену. Я буду работать сам по себе, не создавая транспортной компании, так что они предпочтут считать это способом осуществления их нужд без необходимости отменять ими же наложенные уймы ограничений.

Вы получите металл по более низкой цене, чем сейчас, а я смогу вам его поставлять. Сейчас вы не можете получить необходимое даже по высокой цене. А так вы тоже будете изготавливать больше продукции. Мы оба получаемся в выигрыше.

Кузнец некоторое время размышлял, словно пытаясь найти слабое звено в предлагаемом Ричардом плане.

— Либо ты самый глупый из всех жуликов, что я видел, либо... Даже не знаю, кто. Но мне дышит в затылок брат Нарев, а это далеко не подарок. Совсем не подарок. Наверное, мне не стоит тебе этого говорить, но ты ведь знаешь, как меня боится Ицхак? Так вот, я пугаюсь в десть раз сильней, когда брат Нарев приходит поинтересоваться, почему изделия не готовы. Братья не желают ничего знать о моих проблемах, они просто хотят то, что им нужно.

— Я понимаю, господин Касселла.

Кузнец вздохнул.

— Ладно, Ричард Сайфер, полторы золотые марки за пятьдесят доставленных к завтрашнему рассвету болванок. Но сейчас я дам тебе лишь одну с четвертью. Еще четвертак получишь утром, когда металл будет здесь.

— Заметано. Кстати, а кто такой этот брат Нарев?

— Брат Нарев? Он верховный жрец...

— Кажется, кто-то поминает мое имя? — Голос был настолько низким, что едва не посыпались инструменты со стен.

Ричард с кузнецом, обернувшись, увидели приближавшегося к ним человека. Свободный балахон не скрывал могучего телосложения. В наступающей темноте глубокие морщины на его лице казались еще более выразительными. Из-под густых нависших бровей сверкали темные глаза. На лоб свисала прядь

седеющих волос. Он походил на призрак, явившийся пугать этот мир.

Господин Касселла поклонился. Ричард последовал его примеру.

— Мы как раз обсуждали проблему, как получить достаточное количество металла, брат Нарев.

— Где мои новые резцы, кузнец?

— Мне еще...

— У меня там полно камня, и нет резцов для его обработки. Каменотесам нужны инструменты. Ты задерживаешь строительство моего дворца.

— Это Ричард Сайфер, брат Нарев, — указал кузнец на Ричарда. — Он как раз говорил мне, что, возможно, сможет доставить мне необходимый металл и...

Верховный жрец жестом приказал молчать.

— Ты можешь доставить кузнецу то, что ему нужно? — рявкнул брат Нарев на Ричарда.

— Это возможно.

— Так делай.

— Как прикажете, брат Нарев, — склонил голову Ричард.

Темная фигура повернулась к кузне.

— Показывай, кузнец.

Кузнец, судя по всему, знал, чего хочет верховный жрец, и последовал за ним, жестом пригласив Ричарда с собой. Ричард все понял: он не получит денег, пока кузнец не разберется с этой важной персоной, только что растворившейся в недрах кузницы.

Когда кузнец, щелкнув пальцами, по пути указал на лампу, Ричард немедленно подхватил ее. С помощью длинной щепки, которую запалил на углях печи, он зажег фитиль лампы и держал ее перед братом Наревом и кузнецом, вставшими в дверях помещения, где на полу стояло непонятное сооружение из металлических брусьев.

Господин Касселла поднес доску ближе к свету. Брат Нарев поглядел на чертеж, затем на переплетение брусьев на полу, сравнивая их.

Ричарда мороз продрал по коже, когда он внезапно сообразил, что это за штуковина на полу.

Брат Нарев ткнул в чертеж, на ту линию, о которой Ричард сказал, что она неправильная.

— Эта линия неверная, — рыкнул брат Нарев.

— Но мне нужно стабилизировать тут массу, — провел кузнец пальцем над чертежом.

— Я велел тебе добавить скоб, а не предлагал разрушать основную схему. Можешь оставить верхушку суппорта там, где ты ее разместил, но низ должен быть прикреплен... вот тут.

Брат Нарев указал в ту же точку, что и Ричард.

Господин Касселла почесал короткий ежик волос, исподволь метнув на Ричарда испепеляющий взгляд.

— Это получится, — согласился кузнец. — Будет непросто это сделать, но получится.

— Меня не интересует, просто это или нет, — угрожающе проговорил брат Нарев. — Я не хочу, чтобы в этой части было что-то закреплено.

— Да, сударь.

— Швов быть не должно, чтобы никаких выступов не было видно, когда ее покроют золотом. В первую очередь сделай вот это.

— Да, брат Нарев.

Верховный жрец повернулся к Ричарду и пристально посмотрел на него.

— Что-то в тебе такое... Я тебя знаю?

— Нет, брат Нарев. Я никогда не встречался с вами прежде. Я бы запомнил. Я имею в виду встречу с таким великим человеком, как вы. Я бы ни за что не забыл такой встречи.

Тот подозрительно оглядел Ричарда.

— Да, пожалуй, не забыл бы. Доставишь кузнецу металл.

— Я же сказал, что доставлю.

Когда длинный суровый мужчина уставился Ричарду в глаза, тот машинально потянулся к мечу, чтобы убедиться, что он легко выходит из ножен. Меча не было.

Брат Нарев открыл было рот, чтобы сказать что-то, но его внимание отвлекли двое вошедших в кузницу молодых людей. Они были тоже в балахонах, как и верховный жрец.

— Брат Нарев, — позвал один из них.

— В чем дело, Нил?

— Привезли книгу, за которой вы посылали. Вы велели тут же сообщить вам.

Брат Нарев кивнул молодым ученикам, затем сурово поглядел на господина Касселлу с Ричардом.

— Чтобы все было сделано, — приказал он обоим.

Ричард с кузнецом склонили головы, и верховный жрец покинул кузницу.

Ощущение было такое, словно темная туча только что скрылась за горизонтом.

— Пошли, — сказал господин Касселла, — я дам тебе золото.

Ричард проследовал за ним в маленькую комнатушку, где старший кузнец извлек сейф, прикованный массивной цепью к здоровенной скобе в полу под доской, служившей ему столом. Открыв сейф, он протянул Ричарду золотой.

— Виктор.

Ричард поднял взгляд и нахмурился.

— Что?

— Виктор. Ты спрашивал мое имя. — Он отсчитал серебро на четверть марки и положил на лежащую в ладони Ричарда золотую монету. — Виктор.

Глава 49

Покончив с делами у Ицхака, Ричард, прежде чем отправиться за металлом для Виктора, поспешил домой. Он торопился не поужинать, а сообщить Никки, что ему нужно вернуться на работу. Она как-то раз недвусмысленно дала понять, что они муж и жена, и она косо посмотрит на его незапланированные исчезновения. Ричард должен оставаться в Алтур-Ранге и работать, как любой обычный человек.

Камиль с одним из своих друзей поджидал его. Оба облачились в рубашки.

Ричард остановился у ступенек и поглядел на обоих.

— Извини, Камиль, но мне нужно вернуться на работу...

— Значит, ты еще больший придурок, чем я думал, — берешь и ночную работу тоже. Тебе следовало бы просто перестать стараться. В жизни бесполезно пытаться что-то сделать. Ты должен просто принимать то, что жизнь тебе дает. Я так и знал, что ты отыщешь какой-нибудь предлог не делать то, что говорил. А я уж чуть было не подумал, что ты, возможно, отличаешься от...

— Я собирался сказать, что мне нужно вернуться на работу, поэтому нам придется заняться делом прямо сейчас.

Камиль скривил рот, как обычно выражал свое недовольство теми, кто старше и глупей его.

— Это Набби. Он тоже хочет поглядеть на твою дурацкую затею.

Ричард кивнул, не реагируя на наглое поведение Камиля.

— Рад познакомиться, Набби.

Третий парень злобно глядел из тени, отбрасываемой лестницей в коридоре. Он был самым здоровенным из троицы и рубашки не надел.

Чтобы разобрать ступеньки, Ричард воспользовался своим кинжалом и ржавым металлическим бруском, что нашел для него Камиль. Это было нетрудно — они готовы были рассыпаться сами по себе. Под наблюдением двоих юнцов Ричард очистил пазы. Поскольку они стерлись из-за того, что разболтались, он углубил их, показывая обоим, что делает, и объясняя, как обрезать концы, чтобы вошли в углубленные пазы. Ричард смотрел, как Набби с Камилем выстругивают клинья по изготовленному им образцу. Они были счастливы продемонстрировать ему свое умение работать ножами. Ричард же был счастлив, что это помогает побыстрей завершить работу.

Как только лестницу собрали, Набби с Камилем принялись носиться вверх-вниз по починенным ступенькам, судя по всему немало удивленные тем, что ступени не ходят ходуном под ногами, а крепко стоят, и довольные тем, что тоже приложили руку к их починке.

— Вы оба проделали отличную работу, — сказал им Ричард, потому что так оно и было. Парни не стали отвечать какой-нибудь дерзостью, а радостно заулыбались.

На ужин Ричард съел жидкое просо при тусклом свете горящего фитилька, плавающего в льняном масле. Запашок от этого жалкого освещения не способствовал аппетиту, к тому же в вареве было больше воды, чем проса. Никки сказала, что уже поела и больше не хочет. И предложила Ричарду доесть все.

Ричард не стал вдаваться в подробности насчет своей второй работы. Она ведь настаивала лишь на том, чтобы он работал. А уж чем он при этом занимается, значения для нее не имело. Она вела домашнее хозяйство, предоставляя Ричарду зарабатывать им на жизнь.

Никки вроде бы была довольна, что он познает на собственном горбу, как простому люду приходится вкалывать до седьмого пота лишь для того, чтобы худо-бедно сводить концы с концами. Обещание принести денег на еду вроде бы вызвало довольную искорку в ее глазах, но вслух она ничего не сказала. Ричард

заметил, что черная ткань, когда-то плотно обтягивавшая ее пышный зад, теперь висит мешком. Локти и руки Никки стали костлявыми.

Когда он съел еще ложку варева, Никки небрежно заметила, что приходил управляющий, отец Камиля.

Ричард оторвался от еды.

— И что сказал?

— Что, раз у тебя есть работа, жилищный комитет постановил брать с нас дополнительную квартплату, чтобы помочь тем жильцам района, кто платить не в состоянии. Видишь, Ричард, как жизнь по законам Ордена воспитывает в людях внимание к другим, чтобы все мы вместе трудились во благо других?

Практически все, что не забирал рабочий комитет, отнимали местные жилищные комитеты или другие комитеты, и все для одной цели: улучшения жизни граждан Ордена. У Ричарда с Никки практически ничего не оставалось на еду. Одежда Ричарда с каждым днем все больше ветшала, но куда меньше, чем платья Никки.

Похоже, ее мало волновало повышение квартплаты. По крайней мере пищевые продукты были относительно дешевы. Когда имелись в наличии. Люди говорили, что это лишь благодаря милости Создателя и мудрости Ордена они вообще могут позволить себе купить хоть какое-то продовольствие. На складе Ицхака Ричард слышал разговоры, что можно купить много самой разнообразной еды, но за приличные деньги. У Ричарда таких денег не было.

Во время поездки с Йори в литейных цех и к кузнецу Ричард видел вдали роскошные дома. Там по улицам ходили хорошо одетые люди, иногда проезжали экипажи. Эти люди не пачкали ни своих рук, ни морального облика работой. Это были люди с высокими моральными принципами. Иначе говоря, чиновники Ордена, следившие за тем, чтобы те, кто обладает возможностями, жертвовали на дело Ордена.

— Самопожертвование — моральный долг всех людей, — вещала Никки в ответ на его зубовный скрежет.

Ричард не совладал с собой.

— Самопожертвование — это мерзкое и бессмысленное самоубийство рабов.

Никки вытаращилась на него, словно он только что сказал, что материнское молоко — яд для новорожденного.

— Ричард, я действительно считаю, что это самая жестокая вещь из всего, что ты говорил.

— Жестоко говорить, что я не стану радостно жертвовать собой ради этого бандита Гейди? Или ради других неизвестных мне бандюков? Жестоко не жертвовать добровольно то, что принадлежит мне, всякой алчной твари, жаждущей даже ценой крови жертв обладать краденым, не заработанным добром?

Жертвовать собой ради чего-то дорогого, ради чьей-то дорогой для тебя жизни, ради свободы и свободы тех, кого уважаешь — как я пожертвовал собой ради жизни Кэлен, — вот единственная разумная причина для такой жертвы. Отречение от себя означает, что ты раб, который должен отдать самое ценное, что у тебя есть — жизнь, — любому наглому ворюге, который потребует ее.

Жертвовать собой — не что иное, как требование, навязываемое хозяином рабу. Поскольку к моей шее приставлен нож, то это вовсе не мне на пользу, что у меня отнимают то, что я зарабатываю своими руками и умом. Это на пользу лишь тому, кто держит нож, и тем, кто числом, а не разумом диктует, что хорошо, что плохо для всех, — тем, кто подхалимничает перед хозяином, чтобы иметь возможность подлизать каждую каплю крови, что он упустит.

Жизнь бесценна. Поэтому жертвы ради свободы оправданы. Потому что ты идешь на это ради самой жизни и возможности прожить ее, поскольку жизнь без свободы — не что иное, как медленная, неизбежная смерть, принесение себя в жертву во «благо» человечества. Причем это самое человечество включает в себя кого угодно, кроме тебя. Человечество — это всего лишь сборище индивидуумов. Почему чья-то жизнь должна быть более ценной, более важной, чем твоя собственная? Безрассудное принудительное самопожертвование — это бред.

Она смотрела не на него, а на танцующий в мисочке с маслом огонек.

— Ты ведь на самом деле так не считаешь, Ричард. Ты просто устал и сердишься, что тебе придется работать и даже ночью лишь для того, чтобы удержаться на плаву. Ты должен понимать, что те, кому ты помогаешь, находятся здесь, чтобы помогать обществу, включая тебя, окажись ты одним из отчаянно нуждающихся.

Ричард даже спорить не стал, а лишь сказал:

— Мне жаль тебя, Никки. Ты даже не знаешь цены своей собственной жизни. Самопожертвование для тебя — пустой звук.

— Это неправда, Ричард, — прошептала она. — Я иду на жертвы ради тебя... Я сэкономила это просо для тебя, чтобы у тебя были силы.

— Силы держаться на ногах, когда вся моя жизнь катится псу под хвост? Почему ты пожертвовала своим ужином, Никки?

— Потому что это правильно. Я это сделала во благо других.

Ричард кивнул, глядя на нее в упор при тусклом свете фитилька.

— Ты готова голодать ради других. Кого угодно. Как насчет этого мерзавца, — он ткнул пальцем за спину, — Гейди? Ты готова умереть с голоду, чтобы он мог есть? Это имело бы смысл, Никки, если бы эта жертва была ради кого-то для тебя дорогого, так ведь нет! Это самопожертвование ради каких-то бессмысленных серых идеалов Ордена.

Она не ответила. Ричард отодвинул к ней миску с остатками ужина.

— Мне не нужна твоя бессмысленная жертва.

Она целую вечность смотрела на миску с просом.

Ричарду было ее жаль, жаль, что она не в состоянии понять. Он подумал о том, что может произойти с Кэлен, если Никки заболеет от недоедания.

— Ешь, Никки, — мягко проговорил он.

Она наконец взяла ложку и подчинилась.

Закончив, Никки подняла на него свои голубые глаза, вечно ищущие чего-то такого, что он не мог научить ее видеть. Она отодвинула миску на середину стола.

— Спасибо за ужин, Ричард.

— За что ты меня благодаришь? Я ведь раб, который должен жертвовать собой ради любого ничтожества, которое в чем-то там нуждается.

Ричард направился к двери. Взявшись за ручку, он повернулся.

— Мне надо идти, не то я потеряю работу.

Она кивнула. Ее огромные голубые глаза наполнились слезами.

Ричард нес по темным улицам первую партию из пяти болванок из литейного цеха в кузню Виктора. Из некоторых окон немногочисленные зрители недоуменно провожали взглядом че-

ловека, тащившего мимо них груз. Они моргали, не понимая, чем он, собственно, занят. А Ричард работал только на себя.

Согнувшись под тяжестью железок, Ричард твердил себе, что, перенося по пять болванок за раз, ему придется сделать всего лишь десять ходок. А чем меньше ходок, тем лучше. Он перенес пять штук во вторую ходку и в третью. Вернувшись в четвертый раз в литейный, он решил, что придется сделать дополнительную ходку, чтобы немного передохнуть, и несколько ходок переносил лишь по четыре болванки. Ричард уже потерял счет, сколько раз ходил туда-сюда по ночным улицам. В предпоследний раз он с трудом поднял всего три болванки. Оставалось еще три. Усилием воли он заставил себя в последнюю ходку перенести все три, совершая короткие переходы и немного отдыхая.

Последние три болванки он принес к кузне Виктора незадолго до рассвета. Плечи буквально отваливались. Ему надо было идти на работу, к Ицхаку, поэтому он не мог ждать прихода Виктора с оставшимся четвертаком.

Дневная работа казалась отдыхом по сравнению с ночной выматывающей отгрузкой металлических болванок. Йори открывал рот, только если к нему обращались, поэтому Ричард попросту залег в загруженный углем фургон и урывками немного поспал, пока фургон катил своей дорогой. Но при этом все же был доволен, что выполнил обещание.

Вернувшись домой после этого бесконечного дня, Ричард увидел стоящих на ступеньках Набби с Камилем. Оба в рубашках.

— Мы ждали, когда ты вернешься и закончишь работу, — сказал Камиль.

Ричард едва на ногах стоял.

— Какую работу?

— Ты сделал только парадную лестницу. Ты сказал, что собираешься починить лестницу. А эти ступеньки — лишь часть лестницы. Лестница черного хода вдвое длинней и в еще худшем состоянии, чем эти. Ты ведь не хочешь, чтобы твоя жена и другие живущие в этом доме женщины свернули себе шею, когда пойдут на задний двор к очагу или в туалет?

Так они себе представляли небольшую проверку. Ричард понимал, что упустит шанс, если оставит их вызов без ответа. Но он так устал, что с трудом соображал.

В дверях появилась голова Никки.

— Мне показалось, что я слышу твой голос. Иди ужинать. У меня есть для тебя суп.

— А чая нет?

Никки покосилась на облаченную в рубашки парочку.

— Могу приготовить. Пошли, я принесу чай, пока ты ешь.

— Принеси его на задний двор, пожалуйста, — попросил Ричард. — Я обещал починить лестницу.

— Сейчас?

— Еще пару часов будет светло. Я могу есть во время работы.

Камиль с Набби задавали больше вопросов, чем в предыдущий вечер. Пока Ричард с двумя парнями работали, третий юнец, Гейди, шлялся вокруг. Обнаженный по пояс Гейди подчеркнуто оглядел Никки с ног до головы, когда она принесла Ричарду чай и суп.

Закончив наконец работу, Ричард пошел в комнату, бывшую когда-то кабинетом Ицхака, а теперь ставшую их с Никки домом. Стянув рубашку, он сполоснул лицо водой из таза. Голова раскалывалась.

— Помой голову, — сказала Никки. — Ты жутко грязный. Мне не нужны тут вши.

Вместо того чтобы спорить, доказывая, что никаких вшей у него нет, Ричард окунул голову в таз и принялся мыть волосы куском жесткого мыла. Так было проще, чем вступать в дискуссию, иначе ему не скоро удастся поспать. Никки ненавидела вшей.

Надо полагать, следует радоваться, что в этом фальшивом браке ему досталась хотя бы чистоплотная жена. Никки содержала в чистоте комнату, постель и одежду Ричарда, несмотря на то что ей было трудно носить воду из колодца. Она никогда не возражала против работы, которую необходимо было выполнять, чтобы изображать жизнь обычных людей. Похоже, Никки хотела чего-то настолько сильно, что так хорошо вжилась в роль, и в отличие от Ричарда, никогда не забывавшего, что она сестра Тьмы и его поработительница, она сама об этом иногда забывала. Ричард снова макнул голову в таз и сполоснул волосы.

Пока вода стекала по подбородку и спине обратно в таз, он спросил:

— Кто такой брат Нарев?

Никки, сидевшая на своем тюфяке и чинившая вещи, застыла и подняла голову. Шитье вдруг показалось совершенно не-

уместным, словно эта пародия на семейную жизнь утратила для Никки свой шарм.

— Почему ты спросил?

— Да повстречался с ним сегодня у кузнеца.

— На стройке?

Ричард кивнул.

— Я отвозил туда металл.

Никки вернулась к шитью. Ричард наблюдал при неровном свете фитиля, как она ровными стежками пришивает заплатки на коленях его штанов. Через некоторое время она прекратила работу.

— Брат Нарев — верховный жрец Братства Ордена, древней секты, посвятившей себя претворению в жизнь воли Создателя в этом мире. Он — душа и сердце Ордена, их духовный вождь, фигурально выражаясь. Брат Нарев и его ученики ведут за собой праведных жителей Ордена путями вечного Света Создателя. Он — советник императора Джеганя.

Ричарда эта новость застала врасплох. Он не ожидал, что она так много знает об этом. Он насторожился.

— Какого рода советник?

Никки сделала очередной стежок, прошивая ткань длинной ниткой.

— Брат Нарев был педагогом Джеганя, его учителем, советником и ментором. Брат Нарев зажег огонь в душе Джеганя.

— Он волшебник, не так ли. — Это не было вопросом.

Она подняла глаза от шитья. По ее глазам Ричард видел, что она прикидывает, говорить ему, или нет. Твердый взгляд Ричарда сказал ей, что он желает услышать всю правду.

— Ну, на уличном жаргоне его можно назвать и так.

— Что это значит?

— Обычные люди, мало разбирающиеся в магии, назвали бы его волшебником. Но, строго говоря, волшебником он не является.

— Тогда кто он? Строго говоря?

— Вообще-то он колдун.

Ричард лишь вытаращился на нее. Он всегда полагал, что волшебник и колдун — это одно и то же. Ричард сообразил, что вообще-то, если подумать, люди, разбирающиеся в магии, всегда называли обладающего волшебным даром — волшебником. Он ни разу не слышал, чтобы кто-то хотя бы упоминал о колдунах.

— Ты хочешь сказать, что он вроде тебя, колдуньи, только мужского рода?

Вопрос на мгновение поставил ее в тупик.

— Ну, полагаю, ты можешь видеть это в таком аспекте, но это не совсем верно. Если уж хочешь сравнить его с кем-то, то скорее у него больше общего с волшебником, поскольку оба — мужского пола. Но вообще-то это не важно.

Ричард стер с лица воду.

— Никки, пожалуйста. Я не спал всю ночь и валюсь с ног. Не усложняй, а? Просто объясни мне, что это значит.

Никки отложила работу в сторону и жестом предложила ему сесть с ней рядом, на свету. Ричард натянул рубашку. Зевнув, он уселся, поджав под себя ноги.

— Брат Нарев — колдун, — начала она. — Извини, но разницу не так просто объяснить. Это очень сложная штука. Я постараюсь объяснить как можно более понятно, но пойми, что я не могу слишком упрощать, иначе и намека на реальное положение вещей не останется.

Колдуны похожи на волшебников, но при этом отличаются от них. Ну, как вода и масло — и то, и другое — жидкости. И то, и другое текучее, и оба могут растворять вещи. Но они не смешиваются и растворяют разное. Так же не смешивается и магия волшебников и колдунов, и действуют они по-разному.

Что бы колдун ни противопоставлял волшебнику, и наоборот, что бы волшебник ни противопоставлял колдуну, это не сработает. Хотя и тот, и другой обладают магией, это разные аспекты магии. Они не смешиваются, магия каждого нейтрализует другую, превращая ее в... ничто.

— То есть как Магия Ущерба противоположна Магии Приращения?

— Нет. Хотя на первый взгляд это и правильный путь к пониманию, но совершенно неверное восприятие сути. — Никки подняла руки, будто собираясь начать с начала, но потом снова уронила их на колени. — Очень трудно объяснить эту разницу человеку вроде тебя, который практически не понимает, как действует его собственный волшебный дар. Тебе не хватает основных знаний. Нет таких слов, которые были бы одновременно и точны, и понятны для тебя. Это выше твоего понимания.

— Ну... Ты имеешь в виду, как волк и кугуар, хотя оба хищники, но при этом существа разного вида?

— Это чуть ближе.

— Как часто встречаются колдуны?

— Примерно так же часто, как сноходцы... — ответила она, многозначительно поглядев на него. — Или боевые чародеи.

Хотя Ричард и не мог понять, а она — объяснить, по какой-то причине эти сведения встревожили его.

— Так все же, что он делает иначе?

Никки вздохнула.

— Я не специалист и точно не уверена, но, по-моему, он в основном делает то же, что и волшебник, но только с уникальным магическим качеством колдуна. Спирт и пиво оба пьянят, но это напитки разного сорта и делаются из разных вещей.

— Один из них сильней.

— С колдунами и волшебниками это не так. Теперь понимаешь, почему такого рода сравнения не подходят? Сила волшебника и колдуна зависит от индивидуальности, а не от фундаментальной основы его магии.

Ричард, размышляя, поскреб затылок. Исходя из того факта, что оба могут пользоваться магией, он не мог найти разницы, имеющей маломальскую важность с практической точки зрения.

— А может он что-то такое, чего не может волшебник? — Он ждал. Казалось, она вовсе не размышляет над вопросом, а скорее прикидывает, отвечать или нет. — Никки, когда ты захватила меня, то обещала, что будешь правдиво отвечать мне на вопросы. Ты сказала, что тебе нет резона обманывать меня.

Она пристально поглядела ему в глаза, но затем все же отвела взгляд и убрала длинные светлые волосы с лица. Этот жест неожиданно и болезненно напомнил ему Кэлен.

— Возможно. Я думаю, он каким-то образом узнал, как воссоздать заклятие, окружавшее Дворец Пророков. Тысячи лет назад это особое заклинание создали волшебники, владевшие обеими сторонами магии. Мне думается, что одно из отличий колдунов от волшебников в том, что их сила не делится на два составляющих элемента, как у волшебников. Поэтому, хотя его магия действует иначе, он вполне мог узнать о том, каким образом волшебники, в те времена владевшие, как и ты, обеими сторонами магии, смогли создать это заклятие вокруг Дворца Пророков, чтобы суметь воссоздать его своим собственным способом.

— Ты имеешь в виду заклятие, замедляющее старение? Ты думаешь, он может соткать такого рода паутину?

— Да. Джеганъ мне об этом поведал. Я в юности знала брата Нарева. Он уже тогда был взрослым мужчиной, мечтателем, проповедующим доктрины Ордена. Он глубокомысленно твердил о том, что желал бы прожить достаточно долго, чтобы увидеть, как его видение Ордена дает всходы. Когда меня забрали во Дворец в Танимуру, мне кажется, именно это подало ему идею и он вскорости тоже приехал туда.

Сестры ничего о нем не знали. Они считали его всего лишь обычным слугой. Поскольку его дар отличен от дара волшебника, они не обнаружили его возможностей. Теперь я уверена, что он приехал туда специально изучить окружавшее Дворец заклятие, чтобы потом воспроизвести его в собственных целях.

— Почему он не штурмовал Дворец, не захватил его? Тогда он мог бы спокойненько использовать заклятие в своих целях?

— Возможно, что сначала он думал, что в один прекрасный день захватит Дворец для своих целей — вообще-то у императора Джеганя был именно такой план, — но также вполне возможно, что он с самого начала изучал заклятие, потому что хотел не просто воспроизвести его, а усовершенствовать.

Ричард потер бровь, пытаясь хоть немного уменьшить головную боль.

— Ты хочешь сказать, что, возможно, сейчас он полагает, что сможет сплести вокруг Убежища — нового дворца императора — заклятие вроде того, что окружало Дворец Пророков, только лучше, чтобы старение замедлилось еще больше, чтобы он сам и им избранные могли прожить еще дольше?

— Да. Не забывай, возраст — вещь относительная. Для того, кто живет тысячу лет, все, что меньше века, кажется кратким мигом. Для того же, кто живет много тысяч лет, жизнь, которая длится всего лишь какую-то жалкую тысячу лет, покажется скоротечной.

Я подозреваю, что брат Нарев научился так замедлять старение, что может стать практически бессмертным. Джеганъ планировал захватить Дворец Пророков. Вполне вероятно, что в случае захвата Дворца брат Нарев собирался усовершенствовать заклятие так, чтобы оно отвечало его целям.

— Но я помешал их планам.

Никки кивнула.

— Как и все те, кто жил во Дворце, брат Нарев сейчас стареет, как любой нормальный человек. Как только ты оказываешься вне зоны действия заклятия, то тебе кажется, что ты сломя

голову несешься к могиле. Сколько бы относительной молодости у брата Нарева ни осталось, он наверняка спит и видит сохранить ее вечно. Оставаться вечно относительно молодым имеет смысл. Оставаться же вечным стариком куда менее привлекательно. Из-за того, что ты уничтожил Дворец Пророков, где он мог бы спокойно и не торопясь воплощать в жизнь свой план, он был вынужден действовать быстрей, чем собирался.

Ричард плюхнулся спиной на матрас, положив руку на лоб.

— У него есть кузнец, который делает в металле специальную заготовку для этого заклятия. Кузнец представления не имеет, что именно делает. Эту заготовку потом должны покрыть золотом.

— Для чистоты. Скорее всего это лишь небольшая часть всего процесса. Вполне может оказаться даже, что эта позолоченная заготовка — всего лишь образец, по которому настоящую волшебную паутину создадут из чистого золота.

Ричард задумчиво прищурился.

— Если это образец, то тогда скорее всего Нарев собирается создать несколько таких паутин, чтобы они действовали совместно.

— Да, такая возможность тоже не исключена, — нахмурилась Никки.

— Изготовление такой штуки может навредить кузнецу?

— Нет. Это благотворное волшебство. Несмотря на то, для каких целей его творят, это заклинание благотворное. Оно замедляет старение, чтобы продлить жизнь.

— А что у брата Нарева за ученики?

— Молодые волшебники из Дворца Пророков.

Ричард не на шутку встревожился:

— Я был во Дворце Пророков. Они меня узнают.

— Нет. Они учились там, но последовали за братом Наревом еще до твоего приезда. Если они тебя и увидят, то узнать никак не смогут.

— Если они волшебники, разве они не смогут распознать, что я обладаю магией?

Никки презрительно улыбнулась.

— Они не настолько талантливы. По сравнению с тобой они — жалкие букашки.

Почему-то Ричарда этот комплимент не успокоил.

— А не узнают ли брат Нарев либо его ученички тебя?

Она снова стала серьезной.

— О, меня-то они узнают сразу.

— Похоже, брат Нарев силен. Не сможет ли он распознать, что я обладаю волшебным даром? Он так странно на меня смотрел. И спросил, не знает ли меня. Он что-то почуял.

— Почему ты подумал, что он волшебник?

Ричард, размышляя, вытащил из матраса торчащую соломинку.

— Вообще-то ничто этого не выдавало, но я это сильно подозревал, исходя из ряда мелочей: как он себя ведет, как смотрит на людей, как говорит. Да все в нем. Только после того, как я предположил, что Нарев — волшебник, я сообразил, что та штуковина, что кузнец для него делает, выглядит как какая-то магическая заготовка.

— Он мог начать подозревать, что ты маг, исходя из такого же рода вещей. Ты можешь определить мага?

— Да. Я научился узнавать свойственный им бездонный взгляд. И некоторым образом могу видеть ауру вокруг тех, в ком дар силен, у тебя, кстати говоря. Иногда вокруг тебя воздух трещит.

Никки зачарованно уставилась на него.

— Надо же! Никогда о таком не слышала. Должно быть, это как-то связано с тем, что ты владеешь обеими сторонами магии.

— Ты тоже. А ты разве не видишь?

— Нет, но я получила Магию Ущерба иным способом.

Она отдала душу Владетелю подземного мира.

— Но у брата Нарева ты ничего подобного не видишь, верно? — Ричард покачал головой, и она продолжила объяснение: — Это потому, как я уже объясняла, что вы обладаете разными аспектами магии. За исключением наблюдательности и способности рассуждать, с помощью волшебства ты не можешь определить наличие у него дара. Так и он с помощью колдовства не может распознать дар в тебе. Ваша магия не действует друг на дружку. Только твои логические способности позволили тебе распознать в нем мага.

Ричард сообразил, что Никки окольными путями говорит ему, что если он не хочет, чтобы Нарев распознал в нем чародея, ему следует быть поосторожней с этим типом.

Бывали времена, когда Ричарду казалось, что он понял ее игру.

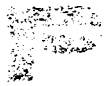
Бывали времена, как вот сейчас, когда казалось, что все его представления о преследуемых ею целях рассыпаются в прах.

Иногда ему почти казалось, что она высказывает ему свои убеждения не потому, что верит в них, а в отчаянной надежде получить повод в них не верить, в надежде, что Ричард отыщет ее в каком-то потерянном, темном мире и покажет оттуда выход. Ричард мысленно вздохнул. Он ведь не единожды приводил ей свои доводы, что ее убеждения ложны, но вместо того чтобы поколебать, это ее в лучшем случае злило, а в худшем — укрепляло в ее убеждениях.

Ричард, хоть и вымотался начисто, лежал и сквозь ресницы наблюдал, как Никки, освещенная жалким плавающим в масле фитильком, склонилась над шитьем. Одна из самых могущественных женщин в мире казалась вполне довольной тем, что, сидя практически в темноте, латает ему штаны.

Никки случайно укололась. Поморщившись от боли, она потрясла рукой. Ричард, похолодев, вдруг вспомнил о волшебных узах между ней и Кэлен. Его возлюбленная тоже только что ощутила этот укол.

Глава 50

 ичард взял протянутый Виктором белоснежный кусочек.

— Что это?

— Попробуй, — настойчиво махнул рукой Виктор. — Съешь. А потом расскажешь, понравилось или нет. Это с моей родины. На-ка, с красным луком еще вкусней.

Белый кусочек оказался нежным, плотным и обильно сдобренным солью и специями. Ричард издал животный стон и закатил глаза.

— Виктор, да ничего вкуснее в жизни не едал! Что это?

— Лярд.

Они сидели на пороге перед двойными дверями помещения, где стоял кусок мрамора, и смотрели, как рассвет освещает стройку, где уже начали возводить стены Убежища. Людей внизу пока было немного. Но вскоре рабочие начнут прибывать толпами, чтобы начать трудиться над возведением Убежища. Строительство шло безостановочно изо дня в день, в ясную погоду и в дождь. Весна уже было на носу, и хорошая погода стояла чуть ли не каждый день, лишь изредка во второй половине дня шел дождь, но не сильный и не холодный. Так, вполне приятный освежающий дождичек, к тому же смывающий с тебя грязь.

Если бы не постоянные думы о Кэлен, не тревожные мысли о войне далеко на се-

вере, не ненавистное состояние пленника, не вкалывающие на стройке рабы, не угнетение людей, исчезновения и пытки и жестокая и репрессивная политика Ордена в Алтур-Ранге, весна могла бы показаться Ричарду очень даже радостной.

К тому же с каждым днем он все больше волновался о том, что Кэлен вскоре сможет покинуть их домик в горах. Он до смерти боялся, что она примет участие в этой войне, которая скоро разгорится во всю мощь.

Откусив кусочек мягкого лука, Ричард снова принялся за лярд. И опять застонал от удовольствия.

— Виктор, я никогда ничего подобного не пробовал. Что такое лярд?

Виктор протянул ему еще кусок, который Ричард охотно взял. После долгой трудовой ночи этот сытный деликатес казался просто манной небесной.

Виктор указал ножом на котелок с белым содержимым.

— Лярд — это топленый кабаний жир.

— Этот котелок с твоей родины?

— Нет-нет, я сам его приготовил. Я ведь родом из мест далеко на юге отсюда, очень далеко. На берегу моря. Это там мы делаем лярд. Когда я приехал сюда, то стал делать его и здесь.

Я кладу топленый жир в чаны, которые сам вырезал из мрамора, такого же белого, как лярд. — Виктор во время беседы сильно жестикулировал, молотя по воздуху так же энергично, как бил молотом по металлу. — Жир помещают в чаны с солью грубого помола, розмарином и другими специями. Время от времени я помешиваю его в растворе. Жир, чтобы превратиться в лярд, должен год томиться в камне.

— Целый год?!

Виктор энергично закивал.

— Тот, что мы сейчас едим, я сделал прошлой весной. Мой отец научил меня делать лярд. Лярд делают только мужчины. Мой отец работал на каменоломне. Лярд придает силы, если долгими часами ворочать мраморные глыбы или махать киркой. Да и кузнецам лярд тоже помогает целый день работать молотом.

— Значит, там, где ты жил, есть каменоломни?

Виктор махнул могучей рукой в сторону возвышавшейся у них за спиной мраморной глыбы.

— Вот. Это каватурский мрамор, с моей родины. — Он указал на несколько складских площадок внизу. — Вон там, там и там тоже мрамор из Каватуры.

— Значит, ты оттуда? Из Каватуры?

Виктор, по-волчьи ухмыльнувшись, кивнул.

— Оттуда идет весь этот чудесный мрамор. Наш город получил название от мраморных каменоломен. В моей семье все резчики либо каменотесы. А я? Я закончил тем, что стал кузнецом, изготавливающим для них инструменты.

— Кузнецы тоже скульпторы.

Виктор рассмеялся.

— А ты? Откуда ты родом?

— Я? Издалека. В наших краях мрамора нет. Только гранит. — Ричард предпочел сменить тему, чтобы не погрязнуть во лжи. — Ну, так когда тебе понадобится еще эта особая сталь?

— Завтра. Сможешь?

Необходимую Виктору сталь варили довольно далеко отсюда, на сталелитейном заводе, расположенном неподалеку от углежогов. Сталеварам требовалось огромное количество угля для производства высококачественной стали. Руду доставляли на баржах с копей неподалеку. На то, чтобы съездить туда и обратно, уйдет почти вся ночь.

— Конечно. Я, пожалуй, скажу сегодня, что приболел, и посплю немного.

За последние несколько месяцев он стал ну просто очень болезненным. Что вполне соответствовало тому, как работают все прочие. Немного поработай, потом прикинься больным и скажи рабочей ячейке, что ты прихворнул. Некоторые подкрепляли свое заявление какой-нибудь историей, но в этом не было необходимости. Рабочая ячейка никогда не задавала вопросов.

Единственное, что Ричард пропускал крайне редко, так это собрания, где называли тех, кто неправильно себя вел. На собраниях часто звучали чьи-либо имена, но было куда больше шансов привлечь к себе внимание, пропуская эти собрания. Названного зачастую потом арестовывали и давали возможность признаться. Нередко люди, чьи имена назвали на собрании в числе тех, кто ведет себя неудовлетворительно, кончали с собой.

— Один из учеников брата Нарева, Нил, приходил вчера с новыми распоряжениями, — несколько напряженно проговорил Виктор. — Того, что ты мне привез, хватит на сегодня, но к завтрашнему дню мне кровь из носу понадобится эта сталь.

— Ты ее получишь.

— Уверен?

— Виктор, я тебя хотя бы раз подводил?

Физиономия Виктора расплылась в беспомощной улыбке. Он передал Ричарду еще кусочек лярда.

— Нет, Ричард, никогда. Ни разу. Я уже потерял всякую надежду еще хотя бы раз повстречать человека, который бы держал свое слово.

— Ну ладно, мне, пожалуй, пора двигаться, чтобы заняться лошадьми. У них была трудная ночка, а мне нужно, чтобы они отдохнули перед сегодняшней. Сколько стали тебе нужно?

— Двести. Половину квадратных, половину круглых.

Ричард изобразил болезненный стон.

— Ты либо превратишь меня в богатыря, либо прикончишь, Виктор!

Виктор согласно улыбнулся.

— Возьмешь золото?

— Нет. Заплатишь, когда привезу.

Ричард уже не нуждался в предоплате. Он приобрел тяжелый фургон и сильных лошадей. Он платил Ицхаку за их содержание на конюшне транспортной компании, где они стояли вместе с лошадьми компании. Ицхак помог Ричарду все устроить. Он отлично знал чиновников, живших в тех великолепных домах. Те никак не могли бы позволить себе эти дома на одну зарплату чиновников Ордена.

— Ты поосторожней с Нилом, — сказал Ричард.

— Это почему?

— По какой-то причине он считает, что я нуждаюсь в нравоучениях. Он действительно верит, что Орден — спаситель человечества. Он ставит благополучие Ордена выше благополучия человечества.

Виктор, поднимаясь, вздохнул и поправил свой кожаный передник.

— Я тоже о нем такого же мнения.

Они прошли в дом, когда солнце только-только осветило стоящий в комнате мрамор. Ричард коснулся холодного камня, как делал всегда, когда проходил мимо. Мрамор казался живым. Живым и могучим.

— Виктор, я как-то уже спрашивал у тебя, что это. Может, теперь все же расскажешь?

Кузнец остановился и оглядел стоящий перед ним белый камень. Потом легонько коснулся его, нежно проведя пальцами по поверхности.

— Это моя статуя.

— Какая статуя?

— Та, что я хочу однажды создать. В моей семье много скульпторов. И сколько я себя помню, мне всегда тоже хотелось ваять. Я хотел стать великим скульптором. Создавать великие творения.

Но вместо этого мне пришлось идти в подмастерья к кузнецу на каменоломне. Нужно было содержать семью. Я ведь старший сын. Мой отец с кузнецом были друзьями, и отец попросил его взять меня к себе... Он не хотел, чтобы еще один сын погиб на каменоломне. Это ведь опасное и трудное дело — вырезать мраморные глыбы из горы.

— А ты уже занимался резьбой? Ну, по дереву, к примеру?

Виктор, не отрывая глаз от мрамора, покачал головой.

— Я хотел работать только с камнем. Я купил этот мрамор на сэкономленные деньги. Он мой. Мало кто может сказать, что ему принадлежит часть горы. Тем более такая чистая и красивая, как эта.

Ричард отлично понимал его чувства.

— Так что же ты хочешь изваять из него, Виктор?

Тот прищурился, словно хотел проникнуть в самую суть камня.

— Не знаю. Говорят, что камень сам тебе скажет, что ты должен из него сделать.

— И ты в это веришь?

Виктор рассмеялся густым смехом.

— Да нет, не очень! Но штука в том, что это действительно прекрасный кусок мрамора. Нет лучше материала для статуй, чем мрамор из Каватуры, и очень немногие куски каватурского мрамора обладают такими чудесным качеством, как этот. Я не вынесу, если из него сделают что-то страшное, как те статуи, что делают нынче. Когда-то, давным-давно, из такой красоты делали только красоту. Но теперь уже нет, — с горечью прошептал он. — Теперь человек должен изображаться искореженным, как нечто постыдное.

Ричард отвозил сделанные Виктором инструменты вниз, где работали скульпторы, и у него была возможность посмотреть вблизи на их творения. Внешнюю сторону стен должны были заполнить гигантские скульптурные композиции. Эти стены, окружающие дворец, тянулись на многие мили. А скульптуры, которые делали для Убежища, были такими же, какие Ричард уже видел повсюду в Древнем мире, но не имели себе равных по ко-

личеству. Весь дворец должен был стать эпическим изображением видения Орденом сущности жизни и искупления в другой, потусторонней жизни.

Фигуры, которые ваялись, были неестественными, с конечностями, которые ни при каких обстоятельствах не могли действовать. Те, что создавались в виде барельефов, были навечно запаяны в камень, из которого едва выглядывали. Позы изображали человека бессильным, бесплотным и ничтожным.

Мышцы, кости и плоть были собраны в кучу в виде чего-то бессильного и настолько непропорционального, что в них не было практически ничего человеческого. Выражение лиц невозмутимое, если статуи изображали добродетель, либо искаженное ужасом, болью и мукой, если отображали судьбу грешников. Добродетельные мужчины и женщины, согнутые непосильным трудом, всегда изображались смотрящими на мир с тупой покорностью.

По большей части было трудно отличить мужское изображение от женского, поскольку их земные тела, этот вечный источник стыда, прикрывали мешковатые одеяния вроде тех, что носили священники Ордена. Чтобы лучше отобразить учение Ордена, лишь грешники были обнажены, чтобы все могли лицезреть их мерзкие изъязвленные тела.

Статуи сии изображали человека беспомощным, обреченным из-за своего низкого интеллекта выносить тяжкое бремя своего существования.

Ричард подозревал, что большинство скульпторов боялись ареста и пыток, поэтому постоянно отвечали, что человека должно изображать принимающим свою мерзкую сущность, следовательно, способным получить вознаграждение только после смерти. Статуи должны были убеждать массы, что такова единственная награда, на которую человек может надеяться. Ричард знал, что кое-кто из ваятелей твердо верит этой белиберде. И всегда вел себя с ними крайне осторожно.

— Ах, Ричард, как бы мне хотелось, чтобы ты увидел красивые статуи вместо нынешнего убожества.

— Мне доводилось видеть прекрасные скульптуры, — мягко заверил кузнеца Ричард.

— Да? Я рад. Люди должны видеть красивые вещи, а не это... Это, — он махнул на возводимые стены Убежища, — это зло под маской добра.

— Значит, когда-нибудь ты изваяешь такую красоту?

— Не знаю, Ричард, — признался он наконец. — Орден отбирает все. Они говорят, что отдельная личность ничто и нужна лишь для того, чтобы трудиться на всеобщее благо. Они берут то, что может стать произведением искусства, криком души, и превращают в яд, превращают в смерть. — Виктор лукаво улыбнулся. — Так что при нынешнем раскладе я могу лишь наслаждаться той прекрасной статуей, что заключена в этом камне.

— Я понимаю, Виктор, правда, понимаю. И ты так ее описываешь, что я тоже ее вижу.

— Значит, мы оба будем любоваться моей статуей в таком виде, в каком она есть. К тому же видишь? — Виктор указал в основание камня. — В нем есть изъян. И идет по всему камню. Поэтому-то я и смог его приобрести — из-за изъяна. Если допустить ошибку при работе, то камень может просто рассыпаться. Я так и не додумался, как работать с этим камнем, чтобы использовать все преимущества его красоты, но при этом избежать трещину.

— Может быть, однажды тебя осенит, что сделать из этого камня, как создать из него благородное творение.

— Благородное. Ах, это будет нечто — самая возвышенная форма красоты. — Виктор покачал головой. — Но я не стану этого делать. Не стану до восстания.

— Восстания?

Виктор осторожно глянул на склон за дверью.

— Восстание. Оно грядет. Орден не может оставаться в силе — зло не может оставаться в силе. Вечно, во всяком случае. У меня на родине, когда я был молод, существовала и красота, и свобода. Но нас вынудили отдать жизнь и свободу, капля за каплей, делу справедливости для всех. Люди не понимали, чем обладают, и выпустили свободу из рук ради пустых обещаний лучшей жизни, жизни, где не надо прилагать усилий, стараться чего-то достичь, где нет производительного труда. Всегда найдется кто-то другой, кто будет все это делать, кто будет обеспечивать и сделает их жизнь легкой.

Когда-то наша страна была обильной. А теперь все, что произрастает, гниет, дожидаясь, пока комитеты решат, кому отдать, кто станет это перевозить и сколько это будет стоить. А народ тем временем голодает.

Мятежников — это те, кто недоволен Орденом — обвиняют в том, что это по их вине люди голодают, и все приходит в упадок, и все больше людей арестовывают и казнят. Мы — государ-

ство смерти. Орден вечно вещает о своей заботе о человечестве, но их политика не сеет ничего, кроме смерти. По пути сюда я видел тысячи и тысячи трупов, не считанных и не похороненных. Новый мир обвиняют во всех грехах, винят во всех неудачах, и молодежь, желая покарать угнетателя, идет на войну.

Однако многие начали понимать истинное положение вещей. Они и их дети — я и такие, как я — жаждут свободы, чтобы жить своей собственной жизнью, а не быть рабами Ордена и его царства смерти. У меня на родине неспокойно, да и здесь тоже. Грядет восстание.

— Неспокойно? Здесь? Что-то не замечал.

Виктор лукаво улыбнулся.

— Те, у кого восстание в душе, не показывают своих истинных чувств. Орден, вечно боящийся мятежа, пытками выбивает признание из арестованных по ложному обвинению. Каждый день происходит все больше и больше казней. Те, кто хочет перемен у лучшему, вовсе не намерены преждевременно становиться мишенями. В один прекрасный день, Ричард, начнется восстание.

— Не знаю, Виктор, — покачал головой Ричард. — Восстание требует решимости. Сомневаюсь, что такая решимость тут имеется.

— Ты видел людей, недовольных существующим положением вещей. Ицхак, те люди на сталелитейном, мои люди и я сам. Все, с кем ты имеешь дело, за исключением чиновников, которым ты суешь взятки, жаждут перемен. — Виктор поднял бровь. — Никто из них не жалуется в комитет или комиссию на твою деятельность. Ты можешь не захотеть иметь с этим ничего общего и имеешь на это право, но есть и такие, кто прислушивается к слухам о свободе с севера.

— Ричард напрягся.

— Свободе с севера?

Виктор торжественно кивнул.

— Ходят слухи об избавителе: Ричарде Рале. Он возглавляет северян в борьбе за свободу. Говорят, что благодаря этому Ричарду Ралу мы восстанем.

Не будь это так трагично, Ричард расхохотался бы.

— А откуда ты знаешь, что этот самый Ричард достоин того, чтобы за ним идти?

Виктор уставился на Ричарда тем взглядом, какой тот запомнил еще с самой первой встречи.

— Человека можно оценить по тому, кто его враг. Ричарда Рала император, брат Нарев со ученики ненавидят так, как никого другого. Он тот самый. Это он несет факел революции.

Ричард смог выжать лишь виноватую улыбку.

— Он всего лишь человек, дружище. Не преклоняйся перед человеком, преклоняйся перед его делом.

На лице Виктора, полном эмоций и с горящим огнем свободы в глазах, снова появилась обычная волчья ухмылка.

— А, так ведь именно так сказал бы Ричард Рал. Поэтому-то он и есть тот самый.

Ричард посчитал за лучшее сменить тему. Он заметил, что уже становилось светло.

— Ладно, мне пора. Не сомневаюсь, ты придумаешь, что делать с камнем, Виктор. Оно само придет в нужное время.

Кузнец метнул на него деланно сердитый взгляд, но это был лишь бледный отблеск гневного взора.

— Я именно так всегда и считал.

Ричард почесал затылок.

— А ты хоть что-нибудь изваял, Виктор?

— Нет, ничего.

— А ты уверен, что умеешь ваять? Что у тебя есть способности?

Виктор постучал по виску, словно желая разубедить скептика.

— Вот тут у меня есть способности. Вот этим я вижу красоту. И для меня лишь это важно. Пусть я даже никогда не прикоснусь резцом к этому камню, я все равно всегда буду видеть заключенную в нем красоту, и этого Орден никогда не сможет отнять у меня.

Глава 51

Никки прошла через двор, направляясь к веревке, где сохло белье. Она смахнула пот со лба. Лето еще не наступило, а уже такая жара. У нее ломило спину от утренней стирки и прочей домашней работы. Другие женщины весело сплетничали под теплым солнышком, то и дело хихикая над какой-нибудь забавной историей из семейной жизни. Казалось, все обитатели дома начали оживать вместе с весной.

Впрочем, Никки знала, что весна тут ни при чем.

И это ее здорово злило. Сколько она ни пыталась, никак не могла понять, почему у Ричарда все получается. Никки уже начала думать, что если утащить его в самую глубокую пещеру, какую только сможет отыскать, то солнечные лучи все равно сумеют пробиться в самую темную яму, чтобы осветить Ричарда. Можно подумать, что тут задействована какая-то магия, но она-то точно знала, что никакой магией Ричард не пользуется.

Задний двор, такой запущенный, заросший, грязный и заваленный кучами мусора и отбросов, теперь превратился в огород. Живущие в доме мужчины вечерами после работы очистили двор от грязи. Даже некоторые из тех, кто не работал, вышли вместе со всеми, чтобы помочь с расчисткой. А по-

том женщины вскопали землю и устроили огород. Так что теперь у них будут овощи. Овощи! И поговаривают о том, чтобы завести кур.

Раньше был один-единственный туалет в самом дальнем углу, переполненный и жутко грязный, а теперь у них две новые кабины в отличном состоянии. Больше не нужно подолгу дожидаться своей очереди, и не стало настойчивых просьб побыстрей освободить помещение и скандалов. Камиль с Набби помогли Ричарду сколотить кабинки из деревяшек, вытащенных из мусорных куч в собственном дворе или принесенных с других помоек.

Никки глазам своим не поверила, когда увидела, как Камиль и Набби — оба в рубашках — копают ямы для новых уборных. Все их сердечно благодарили, а парни сияли от гордости.

Очаг во дворе тоже привели в порядок, и теперь женщины могли ставить несколько горшков одновременно, и дров уходило значительно меньше. Ричард вместе с другими мужчинами сделали подставки для корыт, чтобы их женам не приходилось при стирке сгибаться в три погибели или стоять на коленях. Сделали они и простенький навес из обнаруженных в мусоре обрывков промасленной ткани, чтобы женщины не мокли под дождем, когда занимаются стиркой или готовкой.

Обитатели соседних домов, сперва весьма скептически относившиеся к такой активности, начали проявлять любопытство. Ричард, Камиль и Набби охотно объясняли, чем занимаются и что соседи тоже могут привести свои дома в порядок, и даже помогли им начать. Никки орала на Ричарда за то, что он тратит время на чужие дома. А он ответил, что именно она, Никки, все время ему твердила, что помогать другим — его долг. И Никки не нашла, что ответить. Во всяком случае, так, чтобы не выглядеть идиоткой.

Показывая людям, как можно улучшить свой быт, Ричард не читал лекций и не поучал. Он просто — и Никки совершенно не понимала, каким образом — ухитрялся заражать других своим энтузиазмом. Ричард не говорил людям, что им нужно делать, чтобы улучшить свой быт. Он приучал их думать самостоятельно и находить свои решения. И получилось так, что Ричарда полюбили все. И Никки оставалось только молча скрежетать зубами.

Никки сложила белье в плетеную корзину — Ричард научил женщин плести такие корзины. Никки вынуждена была при-

знать, что плести корзины довольно просто, и в них удобней носить белье.

Она поднялась по ступенькам, теперь она не боялась свернуть себе шею на лестнице. Коридор сиял чистотой, полы помыты. Ричард где-то раздобыл ингредиенты для краски, и удалось покрасить стены. И смешивать краску, и красить — оказалось очень увлекательным занятием. Один из обитателей дома умел чинить крыши, и он залатал крышу так, чтобы она не протекала и стены снова не залило.

В коридоре Никки заметила Гейди. Он сидел на ступеньках, и был, как всегда, без рубашки. Он сосредоточенно строгал деревяшку, всем своим видом показывая, какой он опасный парень. Позже женщины поцокают языком и уберут стружки. Гейди, явно недовольный тем, что теперь его все ругают, уставился на Никки. Никки немного набрала вес, ему было на что пялиться.

Вторая работа Ричарда давала возможность покупать больше еды. Он приносил домой всякие вкусные вещи, по которым она тосковала многие месяцы, — кур, масло, приправы, бекон, сыр и яйца. Никки ни разу не удалось найти эти товары в городских лавках. Никки полагала, что во всех магазинах города продают одно и то же, но Ричард говорил, что, разъезжая с фургоном, он попадает в такие места, где ассортимент шире.

На нижних ступеньках сидели Камиль и Набби. Они заметили Никки через открытую дверь, вежливо встали и поклонились.

— Добрый вечер, госпожа Сайфер, — поздоровался Камиль.

— Помочь вам донести? — спросил Набби.

Никки их вежливость не на шутку раздражала, поскольку она знала совершенно точно, что они искренни. Парни хорошо к ней относятся, потому что она жена Ричарда.

— Нет, спасибо. Я уже пришла.

Они придержали для нее двери и закрыли, когда она прошла в свою комнату.

Никки подумала, что Ричард, похоже, обзавелся персональной армией, каждый солдат которой всякий раз, завидев его, расплывается в улыбке. Они прямо из кожи вон лезут, чтобы понравиться Ричарду. Камиль с Набби, попроси он их, охотно бы взялись за стирку пеленок — только бы Ричард взял их с собой развозить ночью товары по всему Алтур-Рангу. Но Ричард брал их в эти поездки крайне редко, говоря, что может нажить неприятности, если кто-нибудь заявит в рабочий комитет. Пар-

ни не хотели, чтобы у Ричарда были неприятности и он потерял работу, поэтому терпеливо ждали тех редких случаев, когда он звал их с собой.

Комната тоже преобразилась. Потолок вымыли и побелили. Засиженные мухами стены отскребли и покрасили в цвет сомон. Этот цвет выбрала сама Никки, думая, что Ричард ни за что не сможет отыскать необходимые для этого оттенка редкие ингредиенты. И вот теперь стены, словно в насмешку над ней, были цвета сомон.

А однажды заявился мужичок с инструментами. Камиль сообщил, что его прислал Ричард, чтобы привести комнату в порядок. Говорил он на языке, который Никки не понимала. Он много жестикулировал, что-то лопотал и добродушно смеялся, словно Никки хотя бы немного понимала то, что он говорит. Он тыкал пальцами в стены и задавал вопросы. А Никки не имела ни малейшего представления, зачем он здесь, и что должен сделать.

Наконец она сообразила, что, возможно, он пришел починить колченогий стол. Никки постучала по крышке стола ладонью и показала, как он шатается. Мужчина кивнул, ухмыльнулся и залопотал. В итоге Никки предоставила ему разбираться самому и отправилась выстаивать очередь за хлебом. И простояла всю первую половину дня. А вторую — в очереди за просом.

Когда Никки наконец вернулась домой, этот непонятный человек уже ушел. В старое разбитое окно, не только закрашенное, но залитое краской так, что не открывалось, вставлено новое стекло. А в другой стене появилось еще одно окно. Оба окна открыты. Прохладный сквознячок продувал душную комнату.

Никки застыла посреди комнаты, ошарашенно глядя в окно на соседний дом. Потом долго таращилась на окно в стене, где прежде никакого окна не было. Теперь была видна улица. Мимо проходила соседка, госпожа Ша-Рим. Она улыбнулась и помахала Никки рукой.

Поставив на пол корзину, Никки закрыла боковое окно, решив что комната достаточно проветрилась. И задернула занавески. Она решила, что следует повесить занавески и на первое окно. Ричард каким-то образом раздобыл ей немного ткани. Когда Никки сшила занавески, он сказал, что она молодец. И Никки вдруг обнаружила, что улыбается в точности, как каждый, кого хвалил Ричард.

Она приволокла Ричарда в самое паршивое место Древнего мира, в самый поганый дом, какой только смогла отыскать, а он

в конечном итоге каким-то образом умудрился все улучшить. В точности следуя ее наставлениям, что в этом его долг.

Но она-то затевала совсем другое.

Она сама не понимала, что затевала.

Единственное, что Никки понимала — что живет только ради тех часов, когда Ричард рядом. Пусть она и знала, что он ее ненавидит и больше всего на свете хочет убраться от нее подальше и вернуться к своей Кэлен, Никки ничего не могла с собой поделать: когда он возвращался домой, ее сердце бешено колотилось. Ей иногда казалось, что через волшебные узы с Кэлен она чувствует тоску этой женщины по нему. И каждой частицей своего тела понимала тоску Кэлен.

Начало темнеть. Никки ждала. Жизнь начиналась только тогда, когда Ричард возвращался домой. На смену дневному свету пришел огонек лампы. Теперь у них имелась настоящая лампа, а не плавающий в льняном масле фитилек.

Дверь распахнулась. Ричард ступил на порог. Он разговаривал с Камилем, направлявшимся к себе домой, этажом выше. Было уже довольно поздно. Наконец, продолжая улыбаться, Ричард вошел в комнату и закрыл дверь. И улыбка тотчас испарилась, как всегда.

Он держал набитый мешок.

— Мне по дороге попался лук, морковь и немного свинины. Я подумал, что ты, возможно, захочешь приготовить жаркое.

Никки слабо махнула на просо, в очереди за которым провела полдня. В просо водились жучки и оно было старым.

— Я купила проса. Думала сварить тебе суп.

— Если хочешь, — пожал плечами Ричард. — Твой суп помог нам пережить довольно паршивые времена.

Никки на мгновение ощутила вспышку гордости, что он оценил ее старания.

Она закрыла окна. На улице было темно. Стоя спиной к окнам и не сводя с Ричарда глаз, она плотно задернула занавески.

Ричард стоял посреди комнаты и смотрел на нее. Он недоуменно нахмурился. Никки подошла ближе. Она отлично осознавала, как вздымается над корсажем черного платья ее открытая грудь. Гейди только что пялился на ее бюст. Она хотела, чтобы и Ричард так же смотрел на нее. Но Ричард смотрел только ей в глаза.

Ее пальцы впились в его мускулистые руки.

— Займись со мной любовью, — прошептала она.

Он удивленно поднял брови.

— Что?

— Ричард, я хочу, чтобы ты занялся со мной любовью. Сейчас.

Он целую вечность пристально глядел ей в глаза. В ушах Никки грохотала кровь. Каждая частичка ее существа вопила, умоляя его взять ее. Она трепетала в предвкушении.

И он заговорил. Голос его звучал совсем не грубо. Наоборот, очень ласково, но решительно.

— Нет.

Никки показалось, что мириады ледяных иголок вонзились ей в руки. Его отказ поразил ее. Ни разу в жизни ей не отказывал ни один мужчина.

Боль поразила ее в самое сердце, куда худшая, чем та, которую Джегань или кто другой когда-либо ей причиняли. Она-то думала...

Кровь прилила к лицу, холод мгновенно сменился жаром. Никки настежь распахнула дверь.

— Выйди в коридор и жди, — дрожащим голосом приказала она.

Он стоял посреди их комнаты, глядя Никки в глаза. Лампа отбрасывала тени на его лицо. Его плечи были такими широкими, а талия такой узкой... Ей отчаянно хотелось обвить эту талию руками. Никки хотелось завизжать. Но вместо этого она заговорила тихо, но властно.

— Ты выйдешь в коридор и подождешь, иначе...

Никки щелкнула пальцами.

Судя по выражению глаз, он понял, что она не блефует. Сейчас жизнь Кэлен висела на волоске, и если он не подчинится, то Никки, не колеблясь, оборвет этот волосок.

Не сводя с нее серых глаз, Ричард вышел в коридор. Надавив пальцем ему на грудь, она вынудила его отступить, пока он не уперся спиной в стену напротив их двери.

— Будешь ждать здесь, на этом самом месте, пока я не разрешу тебе двигаться. — Она скрипнула зубами. — Иначе Кэлен умрет. Все понял?

— Никки, ты ведь не такая. Подумай, что ты...

— Иначе Кэлен умрет. Понял?

Он вздохнул.

— Да.

Никки направилась к лестнице. На ступеньках сидел Гейди, не сводя с нее темных глаз. Поднявшись, он с наглым видом спу-

стился к ней. Никки прикинула, что он неплохо сложен. Парень подошел почти вплотную, она ощущала жар его тела.

Никки посмотрела ему в глаза. Он был одного с ней роста.

— Я хочу, чтобы ты занялся со мной сексом.

— Что?

— Мой муж недостаточно удовлетворяет мои потребности. Я хочу, чтобы это сделал ты.

Взгляд парня скользнул на Ричарда, и его физиономия расплылась в ухмылке. Он снова посмотрел на ее грудь, пожирая взглядом то, что было открыто взору.

Гейди был достаточно молод, нахален и глуп, чтобы считать себя неотразимым и думать, что его ребяческая кичливость настолько заводит ее, что она сходит с ума от похоти и жаждет заполучить его.

Одной рукой он привлек Никки к себе, а другой убрал в сторону ее волосы и узкими губами коснулся ее шеи. Когда его зубы скользнули по коже, Никки застонала, поощряя его быть грубым. Меньше всего на свете ей сейчас нужна нежность. Нежность не приносит искупления. Нежность не заставит душу Ричарда корчиться в мучениях. Нежность не причинит ему боли.

Гейди сжал ей ягодицы, притискивая к себе. Он похотливо потерся об нее. Никки тяжело задышала ему в ухо, чтобы придать ему уверенности в том, что он может полностью располагать ее телом.

— Скажи мне, почему.

— Меня тошнит от его телячьих нежностей, ласковых прикосновений и внимания. Совсем не это нужно настоящей женщине. Я хочу, чтобы он понял, что может настоящий мужчина. Я хочу того, чего он мне дать не может.

Она чуть не закричала он боли, когда он выкрутил ей сосок.

— Да ну?

— Да. Я хочу того, что настоящий мужчина вроде тебя может дать женщине.

Его грубые руки стиснули ей грудь. Никки изобразила стон. Гейди ухмыльнулся.

— С полным моим удовольствием.

Никки мутило от его улыбки.

— Нет, с моим, — покорно выдохнула она.

Бросив еще один ненавидящий взгляд на Ричарда, Гейди засунул руки ей под подол, желая удостовериться, что она не врет и действительно позволит делать с собой все, что ему заблаго-

рассудится. Его рука скользнула по ее обнаженным бедрам. Никки покорно раздвинула ноги.

Пока он ее лапал, Никки держалась за его плечи. Гейди горделиво усмехнулся. Пальцы безжалостно лапали ее. У Никки на глаза навернулись слезы. Она задрожала и закусила губу — только бы не закричать. Ошибочно приняв ее всхлипы за похоть, Гейди стал еще активней.

Джегань и Кадар Кардиф — и многие другие — брали ее против воли. Но ни разу она не испытывала такого ощущения насилия над собой, как сейчас, стоя в коридоре и позволяя этой ухмыляющейся маленькой гадине делать с ней все, что угодно.

Никки перехватила руку парня.

— Гейди, ты что, боишься Ричарда? Или тебе не хватит мужества взять меня, пока он будет стоять тут, в коридоре, возле нашей двери, все слыша и понимая, что ты ублажаешь меня куда лучше, чем он?

— Боюсь? Его? — хрипло прорычал он. — Ты только скажи, когда.

— Прямо сейчас. Я хочу тебя прямо сейчас, Гейди.

— Так я и думал.

Никки усмехнулась, увидев, как у него глаза горят от похоти.

— Только скажи-ка сперва «пожалуйста», маленькая шлюшка.

— Пожалуйста. — Ей до смерти хотелось проломить его голову. — Пожалуйста, Гейди.

Держа ее за талию, Гейди высокомерно фыркнул, проходя мимо Ричарда. Никки рукой подтолкнула Гейди в комнату и попросила чуток обождать. Ухмыльнувшись ей через плечо, он выполнил просьбу. Никки ожгла Ричарда взглядом.

— Мы связаны. Все, что происходит со мной, происходит и с ней. Надеюсь, ты не так глуп, верно? Ты ведь понимаешь, что если хоть на дюйм сдвинешься с места, я заставлю тебя жалеть об этом все оставшуюся жизнь. Клянусь, она умрет нынче же ночью, если ты не будешь стоять тут.

— Никки, пожалуйста, не делай этого. Ты ведь только себе сделаешь хуже.

Он говорил так ласково, с таким сочувствием. Она едва не кинулась ему на шею, умоляя остановить ее... Но его отказ все еще жег стыдом душу.

Обернувшись в дверях, она злобно ухмыльнулась Ричарду.

— Надеюсь, твоей Кэлен это понравится так же сильно, как мне. После сегодняшней ночи она больше никогда тебе не поверит.

* * *

Кэлен ахнула. Глаза ее распахнулись. В темноте она различала лишь смутные тени.

Ощущение, которое она не могла определить, не могла понять, обрушилось на нее. Это было что-то совершенно чуждое и в то же время обманчиво знакомое. Что-то постыдное и одновременно желанное. Это ощущение наполнило ее своего рода чувственным ужасом, плавно переходящим в постыдное удовольствие, смешанное с ощущением острой опасности.

Она чувствовала тень над собой.

Ощущения, которые она не могла ни понять, ни контролировать, нахлынули на нее, хотя она и пыталась с ними бороться. Все казалось нереальным. Кэлен снова ахнула от непонятного ощущения. Ее это смутило. Было больно, но в то же время она чувствовала, как в ней просыпается дикий чувственный голод.

Впечатление было такое, словно сейчас с ней Ричард, тут, в постели. Ей снова было так хорошо. Кэлен тяжело дышала. Во рту пересохло.

В объятиях Ричарда она всегда испытывала такое удовольствие от того, что никогда не наступает пресыщение, что всегда остается что-то неизведанное, не испробованное, не найденное. Кэлен всегда приводили в восторг мысли об этом бесконечном поиске недостижимого.

Она резко выдохнула. Теперь она снова ощущала себя участницей этой скачки.

Но того, что происходило сейчас, она и представить себе не могла. Кэлен вцепилась в простыни, рот открылся в беззвучном крике боли.

Это было что-то нечеловеческое, жуткое. Полная бессмыслица. Она снова ахнула, ее охватила паника. Кэлен застонала от ужаса происходящего — от намека на удовольствие во всем этом и от растерянности, что чуть ли не наслаждается ощущениями.

И тут на нее снизошло озарение. Она поняла значение происходящего.

На глаза навернулись слезы. Кэлен каталась по кровати, разрываясь между радостью от того, что чувствует Ричарда, и болью от понимания, что Никки сейчас тоже вот так его чувствует. Ее отбросило на спину.

Кэлен снова ахнула, глаза расширились, все тело напряглось, как струна.

Она вскрикнула от боли. Она корчилась и извивалась, прикрывая груди руками. От боли, которую она не могла ни понять, ни точно определить, слезы хлынули ручьем.

Она так скучала по Ричарду. Хотела его до боли.

На нее накатывали волны оглушающей боли, смешанной с неудовлетворенным желанием, превратившимся в отвращение. Она не могла отдышаться...

И вот все закончилось, Кэлен разрыдалась, власть над телом вернулась, но она слишком измучилась, чтобы двигаться. Она и ненавидела каждое мгновение происходившего, и горевала, что все закончилось, потому что в те мгновения наконец-то снова чувствовала Ричарда.

Кэлен радовалась, что вдруг так неожиданно снова почувствовала его, и испытывала ослепляющую ярость из-за того, что все это означало. Зажав простыню в кулаки, она безутешно плакала.

— Мать-Исповедница? — В палатку скользнула темная фигура. — Мать-Исповедница?

Это появилась Кара. Она зажгла на столе свечку. Свет казался ослепительно ярким. Кара посмотрела на Кэлен.

— Мать-Исповедница, с вами все в порядке?

Кэлен отрывисто вздохнула. Она лежала в своей кровати, запутавшись в покрывале.

Может быть, это всего лишь сон. Ей очень этого хотелось. Но Кэлен знала, что это не так.

Сев, Кэлен провела рукой по волосам.

— Кара... — Это прозвучало, как задушенный всхлип.

Опустившись на колени, Кара обхватила Кэлен за плечи.

— В чем дело?

Кэлен судорожно ловила воздух ртом.

— Что стряслось? Чем я могу помочь? Тебе больно? Ты заболела?

— Ох, Кара... Он был с Никки.

Кара немного отодвинулась, посмотрела с сочувствием.

— О чем ты говоришь? Кто был...

Она осеклась, сообразив, о чем идет речь.

Кэлен стала вырываться из рук Кары.

— Как он мог...

— Она наверняка вынудила его, — твердо отрезала Кара. — И он должен был подчиниться, чтобы сохранить тебе жизнь. Должно быть, она пригрозила ему.

Кэлен покачала головой.

— Нет, нет! Уж слишком он этим наслаждался. Он был как зверь. Меня он никогда так не брал. Никогда он не действовал... Ох, Кара, он запал на нее! Не мог больше устоять. Он...

Кара встряхнула Кэлен:

— Проснись! Да открой ты глаза! Мать-Исповедница, проснитесь! Ты спишь наполовину. Еще толком не проснулась.

Кэлен, моргнув, огляделась. Она все еще никак не могла отдышаться, но плакать перестала.

Кара права. Это действительно произошло, сомнений нет, но когда она спала, и во сне застало ее врасплох. И она неадекватно отреагировала.

— Ты права... — невнятно проговорила Кэлен, она охрипла от рыданий. Нос от слез так распух, что она могла дышать только ртом.

— Ну а теперь, — спокойно проговорила Кара, — расскажи, что стряслось.

Почувствовав, как заполыхало лицо, Кэлен пожалела, что горит свеча. Да как она может кому-либо рассказать? Жаль, что Кара услышала и примчалась.

— Ну, через узы, — Кэлен сглотнула, — я почувствовала, что... что... Ну, что Ричард занимается любовью с Никки.

Кара скептически поморщилась.

— Ощущения были такими же, как... то есть я хочу сказать, ты уверена? Точно уверена, что это был он?

Кэлен почувствовала, что краснеет еще больше.

— Ну, пожалуй, не совсем. Не знаю. — Она натянула покрывало на грудь. — Я чувствовала... его зубы на мне. Он кусал...

Кара, почесав в затылке, отвела взгляд, не зная, как сформулировать вопрос. Кэлен избавила ее от мучений.

— Ричард никогда со мной так не обращался.

— О! Ну, значит, это был не Ричард.

— То есть как не Ричард? Это наверняка должен быть Ричард.

— С чего вдруг? Ричард что, захотел бы заниматься с Никки любовью?

— Кара... Она могла вынудить его. Угрозами.

— Как по-твоему, Никки — порядочный человек?

— Никки? — Нахмурилась Кэлен. — Ты что, рехнулась?

— Вот мы и приехали. Почему это обязательно должен быть Ричард? Никки могла запросто отыскать какого-нибудь мужич-

ка. Симпатичного селянина. Вполне возможно, что именно так они и было.

— Правда? Ты так считаешь?

— Ты же сама сказала, что это было непохоже на Ричарда. То есть ты еще толком не проснулась... и была в шоке. Ты сказала, он никогда...

Кэлен отвела взгляд.

— Да, пожалуй. — Она снова посмотрела в тусклом свете на морд-сит. — Извини, Кара. Спасибо, что побыла со мной. Мне бы не хотелось, чтобы на твоем месте оказался Зедд или кто-то еще. Спасибо.

— Думаю, лучше оставить это между нами, — улыбнулась Кара.

Кэлен благодарно кивнула.

— Если бы Зедд начал задавать мне подробные вопросы, я бы со стыда умерла.

Тут Кэлен сообразила, что Кара завернулась в покрывало, а под ним ничего нет. На груди виднелось темное пятнышко. И еще пятнышки — но посветлей. Кэлен не раз видела Кару обнаженной и что-то не припоминала этих. Вообще-то говоря, не считая шрамов, тело морд-сит было на зависть совершенным.

— Кара, что это? — нахмурившись, указала Кэлен.

Кара опустила глаза и поплотней запахнула покрывало.

— Это... э-э-э... просто синяк.

Любовный синяк. Оставленный мужскими губами.

— Бенджамин сейчас в твоей палатке?

Кара поднялась на ноги.

— Мать-Исповедница, вы еще толком не проснулись и видите сны. Засыпайте снова.

Кэлен улыбнулась, глядя вслед удалившейся Каре. Но улыбка исчезла, как только она снова улеглась. В спокойной тишине ее снова начали мучить сомнения.

Она обхватила груди ладонями. Соски болели и ныли. Чуть шевельнувшись, Кэлен поморщилась. Она только сейчас начала понимать, насколько сильно болит и где.

Она поверить не могла, что даже во сне часть этого... Она почувствовала, что снова покраснела. Ей вдруг стало чудовищно стыдно того, что она сделала.

Нет. Она ничего не сделала. Она просто чувствовала что-то через узы с Никки. Это не настоящее. На самом деле с ней ниче-

го не произошло. Это было с Никки. Но Кэлен получила те же повреждения.

Как уже было не раз, Кэлен по-прежнему чувствовала связь с Никки через узы. Почему-то эта женщина вызывала неоднозначные чувства. То, что произошло, оставило какие-то отголоски печали. Кэлен чувствовала, что Никки отчаянно хочет... чего-то.

Кэлен коснулась рукой между ног и вздрогнула от боли. Она поднесла пальцы к свету. Они блестели от крови. Крови было много.

Несмотря на жгучую боль от внутренних разрывов, неловкость и некоторый стыд, Кэлен испытала огромное облегчение.

Теперь она знала наверняка: Кара права. Это был не Ричард.

Глава 52

Энн рассматривала березовую рощу в тени больших скал, от которых это место и получило свое название. От белой с черными пятнами коры берез рябило в глазах — никак не разглядеть, что там творится. Пойти, заблудиться и попасть незваным не туда, куда нужно, было бы непоправимой фатальной ошибкой.

Она приходила сюда, к Целителям с Красных Скал, еще в далекой молодости. И дала себе обещание больше никогда сюда не возвращаться. И целителям она тоже это пообещала. Но с тех пор прошла почти тысяча лет, и Энн надеялась, что они об этом забыли.

Об этом месте знали немногие, и уж совсем мало кто сюда приходил. И не без причины.

Термин «целители» был несколько неподходящим и очень обманчивым определением для таких опасных существ — хотя и не совсем незаслуженным. Целители с Красных Скал не занимались излечением людей, их интересовало только хорошее состояние вещей, имевших для них какое-то значение. А важны для них были очень странные вещи. По правде говоря, после стольких лет Энн удивилась бы, обнаружив, что целители все еще существуют.

И как бы Энн ни нуждалась в их помощи, она почти надеялась, что целители уже больше не заселяют Красные Скалы.

— Посети-и-итель... — прошелестел бесплотный голос — где-то у скал за рощей.

Энн стояла неподвижно. На лбу выступил холодный пот. Она не могла разобрать среди пестроты деревьев, что там такое шевелится. Да ей и не надо было видеть. Она слышала голос. Других таких голосов больше нет. Поборов волнение, Энн постаралась говорить спокойно.

— Да, я посетитель. Рада узнать, что вы здесь.

— Осталось нас лишь несколько, — ответил голос, эхом отражаясь от скал. — Ши-имы забрали остальных.

Именно этого-то Энн и боялась... и на это рассчитывала.

— Пытались, — продолжил голос, перемещаясь среди деревьев. — Не смогли изгнать ши-имов.

Интересно, а могут они вообще еще лечить и сколько еще протянут?

— При-ишла она для лечения? — Поинтересовался голос из глубины скал с другой стороны.

— Пришла, чтобы вы глянули, — ответила Энн, давая понять, что у нее тоже есть условия. Не все будет по-ихнему.

— Ес-сть цена, ты знаешь.

— Да, знаю, — кивнула Энн.

Она уже испробовала все. И ничего не помогло. У нее не осталось выбора, во всяком случае, на ум больше ничего не приходило. Она уже не была уверена, имеет ли вообще для нее значение, что произойдет, и выйдет ли она вообще из Леса у Красных Скал.

Она даже уже не была уверена, сделала ли она вообще хоть что-то хорошее за всю свою жизнь.

— Ну? — спросила она темную тишину.

Что-то мелькнуло среди деревьев, метнувшись в тень под скалой, словно приглашая ее пойти следом, в глубь горы. Потирая все еще болевшие после ожога пальцы, Энн пошла по тропинке и вскоре оказалась перед просветом между деревьями. А дальше — зев пещеры в скале.

Из темного провала за ней следили глаза.

— Войдет она внутрь, — прошипел голос.

Энн, вздохнув, решительно сошла с тропинки и пошла в то достопамятное место, которое так и не смогла забыть, сколько бы ни старалась.

* * *

Волосы хлестали Кэлен по лицу. Пробираясь по лагерю, она зажала свою гриву в кулак. Над горами в восточной части долины бушевали грозы. Там сверкали молнии, грохотал гром и лили бесконечные дожди. Порывистый ветер качал деревья, жалобно скрипевшие под натиском стихии.

Обычно в лагере было довольно тихо — чтобы не выдавать своего местонахождения противнику. А сейчас в лагере был такой гвалт, что в ушах звенело. Кэлен встревожил даже не этот необычный шум. В лагере вообще творилось нечто странное.

Кэлен пробиралась сквозь беспорядочную суету лагеря, облаченная в алую кожу Кара отшвыривала солдат с пути Матери-Исповедницы. Кэлен даже не пыталась остановить морд-сит. По крайней мере вреда она никому не причиняла. Солдаты, завидев Кэлен в кожаных доспехах, с д'харианским мечом у бедра и торчащей над плечом рукояткой Меча Истины, убирались с ее пути и без помощи Кары.

Поблизости впрягали в фургон лошадей. Солдаты кричали и ругались. Лошади протестующе ржали. По лагерю носились солдаты, спеша доставить послания. Народ торопливо отскакивал в сторону, чтобы убраться с пути несущихся фургонов — из-под колес в разные стороны летела грязь. Длинная колонна копейщиков, по пять в ряд, уже была на марше, уходя в грозную тьму. За ними отправлялись лучники.

Дорожка к избушке была выложена камнями, чтобы не приходилось шлепать по грязи, но когда хуже грязи были тучи комаров, приходилось бегом бежать, чтобы они вконец не зажрали. Дождь хлынул, едва Кэлен с Карой перешагнули порог избушки. В избушке находились Зедд, Эди, генерал Мейфферт с несколькими офицерами и Верна с Уорреном. Все толпились вокруг стола, на котором лежало штук шесть карт.

Обстановка в комнате была напряженной.

— Когда? — спросила Кэлен, даже не поздоровавшись.

— Только что, — ответил генерал Мейфферт. — Они свертывают лагерь. Но к атаке не готовятся — просто строятся в маршевые колонны, чтобы двигаться дальше.

— Кто-нибудь имеет представление, в какую сторону? — потерла бровь Кэлен.

Генерал переступил с ноги на ногу, выдавая свое раздражение.

— Разведчики сообщают, что, судя по всему, на север. Подробностей пока нет.

— Они не идут на нас?

— Ну, сменить направление они могут в любой момент или просто отправить сюда армию, но на данный момент, похоже, мы их не интересуем.

— Джеганю нет необходимости идти на нас, — заметил Уоррен. Кэлен он показался несколько бледным. Ничего удивительного. Надо полагать, все они сейчас имеют бледный вид. — Джегань отлично знает, что мы сами за ним потащимся. Так что даже не почешется, чтобы двинуться сюда на нас.

Кэлен не могла оспорить его логику.

— Раз он движется на север, то наверняка понимает, что мы не останемся здесь.

Император сменил тактику. Опять. Кэлен никогда не видела военачальника, подобного ему. У большинства военных есть излюбленные ходы. Выиграв одно сражение с помощью определенной тактики, они потом потерпят десятки поражений, придерживаясь той же тактики, полагая, что коли один раз получилось, то будет получаться и дальше. У некоторых просто не хватало мозгов. Этих было вообще легко просчитать. Их тактика была простой, как дважды два. Они попросту швыряли людей в атаку, как пушечное мясо, надеясь задавить противника числом. Другие были поумней, изобретая по ходу дела новые тактические ходы. Но эти, как правило, были слишком высокого о себе мнения и заканчивали жизнь на острие копья. Другие рабски следовали учебникам по тактике, считая войну некоей разновидностью игры, в которой каждая сторона обязана придерживаться определенных правил.

Джегань же был совсем другим. Он учился понимать противника. У него не было излюбленных ходов. После того как Кэлен нанесла ему урон быстрыми набегами на самый центр его лагеря, он перенял эту тактику и, вместо того чтобы обрушить на д'харианцев всю свою орду, ответил таким же набегом, и весьма успешно. Некоторых можно заставить раз за разом делать глупые ошибки. Джегань никогда не совершал одной и той же ошибки дважды. Он крепко держал в узде свою гордыню и снова менял тактику, не снисходя до того, чтобы доставить Кэлен удовольствие, кинувшись в контратаку.

Д'харианцам все еще удавалось трепать его. Им удалось уничтожить беспрецедентное количество имперцев. Имперский

Орден — с далекого юга, а значит, непривычен и плохо подготовлен к суровым зимним условиям Нового мира. Более полумиллиона человек попросту замерзли. Еще несколько сотен тысяч умерли от лихорадки и болезней, вызванных тяжелыми полевыми условиями.

Одна лишь зима обошлась Джеганю почти в три четверти миллиона человек. Это было уму непостижимо.

У Кэлен на южных подступах к Срединным Землям было под командованием около трехсот тысяч. В обычных условиях такая армия могла сокрушить любого врага.

Непрерывно поступавшие из Древнего мира новобранцы не только восполнили потери, но и увеличили численность орды. Теперь численность армии Джеганя превышала два с половиной миллиона. И день ото дня увеличивалась.

Джегань всю зиму спокойно просидел на месте. В таких погодных условиях сражаться было просто невозможно. И он мудро пережидал холода. И когда весна пришла — он продолжал сидеть. Похоже, Джегань достаточно умен, чтобы понимать — ведение военных действий по весенней распутице смерти подобно. Можно потерять все фургоны с провиантом, если они засядут в грязи. Реки непреодолимы из-за паводка. А потеря фургонов — эта медленная смерть от голода. Кавалерия на раскисшей почве бесполезна. Пехота, конечно, могла пойти в атаку, но без поддержки это скорее всего закончилось бы бессмысленной бойней, причем без особого выигрыша.

Джегань всю весеннюю распутицу пересидел на месте. Его миньоны не без пользы провели это время, распространяя слухи о Джегане Справедливом. Кэлен пришла в ярость, получив рапорт, через несколько недель после события о «мирных посланцах», появившихся в разных городах Срединных Земель с речами о том, что Орден объединяет весь мир во благо всего человечества. Они обещали мир и процветание, если города впустят Орден.

Теперь, когда наконец пришло лето, Джегань возобновил свою кампанию. Он планировал со своей ордой нанести визит в те города, в которых побывали его посланцы.

Дверь резко распахнулась. Это была Рикка. Морд-сит выглядела так, словно не спала несколько суток.

Кара подошла к ней — на тот случай, если понадобится помощь, — но напрямую помощи не предложила. Морд-сит терпеть не могли принимать помощь на глазах у посторонних.

Подойдя к столу, Рикка выложила два эйджила.

Кэлен на мгновение прикрыла глаза, затем посмотрела в горящие голубые глаза Рикки.

— Что случилось?

— Не знаю, Мать-Исповедница. Я нашла их головы, нанизанные на колья. Их эйджилы были привязаны внизу.

Кэлен сдержала гнев.

— Ну, Рикка, теперь ты довольна?

— Галина и Сольвейг умерли так, как любая морд-сит хотела бы умереть.

— Галина и Сольвейг умерли напрасно, Рикка. Уже после первой четверки мы знали, что это не сработает. Со сноходцем в мозгу маги неуязвимы для морд-сит.

— Это могло быть и что-то другое. Если бы мы могли заловить магов так, как их могут захватить морд-сит, то получили бы ценных пленников. Ради этого стоило рискнуть. Их маги могут одним мановением руки смести тысячи солдат.

— Мне понятно твое желание, Рикка. Однако одно только желание не делает это возможным. И у нас есть шесть мертвых морд-сит, подтверждающих реальное положение вещей. Нельзя разбрасываться жизнями лишь потому, что отказываешься принимать истину.

— И все же считаю...

— Нам тут предстоит решать важные вещи. У меня нет времени на твои домыслы. Я — Мать-Исповедница и жена магистра Рала. Ты будешь делать то, что я приказываю, или уедешь отсюда. Ясно?

Рикка бросила взгляд на Кару. Но лицо Кары было совершенно бесстрастным. Рикка снова посмотрела на Кэлен:

— Я хочу остаться с вашим войском и выполнять мой долг.

— Отлично. А теперь пойди поешь, пока у тебя есть такая возможность. Ты нам нужна сильной.

Для морд-сит едва заметный кивок Рикки был равносилен воинскому салюту. Когда Рикка ушла, Кэлен, отмахнувшись от комаров, снова устремила взгляд на карту.

— Итак, — проговорила она, отодвигая эйджилы, — у кого какие предложения?

— По-моему, нужно наступать им на пятки, — высказался Зедд. — Совершенно очевидно, что мы не можем кидаться в лобовую атаку. Нам ничего другого не остается — только продолжать биться с ними так, как мы это делали прежде.

— Согласна, — кивнула Верна.

Генерал Мейфферт потер подбородок, глядя на развернутую на столе карту.

— О чем следует не забывать так это об их численности.

— Ну конечно, нам нужно думать о численности Имперского Ордена, — ответила Кэлен. — У них более чем достаточно людей, для того чтобы разделиться, и все равно — их останется слишком много. Об этом-то я и толкую. Что мы будем делать, если он разделит войско? На его месте я бы так и сделала. Он знает, насколько это осложнит нам жизнь.

Раздался настойчивый стук. Уоррен не открыл дверь.

Вошел капитан Циммер, он приветствовал собравшихся, прижав кулак к сердцу. В открытую дверь ворвался теплый воздух, пахнущий лошадью. Уоррен вернулся к свои размышлениям у окна.

— Он разделил силы, — сообщил капитан Циммер, словно их опасения породили реальность.

— Направление уже ясно? — Спросила Кэлен.

Капитан Циммер кивнул.

— Примерно треть, может, чуть больше, идет вверх по долине Каллисидрина на Галею. Основные силы движутся на юго-восток, скорее всего чтобы войти в долину Керна и двинуться по ней на север.

Никто не хотел начинать разговор, поэтому Кэлен решила покончить с этим вопросом.

— До Галеи нам дела нет. Ей на помощь мы войска посылать не будем.

Капитан Циммер указал на карту.

— Нам нужно встать на пути основных сил, чтобы замедлить продвижение. Если мы останемся у них в тылу, то нам останется лишь зачищать оставленный после них бедлам.

— Вынужден согласиться, — вступил в разговор генерал. — У нас нет иного выбора, кроме как попытаться затормозить их. Нам придется удерживать рубежи, но мы хотя бы сможем замедлить их. А иначе они ворвутся в сердце Срединных Земель, сметая все на своем пути.

Зедд наблюдал за Уорреном, который так и стоял в одиночестве у окна.

— Уоррен, а ты что думаешь?

Услышав свое имя, Уоррен обернулся — вид у него был такой, словно мыслями он где-то далеко отсюда. Что-то с ним не

так. Он вздохнул, выпрямился, лицо его просветлело — и Кэлен решила, что, видимо, ей показалось. Заложив руки за спину, Уоррен подошел к столу.

Он взглянул на карту через плечо Верны.

— Забудьте о Галее, это гиблое дело. Мы не можем им помочь. Они понесут наказание, наложенное на них Матерью-Исповедницей. Не потому, что она так сказала, а потому, что это правда. Любое войско, что мы туда пошлем, будет обречено.

Зедд искоса посмотрел на коллегу-волшебника.

— Что еще?

Уоррен наконец подошел поближе к карте, протиснувшись между Верной и генералом. Он властно ткнул пальцем в точку на карте, далеко к северу, примерно в трех четвертях пути от их лагеря до Эйдиндрила.

— Вам нужно отправляться туда.

— Так далеко? — нахмурился генерал Мейфферт. — Почему?

— Потому что, — ответил Уоррен, — вы не можете остановить армию Джеганя. Его основные силы. Вы можете лишь надеяться замедлить его продвижение вверх на север, к долине Керна. И там вы должны встать, если хотите задержать его до следующей зимы. Как только они пройдут через вас, они захватят Эйдиндрил.

— Пройдут через нас? — сварливо переспросил генерал Мейфферт.

— А вы что, всерьез рассчитываете остановить их? — поглядел на него Уоррен. — Меня не удивит, если к тому времени их численность достигнет трех с половиной миллионов.

Генерал сердито вздохнул.

— Тогда почему вы считаете, что нам нужно находиться в этой точке? Прямо у них на пути?

— Остановить вы их не сможете, но если достаточно хорошо пощиплете, то не дадите им захватить в этом году Эйдиндрил. Тут их уже начнет поджимать время. Оказав им некоторое сопротивление в этой точке, вы сможете запечатать их на зиму, купив Эйдиндрилу еще один сезон свободы. — Уоррен поглядел Кэлен прямо в глаза. — Следующим летом, через год, Эйдиндрил падет. Подготовь город к этому, как только сможешь, но помни твердо: город падет непременно.

У Кэлен кровь застыла в жилах. То, что он сказал это вслух, ее больно ударило. Захотелось отвесить ему оплеуху.

Осознание того, что Имперский Орден предпринимает наступление прямо в самое сердце Срединных Земель, ужасало. А принять как данность, что Имперский Орден захватит сердце Нового мира, было немыслимо. Кэлен представила Джеганя и его кровожадных головорезов в стенах дворца Исповедниц, и ей едва не стало дурно.

Уоррен посмотрел на Зедда.

— Замок Волшебника необходимо защитить. Ты это знаешь не хуже меня. Будет конец всему, если их маги доберутся до замка и всего того, что в нем хранится. Думаю, пришло время думать в первую очередь именно об этом. Удержать замок жизненно важно.

Зедд пригладил непослушные волосы.

— Если придется, я удержу замок и в одиночку.

Уоррен отвел от него взгляд.

— Возможно, тебе и придется, — спокойно проговорил он. — Когда мы доберемся до этого места, — он хлопнул по карте, — тебе больше нечего будет делать в армии, Зедд, ты должен отправляться охранять замок Волшебника и все его содержимое.

Кэлен почувствовала, как кровь бросилась в лицо.

— Ты говоришь об этом так, словно все уже решено и подписано! Словно так предначертано судьбой, и мы ничего не можем с этим поделать. Мы не сможем победить с такими пораженческими настроениями!

Уоррен улыбнулся. Вдруг проявилась свойственная ему застенчивость.

— Мне очень жаль, Мать-Исповедница. Я вовсе не хотел, чтобы у вас сложилось такое впечатление. Я просто дал свой анализ сложившейся ситуации. Мы не сможем остановить их, и бесполезно заниматься самообманом. Их армия растет день ото дня. И мы также должны учитывать, что найдутся страны, которые — как Андерит и Галея — боятся Ордена и предпочтут лучше присоединиться к нему, чем подвергнуться той судьбе, которую Орден уготовил тем, кто отказывается сдаться.

Я жил в Древнем мире. Я изучил методы Джеганя. И мне известно его терпение. Он методично захватывал весь Древний мир, когда о таком никто и помыслить не мог. Он годами строил дороги лишь для того, чтобы осуществить свои планы. Он никогда не сворачивает с пути. Иногда его можно разозлить и заста-

вить поступить опрометчиво, но он быстро приходит в чувство.

Он быстро приходит в чувство, потому что у него есть высшая цель.

Вы должны понимать одну очень важную вещь насчет Джеганя. И это самое важное, что я могу вам сказать о нем: он верит всем сердцем в правильность своих деяний. Конечно, он наслаждается славой и победами, но самое глубокое удовольствие он испытывает от того, что именно он несет то, что он считает — причем искренне — справедливостью тем, кого считает нечестивцами. Он искренне верит, что человечество может расти, с этической точки зрения, только если оно будет следовать нравственным нормам Ордена.

— Бред какой-то, — сказала Кэлен.

— Вы можете так считать, но он искренне верит, что служит всеобщему благу. Он очень искренне в это верит. Это святая истина для него и его присных.

— Он верит, что убийство, изнасилование и порабощение есть справедливость? — спросил генерал Мейфферт. — Да он, должно быть, из ума выжил!

— Он был воспитан жрецами Братства Ордена, — поднял палец Уоррен, подчеркивая значимость своих слов. — И верит, что все это, и даже больше, оправдано. Он верит, что только загробный мир имеет значение, потому что там мы все будем в вечном Свете Создателя. Орден верит, что человек может заслужить эту награду в мире ином, только если будет жертвовать собой ради других в этом мире. А все те, кто отказывается это принимать — а это мы с вами, — должны быть либо силой принуждены следовать путями Ордена, либо уничтожены.

— Значит, сокрушить нас — его священный долг, — сказал генерал Мейфферт. — Он жаждет не наживы, а воплощения своих странных взглядов на спасение человечества.

— Точно.

— Ладно, — вздохнула Кэлен. — Ну, так что же, по твоему, этот святой поборник справедливости станет делать?

— В принципе, у него есть два пути, как мне кажется. Если он должен завоевать Новый мир и привести все человечество под власть Ордена, он должен захватить два основных места: Эйдиндрил, потому что там средоточие власти Срединных Земель, и Народный Дворец Д'Хары, потому что оттуда правят народом Д'Хары. Если эти два места падут, то посыплется и все

остальное. Он сможет захватывать все, что осталось. Так что сейчас императору Джеганю нужно выбрать, что захватить первым.

Имперский Орден идет на Эйдиндрил, чтобы расколоть Срединные Земли. Зачем еще им идти на север? А захватив Эйдиндрил, они развернутся в сторону отдельно стоящей Д'Хары. Что может больше деморализовать противника, чем захват столицы?

Я не утверждаю, что это предрешено, я лишь объясняю вам, как действует Орден. Это то самое, до чего Ричард уже додумался сам. Учитывая, что на самом деле мы не в состоянии остановить их, думаю, что это только мудро — принимать реальность такой, какая она есть. Согласны?

Взгляд Кэлен обратился к карте.

— Я верю, что в самые черные времена мы должны верить в себя. Я не намерена сдавать Д'Харианскую империю Имперскому Ордену. Мы должны стараться вести военные действия как можно лучше, пока нам не удастся переломить ситуацию.

— Мать-Исповедница права, — со спокойной властностью проговорил Зедд. — В ту войну, что была в моей молодости, тоже бывали времена, когда все казалось безнадежным. Но мы все же победили и отшвырнули захватчика туда, откуда он пришел.

Д'харианские офицеры дружно промолчали. Тем захватчиком была Д'Хара.

— Но теперь все иначе. То была война, которую затеял злокозненный вождь. — Зедд поглядел в глаза генералу Мейфферту, затем капитану Циммеру, а потом всем остальным офицерам. — Во время войны на каждой стороне есть и хорошие, и плохие люди. Ричард, как новый магистр Рал, дал этим хорошим людям шанс.

И в этой войне мы должны победить. Как бы ни было трудно в это поверить, но в Древнем мире есть хорошие люди, которым тоже не хочется жить под сапогом Ордена или воевать за идеалы Ордена. Тем не менее мы должны остановить их.

— Итак, — указала Кэлен на карту, — как, по-вашему, поведет войну Джегань?

Уоррен снова постучал по карте к югу от Эйдиндрила.

— Зная Джеганя и то, как он обычно расправляется с противником, думаю, он будет придерживаться генерального плана. У него есть цель, и он будет упрямо продвигаться к этой цели. Мы не совершали ничего такого, с чем бы ему уже не приходилось сталкиваться ранее. Учитывая его огромный опыт, сомне-

ваюсь, что эту войну он считает какой-то особенной. Я вовсе не умаляю наших усилий — всякая война преподносит свои сюрпризы, и мы преподнесли ему несколько весьма неприятных. Однако я веду к тому, что в основном эта война идет так, как он ожидал.

У них уйдет все лето, чтобы добраться до того места, которое я вам указал, — учитывая его обычную скорость продвижения и то, что вы все же его тормозите. Джегань, как правило, всегда продвигается медленно, но неотвратимо. Он просто кинет в бой столько людей, сколько понадобится, чтобы сокрушить противника. Он понимает, что если не торопить события, то противник будет только дольше трястись от страха. А когда Джегань наконец заявится со своей ордой, противник зачастую уже готов будет сдаться, так как устал бояться неизбежного.

Если вы поставите вашу армию там, где я вам указал, то сможете защитить Эйдиндрил на всю следующую зиму, а Джегань будет терпеливо ждать. Он уже усвоил, какие суровые зимы в Новом мире, и не станет вести зимнюю кампанию. Но летом, когда они двинутся вперед, Эйдиндрил падет. Независимо от того, будете вы стоять на пути основных сил или нет. А когда они войдут в Эйдиндрил, мы должны во что бы то ни стало удержать Замок Волшебника. Это все, что мы можем сделать.

В комнате воцарилось молчание. Огонь в камине не горел. Верна и Уоррен уже уложили вещи и были готовы тронуться в путь, как и большая часть армии. Уоррен и Верна теряли свой дом. Кэлен покосилась на занавески, которые давным-давно сшила для них. Свадьба казалась смутным воспоминанием.

А ее собственная свадьба и вовсе сном. Когда она просыпалась, Ричард казался ей призраком. Отупляющая, бесконечная напряженная война была единственной реальностью. Иногда ей даже казалось, что она вообще его выдумала, что на самом деле его никогда и не существовало вовсе, и того счастливого лета в горах никогда не было. И эти сомнения ужасали куда больше, что вся орда Джеганя.

— Уоррен, — мягко спросила Кэлен, — а что дальше? Что произойдет следующим лето, когда они захватят Эйдиндрил?

Уоррен пожал плечами:

— Понятия не имею. Может, Джегань на некоторое время удовлетворится перевариванием Эйдиндрила, устанавливая

контроль на Срединными Землями. Он верит, что его долг перед Создателем — привести все человечество под власть Ордена. Но рано или поздно он двинется на Д'Хару.

Кэлен подумала и обратилась к капитану Циммеру:

— Капитан, поднимайте своих людей. Пока мы собираемся, можете напомнить Джеганю, что наши мечи еще остры.

Капитан, ухмыльнувшись, прижал кулак к сердцу.

Кэлен оглядела всех присутствующих.

— Я намерена заставить Орден оплачивать кровью каждую пядь. Если это все, что я могу, то я буду это делать до последнего дыхания.

Глава 53

Нестерпимо воняло нечистотами. Ричард стер пот со лба. Наконец-то впервые за весь долгий путь на перегруженном фургоне его начал чуть-чуть обдувать легкий ветерок.

Отвлекшись от мыслей о том, что Кэлен с Карой уже давно покинули безопасное убежище в горах, он заметил непривычное для столь позднего часа движение на улицах. То и дело сновали темные фигуры и ныряли в темные дома. Свет из открывающихся дверей на миг освещал проезжую часть. Луны не было, и Ричарду показалось, что из еще более темных переулков за ним кто-то наблюдает, дожидаясь, когда он проедет дальше. За грохотом колес фургона он не слышал, говорят они что-то или нет.

Свернув на ту улицу, которая вела к углежогу, Ричард вынужден был остановиться: какие-то люди с длинными копьями перекрыли ему дорогу. Один из них схватил лошадей под уздцы. Другие окружили фургон, направив на Ричарда копья. Это были гвардейцы.

— Что ты тут делаешь? — спросил ближайший гвардеец.

Ричард спокойно ответил.

— Я меня есть специальный пропуск для поездок по ночам. Это для императорского дворца.

Обычно слов «императорский дворец» было достаточно, и его всегда пропускали.

Гвардеец погрозил пальцем.

— Коли у тебя есть пропуск, то покажи.

Похоже, нынче ночью гвардейцы решили проявить рвение. Ричард вынул свернутую бумагу из кожаного мешочка, который носил под рубашкой, и протянул гвардейцу. С металлическим скрипом солдат открыл заслонку лампы и посветил на бумагу. Еще несколько голов склонилось над пропуском, читая содержание и изучая печати. Все было подлинным. Ну еще бы — этот пропуск обошелся Ричарду в небольшое состояние.

— Можешь ехать. — Гвардеец протянул Ричарду пропуск. — Ничего необычного в городе по дороге не видел?

— Необычного? Что вы имеете в виду?

Гвардеец хмыкнул.

— Если бы видел, то не спрашивал. — Он махнул рукой. — Двигай.

Ричард даже не шелохнулся.

— В городе неспокойно? — Он стал озираться, изображая испуг. — Появились разбойники? Мне грозит опасность? Если опасно, то я поверну обратно.

Гвардеец издевательски заржал.

— Да нечего тебе бояться! Просто некоторые несознательные граждане устроили небольшой тарарам, потому что им больше нечем заняться.

— И только? Вы уверены?

— Тебя ждет работа для дворца. Вот и выполняй ее.

— Да, сударь. — Ричард дернул поводья. Тяжелый фургон тронулся дальше.

Он не знал, что происходит, но сильно подозревал, что гвардейцы заняты отловом очередных мятежников для допроса. Скорее всего им очень хочется побыстрей вернуться к себе на квартиры, так что всякий, кто попадется к ним в лапы, скорее всего будет объявлен мятежником со всеми вытекающими последствиями. Несколько дней назад арестовали одного из работников Ицхака. Он перебрал домашней наливки и слишком рано ушел с собрания. Домой он так и не пришел. Несколько дней спустя до Ицхака дошли сведения, что тот человек сознался в преступлениях против Ордена. Его жену и дочь тоже арестовали. Жену, сознавшуюся в том, что она скверно отзывалась об Ордене и плохо думала о своих соседях, выпоров, отпусти-

ли. Дочь пока еще не выпустили. Никто даже не знал, где ее содержат.

Ричард потихоньку добрался до окраины, дальше простирались поля. Он вдохнул полной грудью аромат свежевспаханной земли. Огни редких ферм мерцали как одинокие звезды. В лунном свете Ричард разглядел очертания леса. Когда он въехал на территорию углежога — углежог, нервный малый по имени Фаваль, быстро подскочил к фургону.

— Ричард Сайфер! Вот и ты! Я уже начал беспокоиться, думал ты не приедешь.

— Почему?

Углежог тоненько засмеялся. Фаваль часто смеялся совершенно несмешным вещам. Ричард понимал, что просто он такой. Фаваль был нервный мужичок, и своим смехом не хотел никого обидеть, он просто-напросто ничего не мог с собой поделать. Однако многие избегали его из-за этого странного смеха, опасаясь, что он сумасшедший — поскольку это наказание, как они считали, которым Создатель карает грешников. Другие злились на него, потому что думали, что он смеется над ними. От этого Фаваль лишь еще больше нервничал и соответственно еще больше смеялся. У него не хватало передних зубов и нос был кривой, поскольку не раз бывал сломан. Ричард понимал, что углежог действительно ничего не может с собой поделать, поэтому никогда на него не обижался. В конечном итоге Фаваль полюбил его.

— Не знаю. Я просто подумал, что ты можешь не приехать.

Фаваль беспомощно заморгал. Ричард был несколько озадачен.

— Фаваль, я же сказал, что приеду. С чего ты вдруг решил, что меня не будет?

Фаваль потеребил ухо.

— Да так.

Ричард слез с фургона.

— Меня остановили городские гвардейцы...

— Нет! — Хохоток Фаваля разорвал тишину. — Чего они хотели? Они о чем-нибудь тебя спрашивали?

— Спросили, не видел ли я чего необычного.

— А ты не видел. — Он хихикнул. — И они тебя отпустили. Ты ничего не видел.

— Ну, вообще-то видел я того парня с двумя головами.

В тишине стрекотали сверчки. Фаваль моргал, раскрыв рот от изумления.

— Ты видел человека с двумя головами?

На сей раз расхохотался Ричард.

— Да нет, Фаваль, не видел. Я просто пошутил.

— Да? Ну, так это не смешно.

Ричард вздохнул.

— Наверное. Ты подготовил уголь? Мне еще предстоит долгая ночь. Виктор ждет металл, а Приска — уголь, иначе, по его словам, ему придется закрывать лавочку. Он сказал, что ты не выполнил его последний заказ.

Фаваль захихикал.

— Я не мог! Я хотел, Ричард Сайфер. Мне нужны деньги. Я задолжал дровосекам за деревья, их которых сделал уголь. Они сказали, что перестанут поставлять мне лес, если я с ними не расплачусь.

Фаваль жил на краю леса, поэтому сырья у него под рукой было навалом, но ему было запрещено рубить лес. Все ресурсы принадлежали Ордену. Деревья рубили только тогда, когда имеющие разрешение на вырубку дровосеки нуждались в работе, а не тогда, когда кому-то требовалась древесина. Так что большая часть древесины валялась на земле и гнила. Всякий, пойманный за незаконным сбором древесины, подлежал аресту за кражу у Ордена.

Фаваль умоляюще поднял руки:

— Я пытался доставить Приске уголь, но комитет отказал мне в разрешении. Они сказали, что я не нуждаюсь в деньгах. Не нуждаюсь в деньгах! Можешь себе представить? — Он болезненно рассмеялся. — Они сказали, что я богач, потому что у меня есть свое дело, и мне придется подождать, пока они позаботятся о нуждах простых людей. Я лишь стараюсь выжить.

— Знаю, Фаваль. Я сказал Приске, что это не твоя вина. Он все понимает. У него самого такие же проблемы. Он просто в отчаянии, потому что ему до зарезу нужен уголь. Ты ведь знаешь Приску. Он вечно рычит на тех, кто совершенно не виноват в его трудностях. Я сказал ему, что привезу партию угля сегодня ночью и еще две завтрашней ночью. Могу я рассчитывать завтра на две партии угля?

Ричард протянул серебряную монетку за уголь.

Фаваль молитвенно сложил руки.

— О, благодарю тебя, Ричард Сайфер! Ты мой спаситель! Эти дровосеки просто гнусные типы. Да, да, и еще две завтра. Я уже сейчас их делаю. Ты мне все равно что сын, Ричард Сайфер. —

Хихикнув, он мотнул головой куда-то во тьму. — Вон он, делается. Ты его получишь.

Ричард видел десятки и десятки холмиков, похожих на маленькие скирды. Это и были земляные печи. Из небольших деревянных полешек, вбитых в землю впритык друг к другу, делался круг. В центр клался трут, затем все это сверху засыпалось прелыми листьями и ракитником, а сверху это сооружение присыпалось плотно утрамбованной землей. Затем разжигался огонь и дырку закрывали. Дней шесть — восемь из небольших отдушин уходила влага и дым, а когда дым больше не шел, отдушины закрывали, чтобы загасить огонь. Затем, когда все остывало, земляные печи можно было вскрывать и доставать уголь. Так что работа углежога было довольно трудоемкой, но несложной.

— Давай помогу загрузить фургон, — предложил Фаваль.

Ричард схватил уже направившегося за углем Фаваля за рубашку.

— Что происходит, Фаваль?

Фаваль, засмеявшись, прижал палец к губам, словно ему было больно смеяться. Поколебавшись, он все же шепотом ответил:

— Восстание. Оно началось.

Ричард так и думал.

— Что тебе об этом известно, Фаваль?

— Ничего! Я ничего не знаю!

— Фаваль, это ведь я, Ричард. Я не выдам тебя.

Фаваль засмеялся.

— Конечно, нет. Конечно, нет. Прости меня, Ричард Сайфер. Я так нервничаю, что не подумал.

— Так что там с этим восстанием?

Фаваль беспомощно развел руками.

— Орден, он душит народ. Жить невозможно. Если бы не ты, Ричард Сайфер... ну, не хочу об этом думать. Но другие, они не такие везучие. Они голодают. Орден отнимает все, что они выращивают. У людей арестовывают близких. А те сознаются в том, чего не делали.

Тебе об этом известно, Ричард Сайфер? Что они сознаются в том, чего не делали? Я сам никогда этому не верил. Я думал: раз сознаются, значит, виноваты. Зачем сознаваться, если невиновен? — Он хихикнул. — Зачем? Я думал, что они скверные люди, желающие причинить вред Ордену. Я думал, что так им и надо, и радовался, что их арестовали и наказали.

— Так что же заставило тебя изменить точку зрения?

— Мой брат. — Хихиканье Фаваля вдруг превратилось во всхлипывание. — Он помогал мне жечь уголь. Мы вместе его делали. Мы содержали таким образом наши семьи, делая уголь. Вкалывали от рассвета да заката. И спали в одном доме, вот там. Вон он стоит. В одной комнате. Мы все время были вместе.

В прошлом году, на собрании, где мы все должны были вставать и рассказывать, как Орден делает нашу жизнь лучше, когда мы уже уходили с собрания, его арестовали. Кто-то назвал его имя как возможного мятежника. Я тогда не встревожился. Мой брат не был ни в чем виноват. Он жег уголь.

Ричард ждал продолжения. По спине его струился пот. Фаваль некоторое время молча смотрел в никуда.

— Я целую неделю каждый день ходил к казармам и говорил им, что брат ничего не сделал против Ордена, что мы с ним любим Орден, что Орден хочет, чтобы все люди были сыты и одеты.

Гвардейцы сказали, что мой брат в конце концов сознался. В государственной измене, как они это назвали, — он замешан в заговоре, цель которого — свержение Ордена. Они сказали, что он в этом сознался.

Я был так зол, что собирался пойти на следующий день к чиновникам в казармах и сказать им, что они жестокие твари. Моя жена кричала и плакала, умоляла меня не ходить туда, боясь, что и меня тоже арестуют. Ради нее и детей я не пошел. К тому же все равно толку бы не было. Они получили от моего брата признание. А раз ты сознался, значит, ты виновен. Это всем известно.

Они казнили моего брата. Его жена с детьми по-прежнему живет с нами. Мы едва... — Хихикнув, Фаваль закусил костяшки пальцев.

Ричард положил руку ему на плечо.

— Я все понимаю, Фаваль. Ты ничего не мог поделать.

Фаваль вытер глаза.

— А теперь я виновен в инакомыслии. А это ведь преступление, знаешь. И я виновен в этом. Я думаю о том, какой могла бы быть жизнь без Ордена. Я мечтаю обзавестись собственной телегой — всего лишь телегой, — чтобы мои сыновья и племянники могли поставлять покупателям тот уголь, что мы делаем. Разве это был бы не чудесно, Ричард Сайфер? Я мог бы купить... — Он замолчал.

Затем растерянно поднял взгляд.

— Но Орден говорит, что такие мысли — преступление, потому что я ставлю мои желания выше нужд других. Но почему их нужды важней моих? Почему?

Я пошел попросить разрешение купить телегу. А мне сказали, что я не могу ее иметь, потому что это оставит без работы возчиков. Они заявили, что я алчный, потому что хочу оставить людей без работы. И обозвали эгоистом за такие мысли.

— Это неправильно, — со спокойно уверенностью сказал Ричард. — Твои мысли вовсе не преступны и не злокозненны. Это твоя жизнь, Фаваль. Ты должен иметь возможность прожить ее так, как тебе нравится. Ты должен иметь возможность купить телегу и работать, и улучшить условия жизни — для себя и для своей семьи.

Фаваль рассмеялся.

— Ты говоришь как революционер, Ричард Сайфер!

Ричард вздохнул, думая, насколько все это бесполезно.

— Нет, Фаваль.

Фаваль некоторое время пристально изучал его.

— Оно уже началось, Ричард Сайфер. Восстание. Оно началось.

— Мне нужно доставить уголь. — Ричард пошел к фургону и загрузил в него корзину.

Фаваль помог загрузить следующую.

— Тебе следовало бы присоединиться к ним, Ричард Сайфер. Ты — умный парень. Им бы пригодилась твоя помощь.

— Зачем? — Ричард подумал, стоит ли ему надеяться на что-то толковое. — Какие у них планы? Ради чего это восстание?

Фаваль хихикнул.

— Ну, они намерены завтра пройти маршем по улицам. Они собираются требовать перемен.

— Каких перемен?

— Ну, я думаю, требовать права на труд. Требовать, чтобы им позволили делать то, что они хотят. — Он хихикнул. — Может, я смогу обзавестись телегой? Как по-твоему, Ричард Сайфер? Думаешь, после этого восстания я смогу купить телегу и развозить уголь? Тогда я бы смог делать больше угля.

— Но какой у них план? Что они будут делать, если Орден скажет «нет»? А он скажет.

— Делать? Ну, думаю, они очень рассердятся, если Орден скажет «нет». Возможно, не вернутся на работу. Некоторые говорят, что пойдут тогда громить продуктовые лавки.

Надежды Ричарда увяли, не успев расцвести.

Углежог ухватил Ричарда за рукав.

— Что мне делать, Ричард Сайфер? Присоединиться мне к восстанию? Посоветуй.

— Фаваль, тебе не следует спрашивать чьего-либо совета о таких вещах. Как ты можешь ставить в зависимость свою жизнь, жизнь твоих близких от того, что тебе скажет фургонщик?

— Но ты умный человек, Ричард Сайфер. Я не такой умный, как ты.

Ричард постучал пальцем углежогу по лбу.

— Фаваль, вот тут, в твоей голове, у тебя достаточно мозгов, чтобы знать, что тебе следует делать. Ты уже сказал мне, почему Орден никогда не сможет дать людям лучшую жизнь, указывая всем и каждому, как им следует жить. Ты сам до этого додумался. Ты, углежог Фаваль, куда умнее Ордена.

— Ты так думаешь, Ричард Сайфер? — просиял Фаваль. — Мне никто прежде никогда не говорил, что я умный.

— Ты достаточно умен, чтобы решить для себя, что тебе делать и какие могут быть последствия.

— Я боюсь за жену, невестку и всех наших детей. Мне не нужен Орден, но я боюсь того, что может произойти с ними, если меня арестуют. Как они будут жить?

Ричард загрузил в фургон очередную корзину.

— Фаваль, послушай меня. Восстание — опасное дело. Если ты хочешь принять участие в восстании, то должен точно знать, чего хочешь добиться, быть готовым отдать жизнь за свою свободу.

— Правда? Ты так считаешь, Ричард Сайфер?

Последние искорки надежды угасли.

— Фаваль, оставайся дома и делай уголь. Приске нужен уголь. Орден арестует участников, и всей этой заварухе придет конец. Ты хороший человек. И я не хочу, чтобы тебя арестовали.

Фаваль заулыбался.

— Хорошо, Ричард Сайфер. Раз ты так говоришь, то я останусь здесь и буду жечь уголь.

— Вот и отлично. Я приеду завтра ночью. Только, Фаваль, если завтра все еще будет неспокойно, возможно, я не смогу до тебя добраться. Если демонстранты все еще будут на улицах и дороги будут перекрыты, я просто не смогу проехать.

— Я понимаю. Ты приедешь, как только сможешь. Я доверяю тебе, Ричард Сайфер. Ты ни разу меня не подводил.

Ричард улыбнулся.

— Послушай, если они завтра затеют восстание и я не смогу приехать, то вот тебе деньги за следующую партию. — Он протянул углежогу еще одну серебряную монетку. — Не хочу, чтобы дровосеки перестали рубить для тебя лес. Плавильням нужен уголь.

Фаваль захихикал в искреннем восторге. Он поцеловал монетку и сунул ее в сапог.

— Уголь будет готов. А теперь давай я помогу тебе погрузить корзины.

Фаваль был не единственным углежогом, с кем торговал Ричард. Он работал с целой группой — чтобы плавильням хватало угля. Все это были простые трудяги, пытающиеся свести концы с концами. Они старались как могли выжить под игом Ордена.

На продаже угля плавильням Ричард зарабатывал немного, но наверстывал упущенное на продаже железа и стали, которые покупал у металлургов. Доставка угля была лишь небольшим побочным делом, чтобы заполнить ночь, коли уж он все равно разъезжал на своем фургоне. Все, что Ричард зарабатывал на угле, по большей части уходило на взятки. Неплохо зарабатывал он на руде, ртути, соли, добавках, глиноземе, свинце, сурьме и всем прочем, в чем нуждались плавильни, но на что не могли получить ордер или добиться доставки, когда это нужно. Тут для Ричарда работы было куда больше, чем он мог осилить. Это позволяло ему оплачивать содержание лошадей, и еще немного оставалось. Сталь же и железо приносили чистую прибыль.

К тому времени, когда он добрался до плавильни с партией угля, Приска, мускулистый старший металлург, уже нетерпеливо вышагивал по двору. Могучими руками он схватился за край фургона. Он заглянул внутрь.

— Давно пора!

— Мне пришлось с часок постоять по дороге от Фаваля, пока городские гвардейцы проверяли груз.

— Ублюдки! — махнул мясистой рукой Приска.

— Да ладно, успокойся, все в порядке. Они ничего не взяли. Я привез все.

Металлург вздохнул.

— Честно тебе скажу, Ричард, удивительно, что мои печи еще горят.

Ричард рискнул задать опасный вопрос:

— Ты не замешан в... волнениях в городе, а?

Приска некоторое время внимательно смотрел на Ричарда.

— Ричард, грядут перемены. Перемены к лучшему.

— Какие перемены?

— Началось восстание.

Ричард почувствовал, как искорка надежды разгорается вновь, но на сей раз сильней. Надежды на свободу не для себя, ибо сковывающие его цепи были куда крепче, а для тех, кто жаждал обрести свободу. Фаваль — хороший человек, настоящий работяга, но далеко не так умен и могуществен, как Приска. Приска знал куда больше, чем казалось возможным для него знать. Приска сказал Ричарду имена всех чиновников, которые за взятки выдавали нужные бумаги, и посоветовал, сколько кому давать.

— Восстание? — переспросил Ричард. — Ради чего?

— Ради нас. Ради людей, желающих иметь возможность жить так, как хотят. Начинается новая эра. Нынче ночью. Вообще-то говоря, уже началась. — Повернувшись к зданию, он распахнул двери. — Когда доберешься до Виктора, обязательно дождись его, Ричард. Ему нужно с тобой поговорить.

— О чем?

Приска отмахнулся.

— Пошли, сгрузишь мне мой уголь и заберешь сталь. Виктор мне голову откусит, если я тебя задержу.

Ричард вытащил из фургона корзину и отволок к сторону.

— Те, кто начал восстание... Что они уже сделали? Какие у них планы?

Приска наклонился поближе:

— Они захватили многих чиновников Ордена. Высокопоставленных чиновников.

— Они их еще не убили?

— Убили?! Ты спятил? Они вовсе не намерены причинять им никакого вреда. Их будут держать под арестом, пока они не согласятся смягчить законы, удовлетворить требования народа.

Ричард вытаращился на него.

— Смягчить законы? И что же они требуют?

— Должны наступить перемены. Люди хотят, чтобы у них было больше прав и на работе, и в жизни. — Он поднял корзину с углем. — Меньше собраний. Они требуют, чтобы к их нуждам относились более внимательно.

На сей раз искорка надежды не затухла, а просто-таки рухнула в ледяную воду.

Ричард практически перестал обращать внимание на Приску, пока они разгружали уголь, а потом загружали сталь. Ему больше не хотелось ничего слышать об этом восстании. Но уши ведь себе не заткнешь.

Эти революционеры продумали все. Они требовали открытых судов над теми, кого арестовал Орден. Требовали разрешить свидания с арестованными. Хотели, чтобы Орден предоставил им сведения о судьбе тех, кто после ареста словно растворился. Упоминались еще требования и детали, но мысли Ричарда были далеко.

Когда Ричард забрался в фургон, чтобы двигаться дальше, Приска схватил его за руку железной хваткой.

— Ричард, пришло время присоединиться к восставшим для тех, кому не все равно.

Они обменялись долгим взглядом.

— Виктор ждет.

Приска, ухмыльнувшись, выпустил руку Ричарда.

— Верно, ждет. Увидимся позже, Ричард. Может, следующая твоя поездка будет уже после того, как Орден удовлетворит требования народа, и ты сможешь приезжать днем и без всяких бумажек.

— Это было бы здорово, Приска.

Когда Ричард добрался до Виктора, у него дико болела голова. Его мутило от того, что он уже слышал и, что боялся услышать.

Виктор был на месте и поджидал его. Для него было несколько рановато. Обычно кузнец приходил ближе к рассвету. Виктор распахнул двери на склад. Он поставил на полку лампу, чтобы Ричард мог подогнать фургон как можно ближе.

Ричард спрыгнул на землю.

— Давай, Ричард, разгружай свой фургон, — улыбнулся Виктор, — а потом мы с тобой поедим лярда и поговорим.

Ричард принялся методично разгружать фургон. Он был не больно-то расположен к беседе, отлично представляя, о чем Виктор намерен с ним поговорить. Виктор, как обычно, предоставил Ричарду разгружать самому, радуясь, что сталь привозят тогда, когда надо. Он редко получал нужное от транспортных компаний, хотя платил им больше.

Ричард не возражал остаться в одиночестве. Лето так далеко на юге Древнего мира было сущим бедствием. Влажность чудовищная, и ночью ничуть не лучше, чем днем.

Работая, он вспоминал те яркие дни, что проводил с Кэлен у родника в горах. Казалось, с тех пор прошла целая жизнь. Ему было трудно надеяться, что он когда-нибудь увидит снова ее, но его точила тревога за Кэлен, особенно теперь, когда пришло лето. Иногда ему было так больно думать о ней, скучать по ней, тревожиться за нее, что приходилось выбрасывать ее из головы. А иногда только мысли о ней помогали ему жить дальше.

К тому времени, как он закончил, небо уже начало светлеть. Ричард нашел Виктора в дальней комнате. Двери были раскрыты настежь, чтобы ранний свет падал на мраморный монолит. Кузнец любовался своим камнем, той заключенной в нем статуей, которую видел только он.

Прошло довольно много времени, прежде чем он заметил стоящего рядом Ричарда.

— Давай, Ричард, поешь со мной лярда.

Они уселись на пороге, глядя на простиравшееся внизу Убежище, на мили каменных стен, розовеющие в рассветных лучах. Даже отсюда Ричард мог разглядеть на одной из стен мерзкую статую, изображавшую ничтожность человечества.

Виктор протянул Ричарду белый кусочек лярда.

— Ричард, восстание, о котором я тебе говорил, началось. Но ты наверняка об этом уже слышал.

— Нет, не началось, — возразил Ричард.

Виктор тупо уставился на него.

— Но оно ведь началось!

— Начался большой бедлам. А вовсе не то восстание, о котором мы с тобой говорили.

— Нет, это оно. Вот увидишь. Сегодня многие выйдут на улицы. — Виктор взмахнул рукой. — Ричард, мы хотим, чтобы ты возглавил нас.

Ричард ждал этого.

— Нет.

На сей раз его ответ застал Виктора врасплох.

— Но почему?

— Потому что очень многие погибнут.

Виктор хохотнул.

— Да нет же, Ричард! Ты не так понял. Это не такого рода восстание. Это выступление людей доброй воли. Это восстание ради улучшения человечества. Это то, что проповедует Орден. Мы — народ. Орден говорит, что он — для народа, и теперь, ког-

да мы выскажем ему народные требования, им придется прислушаться и уступить.

Ричард грустно покачал головой.

— Ты хочешь, чтобы я стал твоим вождем?

— Да.

— Тогда я хочу, чтобы ты кое-что для меня сделал, Виктор.

— Ну конечно, Ричард! Говори.

— Ты будешь держаться подальше от всего, что связано с этими волнениями. Это мой приказ как твоего вождя. Сегодня ты останешься здесь и будешь работать. Держись подальше от всего этого.

Виктор посмотрел на него так, словно воспринял его слова как шутку. Но через пару мгновений понял, что Ричард вовсе не шутит.

— Но почему? Ты не хочешь, чтобы жизнь стала лучше? Хочешь прожить вот так всю оставшуюся жизнь? Ты не хочешь никаких перемен к лучшему?

— Вы намерены перебить тех чиновников Ордена, которых захватили?

— Перебить? Ричард, почему ты говоришь об убийстве? Это ведь ради жизни. Ради того, чтобы она стала лучше.

— Виктор, послушай меня. Эти люди, против которых вы выступаете, не станут играть по вашим правилам.

— Но они захотят...

— Ты останешься здесь, на работе, иначе умрешь вместе со многими другими. Орден подавит это восстание от силы за два дня, а затем начнется охота на всех, кого заподозрят хотя бы в малейшей помощи восставшим. Очень многим предстоит умереть.

— Но если ты возглавишь нас, то сможешь высказать наши требования. Поэтому-то мы и хотим, чтобы ты нас возглавил. Чтобы предотвратить такого рода трудности. Ты умеешь убеждать. Ты знаешь, как добиться нужного результата. Посмотри, скольким ты помог в Алтур-Ранге: Фавалю, Приске, мне и многим другим. Ты нужен нам, Ричард. Нам нужно, чтобы ты убедил людей примкнуть к восстанию.

— Если они не знают, за что борются и чего хотят, то никто и ничто их не убедит. Они смогут победить, только если будут настолько жаждать свободы, что будут готовы не только убивать ради нее, но и умереть за нее. — Ричард встал и отряхнул шта-

ны. — Держись в стороне от всего этого, Виктор, иначе умрешь вместе с ними.

Виктор проследовал за ним до фургона. Вдалеке на строительство императорского дворца начали прибывать рабочие. Кузнец взялся за деревянный бок фургона, явно желая еще что-то сказать.

— Ричард, я понимаю, что ты чувствуешь. Правда, понимаю. Я тоже считаю, что эти люди не так сильно жаждут свободы, как я. Но ведь они не из Каватуры, поэтому, возможно, просто не знают, что такое настоящая свобода. Но на данном этапе это все, что мы можем. Почему бы тебе все же не попытаться, Ричард?

Ричард Рал, из Д'Харианской империи, что на севере, он понимает наше стремление к свободе и попробовал бы.

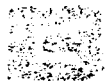
Ричард забрался в фургон. Интересно, откуда люди знают все это? Он восхитился тем, что искорки этих идей смогли долететь так далеко. Взяв поводья и кнут, Ричард обменялся взглядом с кузнецом, опьяненным легким дуновением свободы.

— Виктор, ты бы попытался выковать молотом что-нибудь из холодной стали?

— Конечно, нет! Сталь должна быть раскаленной добела, прежде чем из нее можно что-то сделать.

— Так и с людьми, Виктор. Эти люди — холодная сталь. Сбереги свой молот. Уверен, что Ричард Рал сказал бы тебе то же самое.

Глава 54

 осстание продержалось день. Ричард оставался дома. Никки он тоже попросил никуда не ходить. Он сказал ей, что до него дошли слухи о возможных волнениях и что он не хочет, чтобы она пострадала.

А вот охота на мятежников продолжалась неделю. Тех, кто принимал участие в демонстрации, гвардейцы либо убивали прямо на улицах, либо волокли в казематы. Арестованных допрашивали до тех пор, пока они в конечном итоге не называли имена других. Тех, кого допрашивал Орден, как правило, всегда сознавались.

Волна арестов распространилась по всему городу, и длилось это многие дни. Сотни людей похоронили в небе. Постепенно загасили все огоньки волнений. И пепел сожаления посыпал языки. Больше всего люди хотели забыть обо всем этом. О демонстрации даже упоминали крайне редко, словно ее никогда и не было.

Ричард наконец вернулся на работу в транспортной компании, предпочитая пока что не рисковать, разъезжая на своем фургоне по ночам. Йори не говорил ни слова, когда они проезжали по городу мимо виселиц, на которых висели гниющие тела похороненных в небе.

Йори с Ричардом ездили на рудники за рудой для плавилен. Один раз съездили на

песчаный карьер к востоку от города. На поездку туда и обратно ушел весь день. На следующий день они доставили камень в западную часть Убежища, где он был нужен для опоры. По ту сторону стен, возле зоны, где работали скульпторы, виднелись виселицы. Штук пятьдесят, а может, шестьдесят. Судя по всему, здесь тоже были репрессии.

На обратном пути они поехали мимо кузницы. Ричард спрыгнул с фургона, сказав Йори, что поднимется на холм пешком и присоединится к нему после поворота. Ричард сказал, что ему нужно известить кузнеца о следующей поставке.

Виктор обрабатывал молотом длинный стальной брусок, держа раскаленный добела металл на наковальне. Он поднял взгляд и, увидев Ричарда, швырнул металл в воду рядом с наковальней. Металл зашипел.

— Ричард! Рад тебя видеть!

Ричард заметил отсутствие нескольких рабочих.

— Заболели?

Виктор мрачно покачал головой.

Ричард отреагировал на известие лишь кивком.

— Рад, что у тебя все в порядке, Виктор. Я просто заскочил убедиться, что у тебя все хорошо.

— Я в порядке, Ричард. — Кузнец повесил голову. — Спасибо за совет. Иначе сейчас я уже мог быть похоронен в небе. — Он махнул на Убежище. — Видел? Многие скульпторы... Все висят на виселицах там, внизу.

Ричард видел тела, но не сообразил, что это скульпторы. Он знал, как они относились к тем статуям, которые ваяли. Как им было ненавистно ваять изображения смерти.

— Приска?

Виктор лишь скорбно покачал головой, слишком расстроенный, чтобы сказать вслух.

— Фаваль?

— Видел его вчера. — Виктор тяжело вздохнул. — Он сказал, что ты велел ему сидеть дома и жечь уголь. По-моему, он собирается переименовать одного из детей в твою честь.

— Если Приска... Что с твоей особой сталью?

Виктор указал на зажатый в щипцах брусок.

— Его заместитель продолжит дело. Ты не можешь смотаться за сталью? У меня не было поставок со дня волнений. Брат Нарев в мерзком настроении. Ему нужны железные суппорты

для столбов. Он высказался, что лояльный Ордену и Создателю кузнец уже сделал бы их.

Ричард кивнул.

— Думаю, уже достаточно спокойно. Когда?

— Вообще-то прямо сейчас, но могу подождать и до послезавтра. Еще нужно сделать несколько резцов для тонкой работы, а мне не хватает людей, так что до послезавтра подождет.

— Значит, послезавтра. Думаю, к тому времени будет уже безопасно.

Ричард брел по улице домой, солнце село, но в сумерках видно было еще довольно хорошо. Он размышлял о Викторе, и тут из-за угла появились десять человек и заступили дорогу.

— Ричард Сайфер?

На них не было формы городских гвардейцев, но в последнее время это ничего не значило. Поговаривали, что есть спецкоманды, не в мундирах, которые тоже отлавливали мятежников.

— Верно. Что вам угодно?

Он заметил, что у каждого под плащом меч. И каждый держал руку на рукоятке засунутого за пояс кинжала.

— Как преданные Имперскому Ордену офицеры мы обязаны арестовать вас по подозрению в мятеже.

Когда Никки проснулась, Ричарда все еще не было. Она недовольно заворчала, затем перевернулась на спину и увидела, что сквозь занавески пробивается свет. Судя по всему, рассвело совсем недавно.

Зевнув, она потянулась, заведя руки за голову, и уставилась в потолок — чистый и свежепобеленный. И почувствовала, как в ней закипает злость. Ее беспокоило отсутствие Ричарда по ночам, но запретить ему работать так усиленно она не могла, иначе почувствовала бы себя мошенницей. Ведь в ее намерения входило заставить его понять, как тяжело приходится работать простым людям, чтобы сводить концы с концами, чтобы он понял, что Орден — единственная надежда простых людей улучшить свою жизнь.

Она предупредила, чтобы Ричард не вмешивался в предстоящие народные выступления. И была довольна, что он не стал спорить. Более того, Ричард вроде бы был даже против этих людей. Ее удивило, что во время демонстраций он даже не пошел на работу. И велел Камилю и Набби, причем в самых суровых выражениях, держаться подальше от этого восстания.

Теперь, когда восстание подавили, а власти арестовали большинство мятежников, стало снова безопасно, и Ричард наконец смог вернуться на работу. Восстание было сильным потрясением. Ордену нужно прилагать больше усилий, чтобы втолковать людям, что их долг помогать тем, кому повезло меньше. Тогда не будет никаких волнений на улицах. Потому-то и убрали многих чиновников — за то, что недостаточно трудились на дело Ордена. Хоть какая-то польза от этого восстания.

Никки плеснула в лицо воды из тазика, который Ричард однажды принес домой. Цветочки на нем подходили по цвету к краске на стенах и коврике, который Ричард приобрел на сэкономленные средства. Он, без сомнения, очень изобретателен, ухитряясь экономить из своей скудной зарплаты.

Скинув потную ночную рубашку, она обмылась как могла влажной тряпочкой. Стало легче. Никки терпеть не могла показываться Ричарду потной и грязной.

Она увидела, что миска с жарким, которое она приготовила ему на ужин, так и стоит нетронутая на столе. Он не сказал, что будет работать ночью, но иногда ему бывало просто некогда заскочить домой. Когда он работал по ночам, то, как правило, приходил домой незадолго до рассвета, так что Никки ждала его с минуты на минуту.

Наверняка он придет голодный. Может, приготовить ему яичницу? Ричард любит яичницу. Никки поймала себя на том, что улыбается. Проснувшись, она рассердилась, а вот теперь, думая о том, что нравится Ричарду, — стоит и улыбается. Она провела рукой по волосам, уже с нетерпением поджидая его появления, чтобы спросить, не хочет ли он яичницы. Он наверняка скажет «да», и тогда она с удовольствием сделает то, что он хочет.

Никки терпеть не могла делать то, что ему не нравилось.

С той жуткой ночи с Гейди прошло несколько месяцев. Это было ошибкой. Никки поняла это задним числом. Сперва-то она радовалась — не потому, конечно, что хотела заняться сексом с этим отвратительным хамом. Она была так унижена отказом Ричарда, так хотела ему отмстить. Сначала она упивалась тем, что делал с ней Гейди, упивалась болью, потому что такую же боль испытывала и Кэлен. Никки наслаждалась этим лишь в том смысле, что это было наказанием Ричарду — за то, как он с ней обошелся. Ничто не могло причинить Ричарду большей боли, чем когда причиняли боль Кэлен.

Гейди ненавидел Ричарда. И поимев Никки, он тоже таким образом мстил ему, и это снова делало Гейди королем. Как бы сильно он ни хотел Никки, отомстить Ричарду он хотел куда больше. Ричард отнял у Гейди его королевство и забрал себе. Никки с дорогой душой помогла этому мелкому бычку снова стать королем. Она знала, что Ричард слышит каждый ее крик боли и понимает, что Кэлен испытывает ту же боль.

Но пока Гейди трудился на ней со всем прилежанием, стараясь изо всех сил как можно больше унизить Ричарда тем, что творит с ней, слова Ричарда «Никки, пожалуйста, не надо. Ты делаешь хуже только себе» неотступно преследовали ее.

Пока Гейди брал ее, Никки старалась представить, что это Ричард, пыталась получить Ричарда хотя бы опосредованно. Но она не могла заставить себя поверить в это, даже чтобы получить удовольствие от фантазии. Она знала, что Ричард никогда не стал бы вот так унижать женщину и причинять ей боль. Ни на одну секунду не могла она представить, что это Ричард.

Более того, Никки начала понимать, что слова Ричарда — не просьба избавить Кэлен от боли, он хотел избавить от боли ее, Никки. Как бы он ее ни ненавидел, он не хотел видеть, как ей причиняют боль.

Ничто из всего им сказанного не могло сильней ранить ей сердце. Доброта — это самая жестокая вещь, которую он только мог с ней сделать.

И последующая боль была ее наказанием. Никки было так стыдно за то, что натворила, что она притворялась перед Ричардом, что ничуть не пострадала. Она хотела избавить его от беспокойства, что Кэлен страдает, как и она. На следующее утро она сообщила Ричарду, что совершила ошибку. Никки не ждала прощения. Она просто хотела, чтобы он знал: она была не права, и она сожалеет.

Ричард ничего не сказал. Он лишь смотрел на нее своими серыми глазами, пока она говорила, а потом ушел на работу.

Кровь у нее шла три дня.

Гейди растрезвонил своим приятелям, что поимел ее. И к ее вящему унижению, поведал во всех подробностях. К удивлению Гейди, Камиль и Набби рассвирепели. Они вознамерились залить ему глаза раскаленным воском и сделать кое-что еще. Что именно, Никки в точности не знала, но догадывалась. Гроза была настолько серьезной, что Гейди предпочел в тот же день удрать и вступить в армию Имперского Ордена. Он вступил туда как

раз вовремя, чтобы отправиться со своей частью на север, где шли военные действия. В тот день Гейди напыщенно вещал Камилю и Набби, что уходит, чтобы стать героем.

Никки услышала шаги в коридоре. Улыбнувшись, она выложила на доску три яйца. Но, вопреки ее ожиданиям, Ричард не вошел в комнату. Кто-то постучал в дверь.

Никки отошла на середину комнаты.

— Кто там?

— Никки, это я, Камиль.

Его голос звучал так взволнованно, что она испугалась.

— Я одета. Заходи.

Молодой человек, тяжело дыша, ворвался в комнату. Он был бледен, по щекам текли слезы.

— Они арестовали Ричарда! Прошлой ночью. Они взяли его.

Никки даже не поняла, что яйца из ее рук падают на пол.

Глава 55

Никки в сопровождении Камиля поднялась по двенадцати каменным ступеням — в казармы городской гвардии. Казармы — настоящая крепость, заруженную высокими мощными стенами. Никки не просила Камиля сопровождать ее, но сильно подозревала, что ему могла помешать пойти только смерть. Она никак не могла понять, как Ричарду удается вызывать в людях такое чувство.

Когда они покинули дом, Никки была так потрясена случившимся, что плохо понимала происходящее, но все-таки заметила — все обитатели их дома сильно встревожены. Чуть ли не из всех окон выглядывали лица, когда они с Камилем вылетели из дома и помчались по улице. Даже из соседних домов вышли люди и смотрели ей вслед. И у всех были очень мрачные лица.

Что же заставляло всех так переживать за этого человека?

И почему она сама переживает за него?

Внутри грязных казарм толпились люди. Небритый старик с ввалившимися щеками тупо стоял, глядя в никуда. Круглощекие женщины в косынках плакали, а вопящие дети цеплялись за их подолы. Другие женщины стояли с пустыми лицами, будто в очереди за хлебом или просом. Маленький ребенок в одной рубашонке одиноко стоял, засунув крошечный кулачок в рот, и вопил.

У всех было похоронное настроение.

Городские гвардейцы, по большей части здоровенные молодцы с равнодушными лицами, проталкивались сквозь толпу в темные коридоры. Низкая деревянная перегородка разделяла помещение пополам, и вся толпа стояла на одной половине. А за перегородкой переговаривались гвардейцы. За простым столом сидели какие-то люди, гвардейцы приносили им доклады, обменивались шуточками или получали очередные приказы.

Никки протолкалась через толпу к самой перегородке — на перегородку напирали женщины, надеясь, что их вызовут, надеясь узнать хоть что-то, надеясь на чудесное вмешательство самого Создателя. Но вместо этого получали лишь оскорбления.

Никки схватила за рукав проходящего мимо гвардейца. Он смерил ее с ног до головы грозным взглядом. Никки напомнила себе, что лишена своего могущества, и выпустила его рукав.

— Не скажете ли, кто здесь главный?

Он снова оглядел ее с ног до головы и, видимо, счел ее безмужней, а следовательно, доступной. Лицо его расплылось в притворной улыбке.

— Вон там, — указал он. — За столом. Народный Защитник Мускин.

За столом сидел мужчина средних лет, зарывшись в кипы бумаг. Тело его выглядело так, словно таяло на солнце. Его свободная белая рубашка была вся в темных пятнах пота.

Гвардейцы говорили ему что-то на ухо, а его унылый взгляд бесцельно шарил по комнате. Другие чиновники, сидевшие за столом по обе стороны от него, перебирали бумаги, вяло беседовали друг с другом, или с другими чиновниками и гвардейцами, непрерывно снующими по помещению.

Защитник Мускин, чью лысину три с половиной волосины прикрывали так же хорошо, как спящую черепаху несколько травинок, оглядел комнату. Его темные глаза все время двигались, скользя по гвардейцам, чиновникам, толпе посетителей. Скользнув по лицу Никки, Мускин не проявил ни малейшего интереса. Все они были гражданами Ордена, одинаковыми частичками, каждый совершенно незначителен сам по себе.

— Можно с ним поговорить? — спросила Никки. — Это важно.

Улыбка гвардейца стала издевательской.

— Ну конечно, важно. — Он ткнул пальцем на толпу. — В очередь. Жди, когда дойдет до тебя.

У Никки с Камилем не было выбора. Пришлось ждать. Никки была слишком хорошо знакома с нравами и обычаями этих мелких чиновников, чтобы устраивать скандал. Они буквально расцветают, когда кто-то начинает скандалить. Она прислонилась плечом к стене с грязными потеками от многочисленных плеч. Камиль пристроился рядом.

Очередь не двигалась, потому что чиновники никого не принимали. Никки не знала, может, есть специальное время для приема граждан. Но у них не было выбора — оставалось только ждать своей очереди. Утро тянулось, а очередь все не двигалась. Позади них с Камилем тоже скопился народ.

— Камиль, — тихо проговорила Никки, прождав несколько часов, — ты не обязан торчать тут со мной. Ты можешь идти домой.

Глаза парня были красными и опухшими.

— Я хочу подождать. — К удивлению Никки, в голосе его сквозило недоверие. — Я беспокоюсь за Ричарда, — добавил он так, что это прозвучало как обвинение.

— Я тоже за него беспокоюсь. Иначе зачем я, по-твоему, здесь?

— Я пришел к тебе только потому, что испугался за Ричарда и не знал, что делать. Все остальные либо на работе, либо ушли за хлебом. — Камиль повернулся и прислонился спиной к стене. — Я не верю, что ты волнуешься за него, но я просто не знал, что делать.

Никки смахнула со лба взмокшую прядь.

— Я тебе не нравлюсь, верно?

Он по-прежнему не смотрел на нее.

— Да.

— Могу я спросить, почему?

Камиль стрельнул глазами по сторонам, чтобы проверить, не слушает ли их кто. Но все были погружены в свои собственные заботы.

— Ты — жена Ричарда, и ты предала его. Ты привела Гейди к себе в комнату. Ты шлюха.

Никки заморгала, удивленная его словами. Камиль, прежде чем продолжить, снова огляделся.

— Мы не понимаем, почему такой человек, как Ричард, живет с тобой. Каждая безмужняя женщина в нашем доме, да и в соседних тоже, говорила мне, что, будь она его женой, никогда бы в жизни не легла с другим мужчиной. Они все в один голос

твердят, что не понимают, почему ты так поступила с Ричардом. Все огорчились за него, но он нас даже слушать не захотел, когда мы пытались сказать ему об этом.

Никки отвернулась. Она внезапно не смогла больше смотреть на юношу, только что обозвавшего ее нехорошим словом, и по праву.

— Ты ничего не понимаешь, — прошептала она.

Краем глаза она заметила, как Камиль пожал плечами.

— Ты права. Я не понимаю. Я не понимаю, как можно сделать такую гадость такому мужу, как Ричард, который так тяжело работает и так хорошо о тебе заботится. Чтобы сотворить такое, нужно быть очень плохим человеком, которому совершенно наплевать на собственного мужа.

Никки почувствовала, как по щекам текут слезы.

— Я забочусь о Ричарде куда больше, чем ты можешь себе представить.

Он не ответил. Повернувшись, она поглядела на него. Камиль тихонечко качался у стенки. Ему было слишком стыдно за нее, он был слишком зол на нее, чтобы посмотреть ей в глаза.

— Камиль, помнишь, как мы пришли жить в ваш дом?

Парень кивнул, по-прежнему не глядя на нее.

— Помнишь, как ты, Набби и Гейди обращались с Ричардом, каких гадостей ему наговорили? Какими гнусными словами его обзывали? Как угрожали ему ножами?

— Я совершил ошибку, — ответил он, и похоже, искренне.

— Вот и я тоже допустила ошибку, Камиль. — Никки даже не пыталась скрыть слез. Добрая половина женщин в комнате плакали. — Я не могу тебе объяснить, но мы с Ричардом поссорились. Я разозлилась на него. Я была не права. Было глупо с моей стороны сделать такое. Я допустила ужасную ошибку.

Никки шмыгнула носом и достала маленький платочек. Камиль следил за ней краем глаза.

— Я признаю, что это не такого же рода ошибка, как ваше с Набби поведение при первой встрече с Ричардом, но тем не менее это ошибка. Я тоже грубо сыграла.

— Ты не хочешь Гейди?

— Да меня от него тошнит! Я просто использовала его, потому что была зла на Ричарда.

— И ты сожалеешь?

У Никки дрожал подбородок.

— Конечно, сожалею.

— Ты больше так не сделаешь, даже если рассердишься на него? Не пойдешь с другим?

— Нет. Я сказала Ричарду, что допустила ошибку, что мне очень жаль, что я больше никогда так с ним не поступлю. Я говорила искренне.

Камиль некоторое время размышлял, глядя на женщину с ребенком. Ребенок плакал не переставая, потому что хотел на ручки. Женщина что-то тихо проговорила, и малыш прижался к ее ноге и надулся, но кричать перестал.

— Если Ричард может простить тебя, то мне тоже не следует на тебя сердиться. Он твой муж. Вы должны разбираться между собой, не мое это дело. — Он коснулся ее руки. — Ты допустила глупую ошибку. Но теперь все кончено. Не плач больше из-за этого, ладно? Теперь есть дела поважней.

Никки кивнула, улыбаясь сквозь слезы.

Камиль едва заметно улыбнулся.

— Мы с Набби сказали Гейди, что отрежем ему... сказали, что зарежем его за то, что он сделал с Ричардом. Гейди пригрозил нам ножом, и мы дали ему уйти. Гейди обожает свой ножик. Ему уже доводилось резать им людей. Серьезно резать. Он велел нам дать ему пройти, потому что собирается вступить в армию, что он своим ножом будет выпускать кишки врагам Ордена, что станет героем войны и у него будет много женщин куда лучше жены Ричарда.

— Уверена, что буду не единственной женщиной, пожалевшей о том, что вообще с ним повстречалась.

Только далеко за полдень Народный Защитник Мускин начал прием граждан. У Никки спина разламывалась, но это было ничто в сравнении с тревогой за Ричарда. Два гвардейца подводили людей по одному к столу Мускина.

Очередь продвигалась довольно быстро, потому что Защитник не терпел долгих разговоров. Он быстро пролистывал какие-то бумаги, прежде чем что-то сказать просителю. Но в комнате было так шумно от плача и криков, что Никки не слышала ни слова.

Когда подошла ее очередь, один из гвардейцев отодвинул Камиля в сторону.

— Граждане могут разговаривать с Защитником только по одному.

Никки жестом велела Камилю отойти в сторону и не устраивать скандала. Гвардейцы взяли ее под руки и чуть ли не воло-

ком потащили к Защитнику. Никки возмутило, что с ней обращаются так грубо, как с какой-то обыкновенной... гражданкой.

Она всегда пользовалась определенной властью, иногда гласной, иногда негласной, и никогда особенно не задумывалась над этим. Она хотела, чтобы Ричард познал, как живет обычный трудовой народ. А Ричард вроде бы вполне процветает.

Гвардейцы стояли вплотную к ней, на тот случай, если она вдруг задумает что-нибудь учинить. Они тут всякого навидались. Никки вспыхнула от такого обращения с ней.

— Защитник Мускин, моего мужа...

— Имя. — Его темные глаза скользили по очереди. Наверняка прикидывает, сколько осталось до ужина.

— Ричард.

Он глянул на нее.

— Полное имя.

— Его зовут Ричард Сайфер. Его взяли вчера поздно вечером.

Никки не хотела произносить слово «арестовали», опасаясь усугубить обвинение.

Мускин пошелестел бумагами, совершенно не интересуясь ею. Никки сочла несколько обидным, что этот мужчина не смотрит на нее тем типично мужским расчетливым взглядом, словно мысленно представляя то, что скрыто под одеждой, будто она не понимает, чем они заняты. Оба гвардейца, впрочем, глаз не отрывали от ее бюста.

— А! — Защитник Мускин помахал бумажкой. — Тебе повезло.

— Значит, его выпустили?

Он поглядел на нее так, словно она спятила.

— Он у нас. Его имя на это бумаге. Людей отвозят в разные места. Народные Защитники не могут знать, где находится каждый.

— Спасибо. — Никки понятия не имела, за что благодарит. — Почему его задержали? В чем его обвиняют?

Чиновник нахмурился.

— Откуда мы можем знать в чем? Он еще не сознался.

У Никки закружилась голова. Несколько женщин до нее упали в обморок во время разговора с Защитником. Руки державших ее гвардейцев напряглись. Защитник начал уже поднимать руку, чтобы велеть им увести ее. Но прежде чем успел это сделать, Никки заговорила настолько спокойно, насколько могла.

— Пожалуйста, Защитник, мой муж — не смутьян. Он ничем не занят, кроме работы. И никогда ни о ком плохо не отзывается. Он хороший человек. И всегда делает то, что ему велено.

На какую-то долю секунды, пока Никки наблюдала, как по его щеке стекает пот, чиновник вроде бы о чем-то задумался.

— У него есть специальность?

— Он хороший работник для Ордена. Он грузчик.

Она поняла, что это ошибка, еще не успев договорить. Рука поднялась и взмахнула, отмахиваясь от Никки, как от мошки. Могучим рывком гвардейцы оторвали ее от земли и поволокли прочь с глаз этой важной персоны.

— Мой муж — хороший человек! Пожалуйста, Защитник Мускин! Ричард не учинял никаких беспорядков! Он был дома!

Она говорила правду, как и те женщины до нее. Она была зла, что не смогла убедить чиновника в том, что она другая. Что Ричард другой. Но теперь поняла, что другие просители пытались сделать то же самое.

Камиль бежал следом за гвардейцами, тащившими ее по темному коридору к боковой двери, на выход из каменной крепости. Вечерний свет залил коридор, когда они открыли дверь. И выкинули ее на улицу. Никки покатилась по ступенькам. Камиля вышвырнули следом за ней. Он упал лицом в грязь. Никки помогла ему встать.

Стоя на коленях, она посмотрела на дверь.

— Так как с моим мужем? — продолжала настаивать она.

— Можешь прийти в другой день, — ответил один из гвардейцев. — Когда он сознается, тебе скажут, в чем его обвиняют.

Никки знала, что Ричард не сознается ни в чем. Он скорее умрет.

Но для этих людей это значения не имело.

— Могу я увидеть его? — Никки умоляюще сложила руки, стоя на коленях подле Камиля. — Пожалуйста! Могу я хотя бы повидаться с ним?

Один гвардеец что-то шепнул другому.

— У тебя есть деньги? — спросил он.

— Нет, — горестно всхлипнула она.

Гвардейцы двинулись обратно.

— Подождите! — закричал Камиль.

Они задержались, и он рванул к ним. Задрав штанину, он стянул с себя сапог, вытряхнул из него монетку и без всякого колебания протянул серебряную денежку гвардейцу.

Тот, поглядев на нее, скорчил кислую мину.

— Этого мало для свидания.

Камиль схватил здоровенного солдата за руку, когда тот собрался уходить.

— У меня дома есть одна. Пожалуйста, позвольте мне сходить за ней. Я бегом! Вернусь буквально через час.

Гвардеец покачал головой.

— Не сегодня. Свидания для тех, кто может заплатить сбор, будут послезавтра, на закате. Но пускают только одного посетителя.

Камиль махнул на Никки.

— Его жена. Она пойдет к нему.

Гвардеец оценивающим взглядом оглядел Никки, ухмыляясь, словно прикидывая, что еще она может дать за то, чтобы повидаться с мужем.

— Не забудь принести сбор.

Дверь захлопнулась.

Камиль сбежал со ступенек и схватил Никки за руку. Глаза его блестели от слез.

— Что нам делать? Они продержат его еще два дня. Еще два дня!

Он начал всхлипывать от ужаса. Хоть Камиль и не сказал этого вслух, Никки отлично поняла, что он имеет в виду. Еще два дня пыток, чтобы выбить из него признание. А потом они похоронят Ричарда на небе.

Никки решительно взяла парнишку за руку и потащила прочь.

— Камиль, слушай меня внимательно. Ричард сильный. Он выдержит. Ему и раньше приходилось многое выносить. Он сильный. Ты ведь знаешь, что он сильный?

Камиль кивнул, закусив губу и всхлипывая. Боязнь за друга превратила его снова в ребенка.

Всю ночь напролет Никки пялилась в потолок. А утром пошла за хлебом. Стоя вместе с другими женщинами в очереди, она осознала, что у нее, должно быть, такой же угнетенный вид, как и у них. Она была в растерянности. Не знала, что делать. Казалось, все рассыпается в прах.

Следующей ночью она спала от силы пару часов. Она находилась в состоянии постоянной тревоги, считая минуты до восхода солнца. А когда оно взошло, то села за стол, вцепившись в краю-

ху хлеба, которую собиралась отнести Ричарду, и так ждала, когда этот бесконечный день закончится. Соседка, госпожа Ша-Рим, принесла Никки миску капустного супа. Она стояла над Никки, сочувственно улыбаясь, и не уходила, пока не убедилась, что Никки съела все до капли. Никки поблагодарила госпожу Ша-Рим, сказав, что было очень вкусно. Она представления не имела, какой был этот суп на вкус.

На следующее утро Никки решила отправиться к казематам и ждать там, пока ей разрешат войти. Она не хотела опоздать. На ступеньках сидел Камиль, поджидая ее. Вокруг него столпилась небольшая группа людей.

Камиль вскочил.

— Я взял серебряную марку.

Никки хотелось сказать, что ему не надо платить за нее, что она сама заплатит, только вот у нее не было серебряной марки. У нее было лишь несколько серебряных пенни.

— Спасибо, Камиль, я найду денег и верну тебе.

— Не надо мне ничего возвращать. Это для Ричарда. Я решил сделать это для Ричарда. Он для меня дороже.

Никки кивнула. Она понимала, что она бы сгнила прежде, чем кто-то ради нее пожертвовал хоть пенни, хотя она всю свою жизнь посвятила помощи другим. Мать как-то сказала ей, что это неправильно — ждать благодарности, что Никки должна помогать этим людям, потому что у нее есть возможности помочь.

Пока Никки шла по лестнице, люди подходили к ней с наилучшими пожеланиями. Просили передать Ричарду, чтобы он был сильным и не сдавался. И просили сказать им, если они могут хоть чем-то помочь или если ей понадобятся деньги.

Ричард уже сидел несколько дней. Никки даже не знала, жив ли он. Молчаливый поход к казематам был сплошным ужасом. Она боялась узнать, что его казнили, или прийти к нему и увидеть, что он медленно и мучительно умирает от пыток. Никки отлично знала, как Орден допрашивает людей.

Возле боковой двери ожидали еще с полдюжины женщин и несколько пожилых мужчин. Все они жарились под палящим солнцем. Все женщины принесли сумки с едой. Никто не разговаривал. Всех их согнули одни и те же страхи.

Никки смотрела на дверь, а солнце медленно катилось по небосклону. В наступающих сумерках Камиль повесил ей на плечо свой бурдюк.

— Ричард наверняка захочет чем-нибудь запить курицу с хлебом.

— Спасибо, — прошептала Никки.

Железная дверь со скрипом распахнулась. Все поглядели туда и увидели стоящего в дверях гвардейца, приказывающего всем приблизиться. Он поглядел на клочок бумаги. Когда первая женщина взбежала по ступенькам, он остановил ее и спросил имя. Она назвалась, солдат сверился со списком, затем пропустил ее. Вторую женщину он развернул обратно. Та расплакалась, крича, что заплатила за свидание. Солдат ответил, что ее муж сознался в измене и посетители в нему не допускаются.

Рухнув на землю, несчастная завыла. Все с ужасом глядели на нее, опасаясь, что им грозит такая же участь. Следующая женщина назвала свое имя и прошла внутрь. Еще одна вошла, а следующей за ней было сказано, что ее муж умер.

Никки тупо двинулась вверх по лестнице. Камиль схватил ее за руку и сунул ей в ладонь монетку.

— Спасибо, Камиль.

Тот кивнул.

— Передай Ричарду, что... Просто скажи, чтобы он скорей возвращался домой.

— Ричард Сайфер, — ответила Никки гвардейцу. Сердце колотилось как бешеное.

Тот быстро глянул в список и махнул, чтобы проходила внутрь.

— Этот человек отведет тебя к нему.

На Никки нахлынула волна облегчения. Он все еще жив!

Внутри темного коридора поджидал другой солдат.

— Следуй за мной, — кивнул он. И двинулся вперед. На каждой руке у него болталось по лампе. Никки старалась держаться поближе к нему, пока они спускались по двум длинным узким лестничным пролетам в сырые подвалы.

В крошечной комнатушке, освещенной шипящим факелом, восседал на лавке обливающийся потом Защитник Мускин, беседуя с двумя мужчинами — младшими чиновниками, судя по тому, с каким подобострастием они ему внимали.

Быстро просмотрев протянутую ему солдатом бумагу, Защитник встал.

— Принесла сбор?

— Да, Защитник Мускин. — Никки протянула монетку.

Глянув на денежку, тот быстро сунул ее в карман.

— Штрафы за гражданские правонарушения слишком завышены, — загадочно изрек он, при этом его темные глаза на мгновение задержались на Никки, проверяя ее реакцию.

Никки облизнула губы. В ней вдруг вспыхнула надежда. Она прошла первое испытание, заплатив сбор. А теперь этот алчный ублюдок требует денег за жизнь Ричарда.

Никки заговорила, тщательно подбирая слова, опасаясь допустить хоть малейшую ошибку.

— Если бы я знала размер штрафа, Защитник, то, полагаю, смогла бы найти денег.

Защитник уставился на нее так пристально, что у нее пот выступил на лбу.

— Человек должен доказать, что раскаялся. И выплата огромного штрафа — отличный способ показать свое раскаяние в гражданском проступке. А если меньше, то мы поймем, что раскаяние неискреннее. Послезавтра, в это же время, те, кто сознается в такого рода проступках и за кого кто-нибудь сможет заплатить назначенный штраф, предстанут передо мной для решения.

Он назвал цену: все, что есть. И сказал, что Ричарду нужно сделать. Ей хотелось порвать этому типу его жирную глотку.

— Благодарю вас, что столь любезно поняли проступок моего мужа. Если я смогу увидеть его, то позабочусь о том, чтобы его загрызла совесть.

Чиновник слабо улыбнулся.

— Уж позаботьтесь об этом, молодая леди. Мужчины, которые проводят там, внизу, слишком много времени наедине со своей виной, в конечном итоге сознаются в самых ужасных преступлениях.

Никки сглотнула.

— Я поняла, Защитник Мускин.

Пытки не прекратятся, пока этот человек не получит деньги.

Гвардеец грубо схватил ее за руку и выволок в чернильно-черный коридор, держа обе лампы в одной руке. Они спустились еще на один пролет, в самый низ каземата. Узенькие коридоры извивались во всех направлениях, мимо камер, специально сделанных для содержания преступников. Поскольку казематы находились неподалеку от реки, сюда просачивалась вода, так что здесь постоянно было склизко, сыро и воняло гнилью. Никки видела убегавших во тьму крыс.

Они шлепали по щиколотки в воде, и эхо шагов разносилось по коридору. Вокруг плавали разлагающиеся трупики дохлых крыс. Это место напомнило Никки ее детские кошмары о подземном мире, об участи, которая, по словам ее матери, ждала тех, кто не выполнял свой долг перед другими людьми.

На каждой низенькой дверце по бокам коридора имелось небольшое отверстие размером с руку, чтобы гвардейцы могли заглядывать внутрь, надо полагать. Света не было никакого, кроме тех ламп, что нес солдат, поэтому сидевшим в камерах смотреть наружу было незачем. При свете лампы Никки видела выглядывающие в эти темные дыры глаза. Из многих отверстий доносились крики боли или тоски.

Стражник остановился.

— Здесь.

С бешено колотящимся сердцем Никки ждала. Вместо того чтобы открыть дверь, солдат повернулся к ней и схватил за груди. Никки стояла неподвижно, боясь пошевелиться. Стражник лапал ее, как дыни на базаре. Она была слишком напугана, чтобы говорить, и опасалась, что он может не пустить ее к Ричарду. Солдат прижался к ней и засунул руку за корсаж, теребя ей соски.

Никки знала, что такие люди нужны Ордену, чтобы нести его учение миру. Приходится признавать, что человеческая натура извращена, и идти на определенные жертвы. Такие скоты нужны, чтобы вбивать нравственность в массы. Она сдавленно ойкнула, когда солдат ущипнул нежную плоть.

Стражник рассмеялся, довольный тем, что облапал, и повернулся к двери. После некоторых проблем с ржавым замком он наконец сумел-таки повернуть ключ. Схватившись за отверстие, он с силой рванул дверь. Дверь медленно отползла ровно настолько, чтобы в нее пролезть. Стражник повесил лампу на стенку внутри рядом с дверью.

— Когда я закончу с некоторыми делами, то приду за тобой, и свидание закончится. — Он снова хохотнул. — Так что побыстрей задирай для него свои юбки. Если, конечно, он в состоянии этим воспользоваться.

Он втолкнул Никки в камеру.

— Это к тебе, Сайфер. Я ее хорошенько для тебя подогрел. — Дверь с грохотом захлопнулась. Никки услышала, как стражник поворачивает ключ, затем его шаги пошлепали дальше.

Квадратная камера оказалась такой крошечной, что Никки могла, раскинув руки, одновременно коснуться обеих стен. Макушкой она задевала потолок. Замкнутость этого помещения наводила ужас. Никки хотелось выскочить отсюда.

Она боялась, что скорчившееся у ее ног тело принадлежит покойнику.

— Ричард?

Она услышала едва слышный стон. Его руки были скованы за спиной какими-то деревянными колодками. Она испугалась, что он может захлебнуться.

Слезы жгли глаза. Никки опустилась на колени. Грязная вода, залившаяся ей в сапоги, теперь намочила и платье.

— Ричард?

Она потянула его за плечо, чтобы перевернуть. Вскрикнув, он отшатнулся.

Когда Никки разглядела его, то закрыла рот обеими руками, чтобы заглушить вопль.

— Ох, Ричард!

Никки встала и оторвала подол нижней рубашки. Снова опустившись на колени, она с помощью этой тряпицы осторожно стерла кровь с его лица.

— Ричард, ты меня слышишь? Это я, Никки.

Он кивнул.

— Никки.

Один глаз заплыл начисто. Волосы были в грязи и тине от воды, в которой он лежал. Одежда порвана в клочья. В тусклом свете маленькой лампы Никки видела вздувшие красные раны, иссекающие его плоть.

Он заметил, что она уставилась на эти раны.

— Боюсь, эту рубашку тебе никогда не удастся залатать.

Она слабо улыбнулась его мрачному юмору. Дрожащими пальцами она промокнула ему лицо. Никки не понимала, почему так реагирует на это. Она видала и хуже.

Ричард убрал голову от ее руки.

— Я делаю тебе больно?

— Да.

— Прости. Я принесла воды.

Он нетерпеливо кивнул. Никки поднесла к его губам бурдюк. Он начал жадно пить.

Когда Ричард отдышался, Никки сказала:

— Камиль дал денег, чтобы заплатить сбор за свидание с тобой.

Ричард лишь улыбнулся.

— Камиль хочет, чтобы ты выбрался отсюда.

— Я и сам хочу выбраться отсюда. — Его голос был совсем не похож на обычный. Хриплый и едва слышный.

— Ричард, Защитник...

— Кто?

— Чиновник, отвечающий за это. За тюрьму. Он сказал мне, что есть способ вытащить тебя отсюда. Он сказал, что ты должен признать себя виновным в гражданском проступке и заплатить штраф.

Ричард кивнул.

— Я так примерно и предполагал. Он спросил, есть ли у меня деньги. Я сказал, что есть.

— Да? Ты сэкономил денег?

Ричард снова кивнул.

— Деньги у меня есть.

Никки отчаянно вцепилась в остатки воротника его рубашки.

— Ричард, я смогу заплатить штраф только послезавтра. Ты продержишься? Пожалуйста, скажи, ты сможешь продержаться еще два дня?

Он мрачно улыбнулся.

— Я никуда не ухожу.

Тут Никки вспомнила и достала из сумки хлеб.

— Я принесла тебе поесть. Хлеб и немного жареной курицы.

— Курица. На хлебе я долго не продержусь. Тут не кормят.

Она пальцами оторвала кусок курицы и положила ему в рот. Ей было невыносимо видеть Ричарда таким беспомощным. Это ее злило. Ее тошнило от этого.

— Ешь, Ричард, — подтолкнула она его, когда его голова начала падать. Он помотал головой, будто стряхивая сон. — Вот, съешь еще немножко.

Она смотрела, как он жует.

— Ты можешь спать в такой сырости?

— Они не дают спать. Они...

Она сунула ему в рот кусок курятины. Она отлично знала методы Ордена. И не желала слышать, какую именно методу они выбрали для него.

— Я вытащу тебя отсюда, Ричард. Не сдавайся. Я вытащу тебя.

Он пожал плечам, словно желая сказать, что это не имеет значения.

— Зачем? Заботишься о своем пленнике? Завидуешь, что другие издеваются надо мной? Боишься, что они убьют меня прежде, чем ты успеешь это сделать?

— Ричард, это не...

— Я всего лишь человек. Важно лишь то, что более значительно. То, что я невиновен, не важно, потому что жизнь одного человека ценности не имеет. Если я должен таким вот образом страдать и умереть, чтобы помочь подвигнуть других следовать путями твоего Создателя и твоего Ордена, кто ты такая, чтобы отказывать им в столь добродетельном конце? Какое значение имеют твои желания? Как можешь ты ставить твою жизнь или мою превыше блага других?

Сколько раз она талдычила ему эту нравственную доктрину этими же словами? И как презрительно, как ядовито, как коварно звучало это в его устах.

В этот момент Никки ненавидела себя. Каким-то образом он извращает все, за что выступает Орден, все, чему она посвятила свою жизнь. Каким-то образом ему удается превратить добродетель во зло. Вот почему он так опасен. Само его существование угрожает всему, за что они борются.

А она уже так близка. Так близка к пониманию того, что ей так нужно понять. Сам факт, что по ее щекам струятся слезы, говорил ей, что и на самом деле есть что-то, из-за чего вся затея стоит свеч. Из-за чего необходима. Та неопределимая искорка, что она видела в его глазах с самого первого мига, она действительно существует.

Если бы она могла дотянуться до этого еще чуть-чуть, то тогда смогла бы наконец сделать то, что лучше всего. И лучше для него. Какая жизнь ему предстоит? Сколько страданий он сможет вынести? Ей было ненавистно, что она обречена служить Создателю таким вот образом.

— Оглянись вокруг, Никки. Ты хотела показать мне лучшую жизнь, что дает Орден. Оглянись вокруг. Разве она не великолепна?

Ей было ненавистно видеть один из его прекрасных глаз таким заплывшим.

— Ричард, мне нужны деньги, что ты сэкономил. Чтобы вытащить тебя отсюда, мне понадобится все. Чиновник сказал, что нужно отдать все, что у тебя есть.

— В нашей комнате. — Он мог лишь хрипло шептать.

— В комнате? Где? Скажи мне где.

Он покачал головой.

— Ты никогда не найдешь. Нужно знать хитрость, чтобы открыть. Иди к Ицхаку.

— Ицхаку? В транспортную компанию? Зачем?

— Это когда-то был его кабинет. Там в полу есть тайник. Скажи ему, для чего тебе нужны деньги. Он откроет его для тебя.

Она сунула ему в рот еще кусок курицы.

— Ладно. Пойду к Ицхаку. — Она поколебалась, наблюдая, как он жует. — Мне очень жаль, что ты вынужден отдать все, что сумел сэкономить. Я знаю, как тяжело ты работал. Это несправедливо, что они забирают это.

Ричард снова пожал плечами.

— Это всего лишь деньги. Я предпочитаю жизнь.

Улыбнувшись, Никки вытерла слезы на щеках. Это самое лучшее, что она надеялась услышать.

Дверь открылась.

— Опускай юбки, женщина. Время вышло.

Когда стражник поволок ее прочь, Никки ухитрилась сунуть Ричарду в рот последний кусок курицы.

— Гражданский проступок! — напомнила она. — Не забудь!

Ему придется сознаться в гражданском проступке, за который можно заплатить штраф. И тогда они его отпустят. Любое другое преступление означает смерть.

— Не забуду.

Она потянулась у нему, пока ее волокли прочь из крошечной камеры.

— Я вернусь за тобой, Ричард! Клянусь!

Глава 56

Никки нетерпеливо вышагивала по комнате, пока Ицхак ковырялся с потайной дверцей в углу. Он торчал там уже довольно долго. Чтобы добраться до тайника в полу, он отодвинул шкаф. Периодически он что-то бормотал себе под нос, ругаясь на себя за то, что сделал тайник в таком труднодоступном месте.

— Наконец-то! — Он вскочил на ноги.

Никки надеялась, что тех жалких грошей, что Ричарду удалось сэкономить, хватит, чтобы ублажить Защитника Мускина. Мысленно она прикидывала список лиц, предложивших денег в помощь Ричарду.

— Вот, — подошел к ней Ицхак.

Он торопливо сунул ей в руку тяжелый кошель. Никки изумилась его тяжести. Кошелек с трудом умещался у нее на ладони. Ерунда какая-то. Она подумала, что Ричард, должно быть, насовал туда каких-нибудь железок для тяжести. Развязав кошель, она высыпала содержимое на ладонь.

Никки ахнула. Почти две дюжины золотых марок. Ни одной серебряной. Одно золото.

— Благой Создатель... — прошептала она, вытаращив глаза. — Откуда у Ричарда такие деньги?

Тут было больше денег, чем большинство вполне состоятельных людей видели за всю свою жизнь. Она поглядела Ицхаку в глаза.

— Откуда у Ричарда такие деньги?

Тот, сдернув с головы свою красную шляпу, нетерпеливо махнул на золото у нее в руке.

— Ричард их заработал.

Никки нахмурилась.

— Заработал? Каким образом? Никто не может заработать столько денег. Во всяком случае, честным путем. — Она почувствовала, как в ней закипает злость. — Ричард украл это золото, не так ли?

— Не будь дурой, — раздраженно дернул плечом Ицхак. — Ричард его заработал. Он покупает и продает товар.

Никки скрипнула зубами.

— Как он получил эти деньги?

— Я же тебе сказал, — всплеснул руками Ицхак. — Он их заработал своим горбом. Сам. Он покупает разный товар и продает тем, кто в этом товаре нуждается.

— Товар? Какой товар? Контрабанду?

— Нет! Товар вроде железа и стали...

— Глупости! Как бы он смог их перевозить? Таскал на спине?

— Сначала да. А потом он купил фургон...

— Фургон!

— Да. И лошадей. Он покупает уголь и руду и продает их плавильням. Но главным образом он покупает металл на плавильнях и продает кузнецу. Кузнец расходует много металла. Он покупает его у Ричарда. Вот как Ричард заработал деньги.

Никки схватила Ицхака за ворот.

— Отведи меня к этому кузнецу!

Никки была в ярости. Все это время она считала, что Ричард — честный труженик, вкалывающий в поте лица, а теперь вот обнаружила, что его правильно посадили за решетку. Он виновен в том, что высасывает у честных тружеников их кровные денежки. Он спекулянт.

В данный момент она вовсе не сожалела о том, что с ним делают в тюрьме. Он заслужил это и даже больше. Он преступник, крадущий золото у честных тружеников. Никки трясло от унижения, что ему так вот удалось обвести ее вокруг пальца.

Никки уже видела прежде стройку, где возводили дворец, но издалека, когда ходила по делам по городу. Так близко к ней она не была ни разу. Похоже, дворец будет именно таким, как его описал Джегань. Зрелище было поразительное. Все вдохновля-

ющие слова брата Нарева, что Никки слышала в детстве, зазвучали в ее мозгу, как божественный хорал.

Стены уже возвели выше уровня окон первого этажа. В некоторых секциях уже положили перекрытия для следующего этажа.

Но больше всего ее поразило то, что было перед стенами. Такого количества скульптур она отродясь не видела. В полном соответствии с указаниями брата Нарева статуи были убедительными и вдохновляющими. Никки видела людей, плачущих над отображенными в камне сценами, плачущих над этим воплощением той ничтожной твари, каковой является человек, и невыносимого совершенства Создателя. Эти весьма впечатляющие скульптурные изображения не оставляли никаких сомнений в том, что Орден — единственная надежда человечества на спасение. Как и сказал Джегань, этот дворец будет оказывать на народ потрясающее эмоциональное воздействие.

— Почему тут виселицы? — Поинтересовалась она у Ицхака, пока они шли по широкой булыжной дорожке, где стояли зрители, наблюдавшие за строительством. Некоторые опускались на колени и молились перед различными жуткими сценами, изображенными в камне.

— Скульпторы. — Покосившись на виселицы, Ицхак сдернул шляпу. — Было сказано, что они участвовали в мятеже.

Никки скользнула взглядом по болтающимся на веревках разлагающимся трупам.

— А с чего это вдруг скульпторам принимать участие в мятеже? У них есть работа. Более того, они трудятся над творениями, воспевающими славу Ордену. Уж они-то лучше других должны понимать, что для того, чтобы надеяться на вознаграждение в мире ином, необходимо испытать страдания в этом.

— А я и не говорил, что они в нем участвовали. Я сказал: было сказано, что они участвовали.

Никки не стала его поправлять. Все люди безнравственны. Нет ни одного человека, которого приговорили бы к казни несправедливо. Включая Ричарда.

Множество стоявших под надежными укрытиями мраморных монолитов, над которыми трудились скульпторы, теперь были заброшены. Для работы каменщиков были возведены строительные леса и скаты. Пока они клали камни, рабы подтаскивали им по скатам огромные каменные блоки, тащили ведра с раствором, глиной или гравием или работали в траншеях, возводя

подземные камеры, где Орден будет избавлять мир от самых отъявленных грешников и где преступники будут сознаваться в своих преступлениях.

Это, конечно, ужасная работа, но нельзя насадить сад, не испачкав рук.

Кузница, расположенная на холме, возвышавшемся над колоссальной стройкой, оказалась самой большой из всех, что Никки когда-либо видела. Хотя, учитывая размах строительства, это вполне понятно. Она осталась ждать снаружи, пока Ицхак быстро пошел за кузнецом.

Грохот молотов, звон стали, запах раскаленного металла, кислоты и дым вызвали наплыв воспоминаний о заводе отца. На какое-то мгновение сердце Никки ускорило свой бег — она снова превратилась в маленькую девочку. Ей казалось, что вот-вот выйдет отец и улыбнется ей, а в его глазах будет тот чудесный энергичный блеск.

Но вместо этого к ней вышел дюжий мужик. И он вовсе не улыбался и смотрел на нее с угрозой. Сперва Никки подумала, что он лысый. Но потом заметила, что волос у него полно, только они очень коротко острижены. Некоторые из рабочих ее отца, имевших дело с раскаленным металлом, тоже так стриглись. Его испепеляющий взгляд вынудил бы любую другую женщину отскочить шагов на пять.

Вытирая руки о тряпку, он шел к ней, изучая ее более осторожно, чем большинство мужчин. Кроме Ричарда. Его плотный кожаный передник был испещрен сотнями маленьких прожженных дырочек.

— Госпожа Сайфер?

Ицхак отошел в сторонку, предпочитая держаться в тени.

— Совершенно верно. Я жена Ричарда.

— Забавно, Ричард ни разу не упоминал о вас. Я предполагал, что жена у него, наверное, есть, но он никогда...

— Ричарда забрали в тюрьму.

Сердитый взгляд мгновенно сменился озабоченным.

— Ричарда арестовали? За что?

— Судя по всему, за самое распространенное преступление. За обман людей.

— За обман людей? Ричарда? Да они совсем спятили!

— Боюсь, что нет. Он виновен. У меня есть доказательства.

— Какие еще доказательства?!

Ицхак, неспособный больше сдерживаться, подошел ближе.

— Деньги Ричарда. Деньги, что он заработал.

— Заработал?! — Вопль Никки вынудил Ицхака отшатнуться. — Вы имеете в виду деньги, которые он украл!

Взгляд кузнеца снова стал испепеляющим.

— Украл? И у кого же, по-вашему, он их украл? Кто его обвиняет? Где жертвы?

— Ну, вы, к примеру.

— Я?

— Да, боюсь, что вы — одна из его жертв. Я пришла, чтобы вернуть вам деньги. Я не могу воспользоваться преступными деньгами, чтобы избавить преступника от справедливого наказания. Ричарду придется заплатить за свое преступление. Орден об этом позаботится.

Кузнец, отбросив тряпку в сторону, подбоченился.

— Ричард в жизни ни у кого не украл и серебряного пенни! И у меня в том числе! Он заработал эти деньги.

— Он обманул вас.

— Он продавал мне железо и сталь. Мне нужны сталь и железо, чтобы делать всякую всячину для Убежища. Брат Нарев приходит сюда и рычит на меня, требуя, чтобы я изготовил то да се. Но он не поставляет мне металл, из которого я могу это сделать. А Ричард поставляет. До появления Ричарда меня самого чуть было не похоронили в небе, потому что вот Ицхак, к примеру, не мог поставить мне нужное количество металла!

— Я не мог! Комитет разрешает мне поставлять ровно столько, сколько я поставляю. Меня бы самого похоронили в небе, если бы я привозил больше, чем мне дозволено привозить. В транспортной компании за мной следят все и каждый! И тут же доносят в рабочую ячейку, если я даже плюну не в ту сторону!

— Значит, — скрестила Никки руки на груди, — Ричард воспользовался вашим затруднительным положением. Он привозит по ночам вам металл, и у вас нет иного выбора, кроме как заплатить ему столько, сколько он требует, и ему об этом отлично известно. Он получил все это золото, обманывая вас. Вот как он разбогател — продавая вам по завышенной цене. А это самая мерзкая разновидность воровства.

Кузнец хмуро посмотрел на нее, как на идиотку.

— Ричард продает мне металл намного дешевле, чем я покупаю у транспортных компаний. У Ицхака, к примеру.

— Я продаю по той цене, которую мне указывает комитет, по справедливым ценам! Я ничего не могу сделать!

— Это глупость какая-то, — сказала Никки кузнецу, не обращая внимания на Ицхака.

— Наоборот, очень умно. Видите ли, плавильни производят больше металла, чем могут продать, потому что не имеют права сами его поставлять клиентам. Им нужно производить достаточно металла, чтобы окупать затраты, платить рабочим и поддерживать непрерывную работу печей. Если они не будут покупать достаточное количество руды, шахты закроются, и тогда плавильни не получат руды вообще. Они не смогут существовать без сырья. Но Орден не позволяет Ицхаку и ему подобным поставлять столько, сколько действительно необходимо плавильням. Орден неделями обдумывает простейшие запросы. Комитеты рассматривают каждую воображаемую персону, которой, как они полагают, теоретически может быть нанесен ущерб, если Ицхак доставит груз. Плавильни были в отчаянии. Они предложили Ричарду покупать у них излишки по более низкой цене...

— Значит, они тоже пострадали от жульничества Ричарда!

— Да нет же! Благодаря тому, что Ричард покупает у них металл, они больше продают и у них уменьшаются затраты на производство. Они получают больше денег, чем до этого. Ричард продает мне по более низкой цене, чем транспортные компании, потому что сам покупает по более низким расценкам.

Никки брезгливо всплеснула руками.

— И в довершение всего он еще лишает людей работы! Он самый худший из преступников — наживается на горбу бедняков, нуждающихся и рабочих!

— Что?! — запротестовал Ицхак. — Я не могу взять на работу нужное количество людей и не могу получить достаточно разрешений на поставку необходимых людям товаров! Ричард никого не лишает работы — наоборот, он помогает создавать новые рабочие места! Плавильни, с которыми он работает, каждая наняла больше рабочих с тех пор, как Ричард стал покупать у них металл!

— Совершенно верно, — кивнул кузнец.

— Но вы просто не понимаете, — продолжала настаивать Никки, отбросив волосы со лба. — Он вам глаза зашорил. Он обманывает вас, высасывает досуха. Вы становитесь бедней, потому что Ричард...

— Вы не поняли, госпожа Сайфер? Ричард увеличил доходы полудюжине плавилен. Они сейчас работают только благодаря Ричарду. Он покупает у них товар тогда, когда им нужно его продать, а не тогда, когда они наконец получат какое-то идиотское разрешение с кучей печатей. Ричард один, сам по себе, дал возможность целой команде углежогов зарабатывать на жизнь, снабжая эти плавильни углем, а также рудокопам и многим другим. А я сам? Да с Ричардом я заработал больше денег, чем мог себе представить!

Ричард всех нас обогатил, делая очень необходимую вещь, и делая ее куда лучше, чем другие. Он всем нам сохранил работу. Не Орден со всеми своими комитетами, комиссиями и ячейками, а Ричард.

Только благодаря Ричарду я смог не увольнять рабочих. Он никогда не говорит, что что-то невозможно, а находит способ сделать это. И за это время заслужил доверие всех и каждого, с кем имеет дело. Его слово дороже золота.

Да что там говорить, сам брат Нарев велел Ричарду делать все необходимое, чтобы поставлять мне нужный металл. Ричард ответил ему, что сделает. Да строительство этого дворца отродясь не продвинулось бы так далеко, как сейчас, если бы Ричард не поставлял нам все необходимое в срок.

Орден должен благодарить Ричарда, а не расплачиваться с ним пытками и наказаниями. Он крепко помог Ордену тем, что делал то, что им нужно. Эти колонны, что стоят вон там, до сих пор бы не возвели, если бы Ричард не поставил мне металл для креплений. А тех статуй у дворцовых стен тоже бы еще не было, если бы он не привез мне сталь, необходимую для изготовления нужных скульпторам инструментов. А на стройке все перевозят на колесах с металлическими ободьями, которые я сделал из той стали, что поставил мне Ричард. Да Ричард сделал для возведения этого дворца больше, чем кто-либо другой! Да еще и в процессе обзавелся друзьями.

Никки никак не могла переварить услышанное. Наверное, все так и есть. Она помнила, что Ричард встречался с братом Наревом. Как можно заработать столько денег, помочь Ордену и чтобы при этом люди, с которыми ты имеешь дело, по-прежнему тебе доверяли?

— Но он получил такую прибыль...

Кузнец покачал головой, глядя на нее, как на змею подколодную.

— Прибыль — грязное слово только для всяких паразитов. Они хотят, чтобы это считали злом, чтобы им самим было легче урвать то, что они не заслужили.

Наклонившись к ней, кузнец грозно нахмурился и горячо продолжил:

— Вот что бы мне хотелось знать, госпожа Сайфер, так это то, почему Ричард торчит в вонючей тюряге, где из него пытками выбивают признание, а его супруга в это время торчит здесь и несет околесицу из-за того, что он зарабатывает деньги и в процессе делает нас всех довольными, счастливыми и богатыми.

У Никки желчь подступила к горлу.

— Я не могу заплатить штраф до завтрашнего вечера.

— До встречи с вами я и подумать не мог, что Ричард может ошибаться. — Кузнец стянул через голову фартук и повесил на стену. — С такими деньгами мы можем выкупить его раньше. Думаю, тут больше чем достаточно. Ицхак, пойдешь со мной?

— Конечно! Они меня знают. Мне доверяют. Я тоже пойду.

— Отдайте мне деньги! — Приказал кузнец.

Никки, даже не задумываясь, уронила мешочек ему в ладонь. Ричард — не вор. Удивительное дело. Она не понимала почему, но эти люди были явно им довольны. Он помог им всем обогатиться. Для нее все это было полной абракадаброй.

— Пожалуйста, если вы сможете помочь, я буду перед вами в долгу.

— Я делаю это вовсе не ради вас, госпожа Сайфер. Я помогаю другу, которого очень высоко ценю и который заслуживает всяческой помощи.

— Никки. Меня зовут Никки.

— Я — господин Касселла, — рявкнул он, двинувшись прочь.

Господин Касселла выложил перед Народным Защитником Мускиным четыре золотые монеты. Он сказал Никки с Ицхаком, что хочет иметь кое-что про запас, на тот случай, чтобы они могли «подкачать меха», если понадобится «больше жара».

Кузнец горой возвышался над сидящим за столом человеком. Несколько чиновников уткнулись носом в работу. Все находившиеся в помещении гвардейцы наблюдали за происходящим.

— Ричард Сайфер. Он у вас. Мы пришли заплатит штраф.

Защитник Мускин моргал, глядя на монеты, как жирный карп, слишком обожравшийся, чтобы проглотить червяка.

— Мы не принимаем штрафов до завтрашнего вечера. Возвращайтесь завтра, и если этот человек, Сайфер, не сознался в чем-то более серьезном, то сможете тогда заплатить.

— Я работаю на строительстве дворца, — проговорил господин Касселла. — Брат Нарев загружает меня работой. Я здесь сейчас, так почему бы нам не решить эту проблему, пока мы все тут? Брат Нарев будет рад, если его старшему кузнецу не придется тащиться сюда завтра, когда я здесь уже сегодня.

Темные глазки Защитника Мускина забегали по сторонам, скользя по плачущей толпе. Скрипнув стулом, он придвинулся ближе к столу и сложил толстые пальцы на кипе мятых бумажек.

— Мне бы не хотелось огорчать брата Нарева.

— Не сомневаюсь, — улыбнулся кузнец.

— Однако брату Нареву не захотелось бы, чтобы я пренебрег своим долгом перед народом.

— Конечно, нет! — вступил в разговор Ицхак. Темные глаза обратились на него, и он тут же сдернул свою красную шляпу. — Об этом не может быть и речи! Мы нисколько не сомневаемся, что вы великолепно исполняете свой долг.

— Ты кто? — спросил Защитник Никки.

— Я — жена Ричарда Сайфера, Защитник Мускин. Я уже была здесь. И заплатила сбор за свидание с ним. Вы мне объяснили насчет штрафа.

Чиновник кивнул.

— Тут проходит много народу.

— Послушайте, — заговорил господин Касселла, — у нас есть деньги на штраф. Если мы можем выплатить его сейчас и забрать Ричарда Сайфера сегодня, то это было бы хорошо. Завтра некоторые из тех, кто пожертвовал сегодня денег на штраф, могут не захотеть этого сделать.

Кузнец выложил на стол еще четыре золотых. Темные глаза Защитника Мускина оставались бесстрастными.

— Все деньги принадлежат народу. Нужда велика.

Никки сильно подозревала, что нужда велика в его собственных карманах и что он попросту вытягивает еще. Словно в ответ на ее мысленное обвинение Защитник Мускин отодвинул от себя восемь золотых — целое состояние по любым оценкам.

— Деньги вносятся не здесь. Нам они ни к чему. Мы — покорные слуги Ордена. Сумма штрафа будет указана в квитанции, но вам придется передать деньги одному из городских комитетов для раздачи нуждающимся.

Никки удивилась, что ошиблась в оценке этого человека. Он действительно честный чиновник. Так это же все меняет! Надежда возросла. Может, в конце концов будет не так уж и трудно освободить Ричарда.

Позади нее, за низкой перегородкой, плакали женщины, вопили дети. Никки с трудом могла дышать из-за вони. Она надеялась, что чиновник ускорит дело, чтобы заняться другими делами с группкой гвардейцев, поджидающих с кипами бумажек в руках, когда он освободится.

— Но вы совершаете ошибку, — добавил Защитник, — если полагаете, что деньгами можно добиться освобождения человека. Орден не заботит жизнь отдельного человека, поскольку ничья конкретная жизнь, в сущности, не важна. Я склонен сказать вам придержать эти деньги, пока мы не проверим, откуда у кого-то могла появиться такая большая сумма. Думаю, что это человек может представлять собой угрозу общественному порядку, раз ему оказывают такую мощную поддержку. Ни один человек не лучше любого другого. То, что он может отдать столько денег, чтобы избавить себя от справедливого наказания, лишь подтверждает мои подозрения, что ему есть в чем сознаваться.

Скрипнув стулом, он откинулся на спинку и уставился на них.

— Похоже, вы трое думаете иначе. Полагаете, что он лучше других.

— Нет, — небрежно бросил кузнец, — просто он наш друг.

— Орден — ваш друг. Нуждающиеся — предмет вашей заботы. Не ваше дело — заботиться о ком-то больше, чем о других. Такое неподобающее поведение — святотатство.

Вся стоящая перед столом троица молчала. Позади них плач, вопли, лихорадочные молитвы за тех, кто томился внизу, не смолкали ни на секунду. Похоже, что бы они ни говорили, лишь еще больше настраивало этого человека против них.

— Вот если бы у него была профессия, тогда другое дело. Орден очень нуждается во вкладах специалистов. Очень многие прячутся в тени, когда должны стараться внести как можно больший вклад. Долг тех, кто обладает возможностями...

И тут Никки осенило.

— Но у него есть профессия! — выпалила она.

— И какая же? — спросил Защитник, недовольный тем, что его перебили.

Никки шагнула вперед.

— Он — величайший...

— Величие — заблуждение грешников. Все люди одинаковы. Все люди скверны по натуре. Все люди должны преодолевать свою низменную сущность, бескорыстно посвящая свою жизнь помощи другим. Только бескорыстные деяния позволят человеку получить вознаграждение в мире ином.

Кулаки господина Касселлы сжались. Он подался вперед. Если он сейчас начнет спорить, то дело станет непоправимым. Никки довольно чувствительно пнула кузнеца ногой, надеясь таким образом заткнуть его и дать высказаться ей, пока не поздно. Сделав шаг назад, Никки склонила голову, вынуждая таким образом кузнеца отступить.

— Вы очень мудры, Защитник Мускин. Все мы получили от вас ценный урок. Пожалуйста, простите несчастной жене ее глупые речи. Я — простая женщина и растерялась в присутствии столь мудрого представителя Братства Ордена.

Изумленный Защитник промолчал. Никки играла этими словами не одну сотню лет и отлично знала им цену. Она причислила этого человека, всего лишь мелкого чиновника, к сливкам Ордена — самому Братству, — чего ему не достичь никогда. Такие люди спят и видят стать членами Братства. И для этого человека то, что его посчитали обладателем столь высокого статуса, — все равно что быть действительно его обладателем. Для таких людей видимость — это все. Только видимость имеет значение, а не настоящие достижения.

— Так какая же у него профессия?

Никки снова склонила голову.

— Ричард Сайфер — ничем не примечательный скульптор, Защитник Мускин.

Оба стоящих рядом с ней мужчины недоверчиво вытаращились на нее.

— Скульптор? — переспросил Защитник, явно размышляя над услышанным.

— Безликий мастеровой, и его единственное желание в жизни — в один прекрасный день иметь возможность изобразить в камне низменность человечества, чтобы таким образом помочь другим понять необходимость жертвовать собой ради других и Ордена, и таким образом он надеется заслужить награды в мире ином.

Кузнец быстро пришел в себя и добавил:

— Как вам, возможно, известно, многие скульпторы, работавшие в Убежище, оказались изменниками — хвала Создате-

лю, их вовремя раскусили, — так что скульпторам есть много работы, которую нужно сделать во славу Ордена. Брат Нарев может вам это подтвердить, Защитник Мускин.

Темные глазки Защитника Мускина перебегали с одного на другого.

— Сколько у вас денег?

— Двадцать две золотые марки, — ответила Никки.

Подтянув регистрационную книгу, Защитник обмакнул перо в чернильницу и занес в реестр размер штрафа. Затем написал приказ на листке бумаги и протянул кузнецу.

— Отнесите это в доки, вниз по улице, — указал он. — Я отпущу заключенного после того, как вы принесете мне на этой бумаге печать рабочей ячейки, в подтверждение, что штраф выплачен тем людям, кто заслуживает их больше всего, — тем, кто нуждается. Ричард Сайфер должен быть лишен всех своих средств, нажитых неправедным путем.

Ричард заслуживает их куда больше, ядовито подумала Никки. Он их заработал, а не другие. Никки подумала обо всех тех ночах, которыми он работал без сна, голодный. Она вспомнила, как он морщился, ложась спать, потому что у него болела спина. Ричард заработал эти деньги, теперь она это знала. А те, кто их получит, не сделали ровным счетом ничего, разве что желают их получить и заявляют, что имеют на это право.

— Да, Защитник Мускин, — поклонилась Никки. — Благодарю вас за мудрое и справедливое решение.

Господин Касселла тихонечко вздохнул. Никки доверительно наклонилась к Защитнику.

— Мы доставим ваше справедливое постановление немедленно, — почтительно улыбнулась она. — Поскольку вы так справедливо обошлись с нами в данном вопросе, могу ли я попросить еще об одном одолжении? — Поскольку с его подачи Орден загреб баснословную сумму, что зачтется ему в плюс, Никки не сомневалась, что чиновник настроен вполне благостно. — Вообще-то это скорее чисто женское любопытство.

Тот испустил утомленный вздох.

— Ну, что еще?

Никки наклонилась настолько низко, что почувствовала исходящий от чиновника кислый запах пота.

— Имя того, кто сообщил о моем муже. Того, кто справедливо передал Ричарда Сайфера правосудию.

Никки знала, что Мускин думает, будто людей охотней принимают в Братство, если они помогают собирать крупные суммы в пользу нуждающихся. И ее вопрос — для него сущая мелочь, поскольку голова его занята приятными мыслями. Придвинув кипу каких то бумаг, Мускин принялся их просматривать.

— Вот, — произнес он наконец. — О Ричарде Сайфере сообщил молодой солдат, вступивший добровольцем в армию Имперского Ордена. Его зовут Гейди. Сообщение поступило много месяцев назад. Для торжества правосудия требуется время, но Орден всегда следит за тем, чтобы в конце концов правосудие свершилось. Именно поэтому нашего великого императора и называют Джегань Справедливый.

Никки выпрямилась.

— Благодарю вас, Защитник Мускин.

За невозмутимой маской она скрывала дикую ярость, что эта мелкая гадина уже за переделами досягаемости. Гейди заслуживает всяческих мучений.

Записывая свое решение по административному преступлению, Защитник проговорил:

— Отнесите ордер на штраф рабочей ячейке в доках и возвращайтесь сюда, когда получите печать, подтверждающую, что наложенный на него штраф в двадцать две золотые марки выплачен полностью. Затем Ричарду Сайферу надлежит явиться в комитет резчиков для направления на работу. — Он протянул ей бумагу с приказами. — Отныне Ричард Сайфер — скульптор на службе Ордена.

К тому времени, когда они вернулись обратно со всеми бумагами, солнце уже садилось. На кузнеца произвело большое впечатление, как Никки провернула дело с чиновником, когда деньги не помогли. А Ицхак так просто рассыпался в благодарностях. Для нее же значение имело только то, что Ричард выйдет на свободу.

Она была рада, что ошибалась, что Ричард не спекулянт и не вор. Было так противно думать о нем плохо. На какое-то время эти скверные мысли буквально заслонили для нее мир. Никогда еще Никки так не радовалась своей ошибке.

Но, что еще лучше, им удалось! Она получит Ричарда обратно.

Дойдя до боковой двери каземата, Никки с Ицхаком и господином Касселлой принялись ждать. Становилось все темней. Наконец дверь распахнулась. Два гвардейца, держа Ричарда с обе-

их сторон, спустились на площадку. Увидев, в каком Ричард состоянии, господин Кассела тихонько выругался, а Ицхак пробормотал молитву.

Гвардейцы швырнули Ричарда вперед. Ричард споткнулся. Кузнец с Ицхаком кинулись по ступенькам ему на помощь.

Ричард собрался с силами и выпрямился, темная фигура, гордо стоящая в вечернем свете, бросающая вызов окружающим ее теням. Он поднял руку, приказывая обоим мужчина оставаться там, где они есть. Оба спустились на нижнюю ступеньку, готовые в любой момент кинуться ему на помощь, если понадобится. Никки боялась даже представить, чего стоит Ричарду так вот спокойно, плавно и гордо самому спускаться по ступенькам, словно он — свободный человек.

Он еще не знает, что она с ним сотворила.

Никки знала, что для Ричарда нет худшей участи. Пытки, которым его подвергли там, внизу, — ничто по сравнению с теми, на которые обрекла его она.

Никки была уверена, что это то самое, что наконец-то даст ей ответ на то, что она ищет. Если ответ вообще существует.

Глава 57

рат Нарев остановился за плечом Ричарда. Пришедшая с визитом тень. Он часто сновал в окрестностях, желая удостовериться, что скульптурные работы продвигаются, как сказано. Но впервые этот великий человек остановился посмотреть за работой Ричарда.

— Я тебя знаю? — Голос звучал, как царапанье по камню.

Ричард опустил руку с молоточком и посмотрел на жреца. Он стер грязный пот со лба тыльной стороной левой руки, в которой держал резец.

— Да, брат Нарев. Одно время я поставлял металл. В тот день, когда я имел честь повстречаться с вами, я как раз доставил кузнецу партию железа.

Брат Нарев подозрительно нахмурился. Ричард же хранил на лице спокойно-невинное выражение.

— Работяга, ставший скульптором?

— У меня есть возможности, которые я с радостью использую во благо другим. Я благодарен Ордену за то, что он предоставил мне возможность заслужить награду в мире ином, внося мой посильный вклад в дело Ордена.

— С радостью. — Нил, тень тени, вышел вперед. — Тебе нравится ваять, верно?

— Да, брат Нил.

Ричард радовался, что Кэлен жива. А об остальном он вообще не думал. Он пленник

и будет делать все, что потребуется, чтобы сохранить Кэлен жизнь. Вот и все. Что было, то прошло.

Брат Нил высокомерно рассмеялся над покорностью Ричарда. Нил часто приходил проповедовать скульпторам, так что Ричард уже неплохо знал, что он собой представляет. Скульптурные работы, этот идеологический фасад, который дворец намеревался демонстрировать народу, были жизненно важны для Братства Ордена. И Ричард был частым объектом нападок Нила. Нил, волшебник, а не колдун, как Нарев, казалось, вечно испытывал необходимость всяческим образом демонстрировать свое моральное превосходство перед Ричардом. Ричард не предоставлял ему ни малейшей возможности за что-либо уцепиться, но Нил настойчиво продолжал искать, к чему бы придраться.

Брат Нарев верил своим собственным словам с мрачной убежденностью: человек — существо низменное и, только жертвуя собой ради других, может надеяться обрести спасение в мире ином. Он нес свою веру безо всякого удовольствия, выполняя суровый долг.

Нил же, наоборот, просто кипел энтузиазмом. Он верил в провозглашаемые Орденом доктрины с наглой, ничем не прикрытой гордыней, блаженно уверенный в том, что мир нуждается в управлении железной рукой, которое могут обеспечить только посвященные интеллектуалы вроде него — с полным почтением к брату Нареву, конечно.

Ричард уже был сыт по горло изречениями Нила, с полной убежденностью провозглашавшего, что если ему придется приказать вырезать язык миллиону невинных, то это лучше, чем позволить одному человеку изрекать святотатство против само собой разумеющихся праведных путей Ордена.

Брат Нил, розовощекий молодой человек — без сомнения, обманчиво юный, учитывая слова Никки, что он когда-то жил во Дворце Пророков, — часто сопровождал брата Нарева, купаясь в одобрении своего учителя. Нил был главным заместителем Нарева. Может, физиономия у него и свежая, а вот его идеи — нет. Тирания — изобретение древнее, даже если Нил и обманывал сам себя, считая ее блестящей новой идеей по спасению человечества, принесенной миру им со товарищи. Эти идеи были его пассией, с которой он носился со слепой страстью настойчивого любовника, истина, открытая с похотью любовника.

Ничто так не выводило его из себя, как даже слабый намек на несогласие или контраргумент, не важно, насколько обосно-

ванный. Одержимый страстью Нил просто жаждал изничтожить любое несогласие, удавить любую оппозицию, уничтожить любое количество тех, кто не пожелал склониться перед пьедесталом, на котором стояли его безупречные благородные идеалы.

Ни нищета, ни провалы, ни огромное количество смертей, ни плач, ни стоны не могли поколебать его ярого убеждения, что путь Ордена — единственный верный путь человечества.

Другие послушники, тоже, как и Нил, носившие коричневые балахоны с капюшонами, являли собой потрясающую коллекцию индивидуумов. Среди них были и жестокие, и напыщенные идеалисты, и алчные до умопомрачения, мерзкие, спесивые, застенчивые. Но больше всего было опасно заблуждающихся. И все они разделяли скрытую, злобную и глубокую ненависть к человечеству, что проявлялось в убеждении, что все приятное людям есть зло, следовательно, лишь самопожертвование есть добро.

Все, за исключением Нила, были слепыми последователями брата Нарева и находились полностью под его влиянием. Они верили, что в брате Нареве больше от Создателя, чем от человека. Они ловили каждое его слово, считая их вдохновением свыше. Ричард нисколько не сомневался, что, скажи Нарев им, что они должны покончить с собой ради их дела, они шеи себе свернут, с такой скоростью помчатся на поиски ближайшего ножа.

Нил был единственный, кто верил в божественность своих собственных слов, а не только слов брата Нарева. У каждого вождя должен быть преемник. Ричард был уверен, что Нил уже решил, кто лучше всего подходит на роль следующей инкарнации Ордена.

— Интересный выбор слов. С радостью. — Брат Нарев указал узловатым пальцем на согбенные, деформированные и испуганные фигуры, над которыми работал Ричард. — Вот это наполняет тебя... радостью?

Ричард указал на Свет, который он изобразил падающим на ничтожных людишек.

— Вот, что наполняет меня радостью, брат Нарев. Иметь возможность изобразить людей, согнувшихся перед совершенством Света Создателя. Меня наполняет радостью возможность показать всем низменность человека, потому что таким образом все поймут, что их долг перед Орденом превыше всего.

Брат Нарев подозрительно хмыкнул. При свете солнца его глаза утопали еще больше, а морщины у рта казались еще глуб-

же. В устремленном на Ричарда взгляде смешались недоверие и ненависть с изрядной долей опаски. Только опасение отличало этот взгляд от того, каким он обычно взирал на окружающих. Ричард смотрел на него пустыми глазами. Наконец Нарев дернул ртом, как бы отметая возникшие у него мысли.

— Я одобряю... Забыл, как тебя... Впрочем, имена не важны. Люди не важны. Каждый человек в отдельности — всего лишь незначительная спица в огромном колесе человечества. Имеет значение только, как вращается все колесо, а не отдельная спица.

— Ричард Сайфер.

Одна бровь с пучками черных и белых волос поднялась вверх.

— Да... Ричард Сайфер. Что ж, я одобряю твою работу, Ричард Сайфер. Похоже, ты понимаешь лучше других, как следует изображать человека.

Ричард поклонился.

— Это не я, а сам Создатель направляет мою руку, чтобы помочь Ордену показать людям истинный путь.

Подозрительный взгляд вернулся, но выражение лица Ричарда вынудило брата Нарева в конечном итоге поверить его словам. Брат Нарев, заложив руки за спину, поплыл дальше по другим делам. Нил, как цепляющийся за материнскую юбку ребенок, заторопился следом, чтобы держаться поближе к балахону брата Нарева. Напоследок он бросил через плечо испепеляющий взгляд. Ричард подумал, что Нил вот-вот покажет ему язык.

Насколько Ричарду удалось подсчитать, облаченных в коричневые балахоны послушников было около пятидесяти. Он видел их достаточно часто, чтобы разобраться, что они собой представляют. Виктор как-то упомянул, что на одной из плавилен по той заготовке, что он сделал, отлили из чистого золота примерно такое же количество отливок для заклинания. Виктор считал их лишь украшениями. Ричард видел, как несколько этих золотых отливок устанавливали на верху огромных резных каменных пилонов, расположенных вокруг Убежища. Пилоны из полированного мрамора были сделаны и расположены так, чтобы выглядеть обыкновенными украшениями. Ричард подозревал, что они — нечто куда большее.

Ричард снова принялся ваять тощую неподвижную конечность. Что ж, по крайней мере его собственные конечности сно-

ва шевелятся. На это потребовалось время, но он все же выздоровел. Впрочем, нынешняя работа казалась не меньшей пыткой.

Каждый день приходили люди посмотреть на уже установленные скульптуры. Некоторые опускались на булыжные дорожки перед статуями и молились до тех пор, пока колени не начинали кровоточить. Некоторые подкладывали под колени тряпки. Но большинство просто стояли, с обреченным видом взирая на изображенную в камне человеческую сущность.

По лицам некоторых зрителей Ричард видел, что они пришли сюда в слабой, неопределенной надежде, отчаянно желая получить ответ на вопрос, который не могли сформулировать. Пустота в их глазах, когда они уходили, просто разрывала сердце. Это были люди, из которых высосали жизнь, в точности как из тех, кто истекал кровью в казематах Ордена.

Некоторые их этих людей подходили, чтобы посмотреть, как работают скульпторы. За те два месяца, что Ричард работал скульптором в Убежище, с каждым днем вокруг него собиралось все больше зрителей. Иногда они плакали, глядя на то, что выходит из-под резца Ричарда.

За два месяца работы скульптором в Убежище Ричард постепенно начал понимать нюансы работы по камню. То, что он ваял, не вдохновляло, но сам процесс помогал ему справиться с работой. Ричард наслаждался техническими аспектами работы сталью по камню.

Как бы он ни ненавидел те изделия, что ему приходилось ваять, он постепенно полюбил работать с камнем. Мрамор под руками казался почти живым. Он частенько делал мелкие детали с любовью — грациозно поднятый палец, понимающий глаз, грудь, в которой бьется сердце разума.

Закончив такую красоту, он потом деформировал ее в угоду Ордену. И именно это, как правило, и вызывало у зрителей слезы.

Ричард изобретал всевозможные измученные, согбенные, униженные фигуры, склонившиеся под гнетом вины и стыда. Если это способ сохранить жизнь Кэлен, значит, он заставит всех, кто увидит эти фигуры, рыдать навзрыд. В некотором смысле они плакали вместо него, страдали от этих статуй вместо него, и это зрелище уничтожало их вместо него.

При таком раскладе Ричард был в состоянии выдержать эту пытку.

Когда день подходил к концу и тени стали очень длинными, скульпторы, собираясь по домам, начали складывать инструмен-

ты в простые деревянные ящики. Все они вернутся сюда на рассвете. Главный строитель передавал им заказы, где указывалось, куда поставят статуи и какого размера. Послушники брата Нарева сообщали подробности сцен, которые должны были быть воплощены в камне.

Ричард ваял скульптуру для главного входа в Убежище. Вокруг нее пойдут мраморные ступени, ведущие к огромной круглой площади. Расположенные полукружием огромные мраморные колонны окружали дальнюю часть площади. Ричард ваял статуи, которые должны были водрузить на эти самые колонны.

Вход задумывался таким образом, чтобы задавать тон всему дворцу. Брат Нил сообщил Ричарду, что брат Нарев видит в центре площади огромную статую, и это должно быть произведение, которое будет поражать воображение зрителей, внушая им колоссальное чувство собственной вины и стыда за низменную натуру человека. Эта статуя жутью своей будет призывом к бескорыстному самопожертвованию и должна быть изваяна в виде солнечных часов, изображающих людей, устрашенных Светом их Создателя.

Нил описывал этот кошмар с таким восторгом, что Ричарда замутило, когда он мысленно представил себе все сооружение.

Ричард покинул стройку одним из последних. И, как часто делал, поднялся вверх по холму вдоль серпантина, к мастерским. Виктор находился в кузнице, гася на ночь угли. Наступила осень, жара спала, и кузница перестала быть такой душегубкой, как в разгар лета. Зима так далеко на юге Древнего мира никогда не бывает суровой, но зимой кузница — отличное место, где можно спрятаться от холода, когда придут холодные дождливые дни.

— Ричард! Рад тебя видеть! — Кузнец знал, почему Ричард пришел сюда. — Иди в заднюю комнату. Может, я присоединюсь к тебе, когда закончу тут.

— Валяй, — улыбнулся другу Ричард.

Ричард открыл двойную дверь, туда, где стоял мраморный монолит, ловя последние лучи заходящего солнца. Он часто приходил полюбоваться камнем. Иногда после целого дня, проведенного за ваянием уродства, он приходил сюда и представлял себе скрытую в этом куске мрамора красоту. Ему это было необходимо, и иногда казалось, что только это и позволяет ему еще держаться.

Пальцы Ричарда, испачканные мраморной пылью, коснулись белого каватурского мрамора. Он немного отличался от

того камня, с которым он работал на стройке. Теперь он был уже достаточно опытен, чтобы чувствовать едва заметное различие. Камень Виктора был тверже и менее зернист. С ним легче работать.

Камень под пальцами Ричарда был прохладный, как лунный свет, и такой же невинный.

Когда он поднял взгляд, то увидел стоящего рядом лукаво улыбающегося Виктора, наблюдающего за ним.

— После изготовления всех этих уродств, должно быть, приятно увидеть красоту моей статуи?

Ричард в ответ рассмеялся.

Виктор прошествовал по комнате, махнув рукой.

— Пошли, посиди со мной, поешь лярда.

В закатном свете они сидели на пороге и поглощали кусочки сытного деликатеса, наслаждаясь прохладным ветерком с холмов.

— Знаешь, тебе не надо приходить сюда, чтобы полюбоваться моей прекрасной статуей, — заметил Виктор. — У тебя есть красивая жена.

Ричард промолчал.

— Не припоминаю, чтобы ты хоть раз упоминал о ней. Я и знать ничего не знал, пока она в тот день не заявилась сюда. Почему-то я всегда думал, что у тебя хорошая женщина...

Виктор нахмурился, глядя на Убежище внизу.

— Почему ты никогда не говорил о ней?

Ричард пожал плечами.

— Надеюсь, ты не сочтешь меня несносным, но просто она не соответствует моему представлению о том, какой должна быть твоя жена.

— Я не считаю тебя несносным, Виктор. Каждый имеет право думать, что хочет.

— Не против, если я спрошу тебя о ней?

— Виктор, я устал, — вздохнул Ричард. — Я не хотел бы говорить о жене. К тому же и говорить-то не о чем. Она моя жена. Что есть, то есть.

Хмыкнув, Виктор сунул в рот большой кусок лука. Проглотив, он взмахнул оставшейся половиной луковицы.

— Нехорошо, когда мужчине приходится весь день ваять это уродство и затем быть вынужденным идти домой к... Да что я несу! Что это на меня нашло? Прости, Ричард! Никки красивая женщина.

— Да, наверное.

— И она заботится о тебе.

Ричард снова промолчал.

— Мы с Ицхаком пытались выкупить тебя за твое золото. Но этого оказалось мало. Тот тип оказался спесивым чинушей. Никки знала, как нужно с ним обращаться. Она своими словами повернула ключ твоей камеры. Если бы не Никки, тебя бы похоронили в небе.

— Значит, она сказали им, что я умею ваять... чтобы спасти мне жизнь.

— Верно. Это она добыла тебе работу скульптора.

Виктор немного подождал, но когда ответа не последовало, разочарованно вздохнул.

— Как тебе резцы, что я прислал?

— Отличные. Хорошо работают. Впрочем, мне бы пригодился резец потоньше.

Виктор протянул Ричарду очередной кусочек лярда.

— Будет.

— Что там со сталью?

— Не волнуйся! — Отмахнулся луковицей кузнец. Ицхак неплохо справляется вместо тебя. Не так хорошо, как ты, но в общем и целом порядок. Он привозит мне все, что нужно. Всем он нравится, и все счастливы, что он решил восполнить пробел. Орден так жаждет побыстрей закончить сооружение, что закрывает глаза на его активность. Фаваль-углежог спрашивал о тебе. Ему Ицхак нравится, но он скучает по тебе.

Ричард улыбнулся, вспоминая нервного углежога.

— Рад, что Ицхак покупает у него уголь.

В Древнем мире было много хороших людей. Ричард всегда считал их врагами, а теперь вот с некоторыми подружился. Такое с ним случалось часто и в точности таким же образом. В принципе, везде живут люди как люди, стоит только познакомиться с ними поближе.

Тут были те, кто любит свободу, кто жаждет жить своей жизнью, кто стремится к чему-то, желает чего-то достичь, и те, кто бездумно подчинился застойной идее всеобщего равенства, насаждаемой искусственной серой безликостью. Те, кто хотел своими силами совершенствоваться, и те, кто хотел, чтобы за них думали другие, и согласны были платить за это высшую цену.

* * *

Когда Ричард поднялся по ступенькам, его встретили сияющие улыбками Камиль и Набби.

— Мы с Набби сегодня занимались резьбой по дереву, Ричард. Пойдешь глянешь?

Улыбнувшись, Ричард обнял Камиля за плечи.

— Конечно! Пошли посмотрим, что вы сегодня сделали.

Ричард пошел с ними по чистому коридору на задний двор, где Камиль с Набби вырезали лица на старой коряге. Изображения были ужасными.

— Что ж, Камиль, очень неплохо. Твоя тоже, Набби.

Резные физиономии улыбались, и одно это для Ричарда было бесценным. Несмотря на скверное исполнение, в них было куда больше жизни, чем в том, что делал Ричард изо дня в день.

— Правда, Ричард? — спросил Набби. — Ты думаешь, мы с Камилем сможем стать скульпторами?

— Когда-нибудь, возможно. Но вам нужно больше практики, вам еще многому предстоит научиться. Но всем скульпторам приходится сперва учиться. Вот, гляньте-ка сюда, например. Что вы об этом думаете? Что ту неверно?

Камиль, скрестив руки, сосредоточенно нахмурился, глядя на вырезанное им лицо.

— Не знаю.

— Набби?

Набби застенчиво дернул плечами.

— Не похоже на настоящее лицо. Но не могу объяснить, почему.

— Посмотрите на мое лицо, на глаза. В чем разница?

— Ну, по-моему, у тебя другой разрез глаз, — ответил Камиль.

— И они ближе друг к другу — не так далеко к вискам, — добавил Набби.

— Очень хорошо! — Ричард взял немного земли с грядки с морковкой, затем вылепил из нее лицо. — Видите? Если расположить глаза ближе, как здесь, то становится больше похоже на настоящего человека.

Юноши закивали, изучая его творение.

— Понял, — сказал Камиль. — Я начну заново и сделаю лучше.

— Молодец! — хлопнул его по спине Ричард.

— Может, когда-нибудь мы тоже станем скульпторами, — произнес Набби.

— Может быть, — только и сказал Ричард.

Никки поджидала его, поставив ужин на стол. Миска супа возле горящей лампы. Остальная часть комнаты тонула в вечерних сумерках. Никки сидела за столом.

— Как работалось сегодня? — поинтересовалась она, пока Ричард мыл руки.

Он сполоснул лицо мыльной водой, смывая мраморную пыль.

— Работа есть работа.

Никки потерла пальцем ножку лампы.

— Ты способен ее выдержать?

Ричард вытер руки.

— А у меня есть выбор? Я могу либо работать, либо положить всему этому конец. Разве это выбор? Или ты интересуешься, не созрел ли я уже для самоубийства?

Она подняла взгляд.

— Я вовсе не это имею в виду.

Он швырнул полотенце рядом с тазом.

— К тому же как я могу не быть благодарным за работу, которую для меня нашла ты?

Голубые глаза Никки снова уставились на крышку стола.

— Это тебе Виктор рассказал?

— Было нетрудно догадаться. Виктор сказал лишь, что ты красавица и что ты спасла мне жизнь.

— У меня не было выбора, Ричард. Они отпустили бы тебя только, если у тебя есть профессия. Мне пришлось им сказать.

Сильней, чем обычно, он ощутил суть танца, что она вела с ним. Она чувствовала себя в безопасности за выставленным щитом в виде «вынуждена была сказать». Но при этом имела возможность наблюдать за ним, проверить, как он отреагирует.

Тяжелый труд от рассвета до заката, когда приходится передвигать каменные монолиты, безостановочно орудовать молотком, совершенно его измотал. У него руки гудели от работы. И при этом приходится опять вести эту бесконечную битву с Никки. Усталость навалилась на него и он плюхнулся на свой матрас.

Усталость — непременная составляющая любой битвы. В точности так, как он чувствовал эту пляску жизни и смерти, когда орудовал своим мечом, ощущал он ее и сейчас. Эта битва была не менее тяжелой, чем все те, что Ричарду доводилось вести прежде. Никки противостоит свободе, противостоит жизни.

Это была пляска со смертью.

Пляска со смертью — на самом деле определение самой жизни, поскольку все люди неизбежно умирают.

— Я хочу кое-что знать, Никки.

Она выжидающе посмотрела на него.

— Что именно?

— Можешь сказать, жива ли Кэлен?

— Конечно. Я все время чувствую связь с ней.

— Значит, она еще жива?

Никки улыбнулась в свойственной ей успокаивающей манере.

— Ричард, с Кэлен все в порядке. Пусть эти мысли не гнетут тебя.

Ричард долго смотрел на нее. Наконец он отвел взгляд и улегся на свои тюремные нары. И отвернулся от взгляда Никки, от пляски.

— Ричард... Я приготовила тебе суп. Иди поешь.

— Я не голоден.

Ричард выкинул ее из головы и попытался вспомнить зеленые глаза Кэлен, погружаясь в блаженное забытье.

Глава 58

Ричард чувствовал, как Нил дышит ему в затылок. Юный послушник наблюдал из-за спины Ричарда, как он стучит молоточком по резцу, ваяя разверстый рот грешника, вопящего от боли, когда его тело рвет на части Владетель подземного мира.

— Очень неплохо, — пробормотал Нил, не сдержав восторга от увиденного.

Ричард, опершись рукой с резцом о камень, выпрямился.

— Благодарю, брат Нил.

Глаза Нила, такого же коричневого цвета, как и его балахон, посмотрел на него с наглым вызовом. Ричард этот вызов проигнорировал.

— Знаешь, Ричард, ты мне не нравишься.

— Никто не заслуживает того, чтобы нравиться, брат Нил.

— У тебя на все есть ответ, да, Ричард? — Молодой волшебник улыбнулся, затем, сунув руку под капюшон, поскреб короткую темную шевелюру. — Знаешь, почему ты получил эту работу?

— Потому что Орден дал мне шанс помочь...

— Да нет! — оборвал его Нил, внезапно потеряв терпение. — Я имею в виду, знаешь ли ты, почему открылась вакансия? Знаешь, почему нам понадобились скульпторы и ты получил эту великолепную возможность?

Ричард отлично знал, почему им понадобились скульпторы.

— Нет, брат Нил. Тогда я был еще рабочим.

— Многих из них казнили.

— Значит, были предателями, изменившими нашему делу. Я счастлив, что Орден поймал их.

Коварная улыбка Нила вернулась, он пожал плечами.

— Может быть. Могу сказать, что они неправильно себя держали. Слишком много о себе возомнили, о том, что они эгоистично считали своим... талантом. Очень устарелое понятие, как считаешь, Ричард?

— Не могу знать, брат Нил. Я знаю только, что могу ваять, и благодарен за предоставленную мне возможность выполнить мой долг перед другими людьми, вкладывая в наше дело свои усилия.

Нил отошел чуть назад, смерив Ричарда оценивающим взглядом, словно пытаясь сообразить, издевается Ричард над ним или нет. Но Ричард не дал ему искомой подсказки, поэтому Нил просто продолжил:

— Думаю, кое-кто из них обманывал Орден своей работой. Полагаю, что с помощью своих работ они высмеивали и издевались над нашим благородным делом.

— Правда, брат Нил? Никогда бы не подумал!

— Поэтому-то ты ничто и никогда не будешь кем-то. Ты ничтожество. Как и все те скульпторы.

— Я понимаю, что ничего собой не представляю, брат Нил. Было бы неправильно с моей стороны думать, будто я представляю собой какую-нибудь ценность за исключением того вклада, что могу вносить. Я мечтаю только усиленно трудиться во благо Создателя, чтобы я смог заслужить награду в грядущей жизни.

Улыбка исчезла, ей на смену пришел злобный испепеляющий взгляд.

— Я приказал их казнить. После того, как пытками выбил из каждого из них признание.

Сжимавшие резец пальцы Ричарда напряглись. Сохраняя невозмутимое лицо, он всерьез прикидывал, не вогнать ли резец Нилу в череп. Он знал, что тот даже отреагировать не успеет. Только вот что это даст? Да ничего.

— Я благодарен, брат Нил, что вы раскрыли предателей в нашей среде.

Нил на мгновение подозрительно сощурился, но в конечном счете отмел подозрение, дернув уголком рта. Он вдруг круто развернулся, взметнув подол балахона.

— Пошли со мной, — торжественно приказал он, шагая прочь.

Ричард проследовал за ним по полю, превратившемуся едва ли не в болото под ногами толп рабочих, под колесами фургонов и от всех этих строительных материалов, которые волокли, тянули и катили на стройку. Они прошли мимо того, что казалось бесконечным фасадом дворца. Стены росли все выше, появлялись все новые ряды оконных проемов. Рос и лабиринт внутренних стен, определяя комнаты и коридоры. В этом дворце будут многие мили коридоров. Десятки лестничных пролетов стояли на разных стадиях строительства.

Довольно скоро кое-где на нижних этажах уже начнут класть дубовые полы. Впрочем, сперва над этими секциями нужно еще возвести крышу, чтобы дождь не испортил пол. В некоторых внешних помещениях крыша будет пониже, чем у основной секции, которая должна уходить в поднебесье. Ричард полагал, что эти нижние помещения окажутся под черепичными и свинцовыми крышами еще до зимних дождей.

Он шел за Нилом по пятам к главному входу во дворец. Тут стены были еще выше и почти законченные, со множеством украшений. Нил двинулся по лестнице, выходящей на площадь, шагая через две ступеньки за раз. Белые мраморные пилоны являли собой весьма внушительное зрелище. На многих уже водрузили скульптуры. Эти застывшие в камне искореженные человеческие фигуры впечатляли. Как и было задумано.

Площадь устилал каватурский мрамор с серыми прожилками. Играющее на мраморе солнце превращало площадь с полукружием величественных колонн в нечто сияющее. Казалось, искореженные каменные люди, окружающие площадь, кричат от боли, ослепленные этим светом. Именно такого эффекта брат Нарев и добивался.

Нил сделал рукой широкий жест.

— Здесь будет великая статуя — скульптура, венчающая вход в императорское Убежище. — Вот так, с вытянутой рукой, он прокрутился вокруг собственной оси. — Это будет местом, где будут проходить люди, чтобы попасть в величественный дворец — на прием к чиновникам Ордена. Здесь люди приблизятся к Создателю.

Ричард промолчал. Нил какое-то время смотрел на него, затем встал в центре и воздел руки к солнцу.

— Здесь! Будет статуя во славу Создателя, и Свет его будет озарять солнечные часы. Свет упадет на те изображенные в камне жалкие существа — людей. Это будет монумент, воплощающий низменную сущность человека, обреченного влачить жалкое существование в этом мире, скорчившегося от унижения, когда Свет Создателя обнажит мерзкую плоть его и душу в том виде, в каком они есть — безнадежно извращенные.

Ричард подумал, что если бы у сумасшествия имелся поборник, то им стал бы Орден и те, кто его поддерживает.

Нил опустил руки. Дирижер, закончивший выступление.

— Ты, Ричард Сайфер, изваяешь эту статую.

Ричард вдруг вспомнил о молотке, который по-прежнему сжимал в кулаке.

— Да, брат Нил.

Нил погрозил ему пальцем перед самым носом и ухмыльнулся с жестоким удовольствием.

— Не думаю, что ты понимаешь, Ричард. Жди! — выбросил он руку в командном жесте. — Жди здесь.

Он куда-то побежал, коричневый балахон развевался сзади, как поток грязной воды. Нил извлек что-то из-за мраморных пилонов и вернулся, держа добычу в руке.

Это оказалась маленькая статуя. Нил поставил ее на землю, там, где лучи мраморного пола сходились в самом центре площади. Гипсовое изображение того, о чем брат Нил только что поведал. Статуя была еще более мерзкой, чем ее описал Нил. Ричарду ужасно хотелось шарахнуть по ней молотком и разнести вдребезги тут же, на месте. За то, чтобы уничтожить эту пакость, почти стоило умереть.

Почти.

— Вот она, — провозгласил Нил. — Брат Нарев велел одному старшему скульптору сделать макет солнечных часов по его инструкции. Видение брата Нарева действительно уникально. Само совершенство, как считаешь?

— Она в точности такая ужасающая, как вы и сказали, брат Нил.

— А ты ее изваяешь. Просто увеличишь этот макет и сделаешь гигантскую статую из белого мрамора.

Ричард в полной прострации кивнул.

— Да, брат Нил.

Палец снова закачался у него под носом с еще большим восторгом.

— Нет-нет, на самом деле ты ничего не понял, Ричард. — Он ухмылялся, как прачка, стоящая у забора с корзиной грязных сплетен. — Видишь ли, я кое-что проверил насчет тебя. Брат Нарев и я никогда не доверяли тебе, Ричард Сайфер. Нет, никогда. И теперь нам все о тебе известно. Я узнал твой секрет.

Ричард похолодел. Он приготовился к битве. Похоже, у него нет выбора, надо убить Нила.

— Видишь ли, я переговорил с Народным Защитником Мускиным.

Ричард ничего не понял:

— С кем?

Нил расплылся в победной улыбке:

— Тем человеком, что приговорил тебя к работе скульптора. Он вспомнил твое имя. И показал мне дело. Ты сознался в административном проступке. Показал он мне так же, какой штраф ты заплатил — двадцать две золотые марки. Значительная сумма. — Нил снова погрозил пальцем. — Тут правосудие допустило ошибку, Ричард, и ты это знаешь. Никто не может заработать такое состояние при помощи всего лишь административного проступка. Такие деньги можно нажить только неправедным путем.

Ричард слегка расслабился. У него аж пальцы заныли, так крепко, оказывается, сжимал он молоток.

— Нет, — продолжил тем временем Нил, — ты совершил что-то куда более серьезное, чтобы сколотить состояние в двадцать две золотые марки. Совершенно очевидно, что ты виновен в очень серьезном преступлении.

Нил воздел руки, как Создатель перед своими чадами.

— Но я окажу тебе милосердие, Ричард.

— А брат Нарев одобрил это милосердие?

— О да! Видишь ли, эта статуя станет твоим искуплением перед Орденом, твоим способом покаяться за преступные деяния. Ты будешь создавать эту статую тогда, когда не будешь занят на основной работе для дворца. Тебе за эту статую ничего не заплатят. И тебе запрещено брать мрамор, приобретенный Орденом для императорского Убежища, ты должен приобрести мрамор за собственные деньги. И если тебе придется работать целое десятилетие, чтобы заработать необходимую сумму, тем лучше.

— То есть я должен ваять днем тут, на работе, а эту статую делать в личное время, по ночам?

— Личное время? Какая ложная концепция.

— Когда же мне спать?

— Сон не является заботой Ордена, а справедливость является.

Ричард глубоко вздохнул, чтобы успокоиться. Он указал молотком на пакость на земле.

— И вот это я должен изваять?

— Совершенно верно. Камень купишь ты, а твоя работа станет вкладом в процветание других людей. Это будет твой подарок гражданам Ордена в наказание за твои преступные деяния. Люди вроде тебя, обладающие возможностями, должны с радостью жертвовать всем, что имеют, в помощь Ордену. Этой зимой дворец освятят. Народу необходимо видеть осязаемое свидетельство того, что Орден может воплотить в жизнь столь величественный проект. Они отчаянно нуждаются в тех уроках, что преподаст им дворец.

Брат Нарев с нетерпением ждет освящения дворца. Он желает провести этой зимой торжественную церемонию, на которой будут присутствовать многие высокопоставленные члены Ордена. Война разрастается. Народу нужно видеть, что и дворец разрастается тоже. Им нужно видеть результаты своей жертвенности.

— Ты, Ричард Сайфер, изваяешь величественную статую, которая встанет на входе в императорский дворец.

— Это честь для меня, брат Нил.

— Не сомневаюсь, — хмыкнул Нил.

— Но что, если я... не справлюсь с задачей?

Усмешка Нила перешла в улыбку.

— Тогда вернешься обратно в тюрьму, и следователи Защитника Мускина продержат тебя там до тех пор, пока ты не сознаешься. А когда ты наконец сознаешься, то тебя повесят. И птицы попируют на твоих костях.

Брат Нил указал на гротескный макет.

— Бери. Это то, чему ты посвятишь свою жизнь.

Никки подняла голову, услышав голос Ричарда. Он разговаривал с Камилем и Набби. Она услышала, как он говорит, что устал и не сможет посмотреть их работы, что посмотрит завтра. Никки знала, что парни огорчились. Как-то это не похоже на Ричарда.

Она зачерпнула из горшка с отбитыми краями маисовую кашу и положила в миску. Миску с деревянной ложкой водрузила на стол. Хлеба не было.

Ей хотелось приготовить для него что-нибудь получше, но после того, как у них забрали добровольное пожертвование, денег не осталось. Если бы не огород, разбитый женщинами на заднем дворе, пришлось бы совсем туго. Никки научилась выращивать овощи, чтобы было чем его кормить.

Ричард вошел понурившись и глядя в пол. В руке он что-то нес.

— Я приготовила тебе ужин. Садись и ешь.

Ричард поставил принесенную вещицу на стол подле лампы. Это оказалась маленькая, небрежно сделанная скульптура, изображавшая застывшие в ужасе фигурки. Их частично окружало кольцо. Длинная огненная молния, стандартный символ кары Создателя, ударяла в центр, пронзая несколько явно грешных мужчин и женщин и пришпиливая их к земле. Это было поразительное изображение низменной сущности человеческой натуры и гнева Создателя на гнусные деяния человека.

— Что это? — поинтересовалась она.

Ричард плюхнулся на стул. Он закрыл лицо руками, вцепившись пальцами себе в волосы. Через некоторое время он поднял голову.

— То, что ты хотела, — спокойно ответил он.

— Что я хотела?

— Мое наказание.

— Наказание?

Ричард кивнул.

— Брат Нарев пронюхал о штрафе в двадцать две золотые марки. И сказал, что я наверняка совершил какое-то тяжкое преступление, чтобы получить такие большие деньги, и приговорил меня изготовить статую для главного входа в императорский дворец.

Никки посмотрела на маленькую вещицу на столе.

— Что это?

— Солнечные часы. На кольце стоят метки, обозначающие время. Молния отбрасывает тень Света Создателя на кольцо, указывая время.

— Все равно не понимаю. Почему это наказание? Ты ведь скульптор. Это просто твоя работа.

Ричард покачал головой.

— Я должен приобрести камень на собственные деньги и должен ваять статую по ночам, в личное время, как подарок Ордену.

— А почему ты считаешь, что я именно этого хотела?

Ричард провел пальцем по молнии, глаза его изучали статуэтку.

— Ты приволокла меня сюда, в Древний мир, потому что хотела, чтобы я осознал ошибочность своих убеждений. Я осознал. Мне следовало сознаться в тяжком преступлении и позволить им положить конец всему этому.

Никки, не задумываясь, подошла к столу и положила руку поверх его ладони.

— Нет, Ричард, это не то, чего я хотела.

Он выдернул руку.

Никки пододвинула к нему миску.

— Ешь, Ричард. Тебе понадобятся силы.

Не возражая, он послушался. Заключенный, выполняющий приказ. Никки было неприятно видеть его таким.

Искра исчезла из его глаз, в точности как когда-то исчезла из глаз ее отца.

Он смотрел на стоящую в углу стола скульптуру мертвыми глазами. Вся жизнь, энергия, надежда покинули его. Покончив с ужином, он молча лег на кровать, отвернувшись от Никки.

Никки села за стол, слушая, как шипит лампа, и глядя, как Ричард спит, ровно дыша во сне.

Казалось, его дух сломлен. Она так долго верила, что узнает что-то ценное, когда он окажется загнанным вот так в угол. Судя по всему, она ошибалась, он все же в конечном итоге сдался. Теперь она уже ничего от него не узнает.

Ей мало что осталось делать. Практически нет смысла продолжать всю эту затею. На какое-то мгновение она ощутила сокрушающую тяжесть разочарования. А потом и это чувство исчезло.

Никки, опустошенная и бесстрастная, убрала со стола миску с ложкой и отнесла в таз. Она действовала спокойно, давая ему поспать, сама набираясь решимости вернуться к Джеганю.

Ричард не виноват, что не смог ничему ее научить. Просто в жизни больше нечему учиться. Все так и есть. Мать была права.

Никки взяла нож для разделки мяса и спокойно села за стол.

Ричард уже достаточно настрадался.

Так оно будет лучше.

Глава 59

икки целую вечность сидела за столом, положив рядом нож. Она смотрела Ричарду в спину. Он размеренно дышал во сне. Еще полно времени, чтобы вонзить кинжал ему в спину, между ребрами, в самое сердце.

До рассвета времени больше чем достаточно.

Смерть ведь конец всему. Ей хотелось еще немного на него посмотреть. Никки никогда не надоедало смотреть на Ричарда.

Когда она это сделает, то больше уже никогда не сможет наблюдать за ним. Он уйдет навсегда. Учитывая тот ущерб, что шимы нанесли обоим мирам и связи между ними, она даже не знала, может ли теперь человеческая душа попасть в мир духов. Она даже не знала, существует ли еще подземный мир и отправится ли душа Ричарда туда или он просто... исчезнет навеки... если он сам и то, что является его душой, просто перестанут существовать.

В своем отупелом состоянии она утратила ощущение времени.

Когда Никки поглядела в окно, которое Ричард установил на заработанные им деньги, она заметила, что небо приобрело окраску синяка недельной давности.

Будучи связанной узами с Кэлен, Никки не могла выполнить задуманное с помощью магии. Как бы ее ни воротило от этого и

зная, насколько мерзко это будет, все же придется ей воспользоваться острым ножом.

Никки обвила пальцами деревянную рукоять ножа. Ей хотелось сработать быстро. Она не могла вынести даже мысли, что ему придется мучиться. Он и так достаточно настрадался в жизни, и ей не хотелось, чтобы он умирал в муках.

Он недолго поборется, а потом все кончится.

Ричард резко перекатился на спину, а потом сел. Никки застыла, по-прежнему сидя на стуле. Он протер сонные глаза. Сможет ли она убить его бодрствующим? Сможет ли смотреть ему в глаза, вонзая нож ему в грудь?

Придется.

Так будет лучше.

Ричард зевнул, потянулся и вскочил.

— Никки! Что ты делаешь? Ты что, не ложилась?

— Я... я... Кажется, я заснула сидя.

— А... Ну ладно... Я... вот он. Мне это понадобится.

Он выхватил нож у нее из пальцев.

— Могу я позаимствовать его? Он мне понадобится. Боюсь, что потом мне придется заново заточить его для тебя. Мне будет некогда этим заняться перед уходом. Можешь сделать что-нибудь поесть? Мне некогда. Нужно повидаться с Виктором, прежде чем я приступлю к работе.

Никки пребывала в состоянии полного недоумения. Он вдруг ожил. Даже в предрассветном сумраке было видно, что то самое выражение в его глазах снова вернулось. Он казался... решительным и собранным.

— Да, конечно, — ответила Никки.

— Спасибо, — бросил он через плечо, вылетая из двери.

— Куда ты...

Но он уже испарился. Никки решила, что он, должно быть, пошел на двор за овощами. Но почему ему понадобился для этого большой нож? Никки пребывала в растерянности, но тоже оживилась. Ричард, кажется, снова стал самим собой.

Никки достала несколько яиц, которые сэкономила, сковородку и поспешила на двор к очагу. Там еще с вечера тлели угли, давая немного света. Никки осторожно положила туда немного веточек, затем положила сверху ветки потолще. Затем простонапросто водрузила на дрова сковороду, не устанавливая подставки. Яйца жарятся быстро.

Дожидаясь, пока сковородка нагреется, она услышала странный скребущий звук. В мерцающем свете очага Ричарда на ого-

роде она не видела. Она представления не имела, куда он подевался или что затеял. Она разбила яйца на сковородку и бросила скорлупки в ведро рядом с очагом. Деревянной ложкой она принялась помешивать яйца.

Никки стояла, используя подол, чтобы держать горячую ручку сковородки, и несказанно изумилась, увидев выходящего из-за очага Ричарда.

— Ричард, что ты делаешь?

— Да там кое-какие кирпичи разболтались. Я просто решил укрепить их перед уходом на работу. Я просто вычистил старый раствор. Потом принесу немного свежего раствора и все доделаю.

Сорвав пучок травы, он перехватил у Никки сковородку. Другой рукой он подбросил нож в воздух, поймал за острие и протянул ей рукояткой вперед. Никки взяла тяжелый нож, весь исцарапанный и зазубренный после того, как им чистили кирпичи. Ричард принялся есть стоя.

— Ты в порядке? — поинтересовалась Никки.

— Угу, — промычал он с полным ртом. — А что?

— Ну, прошлой ночью, — она указала в сторону дома, — ты казался таким... опустошенным.

Он нахмурился.

— Я что, не имею права периодически жалеть себя?

— Ну да, можешь, наверное. Но теперь...

— Утро вечера мудренее.

— И?..

— Это ведь будет мой подарок народу, верно? Я дам народу подарок, который ему нужен.

— О чем это ты?

Ричард взмахнул ложкой.

— Брат Нарев с Нилом сказали, что это будет мой подарок народу, значит, так тому и быть. — Он сунул в рот еще яичницы.

— Значит, ты изваяешь ту статую, что они хотят?

Она еще не успела договорить, а он уже несся вверх по лестнице.

— Мне нужно захватить макет и бежать на работу.

Никки поспешила за ним. Он на ходу дожевывал яичницу. В комнате, доев яичницу, он уставился на стоявший на столе макет. Никки ничего не могла понять — он улыбался.

Положив сковородку на стол, он схватил макет.

— Скорее всего я вернусь поздно. Нужно начинать отрабатывать наложенную Орденом епитимью, если смогу. Возможно, мне придется работать всю ночь.

Она с изумлением смотрела, как он убегает на работу.

Никки поверить не могла, что ему снова каким-то образом удалось избежать смерти. И припомнить не могла, чтобы когда-нибудь так чему-то радовалась, как сейчас. Она решительно ничего не могла понять.

Ричард добрался до кузницы вскоре после Виктора. Рабочие еще не пришли. Виктор не удивился его появлению. Ричард иногда заявлялся спозаранку, и они вдвоем сидели на пороге, глядя на восход солнца.

— Ричард! Рад тебя видеть!

— А я тебя. Виктор, мне надо с тобой поговорить.

Кузнец сердито крякнул.

— Статуя?

— Точно. — Ричард несколько удивился. — Статуя. Ты знаешь?

Виктор двинулся по темной мастерской, лавируя между лавками, инструментами и изделиями, Ричард шел за ним.

— О да, наслышан.

По пути Виктор подбирал то молоток, то металлический брусок и складывал на стол или совал в гнездо — в общем, наводил порядок.

— И что же ты слышал?

— Вечером мне нанес визит брат Нарев. И сообщил, что предстоит освящение Убежища, чтобы продемонстрировать наше уважение к Создателю за все то, что он нам дает. — Он оглянулся, шагая мимо своего каватурского мрамора. — Он сказал, что ты будешь ваять статую на площади. Большую статую. Он сказал, что она должна быть готова к дню освящения.

Судя по тому, что я слышал от Ицхака и других, Орден строительством такого монументального сооружения, как Убежище — вдобавок к победоносной войне, — желает задушить все попытки восстания. На строительство работает армия рабочих, и не только здесь, но и в каменоломнях, на золотых и серебряных рудниках, в лесах, откуда берут древесину. Даже рабов надо кормить. Чистка в рядах чиновников, руководящих кадров и квалифицированных рабочих после восстания обошлась им дорого. Думаю, этим освящением брат Нарев желает показать народу, какой достигнут прогресс, вдохновить его, втянуть в празднование самые отдаленные территории, полагая, что таким образом зарубит на корню возможные смуты.

В темном помещении только свет, бьющий в люк на потолке, освещал камень. Мрамор мягко мерцал, благодарно отражая свет.

Виктор открыл двойную дверь, выходящую на Убежище.

— Брат Нарев поведал также, что эта твоя статуя будет одновременно и солнечными часами, изображающими Свет Создателя, высвечивающий муки человечества. Он сказал мне, что я должен надзирать за изготовлением гномона и циферблата, на который должна падать тень. Он что-то там говорил насчет молнии...

Повернувшись, Виктор проследил взглядом, как Ричард ставит модель статуи на узкую полочку для инструментов на стене.

— Добрые духи... — прошептал Виктор. — Какое убожество...

— Они хотят, чтобы я изваял вот это. Они желают, чтобы это была статуя, возвышающаяся над главным входом.

Виктор кивнул.

— Об этом брат Нарев тоже поведал. Он сказал, каким должен быть металл циферблата. Он желает бронзу.

— Ты умеешь отливать бронзу?

— Нет. — Виктор постучал костяшками пальцев Ричарду по руке. — Прелесть в том, что очень немногие это умеют. И для этого брат Нарев велел выпустить Приску.

Ричард изумленно моргнул.

— Приска жив?

Виктор кивнул.

— Высокопоставленные лица не захотели, чтобы его похоронили в небе, поскольку его умения могут пригодиться. Его заперли в каземате. Орден знает, что ему нужны умельцы. И Приску выпустили, чтобы он сделал то, что им нужно. Если он хочет оставаться в живых, он должен отлить бронзу за свой счет, в качестве дара народу. Они сказали, что это его епитимья. Я должен дать ему спецификации и проследить за сборкой и установкой.

— Виктор, я хочу купить твой камень.

Брови кузнеца недружелюбно насупились.

— Нет.

— Нарев с Нилом прознали о штрафе. И считают, что я слишком легко отделался. Они приказали мне изваять эту самую статую — как Приске отлить бронзу — в качестве епитимьи. Я должен сам приобрести камень и работать с ним после дневных тру-

дов на стройке. Они хотят, чтобы она была готова к зимнему освящению Убежища.

Виктор поглядел на стоящую на полке модель, как на какого-то монстра, пришедшего по его душу.

— Ричард, ты же знаешь, что значит для меня этот камень. Я не...

— Виктор, послушай...

— Нет, — выставил руку Виктор. — Не проси меня об этом. Я не хочу, чтобы этот камень превратился в уродство, как и все, к чему прикасается Орден. Я этого не допущу.

— Как и я.

— Вот, что тебе предстоит изваять! — сердито ткнул Виктор в модель. — Да как ты вообще можешь думать об этом убожестве, посещая мой прекрасный камень?!

— Не могу.

Ричард спустил гипсовую модель на пол. Взяв большой молот, стоявший у стены, он могучим ударом разнес кошмарище на тысячи осколков. И принялся наблюдать, как белая пыль медленно выплывает за порог и летит вниз по холму к Убежищу, как какой-то злой дух, возвращающийся в подземный мир.

— Виктор, продай мне твой камень. Позволь мне высвободить скрывающуюся в нем красоту.

Виктор недоверчиво прищурился.

— В камне есть изъян. Трещина. Из него нельзя ничего изваять.

— Я об этом думал. И нашел способ. Я знаю, что могу это сделать.

Виктор коснулся камня, словно утешая расстроенную возлюбленную.

— Виктор, ты меня знаешь. Разве я хоть раз подставил тебя? Хоть раз обидел?

— Нет, Ричард, никогда, — тихо проговорил кузнец.

— Виктор, мне необходим этот камень. Это самый лучший образец мрамора. Он, как никакой другой, принимает и отражает свет. И он такой зернистости, что позволяет делать мелкие детали. Для этой статуи мне нужен самый лучший. Клянусь, Виктор, если ты мне доверишь его, я не подведу тебя. Я ни за что не предам твой любви к этому камню, клянусь!

Кузнец ласково провёл широкой мозолистой ладонью по камню, чуть ли не вдвое возвышавшемуся над ним.

— А если ты откажешься ваять для них статую?

— Нил сказал, что тогда меня отправят назад в тюрьму и продержат, пока я не сознаюсь или не умру под пытками. Я окажусь похороненным в небе ни за грош.

— А если ты вместо этого, — Виктор ткнул в осколки модели, — сделаешь то, что хочешь, а не то, что желают они?

— Может, мне хочется перед смертью снова увидеть красоту.

— Ба! Что ты изваяешь? Что увидишь перед смертью? Что может стоить твоей жизни?

— Величие человека — самая высшая форма красоты.

Рука кузнеца застыла на камне, он пристально поглядел Ричарду в глаза, но промолчал.

— Виктор, мне нужна твоя помощь. Я ничего не прошу даром. Я дам тебе твою цену. Назови ее.

Виктор окинул камень любящим взглядом.

— Десять золотых марок, — с храброй уверенностью заявил он, зная, что денег у Ричарда нет.

Ричард полез в карман и отсчитал десять золотых. Он протянул деньги Виктору. Кузнец нахмурился.

— Откуда у тебя такие деньги?

— Заработал. Заработал, помогая Ордену строить этот их дворец. Помнишь?

— Но ведь они забрали все твои деньги! Никки сказала им, сколько у тебя есть, и они забрали все.

— Ты ведь не думаешь, что я настолько глуп, чтобы держать все свои деньги в одном месте, а? — хитро прищурился Ричард. — Да у меня там повсюду золото распихано. Если этого мало, я заплачу тебе столько, сколько запросишь.

Ричард знал, что камень ценный, хотя и не стоит десяти марок, но это ведь Виктор, поэтому Ричард и не спорил насчет цены. Он готов был заплатить любую сумму.

— Я не могу взять у тебя деньги, Ричард. — Кузнец решительно махнул рукой. — Я не умею ваять. Это была всего лишь мечта. Поскольку ваять я не умею, то все, что я мог, это мечтать, представляя себе красоту, запрятанную в этом камне. Он с моей родины, где когда-то царила свобода. — Он ласково погладил мрамор. — Это благородный камень. Мне бы хотелось увидеть сделанное из этого каватурского мрамора величие. Ты можешь взять его, мой друг.

— Нет, Виктор, я не хочу отнимать у тебя мечту. Наоборот, я хочу некоторым образом осуществить ее. Я не могу принять это в подарок. Я хочу купить его.

— Но почему?

— Потому что мне придется отдать его Ордену. Я не хочу, чтобы ты отдавал это Ордену. А мне придется это сделать. Более того, они наверняка захотят уничтожить статую. И она должна принадлежать мне, когда они это сделают. Я хочу заплатить тебе за мрамор.

— Значит, десять марок, — протянул руку Виктор.

Ричард вложил ему в руку десять марок и зажал ему в ладони.

— Спасибо, Виктор, — прошептал он.

— Куда тебе его доставить? — ухмыльнулся Виктор.

Ричард протянул еще один золотой.

— Могу я арендовать это помещение? Мне бы хотелось ваять здесь. Отсюда, когда я закончу, ее легко спустить волоком до дворцовой площади.

— Заметано, — пожал плечами Виктор.

Ричард протянул двенадцатую монету.

— И я хочу, чтобы ты изготовил мне инструменты, которыми я буду работать с этим камнем. Самые лучшие инструменты, какие ты когда-либо делал. Такие, какими пользовались у тебя на родине, ваяя красоту. Этот мрамор требует самого лучшего. Сделай инструменты из лучшей стали.

— Долота, самые разнообразные резцы, в том числе и для тонкой работы, — я все могу сделать. А молотков тут навалом самых разных. Пользуйся.

— Мне также понадобятся рашпили, самые разные. И напильники, прямые, изогнутые, разной насечки. Еще понадобится пемза, высококачественная белая пемза, и большой запас толченой пемзы.

Глаза Виктора расширились. Кузнец был родом из мест, где когда-то делали такие скульптуры. И он отлично понял, что затеял Ричард.

— Ты собираешься изваять плоть в камне?

— Да.

— А ты умеешь?

Ричард знал, повидав статуи в Д'Харе и Эйдиндриле, и со слов других скульпторов, и после своих собственных экспериментов во время работы на дворец, что если ваять правильно, затем отполировать до блеска, то высококачественный мрамор начинает мерцать, и камень начинает казаться мягче и становятся похожим на живую плоть. Если все сделать грамотно, то камень кажется чуть ли не живым.

— Мне уже доводилось видеть, как это делается, Виктор, и я научился. Я размышлял над этим много месяцев. Даже когда я начал ваять для Ордена, то все время держал в уме эту задумку. И использовал работу на Орден для практики, пробуя делать то, что видел, чему научился и до чего додумался сам. Даже раньше, когда они допрашивали меня... я думал об этом камне, о той статуе, что, я знаю, заключена в нем, чтобы отвлечься от того, что они со мной делали.

— Ты хочешь сказать, это помогло тебе выдержать пытки?

Ричард кивнул.

— Я могу это сделать, Виктор. — Он решительно поднял кулак. — Плоть в камне. Мне только понадобятся подходящие инструменты.

Виктор потряс зажатым в руке золотом.

— Договорились. Я могу изготовить нужные тебе инструменты. Это-то я умею. Я не умею ваять, но инструмент сделать могу, и это будет моим вкладом. То, что я могу сделать, чтобы выявить скрывающуюся в этом мраморе красоту.

Ричард обменялся с Виктором рукопожатием, закрепляя сделку.

— Я хочу попросить тебя еще кое о чем. Об одолжении.

Виктор рассмеялся гулким утробным смехом.

— Я должен кормить тебя лярдом, чтобы тебе хватило силенок работать с этим благородным камнем?

— От лярда я никогда не отказывался! — улыбнулся Ричард.

— Тогда что? — спросил Виктор. — Какое одолжение?

Пальцы Ричарда ласково коснулись камня. Его камня.

— Никто не должен видеть ее, пока она не будет закончена. Включая тебя. Мне понадобится брезентовый полог, чтобы закрывать ее. Я хотел бы попросить тебя не смотреть, пока она не будет готова.

— Почему?

— Потому что мне необходимо, чтобы она в процессе работы принадлежала только мне одному. Мне необходимо быть в одиночестве, пока я буду ваять. Когда я закончу, ее сможет увидеть весь мир, но пока я над ней работаю, она только для моих глаз и больше ничьих. Я не хочу, чтобы кто-нибудь видел ее в незаконченном виде.

Но главным образом я не хочу, чтобы ты ее видел потому, что если что-то пойдет не так, я не желаю, чтобы ты был замешан. Не хочу, чтобы ты знал, чем я тут занимаюсь. Если ты ее не уви-

дишь, то тебя не смогут похоронить в небе за то, что ты им не сообщил.

Виктор пожал плечами.

— Раз ты так хочешь, значит, так тому и быть. Я скажу своим людям, что эту комнату сняли в аренду, доступ в нее запрещен. И поставлю замок на внутреннюю дверь. А на эти двойные двери установлю засов и ключ отдам тебе.

— Спасибо. Ты даже не представляешь, как много это для меня значит.

— Когда тебе понадобятся резцы?

— Сперва мне понадобится долото для грубой обработки. Можешь изготовить к вечеру? Мне нужно начинать действовать. Времени не так много.

Виктор лишь отмахнулся.

— Долото сделать проще простого. Это я сделаю быстро. Будет готово к тому времени, когда придешь сюда после работы — работы по изготовлению уродства. А остальные резцы будут сделаны задолго до того, как тебе понадобятся, чтобы изваять красоту.

— Спасибо, Виктор.

— При чем тут спасибо? Это сделка. Ты внес предоплату — ценность за ценность между честными людьми. Передать тебе не могу, как приятно иметь еще заказчика помимо Ордена.

Почесав затылок, Виктор стал более серьезным.

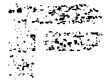
— Ричард, они ведь захотят увидеть твою работу, верно? Наверняка захотят видеть, как ты трудишься над их статуей.

— Вряд ли. Они доверяют моей работе. Они дали мне модель, которую нужно увеличить. А ее они уже одобрили. И сказали, что моя жизнь зависит от этого. Нил чуть ли не приплясывал от восторга, рассказывая мне, как приказал пытать и казнить тех скульпторов. Он рассчитывал запугать меня. Сомневаюсь, что им придет в голову проверять.

— А если какой-нибудь из послушников все же заявится, желая посмотреть?

— Ну, тогда мне придется обмотать ему вокруг шеи лом и оставить мариноваться в бочке с рассолом.

Глава 60

 ичард коснулся долотом лба, в точности как касался Меча Истины. То, что ему предстоит, — это тоже битва. Битва между жизнью и смертью.

— Будь точен, клинок, — прошептал он.

Долото было восьмигранным, чтобы не скользило в потной ладони. Тупой конец Виктор сделал в точности как надо. А на одной из граней поставил маленькими буковками свои инициалы «ВК» — этакая отметка мастера, гордого своей работой.

Таким тяжелым долотом можно будет сколоть все лишнее очень быстро. Такой инструмент может пробивать мрамор на добрых три пальца в глубину. А если неосторожно вогнать в незамеченную трещину, то может рассыпаться весь камень.

Более легкое долото пробивает дырки поменьше, но и материала скалывает меньше. Но Ричард знал, что даже применяя самое тонкое долото, необходимо остановиться как минимум за полпальца до конечного слоя. Паутинка трещин, оставляемая долотом, ломает кристаллическую структуру мрамора. А с такими повреждениями камень теряет способность светиться и его нельзя отполировать до блеска.

Чтобы изобразить плоть в камне, к последнему слою нужно подбираться крайне осторожно, чтобы никоим образом его не повредить.

Сколов тяжелым долотом все лишнее, можно начинать работать более тонким инструментом, придавая статуе очертания. Подойдя к основному слою, надо продолжить обработку уже всякими резцами, зубчатыми и обычными, чтобы стесать лишнее, не повредив нижние слои. Грубые зубцы снимают пласты камня, оставляя грубые царапины. Затем можно переходить на все более и более тонкий инструмент, а под конец работать резцом шириной в полмизинца.

На стройке он делал фигуры для фризов — то, к чему уже перешли скульпторы. Грубо вытесанные фигуры, с совсем не выделенными мышцами и костями, казались лишенными даже всякого намека на человеческий облик.

А с этой статуей он только-только по-настоящему начнет работать с того места, где скульпторы Ордена заканчивают. С помощью рашпилей он вырисует мышцы, кости, даже вены на руках. Потом тонким напильником заровняет следы рашпиля и обработает самые нежные контуры. Пемзой уберет следы напильника, подготавливая поверхность для полировки пастой из толченой пемзы, сперва используя кожу, потом ткань и, наконец, солому.

Если он все сделает правильно, то в итоге воплотит в камне то, что задумал. Плоть в камне. Величие.

Сжимая тяжелое долото, Ричард коснулся прохладной поверхности камня. Он знал, что внутри. Внутри не только камня, но и его самого.

Никаких сомнений, только страстное предвкушение.

Ричард думал о Кэлен. Прошел уже почти год с тех пор, как он в последний раз заглядывал в ее зеленые глаза, касался лица, сжимал в объятиях. Она уже давным-давно покинула убежище в горах и отправилась навстречу опасностям, которые он очень живо представлял. Иногда он просто впадал в отчаяние, страдая от тоски по ней. Но он знал, что сейчас должен выкинуть из головы все мысли о ней, чтобы полностью посвятить себя выполнению предстоящей задачи.

И Ричард мысленно пожелал Кэлен спокойно ночи — он часто так делал весь этот год.

Затем под углом в девяносто градусов приставил долото к камню и нанес могучий удар. Мраморные крошки брызнули в стороны.

Он задышал глубже и чаще. Началось.

Ричард яростно атаковал камень.

Виктор оставил в мастерской лампы, света было достаточно, и Ричард углубился в работу, нанося удар за ударом. Куски мрамора грохотали, врезаясь в деревянные стены, или мягко шлепали, ударясь о его руки или грудь. Ясно представляя, что хочет сделать, Ричард сбивал все лишнее.

В ушах звенело от ударов стали о сталь и стали по камню. Но для него это звучало как музыка. Отколотые куски разлетались во все стороны. Для него они были поверженным врагом. В воздухе висела белая пыль битвы.

Ричард знал совершенно точно, чего хочет. Знал, что нужно сделать и как. Цель ясна, путь проложен. Теперь, когда все началось, он целиком ушел в работу.

Пыль выбелила его одежду. Словно камень поглотил его, словно Ричард преображался вместе с ним, пока они не стали одним целым. Острые куски царапали его, отлетая в сторону. Его обнаженные руки, белые как мрамор, вскоре покрылись кровавыми следами этой битвы.

Время от времени Ричард открывал дверь, чтобы вымести мусор. Белые осколки сыпались вниз по холму, звеня, как тысячи крошечных колокольчиков. Покрывавшую его с ног до головы белую пыль пересекали темные ручьи пота и красные царапины. Прохладный воздух холодил разгоряченную кожу. Потом Ричард снова закрывал дверь, отгораживаясь от всего мира.

Впервые чуть ли не за год Ричард чувствовал себя свободным. Тут не было никаких оков, никаких ограничений, не было желаний других, которым нужно подчиняться. В этой борьбе за осуществление своей цели он был полностью свободен.

То, что он намеревался создать, будет полной противоположностью всему, что представляет Орден. Ричард намеревался показать людям жизнь.

Ричард знал, что когда брат Нарев увидит статую, то приговорит его к смерти.

С каждым ударом каменные куски отлетали, приближая его к цели. Ему пришлось встать на табурет, чтобы достать до верхушки камня, передвигаясь вокруг мраморной глыбы, чтобы обработать ее со всех сторон.

Ричард орудовал стальной дубиной яростно, как в бою. Рука, в которой он держал долото, дрожала. Но сколь бы яростными ни были удары, они были четко рассчитаны. Для такой работы можно было бы воспользоваться кайлом. С ним работа шла бы быстрей, но тогда пришлось бы делать полный замах, а Ричард

из-за трещины боялся обрушиваться на камень с такой силой. Хотя в самом начале камень выдержал бы напор, но все равно он посчитал, что работать кайлом слишком опасно.

Придется попросить Виктора сделать набор сверл для дрели. Ричард долго и много размышлял о том, как быть с трещиной. И решил сколоть большую ее часть. Сперва, чтобы остановить дальнейшее образование трещин, он просверлит дырки в основной трещине, чтобы снять давление. А потом, просверлив серию близко расположенный дырок, он ослабит камень на большом участке вокруг трещины и уберет большую ее часть.

Фигур будет две: мужская и женская. И в законченном виде промежуток между ними будет там, где Ричард уберет большую часть трещины. Когда самая слабая часть камня уберется, оставшаяся часть сможет выдержать нагрузку при обработке. Поскольку трещина начинается от основания, всю ее убрать не получится, но можно хотя бы уменьшить до приемлемого уровня. В этом и состоит секрет камня: убрать слабые места, а потом продолжить работу с остальным.

Ричард считал, что трещина весьма кстати. Во-первых, она уменьшила стоимость камня, что позволило Виктору его купить. Однако для Ричарда ценность трещины в первую очередь была в том, что заставила его думать о том, как работать с этим камнем. И эти размышления навели его на мысль, которую он сейчас и воплощал в жизнь. Не будь этой трещины, возможно, он бы не додумался именно до этого.

Его наполняла энергия битвы, подпитываемая жаром атак. Камень стоял между ним и тем, что он хотел изваять, и он жаждал уничтожить все лишнее, чтобы добраться до фигур. Откололся большой угловой кусок и заскользил вниз. Сначала медленно, а потом с грохотом рухнув на пол. Ричард продолжал работать, и осколки засыпали павшего врага.

Ему пришлось еще несколько раз открывать двери и выкидывать мусор. Было настоящим наслаждением видеть, как то, что изначально было бесформенным монолитом, постепенно превращается в грубые фигуры. Фигуры еще полностью закрытые, их руки еще далеко не свободны, ноги не расставлены, но уже начали проступать. Придется быть осторожным, когда начнет сверлить, чтобы у фигур не отвалились руки.

Ричард удивился, увидев, что в окно на потолке льется свет. Он проработал всю ночь напролет, сам того не заметив.

Отойдя назад, он оглядел статую, уже более или менее принявшую грубые очертания. Теперь там, где руки, осталось убрать совсем немного. Ричард хотел, чтобы руки были свободными, а тела грациозны. Живыми. То, что он делал для Ордена, не было свободным, оно было навсегда заключенным в камень, как трупы, навеки застывшие и не способные двигаться.

От камня осталась половина, практически все лишнее ушло. Ричарду до смерти хотелось остаться и продолжить работу, но он не мог. Найдя в углу брезент, оставленный Виктором, Ричард набросил его на статую.

Он открыл дверь, и белая пыль клубами устремилась наружу. На улице среди осколков мрамора сидел Виктор.

— Ричард, да ты тут всю ночь проторчал!

— Похоже.

— Ты похож на доброго духа, — ухмыльнулся Виктор. — Как идет сражение с камнем?

Ричард не нашел что ответить — только сиял от радости.

Виктор гулко захохотал.

— Твоя физиономия говорит сама за себя. Ты наверняка устал и проголодался. Давай-ка сядь и отдохни. И пожуй лярда.

Никки услышала, как Камиль с Набби радостно завопили, увидев идущего Ричарда, и с громким топотом помчались ему навстречу. Глянув в окно, она увидела, как они его встречают. Никки тоже была рада, что он пришел домой так рано.

За последние недели, с тех пор как Ричард получил задание изваять статую для брата Нарева, Никки нечасто его видела. Она не могла понять, как Ричард выдерживает эту работу, которая, как она знала, сущее мучение для него. Не из-за размера, а из-за сути.

Однако Ричард казался совершенно счастливым. Часто после работы на стройке, где ваял в камне нравственные уроки для фасада дворца, он потом до глубокой ночи трудился над статуей для дворцовой площади. Каким бы усталым он ни приходил, иногда он часами вышагивал по комнате. Бывали ночи, когда он спал лишь пару часов, потом вставал и еще несколько часов работал над статуей, прежде чем начинались работы на стройке. И несколько раз вообще работал всю ночь напролет.

Ричард казался одержимым. Никки не понимала, как ему это удается. Иногда он заскакивал домой поесть и подремать часок и снова уходил. Никки пыталась заставить его остаться поспать,

но он говорил, что епитимью нужно отработать, иначе они снова упекут его в тюрьму. Никки опасалась такой возможности, поэтому особо не настаивала. Уж лучше пусть теряет сон, чем жизнь.

Ричард всегда был сильным и мускулистым, но с приездом в Древний мир, мышцы стали еще более рельефными. Работа грузчика, когда ему приходилось ворочать железки, а теперь скульптора, когда нужно передвигать камни и махать молотом, даром не прошла. Когда он снимал рубашку, чтобы смыть каменную пыль, у Никки при виде его колени подгибались.

Никки услышала в коридоре шаги и восторженные голоса Камиля и Набби, сыпавших вопросами. Она не могла разобрать слов, но отлично узнала тембр голоса Ричарда, спокойно отвечавшего на вопросы ребят.

Как бы он ни уставал, как бы ни был поглощен своей работой, он всегда находил время поговорить с Камилем и Набби, и другими обитателями дома. Теперь он наверняка направляется на задний двор, чтобы указать молодым людям на огрехи в их резьбе по дереву. Днем парни работали по дому, убирая и ремонтируя что нужно. Они перекопали огород и смешали землю с компостом, когда он созрел. Женщины очень оценили, что ребята избавили их от этой тяжелой работы. Ребята мыли, красили и чинили, надеясь, что Ричард одобрит их старания, а затем покажет им что-нибудь новенькое. Камиль с Набби всегда предлагали Никки помощь. В конце концов она ведь жена Ричарда.

Ричард вошел в комнату, когда Никки стояла у стола и крошила в горшок морковку с луком. Он плюхнулся на стул. Ричард выглядел очень усталым после работы на стройке. К тому же он встал ни свет ни заря, чтобы успеть до основной работы поработать над статуей.

— Я пришел поесть. Мне нужно возвращаться, чтобы поработать над статуей.

— Это для завтрашнего жаркого. Я приготовила просо.

— А больше ничего нет?

Никки покачала головой.

— Сегодня мне хватило денег только на просо.

Ричард только кивнул.

Несмотря на усталый вид, в его глазах было что-то такое, какая-то внутренняя страсть, от которой у нее сердце начинало отчаянно колотиться. То непонятное, что она увидела в его взо-

ре в самую первую встречу, стало еще ярче с той ночи, когда она чуть было не пронзила ножом его сердце.

— Завтра будет жаркое, — сказала она. Его глаза смотрели в пространство, изучая что-то, видимое лишь ему одному. — С огорода.

Поставив на стол деревянную миску, она взяла глиняный горшок и наложила ему полную миску проса. В горшке мало что осталось, но он нуждается в еде больше, чем она. Никки все утро простояла в очереди за просом, а потом весь день выбирала из него червей. Некоторые женщины, не перебирая, просто варили его до тех пор, пока все не превращалось в однородную массу. Никки не желала кормить Ричарда подобным образом.

Стоя у стола и шинкуя морковку, она все же в конце концов не выдержала.

— Ричард, я хочу пойти на стройку вместе с тобой и посмотреть статую, которую ты ваяешь для Ордена.

Он некоторое время молчал, пережевывая просо. А когда наконец заговорил, то с какой-то особенной спокойной интонацией, очень подходящей к тому непонятному выражению его глаз.

— Я хочу, чтобы ты увидела статую, Никки. Я хочу, чтобы все ее увидели. Но только после того, как я ее закончу.

— Почему?

Он повозил ложкой в миске.

— Пожалуйста, Никки, дай мне ее закончить, а потом посмотришь.

Ее сердце бешено колотилось. Для него это явно очень важно.

— Ты делаешь совсем не то, что тебе велели, так?

Ричард поглядел ей в глаза.

— Так. Я делаю то, что мне нужно сделать, что нужно увидеть людям.

Никки судорожно сглотнула. Она поняла: это именно то, что она так долго ждала. Он уже был готов сдаться, но потом захотел жить, а теперь готов умереть ради того, что делает.

Никки кивнула, вынужденная отвести взгляд от его серых глаз.

— Я подожду, пока она не будет готова.

Теперь она поняла, почему он в последнее время такой одержимый. Она чувствовала, что есть какая-то связь между этой одержимостью и той искоркой, что тлела в глазах ее отца и ярко полыхала в глазах Ричарда. Сама мысль об этом пьянила.

Это было вопросом жизни и смерти, причем в гораздо более широком смысле.

— Ты уверен в том, что делаешь, Ричард?

— Абсолютно.

Никки снова кивнула.

— Хорошо. Я выполню твою просьбу.

На следующий день Никки спозаранку отправилась за хлебом. Она хотела, чтобы Ричард поел приготовленное ею жаркое с хлебом. Камиль предложил пойти вместо нее, но ей хотелось выйти из дома. Она попросила Камиля приглядеть за жарким, томившимся на угольях.

День выдался пасмурным и прохладным — первые признаки приближавшейся зимы. По улицам бродили толпы людей в поисках работы, двигались телеги, груженные чем угодно, от навоза до грубой темной ткани, ехали фургоны, перевозившие главным образом строительные материалы для дворца. Никки приходилось ступать крайне осторожно, чтобы не вляпаться в кучи навоза на дороге, и проталкиваться сквозь толпу, двигавшуюся медленно, как грязь в открытых стоках.

На улицах было полно нуждающихся, многие из которых наверняка пришли в Алтур-Ранг в поисках работы, хотя в зале рабочей группы народу почти не было. Очереди в булочные выстроились длиннющие. По крайней мере Орден заботится о том, чтобы люди получали хлеб, пусть даже серый и черствый. Однако нужно было идти за ним пораньше, ведь хлеба могло не хватить. Поскольку народу в городе все прибавлялось, с каждой неделей продукты в лавках заканчивались все быстрей и быстрей.

Ходили слухи, что когда-нибудь смогут поставлять больше сортов хлеба. Никки надеялась, что в тот день появится и масло. Масло иногда продавали. И хлеб, и масло стоили недорого, поэтому Никки знала, что может позволить себе купить немножко масла для Ричарда. Если оно будет, конечно. Его практически никогда не бывало.

Никки уже сто восемьдесят лет старалась помогать людям, но, похоже, сейчас людям жилось ничуть не лучше, чем почти двести лет назад. Впрочем, те, что живут в Новом мире, вполне процветают. Когда-нибудь, когда Орден будет править всем миром и имущих заставят делиться с другими, тогда все наконец станет на свои места и все человечество заживет так достойно, как оно заслуживает. Орден об этом позаботится.

Булочная находилась на перекрестке, так что очередь загибалась за угол. Никки стояла за углом, привалившись плечом к стене, и наблюдала за проходившей мимо толпой, и тут вдруг одно лицо привлекло ее внимание.

Глаза ее округлились и она выпрямилась. Никки глазам своим не верила. Что она-то делает в Алтур-Ранге?!

Никки вообще-то вовсе не хотелось это выяснять. Только не сейчас, когда она уже так близка к ответу. Затея с Ричардом дошла до критической стадии. Никки была совершенно уверена, что все вот-вот разрешится.

Ники набросила на голову темную шаль, прикрывая свои светлые волосы, и туго завязала ее под подбородком. Спрятавшись за спину толстой тетки и прижавшись к стене, Никки осторожно выглянула.

Никки наблюдала за сестрой Алессандрой, которая пристально изучала лица всех прохожих. Больше всего она походила на вышедшую на охоту горную львицу.

Никки знала, на кого охотится Алессандра.

При других раскладах Никки была бы рада встрече, но не сейчас.

Никки нырнула обратно в укрытие и не высовывалась, пока сестра Алессандра не растворилась в заливающем улицы человеческом океане.

Глава 61

последний раз покидая свой родной город, Эйдиндрил, Кэлен поплотней затянула свой волчий тулуп, стараясь защититься от пронизывающего ветра. Она вспомнила, что было так же по-зимнему холодно, когда она в последний раз видела Ричарда. В сумятице будней и в пылу битв мысли ее обычно были заняты насущными вопросами. И неожиданное напоминание о Ричарде было пусть и горьким, но приятным отвлечением от военных тревог.

Прежде чем уйти с вершины холма, Кэлен оглянулась, ей хотелось напоследок полюбоваться великолепием дворца Исповедниц вдали. Всякий раз, когда она видела его могучие белые мраморные колонны и ряды высоких окон, ее охватывало щемящее чувство дома. Многих людей вид дворца пугал или вызывал благоговение, но в Кэлен он всегда будил лишь теплые чувства. Здесь она выросла, и с этим дворцом у нее были связаны многие счастливые воспоминания.

— Это не навсегда, Кэлен.

Кэлен глянула через плечо на Верну.

— Да, не навсегда.

Как бы ей хотелось в это верить!

— Кроме того, — улыбнулась Верна, — мы лишили Имперский Орден людского пополнения, а это именно то, что им на самом деле нужно. И оставляем им лишь камни да

деревяшки. А что значат камни и дерево, если люди спасены и в безопасности?

— Ты права, Верна, — улыбнулась Кэлен сквозь слезы. — Только это и имеет значение. Спасибо, что напомнила.

— Не волнуйтесь, Мать-Исповедница, — сказала Кара, Бердина и другие морд-сит вместе с войсками проследят за населением и позаботятся, чтобы они спокойно добрались до Д'Хары.

Кэлен заметно повеселела.

— Хотелось бы мне увидеть рожу Джеганя, когда он будущей весной наконец доберется сюда и не обнаружит ни одной живой души!

Сезон ведения военных действий подходил к концу. Если проведенное вместе с Ричардом в горах лето казалось чудесным сном, то лето бесконечных сражений казалось сущим кошмаром.

Драка была отчаянная, тяжелая и кровавая. Бывали моменты, когда Кэлен думала, что ни она, ни войска больше так не выдержат, что им всем пришел конец. И всякий раз они все же ухитрялись выпутываться. Случалось и такое, что она едва не жаждала смерти, лишь бы только закончился этот непрерывный кошмар, чтобы больше не видеть смерть и страдания, не видеть, как теряются бесценные жизни.

Вопреки огромному численному превосходству Имперского Ордена, несмотря на кажущуюся непобедимость его многомиллионных полчищ, Д'Харианская империя смогла задержать продвижение имперцев и не дать им захватить Эйдиндрил в этом году. Неся многотысячные потери, они все же смогли дать сотням тысяч жителей Эйдиндрила и других лежащих на пути Ордена городов время бежать.

Поздней осенью огромные орды Имперского Ордена добрались до широкой долины, где в Керн вливался широкий приток и где было достаточно места, чтобы сконцентрировать все силы. Однако приближалась зима, и Джегань, уже ученый, не пожелал рисковать. Так что имперцы, пока имелась возможность, предпочли окопаться. Д'харианцы установили оборонительные рубежи северней, перекрыв путь к Эйдиндрилу.

В точности, как и предсказывал Уоррен, Эйдиндрил в этом году оказался имперцам не по зубам. Джегань снова проявил свойственную ему осторожность и терпение. Он предпочел сохранить целостность и боеспособность своих полчищ до лучших

времен, чтобы успешно пойти в наступление, когда погодные условия улучшатся. Таким образом, Кэлен с д'харианцами получили небольшую передышку, но это затишье не могло длиться вечно.

Кэлен тихо радовалась, что предсказания Уоррена сбылись: Эйдиндрил падет лишь в следующем году. По крайней мере не будет резни. Она не представляла, с какими тяготами придется столкнуться жителям на пути в Д'Хару, но в любом случае это куда лучше, чем неизбежное рабство и разгул смерти, останься они в городе под властью Ордена.

Она знала — всегда найдутся те, кто откажется покидать город. В городах на пути Ордена по Срединным Землям некоторые верили в Джеганя Справедливого. Некоторые считали, что добрые духи либо Создатель обязательно позаботятся о них. Кэлен понимала, что никого нельзя спасти от самого себя. Те, кто хотел жить и следовал доводам разума, предпочли уйти. Те же, кто видел лишь то, что хотел видеть, в конечном итоге окажутся рабами Имперского Ордена.

Кэлен коснулась рукоятки торчавшего над плечом Меча Истины. Иногда прикосновение к нему утешало. Дворец Исповедниц больше не был ее домом. Дом там, где они с Ричардом вместе.

Бои частенько бывали таким жаркими, а страх таким сильным, что случались периоды, иногда довольно долгие, когда она даже и не вспоминала о Ричарде. Иногда все физические и душевные силы уходили лишь на то, чтобы прожить еще один день.

Кое-кто, чувствуя, что война эта совершенно безнадежная, дезертировал. Кэлен понимала этих людей. Казалось, что, отступая все дальше в глубь Срединных Земель, их армия ведет лишь непрерывную войну за сохранение собственной жизни против многократно превосходящих сил противника.

Галея пала. То, что ни из одного галеанского города не поступало ни единой весточки, достаточно красноречиво говорило об этом.

И Кельтон они тоже потеряли. Но многие кельтонцы из Винстеда, Пенверро и других городов успели удрать. Большая часть кельтонских войск оставалась с Кэлен, хотя некоторые в отчаянии и рванули домой.

Кэлен старалась по возможности не размышлять о плохом, дабы не отчаиваться и не сломаться. Им удалось спасти очень

многих людей, просто-напросто изъяв их из-под носа у Ордена. Во всяком случае, пока что удалось. Это самое большее, что они могли сделать.

За время долгого отступления на север они потеряли в жестоких битвах десятки тысяч солдат. Потери же Ордена были во много раз больше. В летний зной одна лишь лихорадка унесла жизни четверти миллиона. Но это практически не имело значения. Их численность возрастала и они неумолимо двигались вперед.

Кэлен помнила слова Ричарда, что они не смогут победить, что Новый мир падет под пятой Ордена, а если Срединные Земли окажут сопротивление, то это приведет лишь к еще большему кровопролитию. Кэлен нехотя начинала понимать этот безнадежный прогноз. И боялась, что зря губит людей. И все же для нее и речи не могло быть о сдаче.

Кэлен поглядела назад, за длинную колонну эскорта, за деревья, вверх, на горы, где на склоне возвышался над Эйдиндрилом темный силуэт замка Волшебника.

Зедду придется туда отправляться. Они не могут помешать Ордену захватить Эйдиндрил, но замок Волшебника отдавать Джеганю нельзя ни при каких обстоятельствах.

Десять дней спустя, на закате, Кэлен со своим сопровождением въехала в д'харианский лагерь. И с первого взгляда стало понятно, что что-то не так. По лагерю с мечами на изготовку неслись солдаты. Другие с пиками бежали на баррикады. Кожаные доспехи и кольчуги натягивались прямо на ходу.

— Интересно, что все это значит? — сердито сверкнула глазами Верна. — Мне не понравится, если Джегань испортит мне ужин.

Кэлен без кожаных доспехов вдруг почувствовала себя голой. В доспехах было неудобно ехать во время длинных переходов, поэтому, оказавшись на дружественной территории, Кэлен сняла их и приторочила к седлу. Они спешились и Кара тут же встала рядом. Поводья они отдали кому-то из подскочивших солдат, немедленно сомкнувшихся вокруг них в оборонительное кольцо.

Кэлен не помнила, какого цвета нынче вымпелы на командных палатках. Она никак не могла сообразить, сколько в точности дней отсутствовала. Где-то чуть больше месяца. Она ухватила за рукав ближайшего офицера.

— Где командиры?

— Вон там, Мать-Исповедница, — указал он мечом.

— Вы знаете, что происходит?

— Нет, Мать-Исповедница. Прозвучал сигнал тревоги. От пробегавшей мимо сестры я услышал, что он подлинный.

— Вам известно, где сейчас мои сестры и Уоррен? — спросила офицера Верна.

— Сестры тут снуют повсюду, аббатиса. А волшебника Уоррена не видал.

Темнело, и дорогу освещали лишь тусклые огни костров. Впрочем, почти все костры загасили по тревоге, так что лагерь стал похож на черный лабиринт.

Мимо проскакали направлявшиеся в разъезд д'харианские кавалеристы. Пехотинцы бегом покидали лагерь на разведку. Похоже, никто не знал, что именно им угрожает, но в этом-то как раз не было ничего необычного. Атаки — помимо того, что были частыми и непредвиденными, — как правило, еще и учиняли изрядный переполох.

Кэлен с Карой и Верной в окружении плотного кольца солдат больше часа пробирались до офицерских палаток по бурлящему лагерю размером с город. И в палатках они не обнаружили ни одного офицера.

— Дурацкий способ действий, — пробормотала Кэлен. Найдя свою палатку со стоящей на столике «Сильной духом», Кэлен зашвырнула внутрь седельные сумки вместе с доспехами. — Давайте-ка просто подождем здесь, чтобы нас можно было найти.

— Согласна, — кивнула Верна.

— Пойдите и найдите офицеров, — приказала Кэлен нескольким солдатам из своей охраны. — Сообщите им, что Мать-Исповедница с аббатисой в командирских палатках. Мы будем ждать здесь докладов.

— И передайте это же всем сестрам, что увидите по дороге, — добавила Верна. — А если увидите Уоррена или Зедда, им тоже скажите, что мы вернулись.

Солдаты исчезли в ночи, торопясь выполнить приказ.

— Мне это не нравится, — пробормотала Кара.

— Мне тоже, — ответила Кэлен, входя в свою палатку.

Кара осталась сторожить снаружи вместе с солдатами, а Кэлен тем временем сняла волчий тулуп и облачилась в кожаные доспехи. Они так часто спасали ее от ран, что она предпочитала с ними не расставаться. Достаточно лишь одному человеку про-

скользнуть и вогнать в нее меч — и это скорее всего будет конец. Если повезет и проткнут ногу или даже живот, есть шанс, что какая-нибудь из сестер вылечит ее, но если попадут в какое-либо другое место — сердце, снесут голову или перерубят одну из основных артерий, — то тогда даже маги не смогут ничем помочь.

Кожа доспехов была чрезвычайно прочной. Конечно, мечи, копья и стрелы могут ее пробить, но все же она довольно-таки неплохо защищала, при этом в бою не сковывая движения. Удар меча должен быть верно направлен, иначе клинок лишь скользнет по доспеху, и только. Многие солдаты носили металлические кольчуги, защищавшие куда лучше, но для Кэлен такая кольчуга была слишком тяжелой. В бою жизнь зависит от скорости и ловкости.

Кэлен не собиралась зря рисковать жизнью. Она куда ценней для их дела как вождь, чем как простой боец. Но, хотя она и редко напрямую ввязывалась в сражение, бой сам приходил к ней.

Наконец появился сержант с докладом.

— Убийцы, — только и произнес он.

Одного этого жуткого слова было достаточно. Так она и думала, и это очень даже объясняет переполох в лагере.

— Сколько жертв? — спросила Кэлен.

— Наверняка знаю только, что один напал на капитана Циммера. Капитан ужинал у костра со своими людьми. Смертельного удара ему удалось избежать, но он получил паршивую рану в ногу. И потерял много крови. Как раз сейчас с ним возятся хирурги.

— А убийца? — спросила Верна.

Вопрос сержанта, казалось, удивил.

— Капитан Циммер его прикончил. — Он скривился от отвращения, продолжив доклад. — Убийца был в д'харианской форме. И спокойно передвигался по лагерю, пока не обнаружил цель — капитана Циммера — и не напал.

Верна взволнованно сказала:

— Капитану может помочь одна из сестер.

Кэлен кивком отпустила сержанта. Тот отсалютовал, прижав кулак к сердцу, и отбыл, возвращаясь в своим обязанностям.

И тут Кэлен увидела Зедда. Перед его балахона был мокрым и черным, несомненно, от крови. По лицу старого волшебника струились слезы. По телу Кэлен побежали мурашки.

Верна ахнула, когда Зедд внезапно увидел ее и замер на мгновение, прежде чем поспешил к ним. Верна вцепилась в плечо Кэлен.

Зедд схватил Верну за руку.

— Торопись, — только и сказал он.

Больше ему ничего и не надо было говорить. Все и так все поняли.

С горестным криком Верна поспешила за старым чародеем. Кэлен с Карой побежали следом. Зедд очень быстро вел их среди снующих солдат, несущихся галопом лошадей, марширующих колонн и проводивших перекличку офицеров.

Перекличка нужна была из-за того, что на убийцах была д'харианская форма и они могли спокойно подобраться к своей добыче. Так что было жизненно важно пересчитать всех, чтобы вычислить чужаков. Трудная и сложная задача, но необходимая.

Они протолкались в толпу у палаток, где лежали раненые. Кто-то выкрикивал приказы, несли раненых. В каждой палатке лежали десять—двенадцать человек.

Верна устремилась вперед. Зедд придержал ее, взяв за руки.

— Один из нападавших порезал Холли, — сдавленным голосом проговорил он. — Оказавшийся поблизости Уоррен попытался защитить девочку. Верна, клянусь тебе душой моей умершей жены... Я сделал все, что мог. Да простят мне добрые духи, но я обязан тебе сказать... Я не в силах ему помочь. Он зовет тебя и Кэлен.

Кэлен замерла, сердце подкатило к горлу. Зедд, легонько подтолкнув ее в спину, заставил поторопиться. Кэлен следом за Верной нырнула в палатку.

В дальнем конце палатки лежали закрытые простынями шесть мертвых тел. Там и сям из-под простыней торчали окровавленные руки. На одном из мертвецов не было сапога. Кэлен стояла, тупо на все смотрела и никак не могла сообразить, каким образом солдат потерял сапог. Это казалось так глупо — умереть и потерять сапог. Трагедия и комедия под одним саваном.

Уоррен лежал на матрасе. Над ним склонилась сестра Филиппа. С другой стороны сидела сестра Фиби, держа его за руку. Обе подняли на Верну залитые слезами лица.

— Уоррен, — проговорила сестра Филиппа. — Это Верна. Она здесь. И Кэлен тоже.

Обе сестры быстро отодвинулись, освобождая место для Верны и Кэлен. Зажимая рот, чтобы не зарыдать вслух, они стрелой вылетели из палатки.

Уоррен был белее лежащих рядом чистых бинтов. Его широко раскрытые глаза смотрели вверх... словно он уже ничего не видел. Светлые кудрявые волосы слиплись от пота. Балахон насквозь пропитался кровью.

— Уоррен! — простонала Верна. — Ох, Уоррен!

— Верна? Кэлен? — едва слышно прошептал он.

— Да, любовь моя. — Верна осыпала поцелуями его ладонь.

— Я тоже здесь, Уоррен. — Кэлен сжала безвольную руку молодого волшебника.

— Я должен был продержаться. До вашего возвращения. Чтобы сказать вам обеим.

— Что сказать, Уоррен? — сквозь слезы выговорила Верна.

— Кэлен... — прошептал он.

— Я здесь, Уоррен, — наклонилась она к нему. — Не пытайся говорить, просто...

— Послушай меня...

Кэлен прижала его ладонь к своей щеке.

— Я слушаю, Уоррен.

— Ричард прав. Его видение. Я должен сказать тебе.

Кэлен не находила слов.

По его пепельному лицу скользнула улыбка.

— Верна...

— Что, любовь моя?

— Я люблю тебя. Всегда любил.

— Уоррен, не умирай! — Верна едва могла говорить сквозь душившие ее слезы. — Не умирай! Пожалуйста, не умирай!

— Поцелуй меня, пока я еще жив, — прошептал Уоррен. — И не оплакивай меня, а думай о том, как счастливы мы были. Поцелуй меня, любимая.

Наклонившись, Верна приникла к его губам в нежном любящем поцелуе, роняя слезы на его лицо.

Не в силах дольше выносить душераздирающей сцены, Кэлен вылетела из палатки и оказалась в объятиях Зедда. Она рыдала, уткнувшись ему в плечо.

— Да что же мы творим? — всхлипывала она. — Ради чего? К чему все это? Мы все теряем!

Зедд молча слушал, как она оплакивает бесполезность всего этого.

Тянулись минуты. Кэлен усилием воли заставила себя собраться, снова стать Матерью-Исповедницей. Она не могла допустить, чтобы люди видели ее слабость.

Вокруг молча стояли солдаты. Тут из темноты вышел генерал Мейфферт, Кара с трудом скрыла радость. Он быстро подошел к Каре, но не прикоснулся к ней.

— Рад видеть, что вы вернулись, — сказал он Кэлен. — Как Уоррен?

Кэлен не могла сказать ни слова.

— Не думал, что он протянет так долго, — покачал головой Зедд. — Думаю, он держался лишь на одном желании еще раз увидеть жену.

Генерал горестно кивнул.

— Мы поймали того, кто это сделал.

Кэлен мгновенно оживилась.

— Приведите его ко мне! — прорычала она.

Генерал мгновенно заторопился за убийцей. Повинуясь жесту Кэлен, Кара последовала за ним.

— Что он тебе сказал? — тихо спросил Зедд так, чтобы не слышали остальные. — Он хотел тебе что-то сказать.

Кэлен тяжело вздохнула.

— Он сказал: «Ричард прав».

Зедд с несчастным видом уставился в пространство. Уоррен был его другом. Кэлен никогда прежде не видела, чтобы Зедд так привязывался к кому-то, как привязался к Уоррену. Их объединяли такие вещи, которые, она знала, ей никогда не постичь. Несмотря на кажущуюся молодость, Уоррену было больше ста пятидесяти лет, почти ровесник Верны. Для Зедда, всегда выглядевшего как мудрый старый чародей, должно быть, было особенно приятно обсуждать всякие волшебные штучки с человеком понимающим, вместо того чтобы постоянно что-то объяснять и растолковывать.

— Мне он сказал то же самое, — прошептал Зедд.

— Почему Уоррен не воспользовался магией? — спросила Кэлен.

Зедд провел пальцем по щеке.

— Он просто шел мимо, когда этот человек вдруг схватил Холли и пырнул ее. Может быть, убийца не смог найти свою цель, а может, просто заблудился и растерялся либо просто запаниковал и решил убить первого попавшегося, а Холли подвернулась ему под руку.

Кэлен провела ладонью по лицу.

— А может, ему было велено искать волшебника в таком вот балахоне, и, завидев Уоррена, он напал на Холли, чтобы создать переполох и добраться таким образом до Уоррена.

— Тоже возможно. Уоррен в точности не знает. Все произошло мгновенно. Уоррен просто оказался там и среагировал. Я спрашивал его, но он и сам не знает, почему не воспользовался магией. Может быть, увидев сверкающий нож, он побоялся убить Холли, поскольку этот тип держал ее в руках. И в инстинктивном порыве спасти девочку он просто попытался отнять кинжал. И это было смертельной ошибкой.

— А может, Уоррен просто колебался, прежде чем прибегнуть к магии.

Зедд печально пожал плечами:

— Секундное колебание стоило жизни многим волшебникам.

— Если бы я не колебалась, — проговорила Кэлен, предаваясь горьким воспоминаниям, — Никки бы меня не заполучила. И не захватила бы Ричарда.

— Не пытайся исправить прошлое, дорогая. Это невозможно.

— А как насчет будущего?

— То есть? — посмотрел ей в глаза Зедд.

— Помнишь, в конце прошлой зимы, когда мы покидали лагерь — когда Имперский Орден двинулся вперед? — Зедд кивнул и она продолжила: — Уоррен тогда указал на карте это вот место. И сказал, что мы должны находиться здесь, чтобы остановить Орден.

— Ты хочешь сказать, он знал, что умрет здесь?

— Это ты мне скажи.

— Я волшебник, а не пророк.

— Но Уоррен пророк. — Зедд промолчал, и Кэлен шепотом спросила: — А что с Холли?

— Не знаю. Я шел поговорить с Уорреном. Все только что произошло. Солдаты ловили того типа. Уоррен орал, чтобы брали живьем. Наверное, считал, что убийца владеет ценными сведениями. Видел истекающую кровью Холли. Она была без сознания. Я немедленно приказал перенести Уоррена сюда и начал работать с ним. Примчавшиеся сестры поместили Холли в другую палатку. — Раздраженный взгляд Зедда уперся в зем-

лю. — Я использовал все свои знания. Но их оказалось недостаточно.

Кэлен успокаивающе приобняла его за плечи.

— Все это изначально было не в нашей власти.

Ей было странно видеть человека, служившего ей постоянным источником силы, в состоянии такой слабости. Конечно, глупо было считать, что он останется бесстрастным и сильным в подобных обстоятельствах, но все же это как-то выбивало из колеи. В это мгновение Кэлен осознала все потери, что перенес Зедд за свою жизнь. Сейчас это было отчетливо видно в его ореховых глазах.

Солдаты расступились: вернулись генерал Мейфферт и Кара. За ними два здоровенных солдата волокли юнца. Почти что мальчика вообще-то. Он был достаточно мускулистым, но не шел ни в какое сравнение с тащившими его богатырями. Волосы падали на наглые темные глаза.

— Значит, — вызывающе заговорил юнец, — служа Ордену, я, кажись, заколол кого-то важного. И теперь я герой.

— Поставьте его на колени перед Матерью-Исповедницей, — спокойно приказал генерал Мейфферт.

Солдаты пнули парня под коленки, вынуждая опуститься на землю. Стоя перед ней на коленях, он продолжал ерничать.

— Значит, ты и есть та самая важная шлюха, о которой я так много слыхал. Жаль, что тебя не оказалось поблизости. Я б охотно порезал тебя. Думаю, я кое-кому показал, что неплохо орудую ножичком.

— Следовательно, за неимением меня ты вместо этого порезал ребенка, — спокойно проговорила Кэлен.

— Только чтобы попрактиковаться. Я бы порезал куда больше народу, если бы этот здоровенный тупой боров не наскочил на меня. Но я все равно выполнил мой долг перед Орденом и Создателем.

Это была бравада человека, знавшего, что вот-вот заплатит окончательную цену за свои действия. Он пытался убедить сам себя, что выполнил важное задание. Он хотел умереть героем, а потом в награду отправиться прямиком к Создателю.

Из палатки вынырнула Верна. Двигалась она неторопливо. Лицо ее было пепельно-серым и печальным. Кэлен взяла ее под руку, чтобы поддержать, если понадобится.

Увидев коленопреклоненного юнца, Верна остановилась.

— Это он? — спросила она.

Кэлен ласково сжала руку Верны, предлагая молчаливую поддержку.

— Это он, — подтвердила Кэлен.

— Точно, — ухмыльнулся Верне парень. — Я — тот, кто зарезал вражеского волшебника. Я герой. Орден принесет людям свободу и облегчение, и я этому помог. Такие, как вы, всегда пытаются держать нас в черном теле.

— Держать вас в черном теле, — мертвенным голосом повторила Верна.

— Те, кто от рождения обладает всеми преимуществами и удачей, никогда не хотят делиться. Я ждал, но никто так ни разу и не предоставил мне шанса, пока Орден мне его не дал. Я нанес удар угнетателям людей. Я помог принести справедливость тем, у кого никогда не было шанса. Я убил плохого человека. Я герой!

Молчание всех окружающих казалось еще более гнетущим из-за царившего в лагере шума — солдаты искали оставшихся убийц. Офицеры выкрикивали имена, выслушивая быстрые ответы. Рыщущие в поисках чужаков солдаты сновали во всех направлениях, металлические кольчуги и оружие звенели, как тысячи крошечных колокольчиков.

Стоящий на коленях парень ухмыльнулся Верне.

— В другой жизни Создатель вознаградит меня. Я не боюсь смерти. Я заслужил вечность в его негасимом Свете.

Верна обежала взглядом присутствующих.

— Мне все равно, что вы с ним сделаете, — проговорила она, — но я желаю слышать его вопли всю ночь напролет. Я хочу, чтобы весь лагерь слышал его вопли всю ночь. Я хочу, что бы разведчики Ордена слышали его вопли. Это будет мое подношение Уоррену.

Молодой человек облизнул губы, сообразив, что дела идут не так, как он ожидал.

— Это нечестно! — громко запротестовал юный убийца.

Его начало трясти от страха. Он был готов к мученической смерти, быстрому концу. Но происходило что-то непредвиденное.

— Он умер быстро. И мне должна быть дарована такая же быстрая смерть! Это неправильно!

— Неправильно? Что действительно неправильно, — с жутким спокойствием произнесла Верна, — так это что твоя мать вообще раздвинула ноги для твоего отца. И теперь мы несколько запоздало, но исправим ее ошибку. Что действительно непра-

вильно, так это что хороший и добрый человек погиб от руки ничтожной мелкой трусливой гадины, настолько лишенной здравого смысла, что неспособна распознать ложь, которую теперь выплескивает на нас.

Ты хочешь обменять свою жизнь на ту, что ты забрал? Жаждешь умереть за дело, которое по глупости считаешь благородным? Ты получишь то, что хочешь, молодой человек. Но прежде чем умрешь, ты полностью осознаешь, что именно отдаешь, насколько ценна твоя жизнь и как глупо растрачена. И в конечном итоге начнешь жалеть, что мать тебя вообще породила на свет, так же сильно, как сожалеем об этом мы.

Верна обвела решительным взглядом молча наблюдавшую группу.

— Такова моя воля. Пожалуйста, проследите, чтобы она была выполнена.

— Тогда позволь это сделать мне, — шагнула вперед Кара. На ее суровом лице не было и намека на милосердие. — Я лучше всех справлюсь с поставленной тобой задачей, Верна.

Сопляк истерически расхохотался.

— Баба? Вы все считаете, что какая-то здоровенная блондинистая сучка преподаст мне урок? Вы все и впрямь такие психи, как мне говорили!

Верна кивнула.

— Буду тебе обязана, Кара. — Она повернулась, чтобы уйти, но задержалась. — Не позволяй ему умереть до утра, пока я не приду, чтобы присутствовать при этом. Я хочу посмотреть ему в глаза и увидеть, пришел ли этот юноша к пониманию реальности, что жизнь вообще — штука несправедливая, прежде чем расстанется со своей жизнью ни за грош и за то, что является частью великого зла.

— Обещаю тебе, — мягко проговорила Кара, — хоть для тебя в твоей скорби эта ночь покажется вечностью, для него она будет гораздо длинней.

Верна лишь на ходу благодарно коснулась руки Кары.

Когда Верна растворилась в ночи, Кара повернулась к Кэлен.

— Мне понадобится палатка. Не стоит никому видеть, что я с ним делаю. Достаточно будет его воплей.

— Как пожелаешь.

— Мать-Исповедница! — Юнец отчаянно вырывался, но солдаты держали крепко. — Если ты такая добрая, как заявляешь, то прояви милосердие!

С губ юнца свисала слюна, он тяжело дышал.

— Я и проявляю, — ответила Кэлен. — Я позволяю тебе понести то наказание, что вынесла тебе Верна, а не то, которому подвергла бы тебя я.

Кара, щелкнув пальцами, указала на парня и двинулась прочь. Солдаты поволокли верещащего юнца следом за ней.

— А что с остальными, которых мы поймали? — спросил генерал у Кэлен.

Кэлен направилась к своей палатке.

— Перережьте им глотки.

Глава 62

элен села, когда поняла, что больше не слышит отдаленных воплей. До рассвета еще было далеко. Может, у него неожиданно отказало сердце?

Нет, Кара — морд-сит, отлично обученная своему делу.

Кэлен лежала полностью одетая на кровати, слушала душераздирающие крики, переживала за Верну и тосковала по Уоррену. Кэлен иногда покрывалась испариной — когда думала о том, как Ричард однажды перенес воздействие эйджила морд-сит.

Чтобы прогнать непрошеные жуткие картинки, она смотрела на «Сильную духом». Свисавшая на веревке лампа освещала резную фигурку теплым светом, грациозные линии развевающегося платья, сжатые кулаки и гордо вскинутую голову. Сколько бы Кэлен ни смотрела на статуэтку, ей никогда не надоедало. Всякий раз это было потрясение.

Ричард предпочел так смотреть на жизнь, вместо того чтобы поддаться горечи. Погрязни он в разочаровании и горечи, это только лишило бы его способности испытывать счастье.

Кэлен услышала снаружи какой-то шум. Не успела она вскочить, как в проем отдернутого полога просунулась голова Кары. Голубые глаза морд-сит сверкали смертельной яростью. Она вошла в палатку, волоча

за волосы мальчишку. Того трясло и он судорожно моргал, кровь заливала ему глаза.

Скрипнув зубами, Кара швырнула его вперед. Он рухнул в грязь у ног Кэлен.

— В чем дело? — спросила Кэлен.

Выражение глаз Кары показывало, что она на грани тотального бешенства, едва владеет собой, в ней мало что осталось человеческого. Она практически являла собой живое воплощение того, что называлось одни словом: безумие.

Опустившись на колени, Кара схватила юнца за волосы. Рванув ему голову назад, она притиснула его к своему алому кожаному облачению и прижала эйджил к горлу. Тот задохнулся и закашлял. Изо рта хлынула кровь.

— Скажи ей! — прорычала Кара.

Он, словно сдаваясь, поднял руки.

— Я его знаю! Я его знаю!

Кэлен хмуро поглядела на испуганного юнца.

— Кого ты знаешь?

— Ричарда Сайфера! Я знаю Ричарда Сайфера! И его жену, Никки!

Кэлен показалось, что мир рухнул. Под тяжестью этого мира она опустилась на колени перед подопечным Кары.

— Как тебя зовут?

— Гейди! Я Гейди!

Кара прижала эйджил к его спине, он дико заорал. Она с размаху ударила его лицом в землю.

— Кара, погоди, — вытянула руку Кэлен. — Нам надо с ним поговорить.

— Знаю. Я просто забочусь о том, чтобы он захотел с нами говорить.

Кэлен еще никогда не видела Кару такой... распоясавшейся. Она не просто выполняла просьбу Верны. Для Кары это дело имело личный оттенок. Уоррен ей нравился, но, что было куда хуже для Гейди, в Ричарде заключалась жизнь Кары.

Морд-сит снова подняла юнца. Из сломанного носа текла кровь. Когда свет упал на Кару, Кэлен заметила блестящую на красной коже кровь.

— А теперь я желаю, чтобы ты рассказал Матери-Исповеднице все, что знаешь.

Хныча, он закивал, не успела Кара даже договорить приказ.

— Я жил там... куда они приехали. Я жил там, где Ричард с женой...

— С Никки, — поправила Кэлен.

— Да, с Никки. — Он не понимал, что она имеет в виду. — Они поселились в комнате в нашем доме. Мне с моими друзьями он не понравился. А потом Камиль с Набби начали с ним разговаривать. И Ричард начал им нравиться. Я разозлился...

Он так заикался, что никак не мог договорить. Схватив его за скользкий от крови подбородок, Кэлен потрясла его голову.

— Говори! Или я прикажу Каре начать все заново!

— Я не знаю, что говорить, что вам нужно, — прохныкал он.

— Все, что тебе известно о нем и Никки! Все! — проорала Кэлен в дюймах от его лица.

— Расскажи остальное, — проговорила Кара ему на ухо, вздергивая его на ноги.

Кэлен поднялась следом, боясь пропустить хоть одно драгоценное слово.

— Ричард начал собирать людей, чтобы починить дом. Он работал на Ицхака, в транспортной компании. А когда приходил домой вечером, занимался починкой. Он показал Камилю с Набби, как чинить всякую всячину. Я его ненавидел.

— Ты ненавидел его за то, что он улучшал условия жизни?

— Из-за него Камиль с Набби и все остальные начали думать, что могут что-то делать сами, когда они этого не могли. Люди ничего не могут сами. Это жестокое разочарование. Людям должны помогать те, у кого есть возможности. Это их долг. Ричард должен был чинить вещи, потому что он мог это делать. Он не должен был заставлять Камиля с Набби и всех прочих думать, что они сами могут изменить свою жизнь. Никто этого не может. Люди нуждаются в помощи, а не в таких бессердечных и бесчувственных поощрениях.

Я узнал, что Ричард работает по ночам. Он поставлял дополнительные грузы для алчных людей. И зарабатывал деньги, которые не имел права получать.

А потом, как-то ночью, я сидел на ступеньках и услышал, как Никки спустила на Ричарда всех собак. Потом она вышла на ступеньки и попросила меня заняться с ней сексом. Женщины всегда меня хотят. Она такая же шлюха, как и все остальные, несмотря на свой надутый вид. Она сказала мне, что Ричард недостаточно мужик для нее и что она хочет, чтобы я оттрахал ее, потому что он не хочет.

И я ублажил ее по полной. В точности, как она хотела. Оттрахал шлюху по полной. Грубо и жестоко, как она и заслуживала...

Кэлен со всей силы вогнала колено ему в пах. Гейди сложился пополам, неспособный даже вдохнуть. Глаза его закатились и он с грохотом рухнул на землю.

— Я подумала, что тебе понравится этот кусок, — улыбнулась Кара.

Кэлен вытерла слезы.

— Это был не Ричард. Я знала, что это не Ричард. Это был этот скот.

Когда парень начал приходить в себя, Кэлен двинула ему по ребрам. Он вскрикнул. Кэлен нетерпеливо заломила пальцы. Схватив за волосы, Кара рывком поставила его на ноги.

— Заканчивай свой рассказ, — с ледяной яростью приказала Кэлен.

Парень заходился в кашле, исходя слюной и пеной. Каре пришлось удерживать его, чтобы не упал. Она заломила ему руки за спину, чтобы он не мог зажать пах. Лицо парня было искажено от боли.

— Говори или я сделаю это снова!

— Пожалуйста! Я же рассказывал, когда вы меня сами остановили!

— Продолжай!

Он отчаянно закивал.

— Когда я закончил со шлю... когда я расстался с Никки, Камиль с Набби просто взбесились.

— Что значит взбесились? — вздернула ему подбородок Кэлен.

— Взбесились от злости из-за того, что я был с женой Ричарда. Им Ричард нравится, поэтому они разозлились на меня. И собирались меня поколотить. И тогда я решил уйти в армию и сражаться для Ордена с варварами, и...

Кэлен ждала. Она глянула на Кару. Морд-сит сделала что-то за спиной Гейди, отчего тот вскрикнул.

— И тогда я сдал Ричарда!

— Что ты сделал?

— Сдал его, перед тем как уйти. Сообщил городским гвардейцам Защитника Мускина, что Ричард делает преступные вещи, что ворует работу у трудового люда... что зарабатывает больше, чем положенная ему честная зарплата.

— Не поняла... — нахмурилась Кэлен. — Что это означает?

Гейди трясся от ужаса. Ему явно не хотелось отвечать. Кара прижала эйджил к его ребрам. По насквозь промокшей от пота рубашке потекла кровь. Он попытался, но так и не смог вдохнуть. Пепельное лицо начало багроветь.

— Отвечай ей, — холодно приказала Кара.

Она чуть ослабила давление, и Гейди начал хватать воздух ртом.

— Они его арестуют. Они заставят его... покаяться.

— Покаяться? — переспросила Кэлен, боясь услышать ответ.

Гейди нехотя кивнул.

— Скоре всего они пытками добьются от него покаяния. Они могут даже повесить его тело, чтобы птицы склевали его плоть, если он покается в чем-то очень скверном.

У Кэлен подкосились ноги. Ей показалось, что она сейчас упадет. Мир растворился в безумии.

Пинком опрокинув корзину с картами, она быстро перерыла их, пока не нашла ту, что нужно. Достав из ящичка перо и чернила, она сняла «Сильную духом» и поставила на пол, расстелив на столике карту.

— Иди сюда! — приказала Кэлен, щелкнув пальцами и указывая на пол у столика. Когда он приблизился, она вложила перо в его дрожащие пальцы.

— Мы находимся здесь, — указала она на карте. Покажи мне, как ты шел сюда с Орденом.

— По этой реке, — показал он. — Я прибыл с подкреплением из Древнего мира, после учебной подготовки. Мы присоединились к императорским войскам и лето шли вверх по течению вот этой реки.

— А теперь я хочу, чтобы ты показал то место, где жил, — указала Кэлен на Древний мир.

— Алтур-Ранг. Вот он, тут.

Кэлен наблюдала, как он, обмакнув перо в чернила, обвел на карте Алтур-Ранг, далеко на юге. В самом сердце Древнего мира.

— А теперь пометь дороги, по которым ты пришел из Древнего мира, включая все города и поселки, через которые проходил.

Кара с Кэлен смотрели, как он помечает дороги и города. Уоррен и сестры были из Древнего мира. Они хорошо знали его территорию, что позволило нарисовать подробнейшие карты.

Закончив, Гейди поднял глаза.

Кэлен перевернула карту.

— А теперь нарисуй Алтур-Ранг. Я хочу увидеть все основные улицы, все, что ты знаешь.

Гейди немедленно принялся рисовать для нее план города. Закончив, он снова поглядел на нее.

— А теперь покажи мне, где живет Ричард.

Гейди послушно пометил на плане место.

— Но я не знаю, там ли он еще. Многие сдают тех, кого подозревают в проступках против людей. Если они записали его имя и арестовали... Браться могут приговорить к штрафу, или могут даже допросить его и приговорить к смерти.

— Братья? — спросила Кэлен.

Гейди кивнул:

— Брат Нарев и его ученики. Они возглавляют Братство Ордена. Брат Нарев — наш духовный вождь. Он и братья — душа Ордена.

— Как они выглядят? — спросила Кэлен. Мысли ее неслись галопом.

— Братья носят темно-коричневые рясы с капюшонами. Они — простые люди, отказавшиеся от жизненных благ ради служения Создателю и нуждам человечества. Брат Нарев ближе к Создателю, чем кто-либо живущий. Он — спаситель человечества.

Гейди был явно очарован этим человеком. Кэлен слушала, пока он излагал все, что знает о Братстве Ордена, братьях и конкретно о брате Нареве.

Закончив рассказ, Гейди тихо трясся в воцарившейся тишине. Кэлен не смотрела на него, уставившись в пространство.

— Как Ричард выглядел? — отстраненно спросила она. — Был ли он здоров? Хорошо ли выглядел?

— Да. Он здоровенный и сильный. Всяким придуркам он нравится.

Резко повернувшись, Кэлен наотмашь ударила Гейди по лицу, сбив с ног.

— Убери его отсюда, — велела она Каре.

— Но теперь вы обязаны проявить милосердие! Я рассказал то, что вы хотели! — Он разразился слезами. — Вы должны проявить милосердие!

— У тебя осталось незаконченное дело, — сказала Кэлен Каре.

* * *

Откинув полог палатки, Кэлен заглянула внутрь. Сестра Дульчи тихонько похрапывала. Холли подняла голову.

Девчушка жалобно протянула руки, из глаз потекли слезы. Кэлен опустилась на колени и обняла малышку. Холли разрыдалась.

— Мать-Исповедница! — проснулась сестра Дульчи.

— Сейчас очень поздно, — коснулась Кэлен руки сестры. — Почему бы тебе не пойти поспать, сестра?

Сестра Дульчи довольно улыбнулась, затем с кряхтением встала в низенькой палатке. Из дальнего конца лагеря доносились душераздирающие вопли Гейди.

Отбросив непослушную прядку с лица девочки, Кэлен поцеловала ее в лоб.

— Как ты, дитятко? Ты в порядке?

— Ой, Мать-Исповедница! Это было так ужасно! Волшебника Уоррена ранили. Я видела.

Она снова заплакала. Кэлен принялась укачивать ее.

— Знаю. Знаю.

— С ним все в порядке? Его вылечили, как вылечили меня?

Кэлен стерла слезки со щечки девочки.

— Мне очень жаль, Холли, но Уоррен умер.

Девчушка насупилась с несчастным видом.

— Ему не следовало спасать меня. Это из-за меня он умер.

— Нет, — утешила ее Кэлен. — Это не так. Уоррен отдал жизнь, чтобы спасти всех нас. Он сделал это, потому что любил жизнь. Он не хотел, чтобы зло свободно бродило среди тех, кто ему дорог.

— Вы правда так думаете?

— Ну конечно! Вспомни, как он любил жизнь, как хотел, чтобы те, кто ему дорог, могли свободно жить так, как хотят.

— Он танцевал со мной на свадьбе. Я тогда подумала, что он самый красивый жених на свете.

— И он действительно был красивым женихом, — улыбнулась Кэлен воспоминаниям. — Он был одним из лучших людей, что я знала, и он отдал жизнь, чтобы помочь нам оставаться свободными. И мы почтим его жертву тем, что проживем самую лучшую жизнь, какую сможем.

Кэлен начала подниматься, но Холли крепче прижалась к ней, поэтому Кэлен прилегла с ней рядом. Пригладив волосы девочки, она поцеловала ее в щеку.

— Вы побудете со мной, Мать-Исповедница? Пожалуйста!

— Немножко, солнышко.

Холли уснула, устроившись под боком Кэлен. Кэлен же роняла горькие слезы над спящей девочкой, девочкой, у которой было право прожить свою жизнь. Но другие хотели отнять у нее это право с помощью мечей.

Когда Кэлен решила наконец, что пора идти, она тихонько выскользнула из палатки и отправилась собирать вещи.

Когда Кэлен вылезла из палатки со спальным мешком, седельными сумками, д'харианским мечом, кожаными доспехами, Мечом Истины и мешком с прочим барахлом, только-только начало светать. «Сильная духом» была аккуратно завернута в спальный мешок.

Падал легкий снежок, извещая тихий лагерь, что в северные Срединные Земли пришла зима.

Казалось, будто все подошло к концу. Кэлен убедила в этом не столько смерть Уоррена как таковая, сколько бесполезность, которую она символизировала. Она больше не могла обманывать самое себя. Истина есть истина. Ричард был прав.

Орден захватит все. Рано или поздно они доберутся и до нее и убьют вместе с теми, кто сражался с ней бок о бок. Порабощение всего Нового мира — лишь вопрос времени. Они уже и так заполонили большую часть Срединных Земель. Некоторые страны сдались добровольно. Не было никакой возможности сопротивляться такой мощи, их ужасным угрозам и соблазнительным обещаниям.

Уоррен засвидетельствовал это в своем предсмертном слове: Ричард был прав.

Она думала, что сможет что-то изменить. Что сможет отбросить назад наступающие орды — одной лишь волей, если понадобится. Большое нахальство с ее стороны. Борцы за свободу проиграли.

Многие жители захваченных стран возложили свою веру на Орден, жертвуя свободой.

И что же ей остается? Бегство. Отступление. Ужас. Смерть.

Ей фактически уже нечего терять. Почти все и так уже потеряно или скоро будет потеряно. И пока у нее остается хотя бы ее жизнь, она воспользуется этим.

Она отправится в сердце Ордена.

— Что это ты затеяла?

Резко обернувшись, Кэлен увидела хмуро наблюдающую за ней Кару.

— Кара, я... Я уезжаю.

— Отлично, — коротко кивнула Кара. — Я тоже думаю, что пора. Я быстро соберусь. Иди за лошадьми, и я встречу...

— Нет. Я уезжаю одна. Ты останешься здесь.

Кара погладила перекинутую на грудь длинную светлую косу.

— Почему ты уезжаешь?

— Мне нечего тут больше делать. Я больше ничего не могу сделать. Я собираюсь вонзить меч в самое сердце Ордена: брата Нарева и его учеников. Это единственное, что я могу сделать им в отместку.

— И ты действительно считаешь, что я останусь отсиживаться здесь? — ухмыльнулась Кара.

— Ты останешься тут, где тебе и следует быть... с Бенджаменом.

— Мне очень жаль, Мать-Исповедница, — ласково проговорила Кара, — но я никак не могу выполнить такой приказ. Моя жизнь — в служении магистру Ралу, мой долг защищать его. Я обещала магистру Ралу защищать тебя, а не целоваться тут с Бенджаменом.

— Кара, я хочу, чтобы ты осталась тут...

— Это моя жизнь. Если это конец всему, то я желаю провести остаток жизни так, как сама пожелаю. Это моя жизнь, а не твоя. Я еду, и это не обсуждается.

По глазам Кары Кэлен видела, что так оно и есть. Кэлен никогда не думала, что когда-либо услышит, что Кара вот так высказывает свои собственные пожелания. Это действительно ее жизнь. Кроме того, Кара отлично знает, куда собралась Кэлен. Если она уедет без нее, то Кара попросту последует за ней, и все. Заставить морд-сит подчиняться приказам зачастую куда трудней, чем пасти муравьев.

— Ты права, Кара. Это твоя жизнь. Но когда мы окажемся в Древнем мире, тебе придется носить что-то другое, чтобы не выдать, кто ты есть на самом деле. Алая кожаная одежда в Древнем мире — верная смерть для нас.

— Я сделаю все необходимое, чтобы защитить тебя и лорда Рала.

Кэлен наконец улыбнулась.

— Нисколько в этом не сомневаюсь, Кара.

Кара не собиралась улыбаться в ответ, тогда Кэлен смущенно проговорила:

— Прости, что пыталась уехать без тебя, Кара. Я не должна была так поступать. Ты — сестра по эйджилу. Мне следовало сперва с тобой переговорить. Только так нужно обращаться с человеком, которого уважаешь.

Тут Кара улыбнулась.

— Вот теперь ты говоришь здраво.

— Мы вполне можем никогда не вернуться.

— А по-твоему, мы проведем легкую жизнь, если останемся? — пожала плечами Кара. — А по-моему, только смерть нас поджидает, если останемся.

— И я так думаю, — кивнула Кэлен. — Поэтому-то я и должна ехать.

— А я и не спорю.

Кэлен уставилась на падающий снег. Когда настала прошлая зима, они с Карой еле-еле успели вовремя удрать.

Кэлен взяла себя в руки и спросила:

— Как считаешь, Кара, Ричард еще жив?

— Ну конечно, лорд Рал жив! — Кара покатала в пальцах эйджил. — Не забыла?

Забыла. Ведь действительно: эйджил работает, пока магистр Рал, которому присягнула морд-сит, жив.

Кэлен передала Каре кое-что из своей поклажи.

— Гейди?

— Он умер так, как пожелала Верна. Она не проявила милосердия.

— Ну и хорошо. Милосердие к виновным — предательство в отношении невинных.

Вскоре после рассвета Кэлен добралась до палатки Зедда. Кара отправилась за лошадьми и припасами. Кэлен окликнула Зедда и тот пригласил ее войти. Он поднялся со скамьи, где сидел рядом с Эди, старой колдуньей.

— Кэлен? В чем дело?

— Я пришла попрощаться.

Зедд не удивился.

— Почему бы тебе немного не передохнуть? Уедешь завтра.

— Не осталось никаких «завтра». Зима снова наступает. Если я хочу сделать то, что должна, то не могу терять ни дня.

Зедд ласково обнял ее за плечи.

— Кэлен, Уоррен хотел тебя увидеть. Он считал, что обязан сказать тебе, что Ричард был прав. Для него было очень важно, чтобы ты это узнала. Ричард сказал нам, что мы не должны нападать на сердце Ордена прежде, чем люди докажут, что достойны его, иначе все будет потеряно. А такое сейчас еще менее вероятно, чем было в тот день, когда он это сказал.

— А может, Уоррен имел в виду, что Ричард был прав в том, что мы потеряем Новый мир, так для чего же оставаться? Может, таким образом Уоррен пытался сказать мне, чтобы я отправлялась к Ричарду до того, как умру или Ричард умрет, иначе потом будет поздно даже пытаться.

— А Никки?

— Разберусь на месте.

— Но ты не можешь надеяться на...

— Зедд, ну что еще мне остается? Смотреть, как падут Срединные Земли? Убегать всю оставшуюся жизнь? Прятаться? Каждый день уворачиваться от лап Ордена?

Даже если бы Уоррен ничего не сказал, я сама наконец пришла к пониманию — не важно, насколько я хочу, чтобы было иначе, — что Ричард прав. Орден застрял лишь на зиму, дав нам возможность вывести людей из Эйдиндрила. А весной враг хлынет в мой город. А затем они повернут на Д'Хару. И уже некуда будет больше бежать. Пусть эти люди на данный момент бежали, Орден все равно в конечном счете захватит их.

Для меня нет будущего. Ричард был прав. Единственное, что мне осталось, — это провести остаток жизни, живя лишь для себя и для Ричарда. Больше мне ничего не остается, Зедд.

В его глазах блеснули слезы.

— Я буду так по тебе скучать! Ты мне напомнила мою дочку и подарила много радости.

Кэлен обвила его руками.

— Ох, Зедд, я люблю тебя!

И она тоже не смогла больше сдержать слез. Она — все, что у него осталось, и ее он тоже теряет.

Нет. Это неправда. Кэлен высвободилась.

— Зедд, тебе тоже пора ехать. Ты должен отправиться в замок и защищать его.

Он очень печально и очень неохотно кивнул.

— Знаю.

Опустившись на колено перед колдуньей, Кэлен взяла ее за руку.

— Эди, ты поедешь с ним? Составишь ему компанию?

Обветренное лицо старой женщины расцвело чудесной улыбкой.

— Ну, я... — Она поглядела на Зедда. — Зедд?

— Ну вот! — сверкнул глазами Зедд. — Елки-моталки, теперь ты испортила мне весь сюрприз. Я сам хотел ее пригласить!

Кэлен притворно рассердилась:

— Прекрати ругаться в присутствии дам! И перестань быть таким кислым! Мне надо знать, что ты не будешь в одиночестве там, наверху.

На лице старого волшебника мелькнула улыбка.

— Ну конечно, Эди поедет со мной в замок!

— Откуда ты это знаешь, старик? — сурово глянула на него Эди. — Ты никогда не спрашивал моего согласия. А я, вообще-то собиралась...

— Пожалуйста, перестаньте, — попросила Кэлен. — Оба. Это слишком серьезно, чтобы ссориться.

— Буду ссориться, если хочу, — запротестовал Зедд.

— Это быть верно, — погрозила тонким пальцем Эди. — Мы быть достаточно стары, чтобы ссориться, если хотим.

Кэлен улыбнулась сквозь слезы.

— Конечно, можете. Просто после того, как Уоррен... С некоторых пор я терпеть не могу, когда люди тратят жизнь на пустяки.

На сей раз взгляд Зедда стал по-настоящему сердитым.

— Тебе еще предстоит узнать кое-что, дорогая, если ты не понимаешь, насколько важно ссориться.

— Это быть верно, — подтвердила Эди. — Ссоры помогают оставаться в форме. Когда ты стар, тебе необходимо поддерживать форму.

— Эди совершенно права, — сказал Зедд. — Я лично считаю...

Кэлен заставила его замолчать, стиснув в объятиях. Эди к ним присоединилась.

— Ты уверена в своем решении, дорогая? — спросил Зедд, когда они разомкнули объятия.

— Да. Я намерена вонзить меч прямо в брюхо Ордена.

Зедд кивнул, обхватив костлявыми пальцами ее затылок. Он привлек Кэлен к себе и поцеловал в лоб.

— Раз уж ты должна ехать, то скачи быстро и бей как можно сильней.

— Ну в точности мои мысли, — произнесла вошедшая в палатку Кара.

Кэлен показалось, что голубые глаза Кары чуть влажней, чем обычно.

— Ты в порядке, Кара?

— Что за вопрос? — нахмурилась морд-сит.

— Так, ничего, — ответила Кэлен.

— Генерал Мейфферт предоставил нам шесть самых быстрых лошадей. — Кара улыбнулась. — Так что у нас будут сменные кони, и мы сможем быстро покрыть большое расстояние. Все припасы я приказала загрузить на лошадей.

— Если уедем сейчас, то сможем удрать от зимы. Карта у нас есть, так что сможем держаться подальше от путей, какими следует Орден, и избегать больших населенных пунктов. Там есть и хорошие дороги, и открытая местность. Думаю, если поскачем быстро, то доберемся туда через несколько недель. Максимум через месяц.

Зедд встревожился:

— Но Орден контролирует большую часть южных Срединных Земель. Там теперь опасно.

— У меня есть план получше, — лукаво усмехнулась Кара. — Мы отправимся туда, где местность мне хорошо знакома, — в Д'Хару. Отсюда двинемся на восток, через горы, затем на юг через Д'Хару. Главным образом по открытой местности, где сможем сэкономить время. Потом вниз по равнинам Азрита, и выберемся к Керну далеко на юге. Там, где речная долина начинается у гор, свернем на юго-восток прямо в сердце Древнего мира.

Зедд одобрительно кивнул. Кэлен нежно обвила пальцами руку старого волшебника.

— Когда ты отправишься в замок?

— Мы с Эди поедем завтра утром. Думаю, лучше тут не задерживаться. Сегодня утрясем все военные вопросы с офицерами и сестрами. Полагаю, как только население полностью покинет Эйдиндрил — и когда выпадет достаточно снега, чтобы окончательно законопатить тут Орден до весны, — нашим людям надо будет потихоньку уходить из этого места и отправляться через горы в Д'Хару. Переход в зимних условиях долгий, но если нет необходимости прорываться с боями — это будет не так трудно, как могло бы быть.

— Так будет лучше всего, — согласилась Кэлен. — Это на какое-то время выведет наших людей из-под удара.

У них не будет меня, чтобы сражаться магией против магии, но останутся Верна с сестрами. Теперь они уже знают достаточно, чтобы суметь защитить войска от магических атак.

Во всяком случае, пока что. — Эти слова повисли в воздухе, так и не произнесенные вслух.

— Я хочу до отъезда повидать Верну, — сказала Кэлен. — Думается мне, ей пойдет на пользу необходимость заботиться о других. А потом хочу повидаться с генералом Мейффертом. Ну а потом нам лучше трогаться в путь. Дорога предстоит долгая, и я хочу оказаться на юге прежде, чем нас засыплет снегом.

Кэлен напоследок еще разок крепко обняла Зедда.

— Когда увидишь его, — прошептал Зедд ей на ухо, — передай моему мальчику, что я очень его люблю и жутко по нему скучаю.

Кэлен кивнула, уткнувшись ему в плечо, и произнесла явную ложь:

— Ты увидишь нас обоих снова, Зедд. Обещаю.

Кэлен вышла из палатки Зедда. Все вокруг было покрыто снегом, и весь мир казался вырезанным в белом мраморе.

Глава 63

линным плавным движением, ловко направляя пальцами напильник, Ричард вел стальной инструмент вниз по складке одежды, навечно застывшей в белом мраморе. Сконцентрировавшись на том, чтобы вести инструмент ровно и с постоянным нажимом, Ричард был полностью захвачен работой.

Напильник, с сотнями рядов тонких насечек, аккуратно стесывал шероховатости с благородного камня. Ричард орудовал напильником с такой же уверенностью, как действовал любым клинком. Он не глядя положил напильник на подставку, стараясь ни за что не зацепить, чтобы не затупить раньше времени. Взяв другой напильник, с еще более тонкой насечкой, он принялся доводить то, чего не мог сделать предыдущим.

Белыми, как у пекаря, пальцами Ричард ощупал поверхность руки мужчины, выявляя трещины. Пока мрамор не отполирован, мелкие трещины зачастую легче нащупать, чем увидеть. Найдя их, повел по ним напильником, проверяя рукой результат, ощупывая мускулы. Теперь он снимал пласты камня не толще бумажного листа.

Чтобы дойти до этой стадии, потребовались месяцы. Ричард наслаждался тем, что уже близок к завершению. Дни проходили один за другим, в бесконечной работе, днем, на стройке, — в изготовлении смерти, а но-

чью — ваяя жизнь. Ваяние для Ордена уравновешивалось ваянием для себя — рабство против свободы.

Когда кто-нибудь из послушников интересовался статуей, Ричард тщательно скрывал, что испытывает удовольствие от ваяния. И для этого мысленно представлял ту модель, которой ему было велено следовать. Он всегда почтительно склонял голову и докладывал, как движется отработка епитимьи, заверяя, что все идет по графику и статуя будет завершена вовремя и установлена на площади ко дню освящения.

Ударение на слове «епитимья» помогало направить их мысли в другом направлении, подальше от статуи как таковой. Послушники были всякий раз куда больше довольны тем, что он вкалывает на износ на двух каторжных работах, чем интересовались какой-то там очередной каменной фигурой. Скульптуры были повсюду. И все, как одна, являли собой всю низменность человека. В точности, как в их вселенной каждый человек в отдельности не имел значения, так же не имела значения и одна статуя. Именно невообразимое количество скульптур должно было стать основным доказательством человеческого ничтожества. Скульптуры были всего лишь декорациями на сцене, с которой Братство Ордена проповедовало о самопожертвовании и спасении.

Ричард всегда покорно сообщал, что по ночам отрабатывает епитимью, без еды и сна, после рабочего дня на стройке. Поскольку бескорыстное самопожертвование — самое лучшее средство для исправления грешников, послушники всегда уходили вполне довольные.

Ричард сменил напильник на более тонкий и изогнутый и обработал им мускулы там, где они переходили в сухожилия, показывая напряжение руки. Днем он наблюдал за рабочими, чтобы изучить, как двигаются мышцы. А ночью брал за образец собственную руку, чтобы точно отобразить сосуды и суставы, расположенные близко к поверхности кожи. Иногда он смотрел в зеркальце. Он ваял так, что мраморная поверхность казалась натянутой кожей на вздувшихся мышцах, как настоящая кожа, морщилась в складках и была гладкой на изгибах.

Для фигуры женщины образца не требовалось: он так живо помнил Кэлен, что больше ничего и не нужно было.

Он хотел, чтобы фигуры были в движении, напряженные и настороженные. Выражение лиц, особенно глаз, должно было отражать основную человеческую характеристику: мышление.

Если все скульптуры, что он видел в Древнем мире, были торжеством горя и смерти, то эта статуя была торжеством жизни.

Ричард хотел, чтобы она была воплощением чистой силы воли.

Мужчина и женщина, которых он ваял, были его убежищем, спасением от отчаяния заключенного. Они были воплощением свободы духа. Воплощением победы разума.

К своему глубокому огорчению, Ричард заметил, что в окно пробивается свет, заглушая свет горевших всю ночь ламп. Всю ночь. Он снова проработал всю ночь.

Его огорчило не то, что свет дневной — он вполне его устраивал, а то, что это означало на данный момент конец работы над статуей. Теперь ему пора отправляться ваять уродство на стройке. К счастью, та работа не требовала ни размышлений, ни старания.

Он как раз зачищал надфилем изгиб мускулистого плеча мужчины, когда раздался стук в дверь.

— Ричард?

Пришел Виктор. Ричард вздохнул. Придется остановиться.

Ричард сдвинул на шею платок, закрывающий нос и рот. Этой маленькой хитрости, предохраняющей от попадания в дыхательные пути мраморной пыли, его научил Виктор, поскольку именно так делали скульпторы у него на родине, в Каватуре.

— Иду.

Ричард слез с подставки. Он выпрямился, только сейчас почувствовав, насколько ломит все тело от работы и недосыпания, потом поднял брезент и стряхнул с него пыль.

Прежде чем набросить брезент на статую, он еще раз напоследок оглядел скульптуру. Пол, инструменты и полки были покрыты тонким слоем мраморной пыли. Но на фоне черных стен белый мрамор сиял во всем своем великолепии.

Ричард набросил брезент на незавершенные фигуры и открыл дверь.

— Ты смахиваешь на призрака! — криво ухмыльнулся Виктор.

Ричард отряхнулся.

— Я потерял счет времени.

— Ты заходил ночью в мастерскую?

— Мастерскую? Нет, а что?

Ухмылка Виктора стала шире.

— Приска вчера прислал бронзовый циферблат. Ицхак его привез. Пошли глянешь.

С другой стороны кузницы, на складе, лежала бронзовая отливка, состоящая из нескольких частей. Она была слишком большой, чтобы Приска мог отлить ее единым целым, так что он отлил ее отдельными пластинами, которые Виктор мог собрать. Постамент для циферблата был массивным. Зная, что он предназначен для той статуи, что ваял Ричард, Приска постарался на славу.

— Красиво, — сказал Ричард.

— Да уж. Мне и раньше приходилось видеть его искусную работу, но на сей раз Приска превзошел самого себя.

Присев на корточки, Виктор пробежал пальцами по странным черненым символам.

— Приска сказал, что когда-то, очень давно, его родной город Алтур-Ранг был свободным, но, как и многие другие, потерял свою свободу. Как дань тому времени он отлил эти символы на своем родном языке. Брат Нил видел их и остался доволен, потому что счел это реверансом императору, который тоже родом из Алтур-Ранга.

Ричард вздохнул.

— У Приски язык такой же гладкий, как его отливки.

— Поешь со мной лярда? — спросил Виктор, поднимаясь.

Солнце было уже довольно высоко. Ричард вытянул шею и глянул вниз, на стройку.

— Пожалуй, нет. Нужно идти на работу. — Присев, Ричард приподнял одну сторону постамента. — Однако сперва давай-ка я тебе покажу, куда его поставить.

Виктор взялся за другой конец и они вместе поволокли бронзовую отливку вокруг дома. Когда Ричард открыл двери, Виктор впервые увидел статую, хотя та и была полностью закрыта брезентом, лишь наверху, там где головы, выступали две круглые шишки. Но Виктор пожирал глазами даже это. Было видно, что его богатое воображение дает ему возможность видеть, как воплощаются в жизнь его заветные мечты.

— Как поживает твоя статуя? — ткнул Виктор Ричарда локтем. — Красотка?

Ричард расплылся в сияющей улыбке.

— Ах, Виктор, ты скоро сам все увидишь! До освящения осталось всего две недели. Я буду готов. Это будет нечто, отчего запоют наши сердца... прежде чем они меня прикончат, во всяком случае.

Виктор лишь отмахнулся от этих слов.

— Надеюсь, когда они снова увидят такую красоту, да еще в их дворце, то одобрят.

Ричард таких иллюзий не питал. Спохватившись, он достал из кармана листок бумаги и протянул кузнецу.

— Я не хотел, чтобы Приска выгравировал эти слова на циферблате, потому что не хотел, чтобы их увидели те, кому не надо. Я хочу попросить тебя их выгравировать — на той же высоте, что и символы впереди.

Взяв бумажку, Виктор развернул ее. И улыбка тут же исчезла. Он удивленно уставился на Ричарда.

— Это измена.

— Убить меня они могут только один раз, — пожал плечами Ричард.

— Но могут долго пытать, прежде чем убьют. И еще они умеют убивать людей очень неприятными способами, Ричард. Тебе не доводилось видеть людей, заживо похороненных в небе, истекающих кровью из многочисленных порезов, со связанными руками, чтобы стервятники могли клевать их заживо?

— Орден и сейчас связал меня по рукам, Виктор. Работая здесь и видя всю эту смерть вокруг, я каждый день истекаю кровью из тысяч ран. Стервятники Ордена уже и так клюют мою плоть. — Ричард с мрачной решимостью поглядел Виктору в глаза. — Так ты сделаешь это?

Виктор снова заглянул в бумажку. Глубоко вдохнув, он медленно выдохнул, не отрывая глаз от написанного.

— Может, эти слова и измена, но они мне нравятся. Сделаю.

Ричард хлопнул его по плечу, доверительно улыбнувшись.

— Молодец! А теперь смотри, куда его надо прикрепить.

Ричард приподнял чехол, открывая основание.

— Я сделал ровную поверхность под нужным углом. Поскольку я не знал, где будут крепиться пластины, то решил предоставить сверление дыр и заливку их свинцом тебе. Как только прикрепишь пластины, тогда я рассчитаю угол отверстия, которое надо просверлить для гномона.

Виктор кивнул.

— Стрела гномона будет скоро готова. Я сделаю тебе сверло нужного размера.

— Хорошо. И круглый рашпиль для окончательной обработки отверстия?

— Получишь, — сказал Виктор, и они оба выпрямились. Он махнул на статую: — Не позволишь глянуть одним глазком, пока ты там внизу творишь убожество?

Ричард рассмеялся.

— Виктор, я знаю, что больше всего на свете тебе хочется увидеть величие этой статуи, когда она будет готова. И ты ни за что не испортишь себе этого удовольствия.

Виктор гулко захохотал.

— Пожалуй, ты прав. Приходи после работы, поедим лярда и поговорим о красоте в камне и о том, каким был когда-то мир.

Ричард его почти не слышал. Он смотрел на то, что так хорошо знал. Пусть и скрытая сейчас для глаз, красота была открыта для его души.

Он был готов приступить к полировке. Сделать плоть в камне.

Низко опустив голову, покрытую шалью для защиты от холодного зимнего ветра, Никки торопливо шла по узкому переулку. Идущий навстречу мужчина задел ее плечом, но не потому что спешил, а потому что ему было попросту наплевать, куда он идет. Никки гневно зыркнула в его пустые глаза. Но ее горящий взор попросту утонул в бездонном колодце безразличия.

Прижав к животу сумку с семечками подсолнуха, она шлепала по размокшему переулку. Никки старалась держаться поближе к деревянным стенам домов, чтобы не натыкаться на идущих навстречу. Люди шли по переулку в поисках жилья, еды, одежды, работы. Никки видела людей, сидевших на земле, — прислонившись спиной к стенам домов на другой стороне улицы, они невидящим взором смотрели на проезжавшие мимо фургоны, поставляющие материалы на строительство императорского дворца.

Никки хотела добраться до булочной. Ей сказали, что, возможно, сегодня будет масло. Она хотела добыть масло, чтобы Ричард мог поесть хлеба с маслом. Он придет сегодня ужинать. Он обещал. Ей хотелось, чтобы он поел как следует. Ему необходимо есть. Он похудел, хотя это только добавило привлекательности его мускулистой фигуре. Он был похож на статую во плоти — как те статуи, которые ей доводилось когда-то видеть.

Никки вспомнила, как в детстве слуги ее матери делали пирожные из халвы. Она купила достаточно семечек, чтобы сделать для Ричарда пирожные из халвы, и, возможно, ей удастся раздобыть и масла.

С каждый днем ей становилось все тревожней. До освящения оставались буквально считанные дни. Ричард сказал, что статуя будет готова в срок. Он был как-то уж слишком спокоен, как будто вдруг обрел мир с самим собой.

Он походил на человека, смирившегося с неизбежной казнью.

Даже когда он разговаривал с ней, мысли его, казалось, витали где-то далеко, а в глазах стояло то выражение, которое Никки так ценила. В той пустыне, каковой являлась жизнь, того страдания, каковым являлось существование, это было единственным, на что ей оставалось надеяться. Только в глазах ее отца, когда она была ребенком, а теперь еще ярче в глазах Ричарда видела она подтверждение тому, что есть что-то, ради чего стоит жить, есть какой-то смысл в существовании.

Никки затормозила, услышав стук перекатывающихся в кружке камешков. Этот звук был звоном ее цепей. Она всю жизнь была слугой нуждающихся, и как бы она ни старалась, вот опять, кружка какого-то несчастного нищего по-прежнему выпрашивает у нее помощи.

И она не может отказать.

Глаза заполнились слезами. Ей так хотелось купить Ричарду масла! Но у нее остался лишь один серебряный пенни, а у этого нищего нет ничего... У нее хотя бы есть немного хлеба и семечек. Как может она хотеть масла для Ричарда, когда у этого бедолаги нет ничего?

Никки знала, что она скверная, раз хочет оставить у себя этот пенни, тот пенни, что Ричард заработал потом и кровью. Она скверная, потому что хочет купить на него Ричарду масла. Кто такой Ричард, чтобы есть масло? Он сильный. И работоспособный. Почему он должен иметь больше, когда у других нет ничего?

Никки почти воочию видела свою мать, неодобрительно качающую головой из-за того, что Никки все еще сжимает пении в кулаке, а не помогает нуждающемуся.

Как это получилось, что она так и не смогла подняться до материнского уровня нравственности? Почему она так и не смогла до сих пор преодолеть свою мерзкую сущность?

Медленно повернувшись, Никки уронила монетку в кружку нищего.

Люди обходили нищего стороной. Не видя его, они избегали приближаться к нему. И оставались глухи к дребезжанию его

кружки. Как они могли до сих пор не усвоить учения Ордена? Как могли не помочь тем, кто нуждается? Всегда приходится это делать ей.

Тут она поглядела на нищего и отшатнулась при виде жуткой фигуры в лохмотьях. И попятилась еще дальше, увидев копошащихся в его сальных волосах вшей. Нищий уставился на нее сквозь прорезь в обмотанной вокруг лица тряпки.

Но от того, что она увидела в этой прорези, у нее перехватило дыхание. Конечно, шрамы выглядели ужасно, словно его поджарили на огне самого Владетеля, но это его глаза поразили ее больше всего, когда он медленно поднялся на ноги.

Грязные пальцы нищего, больше похожие на когти, схватили ее руку.

— Никки, — прошипел он с изумленным триумфом, подтягивая ее поближе.

Захваченная врасплох его могучими пальцами и горящим взглядом, Никки не могла пошевелиться. Она оказалась так близко, что увидела, как вши с него перебираются на нее.

— Кадар Кардиф.

— Значит, узнала меня? Даже в таком виде?

Она не произнесла больше ни слова, но, должно быть, ее глаза выдали, что она считала его мертвым, поскольку он ответил на невысказанный вопрос:

— Помнишь ту маленькую девочку? Ту, о которой ты вроде бы так заботилась? Она заставила горожан спасти меня. Она не позволила мне умереть в огне, куда меня засунула ты. Она так тебя ненавидела, что была полна решимости спасти меня. Она бескорыстно выхаживала меня, помогая своему ближнему, как ты и велела жителям города.

О, я хотел умереть! Я никогда не подозревал, что человек может вынести такую чудовищную боль и при этом оставаться живым. Но как бы я ни хотел умереть, я выжил, потому что твоей смерти хотел куда больше. Ты со мной это сотворила. И я хочу, чтобы Владетель вонзил свои клыки в твою душу.

Никки небрежно глянула на его жуткие шрамы.

— Значит, ты решил за это отомстить.

— Нет, не за это. А за то, что вынудила меня умолять тебя, а мои люди слышали это. За то, что горожане слышали, как я вымаливаю у тебя жизнь. Именно поэтому-то они и спасли меня — из ненависти к тебе. Вот за это я и хочу отомстить — за то, что мне не дали умереть, за то, что ты обрекла меня на жизнь жалко-

го ничтожества, которому проходящие мимо бабы швыряют в кружку пенни.

Никки медленно улыбнулась.

— Ну что ж, Кадар, раз уж ты так жаждешь умереть, я, безусловно, уважу тебя.

Он тут же выпустил ее руку, словно обжегся. Его воображение наделило ее могуществом, которым она в данный момент не обладала. Он плюнул на нее.

— Ну так убей меня, ты, мерзкая ведьма! Сразу меня насмерть.

Никки, дернув кистью, извлекла дакру. Дакру, это похожее на кинжал оружие, сестры постоянно имели при себе. Как только острие вонзалось в человека, не важно, в каком месте, магия выплескивалась через нее и смерть наступала мгновенно. Кадар Кардиф не знал, что Никки лишилась своего могущества. Но даже без магии дакра оставалась опасным оружием, которое можно вогнать в сердце или в голову.

Он мудро отступил. Он хотел умереть, но при этом боялся смерти.

— Почему ты не пошел к Джеганю? Он бы не допустил, чтобы ты стал нищим. Джегань был твоим другом. Он бы позаботился о тебе. И тебе не пришлось бы побираться.

— Тебе бы этого хотелось, верно? — рассмеялся Кадар Кардиф. — Чтобы я жил, подбирая остатки со стола Джеганя. Тебе бы хотелось сидеть рядом с ним, и чтобы он увидел, как низко я пал, а вы бы оба при этом швыряли мне объедки?

— Пал куда? Что ему твои раны. Вы и прежде оба получали ранения.

Он снова схватил ее за руку.

— Для Джеганя я умер героем. И я не хочу, чтобы он знал, что я вот так выпрашиваю подаяние, как те придурочные слабаки, которых мы сокрушили нашими сапогами.

Никки прижала дакру к его животу, вынуждая его отступить.

— Ну так убей меня, Никки. — Он развел руки. — Закончи это, как тебе и следовало. Ты никогда прежде не оставляла дело незавершенным. Отправь меня туда, куда мне следовало отправиться уже давно.

Никки снова улыбнулась.

— Смерть — это не наказание. Каждый прожитый тобой день стоит тысячи смертей. Но теперь тебе это известно, верно, Кадар?

— Неужели я так был тебе отвратителен, Никки? Неужели был так жесток?

Ну разве могла она сказать ему, что да, был, и как сильно она ненавидела его за то, что он использовал ее для своего развлечения? Это для всеобщего блага Орден использует таких людей, как Кадар Кардиф. Как может она ставить себя, свои собственные интересы выше блага всего человечества?

Повернувшись, Никки побежала по переулку.

— Спасибо за пенни! — издевательски крикнул он ей вслед. — Тебе следовало удовлетворить мою просьбу! Тебе следовало, Никки!

Никки же больше всего хотелось побыстрей оказаться дома и выскрести вшей из волос. Она чувствовала, как они копошатся на голове.

Глава 64

ичард отложил пучок сена. И стряхнул остатки травы с кожаного фартука. У него болели руки от обработки поверхности камня.

И все же, видя, как сияет и сверкает камень, глубоко вбирая в себя свет, он испытывал настоящий восторг.

Фигуры поднимались из мерцающего основания, сделанного из необработанного мрамора. Ричард специально сделал так, оставив внизу явные следы работы резцом, чтобы было отчетливо видно, что статуя изваяна человеческой рукой, и изваяна из камня.

Фигуры были чуть ли не в два человеческих роста. Отчасти скульптура была воплощением его любви к Кэлен — он не мог иначе, потому что Кэлен была его идеалом женщины, — и все же женщина в композиции не была Кэлен. Сильный мужчина и сильная женщина, объединенные одной целью. Они дополняли друг друга, эти две основные части того, что означало быть человеком.

Изогнутую секцию солнечных часов Виктор со своими работниками установил несколько дней назад, когда Ричард работал внизу, на строительстве императорского дворца. Они работали, не снимая со статуи покрова. Когда кольцо установили, Ричард приделал стрелу, служащую гномоном,

и закончил держащую его руку. Основание стрелы было закреплено в золотой шар.

Виктору еще предстоит увидеть статую. Он уже места себе не находил от нетерпения.

Ричард смотрел на фигуры. Потемневшую комнату освещал только свет, проникающий в люк в потолке. Его освободили на день от работы на стройке, чтобы подготовить статую к перемещению вечером на площадь. В кузне за дверью стоял непрерывный грохот молотов. Рабочие Виктора выполняли работу по заказу дворца.

Ричард стоял чуть ли не в темноте, слушая доносившийся из кузницы шум, и смотрел на ту мощь, что создал. У них есть кости и мускулы, сухожилия и плоть.

Плоть в камне.

Не хватало только одной вещи. Осталось сделать только одно.

Ричард взял молоток и острый резец.

Когда он смотрел на статую, временами ему казалось, что Кэлен права и он использует магию при ваянии, хотя и знал, что это не так. Это всего лишь сознательное творение человеческого разума, и ничего больше.

Стоя тут, с молотком и резцом в руках, и глядя на воплощенное в камне видение, Ричард наслаждался сознанием того, что его творение получилось в точности таким, как он его задумал.

В этот краткий миг оно было завершено и принадлежало только ему одному.

На этот краткий миг она была чистым творением, нетронутым мыслями других.

На этот миг это было его творение, и только он понимал сердцем и душой его истинную ценность.

Ричард опустился на колени. Прижав резец ко лбу, он закрыл глаза, концентрируясь на завершающем штрихе.

— Клинок, будь точен сегодня.

Он надвинул на нос платок, чтобы не дышать пылью, и направил резец на метки на ровном месте, которое заранее подготовил как раз под трещиной. Ричард ударил молотком и начал вырезать на основании название статуи, чтобы его было видно всем.

Никки, стоя за углом дома, стоящего у поворота дороги, издали наблюдала, как Ричард покидает мастерскую, где ваял статую. Скорее всего он пошел за командой, которая потащит ста-

тую вниз. Он закрыл дверь, но не запер. Значит, он наверняка уходит ненадолго.

По всему склону холма трудился народ в самых разных мастерских. Мастера, от кожевенников до золотых дел мастеров, вносили свой вклад в непрерывный звон, скрип и скрежет, издаваемые всякими инструментами. Многие, проходя мимо Никки, одаривали ее одобрительными взглядами, но ее сердитый взгляд быстро охлаждал их пыл.

Как только Ричард исчез за углом кузницы, Никки тут же устремилась вниз. Она пообещала ему, что подождет, когда он закончил, прежде чем прийти посмотреть на статую. Она свое слово сдержала.

И все же Никки чувствовала себя неловко. Она не понимала, почему, но ощущение было такое, будто она явилась незваной в священное место. Ричард не приглашал ее прийти посмотреть. Он просил подождать, пока статуя не будет закончена. А поскольку статуя закончена, Никки не могла больше терпеть.

Никки не хотела смотреть на нее на площади, вместе со всеми. Ей хотелось оказаться с ней наедине. Ей было наплевать на Орден. Она не хотела стоять со всей толпой, с людьми, которые могли и не распознать истинную значимость этой статуи. Для нее это личное, и она хотела увидеть скульптуру одна.

Никки незаметно добралась до двери. Она огляделась по сторонам, но все были заняты своим делом. Открыв дверь, она проскользнула внутрь.

В помещении было темно, стены оказались черными, но стоящую там статую прекрасно освещал льющийся с потолка свет. Никки не смотрела на статую, не отрывала глаз от пола, она быстро обошла большой камень, чтобы в первый раз увидеть статую спереди.

Дойдя до нужного места она повернулась, сердце бешено стучало.

Взгляд Никки медленно скользил вверх, охватывая ноги, одежду, руки и тела обоих людей, до самых лиц. И ей показалось, что огромный кулак сжал ей сердце.

То, что было в глазах Ричарда, обрело существование в этом прекрасном мраморе. Видеть это воплощенным целиком и полностью было подобно удару молнии.

В этот миг вся ее жизнь, все, что когда-либо с ней происходило, все, что она когда-то видела, слышала или делала, обруши-

лось на нее одновременно шквалом эмоций. Никки вскрикнула от боли, пораженная красотой статуи и еще больше пораженная красотой того, что эта статуя воплощала.

Ее взгляд упал на надпись, вырезанную на каменном основании.

ЖИЗНЬ.

Никки, заливаясь слезами, рухнула на пол, охваченная чудовищным стыдом, ужасом, отвращением. И внезапным ослепляющим пониманием.

...и чистой радостью.

Глава 65

Вернувшись обратно, Ричард укрыл статую тонким льняным покровом до предстоящей на следующий день церемонии освящения дворца, а потом помог Ицхаку с бригадой людей, знакомых ему по стройке, начать медленный процесс спуска скульптуры вниз, на дворцовую площадь. К счастью, дождей уже несколько дней не было, и почва была твердой.

Ицхак, отлично знакомый с подобного рода работой, прихватил смазанные жиром деревянные салазки, которые подложили под деревянные рельсы, поддерживающие деревянную платформу, на которую водрузили статую, чтобы лошадям было легче тащить все это сооружение по земле.

Склон холма был весь белый от мраморной пыли и осколков, и статуя была значительно легче, чем когда-то весь камень целиком. Виктору в свое время для перевоза мраморной глыбы пришлось нанимать специальный фургон. Статую же на фургоне перевозить было нельзя, поскольку она требовала куда более бережного обращения.

Все время перевозки Ицхак, размахивая красной шляпой, выкрикивал команды, предупреждения и молитвы. Ричард знал, что его статуя в надежных руках. Помогающие при транспортировке люди тоже заразились нервным напряжением Ицхака. Они чувствовали, что перевозят что-то очень

важное, и им это нравилось. Перевозка статуи от кузницы до ступеней дворцовой площади заняла практически весь день.

Мужчины выровняли землю перед ступеньками, чтобы не было выступа. Упряжку из десяти лошадей завели за колонны. Через оконные и дверные проемы протащили длинные крепкие канаты и закрепили таким образом каменное основание, чтобы ровно затащить вверх по ступеням. На ступени положили деревянный настил, который перемещали по мере продвижения статуи вверх по лестнице. Помимо лошадей за канаты тянули еще десятки людей под руководством Ицхака. Дюйм за дюймом статуя вползала по ступенькам.

Ричард едва мог наблюдать за процессом. Если что-то пойдет не так, весь его труд разлетится на куски. Трещина уничтожит статую. Он улыбнулся, осознав, насколько глупо волноваться по поводу того, что доказательство его преступления перед Орденом может оказаться уничтоженным.

Когда камень наконец благополучно добрался до площади, под платформу насыпали песок и лишь потом убрали салазки. Затем осторожно стащили платформу с горы песка. Ну а перетащить статую с платформы на саму площадь было уже относительно просто. Наконец мрамор встал на мрамор. Рабочие с помощью обмотанных вокруг основания канатов дотащили скульптуру до места назначения в самом центре площади.

Когда все закончилось, Ицхак встал рядом с Ричардом, промокая лоб своей красной шляпой. Статуя и солнечные часы были укрыты белым покровом, поэтому Ицхак по-прежнему не мог ее видеть. И все же он чувствовал, что перед ним стоит что-то очень значительное.

— Когда? — только и спросил Ицхак.

Ричард понял.

— Точно не скажу. Брат Нарев освятит дворец завтра, в присутствии официальных лиц, специально прибывших сюда, чтобы увидеть, на что ушли отнятые ими у народа деньги. Думаю, завтра представители власти вместе со всеми остальными, кто придет на церемонию, увидят одновременно и статую, и дворец. Это всего лишь очередная демонстрация того, как видит Орден место человека в этом мире. Не думаю, что они будут устраивать специальную церемонию открытия статуи или что-то в этом роде.

Судя по тому, что Ричарду довелось слышать, церемония эта имела для Братства Ордена огромное значение. Огромные за-

траты на строительство дворца, помимо колоссальных затрат на ведение войны, требовали обоснования. Нужно было показать народу, оплачивающему все это не только потом, но и кровью, куда идут деньги. Братство Ордена правило посредством Имперского Ордена и вынужденно сотрудничало со всякими жестокими мерзавцами, действовавшими с полного одобрения Ордена. Эти костоломы уничтожали тела тех, кто осмеливался восстать, а Орден хотел уничтожить саму идею такого рода восстания еще до того, как та успеет распространиться, потому что именно такие идеи наиболее опасны.

Для этой цели было очень важно вдохновить чиновничество, этих исполнителей тирании Ордена. Ричард полагал, что послушники поведут приехавших с периферии чиновников на экскурсию: показать им эти изображения человеческой низменности, стоявшие вдоль тысячефутовой стены, чтобы те не забывали отдавать по назначению деньги, конфискованные с помощью меча — меча, которым размахивали с благословения Ордена. Этим мелким чиновникам разрешалось урывать свою долю за верную службу Ордену, но, без сомнения, им надо было весьма доходчиво втолковать, чтобы не зарывались.

Братство Ордена, как любой аристократический правитель, правило, используя метод подавления народа, что осуществлялось либо моральным устрашением, либо физической расправой, либо тем и другим одновременно. Тирании необходима постоянная напряженность, дабы иллюзия справедливой власти не улетучилась от гнусных деяний и палачей не скинули народные массы, многократно превосходящие их по численности.

Поэтому-то Ричард знал, что не может повести народ за собой. Не мог же он в самом деле дубинкой вколачивать им понимание, что бить дубинкой нехорошо, потому что жизнь каждого из них имеет огромную ценность, тогда как Орден вколотил в них покорность, сперва заставив поверить, что их жизнь не представляет собой никакой ценности. Свободным народом не правят. Свободу сначала нужно научиться ценить, а лишь потом требовать.

— Судя по тому, что я слышал, событие будет грандиозное, — заметил Ицхак. — На освящение императорского дворца народ стекается со всех сторон. Город забит приезжими.

Рабочие, помогавшие устанавливать статую, вернулись на стройку. Ричард огляделся по сторонам.

— Удивляюсь, что никто из чиновников не пришел заранее посмотреть на дворец.

— Они все на сборище Братства Ордена, — отмахнулся шляпой Ицхак. — В центре Алтур-Ранга. Большое дело. Еда, выпивка, речи. Ты ведь знаешь, насколько Орден обожает всякие сборища. Тоска смертная, надо полагать. Насколько мне известно о такого рода посиделках, чиновники будут слушать о нуждах Ордена и об их долге заставлять народ жертвовать на эти самые нужды. Братья всех их держат в узде.

Что означает, что братья тоже заняты. Слишком заняты, чтобы заявиться на стройку для проверки какой-то там статуи, что изваял какой-то там раб. Статуя Ричарда значения не имеет. Это всего лишь отправная точка для государственной экскурсии вдоль многих миль стен с бесчисленными изображениями великого дела Ордена, осуществляемого Братством Ордена под руководством Нарева.

Если официальные лица и братья были слишком заняты, чтобы прийти сюда сегодня, то горожане — нет. Большинство скорее всего придет завтра на торжество, но сперва они хотели сами посмотреть дворец, без всяких скучных речей, которые наверняка будут завтра звучать на протяжении всей церемонии. Ричард наблюдал, как люди переходят от одного скульптурного изображения к другому, с перекошенными от огорчения лицами.

Охранники держали народ на почтительном расстоянии, не позволяя войти в лабиринты комнат и коридоров, уже закрытых верхними этажами, а кое-где и крышей. Теперь, когда статую водрузили на место, стражники двинулись, чтобы очистить вход во дворец.

За последнюю неделю Ричард спал от силы несколько часов. И теперь, когда статуя уже стояла на месте, на него навалилась усталость. После тяжкого труда практически без сна и без пищи он готов был рухнуть прямо там, где стоит.

Из длинных теней вынырнул Виктор. Некоторые рабочие уже уходили, но остальные пробудут на работе еще несколько часов. Ричард только сейчас понял, что на транспортировку статуи ушел почти весь день. Горячка работы закончилась, и теперь взмокшая от пота рубашка казалась ледяным панцирем.

— На-ка. — Виктор протянул Ричарду кусок лярда. — Съешь. В честь того, что ты закончил.

Поблагодарив друга, Ричард с жадностью проглотил лярд. Голова раскалывалась. Он сделал все, что мог, чтобы показать

то, что народу необходимо увидеть. Но с окончанием работы Ричард вдруг ощутил себя потерянным. Он понимал только, как ему ненавистно, что работа закончена, что у него больше нет благородного занятия. Оно давало ему силы жить дальше.

— Ицхак, я едва на ногах стою. Сможешь меня немного подвезти на своем фургоне?

Ицхак хлопнул Ричарда по плечу.

— Пошли, поедешь сзади. Уверен, Йори возражать не будет. Хотя бы часть пути он тебя провезет. А я должен оставаться здесь, приглядывать за фургонами и лошадьми.

Ричард поблагодарил улыбающегося Виктора.

— Утром, друзья мои, когда станет совсем светло, мы снимем покров и увидим красоту в последний раз. А потом... Ну, кто знает...

— Значит, завтра, — лукаво рассмеялся Виктор. — Сомневаюсь, что усну нынче ночью.

Казалось, на Ричарда навалилась усталость всех последних месяцев. Он забрался сзади в фургон Ицхака и пожелал тому спокойно ночи. Ицхак ушел, а Ричард, свернувшись калачиком, уснул прежде, чем пришел Йори. И даже не почувствовал, как фургон тронулся в путь.

Никки наблюдала, как Ричард уходит с Ицхаком. Она хотела сделать все по-своему. Хотела сделать это сама. Хотела внести что-то стоящее.

Только тогда она сможет посмотреть ему в глаза.

Никки знала совершенно точно, как Орден отреагирует на статую. Они сочтут ее угрозой. И не допустят, чтобы народ ее увидел. Орден уничтожит ее. И никто об этом даже не узнает.

Ломая пальцы, Никки прикидывала, как ей подступиться к этому делу. С чего начать. И тут ее осенило. Она уже бывала у него. Он помог Ричарду. Он друг Ричарда. Никки понеслась по стройке и вверх по холму.

Она совершенно выдохлась, пока добралась до кузницы. Мрачный кузнец складывал инструменты. Он уже загасил угли в печи. Запахи, предметы, даже металлическая пыль и сажа вызвали у нее радостное воспоминание об оружейном заводе отца. Теперь-то она понимала то выражение в глазах отца. Она сомневалась, что отец сам его полностью понимал, но она-то теперь понимала! Кузнец мрачно поглядел на нее, когда она ворвалась в кузницу.

— Господин Касселла! Вы мне нужны!

Тот нахмурился еще сильней.

— В чем дело? Почему вы плачете? Что-то с Ричардом? Они его...

— Нет. Ничего такого. — Никки схватила его за могучую руки и потянула за собой. Это было все равно что пытаться сдвинуть скалу. — Пожалуйста! Пойдемте со мной! Это важно!

— Но мне надо все убрать на ночь, — обвел он свободной рукой кузницу.

Никки снова дернула его за руку. Слезы щипали ей глаза.

— Ну пожалуйста! Это очень важно!

Он провел рукой по лицу.

— Ну, тогда показывайте дорогу.

Никки чувствовала себя несколько глупо, волоча за руку здоровенного кузнеца. Он спросил, куда они, собственно, направляются, но Никки не ответила. Она хотела добраться, пока не стемнело.

Добравшись до площади, они обнаружили, что наверху ступеней патрулируют стражники и на саму площадь не пускают. Никки заметила поблизости Ицхака, загружавшего в фургон длинные жерди. Никки окликнула его, и Ицхак подбежал к ним.

— Никки! В чем дело? Вы жутко выглядите...

— Я должна показать вам обоим статую. Сейчас же.

Взгляд Виктора потемнел.

— Ее откроют завтра, когда Ричард...

— Нет!!! Вы должны увидеть ее сейчас!

Ицхак, чуть наклонившись к Никки, тихонько проговорил:

— Мы не можем туда попасть. Там охрана.

— Я могу. — Никки сердито вытерла слезы. Ее голос снова приобрел властные интонации — те самые властные и суровые интонации, с какими она выносила приговор бесчисленным жертвам и отправляла людей на смерть. — Ждите тут.

Оба мужчины отшатнулись под ее угрожающим взором.

Никки выпрямилась и вздернула подбородок. И снова стала сестрой Тьмы.

Никки размеренным шагом пошла по ступенькам, словно дворец принадлежал ей. Так и было. Она — королева рабов. И эти люди — ее подчиненные.

Она — госпожа Смерть.

Охранники воинственно приблизились к ней, чувствуя, что эта женщина в черном представляет собой угрозу. Но не успели они и рта раскрыть, как Никки заговорила первой.

— Что вы тут делаете? — прошипела она.

— Что делаем? — переспросил один. — Охраняем императорский дворец, вот что мы делаем.

— Как ты смеешь пререкаться со мной? Ты знаешь, кто я?

— Ну... вообще-то нет...

— Госпожа Смерть. Может, тебе доводилось слышать обо мне?

Все двенадцать стражников застыли. Никки видела, как их глаза снова оглядывают ее черное платье, потом светлые волосы и синие глаза. И по их реакции на увиденное Никки было очевидно, что ее репутация бежит впереди нее. Не давая им рта раскрыть, она заговорила снова:

— Что, по-вашему, тут делает супруга императора Джеганя? Вы считаете, что я прибыла без моего господина? Конечно же, нет, вы, сборище идиотов!

— Император... — выдохнули одновременно несколько голосов в полном шоке.

— Совершенно верно. Император прибывает на завтрашнюю церемонию освящения. Я прибыла, чтобы сначала самой ознакомиться, и что я обнаружила? Идиоты! Стоите тут, заткнув уши пальцами, когда вам давно следует отправиться поприветствовать императора, который прибудет в город буквально через несколько часов!

Глаза стражников полезли на лоб.

— Но... Нам никто не сказал! Когда он прибывает? Нас не проинформировали...

— И вы всерьез полагаете, что столь важная персона, как Джегань, хочет, чтобы о его местонахождении узнал каждый окрестный убийца? А если в окрестностях бродят убийцы, пока вы, идиоты, торчите здесь?!

Охранники дружно поклонились.

— Откуда? — спросил сержант. — Откуда прибывает Его Превосходительство?

— Он прибывает с севера.

Сержант облизнул губы.

— Но... Но по какой дороге? Есть много путей...

Никки подбоченилась.

— Вы считаете, что Его Превосходительство заранее объявит о своем маршруте? Да еще таким, как вы? Если будет охраняться только одна дорога, то убийцы поймут, откуда ждать импера-

тора, не так ли? Должны быть взяты под охрану все дороги! А вы вместо этого торчите тут!

Солдаты, лепеча оправдания, принялись кланяться, горя желанием отправиться исполнять свой долг, но не зная, куда им идти.

Никки, скрипнув зубами, подалась к сержанту.

— Отведи своих людей на одну из северных дорог. Немедленно. Это твой долг. Все дороги должны быть взяты под охрану. Выбирай любую!

Солдаты, непрерывно кланяясь, расступились. Отойдя от нее буквально на несколько футов, они понеслись сломя голову. Никки смотрела, как по пути они прихватывают собой других стражников.

Как только солдаты испарились с площади, Никки повернулась к обоим ошарашенным мужчинам. Они вместе поднялись по ступенькам, которые теперь никто не охранял. Некоторые из тех, кто пришел посмотреть на скульптуры у стен, услышав вопли, повернулись посмотреть, что это она делает. Коленопреклоненные женщины, молившиеся перед изображенным в камне Светом, падающим на неправедных людей, оглядывались через плечо.

Едва Виктор с Ицхаком добрались до площади, как Никки развязала веревки, схватила покров обеими руками и сдернула со статуи.

Они застыли.

Полукружье стен вокруг площади было заполнено изображениями человеческой ничтожности. Повсюду вокруг человек был изображен маленьким, ничтожным, деформированным, никчемным, безмозглым, жестоким, хищным, алчным, мерзким и грешным. Он был изображен навечно раздираемый потусторонними силами, контролирующими каждый аспект его жалкого существования, существования в котле неизбывного зла, когда смерть — единственное спасение.

Те, кто обрел добродетель в этом мире, под защитой Света Создателя, выглядели безжизненными, лица у них пустые, безвольные, тела, как у высохших трупов. Они смотрели в мир пустым, без единой искорки мысли взглядом, а вокруг них плясали крысы, под ногами извивались змеи, а над головой вились стервятники.

И в центре этого водоворота искалеченной жизни, этого убожества и ничтожества гордо возвышалась во всей своей сияющей красоте изваянная Ричардом статуя.

Она была сокрушительным приговором всему, что было вокруг нее.

Казалось, окружавшее статую убожество и уродство потеряло всю свою значимость. Уродливые скульптуры на стенах, казалось, кричат о своей лживости перед лицом этой совершенной красоты и истины.

Две возвышающиеся в центре площади фигуры являли собой воплощение гармонии и красоты. Фигура мужчины демонстрировала гордую мужественность. Фигура женщины, хоть и одетая, не оставляла никаких сомнений в своей женственности. И оба воплощали собой красоту человеческого тела как чувственного, благородного и невинного. Казалось, что окружающее убожество отшатнулось в ужасе перед этой благородной чистотой.

Более того, изваянная Ричардом статуя демонстрировала волю, целеустремленность и мудрость. Это была манифестация человеческой силы, способностей и воли. Это была сама жизнь. Это было воплощение свободной воли человечества.

Это было в точности то, что гласило единственное слово на основании:

ЖИЗНЬ

Это была жизнь, какой она должна быть: гордая, разумная и свободная.

Это было воспеванием индивидуума, благородства человеческого духа.

Все изображения на стенах предлагали смерть.

Эта же статуя предлагала жизнь.

Виктор и Ицхак плакали, упав на колени.

Кузнец, протянув к статуе руку, смеялся сквозь слезы.

— Он сделал это! Сделал то, что обещал! Плоть в камне. Величие. Красоту.

Люди, пришедшие посмотреть на другие скульптуры, теперь начали собираться к центру площади. Они смотрели широко раскрытыми глазами, многие впервые видели изображение человека как воплощение добра. В статуе была такая убеждающая сила, что это сводило на нет все изображенное на стенах. А то, что ее изваял человек, лишь подчеркивало заключенную в ней истину.

Многие зрители смотрели с тем же озарением, что снизошло на Никки.

Скульпторы забросили свою работу и прибежали посмотреть на статую. С лесов спустились каменщики. Штукатуры по-

бросали ведра с раствором. Возницы забыли о своих лошадях. Землекопы побросали лопаты. Народ стекался со всех сторон к возвышавшейся на площади статуе.

Толпа росла и росла. Человеческий поток обтекал статую, люди глазели, разинув рты. Многие, плача, падали на колени, но плакали они от радости. Многие, как кузнец, смеялись сквозь слезы счастья, заливающие их радостные лица. Очень немногие в страхе закрывали глаза.

Осмыслив увиденное, народ помчался привести других. Вскоре с холма начали спускаться мастеровые. Мужчины и женщины — те кто пришел посмотреть строительство — теперь побежали домой, они хотели, чтобы и их ближние посмотрели на то, что стоит на дворцовой площади.

Это было нечто, чего подавляющее большинство этих людей не видели ни разу в жизни.

Прозрение для слепца.

Вода для жаждущего.

Жизнь для умирающего.

Глава 66

Кэлен достала карту и спокойно сверилась с ней. Трудно сказать наверняка. Она осмотрела соседние дома на той же улице и заметила, что остальные дома в куда более плохом состоянии.

— Ну, и что ты думаешь? — тихо спросила Кара.

Кэлен сунула карту обратно под тулуп и поддернула его на плечах, чтобы не торчала рукоятка меча Ричарда. Собственный меч был спрятан под плащом. По крайней мере хоть солнце только-только зашло.

— Не знаю. Скоро стемнеет. Думаю, есть только один способ убедиться.

Кара покосилась на прохожих. Жители этого города были просто на удивление нелюбопытными. Лошадей они оставили за городом, так что быстро удрать в случае чего не удастся. Но общее равнодушие местных жителей несколько уменьшило опасения Кэлен.

Они с Карой решили быть как можно неприметней. Ей казалось, что они будут выглядеть как надо в обычной дорожной одежде, но в такой дыре, как Алтур-Ранг, им обеим оказалось практически невозможным оставаться незамеченными. Задним числом Кэлен пожалела, что они не выбрали времени подобрать себе какие-нибудь лохмотья. Кэлен чувствовала, что они с Ка-

рой столь же неприметны, как пара размалеванных шлюх на деревенской ярмарке.

Кэлен решительно поднялась по ступенькам, словно знает, куда идет и зачем. Кара последовала за ней. Коридор внутри оказался чистым. И пахло свежевымытыми деревянными полами. Кэлен направилась к ближайшей двери справа. Дальше по коридору виднелась лестница. Если это тот самый дом, то здесь должна быть нужная им дверь.

Оглядевшись по сторонам, Кэлен тихонько постучала. Никакого ответа. Она постучала опять, посильней. Подергала за ручку. Заперто. Еще раз проверив коридор, Кэлен достала кинжал и отжала замок. Схватив Кару за рукав, она втащила ее внутрь.

Внутри обе мгновенно встали в боевую стойку. Но в комнате никого не оказалось. Первое, что увидела Кэлен, — это два матраса. А потом увидела мешок Ричарда.

Опустившись на колено в дальнем углу, она раскрыла мешок и увидела внутри его вещи. Облачение боевого чародея лежало на самом дне. Со слезами на глазах Кэлен прижала мешок к груди.

Она не видела его больше года. Чуть не половину того времени, что она с ним знакома, он был вдали от нее. Казалось, что она больше не выдержит ни одного лишнего мгновения.

Вдруг Кэлен услышала шум. Кара схватила за руку размахивающего ножом юнца. Плавным движением морд-сит заломила ему руку за спину.

— Кара! Нет! — вскинула руку Кэлен.

Скорчив кислую мину, Кара убрала эйджил от горла паренька. Глаза парня округлились от страха и возмущения.

— Воровки! Вы воровки! Это не твое! Положи на место!

Кэлен подошла к парню, жестом велев не орать.

— Ты Камиль или Набби?

Юноша удивленно заморгал. Облизнув губы, он оглянулся на возвышавшуюся позади него женщину.

— Я Камиль. А кто вы? Откуда вы знаете мое имя?

— Я друг. Гейди сказал мне...

— Значит, никакой вы не друг!

Прежде чем он успел позвать на помощь, Кара закрыла ему рот рукой.

Кэлен цыкнула на парня.

— Гейди убил одного нашего друга. После того, как мы поймали его, Гейди поведал нам твое имя.

Увидев, что паренек буквально сражен этой новостью, Кэлен жестом велела Каре убрать руку.

— Гейди кого-то убил?

— Точно, — ответила Кара.

Паренек покосился назад.

— Что вы с ним сделали? С Гейди?

— Казнили, — сообщила Кэлен, не вдаваясь в подробности.

Паренек улыбнулся.

— Ну, значит, вы действительно друзья. Гейди — плохой человек. Он причинил вред моему другу. Надеюсь, он страдал.

— Умирал он долго, — ответила Кара.

Паренек, увидев ее усмешку, судорожно сглотнул. Повинуясь жесту Кэлен, Кара отпустила его.

— Ну, так кто же вы такие?

— Меня зовут Кэлен, а это Кара.

— И что вы тут делаете?

— Это все довольно сложно, но мы ищем Ричарда.

Парнишка снова стал подозрительным.

— Да ну?

Кэлен улыбнулась. Паренек — настоящий друг Ричарда. Положив руку Камилю на плечо, Кэлен посмотрела ему в глаза.

— Я его жена. Его настоящая жена.

Камиль тупо заморгал.

— Но... Но...

Голос Кэлен стал жестче.

— Никки не жена ему.

Он расплылся в улыбке, глаза заблестели от слез.

— Я знал это! Знал, что он ее не любит. И никогда не мог понять, как это Ричард мог жениться на ней.

Камиль вдруг сгреб Кэлен в объятия и крепко сжал от радости за Ричарда. Мягко рассмеявшись, Кэлен погладила парнишку по голове. Кара, схватив за воротник, оттащила его, но ласково.

— А ты? — повернулся Камиль к Каре.

— Я морд...

— Кара — близкий друг Ричарда.

Тут Камиль неожиданно обнял и Кару тоже. Кэлен испугалась, что морд-сит проломит ему череп, но Кара вежливо вытерпела объятия, хотя чувствовала себя явно не в своей тарелке. Кэлен показалось даже, что Кара едва заметно улыбнулась.

— Но что тогда Ричард тут делает с Никки? — снова повернулся к Кэлен Камиль.

Кэлен глубоко вздохнула.

— Это длинная история.

— Расскажи.

Кэлен некоторое время изучала его темные глаза. И ей понравилось то, что она там увидела. Но все же предпочла изложить все попроще.

— Никки колдунья. И использовала магию, чтобы вынудить Ричарда пойти с ней.

— Магию? Какую магию? — наседал он.

Кэлен снова вздохнула.

— Она использовала бы свою магию против меня, убила бы меня, если бы Ричард не согласился пойти с ней.

Камиль поднял глаза к потоку, переваривая услышанное. Наконец он кивнул.

— Похоже на правду. Ричард именно такой. Он пойдет на все ради той женщины, которую любит. Я знал, что он не любит Никки.

— А откуда ты это знаешь?

— Он с ней не спал, — указал Камиль на две кровати. — Но готов поспорить, что с тобой он спал, когда вы были вместе.

Кэлен почувствовала, что от его прямоты заливается краской.

— Откуда тебе это известно?

— Не знаю, — почесал он в затылке. — Просто такое впечатление, словно вы с ним одно целое. Когда ты произносишь его имя, я вижу, насколько он тебе дорог.

Несмотря на усталость, Кэлен не смогла удержаться от улыбки. Они мчались галопом несколько недель. Загнали по дороге несколько лошадей, пришлось покупать свежих. А последнюю неделю вообще практически не спали.

— Ну, так ты знаешь, где сейчас Ричард? — спросила Кэлен.

— На работе. Обычно он где-то в это время приходит домой. Если только ему не нужно работать и ночью тоже.

Кэлен быстро оглядела комнату.

— А Никки?

— Понятия не имею. Может, пошла за хлебом или еще зачем. Вообще-то забавно. Обычно она к этому времени давно уже дома. И почти всегда с уже готовым ужином для Ричарда.

Взгляд Кэлен скользил по комнате со стола на тазик и разделочную доску. Вдруг она сейчас уйдет, а он заявится буквально через минуту после ее ухода? Камиль считает странным, что

Никки до сих пор нет. И то, что они отсутствуют оба, настораживало.

— А где он работает? — поинтересовалась Кэлен.

— На стройке.

— На стройке? Какой стройке?

— Нового императорского дворца, — махнул куда-то вдаль Камиль. — Завтра грандиозное освящение.

— Новый дворец закончен?

— Да нет! Его строить еще годы и годы. Вообще-то его только начали. Но они уже сейчас хотят освятить его. Посвятить Создателю. В Алтур-Ранг на церемонию приехала куча народу.

— Ричард — один из строительных рабочих?

Камиль кивнул.

— Он скульптор. Ну, сейчас, во всяком случае... Он работал в транспортной компании у Ицхака, но потом его арестовали...

— Арестовали? Они... мучили его?

Камиль отвел глаза, ему не хотелось говорить правду.

— Я дал Никки денег, чтобы она могла проведать его. Она с Ицхаком и Виктором-кузнецом вытащили его оттуда. Он был очень плох. А когда немного поправился, его заставили работать скульптором.

Слова Камиля кружились у нее в голове. Самым интересным было, что Ричард выздоровел.

— Значит, он ваяет статуи?

Камиль опять кивнул.

— Он ваяет людей в камне для украшения стен дворца. И помогает мне с резьбой по дереву. Я могу вам показать, это на заднем дворе.

Чудо из чудес. Ричард ваяет. Но все статуи, что им попадались в Древнем мире, просто ужасны. Ричард ни за что бы не захотел ваять такое уродство. Совершенно ясно, что у него не было выбора.

— Возможно, позже. — Кэлен потерла бровь, размышляя, что делать дальше. — Ты можешь нас сейчас туда отвести? На стройку, где работает Ричард?

— Да, если хотите. Но, может, вы сперва подождете, на тот случай, если он придет домой? Он может скоро прийти.

— Ты сказал, что он иногда работает по ночам.

— Последние несколько месяцев он много работал по ночам. Он ваяет для них какую-то особенную статую. — Камиль просиял. Он велел мне завтра пойти на нее посмотреть! Поскольку

завтра освящение, может, он сейчас ее заканчивает. Я никогда не был там, где он ее делает, но Виктор, кузнец, может знать.

— Значит, идем к кузнецу.

Камиль снова почесал в затылке и на лице его появилось огорченное выражение.

— Но кузнец на ночь уходит с работы.

— А там сейчас вообще есть еще кто-нибудь?

— Наверняка полно народу. Там целые толпы собираются, чтобы посмотреть на дворец. Я и сам туда ходил. А из-за завтрашней церемонии сегодня наверняка народу еще больше.

Возможно, это то, что им нужно. Раз там толпа, то они не будут бросаться в глаза. И будет предлог обойти там все.

— Дадим ему час, — решила Кэлен. — Если к тому времени он не появится, значит, он скорее всего еще работает. Если он не придет, то придется нам отправляться на поиски.

— А если объявится Никки? — спросила Кара.

Камиль только отмахнулся.

— Я сяду на ступеньках и прослежу. А вы можете оставаться здесь, где вас никто не увидит. Если увижу Никки, то предупрежу. Я всегда успею увести вас во двор, если она придет.

— Хорошая идея, Камиль, — сжала ему руку Кэлен. — Мы подождем здесь.

Камиль побежал на свой пост. Кэлен оглядела крошечную комнатушку.

— Почему бы тебе не поспать немного? — предложила Кара. — Я покараулю. В прошлый раз караулила ты.

Кэлен совершенно вымоталась. Поглядев на ближайшую к вещам Ричарда кровать, она кивнула и улеглась на его место. В комнате становилось темно. Пребывание там, где он ночевал, само по себе успокаивало. Но, будучи так близко от него и в то же время так далеко, Кэлен никак не могла уснуть.

Сердце Никки ухнуло куда-то вниз, когда она увидела, что Ричарда дома нет. И Камиль куда-то запропастился. Ей было так приятно видеть на стройке все эти толпы, пришедшие поглядеть на статую Ричарда. Туда стекались все увеличивающиеся многотысячные толпы.

Некоторые приходили в ярость. И Никки вполне могла их понять. И все же Никки поверить не могла, как можно с такой ненавистью реагировать на подобную красоту. Некоторым лю-

дям ненавистна жизнь. И их Никки тоже вполне понимала. Это те, кто отказывается видеть. Кто не хочет видеть.

Но большинство реагировало как она.

Все для нее стало на свои места. Все стало ясным и понятным. Впервые за все ее долгое существование жизнь обрела смысл. Ричард пытался ей объяснить, но она не желала слушать. Никки и прежде слышала правду, но другие — мать, брат Нарев и Орден — заглушили правду и запудрили Никки мозги.

Мать хорошо ее выдрессировала, с самой первой встречи с братом Наревом Никки была солдатом Ордена.

Увидев статую, Никки наконец воочию узрела истину, которую всегда отказывалась видеть. Это было воплощение той самой жизни, которой Никки жаждала и при этом избегала всю свою жизнь.

Теперь она понимала, почему жизнь казалась ей такой пустой и бесцельной: она сама сделала ее такой, отказавшись думать самостоятельно. Никки была рабыней всех нуждающихся. Она сама дала своих хозяевам оружие против себя: она сдалась их извращенной лжи, сама надела себе на шею оковы вины, обрекла себя на существование покорной рабыни, вместо того чтобы жить своей жизнью, как следовало. Она никогда не задавалась вопросом, а почему, собственно, для нее быть рабой чужих желаний — справедливо, а для них порабощать ее — не преступно? Она вовсе не вносила свой вклад в процветание человечества, а была всего лишь жалкой служанкой бесчисленных хнычущих мелких тиранов. Зло — это не нечто огромное целое, а множество оставшихся безнаказанными мелких негодяев, в конечном итоге превращающихся в раскормленных монстров.

Всю жизнь она прожила на зыбком сыпучем песке, где нет доверия разуму и здравому смыслу, где ценится только вера, а слепая вера возводится в идеал. И она сама безрассудно способствовала укреплению этого пустого зла.

Она помогала сгонять всех в одно стадо, чтобы на эту коллективную шею самые худшие из людей — во имя добра, разумеется — могли набросить петлю.

Ричард ответил на их нагромождения лжи одним прекрасным доводом, видным всем и каждому, и подчеркнул его простыми словами, начерченными на тыльной части бронзовых солнечных часов.

Никки не принадлежит никому. Ее жизнь по праву принадлежит только ей.

Свобода существует в умах самостоятельно мыслящих индивидуумов — вот что показала ей изваянная Ричардом статуя. И то, что он изваял ее, доказывало само по себе его правоту. Будучи пленником ее и Ордена, он сохранил свои идеалы и показал их всем.

Только теперь Никки поняла, что всегда знала, что ее отец придерживается таких же идеалов — она сама видела это в его глазах, — хотя, возможно, сам он этого и не осознавал. Свои жизненные позиции он выражал в напряженной работе. Вот почему ей с юных лет хотелось стать оружейником, как он. Это его восприятие жизни она всегда любила и восхищалась, но сама того не осознавала из-за матери и ей подобных. Такое же выражение было и в глазах Ричарда, то самое восприятие жизни, и именно это и притягивало Никки к нему.

Теперь Никки поняла, что носит черное с самой смерти матери в бесконечном, неосознанном желании похоронить не только власть матери над ней, но, что куда существенней, отвратительные материнские идеалы.

Никки было жалко, что Ричарда нет дома. Она хотела сказать ему, что он дал ей тот ответ, который она искала. Но она никогда не сможет попросить у него прощения. То, что она с ним сотворила, непростительно. Теперь-то Никки это понимала. Единственное, что она теперь может, — это исправить содеянное зло.

Как только она его отыщет, они уедут отсюда. Вернутся в Новый мир. И разыщут Кэлен. И тогда Никки все исправит. Ей нужно быть рядом с Кэлен, хотя бы видеть ее, чтобы снять заклятие. И тогда Кэлен станет свободной. И Ричард станет свободным.

Как бы сильно Никки ни любила Ричарда, теперь она понимала, что он должен быть с Кэлен, с женщиной, которую любит. И то, что она желает его, не дает ей права делать то, что она сделала. У нее нет прав на жизнь других людей, как и у них нет права на ее жизнь.

Никки легла на кровать и заплакала над той болью, что причинила им обоим. Она сгорала от стыда. Как же долго она была слепой!

Сейчас она с трудом могла поверить, что растратила всю свою жизнь, сражаясь во имя зла, лишь потому, что его провозгласили добром. Она и вправду была все эти годы сестрой Тьмы.

Что ж, по крайне мере она отныне может трудиться, чтобы исправить причиненное ею зло.

* * *

Кэлен, увидев колоссальную толпу, глазам своим не поверила. Сколько хватал глаз, везде были люди. Должно быть, их тут сотни тысяч.

Камиль ошеломленно всплеснул руками.

— И это среди ночи! Сроду не видал тут такой толпы. Что они тут делают?

— Нам-то откуда знать? — съязвила Кара. Морд-сит пребывала в паскудном настроении, тоже весьма огорченная тем, что они так до сих пор и не отыскали Ричарда.

В самом городе тоже людей было море. Поскольку на улицах кишмя кишели патрули городской гвардии, встревоженные этим ночным ажиотажем, им троим пришлось придерживать свое нетерпение из соображений безопасности. В результате они добирались до стройки несколько часов, пробираясь всякими закоулками, темными дорогами и окружными путями, которыми вел их Камиль.

Они шли за ним по дороге, вдоль которой стояли мастерские, по большей части закрытые и темные. Лишь в очень немногих еще кто-то работал при свете ламп или свечей.

Увидев бегущего к ним человека, Кэлен нащупала под плащом рукоятку меча. Заметив их, незнакомец остановился.

— Вы видели?

— Видели что? — спросила Кэлен.

— Там, внизу, во дворце, — восторженно указал он. — На площади. — И помчался дальше, крича на бегу: — Нужно привести жену и сыновей! Они должны это увидеть!

Кэлен с Карой переглянулись.

Камиль подбежал к одной из мастерских и подергал за дверь, но та была заперта.

— Виктора нет. — Он не мог скрыть огорчения. Уже слишком поздно.

— Ты знаешь, что там, на площади? — поинтересовалась у него Кэлен.

Паренек ненадолго задумался.

— На площади? Место-то я знаю, но... Погодите-ка! Это то, куда мне велел прийти Ричард! На площадь! Он велел мне завтра прийти на дворцовую площадь.

— Ну, так пошли туда прямо сейчас и глянем, — решила Кэлен.

— Здесь быстрей, — указал Камиль. — Вниз по склону сразу за кузницей!

Вокруг все было так забито людьми, что им потребовался час только на то, чтобы спуститься с холма и пересечь огромную территорию вокруг дворца. Хотя уже было за полночь, народ все прибывал и прибывал.

Как только они дошли до дворца, Кэлен обнаружила, что пробиться на площадь нет никакой возможности. Вдоль стены стояла огромная толпа желающих попасть на площадь. Когда Кэлен, Кара и Камиль попытались обойти толпу и подняться на площадь, то чуть было не спровоцировали грандиозную потасовку. Люди уже давно ждали своей очереди и вовсе не жаждали пропускать вперед каких-то нахалов. Кэлен видела, как несколько мужчин пытались зайти вперед и крепко получили по зубам.

Кара извлекла из-под плаща руки и небрежно показала Кэлен эйджил.

Кэлен покачала головой.

— Драчка в меньшинстве против армий Джеганя — это одно, но выступать втроем против нескольких сотен тысяч почему-то не кажется мне хорошей идеей.

— Правда? А мне-то казалось, что силы неравны.

Кэлен улыбнулась. Даже Кара отлично понимала, что не стоит переть против толпы. Камиль нахмурился, не понимая юмора Кары. Добравшись до конца очереди, они влились в толпу.

Довольно скоро за ними образовалась такая толпа, что и конец ее не был виден. Казалось, все преисполнены каким-то странным нервным предвкушением.

Стоящая перед ними кругленькая женщина, облаченная едва ли не в лохмотья, улыбнулась им. Она держала что-то похожее на буханку хлеба.

— Хотите кусочек? — предложила она.

— Спасибо, нет, — отказалась Кэлен. — Но очень любезно с вашей стороны было предложить.

— Я никогда прежде не предлагала такого. — Женщина хихикнула. — Но сейчас мне так кажется правильным, верно?

Кэлен представления не имела, о чем та толкует, но все же ответила:

— Да, верно.

Ночь тянулась, очередь медленно ползла. У Кэлен разламывалась спина. Она заметила, что даже Кара, потянувшись, поморщилась.

— И все же я по-прежнему считаю, что нам нужно достать оружие и пробиться вперед, — все-таки пожаловалась наконец Кара.

— Ну и что это даст? — Кэлен наклонилась к ней поближе. — Куда нам деваться до утра? А утром мы сможем пойти либо к кузнецу, либо на площадку, где работают скульпторы, и, будем надеяться, отыщем Ричарда. Но ночью мы ничего не можем предпринять.

— Может, он сейчас уже дома.

— Ты снова хочешь столкнуться с Никки? Ты ведь знаешь, на что она способна. И нам может не так повезти, как в прошлый раз. Мы приехали сюда не затем, чтобы с ней драться. Я приехала просто повидать Ричарда. Даже если Ричард и вернулся туда — а мы этого не знаем, — нам точно известно, что утром он будет здесь.

— Пожалуй, — буркнула Кара.

Когда они добрались до подножия мраморных ступеней, небо уже начало алеть. Спереди раздавались стоны и плач. Причины этого Кэлен не видела, но люди на площади откровенно плакали. И что странно, раздавался и счастливый смех. Кто-то ругался последними словами, словно у него под угрозой ножа отбирали все накопления.

Медленно вползая вверх по ступеням, Кэлен с Карой старались не высовываться, чтобы не привлекать к себе лишнего внимания. Площадь наверху заливал свет тысяч факелов, и их количество указывало на численность толпы. Запах горелой смолы смешивался с кислым запахом пота большого скопления людей.

Сквозь просвет, на мгновение образовавшийся в толпе, Кэлен успела углядеть, что там, впереди. И моргнула при виде того, что предстало перед глазами. Но это тут же исчезло, снова скрытое толпой. Люди впереди плакали, причем многие, судя по звуку, от радости.

Кэлен начала различать мужские голоса, вежливо просившие людей не останавливаться и дать другим возможность посмотреть. Скопище оборванных людей медленно продвигалось вперед, на белый мрамор площади, как нищие на коронации. Над горизонтом поднялось солнце, и чистый дневной свет наконец полностью заменил факелы. Золотые лучи залили площадь.

Изваяния на стенах вызывали отвращение. Если они чем-то и отличались от остальных скульптур, что попадались Кэлен в Древнем мире, так только тем, что были еще более уродливыми, более чудовищными.

Кэлен мысленно представила себе линии «Сильной духом». И мысль, что Ричарду пришлось ваять вот эти убожества на стенах, вызывала тошноту.

Кэлен почувствовала, как ее обволакивает унылое чувство. Вот суть Ордена: боль, страдания, смерть. Вот какая участь ждет Новый мир в лапах этих монстров. Она не могла отвести глаз от изваяний на стенах, от судьбы, ожидающей народы ее родины. Судьбы, которую столь многие слепо приветствовали.

И тут вдруг над головам идущей впереди толпы Кэлен узрела возвышающиеся впереди белые фигуры. И ахнула. Солнечные лучи омывали их, словно солнце специально поднялось, чтобы обласкать эти прекрасные формы во всем их величии.

Кара болезненно вцепилась Кэлен в руку. Ее тоже зрелище поразило. Скульптура мужчины и женщины поразила воображение Кэлен благородством духа.

Она почувствовала, как по щекам заструились слезы, а потом откровенно заплакала, как и люди вокруг нее, пораженная великолепием, величием и красотой того, что стояло перед ней. Это было всем, чем не являлись изваяния на стенах вокруг. Эта статуя свободно предлагала то, в чем они отказывали.

ЖИЗНЬ — было написано на постаменте.

Кэлен сквозь слезы ловила воздух ртом. Она вцепилась в Кару, а та в нее, и так они стояли, поддерживая друг друга, обтекаемые со всех сторон толпой. Мраморный мужчина не был Ричардом, но в нем было много от него. А женщина не была Кэлен, но достаточно сильно походила на нее, чтобы Кэлен зарделась от того, что столько глаз смотрят на это.

— Пожалуйста, проходите дальше, — непрерывно повторяли стоящие по бокам мужчины. Они были не в униформе, а также скверно одеты, как и все остальные. Похоже, обычные горожане, просто решившие помочь.

Женщина, предлагавшая Кэлен хлеб, рыдая, упала на колени. Чьи-то руки бережно подняли ее и помогли двинуться дальше. Эта женщина, жившая в Древнем мире, скорее всего никогда не видела подобной красоты.

Когда Кэлен обходила вокруг статуи, неспособная оторвать от нее глаз, она, как и все, потянулась, чтобы коснуться ее. Толпа тащила ее дальше, но она все же успела коснуться гладкого камня, зная, что и пальцы Ричарда тоже касались его. И от этого расплакалась еще пуще.

По пути Кэлен увидела, что на солнечных часах выгравированы слова:

Твоя жизнь принадлежит тебе. Восстань и живи.

Было видно, что многие повторяют эти слова.

По ступенькам поднималась толпа, вынуждая людей у статуи двигаться дальше. В другом конце площади мужчины проводили людей между колоннами, в дальний предел недостроенного дворца, и с дороги тех, кто еще не видел изваяния.

— Жаль, что Бенджамин этого не видит. — Синие глаза Кары блестели от слез.

Кэлен охватил приступ хохота.

— А я собиралась было сказать: «Жаль, что Ричард этого не видит!»

Кара засмеялась вместе с ней, и их, хохочущих, людской поток повлек дальше.

Камиль схватил Кэлен за руку. Она заметила, что и Кару он тоже взял за руку.

— Да, — авторитетно заявил он, — это Ричард изваял!

— Куда идем? — спросила его Кэлен. — Где, по-твоему, мы можем его найти?

— Думаю, нам надо вернуться в кузницу. Будем надеяться, Ричард скоро появится. А если нет, то, может, Виктор знает, где он.

Слова Камиля «это Ричард изваял» звучали в ее голове радостной музыкой.

Глава 67

ичард вылез через окно и спрыгнул вниз. Сапоги гулко ударились о землю. Он поверить не мог, что так и проспал всю ночь под пологом в фургоне. И поверить не мог, что Йори не разбудил его, когда помещение закрывалось. Надо полагать, мужик посчитал, что не его это дело и он не обязан это делать. Ричард вздохнул. Может, Йори и не знал, что он спит в фургоне.

Ричард отряхнулся. Он стоял перед помещением транспортной компании, в которой работал, когда только приехал в Алтур-Ранг, и в котором проспал всю ночь. Конечно, он спал и не подозревал, что Йори его запер.

Ричард не знал, куда идти: то ли домой, то ли к Убежищу. Небо уже было оранжево-фиолетовым от восходящего солнца. Пожалуй, домой идти нет резона. Так он только опоздает на работу. Ричард решил, что отправится все же на работу.

На работу. Какую работу? Сегодня же торжество, освящение. Как только брат Нарев увидит статую, Ричарду уже больше не придется волноваться насчет работы.

Он знал, что если попытается сбежать, то лишь еще больше разозлит Никки, и тогда жизни Кэлен придет конец. Ричард провел с Никки больше года — столько же, сколько с Кэлен, — и Никки неоднократно

очень доходчиво разъясняла ему его возможности. Жизнь Кэлен напрямую зависит от его поведения.

Никакого особого выбора у Ричарда не было. Ну, по крайней мере он полюбуется физиономией Виктора, когда кузнец увидит статую. От этой мысли Ричард улыбнулся. Это единственная приятная перспектива наступившего дня.

А закончится он скорей всего в той сырой темной дыре, где он уже побывал. Он аж споткнулся при мысли об этом. Ему совсем не хотелось снова там оказаться. Там так тесно. Ричард терпеть не мог сидеть взаперти. Особенно в маленьких помещениях. Ему активно не нравилось и то, и другое, а ежели все вместе, так это вообще ужас.

Но как бы ни была устрашающа перспектива такой судьбы, он изваял статую с сознательным намерением и конкретной целью, полностью отдавая себе отчет о возможной расплате. Но то, что он сделал, того стоит. Рабство — это не жизнь. Никки как-то пообещала, что если он умрет или предпочтет смерть, то это само по себе будет для нее ответом, и она не причинит вреда Кэлен. Теперь Ричард мог только надеяться, что она сдержит это обещание.

Статуя существует. Только это важно. «Жизнь» существует. Людям необходимо увидеть это. В Древнем мире многим нужно увидеть, что жизнь существует, и ее нужно прожить.

Для такого раннего утра на улицах Алтур-Ранга было слишком уж оживленно. Во все концы неслись подразделения тяжело вооруженных городских гвардейцев. На празднование освящения в город приехало много народу. Ричард предположил, что именно поэтому на улицах столько людей.

Гвардейцы не обращали на него внимания. Но он знал, что скоро обратят.

Придя в Убежище, Ричард ошалел от увиденного. Вся территория на многие мили была запружена народом. Люди толпились вокруг дворца, как муравьи вокруг пролитого меда. Он даже приблизительно не мог подсчитать, сколько людей заполонило окрестные холмы. Было как-то странно видеть такое разноцветие там, где раньше виднелись только коричневая земля и озимые. Ричард и не думал, что на церемонию освящения захочет прийти так много народу. Впрочем, последние месяцы он работал сутками, откуда ему знать, что там планировал народ?

Ричард миновал основную толпу и вышел на дорогу к кузнице. Он хотел прихватить с собой Виктора и спуститься с ним на

площадь к статуе до того, как Орден начнет освящение. Виктор наверняка ждет прихода Ричарда с огромным нетерпением.

Дорога была запружена людьми. И все выглядели счастливыми, оживленными и предвкушающими. Их поведение очень отличалось от обычного поведения обитателей Древнего мира. Может, праздник, даже наподобие нынешнего, все же лучше, чем все остальные серые будни.

Примерно в полумиле от кузницы на дорогу выскочил разъяренный брат Нил и выбросил руку в сторону Ричарда.

— Вот он! Взять его!

Пробиравшиеся сквозь толпу стражники по команде Нила приготовили оружие. Когда они окружили его, первым инстинктивным желанием Ричарда было бежать. Он мгновенно оценил силы противника и прикинул варианты атаки. Нужно всего лишь выхватить меч у одного из этих неумех, и тогда он положит их всех. Мысленно он уже все это проделал. Осталось только провести операцию в жизнь.

Стражники неслись к нему на всех парах. Народ у них на пути расступался, некоторые вскрикивали от испуга.

Однако оставалась еще проблема Нила. Нил — волшебник. Но и с этой угрозой Ричард вполне мог справиться — необходимость подстегивала его волшебный дар. Необходимость и злость. Чего-чего, а уж злости в нем сейчас было больше чем достаточно для выполнения данной задачи. Та часть его, которую обычно использовал Меч Истины, эта чудовищная черная ярость, уже грохотала в нем.

Только вот Никки сказала, что если он прибегнет к магии, Кэлен умрет. Но откуда она узнает?

Узнает рано или поздно.

Ричард покорно стоял, позволив стражникам грубо схватить его за руки. Другие схватили его спереди за рубашку.

Да какое, в сущности, это имеет значение? Если он станет сопротивляться, Кэлен умрет. Если они казнят его, Никки оставит Кэлен в живых.

Но ему вовсе не хотелось обратно в ту черную яму.

Подлетевший Нил потряс кулаком под носом Ричарда.

— Что за дела, Сайфер?! Чего ты хотел этим добиться?!

— Могу я поинтересоваться, о чем идет речь, брат Нил?

Физиономия Нила стала багровой.

— Статуя!

— Как, она вам не понравилась?

Нил со всех своих силенок вогнал кулак Ричарду в живот. Державшие Ричарда стражники заржали. Ричард приготовился к удару и напряг мышцы живота, но все равно получил под дых довольно чувствительно. Он все же сумел довольно быстро восстановить дыхание.

Нилу, похоже, понравилось размахивать кулаками, и он ударил Ричарда еще раз.

— О, ты заплатишь за свое святотатство, Сайфер! На сей раз ты заплатишь сполна! Ты сознаешься во всем, прежде чем мы с тобой покончим! Но сперва ты увидишь, как уничтожат сотворенную тобой мерзость! — Нил, преисполненный сознания своего превосходства и собственной правоты, махнул рукой стражникам. — Тащите его вниз! И не стесняйтесь расталкивать толпу!

К середине утра надежды Кэлен на то, что кузнец все же появится на работе, исчезли.

— Мне очень жаль, — огорченно проговорил Камиль, глядя, как она нетерпеливо вышагивает у кузницы. — Я не знаю, почему Виктор не пришел. Я думал, он придет. Правда, думал!

Кэлен наконец остановилась и похлопала встревоженного паренька по плечу.

— Я знаю, Камиль. Но с учетом сегодняшней торжественной церемонии и того, что творится у статуи, вряд ли нынешний денек можно считать обычным.

— Смотри, — окликнула Кара. Кэлен увидела, что морд-сит глядит вниз, на дворец. — Гвардейцы с пиками оттесняют толпу с площади.

Прищурившись, Кэлен посмотрела вниз.

— У тебя зрение острей, чем у меня. Я ничего не вижу. — Она кинула раздраженный взгляд на кузницу. — Но ждать тут больше незачем. Пошли проверим, может, нам удастся спуститься вниз и поглядеть поближе, что там происходит. Только не начинай войну с толпой, ладно? — тронула она руку Кары.

Кара разочарованно скривила губы. Кэлен повернулась к юноше, расстроенно ковырявшему ногой землю. Он был явно огорчен тем, что не смог им помочь найти Ричарда.

— Камиль, ты можешь кое-что для меня сделать?

— Конечно! А что надо?

— Ты мог бы подождать тут, на тот случай, если Ричард вдруг появится? Или кузнец? Если кузнец придет, то вдруг ему что-нибудь известно?

Камиль, почесав в затылке, посмотрел вниз, на дворец.

— Ну ладно. Мне бы не хотелось, чтобы Ричард, если вдруг заявится сюда, упустил вас. Что ему передать, если увижу?

Кэлен улыбнулась. «Что я люблю его», — подумала она, но вслух сказала:

— Скажи, что мы с Карой здесь и пошли вниз искать его. Если он все же появится, мне бы не хотелось упустить его. Пусть ждет тут, мы вернемся сюда.

Кэлен полагала, что им удастся спуститься вниз, но, похоже, такая же мысль возникла у всех. Целая вечность ушла на один только спуск с холма. Чем ближе они подходили, тем тесней становилась толпа. В какой-то момент Кэлен остановилась совсем. Было довольно трудно даже держаться рядом с Карой. Похоже, все в толпе желали пропихнуться к площади. И народу становилось все больше.

Вскоре Кэлен поняла, что они с Карой оказались в ловушке, зажатые со всех сторон людьми.

Тема для разговора у всех была одна: статуя.

Было уже далеко за полдень, когда Никки сумела протолкаться к площади. Каждый дюйм давался с трудом. Она оказалась достаточно близко, чтобы видеть людей вокруг статуи, но ближе подобраться не смогла. Как бы они ни старалась, продвинуться хотя бы на дюйм не было никакой возможности. Как и она, все остальные тоже хотели подойти поближе. Со всех сторон ее сдавили так, что она и рукой шевельнуть не могла. И такая беспомощность несколько пугала. Никки удалось высвободить одну руку, чтобы получше сохранять равновесие. До нее дошло, что в такой ситуации падение означает смерть.

Если бы только у нее было ее могущество!

Это из-за собственной наглости она лишилась своего могущества. Впрочем, взамен она обрела жизнь. Но это стоило Ричарду с Кэлен свободы. Никки не могла вернуть себе магию, просто оборвав узы. Это убило бы Кэлен. Никки не хотела жить ценой жизни другого. Теперь-то она понимала, что жить ценой жизни других это и есть настоящее зло.

Никки искала Ричарда, но не нашла. И кузнеца, господина Касселлу, с Ицхаком тоже разыскать не удалось. Как только она отыщет Ричарда, то скажет ему, что была не права, и тогда они смогут покинуть Алтур-Ранг. Ей так хотелось видеть выражение

его лица, когда она скажет, что везет его обратно к Кэлен и что собирается снять заклятие.

Единственное место, где оставалось его искать, было возле статуи. Он мог быть там. Но как бы Никки ни пыталась, пробиться туда ей не удавалось. А теперь, как она поняла, ей вообще вряд ли удастся выбраться из многотысячной толпы. Вокруг дворца скопилось больше полумиллиона человек.

А потом Никки увидела, как на площадь выходит брат Нарев с учениками, все в коричневых балахонах. В дальнем конце площади толпились несколько сотен официальных лиц Ордена, прибывших на церемонию освящения. Все — важные персоны.

Будь у нее ее могущество, она убила бы их всех прямо там.

И тут Никки углядела позади чиновников Ричарда, окруженного стражниками. Вся центральная часть площади была забита решительно настроенными гвардейцами.

Вперед выступил брат Нарев. Сплошные углы под балахоном. Его темные глаза из-под густых бровей цепко оглядели ассамблею. Толпа находилась в шумном, взволнованном состоянии. Брат Нарев выглядел недовольным, впрочем, он всегда был недовольным. Удовольствие, говорил он, есть грех. Он поднял руки, призывая к тишине.

Когда толпа успокоилась, он заговорил своим низким скрипучим голосом, голосом, преследовавшим Никки с того самого дня у нее дома, когда она была еще ребенком, голосом, которому она позволила управлять своим разумом, тем голосом, который вместе с голосом ее матери думал и решал за нее.

— Граждане Ордена. На сегодня мы запланировали для вас особенное событие. Сегодня мы демонстрируем вам, как выглядит искушение... И более того, — костлявая ладонь указала на статую, — само зло.

В толпе пробежал ропот. Брат Нарев улыбнулся, узкие губы раздвинулись, от чего щеки ввалились еще больше. Он походил на ухмыляющийся череп. Глаза его были такими же темными, как и его балахон. Солнце зашло, передав эстафету десяткам факелов, освещающим колеблющимся оранжевым светом массивные колонны в другом конце площади, а слабый лунный свет омывал физиономии мрачных чиновников. Воздух, насыщенный ароматами толпы, стал прохладным.

— Граждане Ордена, сегодня вы узрите, что происходит со злом, когда оно сталкивается с добродетелью Ордена, — про-

должил брат Нарев. Никки показалось, что от его голоса стены треснут.

Он поднял костлявый палец, подавая сигнал стоящим позади чиновников гвардейцам. Гвардейцы поволокли Ричарда вперед. Никки вскрикнула, но ее голос затерялся среди шума толпы.

Ту вперед выступил брат Нил, волоча здоровенную кувалду.

Оглядевшись по сторонам, Никки увидела поблизости несколько сотен вооруженных до зубов гвардейцев. Еще строй отсекал толпу от площади. Брат Нарев не желал рисковать. Нил с вежливой улыбкой и почтительным поклоном протянул кувалду брату Нареву.

Брат Нарев воздел кувалду над головой, словно победно вскинутый меч.

— Зло, где бы оно ни находилось, должно быть уничтожено! — Он махнул кувалдой в сторону статуи. — Это творение зла, созданное мятежником, ненавидящим своих собратьев — людей, чтобы повлиять на слабодушных. Он не привнес ничего, что могло помочь людям, ничего, что служило бы процветанию добродетели человечества, ничего, что могло бы послужить уроком и поддержкой для людей. Он предлагает лишь пошлые и святотатственные изображения, чтобы соблазнить доверчивых и слабодушных среди нас.

Толпа молчала в изумленном разочаровании. Судя по тому, что слышала Никки, находясь с толпе, многие полагали, что эта статуя — какой-то новый дар Ордена народу. Некий великий дар, некая яркая надежда. И теперь люди были поражены услышанным и растерянны.

Брат Нарев поднял кувалду.

— Прежде чем тело этого преступника повиснет на виселице за его преступные деяния против Ордена, он увидит, как его мерзкое творение уничтожат под радостные крики добродетельного народа!

Когда последние лучи солнца скрылись за горизонтом, брат Нарев в свете факелов поднял повыше тяжелую кувалду. Кувалда на мгновение дрогнула на апогее замаха, а потом тяжело упала вниз. Толпа дружно ахнула, когда металл громко лязгнул по ноге мраморного мужчины. Отлетело несколько крошечных осколков. Удар причинил на удивление мало вреда.

И в повисшей абсолютной тишине раздался хохот Ричарда, смеявшегося над бессильным ударом брата Нарева.

Даже со своего места Никки видела, как аскетичная физиономия брата Нарева побагровела. А Ричард продолжал хохотать во всю глотку. В толпе пробежал шепоток. Люди поверить не могли, что кто-то может смеяться над членом Ордена, да еще над самим братом Наревом.

Брат Нарев не мог этому поверить.

Десятки гвардейцев, наставивших на Ричарда пики, не могли этому поверить.

А в напряженной тишине хохот Ричарда разносился по всей площади и дальше, эхом отражаясь от мраморных колонн. На лицо брата Нарева вернулся оскал смерти. Взяв кувалду за верх, он протянул ее Ричарду рукояткой вперед.

— Ты сам разрушишь свое мерзкое творение!

Слова «или умрешь на месте» произнесены не были, но все и так поняли.

Ричард принял рукоятку кувалды. И сделал это с таким изяществом, словно это украшенный самоцветами меч.

Хищный взгляд Ричарда отвернулся от Нарева и обежал толпу. Ричард сделал несколько шагов к ступеням. Брат Нарев поднял палец, подавая гвардейцам сигнал взять пики на изготовку. Судя по ухмылкам Нарева с Нилом, они не думали, что толпе интересно услышать, что там будет говорить грешник.

— Вами правят мелкие ничтожества. — Голос Ричарда гремел над толпой.

Толпа дружно ахнула. Поносить Братство — скорее всего измена, и уж безусловно — ересь.

— В чем мое преступление? — вслух спросил Ричард. — Я дал вам увидеть красоту, посмел придерживаться убеждения, что вы имеет право увидеть ее, если захотите. Более того... Я заявил, что ваша жизнь принадлежит только вам и никому больше.

По толпе прокатился ропот. Голос Ричарда возрос и был ясно слышен всем.

— Зло не есть большое единое целое, а бесчисленное множество безнравственных поступков, совершенных ничтожными людьми. Живя под властью Ордена, вы поменяли богатство видения на серый туман посредственности. Плодотворное стремление творить и расти на безмозглую стагнацию и медленное загнивание. Смелость поступков на тусклую апатию.

Толпа слушала сжав губы и опустив глаза. Ричард взмахнул у них над головам кувалдой, которую держал с ловкой грацией. Как королевский клинок.

— Вы променяли свободу даже не на миску похлебки, а хуже: на пустопорожние словеса других, говорящих, что вы заслуживаете полной миски похлебки, добытой кем-то другим.

Счастье, радость, свершения, достижения... это не какие-то там удобства, которые можно поделить на всех. Разве смех ребенка можно поделить или распределить? Нет! Он вызывает лишь еще больше радости и смеха.

В толпе послышался смех. Довольный смех.

Брат Нарев насупился еще сильней.

— Достаточно твоей мятежной болтовни! Уничтожь свою греховную статую. Сейчас же!

— О? — склонил Ричард голову набок. — Всеобщее сборище Ордена и Братства боится слушать то, что может сказать один ничтожный человек? Ты так боишься каких-то там слов, брат Нарев?

Темные глаза быстро глянули на толпу, подавшуюся вперед в стремлении услышать ответ.

— Мы не боимся слов. Добродетель на нашей стороне и победит. Изрекай свои святотатства, чтобы все могли понять, почему добропорядочные люди ополчатся против тебя.

Ричард улыбнулся толпе, но заговорил с грубой прямотой:

— Жизнь каждого человека принадлежит только ему. Жизнь отдельного индивидуума может и должна принадлежать только ему, а не обществу или коммуне, иначе он всего лишь раб. Никто не имеет права отказывать другому человеку в праве прожить жизнь так, как он хочет, или силой отнимать то, что произвел кто-то другой, потому что это не что иное, как воровство, чтобы жить за чужой счет. Это преступление против человечества, если у человека держат нож у горла и указывают, как ему следует прожить его жизнь. Никакое общество не может быть превыше тех отдельных индивидуумов, из которых состоит, иначе вы отдаете пальму первенства не человеку, а любому решению, которое взбредет этому обществу, причем бесконечной ценой несчетного числа жизней. Разумность и рациональность — вот единственный смысл справедливых законов. А бессмысленные желания, если дать им волю, становятся жестокими хозяевами.

Подмена разума верой позволяет этим людям с помощью силы порабощать вас. Убивать вас. У вас есть сила самим решать, как вам жить. А эти мелкие ничтожества — всего лишь

жалкие тараканы, если вы так решите. У них нет власти управлять вами, кроме той, что вы сами им даете!

Ричард указал кувалдой на статую.

— Это жизнь. Ваша жизнь. Чтобы прожить ее так, как вы сами выберете. — Он взмахнул кувалдой в сторону изваяний на стенах. — А это то, что предлагает вам Орден: смерть.

— Мы уже достаточно наслушались твоей ереси! — завизжал брат Нарев. — Немедленно уничтожь свою мерзость, или умри!

Пики нацелились.

Ричард спокойно обвел бесстрашным взором гвардейцев, затем шагнул к статуе. Сердце Никки бешено заколотилось. Она не хотела, чтобы статую уничтожили. Она слишком красива для этого. Этого просто не может случиться. Они не могут отнять эту красоту.

Ричард вскинул кувалду на плечо. Вытянув руку к статуе, он обратился к толпе в последний раз:

— Вот, что Орден отнял у вас, — вашу человечность, вашу индивидуальность, вашу свободу жить так, как вам хочется.

Ричард быстро коснулся кувалдой лба.

Сверкнув сталью, кувалда взметнулась в могучем замахе. Никки слышала, как свистит воздух. Казалось, вся статуя содрогнулась, когда кувалда с громким треском впечаталась в основание.

В краткий миг тишины Никки услышала едва заметный звук, потрескивающий шепот самого камня.

А потом статуя с грохотом обвалилась, рассыпавшись на части и взметнув тучу белой пыли.

Чиновники радостно завопили. Гвардейцы с победным криком потрясали над головой оружием.

Но только они. В толпе царила мертвая тишина, пока белая пыль оседала на площадь. Все их надежды, воплощенные в этой статуе, только что были уничтожены.

Никки смотрела в полном отупении. Горло сжало от боли. Глаза наполнились слезами. Люди молча смотрели, словно только что стали свидетелями трагической бесполезной смерти.

Гвардейцы надвинулись на Ричарда, оттесняя его к другим, уже поджидавшим с тяжелыми колодками.

И тут из оглушенной толпы у самых ступеней раздался ясный крик.

— Нет! Мы этого не потерпим!

В наступающей темноте Никки увидела того, кто кричал. Он был почти у самых ступенек и решительно пробивался вперед, чтобы выбраться на площадь.

Это был кузнец, господин Касселла.

— Мы этого не потерпим! — ревел он. — Я больше не позволю вам и дальше держать меня в рабстве! Слышите вы?! Я — свободный человек! Свободный!

И тут вся толпа перед площадью оглушительно взревела.

А потом дружно ломанулась вперед.

Потрясая кулаками, человеческая лавина с яростными криками устремилась на площадь. Им навстречу двинулись ряды вооруженных гвардейцев. Толпа смела их, даже не заметив.

Никки завопила во всю силу легких, пытаясь привлечь внимание Ричарда, но ее голос утонул в оглушительном гвалте.

Глава 68

ичард не знал, что поразило его больше: руины изваянной им статуи или зрелище толпы, несущейся вверх по ступеням после объявления Виктором себя свободным человеком.

Толпа без малейшей задержки смела выдвинувшуюся ей навстречу вооруженную гвардию. Хотя были и раненые, и убитые. Но тела упавших затоптали напиравшие люди. Идущие впереди не могли остановиться при всем желании: напор многотысячной толпы вынуждал их идти вперед. Но они и не хотели останавливаться. Рев стоял оглушающий.

Братья запаниковали. И стоящие в задних рядах чиновники тоже. Несколько тысяч вооруженных гвардейцев тоже впали в панику. В одночасье мир перевернулся: подавляющая власть Ордена рухнула, и собравшиеся на площади люди превратились в отдельных, самостоятельных индивидуумов.

Ричард хотел добраться до брата Нарева. Но вместо этого увидел, как к нему несутся вооруженные люди. Увернувшись, он вогнал кирку в грудь налетевшего на него гвардейца с мечом. Нападавший рухнул, и Ричард, выхватив у него меч, сам тут же превратился в смертоносный вихрь.

Небольшая группка гвардейцев сочла своим долгом защищать братьев. Ричард

обрушился на них, и каждый его удар не пропал даром. Каждый удар мечом уносил жизнь.

Но вовсе не гвардейцы были основной целью Ричарда. Если ему предстоит потерять все, то он желал взамен голову Нарева. Прорываясь сквозь толпу, он нигде не мог обнаружить брата Нарева.

Из толпы вынырнул Виктор, волоча за волосы одного из братьев. Еще несколько человек помогали ему. В глазах кузнеца горел огонь, способный расплавить железо. Глаза брата закатились, будто его как следует треснули по голове и он никак не очухается.

— Ричард! — вскричал кузнец.

Те, кто вместе с кузнецом тащили брата, столпились вокруг Ричарда, образовав плотное кольцо.

— Что нам с ним делать? — спросил один из них.

Ричард оглядел толпу. И увидел знакомые по стройке лица. Среди них Приску и Ицхака.

— Почему вы меня спрашиваете? Это ведь ваше восстание. — Он вызывающе поглядел им в глаза. — Что, по-вашему, следует с ним сделать?

— Это ты нам скажи, Ричард, — ответил один из скульпторов.

Ричард покачал головой.

— Нет. Это вы мне скажите, что намерены с ним сделать. Но вам следует знать, что этот человек — волшебник. Когда он очухается, то начнет убивать. Речь идет о жизни и смерти, и ему это отлично известно. А вам? Речь ведь о ваших жизнях. И вам решать, что делать, а не мне.

— На сей раз мы хотим, чтобы ты был с нами, Ричард, — прокричал Приска. — Но если ты по-прежнему не захочешь присоединиться к нам, то мы пойдем дальше без тебя! Это наше восстание, мы боремся за наши жизни. Вот как все будет!

Мужчины, потрясая кулаками, криками выразили свое одобрение.

Виктор прижал оглушенного брата к груди и свернул ему шею. Позвоночник с треском сломался, и обмякшее тело скользнуло на землю.

— Вот, что мы собирались с ним сделать! — проговорил Виктор.

Ричард, улыбаясь, протянул руку.

— Всегда рад повстречать свободного человека. — Они обменялись крепким рукопожатием. Ричард пристально поглядел Виктору в глаза. — Я — Ричард Рал.

Виктор моргнул. А затем раскатисто захохотал. Другой рукой он хлопнул Ричарда по плечу.

— Ну конечно! Все мы — Ричарды Ралы. На мгновение ты меня подловил, Ричард! Правда-правда!

Давление толпы оттеснило их к колоннам. Наклонившись, Ричард схватил мертвого брата за рясу и поволок за собой. Массивные каменные стены и мраморные колонны давали хоть какую-то защиту от беснующейся толпы.

Земля содрогнулась. Ударившая снаружи молния пробила дыру в стене. Тьму прорезал свет. В воздухе полетели обломки камня. Попадали десятки окровавленных людей.

— Что это?! — проревел Виктор, перекрывая вопли, стоны и грохот взрыва.

Игнорируя опасность, толпа продолжала надвигаться на своих поработителей. По тому месту, где стояла статуя, прокатились толпы, взметая мраморные осколки. Люди целовали пальцы и на ходу, касались этими пальцами слов, выгравированных на упавшем бронзовом кольце. Все они выбрали жизнь.

Толпа захватила нескольких братьев и чиновников и принялась забивать их до смерти мраморными кусками статуи.

— Брат Нарев — колдун, — пояснил Ричард. — Виктор, ты со своими людьми должен взять толпу под контроль. Нарев может прибегнуть к магии. Я понимаю желание людей стать свободными, но будет много убитых и раненых, если не возьмем все это под свой контроль.

— Понял, — кивнул Виктор, не давая напирающей толпе потащить его за собой.

Некоторые из мужчин, окруживших Ричарда защитным кольцом, услышав его слова, согласно закивали. И в толпе зазвучали команды, призывающие выступать организованно. Эти люди хотели победить. Они желали добиться своей цели и поэтому поняли разумность отдаваемых приказов. К тому же многие из них привыкли управлять большими рабочими подразделениями. И умели организовывать людей.

Ричард начал стаскивать рясу с мертвого брата.

— Твои люди должны держать людей подальше от дворца. Там Нарев. И всякий, кто отважится войти туда, рискует стать

покойником. Не пускай людей внутрь. Поскольку там братья, то дворец — смертельная ловушка.

— Понял, — кивнул Виктор.

— Мы не дадим им войти, — поддержали его остальные.

Ричард начал натягивать через голову рясу мертвого брата. Виктор схватил его за руку.

— Что ты делаешь?

Ричард просунул голову в горловину рясы.

— Иду внутрь. Во тьму. Нарев примет меня за брата, и я смогу таким образом подобраться к нему поближе. Он сунул меч под рясу, прикрывая рукой рукоять. — Не пускай туда людей — Нарев владеет опасной магией. Я должен остановить его.

— Ты там сам поосторожней, — посоветовал Виктор.

Взявшие на себя командование начали рассасываться в разные стороны, убеждая толпу подчиняться приказам. Некоторые подчинились, и, глядя на них, начали выполнять команды и другие. Поскольку все захваченные чиновники были уже мертвы, толпа медленно начала успокаиваться, и очень вовремя. Напор огромной толпы был опасен для всех.

Проходящие мимо люди плакали, поднимая оставшиеся от статуи обломки, и прижимали к груди эти кусочки свободы и красоты, двигались дальше, уступая место идущим следом. Это были люди, которым предложили жизнь, и они сделали свой выбор. Они доказали, что достойны свободы.

Виктор увидел, чем занимается народ.

— Ричард... Мне очень жаль...

На площади прогремел взрыв, уложив наповал добрую сотню людей. Взрыв был такой силы, что разрывал тела на куски. Рухнула огромная каменная колонна, погребая под собой людей, которые из-за напора толпы не могли вовремя отскочить.

— Позже! — проорал Ричард, перекрывая шум. — Я должен добраться до Нарева! Не пускай никого во дворец! Там их ждет лишь смерть!

Кивнув, Виктор вместе с несколькими друзьями умчался, чтобы взять ситуацию под контроль.

Ричард, оставив позади гвалт и суету, шагнул в открытый между колоннами вход... во тьму.

Внутри тянулись мили коридоров, иногда ему преграждали путь завалы из мертвых тел. В первый прорыв, когда люди хлынули на площадь, некоторые погнались за чиновниками и брать-

ями по дворцовым лабиринтам. И многие оказались достаточно невезучими, чтобы напороться на брата Нарева. А теперь тихо пробиравшемуся по черным коридорам Ричарду ноздри заполнял запах сгоревшей плоти.

Ричард был лесным проводником задолго до того, как стал Искателем, не говоря уж о магистре Рале. И темнота была для него родной стихией. Мысленно он собирал эту тьму вокруг себя.

Внутри этих массивных стен, под толстыми перекрытиями, благодаря полам из наборного паркета и гладкой крыше наверху шум восставшей толпы казался отдаленным приглушенным гулом. Сквозь недоделанные дверные проемы в помещения, еще не имеющие крыши или потолков, пробивался лунный свет. Изменчивый свет луны создавал паутину теней, усиливающих ощущение опасности.

По пути Ричарду попалась пожилая женщина, истекающая кровью в коридоре. Она всхлипывала от боли. Опустившись на колено, он ласково коснулся ее плеча, не отрывая внимательного взгляда от темного коридора впереди и чернеющих по обеим сторонам ниш.

Он чувствовал, как женщина дрожит.

— Куда вас ранило? — шепотом спросил он. Он отбросил капюшон, чтобы при пробивающемся сквозь недоделанные перекрытия лунном свете она смогла разглядеть его лицо. — Я Ричард.

На лице женщины появилась улыбка узнавания.

— В ногу, — ответила она.

Женщина задрала платье. В неверном свете Ричард разглядел темную рану прямо под коленом. Мечом срезал кусок подола ее платья, чтобы перевязать рану.

— Я хочу жить. Я хотела помочь. — Она взяла лоскут материи и отталкнула его руки. — Спасибо, что отрезал лоскут. Теперь я сама справлюсь. — Схватив за балахон, она подтянула его поближе. — Своей скульптурой ты показал нам, что такое настоящая жизнь. Спасибо тебе!

Ричард, улыбнувшись, сжал ей плечо.

— Я пыталась добраться до этого таракана. Ты сделаешь это?

Ричард, поцеловав палец, коснулся ее лба.

— Сделаю. Перебинтуйте себе ногу и лежите тихо, пока мы не овладеем ситуацией. А потом пришлем сюда людей на помощь.

Ричард снова двинулся вперед. Издалека доносились крики ярости и боли. Удравшие в лабиринты бесконечного дворца гвардейцы сражались с погнавшимися за ними людьми.

Ричард углядел затаившегося за углом дрожащего послушника. Тоже изображая послушника, Ричард надвинул капюшон и направился к орденцу. Тот явно обрадовался товарищу.

— Ты кто? — шепотом поинтересовался он и зажег в ладони небольшой волшебный огонек.

— Справедливость, — ответил Ричард, глядя в расширившиеся глаза, и вогнал клинок прямо в сердце врага.

Высвободив меч, Ричард снова спрятал клинок.

Никки наверняка отомстит. Но с этим, похоже, он ничего не может поделать. Никки неоднократно разъясняла Ричарду, что выбора у него нет. Он обречен как минимум не путаться у Ордена под ногами. Если бы только существовал способ заставить Никки увидеть истину, вынудить ее помочь ему! Иногда выражение ее голубых глаз казалось поразительно близким к пониманию. Он знал, что Никки неравнодушна к нему. Ему хотелось воспользоваться этим ее отношением, чтобы заставить ее увидеть реальность, помочь ему, чтобы она сбросила свои оковы, но он не знал, как это сделать.

Услышав топот бегущих гвардейцев, Ричард отступил в черноту одной из комнат. Когда гвардейцы свернули в коридор, он выхватил меч. Едва они приблизились, он выскочил из дверей и снес первому голову. Второй сделал выпад, промахнулся и занес меч для следующего удара. Ричард вогнал меч ему в живот. Раненый гвардеец завалился на спину, соскользнув с пронзившего его клинка. Прежде чем Ричард успел его прикончить, в коридор вывалились еще люди. Гвардеец с пропоротыми кишками больше не представлял проблемы. Ему предстоит много часов мучительной агонии.

Ричард снова отступил в темный проем, заманивая гвардейцев за собой. Он замер в темноте, и солдаты, тяжело дыша, влетели за ним следом. Под их сапогами скрипел мусор, и Ричард, ориентируясь лишь по звуку, перебил их всех. Шесть человек полегли в темной комнате прежде, чем остальные удрали.

Ричард побежал на звук взрывов. Каждый взрыв сопровождался огненным заревом, озарявшем темные коридоры, и Ричарду приходилось прикрывать глаза, чтобы не потерять ночного зрения. Когда ослепительное сияние затухало, он продолжал быстро продвигаться в том направлении, откуда оно исходило.

Коридоры во дворце тянулись на многие мили. Некоторые выходили на площадки, где еще ничего не было построено. Другие шли вдоль стен без потолков. Но некоторые коридоры походили на черные ущелья, прикрытые либо потолком, либо крышей. Ричард спускался по ступенькам во тьму, в нижние помещения дворца, на рев волшебного огня.

Внизу, под основным зданием, пролегала паутина смежных помещений, сотканная из путаной цепочки комнат и узких коридоров. Пробираясь по лабиринту темных комнат, пролезая через дыры в недоделанных стенах и пустые дверные проемы, Ричард неожиданно налетел на вооруженного мечом человека в плаще. Он знал, что никто из его людей не вооружен.

Человек обернулся с мечом на изготовку, но, поскольку Ричард был в балахоне, он понимал, что этот человек может оказаться вовсе не врагом.

В проблеске лунного света Ричард вдруг узрел рукоятку Меча Истины за плечом незнакомца. Кэлен!

Он в шоке застыл.

Она же видела лишь стоящую в лунном свете фигуру в коричневой рясе — послушника. Клобук скрывал его лицо.

И в то же мгновение, прежде чем он успел окликнуть Кэлен, Ричард увидел позади нее кого-то, бегущего в их сторону. Никки.

За доли секунды Ричард вдруг понял, что ему делать. Это его единственный шанс — единственный шанс Кэлен — освободиться.

В это мгновение кристальной ясности его окатила волна ужаса. Он не знал, сможет ли осуществить задуманное.

Но он должен.

Выхватив меч, Ричард парировал выпад Кэлен.

А потом атаковал ее.

Он нападал на нее с контролируемой силой, чтобы ненароком не поранить. Он знал ее манеру сражаться. Знал, потому что сам обучил ее. И изображал неловкого, но удачливого противника.

Никки приближалась.

Ричард не мог надолго затягивать это дело. Время должно быть рассчитано тютелька в тютельку. Он дождался момента, когда Кэлен немного потеряла равновесие, а затем нанес мощный удар по ее мечу возле эфеса. Она вскрикнула, когда меч вылетел у нее из рук, а саму ее от удара развернуло, как Ричард и рассчитывал.

Кэлен не колебалась ни секунды. Мгновенно, не замедляя разворота, она выхватила Меч Истины. Воздух зазвенел так хорошо ему знакомым уникальным звоном.

Кэлен резко крутанулась с мечом наготове. На долю секунды он увидел в ее глазах жуткую всепоглощающую ярость. Было больно видеть это выражение в прекрасных зеленых глазах Кэлен. Он знал, что меч делает с человеком.

Ричард ушел в свой собственный внутренний мир. Он знал, что ему делать. Он не испытывал никаких эмоций. Он парировал удар, направляя выпад туда, куда хотел, чтобы она направила клинок. Ему было необходимо вынудить ее ударить именно туда, если будет хоть малейший шанс.

Стиснув зубы, Кэлен направила меч в то место, которое он специально приоткрыл для нее.

Кэлен пребывала в царстве неконтролируемой ярости. В то мгновение, как она взялась за рукоятку, Меч Истины наполнил ее клокочущей яростью. Ничто в мире не было приятней чувства, что вот сейчас она убьет им. И меч тоже требовал крови.

Эти люди захватили Ричарда. Эти братья исковеркали им с Ричардом жизнь. Эти люди подослали убийц к Уоррену.

И вот теперь она прикончит одного из них.

Она завизжала, делая выпад, завизжала от ярости и от жажды крови. Как чудесно иметь под рукой отличный объект, на который можно выплеснуть эту ярость.

Он допустил ошибку — приоткрылся. Не колеблясь, она с холодной яростью нанесла колющий удар.

Он попался.

Ричард почувствовал, как меч вонзился в него. Ощущения оказались совсем не те, что он ожидал. Это больше походило на могучий удар киркой по статуе.

Его рот раскрылся. Теперь пора. Он должен остановить ее. Не дать нанести еще больший ущерб. Он должен сделать это немедленно. Если она вонзит меч глубже, вспорет ему живот еще сильней, Никки не сможет вылечить его. Она способна излечить максимум уже имеющееся у него ранение.

А чтобы вылечить его, Никки, понадобится все ее могущество, и для этого ей придется снять с Кэлен заклинание.

Ричард полагал, что он достаточно ей небезразличен, чтобы Никки пошла на это.

Он никак не мог закрыть рот, ощущая как меч продолжает все глубже вонзаться в него. Шок был чудовищным. Хоть Ричард и ожидал этого, все равно это казалось нереальным. Все равно застало его врасплох.

Он должен сказать ей, что это он. Остановить.

Надо хотя бы окликнуть ее по имени, чтобы она остановилась, пока не успела нанести еще больших повреждений.

Его рот оставался открытым.

У него перехватило дыхание.

Он не мог выговорить ее имени.

В процессе отчаянных поисков Ричарда Никки увидела двух сражающихся людей. Один их них — послушник. Второго она не узнала, хотя во всей этой сцене было что-то весьма тревожащее. Никки ощутила некое покалывание. Ощущение было странно знакомым, но, пребывая в полном эмоциональном смятении, она никак не могла сообразить, что это.

До дерущихся было еще довольно далеко.

Человек в плаще лишился меча. Похоже, послушник одержал верх. Никки хотелось помочь. Но как? Она должна отыскать Ричарда. Кто-то сказал, что его видели входящим во дворец. Она должна найти его.

Никки побежала к дерущимся. Человек выхватил второй меч, привязанный у него за плечом. Странное ощущение охватило Никки. Что-то было ужасно неправильно, но она не понимала что.

А потом она увидела, как послушник допустил ошибку. Никки остановилась.

С воплем дикой ярости человек в плаще вогнал меч в живот послушника.

От удара послушник сделал шаг назад, и луч лунного света упал ему на прикрытое клобуком лицо.

И тут к Никки пришел ужас понимания.

Глаза ее расширились и она закричала.

— Кэлен. Остановись.

От изумления у Кэлен глаза полезли на лоб. При свете луны она увидела его лицо. И в то же мгновение Ричард услышал крик Никки.

Кэлен, словно пораженная молнией, отшатнулась, выпустив из руки Меч Истины.

И с криком ужаса опрокинулась на спину.

Ричард схватился за клинок меча, своего меча, чтобы тот под собственным весом не распорол ему живот еще сильней. Она вогнала его в него чуть ли не по самую гарду. Теплая кровь стекала с клинка ему на руки.

— Ричард! — закричала Кэлен. — Не-ет! Не-ет!

Ричард почувствовал, как колени ударились о каменный пол. И удивился, что не стало больней. Должно быть, шок затуманил восприятие. Думать было трудно. Он старался не упасть ничком, не упасть на меч и не вогнать его еще глубже в кишки. Комната кружилась.

— Вытащи его, — прошептал он.

Он хотел, чтобы меч извлекли. Словно это помогло бы. Он хотел, чтобы эту жуткую штуковину вытащили из него. Он ощущал внутри себя его острые края и чувствовал, как он торчит из спины.

Кэлен, едва не в истерике, подползла, чтобы выполнить его просьбу. Ричард увидел выпрыгнувшую из темноты Кару. Морд-сит придержала его за плечи, а Кэлен резким и быстрым паническим движением вытащила меч, словно надеялась, что этим действием сможет каким-то образом исправить то, что натворила.

— Что произошло? — вскричала Кара. — Что ты натворила?

Мир крутился и вертелся. Ричард чувствовал, как под ним растекается теплая кровавая лужа. Он всем весом оперся на Кару.

Кэлен подползла ближе.

— Ричард! Ох, добрые духи! Нет! Этого не может быть! — Слезы заливали ее прекрасное лицо. Он не понимал, как она тут оказалась. Почему она в Древнем мире? И что делает в императорском дворце?

Глядя на нее, Ричард не мог удержаться от улыбки.

Интересно, видела ли она изваянную им статую, прежде чем он ее уничтожил?

Не допустил ли он непоправимой ошибки?

Нет, это единственный шанс для Кэлен освободиться. Его единственный шанс разрушить наложенное Никки заклятие.

Никки все еще бежала к ним.

— Помоги мне, Никки! — позвал ее Ричард. Но голос его звучал чуть громче шепота. — Только ты можешь меня спасти, Никки. Пожалуйста.

* * *

Никогда в жизни Никки не бегала так быстро. Она была объята глубоким ужасом. Это — чудовищная ошибка. Вообще все это такая чудовищная ошибка! Никки принесла им обоим так много боли! Это все ее вина.

Даже пребывая в полном шоке, Никки отчетливо понимала, что должна сделать.

Она может вылечить его. Кэлен здесь. Никки не имела ни малейшего представления почему или каким образом Кэлен оказалась тут, но она тут. А раз Кэлен здесь, то Никки могла снять заклятие. А как только заклятие будет снято, Никки сможет воспользоваться своим даром. И вылечит Ричарда. Все хорошо. Она может спасти его. Все будет в порядке. Она все поправит. Она может.

Для разнообразия она может сделать что-то правильное и помочь — действительно помочь. Может помочь им обоим.

Из темноты высунулась рука и схватила ее за шею, сбив с ног. Никки вскрикнула, когда ее поволокли во тьму. Цепляясь за схватившую ее руку, она ощутила бугры могучих мускулов. От человека разило. Она чувствовала, как вши с него прыгают ей на лицо.

Никки пришла в ужас. Такой внезапный и всепоглощающий ужас был незнакомым для нее ощущением и каким-то образом произвел успокаивающее действие.

Мужчина волок ее по темному лабиринту. Никки со всех сил упиралась каблуками и отчаянно лягалась. Она попыталась извлечь из рукава дакру, но он схватил ее за руку и резко заломил.

Подняв ее в воздух, он предплечьем надавил ей на горло так, что перекрыл дыхание.

Никки начала задыхаться. Радостно хихикая, он поволок ее дальше по темным анфиладам комнат в подземелье дворца Джеганя.

Их глаза встретились в тот самый момент, когда ее внезапно и грубо уволокли во тьму. Ричард увидел в этих глазах что-то очень важное, увидел, что Никки хотела ему помочь. Но она исчезла.

Он сидел, опершись на Кару, которая отчаянно цеплялась за его плечи. Он был холодный. А она теплая.

Вдруг Кэлен упала на спину и начала извиваться. Она начала рвать себе горло руками. Ричард слушал, что она задыхается.

— Мать-Исповедница! Мать-Исповедница, что стряслось?

Потянувшись, Ричард схватил Кару за затылок и наклонил поближе.

— Кто-то схватил Никки. Они ее душат. Кара... Ты должна спасти Никки или Кэлен умрет. И Никки — единственная, кто может меня вылечить. Иди. Торопись.

Ощутив ее кивок, он отпустил морд-сит.

— Все поняла, — только и проговорила она, ласково но быстро опуская его спиной на холодный камень.

А потом исчезла.

Лежать было мокро. Ричард не знал, кровь это или вода. Они находились в подземелье, в самых нижних помещениях Убежища. Проникавший сквозь недостроенные перекрытия лунный свет падал на корчившуюся неподалеку Кэлен. И тут, пока она сражалась с невидимым врагом, он увидел, что это вода. Вот что это. Вода, а не кровь. Дворец расположен рядом с рекой. И в подвальных комнатушках и коридорах было сыро.

— Кэлен, — пробормотал он. Она не ответила. — Держись...

Зажимая руками рану, чтобы кишки не вылезли наружу, он начал дюйм за дюймом пробираться по мокрому холодному камню. Боль наконец пришла. Он ощущал внутри чудовищные повреждения. Ричард постарался сморгнуть выступившие от жуткой боли слезы. Он обязан продержаться. Лицо заливал холодный пот. Кэлен обязана продержаться.

Его окровавленная рука коснулась ее ладони. Пальцы нащупали ее. Она долго не отвечала, потом ее пальцы наконец шевельнулись. Ричард был бесконечно рад, что ее пальцы шевельнулись.

А все было так хорошо задумано! Он нисколько в этом не сомневался. И все бы получилось, не схвати кто-то Никки. Все бы получилось.

Вот уж действительно дурацкая смерть. Он всегда считал, что это будет как-то... величественно, что ли.

Во всяком случае, не в темных сырых и холодных подвалах дворца.

Ему хотелось сказать Кэлен, что он любит ее и что вовсе не она убила его, а он сам это сделал. Это его деяние, не ее. Он просто использовал ее в достижении своего плана. И все бы получилось.

— Кэлен, — прошептал он, не зная, слышит ли она его. — Я люблю тебя. Больше никого. Только тебя одну. И я счастлив, что мы были вместе. И этого ни на что бы не променял.

* * *

Ричард открыл глаза и застонал от боли. Когда же это кончится! Слишком больно. Пусть бы это скорее закончилось! Ничего у него не вышло. И придется заплатить за неудачу. Ричарду больше всего хотелось, чтобы эта раздирающая чудовищная боль прекратилась. Хоть как-то.

Он не знал, сколько прошло времени. Повернув голову, он увидел распростертую на полу Кэлен. Она не шевелилась.

На него упала чья-то тень.

— Так-так! Ричард Сайфер. — Нил хихикнул. — Подумать только! — Снова хихикнув, он глянул на Кэлен. — Кто эта баба?

Ричард чуял Меч Истины, чуял его магию. Меч лежал рядом с его пальцами.

— Понятия не имею. Она убила меня. Должно быть, из ваших.

Пальцы нащупали меч и ухватили витую рукоятку.

Нил наступил на клинок.

— Никак не могу этого допустить. Ты и так причинил достаточно проблем.

На пальцах Нила загорелся огонек. Он призывал магию. Смертельную магию. Ричард, пребывая в полубессознательном состоянии, несмотря на необходимость, никак не мог сосредоточиться, не мог призвать свой дар, чтобы помешать Нилу. Что ж, по крайне мере больше не будет боли. И Кэлен не будет думать, что это она убила его.

Внезапно Ричард услышал жуткий треск. Нил тяжело рухнул на колени.

Ричард, уже сжимая меч, вытащил из-под ног послушника клинок и одним могучим ударом пронзил Нилу сердце.

Нил удивленно посмотрел на него. Глаза его стекленели. И тут Ричард увидел, что тот был и так уже практически мертв еще до того, как он вонзил в него меч. Как только Ричард выдернул из его тела меч, глаза Нила закатились и он завалился набок.

Позади Нила стояла та самая пожилая женщина, которой Ричард помог. Она перевязала себе раненую ногу. Обеими руками она сжимала мраморную руку изваянной Ричардом женщины. Бабушка проломила Нилу череп взятым ею на память куском статуи.

Глава 69

Ричард услышал приближавшиеся шаги, шлепавшие по мокрому коридору. Та женщина ушла за помощью. Может, это она кого-то нашла.

Издалека, из комнат и коридоров, до Ричарда изредка доносились крики раненых, когда в ночи взрывались волшебные молнии.

При свете луны послышался женский голос.

— Ричард? Ричард?

Ричард прищурился, стараясь разглядеть хоть что-нибудь в темноте.

— Кто ты? — сумел прошептать он.

Женщина подбежала и упала подле него на колени. Увидев распростертую на полу Кэлен, она ахнула.

— Что случилось с Матерью-Исповедницей?

Ричард нахмурился. Женщина знала Кэлен.

— Кто ты?

Она посмотрела на него.

— Я сестра. Сестра Алессандра. Я уже некоторое время тут, в городе, искала Никки, и... ладно, не важно. Только что дальше по коридору мне повстречалась женщина. Она сказала, что ты ранен. Что ранен тот человек, что изваял статую. Я еще до этого отчаянно пыталась пробиться к тебе, но не смогла... Ну вот, опять

меня заносит. Лучше расскажи, куда ты ранен. Я могу попробовать исцелить тебя.

— Меня проткнули мечом.

Алессандра некоторое время тихо сидела.

— Я руками зажал.

Посмотрев, она тихонько пробормотала молитву.

— Думаю, смогу помочь. Я боялась...

— Мне нужно, чтобы это сделала Никки.

Сестра Алессандра огляделась.

— Никки? Ну, и где она? Я ее искала. Меня Энн отправила на ее поиски.

Взгляд Ричарда упал на неподвижное тело Кэлен.

— Можешь ей помочь?

— Нет, не могу. Она связана узами с Никки. Мы с Кэлен уже встречались, и она мне об этом рассказала. Я не могу пробиться сквозь образованный этими узами щит.

— А она... Она еще...

Женщина проверила и снова наклонилась к нему.

— Она жива, Ричард.

Он от облегчения и боли закрыл глаза.

— Лежи спокойно, — проговорила сестра Алессандра.

— Но мне нужно, чтобы Никки...

— Ты истекаешь кровью. И это очень скверно, Ричард. Скоро ты потеряешь слишком много крови. Если я не приступлю немедленно, то потом уже никто не сможет тебе помочь. Ты слишком далеко ускользнешь за пределы этого мира, чтобы хоть какое-то волшебство смогло тебе помочь. Я не могу ждать.

К тому же я приехала сюда, чтобы попытаться остановить Никки. Я знаю ее лучше, чем кто бы то ни было. Ты не можешь доверить ей свою жизнь. И не можешь ей доверять.

— Дело вовсе не в доверии. Я знаю...

— Она — сестра Тьмы. И это я вывела ее на темную дорогу. И приехала, чтобы попытаться вернуть ее на путь истинный. Но до этого времени ты не должен ей доверять. Ладно, у тебя мало времени. Ты хочешь жить или нет?

Столько трудов, и все в пустую. Он почувствовал, как из уголка глаза скатилась одинокая слеза и потекла по щеке.

— Я выбираю жизнь, — проговорил он.

— Знаю, — с улыбкой шепнула она. — Я видела статую. А теперь убери руки. Мне нужно наложить на твою рану свои.

Руки Ричарда скользнули вдоль тела, а Алессандра накрыла ладонями рану. Он чувствовал себя беспомощным. И не мог думать ни о чем, кроме пронизывающей боли.

Он ощутил покалывание магии, прощупывающей глубину его ранения. Сдерживая крик, он стиснул зубы.

— Держись, — прошептала она. — Рана серьезная. Будет больно, но скоро все станет хорошо.

— Я понимаю. — Ричард коротко охнул. — Делай.

Боль от ее магии пронзила его, словно в рану сунули раскаленный уголь. Он едва не заорал в голос, но тут боль внезапно кончилась. Ричард лежал, закрыв глаза и тяжело дыша, ожидая, что боль вернется вновь. Он почувствовал, как сестра Алессандра убрала руки.

Ричард раскрыл глаза и увидел, как глаза сестры Алессандры вдруг широко распахнулись. Какое-то мгновение он не понимал, почему.

А потом увидел, как из ее груди высовывается острие меча. Алессандра потянулась руками к горлу, из ее рта хлынула кровь. Губы раскрылись в немом крике.

Костлявая рука отшвырнула ее прочь.

Ее пронзил меч, которым Ричард сражался с Кэлен. Ричард потянулся к ножнам, лежавшим рядом, но чья-то нога отбросила Меч Истины в сторону.

К нему наклонился ухмыляющийся череп самой смерти.

— От тебя сплошные неприятности, Ричард Сайфер, — раздался из темноты над головой каркающий голос. — Но теперь этому пришел конец.

Высокая угловатая фигура возвышалась над его беспомощно распростертым на полу телом.

— Этот твой мелкий бунт скоро подавят, уже это я могу тебе твердо пообещать перед тем, как ты умрешь. Их дурацкому выступлению положат конец. Эти люди скоро очухаются. На твой призыв откликнулись лишь экстремистские отбросы. Большинство же понимают свой долг перед другими людьми. Все твои усилия — впустую.

Брат Нарев взмахнул рукой, словно показывая окрестности.

— Очень подходящее место для тебя, чтобы умереть, как считаешь, Ричард? Эти комнаты — будущие камеры для допросов. Как-то раз тебе удалось избежать камеры пыток, но на сей раз не выйдет. Ты умрешь в одной из них, как тебе и следовало в прошлый раз.

Я же, со своей стороны, проживу тут очень и очень долго и увижу, как Орден принесет благочестие в мир. А тут, в этих комнатах, радикальные элементы вроде тебя будут сознаваться в своих злодеяниях. Я просто хочу, чтобы ты это узнал, прежде чем навечно попадешь в ледяные объятия Владетеля.

Брат Нарев, призывая магию, скрючил руки, как клешни. Ричард видел, как раскаленный свет расцветает вокруг ладоней верховного жреца и устремляется вниз. Сжав руку Кэлен, Ричард смотрел, как белая молния смерти летит к нему.

Молния приобрела медовый цвет. И рассыпалась, словно воздух сгустился и не пропустил ее.

Из глотки брата Нарева вырвался разъяренный рев. Он яростно потряс кулаками.

— Ты обладаешь даром волшебника! Кто ты такой?!

— Я — твой самый чудовищный кошмар. Я — самостоятельно мыслящий человек, которого твоя ложь может обмануть не больше, чем сжечь твоя дурацкая магия.

Брат Нарев попытался с силой наступить Ричарду на лицо, но тот ухитрился отбить удар. Он схватил Нарева за щиколотку. Колдун удержался на ногах и бешено рванулся, чтобы высвободиться. Ричарду, удерживающему ногу Нарева, казалось, что в рану вогнали каленое железо. Он пытался удержать противника, но пальцы скользили по мокрой коже.

Едва высвободившись и оказавшись вне зоны досягаемости, Нарев наклонился и схватился за торчащий из спины сестры Алессандры меч. Он потянул, но не смог извлечь его целиком. Зарычав от ярости, Нарев рванул меч. Его ноги скользили по склизкому полу.

Ричард понимал, что как только Нарев завладеет оружием, то мгновенно с ним расправится.

И он со всей силы кинулся колдуну в ноги. Брат Нарев опрокинулся на мокрый пол. Ричард, живот которого корежило от боли, всей свой тяжестью навалился на ноги Нарева, не давая тому подняться. Костлявые пальцы хватали его за лицо, стараясь добраться до глаз. Ричард отвернул голову. Цепляясь за балахон, он подтягивался вверх по телу колдуна, не обращая внимания на обрушивающиеся на лицо удары.

Ричард схватил брата Нарева за шею. Костлявые пальцы брата Нарева грубо впились в шею Ричарда. Оба, рыча от усилий, пытались задушить друг друга. Ричард вертел головой, пытаясь вывернуться из смертельной хватки Нарева, одновременно ста-

раясь добраться до кадыка Нарева, чтобы перекрыть тому кислород.

Нарев попытался перекатиться, чтобы сбросить Ричарда с себя. Ричард развел ноги пошире, чтобы извивающемуся и отбивающемуся Нареву было труднее вывернуться. Он чувствовал, как горят распоротые кишки.

Ричард многие месяцы работал на Орден резцом и молотком. Он был сильней, но он также потерял много крови, и силы таяли. Он сдавил со всех сил. Пальцы на его горле чуть ослабли.

Глаза колдуна начали выкатываться, когда Ричард наконец сумел перекрыть ему дыхание. Костлявые руки упали Ричарду на плечи.

А потом неожиданно и резко вцепились Ричарду в волосы.

Нарев высвободил ногу и вогнал колено прямо Ричарду в рану.

От боли мир вокруг Ричарда побелел.

Никки очнулась от низкого гнусного смеха. И узнала голос. И запах. Кадар Кардиф.

Она услышала шипящий, трескучий звук. Факел, сообразила она. Он шипел так близко от ее лица, что Никки чувствовала нестерпимый жар. Капля горящей смолы упала ей на ногу.

Горящая смола обожгла бедро, и Никки вскрикнула от боли.

— Что посеешь, то и пожнешь, — проговорил ей на ухо Кадар Кардиф.

— Мне наплевать, что ты со мной сделаешь! — в ярости воскликнула Никки. — Я рада, что сожгла тебя. И рада, что тебе пришлось просить милостыню.

— О, ты тоже вскоре начнешь просить. Может, ты сейчас так не думаешь, но ты скоро удивишься, выяснив на собственном опыте, что огонь заставляет делать человека. Ты еще узнаешь, каково это. И еще будешь умолять.

Никки изо всех сил начала бороться с ним. Она могла снять заклятие, только если Кэлен будет рядом. А она сейчас так близко и так далеко!

Танцующий перед глазами огонь наводил ужас. Ей нужно лишь избавиться от связывающих ее с Кэлен уз. Она может оборвать связь. Чтобы вернуть свое могущество, ей не обязательно расплетать узы. Достаточно просто оборвать их. И тогда Никки сможет убежать. Это будет стоить Кэлен жизни, но Никки снова обретет свое могущество и избежит огня.

Но для этого ей придется убить Кэлен.

— Как считаешь, Никки, мне сперва сжечь тебе лицо? Твое красивое личико? Или начать с ног? Так с чего? Выбирай.

Никки, тяжело дыша, отчаянно старалась убраться подальше от обжигающего жара. Шипящий факел колебался перед ее лицом. Она знала, что заслуживает такой участи, но от страха ее охватила паника.

Она не хотела обрывать узы, не хотела убивать Кэлен, но и умирать таким способом она тоже не хотела. Никки не хотела, чтобы ее плоть сгорела.

— Пожалуй, начнем-ка мы все же снизу, чтобы подольше слышать твои вопли.

Кадар наклонил факел и коснулся подола ее платья. Никки вскрикнула, когда огонь охватил черную ткань. Такой всепоглощающий страх был чем-то новым для нее. Впервые в жизни, с самого раннего детства, у нее появилось что-то очень ей дорогое и что она не хотела терять: жизнь.

В какой-то ужасный момент Никки осознала, что, как бы ни было больно, как бы ни было страшно, она не отнимет жизнь у Кэлен. Ричард дал Никки то, что она всю жизнь искала. Она уже так много у него забрала. Она не может так вот отплатить ему за полученные знания.

Хотя Кэлен, связанная узами с Никки, постигнет такая же судьба, и она умрет такой же мучительной смертью, Никки не станет той, кто убьет ее. Она не отнимет у Кэлен жизнь. Может, Кадар и убьет их обеих, но сама Никки не станет убивать Кэлен. Она не станет жертвовать Кэлен ради себя.

Кадар Кардиф рассмеялся, глядя, как горит ее платье. Он держал Никки так крепко, что она не могла вырваться.

И тут из тьмы на них обрушилась темная фигура. Все трое упали. Никки покатилась по полу, и горящее платье оказалось в воде.

Тот, кто сбил их с ног, поднялся на ноги, мотая головой, словно желая прочистить мозги. Никки узнала человека. Та мордсит, Кара.

Кадар сел, увидел женщину и метнулся к ней с факелом в руке.

Никки кинулась на Кадара, схватила факел обеими руками и ткнула им в лицо гиганта. Горящая смола брызнула на его сожженную физиономию. Одежда на груди и повязка на голове вспыхнули с громким «фух».

Кадар завопил, когда огонь коснулся его и без того уже горелой плоти. Никки доводилось слышать, что боль при ожоге уже обожженных тканей еще больше, чем в первый раз. Судя по воплям, так оно и есть.

Никки схватила за руку поднявшуюся Кару.

— Быстрей! Я должна добраться до Ричарда!

Едва они вышли из комнаты, где вопли Кадара перешли в сдавленное рыдание, Кара схватила Никки за волосы и поднесла эйджил к лицу.

— Назови мне хотя бы одну причину, по которой мне следует доверить тебе жизнь магистра Рала.

Никки твердо поглядела в глаза морд-сит.

— Потому что я видела статую и теперь понимаю, насколько была не права. Тебе никогда не приходилось ошибаться, Кара? Ты хотя бы можешь себе представить, что испытываешь, когда наконец осознаешь, что всю жизнь безрассудно служил злу и вредил хорошим людям? Можешь ты понять, что Ричард показал мне, что есть ради чего жить?

Никки обнаружила Ричарда лежащим на спине в бессознательном состоянии или близко к этому. Его голова покоилась на мраморной руке. Рядом с ним лежала Кэлен. Вцепившись в него, она рыдала, глядя, как вместе с кровью жизнь вытекает из него.

Никки пришла в ужас при виде валяющихся на полу тел. Сестра Алессандра, брат Нил, брат Нарев. По тому, как выглядел Ричард, Никки поняла, что времени практически не осталось. Если вообще уже не поздно.

Никки опустилась на колени подле Кэлен. Та пребывала в безнадежном отчаянии, судорожно цепляясь за последние остатки надежды. Она проделала такой длинный путь, желая оказаться с ним, готовая ради этого на все. И вот он лежит перед ней, и кровь вытекает из него, унося из жизни того, кого она любит больше всего на свете. И умирает от ее руки.

Взяв Кэлен за плечи, Никки ласково отстранила ее. Кэлен посмотрела на нее. В ее взгляде смешались растерянность, ненависть и надежда.

— Кэлен, чтобы помочь ему, мне необходимо снять с тебя заклятие. Времени мало.

— Я тебе не верю. С чего это вдруг ты решила помочь?

— Потому что я перед ним в долгу. Перед вами обоими.

— Ты не принесла нам ничего, кроме страданий, и...

Кара взяла Кэлен за руку.

— Мать-Исповедница, ты не должна верить ей. Верь мне. Я говорю тебе, что Никки, возможно, сможет его спасти. Думаю, она сделает все, что в ее силах. Пожалуйста, позволь ей это сделать.

— Почему я должна доверить ей последние минуты его жизни?

— Пожалуйста, дай Никки шанс, как когда-то магистр Рал дал шанс мне.

Кэлен несколько секунд пристально глядела Каре в глаза, затем повернулась к Никки.

— Я знаю, каково ему сейчас там, где он находится. Я там побывала. И выбрала жизнь. Теперь он должен тоже выбрать жизнь. Что я должна сделать?

— Вы с Ричардом уже сделали вполне достаточно. — Никки взяла в ладони залитое слезами лицо Кэлен. — Просто не шевелись, и я все сделаю сама.

Несчастную трясло. Никки снова разожгла волшебную нить, надеясь, что еще есть время.

Кэлен застыла от боли. Никки знала совершенно точно, что Кэлен сейчас испытывает, поскольку ощущала ту же боль.

Матовый световой жгут соединил обеих женщин от сердца к сердцу. Колышущийся свет стал ослепительным, боль стала почти запредельной.

Рот Кэлен открылся в немом крике. Зеленые глаза распахнулись от пронизывающей их обеих боли, когда скрытая в каждой клеточке их тел магия завибрировала в ответ на зов света.

Положив руки на сердце, в этот сияющий луч света, Никки начала расплетать узы и вбирать назад свою волшебную силу.

Глава 70

ткрыв глаза, Ричард прерывисто вздохнул. Почему-то он лежал так, что не было больно. Он боялся пошевелиться, опасаясь, что чудовищная боль вернется.

Как такое возможно? Его ведь пронзили мечом.

Вокруг него все было темно, тихо и спокойно. Издалека доносились звуки битвы. Почва под ним сотрясалась от каких-то сильных ударов.

Рядом стояли какие-то люди. На мокром полу распластались тела. Ричард понял, что лежит на доске, предохраняющей его от воды на полу, и укрыт теплым плащом. Он видел темные фигуры людей, толпящихся в крошечном помещении.

Под рукой он ощутил рукоятку Меча Истины. Судя по тому, что магический шторм утих, меч в ножнах.

Ричард поднял глаза и сквозь дыры в каменной стене и щели между перекрытиями увидел розовый отсвет заката.

— Кэлен? — прошептал он.

Три неподвижные до этого фигуры подскочили, будто камень внезапно ожил.

Ближняя наклонилась к нему и взяла за руку.

— Я здесь.

Свободной рукой Ричард нехотя коснулся раны. И не нашел ее. И боли не чувствуется, лишь ноет немного.

К нему склонилась вторая фигура.

— Магистр Рал? Вы очнулись?

— Что произошло?

— Ох, Ричард, мне так жаль, так жаль! Я проткнула тебя мечом! Это все моя вина. Мне бы следовало на мгновение задуматься, а потом действовать. Прости!

Ричард нахмурился.

— Кэлен, я дал тебе победить.

Повисло молчание.

— Ричард, — заговорила наконец Кэлен, — не надо пытаться снять с меня вину. Я знаю, что виновата. Я пронзила тебя мечом.

— Да нет же, — настаивал Ричард. — Я дал тебе победить.

Кара потрепала его по плечу.

— Ну конечно, лорд Рал! Конечно, вы дали ей победить.

— Да нет же, так оно и есть!

Когда к нему приблизилась третья фигура, пальцы Ричарда напряглись на рукоятке меча.

— Как ты себя чувствуешь? — спросила Никки так хорошо знакомым ему шелковым тоном.

— Ты сняла заклятие с Кэлен?

Никки сделала пальцами движение, как ножницами.

— Раз и навсегда.

— Тогда я чувствую себя хорошо, — выдохнул Ричард. Он попытался сесть, но Никки удержала его.

— Ричард, я не прошу у тебя прощения, поскольку знаю, что никогда не смогу возместить тебе то, что украла у тебя, но я хочу, чтобы ты знал: теперь я понимаю, насколько ошибалась. Всю свою жизнь я была слепа. Нет, я не оправдываюсь. Просто хочу, чтобы ты знал, что именно благодаря тебе я прозрела. Дав мне ответ на то, что я искала, ты вернул мне мою жизнь. Дал мне причину хотеть жить.

— И что же ты увидела, Никки?

— Жизнь. Ты изваял ее такой большой, что даже тот, кто так слепо служил злу, как я, сумел увидеть ее. Ты больше ничего не должен мне доказывать. Отныне я и все, кого ты вдохновил, должны доказать тебе, что достойны тебя.

— И ты, и они уже начали это делать, иначе меня бы уже не было в живых.

— Значит... ты теперь снова сестра Света? — спросила Кэлен.

— Нет, — покачала головой Никки. — Я просто Никки. И мой дар колдуньи принадлежит лишь мне. Я есть то, что я есть. И мой дар не делает меня чьей-то рабой лишь потому, что им этого хочется. Это моя жизнь, и она не принадлежит никому, кроме меня, за исключением разве что еще вас двоих.

Вы показали мне, какая это ценность — жизнь и свобода. И если отныне мне и придется трудиться с кем-то бок о бок, то это будут люди, которым дороги эти ценности.

Ричард положил руку Никки на плечо.

— Спасибо, что спасла мне жизнь. А то я тут некоторое время подумывал, что крепко ошибся, позволив Кэлен продырявить меня мечом.

— Ричард, — запротестовала Кэлен, — не стоит пытаться снять с меня вину!

— А он и не пытается, — сообщила Никки Кэлен, не отрывая при этом глаз от Ричарда. — Он говорит правду. Я сама видела. Он хотел таким образом вынудить меня спасти его, зная, что для этого мне потребуется снять с тебя заклятие. Мне жаль, что тебе пришлось пройти через это, Ричард, потому что к этому времени я уже сделала выбор. В то самое мгновение, как увидела созданную тобой статую.

Ричард снова попытался сесть, и Никки опять его удержала.

— Для полного выздоровления нужно время. Последствия ранения еще сказываются. И то, что ты жив, вовсе не означает, что тебе не потребуется время на поправку. Ранение было тяжелым, ты потерял много крови, и тебе еще предстоит восстанавливать здоровье. Так что если не побережешься, то вполне можешь умереть.

— Ладно, — согласился Ричард, осторожно сев с помощью Кэлен. — Я учту твои слова, но встать мне все же необходимо. Кстати, — повернулся он к Кэлен, — а как ты вообще тут оказалась? Как узнала, где я? Что сейчас происходит на севере, в Новом мире?

— Поговорим об этом позже, — ответила она. — А я просто должна была быть с тобой. Я решила, что, в конце концов, это моя жизнь, а я хочу быть с тобой. Ты был прав насчет ведения войны в Новом мире. Мне потребовалось немало времени, чтобы это понять, но в конечном итоге я все же поняла. Я приехала к тебе, потому что только это мне и оставалось.

— А ты? — глянул он на Кару.

— Мне всегда хотелось посмотреть мир.

Ричард, ухмыльнувшись, с помощью Кэлен и Кары поднялся на ноги. В голове звенело, но по сравнению с тем, что он испытывал до того, это были пустяки. Кэлен протянула ему меч. Ричард перекинул перевязь через плечо, чувствуя привычную тяжесть ножен у бедра. И так уже отлично зная свой меч, отныне он все же испытывал к нему еще большее уважение.

— Передать не могу, как я рада вернуть его тебе, — беспомощно улыбнулась Кэлен. — Я имею в виду вот так.

Дальше по коридору, едва освещенному парой свечей, их в полумраке тревожно поджидал Камиль и еще несколько человек. Никого из них, кроме Камиля, Ричард не знал.

— Рад тебя видеть, Камиль, — хлопнул он по плечу ухмылявшегося паренька.

— Ричард, я ее видел! Я видел статую! — Улыбка юноши увяла. — Жаль, что ее разрушили.

— Это всего лишь кусок камня. А истинная красота в тех идеях, что она воплощала.

Стоящие в сумеречном коридоре люди закивали. И тут Ричард узнал ту женщину с раненой ногой. Он улыбнулся ей. А она, поцеловав кончики пальцев, коснулась его лба.

— Благословен будь за смелость, за то, что ты изваял эту статую. Мы все очень рады, что ты выжил, Ричард.

Ричард поблагодарил всех за заботу.

Почва снова сотряслась.

— Что это? — поинтересовался Ричард.

— Стены, — ответил один из мужчин. — Народ крушит стены с этими изображениями смерти на них.

Хотя основная масса народа была занята тем, что крушила стены, кое-где еще шло побоище. В затухающем свете дня Ричард различил на холмах потасовки. Похоже, довольно многие вовсе не пришли в восторг от тех идей, что он воплотил в статуе. Это те, кто боялся свободы и предпочитал тупое существование, когда не надо думать самостоятельно.

Однако территория дворца была уже в надежных руках. Огонь свободы распространялся все дальше, разжигая пламя перемен.

На площади полукружья стен и колонн, за исключением одной, по-прежнему крепко стояли. И все же чувствовалось тут что-то новое. Это было место, где люди увидели статую и выбрали жизнь и свободу. И не стали разрушать эту часть дворца.

Ричард пошевелил сапогом мраморную пыль. Слой пыли — только это и осталось в центре площади на месте статуи. А все мало-мальски стоящие осколки растащили на память.

Виктор, стоящий внизу с группой людей, углядел Ричарда, Камиля и Никки, которых знал. Вместе с Ицхаком он помчался к ним вверх по ступенькам, крича на бегу:

— Ричард! Ричард!

Ричард стоял, поддерживаемый под руки Камилем и Карой. Сил кричать у него не было, поэтому он просто ждал, когда они приблизятся. Те подбежали, тяжело дыша.

— Ричард, мы побеждаем! — воскликнул Виктор, указывая на холмы. — Все эти чинуши смылись, и мы...

И замолчал, уставившись на Кэлен. Ицхак тоже вытаращился на нее, затем стянул с головы свою красную шляпу.

Виктор несколько раз открыл и закрыл рот, прежде чем сумел вымолвить хоть слово. Обычно сильно жестикулирующий, на сей раз он лишь просто указал на Кэлен пальцем, будто она не из плоти и крови, а видение.

— Ты... — выдохнул он. — Ты — возлюбленная Ричарда!

— Откуда ты знаешь? — улыбнулась Кэлен.

— Я видел статую.

Ричард увидел, как лицо Кэлен заливается краской.

— Она не совсем как я, — вежливо запротестовала Кэлен.

— Да нет, не внешне, а... характер. Ты обладаешь такими же качествами.

Кэлен улыбнулась. Его слова ей понравились.

— Виктор, Ицхак, это Кэлен. Моя жена.

Оба мужчины тупо моргнули и дружно уставились на Никки.

— Как вам известно, — сообщила Никки, — я не очень хороший человек. Я колдунья. И воспользовалась своим могуществом, чтобы вынудить Ричарда приехать сюда со мной. Но Ричард показал мне, как и всем остальным, значение жизни.

— Значит, ты — та самая, что спасла ему жизнь? — уточнил Виктор.

— Камиль сказал нам, что ты был ранен, Ричард, — сообщил Ицхак, — и что колдунья вылечила тебя.

— Никки меня вылечила, — подтвердил Ричард.

Виктор замахал — наконец-то — руками.

— Ну, наверное, это кое-что значит — спасти Ричарда Сайфера.

— Ричарда Рала, — поправил Ричард.

Утробный смех Виктора сотряс стены.

— Точно! Сегодня мы все — Ричарды Ралы.

— Это действительно Ричард Рал, господин Касселла, — уточнила Никки.

— Ричард Рал, — кивком подтвердила и Кэлен.

— Магистр Рал. — Черный юмор Кары, как всегда, оставался при ней. — Проявите должное уважение Искателю Истины, владыке Д'Харианской империи, боевому чародею и супругу самой Матери-Исповедницы! — Царственным жестом подняла руку Кара. — Магистру Ралу.

Ричард пожал плечами и приподнял рукоятку меча, демонстрируя переливающееся золотом слово «ИСТИНА» на ней.

— Красотища! — завопил Камиль.

Виктор с Ицхаком ошалело поморгали и дружно опустились на колено, низко склонив головы.

Ричард закатил глаза.

— Прекратите, вы оба!

И одарил Кару сердитым взглядом.

Виктор осторожно поднял голову.

— Но мы ведь не знали! Простите! Вы не сердитесь, что я над вами смеялся?

— Виктор, это же я, Ричард. Сколько раз мы с тобой ели вместе лярд.

— Лярд? — воскликнула Кэлен. — Ты умеешь делать лярд, Виктор?

Виктор поднялся на ноги, на лице его засияла улыбка.

— А вы ели лярд?

— Конечно! Люди, что работали по мрамору во дворце Исповедниц, обычно ели лярд, который сами делали в больших мраморных чанах. Когда я была маленькой, то частенько сиживали с ними и ела лярд. Они обычно шутили, что когда я вырасту, то непременно однажды надену белое платье Матери-Исповедницы, потому что ем лярд и вырасту большой и сильной.

— Я тоже делаю лярд в большом мраморном чане, — ткнул себя Виктор в грудь большим пальцем.

— Ты выдерживаешь его год? — спросила Кэлен. — Настоящий лярд должен выдерживаться год.

— Конечно, год! Я делаю только настоящий лярд.

Кэлен одарила его лучезарной улыбкой, сверкая зелеными глазами.

— Мне бы хотелось как-нибудь его отведать.

Виктор обнял своей ручищей Кэлен за плечи.

— Пошли, жена Ричарда, я дам тебе попробовать мой лярд.

Кара, мрачная как туча, уперлась ладонью в грудь кузнеца и сняла его руку с плеча Кэлен.

— Никто, кроме магистра Рала, не смеет касаться Матери-Исповедницы.

— Ты когда-нибудь ела лярд? — хитро поглядел на Кару Виктор.

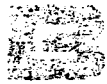
— Нет.

Засмеявшись, Виктор хлопнул морд-сит по спине.

— Тогда пошли, я тебя тоже угощу. И тогда ты поймешь — каждый, кто ел со мной лярд, — мой друг на всю жизнь.

Кэлен сменила Камиля, подставив Ричарду плечо, Виктор встал ему под другую руку, и они дружно направились по только что обретшей свободу земле к лавке кузнеца поесть лярд.

Глава 71



ерна пододвинула свечку поближе. Немножко погрев над ней руки, она положила дорожный дневник на стол. Шумы военного лагеря, доносившиеся из-за тонких стенок ее крошечной палатки, стали уже настолько привычными, что она едва их замечала.

Стояла холодная д'харианская ночь, но по крайней мере все они, а также все те, кому они помогли, находились в безопасности, между ними и врагом стояли горы. Верна вполне могла понять беспокойство людей: они находились в незнакомой и таинственной стране — Д'Харе, государстве, в свое время являвшемся лишь источником сплошного кошмара. Что ж, во всяком случае, на данный момент они хотя бы в безопасности. Где-то вдалеке, между ледяными горами, слышался волчий вой. Гигантские пустынные мрачные склоны покрывало снежное полотно.

Сейчас была самая подходящая фаза луны, пусть и луны новой страны, странной и неизвестной. Верна проверяла дневник месяцами, но в нем так и не появилось ни одного послания. На самом деле она не очень рассчитывала на это, поскольку Кэлен швырнула парный журнал Энн в огонь. Но все же это ведь дорожный дневник, древняя волшебная вещь, а Энн — находчивая женщина. Так что заглянуть еще разок в дневник не помешает.

Без особой надежды Верна раскрыла книжицу.

И обнаружила на первой странице послание, которое гласило лишь следующее:

Верна, если ты тут, то я жду.

Верна достала стилос из-за корешка и начала писать.

Аббатиса! Ты смогла восстановить поврежденный дорожный дневник? Это чудесно! Где ты? С тобой все в порядке? Нашла Натана?

И принялась ждать. Вскоре начал появляться ответ.

Верна, со мной все хорошо. Я смогла восстановить дневник с помощью одних... людей. Странных людей. Но главное — дневник восстановлен, по большей части. Пророка все еще разыскиваю. Однако у меня есть кое-какие подсказки, где он, и я иду по следу. Но как поживаешь ты, Верна? Как идут военные действия? Как там Уоррен? Кэлен? Зедд доставляет тебе много неприятностей? Этот человек способен камень из себя вывести. Есть ли что-нибудь от Ричарда?

Верна уставилась на страницу. На имя Уоррена капнула слеза. Снова взяв стилос, она начала медленно писать.

Ох, аббатиса, случились ужасные вещи.

Мне очень жаль, Верна, — пришел ответ. — *Верна, я тут. И ночью никуда двигаться не собираюсь. Так что у тебя столько времени, сколько тебе потребуется. Расскажи мне, что стряслось. В первую очередь скажи, как ты сама. Я так о тебе беспокоюсь. Верна, я люблю тебя как дочь. Ты ведь знаешь.*

Верна кивнула. Да, она это знает.

И я люблю тебя, аббатиса. Боюсь, у меня разбито сердце, — начала она длинный рассказ.

Кэлен стояла рядом с Ричардом на теплом ветерке. Они смотрели на реку и город внизу. Теперь в городе спокойно. Несколько недель здесь бушевала битва. Различные группировки сражались за власть, жаждая стать новым местным воплощением Ордена, и причем каждая из этих группировок клялась, что в сердце у них лишь забота о чаяниях народа, каждая обещала быть сострадательной, провозглашала, что под ее правлением жизнь станет легче, поскольку они всенепременно позаботятся о том, чтобы каждый имеющий средства жертвовал на общественное благо.

После десятилетий подобной альтруистической тирании такая нежная забота об общественном благе не принесла ничего,

кроме упадка и гибели. Невзирая на целые кладбища жертв этой политики и тотальное обнищание масс, эти борцы за власть предлагали людям то же самое. Однако многие все же верили им, поскольку они демонстрировали столь добрые намерения.

Большинство братьев Братства Ордена и чиновников были перебиты, но некоторым все же удалось бежать. А кое-кто из тех, кто не сбежал, решил воспользоваться беспорядками и захватить контроль, полагая, что смогут править этим жаждущим свободы народом и вернут все, как было прежде.

Свободные жители Алтур-Ранга, численность которых с каждым днем росла, беспощадно истребляли эти группировки, стоило тем выползти из какой-нибудь щели. И в этих кровавых битвах Никки оказала немалую помощь. Она отлично знала методы, какими действовали эти люди, где они прячутся, и обрушивалась на них, как волчица.

И те, кто так хотел заботиться о достатке и улучшении человечества, в конечном итоге стали жутко бояться той, кого на самом деле сами и породили: посланницу Смерти.

Пока еще было не ясно, распространится ли этот огонь свободы дальше по Древнему миру. Все это был еще довольно маленький огонек в огромном и темном месте, но Ричард знал, что такой огонь горит ярко и сильно.

На севере же дела обстояли совсем не так здорово. Поскольку Никки сняла свое заклятие, Ричард полагал, что теперь д'харианцы знают, где он, и пришлют гонцов. Кара была очень довольна, что снова может определить его местонахождение с помощью волшебных уз.

Ричард спокойно выслушал подробный рассказ Кары и Кэлен о том, как развиваются военные действия, и о том, что жители Эйдиндрила отправились в долгий и трудный путь в Д'Хару, чтобы весной Джеганю достался пустой город. И то, что лорд Рал нанес могучий удар по Древнему миру, укрепит их дух. И уж тем более добавит им мужества то, что Мать-Исповедница сейчас вместе с лордом Ралом, и оба они живы и здоровы. От желающих доставить эти ценные сведения на север отбоя не было.

Вскоре вся Д'Харианская империя и те, кто покинул свой дом, чтобы укрыться под ее защитой, узнают о победе на юге. Вообще-то гонцы доставят гораздо большую ценность, чем хорошие новости: на самом деле они привезут надежду.

Деду Ричард тоже отправил послание.

Ричард никак не мог поверить, что его друг Уоррен погиб. Он знал, что это горе не скоро утихнет.

Отослал Ричард на север и еще кое-что.

Никки поведала ему, насколько привязан император Джегань к брату Нареву, об их долгих тесных отношениях, об их совместном видении будущего. Весной, когда Джегань наконец с триумфом подъедет к Дворцу Исповедниц, еще не подозревая, что победа пиррова, там его будет поджидать нанизанная на пику голова учителя.

Никки сплела вокруг нее защитное заклинание, чтобы уберечь от гниения и падальщиков. Ричард не хотел, чтобы у Джеганя возникли хоть малейшие сомнения в том, чья она.

В многолюдный город Алтур-Ранг вместе со свободой вернулись мир и спокойствие. Вернулась жизнь. Люди начали заниматься коммерцией. Буквально в считанные недели в продаже появилось большое количество самого разнообразного хлеба. Каждый день открывались новые предприятия. Ицхак заработал целое состояние, развозя товары, но у него уже стали появляться конкуренты. Набби пошел к нему работать. А Ричарда Ицхак просто умолял вернуться к нему на работу, когда выздоровеет. Ричард лишь посмеялся.

Фаваль, углежог, упросил Ицхака передать Ричарду приглашение в гости поужинать с его семьей. Фаваль купил фургон, и теперь его сыновья поставляли уголь.

Ричард облокотился на ограждение пирса и посмотрел вниз на воду, будто желая там увидеть, что готовит будущее.

Пирсы, дорога к ним и площадь — примерно все, что осталось от дворца. Ричард позаботился о том, чтобы магические формы сняли с верхушек колонн, и велел Приске расплавить их.

Ричард практически полностью восстановил силы. А Кэлен совсем выздоровела и была такой же красивой, какой он ее помнил. Хотя она изменилась. За год, что они провели врозь, лицо ее стало более зрелым. Всякий раз, как Ричард смотрел на нее, он жаждал заполучить в руки кусок мрамора и резцы, чтобы изваять ее в камне.

Плоть в камне.

Он оглянулся на площадь и полукружье колонн за ней. Рухнувшую колонну восстановили. А место назвали площадью Свободы. Идея Виктора. Ричард тогда поинтересовался, не стоит ли лучше назвать круг Свободы, поскольку она таки круглая, а не квадратная, но Виктор сказал, что площадь Свободы звучит луч-

ше..В конце концов, Виктор ведь первый, кто провозгласил себя свободным.

Кэлен тоже глянула на площадь.

— Что думаешь? — поинтересовался Ричард.

Она покачала головой, чувствуя себя явно более чем неловко.

— Не знаю, Ричард. Просто как-то странно видеть ее такой... большой. И белой.

— Тебе не нравится?

Кэлен быстро коснулась его ладони, успокаивая.

— Да нет, дело не в этом, просто она такая... — она растерянно поглядела на пирс, — большая...

В центре площади, где так недолго простояла изваянная Ричардом статуя, теперь возвышался мраморный монумент, который ваяли несколько скульпторов, привыкших работать на глазок, делая каменные воплощения страданий и смерти. Камиль тоже был там. Он учился работать по камню у мастеров. Его обучение началось с работы метлой.

Скульпторов нанял Ричард. С тем состоянием, что он заработал, помогая Ордену строить этот дворец, запросто мог себе это позволить. Скульпторы обрадовались этой работе, получив наконец возможность обменять ценность на ценность — свой труд на деньги.

Опытные скульпторы трудились, ваяя увеличенный вариант крошечной статуэтки «Сильная духом», которую Ричард сделал для Кэлен еще в горах, когда ей нужно было воочию лицезреть жизнестойкий, храбрый и непоколебимый дух. И теперь эта статуэтка превращалась в великолепное творение из лучшего кавалурского мрамора.

Бронзовое кольцо солнечных часов уцелело, и его установили на место. Воздвигнутая в центре статуя будет отбрасывать тень на часовой круг. И слова, которые тронули столь многих в тот день, отныне будут видны всем.

Кэлен идея в целом очень понравилась, но она провела столько месяцев со сделанной Ричардом статуэткой, что видеть ее столь увеличившейся в размере было как-то странно. Она с нетерпением ждала того дня, когда скульпторы закончат работу и она сможет заполучить назад свою статуэтку.

— Надеюсь, ты не возражаешь поделиться ею со всем миром, — сказал Ричард.

Кэлен мечтательно улыбнулась.

— Вовсе нет.

— Она всем нравится, — заверил он ее.

Чудесный звонкий смех Кэлен разнесся в теплом воздухе.

— Мне просто надо привыкнуть к твоей манере демонстрировать всем мое тело и душу.

Они наблюдали за тем, как скульпторы, работающие над развевающимся платьем, сверяются со сделанными Ричардом метками и реперными точками на деревянных скрепах, используемых для увеличительных работ.

Кэлен потерла ему поясницу.

— Как ты себя чувствуешь?

— Нормально. Теперь, когда ты со мной, я чувствую себя просто здорово.

— Пока я протыкаю тебя мечом? — рассмеялась Кэлен.

Ричард засмеялся с ней вместе.

— Знаешь, когда наши дети узнают, что их мать проткнула их отца мечом, ты будешь иметь довольно бледный вид!

— А у нас будут дети, Ричард?

— Обязательно.

— Ну, тогда я рискну стать объектом шуточек.

Теплый ветерок ерошил ей волосы. Ричард поцеловал Кэлен.

Ричард наблюдал за птичками, которые взлетали, садились, и кружили над белыми мраморными колоннами среди зеленой травы.

Кэлен счастливо прижалась к плечу Ричарда. Они наблюдали за исполненными гордости и улыбающимися людьми, трудящимися над статуей, возвышавшейся перед этими колоннами.

В Алтур-Ранге воцарился новый дух.

В бывшем сердце Имперского Ордена бился дух свободы.

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА АСТ

ПРИОБРЕТАЙТЕ КНИГИ ПО ИЗДАТЕЛЬСКИМ ЦЕНАМ
В СЕТИ КНИЖНЫХ МАГАЗИНОВ «Буква»

В Москве:

- м. «Алтуфьево», ТРЦ «РИО», Дмитровское ш., вл. 163, 3 этаж, т. (495) 988-51-28
- м. «Бауманская», ул. Спартаковская, д. 16, стр. 1, т. (499) 267-72-15
- м. «ВДНХ», ТЦ «Золотой Вавилон — Ростокино», пр-т Мира, д. 211, т. (495) 665-13-64
- м. «Каховская», Чонгарский б-р, д. 18а, т. (499) 619-90-89
- м. «Коломенская», ул. Судостроительная, д. 1, стр. 1, т. (499) 616-20-48
- м. «Новые Черемушки», ТЦ «Черемушки», ул. Профсоюзная, д. 56, 4 этаж, пав. 4а-09, т. (495) 739-63-52
- м. «Парк культуры», Зубовский б-р, д. 17, т. (499) 246-99-76
- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, д. 52, к. 2, т. (499) 306-18-98
- м. «Преображенская площадь», ул. Большая Черкизовская, д. 2, к. 1, т. (499) 161-43-11
- м. «Сокол», ТК «Метромаркет», Ленинградский пр-т, д. 76, к. 1, 3 этаж, т. (495) 781-40-76
- м. «Тимирязевская», Дмитровское ш., д. 15/1, т. (499) 977-74-44
- м. «Университет», Мичуринский пр-т, д. 8, стр. 29, т. (499) 783-40-00
- м. «Царицыно», ул. Луганская, д. 7, к. 1, т. (495) 322-28-22
- м. «Шукинская», ТЦ «Шука», ул. Шукинская, вл. 42, 3 этаж, т. (495) 229-97-40
- м. «Ясенево», ул. Паустовского, д. 5, к. 1, т. (495) 423-27-00
- М.О., г. Зеленоград, ТЦ «Зеленоград», Крюковская пл., д. 1, стр. 1, 3 этаж, т. (499) 940-02-90
- М.О., г. Люберцы, ТЦ «Светофор», ул. Побратимов, д. 7, 4 этаж, т. (498) 602-82-65

В регионах:

- г. Владимир, ул. Дворянская, д.10, т. (4922) 42-06-59
- г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, д. 46, ТРЦ «ГРИНВИЧ», 3 этаж
- г. Калининград, ул. Карла Маркса, д. 18, т. (4012) 66-24-64
- г. Краснодар, ул. Дзержинского, д. 100, ТЦ «Красная площадь», 3 этаж, т. (861) 210-41-60
- г. Красноярск, пр-т Мира, д. 91, ТЦ «Атлас», 1, 2 этаж, т. (391) 211-39-37
- г. Пенза, ул. Московская, д. 83, ТЦ «Пассаж», 2 этаж, т. (8412) 20-80-35
- г. Пермь, ул.Революции, д. 13, 3 этаж, ТЦ «Семья» т. (342) 238-69-72
- г. Ростов-на-Дону, г. Аксай, Новочеркасское ш., д. 33, ТЦ «Мега», 1 этаж, т. (863) 265-83-34
- г. Рязань, Первомайский пр-т, д. 70, к. 1, ТЦ «Виктория Плаза», 4 этаж, т. (4912) 95-72-11
- г. С.-Петербург, ул. 1-я Красноармейская, д. 15, ТК «Измайловский», 1 этаж, т. (812) 325-09-30
- г. Самара, ул. Дыбенко, д. 30, ТЦ «Космопорт», 1 этаж, т. 8-937-202-65-09
- г. Тольятти, ул. Ленинградская, д. 55, т. (8482) 28-37-67
- г. Тула, ул. Первомайская, д. 12, т. (4872) 31-09-22
- г. Уфа, пр-т Октября, д. 34, ТРК «Семья», 2 этаж, т. (347) 293-62-88
- г. Чебоксары, ул. Калинина, д. 105а, ТЦ «Мега Молл», 0 этаж, т.(8352) 28-12-59
- г. Челябинск, пр-т Ленина, д. 68, т. (351) 263-22-55
- г. Череповец, Советский пр-т, д. 88, т. (8202) 20-21-22
- г. Ярославль, ул. Первомайская, д. 29/18 , т. (4852) 30-47-51

Широкий ассортимент электронных и аудиокниг
ИГ АСТ Вы можете найти на сайте www.elkniga.ru

Заказывайте книги почтой в любом уголке России
123022, Москва, а/я 71 «Книги – почтой» или на сайте: shop.avanta.ru

Курьерская доставка по Москве и ближайшему Подмосковью:
Тел/факс: +7(495)259-60-44, 259-41-71

Приобретайте в Интернете на сайте: www.ozon.ru

Издательская группа АСТ www.ast.ru
129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж
Информация по оптовым закупкам: (495) 615-01-01, 232-17-06,
факс 615-51-10, E-mail: zakaz@ast.ru

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству AST Publishers.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Гудкайнд Терри
**Шестое Правило Волшебника,
или Вера падших**

Ответственные редакторы Е.А. Барзова, Г.Г. Мурадян
Художественный редактор О.Н. Адаскина
Компьютерная верстка: С.Б. Клещёв
Технический редактор О.В. Панкрашина

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

ООО «Издательство АСТ»
141100, Россия, Московская обл., г. Щелково, ул. Заречная, д. 96
Наши электронные адреса: WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

Широкий ассортимент электронных и аудиокниг
ИГ АСТ Вы можете найти на сайте www.elkniga.ru

ООО «Издательство «Астрель»
129085, г. Москва, пр-д Ольминского, д. 3а

Издано при участии ООО «Харвест». ЛИ № 02330/0494377 от 16.03.2009.
Ул. Кульман, д. 1, корп. 3, эт. 4, к. 42, 220013, г. Минск, Республика Беларусь.
E-mail редакции: harvest@anitex.by

Республиканское унитарное предприятие
«Издательство «Белорусский Дом печати».
ЛП № 02330/0494179 от 03.04.2009.
Пр. Независимости, 79, 220013, Минск, Республика Беларусь.

Зло в мире можно победить, но — возможно ли убить его? Ведь Тьма, уничтоженная однажды, ждет лишь часа, чтобы вернуться вновь. Ждет — и набирается сил...

Позабыл, позабыл об этом Ричард Сайфер, Искатель Истины! Ибо победил он шимов, подземных духов, и вернул в мир магию. А с магией возвратилось в мир и затаившееся доселе Зло.

И на волоске висит теперь не только жизнь возлюбленной Ричарда Кэлен, но и судьба всего мира. Ибо сноходец Джеганъ, побежденный однажды, жаждет отмщения, и теперь власть его — много выше, чем раньше. Снова отправляется Искатель Истины сражаться с силами Мрака. Отправляется, чтобы победить — или погибнуть. Отправляется, чтобы кровью своей заслужить право на постижение Шестого Правила Волшебника...

Век Дракона

ISBN 978-5-17-050828-0

www.eksmo.ru
www.ast.ru